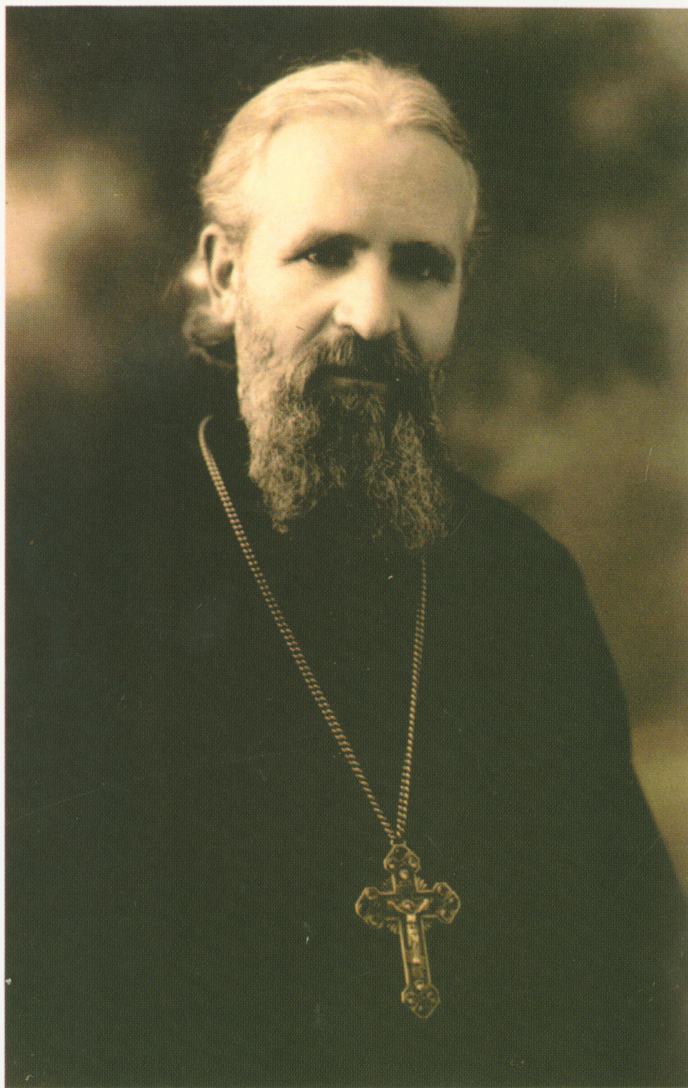

Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский
Касабланка, Марокко, 1957 год

Епископ Митрофан
(Зноско-Боровский)

Хроника одной жизни

Воспоминания

Проповеди

Москва
Издательство Свято-Владимирского Братства
2006

Епископ Митрофан (Зноско-Боровский)

**Хроника одной жизни: Воспоминания, проповеди
/ Предисловие иерея Андрея Папкова. — М.: Изда-
тельство Свято-Владимирского Братства, 2006. — 592 с.**

ISBN 5-900249-04-2

Епископ Митрофан Бостонский (1909–2002) прожил жизнь долгую, многотрудную, назидательную. 56 лет он служил в священническом сане в Белоруссии, Брест-Литовске, в лагере для перемещенных лиц (Менхегоф) в Германии, в Марокко и США. Последние 9 лет жизни владыка был викарием Восточно-Американской епархии с титулом епископа Бостонского. Многие духовные лица пользовались советами владыки Митрофана, опираясь на его опыт и высокий нравственный авторитет.

Предлагаемая читателю книга содержит воспоминания владыки Митрофана и его проповеди, издание дополнено словарем персоналий, составленным Г. Кремневым.

© А. М. Жохова, В. М. Гансон, 2006

© Издательство Свято-Владимирского Братства, 2006

Подготовка текста, составление, макет

Предисловие

ПАМЯТИ ЕПИСКОПА МИТРОФАНА (ЗНОСКО-БОРОВСКОГО)*

2/15 февраля 2002 года, в праздник Сретения Господня, ровно в 10 ч. утра, в момент начала Божественной Литургии, после краткой болезни ушел в иной мир владыка епископ Митрофан. Окончилась жизнь большая, многотрудная и назидательная.

Нелегко писать об ушедшем близком человеке, и эта задача усугубляется еще тем, что покойный владыка не был рядовым пастырем, а был широко известен своей деятельностью в церковных и общественных кругах как в эмиграции, так и в России. Мнения о нем, самые противоречивые, сложились уже давно. Беспристрастная же оценка его личности принадлежит церковным историкам будущего. Тем не менее, сыновний долг, долг любви и благодарности владыке за все то, что он дал нам, его младшим сослужителям и воспитанникам, понуждает меня сказать свое слабое слово в память о нем.

Митрофан Константинович Зноско-Боровский родился 4/17 августа 1909 года в городе Брест-Ли-

* Впервые опубликовано: Православная Русь. 2002. № 5.

товске в семье священника. В годы Первой Мировой войны его отец был полковым священником в 8-м Финляндском стрелковом полку и за доблесть был награжден рядом орденов, а также золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Мать владыки умерла от тифа, когда ему было девять лет, и дальнейшее его воспитание взяла на себя старшая сестра Ольга. Двое из его братьев – Арсений и Алексей – также послужили Богу в сане священников; старший Арсений был замучен коммунистами в 1925 году, младший Алексей, ныне покойный, служил в Польской Православной Церкви и также немало потерпел от богоборцев за свою церковную деятельность, проведя в заключении восемь лет.

Окончив гимназию в Брест-Литовске и решив стать на путь служения Церкви, студент Зноско поступил на Богословский факультет Варшавского университета. В то время Православная Церковь в Польше переживала тяжелый период в связи с насильственной полонизацией Церкви, проводимой польским правительством. Молодому Митрофану, отстаивавшему на Богословском факультете русские интересы, пришлось вынести немалую борьбу. Она окончилась его переводом на Богословский факультет Белградского университета в качестве личного стипендиата Патриарха Варнавы. Помимо прохождения богословских наук, Митрофан Константинович за послушание ежедневно посещал блаженнейшего Митрополита Антония во все время своего пребывания в Белграде. Эти назидательные встречи с великим иерархом дали юному Митрофану едва ли не больше, чем формальное изучение наук. В этот же белградский период своего бытия молодой студент сблизился с иеромонахом Иоанном (Максимовичем), бывал в доме его родителей и присутствовал на его хиротонии во епископа Шанхайского. Духовная и дружеская связь отца Митрофана и святителя Иоанна продолжалась до блаженной кончины последнего.

Окончив белградский Богословский факультет в 1934 году, Митрофан Константинович вернулся в Польшу и, сдав соответствующее экзамены и удовлетворив все требования Богословского факультета Варшавского университета, был удостоен ученой степени магистра богословия.

Вступив в брак с дочерью протоиерея города Бельска Александрой Семеновной Цыбрук, Митрофан Константинович был рукоположен 1 сентября 1935 года во диакона в г. Пинске, а 12/25 июня 1936 года в день преподобного Онуфрия Великого в Яблочинском монастыре Архиепископ Александр Пинский и Полесский рукоположил отца Митрофана в сан пресвитера.

56 лет в священническом сане – период наиболее напряженной и сосредоточенной пастырской работы отца Митрофана. Скупые даты отмечают эти вехи:

1) 1936–1938 гг. Успенский приход села Омеленец в Белоруссии.

2) 1938–1944 гг. Свято-Николаевский храм в Брест-Литовске.

3) 1944–1948 гг. Скитания военного времени по Германии и Австрии. Лагерь Менхегоф.

4) 1948–1959 гг. Успенский храм в Касабланке (Марокко).

5) 1959–2002 гг. Свято-Серафимовский храм в Сиклиффе, штат Нью-Йорк (США).

Особенно плодотворным периодом пастырской деятельности отца Митрофана был марокканский, когда он был назначен Архиерейским Синодом на должность администратора церквей Северной Африки. Здесь батюшке пришлось окормлять многотысячную эмигрантскую паству в разных точках ее североафриканского рассеяния. Кроме душепопечения отец протоиерей занимался и храмостроительством, а также духовным окормлением всех местных русских общественных организаций. За выдающиеся заслуги перед Церковью указом Архиерейского Синода от 17 декабря 1954 года за № 1991 протоиерей Митрофан Зноско был награжден митрой. В этот период ближайшим к Африке иерархом был Архиепископ Иоанн (Максимович), проживавший тогда

в Париже, с которым отец Митрофан поддерживал постоянную связь. К этому времени относится чудо исцеления от полиомиелита старшей дочери отца Митрофана Анны, по молитвам святителя Иоанна.

Последний и самый длительный – 42 года – период служения отца Митрофана протекал в Си-Клиффе, предместье города Нью-Йорка. Приехав в Америку в 50-летнем возрасте, умудренный уже богатым пастырским опытом и суровой жизненной школой (ранняя потеря матери, голод, преследования за Православие и русскость от польских властей, допросы с пристрастием в НКВД во время советской оккупации Бреста), закаленный житейскими трудностями, но еще полный сил и энергии, – отец Митрофан находился «в личном ведении Митрополита Анастасия», который вменил ему в послушание являться ежемесячно для беседы. Владыка Митрополит ценил способности и личные качества отца Митрофана и возлагал немалые надежды на его помощь по церковной администрации.

Однако по совести нельзя умолчать о том, что ближайшее окружение старца-митрополита – скорее по ряду личных причин – отнеслось совсем иначе к отцу Митрофану, и надежды владыки Анастасия не сбылись. Много скорбей пришлось претерпеть батюшке за годы его служения в Америке. Людская злоба, нападки, недостойная клевета, нелепые обвинения, исходящие иногда и из церковных кругов – в экуменизме, солидаризме, сотрудничестве с КГБ, – все это батюшка стойко претерпевал, всегда помня, за Кого ему приходится терпеть. Св. Евангелие учит о том, что человек познается по приносимым им плодам. Поэтому вполне уместно здесь заявить со всей ответственностью о той истине, что владыка Митрофан принес обильный духовный плод как в эмиграции, так и в России своим живым и также печатным словом. Что касается его злопыхателей, то плод их деятельности тоже налицо – Валентиновский раскол в России и Мансонвильский раскол в Америке, благодаря которым они остались вне церковной ограды. Имея уши слышать да слышит.

Пастырский облик почившего владыки отличался целостностью и целеустремленностью. Сознание того, что он воин Христов, стоящий на божественной страже в Церкви Воинствующей, никогда его не оставляло. В решении того или иного вопроса он руководствовался своей пастырской совестью и тем, какой ответ он даст Пастыреначальнику Христу.

Строгий к себе, ласковый и снисходительный к окружающим, он был поистине пастырем добрым, душу свою полагавшим за овцы. Многих он буквально спас от смерти в застенках НКВД при советской оккупации Белоруссии. Спасал он и евреев, укрывая их от фашистских палачей, подвергая себя при этом смертельной опасности. Жил батюшка жизнью своих пасомых, радуясь их радостями и скорбя их скорбями. Своих прихожан – «овец» – он знал и *«звал их по имени, и они за ним шли, потому что знали голос его»*. Поучительно было его отношение к больным. По возможности часто, а когда он еще управлял автомобилем – ежедневно, навещал он своих больных на дому и в больницах. Неоднократно слышал я от него слова «надо мне съездить туда-то, но сейчас не могу, потому что у меня в приходе столько-то тяжело больных или умирающих». В связи с этим он никогда не пользовался отпуском, пока не был назначен ему в помощь второй священник, да и тогда уезжал он очень редко. Особенно наглядно проявлялась его забота о пасомых в проскомидии. С какой тщательностью и любовью поминал он каждое имя, приходя в храм за много часов до начала Божественной Литургии. Пасомые отца Митрофана платили ему ответной любовью, что особенно выявилось на его отпевании, на которое издалека съехались его прихожане по Марокко, Германии и даже Бресту.

Помимо приходской деятельности, владыка Митрофан явился наставником многих пастырей нашей Церкви. В память своего старшего брата священномученика Арсения Владыка многие годы безвозмездно преподавал в Свято-Троицкой семинарии и при болезни Архиепископа Аверкия некоторое время был ее про-

ректором. Помнится, что в период его проректорства в быте семинарского общежития произошли некоторые положительные изменения. Были приобретены и установлены стиральные машины для семинаристов, и при этом отпала необходимость поездок в соседний городок, каковые всегда были связаны с получением разрешения от семинарского начальства. Да и сам порядок получения разрешения для отлучки из семинарии значительно упростился, что избавило нас, семинаристов, от многих ненужных осложнений с нашей инспекцией. Свой обычай посещения больных владыка практиковал и здесь.

Помню, я лежал больным с высокой температурой и несколько дней не мог посещать занятия. Вдруг открывается дверь, и входит отец Митрофан, приехавший на свои лекции из Нью-Йорка. Пододвинув стул поближе к моей постели, он сел и больше часа провел со мной, проявляя участие к болящему и живой интерес к моим занятиям и лично ко мне. Такие посещения не забываются.

На протяжении ряда лет Владыка вел разные предметы в семинарии. В годы моего обучения он преподавал Апологетику и Сравнительное богословие. Лекции его были чужды сухости и в то же время глубоко содержательны. Формулировки бывали меткими и точными. Запомнилось его высказывание об экуменизме – «если и произойдет экуменическое соединение церквей, то действительно такая церковь будет единой, но ни Святой, ни Соборной, ни Апостольской она от этого не станет». Свои лекции Владыка восполнял многими примерами из своего богатого жизненного опыта: например, когда он говорил о католицизме, то его суждения были основаны не на чем-то вычитанном из учебника, а на личном опыте общения с католической церковью в Польше. Отцом Митрофаном составлен учебник по Сравнительному богословию, которым сейчас широко пользуются в российских Духовных Академиях и семинариях. Его перу также принадлежат: «В защиту Правды» – сборник статей на церковно-об-

щественные темы, сборник проповедей по годовому кругу богослужений в двух томах под заглавием «Из миссионерско-пастырской деятельности на ниве Христовой в эмиграции», «Хроника одной жизни» – автобиографические очерки.

Многие духовные лица пользовались отеческими советами владыки Митрофана в своей пастырской практике. Многим помог он избежать неприятностей служебного порядка и, сам пройдя горнило подобных испытаний, неоднократно успешно защищал своих собратий от грозивших им административных взысканий.

В 1989 году ушла в иной мир верная спутница жизни отца Митрофана матушка Александра Семеновна. Приняв эту утрату с глубоким христианским смирением, отец Митрофан уже в следующем 1990 году призывается к архиерейскому служению. Несколько раз отказывался он от этого жребия, ссылаясь на свой преклонный возраст, но в конце принял его как волю Божию о себе.

Хиротония отца Митрофана во епископа состоялась в Монреале 11/24 ноября 1992 года в день Обретения Иверской мироточивой иконы Божией Матери. Последние 9 лет своей жизни владыка был викарием Восточно-Американской епархии с титулом епископа Бостонского, до последнего времени совершая богослужения и принимая активное участие в церковной жизни.

В наше беспокойное время, когда Церковь переживает смуты то с одной, то с другой стороны, когда перемены в России трудно понять и оценить нам, живущим в эмиграции, и одно и то же явление разными лицами оценивается здесь по-разному, нередко в нашей среде наблюдается брожение умов и смятение духа. В такой непростой обстановке личность епископа Митрофана заметно возвышалась над окружающими. Занимая скромное положение викарного епископа, Владыка в то же время обладал огромным нравственным авторитетом, и к нему за советом шли многие архиереи и священники как проживающие за границей, так и из России. Для всех нас он являлся живой связью с иерархами: Митрополи-

том Антонием, Митрополитом Анастасием, святителем Иоанном Шанхайским и другими столпами нашей Церкви. Сочетание образования, пастырского опыта и высоких личных качеств помогали Владыке давать точные и определенные ответы на задаваемые ему вопросы, и в силу этого он явился как бы нашей церковной совестью. Положительное отношение Владыки к происходящим в России переменам выразилось в его последнем Рождественском послании: «Наблюдая происходящее на родине нашей, чувствую и вижу приближение дня торжества Солнца Правды, дня, когда, огнем испытанная, Православная Россия займет ей положенное в семье народов место, восстановит и политическое, и нравственное равновесие во всем мире».

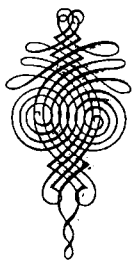
Вера в лучшее будущее России у Владыки не ограничивалась словами. Не один десяток тысяч долларов пожертвовал он на разные благотворительные цели в возрождающейся ныне России. Вообще же Владыка занимался широкой благотворительностью, и кто бы к нему ни приходил за материальной помощью, не уходил с пустыми руками.

В заключение хочу поделиться тем заветом, который дал мне Владыка при моем последнем его посещении примерно за неделю до его кончины, так как эти слова относятся не только ко мне, но могут служить духовным завещанием всем священнослужителям. Увидя меня первый раз в рясе с крестом на груди, Владыка, уже немощный и прикованный к постели, сказал мне следующее: «Приветствую тебя с рукоположением в иерейский сан. Будь готов терпеть людскую злобу и поношения за Христа. Будь строг к себе и помни, что мы служители Живого Бога, а не лакеи кого бы то ни было». Слова эти несомненно отразили пронесенный через всю жизнь личный пастырский опыт Владыки.

Отпевание епископа Митрофана совершил Высокопреосвященнейший Митрополит Лавр в сослужении епископов: Михаила Монреальского и Канадского и Александра Буэнос-Айресского и Южно-Американского и многочисленного сонма духовенства 5/18 февраля

в Свято-Серафимовском храме в Си-Клиффе. На следующий день, 6/19 февраля в Свято-Троицком монастыре Митрополитом Лавром была совершена торжественная панихида, после которой епископ Александр совершил погребение владыки Митрофана на монастырском кладбище рядом с могилой матушки Александры Семеновны. Вечная Тебе память, дорогой Владыко!

Иерей Андрей Папков

В о с п о м и н а н и я

**В память моих благочестивых родителей
протоиерея Константина и Веры
и моего верного жертвенного друга жизни
матушки Александры**

*Верный в малом и во многом верен,
а неверный в малом неверен и во мно-
гом
(Лк. 16, 10)*

*Служи верно... слушайся начальства;
за их лаской не гоняйся; на службу не
напрашивайся; от службы не отво-
рачивайся
(«Капитанская дочка»)*

Глава I

Ранние годы

1914 год, начало войны. Мой старший брат Сергей отправился на фронт, а за ним втихомолку, пользуясь домашней суматохой, исчезает из дома брат Георгий, которому в то время исполнилось шесть лет. Бросились его искать и перед самым отходом на фронт военного эшелона обнаружили его в солдатском вагоне, куда забрался он, скрывшись в углу, чтобы вместе со старшим братом защищать любимое Отечество.

В конце 1915 года покидает мой родной город Брест и отец с мамой и детьми, а было их у мамы 16 человек. Правда, многие из них умерли в детском возрасте, но все же к началу войны оставалось нас у мамы девять человек. Вся семья прибыла в город Елец, Орловской губернии.

Недолго оставался папа в должности законоучителя женской гимназии в Ельце. Как русский патриот и он, вслед за старшим сыном, уходит в армию с назначением военным священником 8-го Финляндского стрелкового полка.

По послужному списку папы знаю о полученных им на фронте отличиях: ордене св. Анны 3-й степени, св. Анны 2-й степени с мечами, св. Владимира 4-й степени с мечами и золотым Крестом на Георгиевской ленте, но никогда не слыхали мы из уст отца об этом периоде его жизни.

Только за границей, в Соединенных Штатах Америки, после Второй Мировой войны услышал я от полковника А.А. Гернгросс, сослуживца папы по армии, о мужестве и бесстрашии моего отца во время военных действий.

Вижу перед собою высокую фигуру моего папы, его суровое лицо, строгого к своей семье, к детям и в то же время чрезмерно доброго и отзывчивого к чужим, особенно к нуждам сельских батюшек, постоянно обращавшихся к папе со своими душевными язвами и материальными нуждами. Необычайно скромный в личной

жизни, папа воспринял жизнь как долг служения Богу и людям, Церкви и любимому Отечеству.

Никогда не заикнувшийся в разговорах с детьми о своих предках, отец лишь в одном штрихе дал нам о них представление, рассказав о кончине своего родителя, нашего дедушки. Когда дедушка заболел, папа служил в Виленской губернии. Получив от своей матери извещение о предсмертном состоянии дедушки, папа поспешил прибыть к одру умирающего.

– И вот, не успел я, войдя в комнату больного, его приветствовать, как раздался голос отца: Костя, возьми требник, дай мне зажженную свечу и читай отходную...

– Я, – рассказывал нам папа, – растерялся, и снова слышу голос отца: что ж ты медлишь, читай молитвы.

Дал я ему в руки зажженную свечу, читаю положенный канон, а он мне подпевает, забегая вперед в чтении тропарей канона, и только закончили мы пение и чтение тропарей канона и молитвы, – уснул мой отец, тихо отошел ко Господу.

В дни моего пребывания в 1932 году в Белграде получил я из Берлина от дяди Володи, родного брата моего отца, письмо. Он спрашивает: а знаешь ли ты что-либо о предках твоих?

– Нет, отвечаю я дяде, в нашей семье не бывало разговоров на эту тему, буду признателен, если вы, дядя, о них сообщите мне, и получаю ответ: у тебя есть отец, его долг поведать детям об их предках, к нему обратиться.

Что же ответил мне папа?

– Твой дядька дурак! После того, что произошло в России, зная, как безобразно и подло проявили себя те, на ком лежала ответственность за Государя и Православное Царство Российское, не время похваться предками. Помни, сын, не о звании и происхождении предков следует ныне думать, а так духовно себя создавать, чтобы по лицу земли расползающийся яд не отравил твою совесть, чтобы жизнь твоя была оправданием жизни твоих родителей и предков твоих. А если будут тебя спрашивать родословную, отвечай так: происхождения крестьянского, все мы от Адама – а Адам был землероб.

Из всего, что пришлось слышать из разговоров отца с близкими и ему дорогими людьми, вынес я впечатление, что дед мой по отцу ушел в духовное звание на покаянный подвиг за грехи своих предков, что же касается мамы – она из старинного духовного рода.

Город Елец. С любовью вспоминаю этот уютный город с его дивным собором и женским монастырем. В этом городе начал я мое школьное обучение. По окончании второго класса начального училища, якобы обнаружив во мне некоторые способности, папа решил перевести меня, минуя третий класс начального училища, в первый класс гимназии. Надо было сдавать экзамен. Готовил меня к вступительному экзамену в гимназию сам папа.

У способного, по мнению отца, ученика туговато продвигались уроки по арифметике, «лениво крутились шарики», и вот отец, чтобы привести их в движение, стукнул меня молотком по лбу. Насколько помогло это делу – не знаю, во всяком случае экзамен в первый класс гимназии сдал я успешно.

В последующие годы моей жизни не было случая, чтобы папа подверг меня физическому наказанию или выговору. Возможно, что страшный призрак над головой нависающего молотка помог мне с детских лет войти в колею жизни в послушании старшим и исполнении долга.

«Революция, по существу своему, сатанинское дело; ее может уничтожить только противоположный принцип» (де Местр).

Второй год учения в гимназии проходил уже под знаменами, залитыми кровью лучших сынов России Православной. Часто срывали нас со школьной скамьи и, под звуки «Вставай, проклятьем заклейменный», вели на полевые работы, на работы по уборке города и в огородах. Сгоняли и для участия в парадах, потчуют после парада пряниками. Не пряники нужны были нам – щей и хлебушка не хватало нам и родителям нашим.

Со второй половины учебного года разгул и развал, бушевавшие по всей стране, захлестнули и учебные заведения, детей и молодежь. Упразднили молитву и уроки

Закона Божия... «давай свободу», и началось то, что на наших глазах происходит ныне в благословенной Америке, а из Америки плывет в другие страны.

Духовное опустошение российской нации и моральный развал, с заменой России тремя «С» при одном «Р» (СССР), были в интересах пришедшей к власти над Христианской Державой международной банды – представительницы марксова Интернационала; в чьих же интересах лежит моральное разложение и духовное опустошение США?

Шествуя как-то ранним утром по улицам города Ельца, как вкопанный, остановился я перед памятником какого-то бородатого «дяденьки». Накануне не было его на этом месте, под прикрытием ночи появился он. Кто он – не знал я; это оказался Карл Маркс – сатанист.

Долго стоял я, всматриваясь в мрачное лицо этого беса. Останавливались проходившие мужчины, искоса поглядывая на него, останавливались и женщины, стояли и, глядя на него, с негодованием плевали, громко восклицая: ишь, чорта поставили... смотрите, дьяволом наш город опаскудили.

Народное чутье, интуиция простого верующего человека бывает безошибочной.

Тяжело переживали мы известие об отречении Государя. Помню, как негодовал отец наш поведением великого князя Николая Николаевича и командующих армией генералов, потребовавших от Государя отречения от престола.

А когда дошла до нас весть о зверском убийстве Государя и Его светлой семьи, всех нас – от старших до самого малого – охватило чувство беспросветного мрака.

Как-то спрашивает отец своего самого младшего сына: скажи, кем бы ты хотел быть, когда вырастешь? И был его ответ: цесаревичем Алексием.

Город Елец неоднократно переходил из рук в руки – от Белых к красным, от красных к Белым. Как-то, в дни занятия Ельца казачьими частями, ворвался в нашу квартиру молодой еврей. Его от страха бескровное лицо выражало мольбу о спасении.

Со словами «батюшка, спасите меня, меня хотят убить, я сбежал» он упал к ногам папы. Отец ласково обнял его, отвел в дальнюю комнату, успокоил, и он оставался у нас до окончательного занятия города красными.

Для христианина нет «ни эллина, ни иудея», в сознании и в сердце христианина действует закон Любви к каждому страждущему, помощи и утешения требующему.

Брат Сергей запечатлелся в моей памяти как одаренный художник, а Арсений – необычайной добротой. Услыхав, что неподалеку от нашего дома продают керосин, папа послал Арсения за керосином.

Арсений вернулся домой без керосина и без денег, и на суровый вопрос отца, где же керосин? ответил: папа, простите, возвращаясь домой, встретил я отца моего товарища по гимназии, он такой несчастный, сын его лежит больной, у отца нет денег, чтобы купить керосин, разогреть еду больному, – ему отдал я наш керосин.

Не рассердился папа на Арсения, полагаю, что и сам бы он так же поступил. Но в вопросе порядка и дисциплины папа был не строг, а суров.

Когда кто-либо из взрослых детей уходил, особенно в вечерние часы, из дому, должен был доложить отцу – куда он идет и когда вернется домой. Возвращавшемуся двери открывал сам папа.

Сергей, уже будучи в чине капитана, вернулся однажды на один час позже указанного им времени. Встречает его отец вопросом: который сейчас час? Брат назвал время.

– Так где же твоя точность, где твое слово?.. – и отдубасил его. А брат, держа руки по швам, повторял: папа, папа... это больше не повторится. Мы малыши, с головой закутавшись в одеяла, дрожали, прислушиваясь к происходившему.

Сiju как-то с братом Арсением, в Ельце закончившем гимназию. Любил я его дразнить, за что по заслугам получал от него тумаки. Кроме нас двоих в доме – никого.

Неожиданно входит согбенная старушка, направляется к Арсению и говорит: ты вскоре будешь священником, затем – резко повернулась ко мне, сказала: а ты проживешь 84 года, и ... удалилась.

На Арсении сбылось ее предсказание; в 1921 году Арсений женился на дочери соборного священника города Ельца и принял священство.

Закончить в городе Ельце третий класс гимназии не пришлось. Отец переехал из города в село Телегино, Елецкого уезда. Тяжелой была наша жизнь в деревне. Самые старшие сестры, Анисия и Татьяна, еще в Ельце вышли замуж. Ксения вышла замуж за священника, еще в Бресте, и жила в Виленской губернии.

Живя в Телегине, перенесли мы голод со всеми его тяготами. Вся семья переболела в тяжелой форме тифом, унеся в могилу маму и Сергея. Когда хоронили маму, я лежал в бреду на печи, видел у окон Крест и хоругви, не зная о том, что пришли унести мою мамочку на погребение.

Когда оправился от болезни и узнал о кончине мамы, я многие месяцы безутешно заливался слезами, так что папа стал опасаться, что это отразится на моем душевном состоянии.

Обращаясь к моему детскому сердцу, он говорил: не тревожь маму твоими слезами, своею любовью мама не оставила нас, мы должны хранить в сердцах наших ее светлый образ и, вспоминая ее наставления, радовать маму своим добрым поведением и любовью друг ко другу.

Ежедневно годами напевал я ее любимую грустную песню, и улетела из памяти песня мамы внезапно – с моей женитьбой. Тогда и вспомнил я отцом некогда сказанное: мама всегда с тобой своей любовью.

Да, в этой песне она всегда была со мною и, вручив меня, по Божьему Промыслу, сердцу чистой и доброй девушки, оставила меня. Принял я это как материнское благословение на брак.

Приблизительно через год после кончины мамы получили мы от сестры Ксении из Польши письмо. Она запрашивала, что с мамой? Ей явилась мама во сне и сказа-

ла, что она ушла в иной мир, назвала год, месяц и число своей кончины. Все даты были точными.

Сестра Ксения, в первый год возрождения Польской Республики, была замучена фанатиками римо-католиками за отказ ее мужа отца Василия Забрудного, посаженного в тюрьму и из тюрьмы бежавшего, передать им его приходский храм. Узнав о вдовстве папы, Святейший Патриарх Тихон предложил ему постриг и хиротонию во епископа, но обремененный малолетними детьми, отец не мог принять предложение Святейшего.

Голод заставил нас с братом Георгием (он был старше меня на один год) обзавестись цепами и наниматься у крестьян молотить снопы. Какими счастливыми были дни, когда крестьянин давал нам работу, расплачиваясь миской щей с куском хлеба! Не каждый день могли мы дома наслаждаться этим даром.

Когда отцу удавалось раздобыть хлебушек, он делил его на равные части по числу членов семьи, и этой порции должно было хватить на целую неделю. Некоторые из нас съедали недельный паек в 2-3 дня, оставаясь без хлеба в остальные дни, а вот самый младший, шестнадцатый сын мамы, воздерживался от употребления хлеба, он разрезал свою порцию на кусочки и делал сухари.

– Зачем ты это делаешь, – спросил его отец.

– Папа, ведь мы собираемся уезжать, так кто же нам в дороге хлебушек даст, вот этими сухариками и будем питаться...

Отец действительно собирался к отъезду из России – тогда уже из СССР – в Брест-Литовск, вошедший в состав Польши. Приходилось папе ходить «за волочебным» по крестьянским домам, кто что даст по своей милости. Мы с Георгием иногда сопровождали папу.

Крестьяне, сами голодные, не отклоняли протянутую руку священника, делились крохами, и как тяжело и больно было переживать, когда дважды встреченные комиссар и красногвардеец с площадной руганью вырывали у отца мешок с «волочебным» и, ударяя отца плетью, выбрасывали продукты на землю и топтали их.

Товарищи комиссары, реквизируя у крестьян скот, убивали и потрошили его всегда у окон нашей лачу-

ги, иного, более подходящего места для этого у них не было... И в семье не стало покоя, по несколько раз в неделю приходили за Арсением, уводили его на допросы с пристрастием, возвращался он домой избитым и измученным.

И что знаменательно: допрос брата, подвергая побоям, производил казавшийся прежде очень милым и мирным еврей. От голода началась у нас экзема, головы покрылись плотной корой лишая, а младшая из старших сестер, Оля, заменившая нам маму, совершенно лишилась волос и вынуждена была носить парик. В 1922 году покинули мы сатанизмом Маркса сраженного Великана – Отечество наше Православное.

Глава II

Начальная школа. Гимназия. Семинария

...Отец пропустил все официальные сроки возвращения беженцев на места их жительства до войны 1914 года. Возлагая надежду на милость Промыслителя, он направился в город Брест. Задержались в Минске для получения права на выезд из пределов СССР.

К счастью, в Минске встретил отец влиятельных евреев, знавших папу по Бресту и Ельцу. Одарив кое-кого из них имеющимися у него золотыми монетами, папа получил разрешение покинуть в голоде погибающий и в крови утопающий родной край.

На послужном списке отца красуется печать с надписью: «Препятствий к выезду нет. Нарком Юстиции Белоруссии. С. Левин». При проверке багажа отняли у отца большой, во весь рост, дивный образ великомученицы Варвары с крестом на груди, в котором была частица мощей святой мученицы.

Если в селе Телегине мы только почувствовали прелесть «народной» власти в голоде и в издевательствах над духовенством и его детьми, в Минске открылась нашему детскому взору вся беспощадная жестокость и сатанизм марковского коммунизма. Это уже была не российская власть, а власть трех «С» с одним «Р» предателем.

Красочной иллюстрацией к переживаемому народом новому положению были валявшиеся на улицах трупы умерших голодной смертью. Их взваливали на проезжавшие сани и увозили в общие могилы. Удручающая картина – на улицах житницы Европы груды от голода умерших и замерзших трупов! В ничто превращен человек, уничтожена Личность.

...Наше прибытие в Брест оказалось своевременным: и. о. настоятеля Братской Свято-Никольской церкви, в которой отец служил с 1907 по 1914 год, уезжал к своей семье в СССР.

В собственном доме отца освободилась одна комната, в ней поначалу и разместилась наша семья. В остальных комнатах, разделив их перегородками, жили несколько еврейских семейств.

С занятием места настоятеля Братского храма, в постройке которого папа принимал участие, мы переехали в приходский дом, предоставив освободившуюся комнату русским бойскаутам, объединявшим в своих рядах более ста человек русской детворы и молодежи.

Не имея средств, чтобы прокормить семью, отец отправил сестер и братьев к зятю, мужу покойной Ксении, бежавшему из Виленской тюрьмы на Полесье, где и священствовал неподалеку от города Кобрина. Меня папа оставил при себе. Почему меня – остается для меня загадкой и по нынешний день. Один может быть у меня ответ: с кончиной мамы, когда братья и сестры были заняты работой на сжатых полосах – собирали колосья, кусочки дерева и щепки, собирали и коровий помет, высушив который, использовали для топлива – я занимался кухней.

Неудачный вышел из меня повар. Правда, готовка пищи была простая – вода, щепотка соли, лебеда или крапива, не всегда крупа и картофель.

Приготовив однажды обед, дал я брату Алеше попробовать суп, и что же?

– Немного вкуснее, чем простая вода, – сказал он.

Не этот ли опыт имея в виду, оставил при себе меня папа в роли «кухтика»?

Еще когда мы ютились в одной комнате отцовского дома, приходили к папе преподаватели гимназии, и я, следуя указаниям отца, готовил им закуски и чай.

Возник вопрос определения троих братьев в гимназию. Хотя я и закончил в городе Ельце два класса гимназии, принимая во внимание незнание нами польского языка, папа решил определить меня в первый класс гимназии.

Приехали мы в Брест к Пасхе, начали посещение гимназии с осени 1922 года. Как прихожане, так и учителя русских учебных заведений с любовью встретили папу.

Тяжелым был первый год нашей жизни в Бресте. Приехали мы из СССР голодные, золотушные, оборванные. Средств на жизнь нет. Примус и керосиновая лампа, сковорода и несколько кастрюлек были единственными принадлежностями хозяйства, не всегда можно было и керосин в лавчонке получить.

Услышав в это тяжелое для нас время о прибытии в город б. военного священника, заглянул к нам все потерявший одинокий б. офицер. Произвел на старшую сестру Анисию (потерявшую в боях в районе Киева своего первого мужа и оставшуюся с грудным ребенком на руках) неизгладимое впечатление.

Много выстрадавшая, пешком добравшаяся из Киева в село Телегино, Елецкого уезда, и на этом пути похоронившая от голода умершего ребенка Анисия приняла его за своего первого мужа: та же военная форма, тот же рост, поразительное внешнее сходство.

Несколько раз посетил он наш дом, решил и в хозяйственных нуждах принять участие. Он предложил папе по дешевке целый бочонок керосина. И отцу это было выгодно, и бедному офицеру-скитальцу поддержкой.

Бочонок оказался наполненным водой, покрытой толикой керосина. Возможно, не при чем тут офицер, не исключена вина лавочника, во всяком случае, отец никого не бранил.

На помощь с одеждой и продуктами откликнулись сектанты, о которых до войны 1914 года не ведал го-

род Брест – их не было в городе, и евреи. Предложение первых папа отклонил, принял помощь от еврейской общины, которая оказала нам в своем госпитале и нужную медицинскую помощь. Они уже знали, как папа спас в Ельце жизнь молодого еврея, оказавшегося сыном раввина.

...После кончины нашей праведницы мамы папа ежедневно, до своей краткой болезни, унесшей его в 1943 году в могилу, совершал Литургию.

До эвакуации в город Елец, во время войны 1914 года, папа был уездным надзирателем церковных школ и председателем епархиального училищного совета. Любил он книгу, интересовался новинками в литературе, читал и перечитывал классиков, болея душой за не понятого критиками Гоголя.

Дважды Варшавский Митрополит Дионисий предлагал ему архиерейскую кафедру, но по скромности папа отклонял – как сам он выразился – незаслуженное внимание, предпочитая вести пастырскую миссионерскую работу в сане приходского священника.

Из-под пера папы вышли два акафиста: Жировицкой Б. М. и преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому, неустрашимому защитнику жестоко папством гонимого Православия, а также капитальные работы, как «История унии» в двух частях, «Римская неправда», «Латинизация Православного Богослужения в униатской церкви», ряд житий святых.

Последние годы своей жизни папа работал над критическим разбором переводов богослужебных книг на польский и украинский языки с точки зрения несоответствия их с догматическим и нравственным учением Христовой Церкви Православной. Этот капитальный труд остался в рукописи и, по всей вероятности, печальная участь постигла его.

Трудился папа и над «Спутником христианина», так хочется мне назвать его кропотливую работу над составлением молитв (по возможности кратких), вводящих богомольцев в осмысленное участие в богослужении. Ведь большинство приходящих в храм не понимают богослужения, в нем не участвуют и лишь присутствуют на нем.

Не понимают, хотя и изучали полный курс Закона Божия в свои ученические годы.

Припоминается разговор верующей дамы, друга моей семьи, с весьма почтенным моим прихожанином, сыном известного в эмиграции профессора, в Императорской России закончившим среднее образование и два курса Московского Университета.

– Завтра, – говорит ему дама, – я не приду на работу.

– Почему? – спрашивает ее почтенный господин.

– Завтра первая Литургия Преждеосвященных Даров, и я никогда не пропускаю эту дивную службу.

– А что это такое, что за служба? – снова спрашивает ее почтенный верующий господин.

– Как, вы, воспитанник старой русской школы, не знаете, что такое Литургия Преждеосвященных Даров?

– восклицает дама, и слышит в ответ:

– А зачем мне это знать, это дело священника...

Это случай не единичный. А будь у каждого в руках за церковной службой книжка с молитвами, вводящими его в содержание совершаемого священником чина вечерней службы и Литургии, было бы меньше в рядах наших верующих церковно-неграмотных и скучающих за богослужением мирян.

Получив место настоятеля блестящего по своему составу и хозяйственному положению Брестского Никольского прихода, папа был назначен и законоучителем русских начальной школы и четырех классов гимназии.

В старших классах гимназии преподавал Закон Божий о. Стефан Жуковский, товарищ папы по Виленской Семинарии, человек разносторонне образованный, книжный, но крайне честолюбивый.

Первым делом отца как настоятеля прихода была передача Русскому Благотворительному обществу в безмездное пользование приходских домов: двухэтажного каменного, в котором в две смены происходили занятия начальной школы и гимназии, и большого деревянного здания – громадной залы со сценой, в которой до возведения большого каменного трехпрестольного помещался Никольский храм.

Дело Божие – сверхнационально, и в то же время, содействуя духовному росту каждой нации, Благая Весть сливает их в одну Семью в лоне Кафолической Христовой Церкви Православной.

По воле моего отца, в громадном приходском доме, кроме семьи настоятеля и церковного сторожа, бесплатно проживали вдова-матушка со своими детьми и внучкой, учитель пения с семьей, две сестры-старушки, размещались украинское Общество «Просвита» и Библиотека Русского общества.

Существовала в Бресте и украинская двухклассная начальная школа. Национальной розни в приходе не было, чувство христианского единства было отличительной чертой православной общественности этого города... до вторжения в наш город в 1941 году немцев.

Бельмом в глазу польских властей, собственно – губернатора Костек-Бернацкого, была русская гимназия. Русские учебные заведения неоднократно подвергались притеснениям со стороны властей. Последним их требованием, во второй половине 20-х годов, было перенести гимназию к началу нового учебного года в помещение с коридорной системой, с угрозой закрытия гимназии, если это требование не будет удовлетворено.

И что же? За два месяца (июль и август) требование школьных властей было удовлетворено: к существовавшей зале, служившей для устройства балов и для гимнастических упражнений в ненастную погоду, пристроили двухэтажный деревянный дом буквой «Г». Внизу и наверху – классы, кабинет директора и учительская, физический кабинет, а в длину всего здания – коридор и раздевалка.

Власти были поражены быстроте, с которой русская общественность справилась с тяжелой, поставленной перед ней властями задачей.

Столпом русской общественности были Никольский Братский приход с его настоятелем и милейший, всегда улыбавшийся патриот Державной России, врач Божией милостью – др. Павел О. Король, бывший членом Польского сейма от русского меньшинства.

Начальную школу все годы бесменно возглавлял Андрей Р. Васильюк, в гимназии директора менялись. Среди преподавателей выделялись, в младших классах – строжайший А. С. Зданович, любимец учеников, в котором все мы чувствовали и доброго наставника и отца, и Л. Н. Жукович, дочь дореволюционного митрофорного протоиерея, совмещавшая преподавание математики в младших классах с исполнением должности инспектрисы.

В старших классах – директор Тушинский, блестящий латинист, опытный администратор, В. В. Петручик – не менее блестящий преподаватель русской литературы, принявший в 30-х годах священство, сухой суровый математик М. М. Шубкин и вступавший в спор со знаменитым Эйнштейном учитель физики, чудаков и женолюб В. Е. Никонович.

Своей добротой и любовью к ученикам выделялся еще преподаватель истории и латыни С. М. Савашинский, влюбленный в эпоху так наз. «Возрождения» и гуманизма, говоря о нем как о великом завоевании человечества. Не отдавал милейший Сергей Михайлович себе отчета в том, что эпоха «Возрождения» являлась возвращением к язычеству, уходом от Христа, и в том, что т. наз. гуманизм – это башня без фундамента, что в нем отвергнута Истина, установлен формалистический подход к человеку, при котором преступление рассматривается как нарушение правопорядка, установленное людьми, и не понимается как ответственность перед Истиной: в гуманизме Бог исключен из жизни мира.

Была среди учителей и придирчивая Е. И. Чечет, также преподавательница истории.

Атмосфера в гимназии, а гимназия была смешанная, в полном смысле девственная, и тон в этом смысле задавала старая дева – инспектриса Л. Н. Жукович. Задолго до начала занятий появлялась она в гимназии, становилась недалеко от входных дверей, встречая своим пронизательным взглядом каждого входящего ученика и ученицу.

Всех учащихся обязывала форма. Первые годы по прибытии в Брест не было у папы средств обеспечить

всех троих сыновей форменными для гимназии костюмами. Я приходил на уроки в женских туфлях на высоких каблуках, ноги в обмотках, на плечах зеленого цвета солдатская куртка.

Не было случая, чтобы товарищи по классу или девушки посмеялись или подшутили над моим «костюмом». Зная, что мы недавно прибыли из СССР, и строгая Л. Жукович никогда не сделала мне замечания. Обратила внимание на мой для гимназии не подходящий вид лишь одна учительница истории Е. Чечет.

– Надо в гимназию приходить в форме, – резко отчеканила она, на что я ответил:

– Потрудитесь, в таком случае, дать на это средства...

Замечательным был преподаватель естествознания Владимир Николаевич Валенков. Любитель природы, он водил нас на экскурсии, учил видеть в каждой былинке запечатленную мудрость Творца. Он жил и был движим красотой окружающего человека мира, в котором видел и прославлял величие и Божию Премудрость.

Внук крестьянина, он рассказывал нам, как его дедушка-крестьянин, обладавший недюжинными способностями и энергией, с благословения своего родителя, поселился в Петербурге и там после ряда лет упорного труда стал фабрикантом, женился и дал всем своим детям и внукам высшее образование. Владимир Николаевич был доцентом университета в Петербурге. С нежной любовью говорил он нам о своем дедушке и о своих родителях.

В. Валенков скончался 31 декабря 1971 года в г. Ольденбурге (Германия). На 40-й день его кончины собрались в Си-Клиффе его ученики, проживающие в Нью-Йорке и его пригородах, совершили панихиду и разделили в моем доме поминальную трапезу, за которой было мною сказано слово в память дорогого наставника:

«Владимир Николаевич был человеком больших дарований. Избранный доцентом Петербургского университета, он получил возможность служить делу просвещения. Жизнь сулила ему большую карьеру ученого, в котором дивно сочетались чистые научные представления с глубокой, по-детски чистой верой в Творца все-

ленной. Судьба забросила Владимира Николаевича в Брест, ставший ему родным городом. И здесь как преподаватель русской гимназии он проявил не только знание своей научной области, но и любовь к своему делу. И как воспитатель Владимир Николаевич зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он как бы самой природой был приспособлен руководить молодежью. Своим общительным и мягким характером, любящим сердцем, ласковым обхождением и деликатностью Владимир Николаевич помогал учащимся юношам формироваться в духовно здорового и нравственно крепкого человека, сам являя пример поразительного трудолюбия, принципиальности, самоотверженной любви к своему долгу, необычайной скромности и редко ныне встречающейся сдержанности в слове. Весь его духовный и нравственный облик был достоин внимания и преклонения. Часто приходилось мне проводить летнее время в лагерях скаутов нашей гимназии (Владимир Николаевич был опекуном этой организации), и проводить многие часы в прогулках с ним. И вот на этих прогулках Владимир Николаевич раскрывал перед нами живую книгу Божией Премудрости – природу, нас окружавшую, в которой все свидетельствует о величии Творца. На прогулках мы чувствовали в лице нашего учителя друга, старшего заимательного товарища. Помню, в дни лагерной жизни, в летние месяцы, некоторые из его наставлений:

– Избегайте безделья, – говорил Владимир Николаевич. – Устали от работы? Возьмитесь за другую. Перемена деятельности является самым лучшим условием отдыха.

– Внимание и ваши усилия направляйте, прежде всего, на себя; научитесь бороться со своими немощами, тогда станете пригодными и полезными в общем деле на благо России. России нужны люди с крепкими убеждениями. А крепкие убеждения приобретаются не на базарной площади и не в партийной болтовне, они добываются серьезным и упорным трудом познания России как Христианской Православной страны.

– Не забудьте, юные друзья, что воля вырабатывается серьезным и упорным трудом над собой.

Тяжелый жизненный путь пройден нашим дорогим учителем. Верю – путь его земной жизни служит залогом того блаженного пути в Новую Жизнь, на который вступил наш добрый почивший учитель и наставник».

Как уроженец Виленской губернии, входившей в состав Польской республики, возбудил папа перед губернским управлением ходатайство о признании за ним польского гражданства. Три раза возбуждал отец это ходатайство, всякий раз получая отказ. Решил начать дело в четвертый раз.

В это время на посту Полесского губернатора был г. Млодзяновский. Папа отправился к нему лично. Губернатор приветливо принял папу, расспросил о деле и был удивлен, что отец, уроженец местного края, трижды получил отказ в гражданстве. В разговоре выяснилось, что сам г. Млодзяновский бывший офицер Русской Императорской Армии.

Узнав о том, что папа был военным священником, губернатор увлекся воспоминаниями о России, о боях, в которых, оказалось, оба участвовали.

Разговор шел на русском языке, появилось на столе кофе со сдобными булочками. Отведя душу в воспоминаниях о прошлом, Млодзяновский вызвал чиновника и приказал принести ему личное дело священника К. Зноско.

Просматривая толстенную папку с бумагами, он, не скрывая своего возмущения, сказал:

– Простите, батюшка, я не знал, что в вашем лице сидит передо мною первый враг Польской республики, крупный украинский деятель...

Папа пытался ему возразить, но губернатор резко оборвал отца:

– Я знаю, что все это вздор, достаточно мне личной с вами беседы, чтобы убедиться в этом. Садитесь поудобнее к столу и пишите новое прошение.

Он дал отцу лист бумаги, ручку и продиктовал текст прошения, а все доносы, лежавшие в папке, порвал и выбросил в кошелку для мусора.

Когда папа закончил писать прошение, губернатор спросил:

– А знаете ли вы, кто является автором всех кляуз на вас? Они вышли из-под пера первого благочинного Полесской епархии о. С. Ж.

На третий день после встречи с губернатором отец получил признание за ним польского гражданства.

Благочинный, автор доносов на отца, был моим законоучителем. Знали мы, братья, все его проделки в отношении нашего отца, но это никак не отражалось на нашем к нему почтительном отношении как нашему духовнику и законоучителю.

Сейчас вспоминаю, с каким трепетом приходили мы к нему на исповедь и с каким облегчением удалялись мы от Креста и Евангелия, от Христа-Спасителя, чрез него принявшего нашу исповедь. Несмотря на его поступки, он был для нас Христовым пастырем, за свои дела ответственным перед Судьей Нелицеприятным.

Много пришлось отцу пережить и по должности законоучителя русской гимназии. Несколько раз начальник школьного округа лишал его прав преподавания и, как оказалось, по проискам того же лица. Успокоились, когда папа, по совету почтенного чиновника, сдал письменный экзамен по польскому языку. Этим, сказал чиновник, вы навсегда выбьете козыри против вас у ваших завистливых недоброжелателей.

Отец мой никогда не занимался политикой, никогда не принадлежал ни к каким партиям или обществам, кроме общества Благотворительного.

Чувство благодарной любви к моему отцу и сестре Ольге побуждает меня вернуться к воспоминаниям о них.

Оля – это увлекающаяся натура. Ей хотелось продолжить войной и революцией прерванное учение, но принятая ею, вернее – жизнью на нее возложенная, забота о нас и об отце лишила ее этой возможности.

Она всю себя посвятила заботам о нас. Она увлекалась музыкой и литературой, участвовала в литературно-музыкальных вечерах, устраиваемых нашей теткой-вдовой, но не стала ни пианисткой, ни литературоведом.

Забота о нас и хлопоты по хозяйству, при не всегда оправданном крайне суровом отношении к ней отца, поглощали все ее силы. Была она доброй, заботливой,

внимательной к нашим нуждам, любящей своих младших братьев, ради ухода за которыми отказалась от замужества, от своей личной жизни.

Сестра Анисия сразу после нашего прибытия в Брест получила временную службу учительницы в одной из ближайших к городу деревень. Недолго оставалась она на этой службе. Случилось с ней то, что предсказала ей цыганка.

На берегу реки Муховец, протекающей у Бреста, расположился в палатках цыганский табор. Сестра решила узнать свою судьбу – «что день грядущий ей готовит». С этой целью и отправилась она к цыганам, но пошла не одна, а захватила с собой меня: так, мол, спокойней. Быстро нашли гадалку. Взяв руку сестры, цыганка, впервые видевшая Анисию, в моем присутствии поведала весь пройденный сестрой путь жизни: и что была замужем за офицером, что муж погиб в боях, что имела она ребенка и как его потеряла, направляясь в родительский дом, и... скорое второе замужество за человека серьезного, который будет старше ее и будет ее любить.

И действительно, не прошло и несколько месяцев, как появился из другого города жених – обрусевший немец Вольдемар Людвигович Ассен-Аймер, за которого сестра и вышла замуж, И папа, и вся семья полюбили нового неожиданного родственника.

Перебравшись из собственного дома в дом приходский, мы поначалу занимали одну комнату с кухней. Остальную часть нашей будущей квартиры занимал капитан польской армии. За квартиру он не платил ни отцу, ни приходу, которому принадлежал дом. Был я в дружбе с его денщиком Феодором. Он потешал меня рассказами о придирчивости своего «барина» и о своих любовных похождениях.

– Знаешь, – говорил мне Феодор, – капитан требует, чтобы я ежедневно простирывал полотенца для посуды, ведь это его прихоть. Что ж, перестирал я их в его присутствии, высушил, и висят они у меня чистенькие, выглаженные, капитан радуется, а я-то посуду вытираю своей портянкой... Требуется он, чтобы чай был с пенкой, а откуда ты эту пенку возьмешь? Если нет пенки, гово-

рит капитан, значит, не прокипятит, как следует, воду. Просто вышел я и из этого затруднительного положения: добавляю ему в чай каплю своей слюны...

Довольно быстро удалось папе выселить капитана из приходского дома, и мы зажили привольно. Ведь в одной комнате с кухней ютилось нас семь человек: отец, три сына, Оля и Анисия со своим мужем, бывшим начальником почты.

Тесно, но всем хватало места, да и учению нашему не мешала эта скученность. В квартире спокойно, мирно, никто не спорит и не ссорится, каждый имеет свой уголок, свое место за столом и тихо занимается каждый своим делом, готовит уроки.

Дом отца всегда для всех был открыт. Не помню, чтобы продолжительное время жили мы только своей семьей. Всегда, кроме частых обычных гостей, появлялся у нас какой-нибудь странник или судьбой обиженная женщина.

Как-то появилась хозяйкой изгнанная прислуга, прижившая ребенка. Куда ей деваться? В деревне родные не примут, вот и пришла она к бабушке и жила в кухне на печи, пока не устроилась на работу.

Запечатлелся в памяти и один из странников. Лицо интеллигентное, умные добрые глаза, высокий, в подрыснике, с котомкой за плечами. И его приняли, но он не решился ночевать в кухне, попросил дать ему место в чулане. Оказалось, что с ним происходит нечто, для неверующего непонятное: как только станет он на молитву, сложит персты для осенения себя крестным знамением или возьмет в руки Евангелие, начинались у него судороги, скрючивало пальцы рук, искривлялось лицо и изо рта текла пена.

С первых же дней служения в Николаевском брестском храме папа ввел воскресные акафисты с всенародным после акафиста пением Богогласника. Подшучивал над папой его сосед-священник, настоятель собора, имевший в своем распоряжении двух vikариев, дьякона и регента-псаломщика: ничего из Вашей затеи не выйдет.

Но он ошибся. Правда, поначалу приходила пара десятков молящихся, но постепенно акафисты с всенарод-

ным пением Богогласника прочно вошли в жизнь прихода, так что храм по вечерам в воскресные и праздничные дни наполнялся богомольцами до отказа. Всенародное пение и вечерние беседы оказались сильным средством в преодолении сектантской пропаганды в городе.

* * *

В 1925 году это было. Прихожу из гимназии домой. Отец стоит с каким-то письмом в руках, из глаз текут слезы. Это было письмо жены Арсения – Нади, урожденной Зайчевской. Она сообщала о внезапной смерти своего любимого мужа.

Желая утешить отца, сказал я ему:

– Я стану на место Арсения.

И с этого времени решимость стать на путь пастырского делания не оставляла меня. Окончив шестой класс гимназии, ничего не говоря отцу, послал я в Волынскую Духовную Семинарию прошение о принятии меня в это учебное заведение и начал готовиться к экзамену.

Братья и сестра Оля уехали на дачу к о. Василию 3., я остался с папой в городе. Ежедневно в свободные часы от занятий по хозяйству готовился я к экзаменам по греческому и украинскому языкам. Преподавание в Кременецкой Семинарии велось на украинском языке.

Подошло время отъезда к экзаменам. Открываю папе мою тайну: буду продолжать учение в Духовной Семинарии, так как решил стать на путь священства. Отец запротестовал: один сын-священник погиб, не хочу твоей гибели, не дам тебе средств на поездку в Кременец и на оплату экзаменов.

– Что ж, – говорю я папе, – на это я располагаю своими средствами.

Дело в том, что, начиная с 5-го класса гимназии, я давал уроки неуспевающим ученикам, вернее – лентяям. Было их у меня трое: два сына колбасников и один сын священника. За уроки с сыновьями колбасников получал я по 30 злотых в месяц, плюс у одного – обед, у другого – ужин, а от родителей сына священника – отдых у них в Рождественские и летние каникулы плюс обмундирование.

Сердце не камень, сжалился над сыном папа и дал мне на расходы 25 злотых. Сдал я экзамены в Семинарию успешно. И сам удивился, что по украинскому языку, ни одного дня не проведя в украинской школе, сдал экзамен – как письменный, так и устный – лучше всех экзаменовавшихся украинцев. Моей школой украинского языка были крестьяне, среди которых проводил я летние каникулы, книги Шевченко, Гринченко, Винниченко и др.

Недолго обучался я в Семинарии, провел в ней всего лишь две недели, все свободные от классных занятий часы проводя среди семинаристов, и... решил вернуться в гимназию.

Почему? Не по духу мне была атмосфера семинарская; передо мною была молодежь, чувствовавшая себя обреченной и жившая посему по девизу «*carpe diem*» – ешь, душа, пей и веселись, пока не одел рясу. К тому же, окончание Семинарии давало возможность получения места псаломщика-регента и рукоположения во дьякона; для рукоположения во иерея нужно было пройти курс Богословского факультета.

На Богословский факультет принимали как окончивших Семинарию, так и с аттестатом зрелости гимназии, причем курс гимназии был 8-летний, а Семинарии – 10-летний. Не было смысла терять два года.

Вернувшись в Брест, вернул я папе данные мне на расходы 25 злотых, чему отец весьма удивился. С радостью встретили меня мои одноклассники и сразу повели в ресторанчик «на закуску».

По возвращении из Семинарии пришлось мне пережить тяжелое испытание со стороны тех, кто был для меня большим авторитетом. Виновниками этих испытаний были мой отец и Варвара Петровна Гурская – крестница папы, дочь священника Виленской Губернии.

Служа в Виленской епархии, папа был соседом ее отца и в годы его тяжелой болезни выручал его семью тем, что выполнял за больного все требы по его приходу, все поступления от треб вручая матушке больного соседа. В воскресные дни, когда больной не был в силах встать с постели, богослужения в его храме поочеред-

но совершали о.о. настоятели его благочиннического округа.

В. Гурская (звали мы ее тетя Вава) была преданнейшим другом нашей семьи. Услыхав, что я остаюсь верен принятому ранее решению, она заявила, что мне не место в священниках: я должен быть или врачом, или инженером. На ее сторону склонился отец. С такой силой не поспоришь. И решили они определить меня в Техническое училище, где учился мой брат Георгий.

Написал папа прошение, приложил к нему метрику и свидетельство об окончании мною шестого класса гимназии – все это я должен был отнести в канцелярию Технического училища и узнать у секретаря день вызова на экзамен.

А год-то учебный уже начался. Что делать, как тут быть, как тут горю пособить? Пошел я, сижу в коридоре, ожидаю конца урока, чтобы на переменке показаться брату Георгию. Кончился урок; выйдя из класса, Георгий сразу заметил меня. Докладываю ему: был у секретаря, передал ему прошение, в ближайшие дни пришлют вызов на экзамен...

И покинул стены уютного учебного заведения, не повидав ни секретаря, ни Директора. Оттуда направился в сарай, в закутке которого стоял у нас кабан. От отца полученные бумаги вложил в металлическую коробку, в «жилище» кабана вырыл ямку, в которую бережно положил коробку с документами, наказав кабану оберегать их, засыпал землей, присыпал навозом, а папе доложил, что все мною выполнено и жду вызова на экзамен.

Проходят дни, вот уже и вторая неделя на исходе, а вызова нет. Гонят меня тетя Вава и отец узнать, когда же должен я явиться на экзамен. Задача трудная, но выкрутиться надо. Пошел в Техническое училище. Снова дождался перемены, встретил брата Георгия и, доложив ему по какому делу я пришел, вошел в канцелярию так, чтобы видел это брат, и обращаюсь к секретарю:

– Господин секретарь, две недели тому назад мною лично было подано прошение о принятии меня в ваше учебное заведение. Мне было сказано, что через несколь-

ко дней буду вызван на экзамен. Меня интересует судьба моего ходатайства.

Искал секретарь и не нашел моих бумаг.

– Скажите, кому Вы вручили Ваши бумаги? – спрашивает он.

– Тому, кто был в этой комнате; лично я не знаю того господина.

И был мне ответ:

– Я поищу Ваше прошение... Мы Вас вызовем...

Ищут по сей день.

Остался я в гимназии с твердым решением стать на путь пастырского служения. Открыл отцу тайну мою лишь по окончании гимназии. Вооруженный аттестатом зрелости, зашел к кабану – хранителю моей тайны, изъясил из тайника коробку с документами, пришел к папе. Ознакомившись с результатом выпускного экзамена, папа сказал: спасибо, узнаю сына моего. А когда я затем передал ему ржавчиной покрытую коробку с документами на поступление в Техническое училище, папа открыл коробку и спросил:

– А где все это было?

Я рассказал ему подробно тайну, уже мною описанную, удостоившись не порицания, а родительской похвалы.

В этот день гостил у папы прот. Владимир Ш-й, окончивший Духовную Академию, один из видных священников в Польше. Услышав от меня о том, что в моем лице видит он будущего священника, обратился ко мне со словами:

– Вы, молодой человек, не отдаете себе отчета в том, что ожидает Вас на этом пути. Это путь скорби, путь креста, под тяжестью которого Вы упадете, черствость и людская неблагодарность сломают Вас, Вы будете несчастным человеком.

Страшные, жестокие слова, но они не охладили меня в моем решении.

Вскоре услышал о скоропостижной кончине о. В. Ш-окого. Бедный, сам смерть к себе призвал. Долго размышлял я о его кончине, что привело его к страшному решению уйти из жизни? Слышал о том, что перед тем,

как призвать смерть, о. В. совершил Литургию, причастился св. Тайн Тела и Крови Христовых.

Значит, не потеря веры привела его к преждевременной кончине. Говоря его словами: упал он под тяжестью жизненного креста, черствость и людская неблагодарность сломали его.

Через многие годы пастырского служения понял я, что случившееся с о. Владимиром было следствием недостатка в нем пастырской любви, покрывающей недостатки людей, любви, в которой растворяется миром пастырю причиняемое зло.

* * *

С любовью вспоминаю моих чудных товарищей по гимназии, особенно Сашу Калишевича, Мишу Севбо, Гришу Проневича и братьев Веселовских. Миша – сын священника, во время последней Мировой войны призванного на кафедру епископа Смоленского. Сблизила меня с Мишей смерть его матери. Миша – человек исключительных дарований, глубокой веры и необычайных доброты и любви к труду.

Гриша – одаренный сын крестьянина, в доме его уютных и добрейших родителей любил я часто бывать.

Все годы нашей гимназической жизни держались мы тройкой: Миша, Гриша и Митроша. Были мы народниками в лучшем смысле этого слова. Страдания нашего народа были нашими личными страданиями. Шли мы и в учении тройкой в первом ряду.

Еще на школьной скамье познал я страшный вред зависти, убедился в том, что завистливую душу в ее поступках направляет сатана. И не случайно святые подвижники называют зависть «добродетелью дьявола».

Один из моих одноклассников, Арсений Г., возымел ко мне это страшное чувство. Сын почтенных, интеллигентных родителей, не мог он примириться с тем, что шел я в учении впереди его. Дважды на гимнастической площадке чуть не стал я жертвой из чувства зависти исходящей злобы его.

Сам я гимнастикой не занимался, но любил каждое утро наблюдать, как товарищи упражняются в метании ядра, диска и копья. Метания совершали ребята в северную сторону площадки, я же наблюдал, стоя у дерева с западной стороны, далеко от упражняющихся.

И вот, стоя у дерева, я инстинктивно присел, а в этот момент пролетело надо мною Арсением брошенное ядро. Не присядь я, был бы разбит мой череп или же непоправимо поврежден позвоночник.

Второй случай, через несколько дней. Стою я на том же месте. Ребята метают диск. И вдруг я, без всякого окрика-предупреждения со стороны присутствующих на площадке, также инстинктивно наклонил свою голову влево, и в это время в сантиметре от моей головы пронесся диск, брошенный... тем же Арсением.

Не странно ли, что в обоих случаях и ядро, и диск летели из одних и тех же рук в ту сторону, где я стоял? Не думаю, чтобы это было неосторожностью со стороны моего одноклассника. Сатана направлял его руку.

И еще один случай с тем же товарищем. Шестой класс. Классная работа по математике. Строгий и требовательный учитель Никанор Никифорович Дутель дал нам для решения шесть тяжелых задач. Никогда я на классных работах не списывал, никогда не ловчил. Для решения задач, для лентяев существовал так наз. «Ключ для решения задач».

За моей спиной на следующей парте сидел Арсений. Строгий учитель рассказывает по классу, следит, чтобы ученики не списывали друг у друга.

Приближается он к Арсению, а у него на коленях злополучный «Ключ». Услыдав приближающиеся к нему шаги учителя, бедный Арсений бросил книгу под мою парту.

Подойдя ко мне, Н. Дутель, заметив под моей партой «Ключ», закричал:

– Зноско, встань! Что у тебя под партой?

– Не знаю, – ответил я.

– Ах, ты еще и упираешься?! Дай мне книгу и вон из класса!

Не возражая учителю, иду к выходной двери, оста-навливаюсь и смотрю на Арсения, но тот и глазом не моргнул. Пошел я, «без вины виноватый», домой чайку попить. Благо дом был в 150 метрах от здания гимназии.

Весь класс был возмущен поступком Арсения, а че-рез два дня учитель извинился передо мною. Одноклас-ники доказали ему мою невиновность, не назвав ему имя виноватого.

...В 1928 году приветствовали мы в нашей гимна-зии прибывшую из Парижа представительницу РСХД Елену Ивановну Полонскую. Очаровательный человек и блестящий докладчик, Елена Ивановна выступила пе-ред преподавателями гимназии-школы и русской обще-ственностью с докладами о Достоевском.

Доклад слушали и ученики двух последних классов гимназии, с которыми провела она несколько бесед. В результате этих встреч возник в стенах гимназии рели-гиозно-философский кружок, и я был избран его руко-водителем. С окончанием мною гимназии этот кружок закончил свое существование. Были в гимназии и ре-гулярно собирались кружки любителей литературы и физики.

Каждое воскресенье гимназия в полном составе – Директор, все учащие и учащиеся – посещали Литургию. В дни говения ежедневно посещали утренние и вечерние службы. Для говения отпускались три учебных дня для первых четырех классов, и вторая половина недели – для старших.

В воскресные дни за Литургией и в дни говения пел ученический хор под управлением учителя пения Я. И. Ключко. Кроме хора и духового оркестра, были и орга-низации бойскаутов и соколов.

Сокола – спортсмены, «на земле летающие», землей и жившие, в то время как бойскауты, с их девизом «Будь готов!» за Россию, стремились подняться над земными интересами своей патриотической настроенностью и проникнуться идеей служения ближнему. Сборы ска-утов в теплые месяцы проводились по утрам за чертой

города, а к началу Литургии все мы были уже во дворе гимназии.

Нельзя забыть дорогих имен наших старших руководителей: Костю Князева, Николая и Бориса Егоровых, Володю Янчука. Сам я прошел в этой организации все для скаута доступные ступени, а в годы моей учительской деятельности был опекуном этой организации.

Незабываемы летние лагеря, которые устраивались на берегу реки Буг, в хвойном лесу, ночные дежурства и походы. Незабываемы, по художественному вкусу и пышным костюмам, гимназический балет, балы и театр, которыми руководила Евгения Васильевна Хмелевская, родная сестра блестящего преподавателя русской литературы Владимира Васильевича Петручика, закончившего свою жизнь военным священником в Лондоне.

До сего дня храню глубокое чувство благодарности Владимиру Васильевичу за его вдохновенное изложение идей Ф. М. Достоевского, за его классные и домашние задания на темы: «Идея свободы по Достоевскому», «Человек по Достоевскому», «Красота спасет мир», «Шига-левщина» и другие.

Он приучал нас к краткому изложению письменных работ, от четырех до десяти строчек, как говорил он. Проходя у В. Петручика курс Достоевского и Чехова, я впитывал в себя то духовное богатство, которого не дали мне сухие уроки Закона Божия, но без которого не может человек внутренне стать христианином.

Достоевский и Чехов вложили в меня «Христову закуску» живой веры, которая, с годами возрастая, делала меня сознательным православным христианином и патриотом России Православной. Достоевский в мои гимназические годы был для меня «ключом» к правильному пониманию Запада и Латинства. Во всем этом заслуга вдохновенного преподавателя русской литературы В. Петручика.

Ежегодно под Новый Год устраивало бал и Русское Благотворительное общество. Начинался бал в 9 часов вечера. За десять минут до полуночи раздавался колокольный звон, все участники бала, набросив на плечи

пальто, шли в храм на новогодний молебен – в зале оставался только распорядитель бала.

После молебна – бокалы шампанского, приветствия, радостный новогодний гомон и танцы, дивные вальсы, полонез, мазурка. Сам никогда не танцевавший, я наслаждался красотой и торжественностью как гимнастических, так и Благотворительного общества балов, на которых присутствовал и будучи настоятелем Братского храма.

Переступив порог восьмого класса, мы – тройка – ввиду приближавшихся экзаменов на аттестат зрелости, решили обсудить наш дальнейший жизненный путь. Мы были единодушны в решении избрать тот путь, который, скромно удовлетворяя материальные нужды семьи, дал бы возможность творческой духовной работы, работы над воспитанием молодежи и народной массы в преданности гонимому Православию и в любви к страждущей Отчизне.

Три возможности открывались перед нами. Это – служение врача, подвиг учительства и путь крестоносного пастырства.

Поступить каждому из нас троих на медицинский факультет не трудно было, но по его окончании, при существовавшей уже и в те годы атмосфере шовинизма и религиозного фанатизма путь к частной практике становился для нас почти недоступным ввиду нашей русской национальности. По тем же причинам отпадало и учительство.

Русских гимназий в то время было всего лишь четыре, и те находились под угрозой закрытия. Оставался путь пастырского служения. Так тройка и решила: идем все трое на Богословский факультет.

Успешно закончив курс гимназии, готовились мы к торжественному акту. Выдача аттестатов зрелости происходила при многолюдном собрании родителей учащихся и друзей гимназии. На сцене большой переполненной залы зеленой скатертью покрытый стол. За ним восседают Председатель экзаменационной комиссии и Директор гимназии с преподавателями.

После молитвы и короткого приветственного слова Директора вниманию торжественного собрания предлагалось чтение лучшей письменной работы по русской литературе, после чего под пение гимназического хора вручались дипломы об окончании гимназии, т. наз. аттестаты зрелости.

Затем – буфет, обильное угощение, духовой оркестр и бал выпускников. Уютно, торжественно. С чувством чистой возвышающей дружбы и нашего духовного единства заканчивали мы пребывание в стенах дорогой нам гимназии.

За несколько дней перед торжественным актом пришлось мне пережить нелегкое искушение. Вызвал меня к себе дорогой наш преподаватель русской литературы Владимир Васильевич Петручик, усадил меня к столу, потчует чайком и, впервые называя меня Митрофаном Константиновичем, сообщает неожиданную для меня радость: моя экзаменационная работа по русской литературе признана лучшей, и я должен огласить ее на торжественном акте. Писал я о Толстом и Достоевском.

Встал я, поклонился в пояс моему любимому учителю и поблагодарил его. С улыбкой принял он мою благодарность, и тут-то и началось искушение.

– Я, – сказал мне Владимир Васильевич, – не согласен с Вашей оценкой Толстого как учителя народа и как человека, но работа Ваша изложена так, что не мог я не дать ей высокую оценку. Прошу Вас, внесите некоторые поправки в данную Вами характеристику Толстого.

Я смутился, молчу.

– За Вами слово, – прерывает мое молчание Владимир Васильевич.

– Не могу я этого сделать, это будет фальшь с моей стороны, – говорю я ему.

– Митрофан Константинович, хотя это и жестоко, но Вы лишаете себя возможности выступить перед большой и интересной аудиторией. Я вынужден предложить другому выступить на акте, не хочу, чтобы перед широкой публикой была оглашена вами данная характеристика великого писателя.

– Что ж, значит «цель оправдывает средства»? – отвечаю я. – И могу ли я, готовящийся к пастырскому служению, стать на этот путь?

– Я Вас понимаю. Спасибо. На акте огласит свою работу Миша Севбо.

Я был искренне рад, так как сам считал моего любимого друга человеком одаренным и более достойным внимания. А разговор с Владимиром Васильевичем принял как испытание своего характера.

Глава III

Богословский факультет. Варшава

Курс гимназии закончен. Мы с Мишей зачислены на первый курс Богословского факультета Варшавского университета. У родителей Гриши нет средств для оплаты обучения сына, он ожидает ответа на ходатайство о предоставлении ему стипендии и принятии в студенческое общежитие.

В это время получаю я из Парижа письмо от Елены Ивановны Полонской. Она извещает меня о том, что, зная о моем решении стать на путь пастырского служения, она возбудила перед Митрополитом Евлогием и профессорами ходатайство о принятии меня на первый курс Богословского Института в Париже с предоставлением полной стипендии.

Ее ходатайство уважено, мой отец освобождается от расходов, связанных с получением заграничного паспорта, визы и поездки в Париж. Эти расходы покрывает Институт.

Радость моя была неописуема. Учение в Париже, блестящий состав профессуры, возможность поездок в каникулярное время в Италию, Англию и Грецию, о чем писала мне Елена Ивановна, легкая возможность изучить французский и английский языки, – все это привело меня в восторг.

Но недолго был я охвачен восторгом – отец не благословил моей поездки в Париж.

В слезы обратился мой восторг, а папа, успокаивая меня, говорит:

– Не могу допустить, чтобы мой сын, будущий пастырь, пил воду из зараженного источника... Сейчас не понимаешь ты этого, вскоре поймешь и будешь благодарить отца своего.

Пришлось покориться, без отцовского благословения не положено в христианской семье что-либо предпринимать. С горечью отошел я от папы, призадумался и решил предоставленное мне в Париже место передать Грише.

Написал Елене Ивановне Полонской письмо: так как по не зависящим от меня обстоятельствам не могу прибыть на учение в Париж, прошу предоставить любезно мне предложенное место моему однокласснику Григорию Проневичу, блестяще окончившему гимназию. К письму приложил прошение Гриши и его аттестат зрелости.

Таким образом, вся тройка вступила на первую ступень задуманного пути. Миша и я остались в Варшаве, а Гриша отбыл в Париж. Там он окончил Богословский Институт и докторировал в Германии в Гайдельбергском университете.

Состав студентов Богословского факультета при Варшавском университете, будущих пастырей Православной Церкви в Польше, состоял из русских, белорусов и малороссов, именующих себя украинцами.

Жили студенты-богословы в государственном общежитии, выстроенном для них Министерством Исповеданий. Это было трехэтажное здание, расположенное рядом с Синодальным домом, резиденцией Блаженнейшего Митрополита Дионисия, и кафедральным собором св. Марии Магдалины.

На первом этаже – канцелярии, зал-читальня, столовая и кухня. На третьем – храм, в котором совершались ежедневно вечернее богослужение и Литургия и собирались студенты на утреннюю и вечернюю молитвы.

Во главе общежития стоял д-р З. Загуровский – наблюдатель за студентами от Министерства, человек образованный, в обращении со студентами деликатный, по слухам – член ордена иезуитов. За ним следова-

ли – директор общежития, в мое время – архим. Савва (Советов), впоследствии епископ Гродненский, духовник – о. Николай, пожилой протоиерей, и воспитатель – П. И. Зайцев, бывший «оком» Министерства Исповеданий, поставленный для слежки за поведением и настроением студентов.

Условия жизни в общежитии были отличными. Несмотря на разношерстный состав, студенты жили дружной семьей. Эта дружная здоровая атмосфера была нарушена упорным стремлением Министерства к полонизации Православной Церкви. Масса не поддавалась этому насилию, нашлись единицы, ради выгоды заявившие себя «поляками». Ими-то и было нарушено мирное течение жизни в общежитии.

Уже в 1930/31 году Министерство потребовало от профессоров Богословского факультета перехода на польский язык преподавания, на этом же языке должны были и студенты отвечать на экзаменах. В короткие годы моего пребывания в Варшавском университете большинство профессоров все же воздержались от перехода преподавания на польский язык, да и подавляющее большинство студентов отвечали на экзаменах на своем родном языке.

В числе профессоров были профессора дореволюционной высшей богословской школы, но выдающихся ученых сил в мое время не было. Для нас, студентов, было важно и ценно, что каждый из них любил свой предмет и все были преданы Православию и Церкви. Зажигателем сердец будущих пастырей был проф. Н. С. Арсеньев, читавший Основное богословие и Новый Завет, сам человек чистой души и глубокой детской веры.

Недолго пришлось мне проходить учение в Варшаве. Был я на втором курсе, когда проф. П. И. Зайцев (так произносил он свою фамилию, заигрывая с украинцами, которых использовало римско-католическое правительство для ослабления Православия в Польше) огласил во время обеда следующее распоряжение Министерства:

«У вас, господа, предполагается сегодня вечером собрание членов «Кружка богословов» с чтением доклада на религиозно-философскую тему. Так имейте в виду, что

распоряжением Министерства это собрание отменяется, а вместо намеченного вами доклада будет вниманию всех студентов предложен доклад на сельскохозяйственную тему. Докладчик будет прислан Министерством. С сегодняшнего дня запрещается чтение докладов на ваших собраниях на языках меньшинств. Все доклады должны оглашаться на польском языке».

За много месяцев до злополучного распоряжения Министерства произошел у меня с тем же Зайцевым конфликт. Беседую я в канцелярии общежития с экономом А. Кравченко, бывшим офицером Русской Императорской Армии. Разговор идет на русском языке. Входит в канцелярию Зайцев. Услыхав русскую речь, он обратился ко мне с грубым замечанием:

– Пане Зноско, здесь не место русскому языку! Вы находитесь в государственном учреждении, чей портрет перед вами на стене?!

Началась словесная с ним дуэль. Видя бесполезность перебранки, я удалился в свою комнату. Зайцев последовал за мной, чтобы продолжить «обмен мнениями».

Слушал я его как гостя, не перебивая, но когда заговорил он о заслугах польского правительства перед Православной Церковью, я молча открыл дверь и вежливо предложил малопочтенному профессору удалиться из моей комнаты.

Вошел я в столовую к обеду с опозданием. Профессор-воспитатель уже оглашал безумное распоряжение Министерства. Закончил он, поднялась в столовой буря. Студенты подступили к нему с возражениями, с протестами. И профессор, и студенты не стеснялись в выражениях.

Спокойно вкушая обед, я внимательно прислушивался к каждому слову, исходящему из уст и Зайцева и коллег, и, когда исчерпали они свои доводы против запрета будущим священникам Православной Церкви пользоваться в своей среде родным языком, подошел я к Зайцеву, чтобы восполнить сказанное коллегами. Но профессор не дал мне закончить. Он схватил меня своими мощными руками за грудь, стал меня трясти, осыпая самыми грубыми, нецензурными словами. Вырвавшись

из его рук, как невинный младенец, сложил я руки на груди и спокойно говорю:

– Павел Иванович, ведь Вы профессор и воспитатель, к лицу ли Вам так выражаться, так вести себя?..

В ответ на мои слова он с пущей силой снова схватил меня за плечи, резко повернул спиной к себе и начал тузить меня кулаками. Раздались возгласы коллег: Митрофан, не сплешай, держись! Они окружили Зайцова, нанося ему легкие удары, кто ладонью, кто кулаком. Вряд ли смог бы несчастный профессор добраться до своей комнаты, если бы не вырвал его из рук студентов Е. Лебедев, личный друг Зайцова, 40-летний студент-богослов.

Вечером того же дня в здании Университета урок латыни преподавал Зайцев. Все мы, второкурсники, должны были явиться на урок. Мои коллеги по курсу решили бойкотировать его, а я, облачившись в праздничный костюм, отправился в Университет.

Увидав в аудитории меня в единственном числе, Павел Иванович плюнул и удалился. Урок не состоялся. К вечеру узнал о происшедшем в общежитии Митрополит Дионисий, декан Богословского факультета. Владыка вызвал меня к себе. Свидетели случившегося, мои коллеги, решили сопровождать меня, чтобы пред ним свидетельствовать правду.

Не сразу принял их Владыка: хочу видеть только студента Зноско. Все же он уступил настойчивой просьбе моих коллег. К этому времени успел я направить в Академический суд жалобу на проф. Зайцова.

Митрополит принял нас в зале заседаний Синода. Прибывшие со мною коллеги, как в театре, разыграли перед владыкой всю картину, пережитую ими в столовой. Были изображены все действия, голоса, крики и проф. Зайцова, и студентов. Некоторые из действующих лиц плакали, их слезы свидетельствовали о том, какое тяжелое впечатление произвела на них вся «картина», разыгравшаяся в студенческой столовой.

По окончании «представления» Владыка Митрополит оставил меня одного и сказал:

– Хвалю Ваши выдержку и терпение, но прошу – возьмите обратно на проф. Зайцева поданную Вами жалобу. Дело в том, что Академический суд, по солидарности, решит дело не в Вашу пользу, и Вас могут исключить из Богословского факультета без права вернуться в Варшавский университет. Вас я в течение двух недель направлю в Белград. Зайдите ко мне завтра в вечерние часы.

На следующий день Владыка Митрополит сообщил мне, что им уже отправлено с дипломатической почтой Патриарху Варнаве письмо, датированное датой до печального события, с просьбой принять меня на Богословский факультет Белградского университета, в порядке обмена студентами, с предоставлением мне патриаршей стипендии.

Ровно через две недели, к концу февраля, я уже сидел в покоях Святейшего Варнавы. Все в Варшаве сданные экзамены были признаны, мне предоставлена месячная стипендия в размере 1.000 динар.

До выезда в Белград пришлось мне пережить неожиданное испытание. Узнав о командировке меня в Белград, два «мудреца» – студенты белорусы – решили любой ценой воспрепятствовать моему отъезду за границу. Сообщил мне об этом мой однокурсник, бывший личным секретарем Гродненского епископа Антония, Федя Флячинский.

Привелось ему быть случайным свидетелем обсуждения группой студентов вопроса о моем отъезде в Югославию. Возмущенные тем, что Митрополит Дионисий направляет за границу «москаля» Зноско, дьякон Писк и студент Н. Лацкий решили доложить в Министерстве д-ру Загуровскому о том, что я разрабатываю план изъятия общежития студентов-богословов из ведения Министерства и передачи в непосредственное ведение Митрополита Дионисия как Декана Богословского факультета и главы Поместной Церкви. Этот вопрос действительно обсуждался студентами.

– Спешу, действуй, – сказал мне Федя, – завтра они собираются быть у Загуровского.

Создалось для меня грозное положение, нашелся предатель. Что делать? Надо спешить! В тот же вечер пригласил я в свою комнату Н. Лацкого.

– Что, подлец, куешь с дьяконом П-ом доносы на меня? Негодяй, собираешься завтра с докладом в Министерство? Так знай, мерзавец, в том, о чем доносишь на меня, и ты участвовал, чему имею ряд свидетелей. Над моей головой тобою занесенный меч твою отсечет голову, а сейчас – убирайся вон из моей комнаты.

Н. Ла-цкий опешил. Ударив коленом в задняя, вытолкнул я его из своей комнаты. Доноса не последовало.

Глава IV

Богословский факультет. Белград

Напутствуя меня перед отъездом в Югославию, Митрополит Дионисий сказал:

– Не забудьте, что в Белграде наряду с Богословским факультетом находится живая Духовная Академия – Митрополит Антоний. Посетите и возможно чаще навещайте его. От него почерпнете много знаний и мудрости.

И я в первые же дни пребывания в Югославии посетил в Сремских Карловцах Блаженнейшего Авву Антония (Храповицкого), бывшего главой Русской Зарубежной Церкви.

Встреча незабываемая. Вхожу в комнату и вижу в кресле сидящего, убеленного сединой Старца. Рядом с ним стоит, наклонившись и запустив руку свою в карман митрополита, громадный мужчина в духовной одежде. Это был добрейший келейник Владыки архимандрит Феодосий. За столом сидит убого одетый батюшка, приехал он к своему Авве за советом. На столе кипящий чайник, чашки, хлеб.

Я растерялся, поразили меня простота Аввы Антония и скромная обстановка. Испросив благословение, передал я привет от Митрополита Дионисия.

– А знаешь ли ты, что твой Митрополит был моим любимым учеником в Академии, я и сейчас глубоко уважаю его, он в сложной обстановке мудро ведет церковный корабль. Я поражаюсь его энергии: возглавляет Церковь, ведь четыре епархии, а пятой сам управляет,

ведет Богословский факультет, преподает Пастырское богословие, как член Археологического общества участвует в раскопках и пишет труды по археологии. А теперь садись, угостись чайком, расскажи мне подробно твою биографию, – ласково сказал Авва Зарубежной Церкви Российской.

Подробно рассказав о нашей семье, что знал – о предках, я замолк.

– А есть ли у тебя фотография твоего отца, покажи мне его. Дал я Владыке карточку моего папы. Внимательно всмотревшись в его лицо, Владыка сказал:

– Человек он суровый, по фотографии – пророк Илия, но вот скажи мне – всех ли твоих родных ты мне перечислил, не родственник ли тебе о. Владимир Зноско, проживающий в Берлине?

– Да, – ответил я, – это мой родной дядя.

– Почему же ты скрыл его от меня?

– Ваше Блаженство, простите. Зная о том, что дядя Володя был не в ладах с Митрополитом Евлогием и судился с преосвященным Тихоном Берлинским, я умышленно, из боязни потерять Ваше ко мне отеческое отношение, скрыл его имя в числе моих родных.

– А это напрасно, уже хотя бы потому, что в своей тяжбе с архиереями твой дядя был прав.

Набравшись смелости, я задал Авве Антонию вопрос:

– Если мой дядя был прав, почему же Вы, Владыка, не заступились за него, его не защитили?

– Напрасно думаешь, что я не делал попытки защитить твоего дядю, а вопрос этот задал ты мне по твоей юности, ты не знаешь ни канонов церковных, ни границ моей власти как Митрополита, ни прав епархиального архиерея. В делах административных я могу лишь дать совет, высказать мое мнение епархиальному архиерею, но не могу приказывать – он князь своей епархии.

Пережив в Америке позор Сан-Францисского случая, аргентинской и австралийской историй, когда я пишу эти строки, невольно вспоминаю мудрые слова великого Аввы Митрополита Антония. По его мудрому определению, руководитель центрального администра-

тивного органа Зарубежной Церкви, Правитель дел Синодальной Канцелярии, низведший некоторых епархиальных архиереев на степень благочинных Синодальной Канцелярии, юнцом оказался.

Прибыл я в Белград в неудачное время, происходили бурные студенческие демонстрации, направленные против Короля Александра и его правительства. Университет был закрыт. Из газеты «Политика» узнали данные о вдохновителе и руководителе демонстраций: им оказался студент – венгерский еврей под фамилией Патэрностер (отче наш).

Что делать? Сидеть в Белграде? За советом обратился к Патриарху Варнаве.

– Езжайте на отдых в монастырь, – сказал Святейший и направил меня в монастырь Беочин.

Согретый вниманием патриарха и любовью Аввы Антония, отбыл я в монастырь Беочин, обещая Владыке Антонию часто его навещать.

В общем, недолго пришлось ему ожидать меня. Не привыкший к ежедневному употреблению вина и, тем более, к более острым спиртным напиткам, я смутился, когда послушник приносил мне в келлию вино и ракию трижды в день: утром, в обед и к ужину. Не прикасался я к ракии, употребляя во время обеда лишь каплю вина.

Возмущенный, видимо, неподчинением местному монастырскому порядку, игумен вызвал меня к себе и упрекнул, что я ставлю всю братию в неловкое положение:

– Вы разыгрываете из себя трезвенника, а мы что – алкоголики?

Вот и поехал я к Авве Антонию за советом. Рассказал ему этот случай, а Авва мне в ответ:

– Ты же не отцовские деньги на напитки транжиришь, а в чужой монастырь со своим уставом не лезь, да и не осуждай. Дают вино – пей, но не упивайся, возвращать же нетронутым, конечно, оскорбительно братии.

Все годы моего пребывания в Югославии владыка Митрополит Антоний относился ко мне, как и ко всем студентам, с отеческой любовью, ласково называя меня «голубенькие глазки». Проводя в Сремских Карловцах

по несколько дней, а в летние месяцы по несколько недель, я ежедневно бывал у Владыки. Ежедневно бывал у него и в дни пребывания его в Белграде.

Как дорогого гостя, встретил меня в Беочине настоятель обители архимандрит Иоаким и лично ввел меня в предоставленную мне комнату.

В первую же ночь странный сон лишил меня покоя. Снится мне: выхожу после обеда на монастырский двор и вижу сидящего там молодого человека, черты лица и рост которого четко запечатлеваются в моей памяти; вижу, как входит он в обитель, игумен вызывает меня и заявляет, что мою комнату займет сей молодой человек – мне отводится другая комната.

Сон, как сон, но этот сон оказался вещим. Месяца через два после моего прибытия в обитель скоропостижно скончался архим. Иоаким. Меня поразило, что на отпевании никто из братии не попрощался со своим почившим настоятелем, я единственный поцеловал его оледеневшую руку.

Не прошло и недели после кончины настоятеля обители, как прибыл на отдых виденный мною во сне молодой человек. После обильной праздничной общей трапезы выхожу и вижу во дворе знакомого незнакомца. Вспомнил сон, думаю: что же будет дальше? и отправился в лес на прогулку.

Вернувшись с прогулки, прилег отдохнуть. Не успел вздремнуть – вызывает меня новый игумен. Тоном, не допускающим возражения, игумен велит мне освободить комнату, так как он поселяет в ней новоприбывшего гостя, а мне предоставляется другая комната, меньшая и не такая шикарная в смысле оборудования, с окнами на монастырский двор.

Все разыгрывается точно так, как видел я во сне. Игумен кричит, но не силен он отменить распоряжение Святейшего, пойти и против почившего своего настоятеля.

Из Беочина совершил я поездку в м. Горняк и в Новый Сад. Настоятелем монастыря Горняк был архимандрит Серафим (Палайда), карпаторосс. Прибыл я в обитель по его приглашению к Успенскому посту и сразу потянуло меня к валаамскому старцу, увлекшему

меня красочными рассказами о валаамских подвижниках. Старец сидел на берегу реки, я слушал его стоя.

Пост в обители был суровый: без сахара, без елѣя, вместо хлеба – «качамак», суп без круп (крапива вместо них). Не выдержал я, в конце первой недели поста, слушая старца, упал в обморок, а когда через два дня случился второй обморок, старец отказал мне в благословении остаться в обители до Успения, велел немедленно отбыть в сербский монастырь.

– Там не так строго соблюдают посты, – сказал он. Покинув Горняк, явился я к Авве Антонию за советом и благословением. Выслушав меня, Авва Антоний сказал:

– К мудрому старцу ты попал; он благословил – в моем благословении нет нужды.

И снова очутился я в Беочине, где укрепил свое здоровье.

Прибыв в г. Новый Сад в полуденное время и закусив в ресторане, зашел я в кафедральный храм пресвященного Иринея, посетил и провел в беседе с этим образованным и достойным архипастырем более часа и направился в римско-католический собор.

Привык я к посещению римско-католических храмов. Посещал их в Бресте в мои гимназические годы, в дни выступления с проповедями искусных ораторов-иезуитов слушал их в храме св. Флориана в Варшаве, на Праге, нередко заходил в р.-к. храм в Белграде на Крун-ской улице.

Руководило мною желание не ограничиться книжным ознакомлением с римским католичеством, но и проникнуть в дух его, в его сущность.

И та кошунственная картина, увиденная в их соборе в Новом Саду, внесла в мое представление о Ватиканском вероисповедании тяжелый новый штрих.

Вошел я в собор, на скамьях в сосредоточенной молитве сидят несколько человек верующих. Щеткой на длинном шесте сторож опыляет стены храма. И вдруг... на глазах молящихся, взгромоздился он в грязной обуви на св. Престол, шагая по Престолу – опыляет потолок... Со стороны молящихся не последовало никакой реакции, ни возмущения, ни замечания!

На ночьлег остановился я в лучшей гостинице, взял дорогую комнату – «с удобствами», не зная, что в статью «удобства» входит и ночная встреча с «феей». Быстро и крепко заснул.

И вдруг, чувствую, кто-то нежно гладит мое лицо. Слышу мягкий голос:

– Ты священник?

– Да, – ответил я.

«Фея» говорит:

– В таком случае я здесь не нужна («онда ништа нэче бити»). И удалилась. Это была, несомненно, верующая, не лишенная «страха Божия» женщина. Борода сыграла свою положительную роль!

Время, проведенное в Беочине, использовал я для изучения сербского языка и через полгода после открытия Университета мог приступить к экзаменам по предметам, подготовку к которым начал еще в Варшаве.

В составе профессуры Богословского факультета в Белграде было несколько профессоров старой русской Академии: проф. А. Доброклонский, С. Троицкий, проф.-прот. Ф. Титов. Слушал я в Белграде приезжавшего из Парижа проф. В. Зеньковского, познакомился с С. С. Безобразовым (впоследствии епископ Касьян).

Близко познакомился с иеромонахом Иоанном, был в доме его родителей, был на его хиротонии во епископа Шанхайского, был на хиротонии епископа Виталия (Максименко), создавшего в Бронксе (Нью-Йорк) твердыню Православия, в «День Скорби и Непримируемости», по инициативе прот. Г. Граббе, кощунственно руками «белоризников» разоренную...

Это был для Православия скорбный в США год. В намоленное здание разоренной православной святыни вошли сектанты и в нем собираются на свои молитвенные собрания.

С владыкой Иоанном Шанхайским я поддерживал связь и, будучи священником в Польше, получил от него несколько писем и проповедей.

Настроенный к принятию монашества, сразу по прибытии в Белград отпустил я бороду. Неоднократно профессора на лекциях и во время экзаменов спраши-

вали меня, не священник ли я. Их удивлял студент с бородой. И для проживающей в Королевском Академическом доме массы студентов, видимо, странно было видеть в своей среде бородатого коллегу. Решили они заставить меня сбрить бороду.

В один прекрасный день выхожу утром из моей комнаты (на третьем этаже) в столовую к завтраку. Увидав меня, вся масса студентов, направлявшихся в ту же столовую впереди меня, дружно начала скандировать: «Попэ, попэ, мэ-э-э... попэ, попэ, мэ-э-э». И так продолжалось, пока не вошли в столовую.

Ровно месяц – и утром, когда шли к завтраку, и в обед, и вечером – повторялась эта картина. Прекрасно понимая, что издевка эта относилась ко мне, я шел, окруженный чужаками, без тени смущения и возмущения на лице. Надоело им, перестали, но не оставили мысли лишить меня моей бороды.

В один из вечеров лежу в моей комнате с книгой в руках. Вошли трое студентов: румын и два серба. У одного из них ножницы в руках. Предложили мне мирно снять бороду, на что я не согласился. Тогда попытались добиться своей цели силой. Я, как вьюн завертелся на кровати, отбиваясь от них, и вышел победителем.

Оставили меня в покое, когда у одного из них потекла кровь из носа. На этом и успокоились господа студенты, подчеркнуто выражая свое уважение к победителю: ни один из студентов, сидевших в столовой за столом, за который я усаживался, не наполнял свою тарелку, пока я свою не наполнил.

Протест против моей бороды заявил однажды и секретарь посольства Польской республики, когда зашел я к нему по личному делу. Это было мною принято «как кощунственное вмешательство во внутренние дела Православной Церкви».

Жизнь в Студенческом доме обходилась мне в месяц в 350 динар. Оставалось ежемесячно на мелкие расходы 650 динар. Чуждый расточительности, 150 динар в месяц расходовал я на свечи, на сладости и разные мелочи, а 500 динар откладывал на сберегательную книжку, обес-

печивая тем первые шаги самостоятельной жизни по возвращении в Польшу.

Вся моя жизнь в Югославии была поглощена лекциями, библиотекой, неопустительно ежедневным, утром и вечером, посещением служб в Свято-Троицком храме, посещением духовно полезных лиц, чтением и подготовкой к экзаменам.

Принимая участие в студенческом хоре в Варшаве, пел я баритончиком. Перед отъездом в Белград подвергся операции горла (удаление гланд). Мое постоянное место в Троицком храме в Белграде было у Распятия, тут же и мраморная плита над могилой барона генерала П. Врангеля.

Как-то батюшка о. Владислав, совершая каждение, подходит ко мне:

– Молодой человек, Ваше место на клиросе...

Не принял я к сведению слов батюшки. Но он снова и снова подходит ко мне с теми же словами. Заговорила во мне совесть, пошел я на клирос.

– Каким голосом поешь, – спросил на клиросе стоявший протодиакон.

– Сам не знаю, – сказал я и в ответ на хохот протодиакона запел тенором.

После операции изменился голос. Никогда не отличался я ни музыкальностью, ни слухом. Случилось как-то на вечерней службе пасхальной седмицы мне сфальшивить. И тот же протодиакон, на допущенную мною в пении фальшь, ответил таким ударом меня кулаком под ложечку, что дух захватило. Я не мог больше петь. Что делать? Уйти с клироса? Нет, это жизненный экзамен. Удивились клирошане, снова увидав меня на клиросе.

Самыми близкими мне по Богословскому факультету в Белграде были мои однокурсники Владимир Иосифович Вишневский, бывший товарищ прокурора в Москве, Феодор Феодорович Раевский, учитель сербской гимназии, закончивший еще до революции Юридический факультет в Варшаве, впоследствии – Австралийский архиепископ Савва, и прот. Флор Жолткевич.

Все они были старше меня на 15–25 лет, но всех их я особенно почитал, с ними общался, а В. Вишневского

любил, как родного, посещая его по несколько раз в неделю.

Как очутился сей товарищ прокурора г. Москвы на Богословском факультете? Вот что сам он мне поведал: узнав из газет о закрытии в СССР всех духовных учебных заведений, крайне тем возмущенный, я решил протестовать, но как и чем выразить протест? Писать в газеты? Люди более компетентные напишут лучше меня. Что же делать?

За ответом пошел я в храм, и там осенила меня мысль: в знак протеста поступить на Богословский факультет, заняться изучением «науки наук», приобщиться к высшему знанию и углубиться в духовную жизнь. И пошел я из храма домой, достал из сундучка свои документы, отнес их с прошением в секретариат Университета и с того дня стал вашим коллегой...

Выпросив у Владимира Иосифовича ключ от его квартирки, якобы для того, чтобы время от времени у него отдохнуть, заходил к нему, чистил-убирал квартиру, мыл посуду, с радостью принимал участие в жизни любимого одинокого друга.

Первый дом, в который попал я по приезде в Белград, был дом Ф. Раевского. Его жена, милейшая Нередида Милановна, приветствовала меня и со мною прибывшего товарища из Польши, по сербскому обычаю, стаканом студеной воды с вареньем, затем подала по рюмочке ракии.

Варенье было подано в вазочке. Не скрыла она своего удивления, увидав, что «русы» не съели все им поданное варенье. Каждый из нас положил в свой стакан одну-две чайные ложечки.

– Знаете, – сказала милая хозяйка, – впервые заходя в сербский дом, русы обычно съедают всё им поданное варенье...

В первый год пребывания в Югославии пришлось побывать в гостях в доме белградского доктора-сербя. На первый день Рождества пригласил он в гости студентов-богословов, прибывших из других стран. Тут узнал я, что такое славянское гостеприимство! Все красиво сервировано, изобилие закусок, напитков, холодные и

горячие блюда, радушие хозяев, сердечная атмосфера – открытая славянская душа.

Все мы, гости-иностранцы, чувствовали себя так, как будто сотый раз гостишь в этом доме, таким теплом и простотой веяло на всех дыхание хозяйских сердец.

Вспоминаю и пребывание дважды в Королевском Дворце, на приеме у Короля Александра студентов-иностранцев, обучавшихся в Белградском университете. Очаровательная личность самого Короля, простота и умение с каждым студентом найти общий язык, заинтересовать разговором, а затем – уютная обстановка в самой трапезной, где студенты дали себе волю в питии и в закусках...

Король Александр – это не только мудрый правитель, народный Вождь, это выдающаяся светлая личность. Не потому ли в заговоре против него переплелись нити, шедшие и из Кремля, и из Ватикана, и из Германии, и из ряда социалистических правительств?

В течение одного года человечество потеряло троих великих Мужей: Короля Александра, Короля Альберта Бельгийского и архиепископа Иоанна Латвийского, ставших жертвою злобы одного и того же Зверя, направляющего мир по пути, марксовым социал-интернационалом начертанному.

Не пришлось мне видеть лично ни Короля Альберта, ни архиепископа Иоанна, но сердце подсказывало, что это Божии мужи, на которых Свыше пал жребий священной борьбы и преодоления воцарившегося в России и по всему миру расползающегося сатанизма. Долго оплакивал я их трагическую смерть.

Самым дорогим местом был для меня в Белграде Свято-Троицкий храм с его уставными службами, прекрасным хором. Из чтецов особо выделялся Лева Бартошевич, в то время студент. Бывало, стоишь в храме, на первой седмице Великого поста, за утренней великопостной службой. Служба длинная, а усталости не чувствуешь. Быстрое четкое чтение на клиросе заставляет тебя невольно участвовать в богослужении, обогащая сердце все новыми и новыми переживаниями.

Так мог читать только Лева Бартошевич, музыкально одаренный, любимец Митрополитов Антония и Анастасия, в котором Митрополит Анастасий видел своего преемника на великой свещнице Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Об этом говорил мне уже в США сам владыка Анастасий. Лева – епископ Леонтий – в молодом возрасте скоропостижно скончался в Женеве.

Чудотворный образ Курско-Коренной, знамена Российской Императорской Армии, служение Митрополита Антония и его проповеди, состав духовенства во главе с незабываемым о. Петром Беловидовым – все это влекло в Троицкий храм молодое сердце, ищущее в жизни невидимости счастья, а счастья реального, непреходящего.

Все в храме дышало любовью, на лицах молящихся – устремленность ввысь, к подлинной реальности. Передо мной и сейчас трогательная картина верности в любви к России, павшей по милости американо-европейского капитала под натиском марксова интернационала: входят в храм бывшие военные в своих старых шинелях и мундирах; приложившись к святым образам, подходят к знаменам и, осеняя себя крестным знамением, целуют древка знамен; на их лицах слезы покаяния и боли за Россию.

Нередко, возвращаясь после вечерних лекций восвояси, при виде открытых дверей храма или света в окнах заходил я в храм. Там гроб, в нем неизвестный мне почивший, ставлю свечу и читаю над покойным Псалтирь.

Курсовые экзамены проходили довольно успешно. Готовился я к педагогической деятельности, поэтому особое внимание уделял курсу психологии, педагогики и методики преподавания. Педагогику и методику слушал у проф. Йордана Илича. Он был моим любимым профессором, несмотря на то, что по русскому языку, который он же преподавал в Университете, получил я всего лишь 8 из 10. А ведь я отлично окончил русскую гимназию!

По педагогике и методике оказался я у него лучшим студентом. Когда я покидал Белград, проф. Илич устроил мне прощальный ужин, предвещая большие успехи на педагогическом поприще. «Человек предполагает – Бог располагает». Так вышло и со мной. От меня не за-

висящие жизненные обстоятельства поставили меня на тот путь, от которого хотел я любой ценой уклониться, путь тяжелый, крестоносный путь приходского священника. Мечтал я о преподавании в Духовной Семинарии, а может быть, и на Богословском факультете.

Знакомил меня Промыслитель со сложностью жизни и в период моего пребывания в Югославии, проводя чрез ряд испытаний и искушений. В начале 1934 года получил я от секретаря Варшавской Консistorии частное письмо, в котором автор извещал меня о том, что мне следует готовиться к отъезду из Югославии.

В Министерство Исповеданий кто-то сообщил, что я якобы веду в Белграде антиправительственную агитацию, и граф Потоцкий решил меня немедленно отозвать в Варшаву, лишая возможности закончить курс учения.

Что делать? Не раз возникал передо мною этот вопрос. Сам Господь выводил меня из трудного положения. Долго проверял я мои отношения со студентами и в Варшаве и в Белграде, проверял разговоры с ними, ночи не спал в поисках виновника клеветы и... нашел: он сидел в Варшаве.

Не ожидая нежелательного письма из Министерства, решил я немедленно предстать пред очи графа с оправдательными бумагами. Директор Королевского Студенческого дома, которому я подробно изложил нависшую надо мной угрозу, охотно выдал мне свидетельство о том, что я веду среди студентов большую работу по ознакомлению их с польской культурой и историей.

С этой бумажкой в руках (хранится она у меня до сего дня) я без особого труда получил нужное короткое свидетельство и от секретаря польского посольства, недавно оскорбившего меня требованием сбрить бороду.

С такими документами и отправился я в Варшаву. Явился к доктору Загуровскому с просьбой разрешить мне остановиться в общежитии студентов-богословов. Не скрыл он своего удивления, увидав меня перед собою, удовлетворил мою просьбу и сказал:

– А знаете ли Вы, г. Зноско, о том, что ведете Вы себя за границей неподобающе?

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Вы там выступаете как враг Польской республики. Завтра к 10 часам утра извольте явиться к графу Потоцкому в Министерство Исповеданий.

На следующий день предстал я пред ясные очи графа. Слышу от него то же, что сказал мне накануне д-р Загуровский. Решительно отрицая клевету, говорю графу, что у меня есть убедительные доказательства того, что обвинение является клеветой и называю имя студента-иностранца, от которого, по чувству обиды, мог исходить подобный донос.

Граф нерешительно отрицает участие в доносе названного мною лица и просит представить ему через д-ра Загуровского доказательства моего лояльного к государству поведения за границей. На следующий день являюсь к д-ру Загуровскому и вручаю ему привезенные из Белграда оправдательные документы.

– Странно, вы в порядке, – сказал мне д-р Загуровский, ознакомившись с содержанием представленных ему двух бумажек.

И на сей раз оградил меня Промыслитель от тяжелых возможных последствий клеветы человеческой.

На втором году пребывания в Югославии подошел ко мне в Троицком храме незнакомец: разрешите с Вами познакомиться. Это был Алексей Юлианович Г-ский, русский патриот, борец за Православие, гонимое в Чехословакии и Польше. Сам он уроженец Прикарпатской Руси. Тема его жизни: борьба за Православие, за гонимую Церковь Христову, за сохранение исторического русского облика Прикарпатской Руси.

Постоянно жил Алексей Юлианович в США, где занимал видное положение в жизни американской Руси, а летние каникулы проводил в Югославии. Король Александр и Патриарх Варнава заступились за него, когда он, преследуемый чешским правительством, бежал из Чехии в Югославию.

Чем же мог я, студент, заинтересовать Алексея Юлиановича? Ему нужны были документы о гонении на Православие в Польше. Эти документы можно было найти только в архивах Духовных Консistorий. О доставке ему в копиях этих документов и просил он меня.

Познакомившись, сидели мы с ним в ресторане за «русским чаем» с хорошей закуской, а прощаясь, он поздравил меня «с почетным сотрудничеством в Божием деле».

Все наши встречи происходили в отдельной комнате одного из лучших ресторанов Белграда. Чем и как мог, старался помочь Алексею Юлиановичу.

По окончании учения в Белграде, за два месяца перед моим отъездом в Польшу состоялась наша предпоследняя встреча. На ней Алексей Юлианович предложил мне в благодарность за сотрудничество двухгодичную стипендию в Оксфордском Университете в Англии.

Обрадовало меня такое внимание и возможность продолжить образование, к тому же и изучить английский язык. Но... Кто же мой подлинный благодетель, кому должен я руку пожать, поблагодарить за такую жертвенность? С этим вопросом и обратился я к Алексею Юлиановичу.

– Что за вопрос, я устраиваю Вам стипендию, Вам никого не надо благодарить, – говорит он мне.

– Нет, – отвечаю, – я никак не могу в жизни играть вслепую, я должен знать моего благодетеля.

Алексей Юлианович убеждает меня в том, что это лишнее и не нужно, я настаиваю на своем: скажите, кто мой действительный благодетель. И в конце концов задаю ему вопрос:

– Скажите, Алексей Юлианович, не связаны ли Вы с какой-либо масонской организацией?

Смутился он и спрашивает меня:

– Скажите, Митрофан Константинович, что дурное видите Вы в этой всемирной благотворительной организации?

Этим вопросом он поставил точку над «i». Сославшись на необходимость получить от папы благословение на поездку в Оксфорд, обещал через недели две зайти к Алексею Юлиановичу с ответом. Через две недели сообщил ему об отрицательном ответе отца. И только теперь, когда прошло 50 лет со дня последней встречи с Алексеем Юлиановичем Г-вским, думаю: не допустил ли я ошибку? Быть может, с большим уважением относи-

лось бы ко мне некое лицо, со сродники его, из Церковного Управления Зарубежной Церкви, без малого 50 лет досаждающее мне своей злобной гордыней и клеветой.

Закончив в 1934 году экзамены, сдал я в декабре свою дипломную работу и, вооруженный дипломом, начал готовиться к возвращению в родной мне Брест-Литовск. Нанес благодарственный визит Святейшему Патриарху Варнаве, Декану Богословского факультета, некоторым друзьям и завершил пребывание в этой уютной славянской стране посещением Митрополита Антония.

– Сейчас мы с тобой побеседуем, – сказал Владыка Антоний, – а в путь и на подвиг служения Церкви благословлю тебя после прощальной трапезы, на которую и тебя прошу пожаловать.

На прощальную трапезу пригласил Владыка своих друзей – по храму знакомых мне студентов и дочь прот. Иоанна Сокала, Нину. За трапезой Владыка обратился ко мне с теплым отеческим напутственным словом, а в конце трапезы отметил присутствие за архиерейским столом, впервые в его жизни, девушки, и подчеркнул: это ради тебя.

Никогда в разговорах со мною не затрагивал Владыка темы о принятии мною монашества. Смущали меня слова Владыки о том, что «ради меня» к архиерейскому столу приглашена девушка, и решил: воля Владыки быть этой девушке спутницей моей жизни. На следующий день прибыл я в дом о. Иоанна. После короткой с ним беседы, говорю:

– Батюшка, я пришел просить руку Вашей дочери. И... получил отказ.

– Рука моей дочери принадлежит другому, – сказал мне о. Иоанн.

– Кто же этот счастливец? – спросил я почтенного протоиерея.

– Ее рука принадлежит Леве Бартошевичу...

Через несколько лет узнаю о том, что Лева Бартошевич принял монашество с именем Леонтия. Пережив, как я думал, неудачу, решил, что Господь направляет меня на путь иночества, и с этой мыслью покинул Югославию.

Глава V

В поисках невесты. Женитьба

Вскоре по возвращении из Белграда приступил я к отцу с просьбой благословить меня на иноческий путь. Стал перед отцом на колени, ожидая его благословения.

– Встань! И смотри мне в глаза, – решительно сказал папа.

Встал, устремил взгляд свой на отца, и он, внимательно всматриваясь в мои глаза, сказал:

– Нет, благословить не могу, монах из тебя не выйдет.

– Почему? – огорошенный ответом папы спросил я.
– Ведь вся моя жизнь до нынешнего дня безупречна в моральном отношении.

– Еже сказах, сказах, монах из тебя не выйдет, – повторил мне отец.

– Тогда благословите на целибатное священство.

– Хорошо, не возражаю. На этом пути ты свободен от суровых обетов монашества, в случае проявления слабости не явишься нарушителем Богу данной клятвы. А за благословением на этот путь поезжай к Митрополиту Дионисию, он должен одобрить и благословить.

Еду в Варшаву. Предстал пред ясные очи владыки Митрополита Дионисия. Бух ему в ноги.

– Чесо ради пришел еси, чадо, – спросил меня Владыка.

– Священства прошу, Блаженнейший Владыка.

– А женат ли ты?

– Нет, не женат, хочу быть целибатным священником.

– Сколько тебе лет?

– 26 лет, Ваше Блаженство.

– Молод ты, не могу благословить на этот полный соблазнов пастырский путь, вот годков 14–15 погуляй и, когда исполнится тебе сорок лет, придешь ко мне, слышишь – ко мне, испытаю твою совесть, и тогда решим, сможешь ли ты нести достойно подвиг целибатного священника. А вот, если хочешь, поезжай в Почаевскую Лавру, стань на иноческий путь. Я лично совершу

постриг, рукоположу тебя во иерея, и вскоре будешь у меня в Варшаве.

– Владыко святой, это моя мечта – принять иноческий постриг, но отец мой отказал мне в своем благословении.

– Ну, если отец отказал, его решение отменить я не могу.

Таким образом, очутился я на распутье. Что делать? Возвращаюсь в дом отца, хожу с опущенной головой. Подходит ко мне папа и ласково говорит:

– Ищи невесту, примешь священство и поможешь мне в заботах о твоих братьях.

Братья, в общем, в помощи моей не нуждались. Вспомнив братьев, папа, полагаю, хотел придать больший вес данному мне совету – жениться и скорее принять священство. В общем, слово родительское – закон. Пришлось пуститься в долгое путешествие в поисках невесты.

Та, которой я более чем симпатизировал в гимназические годы, вышла замуж. Начал поиски невесты с Полесья. Недалеко от Бреста жил батюшка о. Димитрий Б. Неоднократно в мои гимназические годы говорил он моему отцу:

– Вот если бы Митроша женился на моей Шурочке, был бы я счастлив, уже я и приданое начал готовить в твердой валюте.

С дома этого батюшки и начал я поиски спутницы моей жизни. Батя сразу сообразил, зачем я приехал. За-трещали дрова в печи. Матушка жарит, пирожки выпекает, батя за колбасами отправился.

Пригласили к обильной вкусной трапезе. Искрится водочка холодная в хрустальном графинчике. Оживленная беседа о годах, проведенных мною за границей. Опрокинули по рюмочке, второй и... батя наводит разговор на тему о цели моего у них неожиданного появления.

Наполнив себе и гостю по третьей рюмке, гостеприимный хозяин унес графинчик со стола и водворил его в буфет. Поразила меня его бестактность. Как неожиданно гость появился, так же неожиданно и со стула поднялся, не прикоснувшись к третьей рюмке.

– Простите, – говорю, – должен к автобусу спешить.
– Что Вы, что Вы, да так нельзя! Вечером будет поро-
сеночек и гусь, а Вы нас покидаете!

Не задержал меня соблазн вкусно поужинать, не был я склонен и к рюмочке. Бестактность хозяина, в буфет запрятавшего графинчик с водкой, подсказала мне: тебе не место здесь.

От батюшки о. Димитрия направился в дом бывшего директора русской гимназии в Бресте. Т. К. Лось – богатый хуторянин, окончил Московский университет, женился на красавице, дочери русского помещика. На одном из своих уроков он нам рассказывал о том, как он – студент, желая поцеловать любимую девушку, становился на стул:

– Сам я ростом мал, а она высокая, – с улыбкой говорил он.

И дочь у них красива была. К ней-то и направил я стопы свои. Старый батя, с волчьим нюхом, встретил меня у порога своего дома с вопросом:

– Небось за рукой моей дочери прибыл?

– Да, – отвечаю.

– Поздно, моя дочь обручена.

Не переступив порога его дома, возвращаюсь в Брест и думаю: а может быть, и не обручена? Просто прогнал меня старик, вспомнив, как (нехотя, конечно, и для себя неожиданно) я стукнул его на большой переменке в лоб приличным камушком. Возможно, думал я, вспомнил старик этот случай и решил избавиться от «прозорливого» зятя: с приходом в 1939 году к нам Красной власти он открыто объявил себя воинствующим безбожником.

Потерпев неудачу на Полесье, отправился я на Холмщину. Посетил г. Холм, Влодаву и ряд приходов. Остановился в гостинице. Зашел к добрейшему настоятелю митрофорному протоиерею Теодоровичу. У него за уютной трапезой провел вечер, стал из-за стола, направляюсь на отдых в гостиницу. Где там! Почтенный старый батюшка и слышать не хотел о том, что сын собрата-священника не у него, а в гостинице остановился.

Пошел со мною в гостиницу, уплатил за сутки, и повел меня в свой уютный домик, не позволив мне нести мой чемодан, сам его понес.

– Ночку отдохните, завтра ближе познакомимся, посвятите меня в тайну Вашего здесь появления; может, и моя помощь понадобится. Спокойной ночи!

У прот. Теодоровича проведенные дни для нас обоих, и для батюшки и для меня, были и радостными и забавными. Я радовался встрече с мудрым, опытным и добрым пастырем, он с большим вниманием слушал о нашем Авве Митрополите Антонии (Храповицком) и о Сербской Церкви.

– Вы совершаете поездку в поисках невесты. Имейте в виду, что в моем благочинии есть хорошие, достойные внимания барышни. Но как вы их навещать-то будете?

– Намерен я, отец протоиерей, заарендовать велосипед, на нем и посещу приходы, которые вы мне укажете.

– О, нет, нет, невозможно, чтобы сын отца Константина разъезжал на велосипеде. Мы найдем «такси», он и будет Вас возить. Ведь не будете же вы сразу свататься, едете лишь познакомиться и присмотреться к девушкам. На такси будет и быстрее и более внушительно. Стоимость такси оплачиваю я. Только имейте в виду, Вы едете по приходам не как жених, а как ревизор от Консистории. Вас будет сопровождать мой внук Юлиан, он будет представлять Вас о.о. настоятелям.

И поехал я в качестве «ревизора»... С каким радушием встречали батюшки нежданного «ревизора», как угощали! В ответах о.о. настоятелей на вопросы мои о состоянии приходов, о вере и усердии прихожан в их духовной жизни, о напастях со стороны гражданских властей, о материальном положении батюшек, я как будущий священник почерпнул для себя много поучительного, что пригодилось мне в моей пастырской работе. Но... невесты себе не нашел, вернулся в Брест усталый с мыслями о трудности пастырского пути.

Отдохнув несколько дней дома, направил стопы свои в Варшаву, имея в виду мою однокашницу по брестской гимназии, дочь помещика, девушку умную, скромную, вдумчивую. Зашел к ней на чашку чая. И что же? В долгой дружеской беседе обнаружил в ней сухой характер, для будущей матушки неподходящий, и ушел ни с чем.

На вечер следующего дня пригласили меня к ужину в почтенный, мной весьма почитаемый дом. Там мать-вдова и две дочери, из коих старшая уже обручена. Ее жених – мой старший однокашник по Варшавскому университету.

Частенько бывал я в этом уютном гостеприимном доме в годы моего студенчества в Варшаве. Со вкусом обставленная небольшая квартира. Мама В. М. с дочерьми и с приглашенными гостями ожидают меня, я маленько запоздал. Красиво и богато сервирован стол. Ужин, оживленный разговор, шутки, анекдоты.

К концу ужина, перед подачей кофе со сладким в разговорах и шутках заметил я и почувствовал готовящуюся на меня атаку – сватовство младшей дочери, девушки скромной и достойной внимания, но... как это так? Ловушка? Сватовство с уговорами? Нет, сказал я в сердце своем, не желаю видеть переживаний доброй девушки, не нанесу ей рану.

Встал и, поблагодарив добрейшую хозяйку за гостеприимство, извинился и покинул милейшее собрание добрых друзей. Неожиданный уход из-за стола объяснил условленной встречей с одним профессором.

Что делать? Куда ехать? В Ровно, на Волинь. Вмиг очутился я на главном вокзале и утром следующего дня сидел в приемной недавнего однокашника по Варшавскому университету, бывшего помощником настоятеля Ровенского собора.

Посидели, побалакали, в свою квартиру он меня не пригласил; получил от него интересующие меня сведения о русской колонии в Ровно и отправился на отдых в гостиницу.

Две недели провел я в Ровно, регулярно посещая богослужения в соборе и, по совету друзей, ряд интересующих меня домов. Два дома привлекли мое внимание. В одном из них девушка – сказочная красавица. Но что такое? Захожу к ней, она сидит на диване – по восточному обычаю, с поджатыми ногами. Часами беседуем, она не встает, ухожу – остается в том же положении. Решил ворваться в дом без предупреждения.

Эта очаровательная умная девушка оказалась кривоножкой, ноги буквально дугой. Увидав меня, смутилась девушка. Как и при прежних встречах, провел я с ней немалое время в беседе, обещая перед отъездом из Ровно еще раз зайти, и свое обещание исполнил.

Второй дом, который привлек мое в Ровно внимание, был дом б. полковника Императорской Армии. Милая, стройная его дочь Тamarочка была учительницей в среднем учебном заведении. Вскоре стало мне известно, что она пользуется большим авторитетом и уважением среди коллег-преподавателей. Много раз в течение недели встречались мы, беседовали, чувствовалась взаимная симпатия. В этом доме, думал я, окончательно решится судьба моя, но иначе решил Тот, в Чьей деснице пути человеческие.

Прихожу к Тamarочке в субботу. Во время оживленной нашей беседы раздался благовест – соборный храм призывает ко всенощной. Встали мы с ней, выходим из дома. И только сошли по ступенькам на тротуар, раздался из окна дома зычный голос:

– Тaмaрa, ты куда уходишь? – грозный оклик матери.

– Идем ко всенощной, – спокойно ответила Тaмaрa.

– Вернись! – крикнула мать. – Все готово к игре, сейчас придет Н. Н., а ты, партнер, уходишь. Вернись!

Ни слова не ответив матери, Тaмaрa тихонько промолвила:

– Это я впервые послушалась маму, – и грустно зашагала в храм...

С не меньшей грустью и я сказал себе: это последняя наша встреча, эта семья не для меня, будущего священника. После всенощной проводил Тaмaрy в дом ее родителей, поблагодарил их за гостеприимство и на следующий день отбыл в г. Кременец в надежде встретить там девушек, с которыми познакомился некогда в доме настоятеля собора о. Наркиса.

Оказалось, что эти милые девушки, все из духовной среды, успели повыходить замуж, обзавелись семьями. Ведь со времени нашей встречи, в дни моего пребывания в Духовной Семинарии, прошло свыше восьми лет!

К девушкам, родители которых сулили богатое приданое, не потянуло меня. Уехал я из Кременца в Луцк, на кладбище которого погребен прот. Орест Мильков. На его могилу потянуло меня. Прот. Орест, бывший член Гродненской Духовной Консистории, военный священник в чине полковника, противник автокефалии Православной Церкви в Польше, в совершенстве владевший французским языком, до Первой Мировой войны совмещал преподавание французского языка в одной из гимназий со служением Церкви.

После отстранения польским правительством от управления епархиями епископов Пантелеймона (Рожновского), Владимира и Сергия и высылки последних двоих за пределы Польши о. Орест встретил епископа Алексия, в Гродно назначенного правительством, с револьвером в руке.

Отец Орест был другом моего отца, а для меня – вторым отцом. Проводя у его могилки целые дни, готовился я к принятию священства, изучая тексты служебника и требника. Две недели провел я и в Луцке. Там познакомился с милой русской девушкой. Произвела она на меня очень хорошее впечатление. Не попади я в гостинную комнату ее родителей, пожалуй протянул бы ей руку. В гостиной поразила меня резко бьющая в глаза «попутайщина» и безвкусица. Нет, зачем обрекать себя на вечные страдания от безвкусицы жены?!

Так безрезультатно прошли поиски друга жизни и в Волынской епархии. Решил я ехать обратно в Вильно с остановкой в г. Бельске-Подлиском. В этом городе священствовал о. Симеон Цыбрук, еще с дореволюционного времени близкий моему отцу, уважаемый духовенством благочинный и любимый народом пастырь.

Три его дочери учились в русской гимназии в Бресте. Старшая из них – Елизавета, усердная церковница, обладавшая большим даром пера, выдающихся способностей, можно сказать, крутые сутки не выпускавшая из своих рук книгу, усердная помощница по хозяйству своей матери-праведницы, любимица и гордость гимназии. Она была старше меня по летам и по классу.

Молодому человеку, тем более будущему священнику, нельзя было пройти мимо этой одаренной и вместе с тем скромной и застенчивой девушки. Ко времени моих поездок в поисках невесты Лиза успела окончить Виленский университет, прошла курс лингвистики в Венском университете и была преподавательницей немецкого языка в одной из гимназий в Вильно, где заканчивали русскую гимназию две младшие сестры.

Целью моей остановки в Бельске было желание попытаться получить руку Лизочки. Прибыл я в Бельск в одну из суббот, после полудня. Это было летнее каникулярное время, вся семья о. Симеона была в сборе. Стою у двери кухни, слышу из столовой долетающие оживленные голоса молодежи. В гостеприимном доме батюшки всегда на субботу и воскресенье слетается молодежь.

Стучу в дверь, открывает дверь добрейшая матушка Анна Павловна.

Навстречу гостю поднялся сам хозяин дома. Радостные приветствия. Обращаю внимание на смущенные лица девушек – дочерей хозяина. Как узнал я после, в то время, когда стоял я у двери кухни, за столом шел разговор о женихах, в этом разговоре принял участие и отец девушек.

И вот что знаменательно – не успел о. Симеон сказать: не знаю, за кого вам, дочери мои, судит Господь выйти замуж, но хотел бы, чтобы одна из вас вышла замуж за Митрофана... и в этот момент раздался стук в дверь, и в кухне появился сам Митрофан.

Вечер субботы и все воскресенье после обеда провел я с о. Симеоном. Молодежь веселилась, танцевала на большой веранде настоятельского дома. Понедельник решительный для меня день: утром протяну руку Лизе. Не спится. К пяти часам утра слышу, кто-то встал... тихий шум, шаги. Шаги утихли, но шум не прекратился. Через дверную щель вижу – самая младшая пол моет, кипит работа в ее руках, а минут через 45 началось в доме полное оживление.

Кого-то привели с вокзала. Вижу, через щелочку моей спальни, рядом с Лизой стоящего в столовой великана. Понял: жених, к тому же и интересный. Думаю:

пропал Митрошка. Что же мне делать? На кладбище обнаружил могилы близких родственников. Эге, думаю, это не случайная встреча с родными могилами. С кладбища захожу в храм, а там дьякон трудится.

– Надолго к нам? – обращается он ко мне.

– Нет, – говорю, – дня на два-три, приведу в порядок могилы родных и еду в Вильно.

– А зачем в Вильно? И здесь у батюшки есть девушки, да и могилки Ваших родных здесь, куда Вам ехать?

Тут-то снова задумался я и решил во вторник утром свататься к младшей – Александре. Чудный летний день. В любимом садике батюшки благоухают цветы. В грядках клубники трудится сам батюшка о. Симеон. Тихонько подхожу к нему.

– Отец протоиерей, могу ли я отнять у вас минутку времени?

– Да, пожалуйста, что случилось?

Уселись на скамеечке.

– Прошу руку Вашей дочери...

– Простите, которой?

– Александры.

– Хорошо, а с ней Вы говорили?

– Нет, – отвечаю я.

– Как же так? Ну, ничего, я сам ей передам. После часов четырех познакомьтесь с ней.

Не имея еще согласия дочери, о. Симеон вдруг задает мне вопрос:

– Когда же Вы думаете венчаться?

– Месяца через два-три.

– А зачем так затягивать? В пятницу этой недели венчается Лиза, вот и вас с Саней сразу повенчаем.

Что мог сказать я мудрому и расчетливому будущему тестю? Он прав, к чему лишние расходы, к чему затягивать нервную в доме атмосферу, ненужный шум и трепку нервов? В словах о. Симеона почувствовал я человека трезвого, старину здоровую. Разумное послушание – надежная основа жизни.

После четвертого часа вышла в садик моя избранная. Улыбкой встретили мы друг друга, протянутая рука была принята. До свадьбы два дня с половиной. С согла-

сия невесты, поздним поездом во вторник возвращаюсь в Брест на предбрачную исповедь и к причастию Святых Тайн.

Папа одобрил мой выбор. Оплавав свое девство и мечту о монашестве, исповедался, причастился и в пятницу утром прибыл в дом невесты.

– Поздравьте меня с принятием Святых Тайн! А Вы, дорогая, поговели?

– Да я и не думала, – отвечает суженая.

– Как же так? – спрашиваю я.

– Очень просто, не была уверена в том, что Вы сегодня вернетесь, – с милой улыбкой ответила Санюша.

Понятно мне было ее состояние, ведь события развернулись с такой быстротой, что не мудрено и растеряться. К вечеру приехали папа с моими братьями и сестрой. Вечером, при громадном стечении народа, в Пречистенском храме г. Бельска повенчали двух сестер: Лизочку с милейшим Евгением Ивановичем Евец, стройным уланом, блестяще окончившим Учительскую Семинарию и Варшавскую консерваторию – венчал мой отец, а Санюшку и меня – маститый старец, столп веры о. Лев Тиминский.

Отец Лев вместе с другими батюшками открыто выступил перед польским правительством против гонения на Православие в Польше и введения вместо церковнославянского польского языка как языка богослужебного и проповеди. Свой протест они разослали всем Главам Поместных Православных Церквей.

Отец В. Бобковский, по требованию гражданских властей, был лишен благочиния, прихода и сослан в Жировицкий монастырь, где принял монашество с именем Венедикта, был епископом Брестским, затем – архиепископом Гродненским и Берлинским и Германским.

Глава VI

На пути к рукоположению

С началом августа 1935 года открылась новая страница моей жизни. Проведя несколько дней с моей юной

супругой в доме ее отца, отбыл я, в одиночестве, в Брест, а оттуда – к правящему архиепископу Полесскому и Пинскому Александру с ходатайством о рукоположении меня в сан диакона, затем – иерея с предоставлением места настоятеля в его епархии.

Прекрасный администратор, строгий и вместе с тем милостивый архипастырь, встретил меня с отеческой любовью и лаской. Расспросив о моем пребывании за границей, о встречах с Митрополитом Антонием (Храповицким) и Сербским Патриархом Варнавой, Владыка внимательно прочитал мое прошение, задумался и начертил на нем резолюцию:

«В Консисторию – определить день рукоположения с назначением на должность настоятеля градо-Брестского Свято-Николаевского Братского храма с зачислением прот. Константина Зноско за штат». Вернув мне прошение с его резолюцией, Владыка сказал:

– Отнесите в Консисторию.

Прощение с резолюцией правящего архиепископа принял из моих рук член Консистории, он же епархиальный миссионер, прот. Павел Калинович. Громко огласив резолюцию Владыки, о. Павел снял очки, устремил на меня свои гневные глаза и буквально заорал, обращаясь к другим членам Консистории:

– Отцы! Это возмутительно! Еще в штанишках разгуливает, а уже настоятель такого видного прихода, как Брестский Свято-Николаевский с его учебными заведениями! Это невозможно. Каждый из нас готов променять сидение в Консистории на этот приход. Идем к правящему с протестом!

И пошли. Стою я, пораженный бестактностью о. П. Калиновича, и думаю: чем же это кончится? Подошел ко мне заведующий хозяйственным столом в Консистории прот. Иоанн Бекиш и шепнул мне на ухо:

– Зайдите вечером на чашку чая, всё Вам расскажу.

С русским радушием встретила меня вечером матушка Ксения Васильевна. Не успел я плащ снять с плеч своих, как она уже поведала о том, что им известно о моем неудавшемся сватовстве к Ниночке Сокаль.

Мать Нины – родная сестра о. Иоанна Бекиш. Понял я, чем было вызвано о. Бекишем проявленное ко мне внимание.

– Пришли мы к Владыке, – рассказывает о. Иоанн, – о. П. Калинович, поддержанный о.о. А. Житинским и К. Комар, возбужденно говорил о недопустимости назначения начинающего священника на столь видное и ответственное место, что заслуженное духовенство епархии примет это назначение как личное оскорбление, и просил Владыку аннулировать резолюцию, начертанную на моем прошении.

Владыка обратился ко мне:

– Отец Иоанн, а Вы что скажете?

– Ваше Высокопреосвященство! Имея в виду авторитет правящего архиерея, нахожу отмену Вашей резолюции невозможной. Но поскольку о.о. члены Консistorии так настойчиво возражают против назначения в Брест М. Зноско, назначьте его вместо Бреста ключарем кафедрального собора.

С радостью приняв мой совет, Владыка обратился к о.о. членам Консistorии:

– Ну, что, отцы, я согласен с о. Иоанном, а вы – желаете видеть о. Митрофана в должности ключаря собора?

В ответ последовало категорическое «нет».

Владыка сам назначил день рукоположения меня во диакона и в тот же день отправил мое назначение в Брест на утверждение Полесскому губернатору Костек-Бернацкому. Губернатор немедленно сообщил Владыке, что я являюсь неподходящим кандидатом для губернского города.

Владыка поручает мне лично посетить губернатора и выяснить причины его отказа.

Костек-Бернацкий не принял меня, направил в канцелярию начальника губернского Отдела Государственной Безопасности. Не успел я приблизиться к служебному столу начальника госбезопасности, как раздался его зычный голос:

– Пане Зноско, Вы хотите быть настоятелем в Бресте? А скажите, где Вы по публичным домам таскались,

здесь – в Бресте? И в этом же городе хотите быть душепопечителем, а?

– Этот вопрос, господин начальник, не в Вашей компетенции, об этом спрашивать меня может только епископ, но не Вы. Этим вопросом Вы о себе самом свидетельствуете.

– Нет, нет, Вы мне честно на мой вопрос ответьте, – заорал начальник.

– Запросите об этом моего епископа. До свидания.

С этими словами я покинул его кабинет. Возмущенный, зашел я по дороге к уездному начальнику того же отдела. Это был в России воспитанный джентльмен. Изложил перед ним мое возмущение, побранивая слегка власти за оскорбительное отношение к архиерейскому сану, за пагубную для государства политику по отношению к Православной Церкви.

Внимательно выслушав меня, он спокойно ответил:

– Я Вас понимаю, однако, во всем, что творится в отношениях к вашей Церкви, доля вины лежит на вашем духовенстве. Передо мною личное дело первого благочинного Полесской епархии. Что ж, до революции он был членом «Союза Русского Народа», с возрождением Польши заявил себя белоруссом, а сейчас фигурирует у нас как... поляк.

Поехал я с докладом к архиепископу Александру. Владыка, выслушав меня, одобрил мое поведение в государственных учреждениях и сказал:

– Архиерейское слово отмене не подлежит. Вы будете настоятелем в Брест-Литовске, а пока что назначаю Вас законоучителем Брестской русской гимназии.

С 1 сентября 1935 года вступил я, в пику Костек-Бернацкому, на путь служения Церкви в Брест-Литовске. Не могу не отметить следующей маленькой детали, предшествующей моему рукоположению во диакона. Отец Павел Калинович поручил о. Иоанну Бекишу сообщить мне, что он, отец Павел, перед рукоположением подвергнет меня экзамену, на что я ответил:

– Пожалуйста, скажите о. Павлу, что я устрою ему встречный экзамен, по образовательному цензу он не выше меня.

Конечно, никакого экзамена не было, хотя испытание моей совести перед рукоположением Владыка поручил именно о. Павлу. И в этом сказалась мудрость Владыки.

Глава VII

Педагогическая деятельность

С увлечением отдался я педагогической работе, о которой мечтал, находясь еще на студенческой скамье. С любовью приняли меня в свой круг преподаватели гимназии, многие из которых были моими учителями. Новым был для меня Директор К. М. Розенович. Ярko запечатлелся в моей памяти первый урок. Это был 6-й класс.

Когда я заканчивал гимназию, они были учениками 1-го класса, помнили меня гимназистом. Это был самый буйный класс в гимназии, класс «разбойников». По правилам гимназии, нового учителя вводил и представлял классу инспектор или классный наставник. Оба, и инспектор и классный наставник, уклонились от своей обязанности, пришлось Директору ввести меня в буйный класс.

Во всех классах идут уроки – тишина, а в 6-м – крики, визг... Открывает Директор дверь, крик не прекратился. На учительском столе с метлой в руках ученица Шид-ая: при появлении Директора разразился хохот... Понадобилось 20 минут, чтобы водворить в классе порядок. Все эти двадцать минут стоял я за спиной Директора, с ужасом глядя на неугомонную ораву и приговаривая в себе: ничего, приучу к порядку. Ушел Директор.

– На молитву! – скомандовал я. – Садитесь.

Все взоры устремлены на меня. Я медленно, молча шагаю, от стены до стены, по классу. Лицо мое напряжено. В классе абсолютная тишина. Звонок на перемену. Я обращаюсь к классу:

– Того, что наблюдал я сегодня, больше не будет. Запомните это! И еще: когда я излагаю новый урок, руки у всех должны быть на парте или за спиной, во время уроков – никаких разговоров...

– Встаньте, молитва.

И после молитвы вышел из класса. Сам был удивлен: в течение всего учебного года порядок на уроках был образцовый. И Директор, и учителя удивлялись моему успеху, а я чувствовал, что экзамен сдан мною отлично.

Преподавание давало мне громадное моральное удовлетворение, радость. Радость увеличивалась еще и тем, что учащиеся всех классов не только не решались нарушать дисциплину на уроках, но и полюбили своего молодого учителя. Хотя преподавание Закона Божия не подлежало контролю школьного округа, визитатор выразил пожелание побывать на моих уроках. Для этого требовалось согласие самого преподавателя. Я охотно согласился видеть его на моих уроках.

Посетил он два моих урока в разных классах, в обоих случаях крепко пожал мою руку и внес в журнал высокую оценку методики преподавания Закона Божия.

Любил я нести дежурства по наблюдению за поведением учащихся как на собраниях кружков любителей литературы и физики, так и в вечерние часы в кино, в театре и на улицах города. Учащимся разрешалось появляться на улицах только до 8-ми часов вечера. В поздние часы могли выходить лишь в сопровождении родителей или родственников старшего возраста.

Разрешали им посещение фильмов, одобренных школьным округом. Эти дежурства развили во мне наблюдательность и способствовали развитию во мне продуманного отношения к нарушителям школьных правил.

Физику преподавал в нашей гимназии старый доверенный учитель Владимир Емельянович Никонович. Это был ученый чудаков. Свой предмет знал он, видимо, блестяще, вел личную переписку с Эйнштейном, с которым затеял ожесточенный спор по теории относительности. Его чудачество сказывалось на увлечении миловидными ученицами старших классов. Часто во время большой перемены с веранды настоятельского дома, расположенного близ гимназии, далеко разносилось пение ему посвященного стиха:

*Никонович старый паяц,
Любит девушек у нас,
Он все прячется, как заяц...*

и т. д.

Возможно, что эта постоянно слышимая песенка сдерживала пыл его влюбленности. На одном из собраний кружка любителей физики Владимир Емельянович вел беседу о развитии авиации, о значении этой отрасли техники в жизни человечества, демонстрируя на экране новые типы самолетов.

Вечером того же дня я нес наблюдение за поведением учащихся во внеурочные часы. Решил заглянуть к любителям физики. Вошел я в класс, заполненный учащимися, в тот момент, когда ученый физик закладывал в проекционный фонарь детали нового самолета.

Как только он зашагал от экрана к задней стене класса, его старший сын вытащил из фонаря модель нового самолета и заложил открытку женщины в «костюме Евы». Подойдя к задней стене класса, откуда он обычно объяснял детали на экране демонстрируемых предметов, Владимир Емельянович, обращаясь к слушателям, сказал:

– Так вот, перед вами... гм, а это что такое, как это случилось?

В классе неумолкаемый хохот. Немудрый в своем поведении ученый физик получил заслуженный щелчок от собственного сына.

Никто проказника не выдал.

Дирекция гимназии, по просьбе В. Н. Валенкова, поручила мне опеку над организацией русских бойскаутов, так что круг моей работы с молодежью значительно расширился. Нашу дружину бойскаутов я любил, многим, многим положительным в моем развитии ей обязан.

В круг своих обязанностей ввел я как законоучитель беседы с учениками, нарушавшими классную дисциплину и осужденными на сидение в карцере. Выходило так, что и я с ними как бы отбывал наказание. Чаще всех отсиживал в карцере ученик 3-го класса, Женя. Учителя не могли с ним справиться. Исключали его из гимназии на

несколько дней, посылая ему на дом домашние задания, и на месяц – ничто не помогало. Единственный, кто на него не жаловался, был законоучитель.

Больше всего досаждал Женя молодой учительнице польского языка. Последняя его выходка на уроке этой учительницы была настолько дерзкой и аморальной, что учительница, не доведя до конца урок, подала Директору заявление об уходе из гимназии, если этот дерзкий мальчишка не будет удален из состава учащихся.

Директор поспешил созвать экстренное заседание Педагогического совета. Заседание состоялось на большой переменке. Женю единогласно решили удалить из гимназии с «волчьим билетом». Не успели после совещания учителя разойтись на уроки по классам, появился в учительской я. Узнав о решении Педагогического совета, я заметил Директору, что принятое постановление не может рассматриваться как окончательное, поскольку оно вынесено в отсутствие законоучителя, без его участия. Взялся на меня Директор:

– Вы, батюшка, знаете, что на нем были испробованы все меры воздействия, разве мало и Вы с ним в карцере просидели? Ничто не помогло.

– Нет, дорогой Константин Михайлович, еще не все меры воздействия на этого несчастного мальчугана использованы. Я говорю как духовник. Прошу не объявлять ему сегодня об изгнании его из гимназии, прикажите посадить его в карцер под замок с тем, что я приду к нему и испытаю еще одно средство воздействия на распущенного мальчугана. Он – жертва той среды, в которой с младенчества протекает его жизнь.

– Какое средство? – спрашивает меня Директор.

– Это пастырская тайна, г. Директор.

Закончился учебный день. Женя сидит под замком в одном из классов. Чтобы убедиться в том, что в здании никого нет, заглянул я в кабинет Директора, в учительскую, обошел все классы и направился к «арестанту». Женя, развалившись, сидит за партой.

– Встань!

Он встал, руки в карманах, ноги широко расставлены.

– Как ты стоишь?! Руки вон из карманов, стань ровно!

Он выпрямился.

– Скажи, Женя, кто ты? Человек? Животное? Или скотина?

Кратко объяснив ему разницу между разумным человеком и животным, между животным и скотиной, почему и когда человека скотиной называют, спросил его снова:

– Так кто же ты?

Он молчит.

– Ты, дорогой мой, скотина. И если на человека-скотину не действуют любовь и увещания, его бьют. Ты, Женя, знаешь, что и я, и все учителя тебя любят, но ты на нашу любовь плюешь, продолжаешь над нами издеваться. Дам тебе сейчас последнее лекарство... – и двинул ладонью в его правую щеку так, что он пошатнулся.

– Стань ровно!

Он стал в струнку. Махнул я и в его левую щеку – он снова пошатнулся.

– Так знай, Евгений, тебе дано сейчас последнее лекарство на исправление. Если хочешь, расскажи твоим родителям. Я же советую тебе сохранить в секрете то, что сейчас произошло, и приходи завтра в гимназию без шалостей, без хулиганства и грубости. Будь примерным в учении и поведении.

На следующий день Женя явился на уроки, не получил ни одного замечания от учителей, извинился перед учительницей польского языка, вызывая в дальнейшем к себе ласку и уважение. Долгое время и Директор и учителя пытались выпытать средство пастырского воздействия на неисправимого мальчишку, но ни я, ни Женя не удовлетворили их любопытство.

Решаясь на подобную меру воздействия на мальчишку-хулигана, я рисковал своей судьбой: поведай он об этом кому-либо, дойди до начальника школьного округа и губернского (воеводского) управления, меня бы лишили права учительства на всю жизнь, а по требованию губернатора – посадили бы на скамью подсудимых. Надо было спасти мальчика, по любви к нему и пошел я на этот риск.

Получая большое моральное удовлетворение от работы в гимназии, я в то же время скорбел. Скорбь была

вызвана тем обстоятельством, что от учительства получаемое мною жалованье не давало возможности создать в Бресте свой семейный уют: снять квартиру и свить свое независимое гнездо. Санечка жила в Бельске у своих родителей, а я пользовался гостеприимством моего отца и воспитавшей нас сестры Оли.

Глава VIII

Рукоположение во иерея

В середине июня вызвал меня в Пинск Владыка.

– С окончанием школьного года освобождаю Вас от должности законоучителя Брестской гимназии, готовьтесь к рукоположению во иерея. Надо спасти приход в Омеленце, там бунт против настоятеля. Посылал туда нашего епархиального миссионера, но он не только не успокоил приход, наоборот – еще более туго затянул узлы. Не забудьте: это командировка, слово архиерея относительно Бреста остается в силе. Посылаю Вас, как бы на экзамен, помогите Вам Господь. По пути в Омеленец необходимо Вам побывать у о. благочинного.

12/25 июня 1936 года, в день преп. Онуфрия, Владыка рукоположил меня во иерея. Это была пятница, седмица о. Иоанна Бекиша в соборе. В субботу 13-го совершаю мою первую Литургию. Вошел в алтарь о. И. Бекиш, когда я заканчивал проскомидию, вынимая частицы по последнему поданному помяннику.

– Очень хорошо, – сказал о. Иоанн и удалился из храма, больше не появляясь на мною совершаемых Литургиях.

Вечером в субботу – всенощная архиерейским чином. После всенощной, у выхода из храма, подошел ко мне о. Павел Калинович и буркнул:

– Завтра Вы проповедуете за Литургией.

Я не возразил, хотя и растерялся. Понял его «политику» – ему надо доказать перед Владыкой мою незрелость, доказать правоту протеста против моего назначения на должность настоятеля в Брест-Литовск.

Пришел я в гостиницу, сижу, в раздумье собирая мысли для проповеди. Вдруг открывается дверь, входит о. Иоанн Бекиш.

– Вы поужинали?

– Нет, – отвечаю я, – собираю мысли для завтрашнего слова.

– Идем ко мне, матушка приготовила чаек и ожидает нас.

Согретый чашкой чая и вниманием матушки с батюшкой, вооруженный пособиями для составления проповеди, напутствуемый советом о. Иоанна – проповедь не больше 20 минут, не вздумайте импровизировать, я сам поставлю Вам аналой для проповеди – отбыл я в гостиницу. Молился и трудился над составлением проповеди до 3-х часов ночи. В храм попал вовремя.

Совершил проскомидию, встретил по чину Владыку, вышел на часы, чувствуя на себе ласковый взор архипастыря. Испросив после причастия благословение, вышел на проповедь.

Отец Иоанн поставил аналой. Закончил проповедь, о. Иоанн улыбается, принимая аналой. Вхожу в алтарь, архипастырь благословляет меня просфорой и говорит:

– Спасибо, батюшка.

Только о. Павел Калинович стоит в алтаре мрачный.

Закончив седмичное послушание в кафедральном соборе, посетил я папу и отправился в Бельск к моей матушке с тем, чтобы к празднику Успения отбыть на приход в село Омеленец.

Глава IX

Собратья. Сослуживцы

В канун Успения прибыл я в Высоко-Литовск к благочинному о. Сергию Дюкову. Протоиерей о. Сергей окончил Духовную Семинарию и Юридический факультет Московского университета. От него я должен был получить сведения о приходе и практические, на первые шаги, указания.

Встретила меня матушка.

- Вы к о. Сергию?
- Да.
- Он скоро вернется, зайдите, садитесь. А как Ваша фамилия?

Я произнес свое имя и фамилию. Матушка приветствовала меня светлой улыбкой и удалилась в кухню. Недолго пришлось ожидать о. благочинного. Я встал, приветствуя его наклоном главы, навытяжку простояв перед ним более двух часов.

В глазах о. Сергия светилась доброта, но сурово звучал его голос. Он шагал по комнате, изредка присаживаясь, говорил мне о моем первом приходе. Стоял я перед ним, как рядовой перед командиром, внимательно слушая его повествование и наставления.

Поведал он, что мой предшественник по Омеленцу, о. Игнатий Романюк, по 3-му пункту «Временных правил о положении Православной Церкви в Польше» лишенный гражданской властью права получения прихода, из Омеленца не выехал и продолжает жить в доме настоятеля; что, спровоцированный молодежью, он был судим за оскорбление Государственного Герба, а так как правящий епископ продолжает защищать его как достойного пастыря, молодежь начала хлопоты о присылке им униатского священника.

– Имейте в виду, – напутствуя меня, сказал о. благочинный, – ни в коем случае не допускайте о. Игнатия к сослужению с Вами. Это вызовет новый скандал, с которым Вы не справитесь.

Поблагодарив о. благочинного за наставления, погрузился на подводу за мной прибывшего старосты Омеленецкого храма р. Б. Семена и – Господи, благослови на дело святое Твое!

Словоохотливый Семен восполнил повествование о. благочинного о приходе и об о. Игнатии данными, о которых не хотел говорить или забыл сказать о. Сергий.

Услыхал я от Семена о том, что приход находится в руках коммунистически настроенной молодежи, что батюшка о. Игнатий – человек идейный и блестящий хозяин; перед его прибытием на должность настоятеля в Омеленце сгорел приходский огромный храм, дом и хо-

лодные постройки; что заботами и трудами о. Игнатия воздвигнут, хотя еще и незаконченный, новый храм, дом для настоятеля и холодные постройки, но что он сам, будучи крестьянским сыном, мужицким языком грубо с амвона бранит молодежь, к примеру: вчера за вечерней службой не было молодежи, где же они были? Мы знаем! Под кустами хлопцы под юбки девушкам светили...

Не добившись у Владыки удаления с прихода о. Игнатия, молодежь устроила общественный обед с участием батюшки, и, зная отрицательное отношение о. Игнатия к политике правительства в отношении Православной Церкви, подпоили его и начали расхваливать правительство за «помощь и защиту» Православия. Разъяренный о. Игнатий сочно ругнул правительство.

Молодые люди, указывая ему на висящий на стене Государственный Герб, спросили:

– Батюшка, а это что?

– Известно, это общипанный петух, – ответил потевший над собой контроль о. Игнатий.

Последовал на него донос, суд и 3-й пункт «Временных правил». С благодарностью выслушал я ценные сведения в дополнение к слышанному в покоях о. благочинного.

Глава X

Первые пастырские шаги

В Омеленец мы прибыли к ночи. В приходском доме встретил меня б. настоятель о. Игнатий. Его жена, сын и дочь спали. Он ввел меня в небольшую комнатку, там столик и ко сну приготовленная кровать.

– Пока отдыхайте здесь, а там сами распорядитесь. Могу ли я завтра чем-либо помочь Вам в храме? Завтра Вы служите утреню и Литургию, будут исповедники, – так приветствовал о. Игнатий нового настоятеля прихода.

– Спаси Бог, дорогой о. Игнатий, с Божьей помощью постараюсь сам справиться.

А сам думаю: только с Божьей помощью!

Началась для меня новая жизнь в трудных и сложных обстоятельствах. Приход в три тысячи человек, в приходе раздражение против епархиального архиерея, группировки, нет единства, а тут еще и изгоняемый ими страдалец-батюшка.

К 7-му часу утра храм уже открыт. Внимательный псаломщик Николай Клементьевич и староста встретили меня у входа в храм, где все было приготовлено к началу праздничной утрени и Литургии. Быстро наполняется храм молящимися. В конце утрени, перед 1-м часом, произнес я приветственное слово, с благодарностью принятое молящимися.

Во время Литургии, и особенно во время празднику посвященной проповеди, я уже чувствовал душевную связь с переполнившими храм богомольцами. И явно чувствовал помощь свыше. Эту помощь особенно отчетливо ощутил я в исповеди. Начал исповедать сразу после утрени.

Приняв исповедь от десятка человек, пришел в ужас, увидав очередь к исповеди нескольких сот человек.

Когда же я успею принять исповедь от всей этой массы, что делать? Ведь я у них новичок, того, что называется «отбыл номер» допустить никак нельзя. Принимать же каждого к индивидуальной исповеди – значит затянуть службу до вечера.

Зашел я в алтарь, положил у Престола поклон и обратился к Пастырю душ человеческих: Господи, научи и помоги! Выйдя из алтаря, отчетливо прочитал к исповеди положенные молитвы, сказал, не спеша, кратко о сущности таинства покаяния, предложил исповедающимся преклонить колени и каждому, слушая перечисляемые батюшкой грехи, громко каяться.

Начал перечислять грехи, слышу из уст кающихся – «виновен», «каюсь», «Господи, прости», «помоги, Господи», «грешен» – сопровождаемые поклонами и слезами. Закончив перечисление грехов, прочел над каждым разрешительную молитву. В конце Литургии поздравил с принятием Святых Тайн Тела и Крови Христовых и, сопровождаемый паствой, вышел из храма около трех часов дня.

Не время для отдыха, сразу пошел по домам прихожан, чтобы, не откладывая, войти в жизнь моей паствы. В первых домах слышу похвалу себе и грубое порицание о. Игнатия. Резко пресекаю попытки селян дурно говорить об их бывшем настоятеле.

– Братки мои, вы много лет с о. Игнатием молились, пред ним исповедали Господу грехи свои, потом этот «дуб» вы свалили и продолжаете бить его вашим осуждением? Народная мудрость говорит: «лежачего не бьют», а вы? Видно не нашего народа вы дети. Ведь это жестоко! Подумайте, как много добра сделал о. Игнатий для вашего прихода! Если будете бранить старого батюшку, и я вас не буду уважать.

После такого наставления никто и никогда в приходе не обозвался дурно об о. Игнатии.

Пришел я на отдых в настоятельский дом поздним вечером, обедал и пил чай у моих добрых крестьян. В настоятельском доме встретили меня о. Игнатий с матушкой. Посидели, поговорили и предоставили мне еще одну маленькую комнатку – «чтобы не было Вам с матушкой тесно».

За все время моего пребывания в Омеленце о. Игнатий так и не поднял вопроса о своем уходе из настоятельского дома или хотя бы о более справедливом для нового настоятеля распределении жилой площади. Не поднимал этого вопроса и я. Выселить его было легче легкого, но...

Во-первых, как сказал я крестьянам, «лежачего не бьют», а во-вторых – лежачий мой старший брат во Христе, и в-третьих – я прибыл в сельский приход как Христов служитель и воспитатель паствы в любви и благочестии. Такое мое настроение быстро сблизило меня и с о. Игнатием, несмотря на его некоторую грубость – особенно грубость, проявляемую в отношении меня его матушкой, «пожизненно» завладевшей кухней.

Мне было важно и дорого, что я быстро почувствовал себя хозяином прихода. Не прошло и месяца со дня моего прибытия, как стал я выезжать к родителям и в Брест, и в Бельск, поручая о. Игнатию субботные и воскресные службы.

Мой благочинный недостаточно продумал данный мне совет: не допускать о. Игнатия к служению. Он служил и сослужил, и не было ни возмущений, ни новых брожений.

Естественно желание молодых супругов создать свой семейный очаг. С этой целью и приехала ко мне в Омеленец моя матушка, но не выдержала больше месяца и была вынуждена вернуться в Бельск к отцу.

Стесненные квартирные условия, жизнь под одной крышей, фактически – в одной квартире с чужой и чуждой тебе семьей, постоянно вторгающейся в твою личную жизнь, все это трепало нервы. К тому же, моя добрая и терпеливая супруга целыми днями была в одиночестве: я уходил из дому ранним утром и возвращался вечером.

Обрученный Церкви, я с раннего утра уходил к пастве – к работающим в поле, на сенокос, в деревни, по домам, навещая и знакомясь со стариками и детьми. В крестьянских хатах проводил я и ранние и вечерние часы, в беседах и в пении Богогласника.

Что мог я сказать моей доброй супруге, слыша ее тихие жалобы на одиночество? Прости и пойми, приход – это моя семья, Богом мне данная!

Верующий умный человек доброго сердца, она смирилась и уехала в родительский дом, где я часто ее навещал.

Быстрому утверждению моего авторитета в Омеленце, возможно, помог Лука Николаевич Дзекуц-Малей, наставник секты баптистов из Брест-Литовска. Благочестивый православный христианин, как уроженец центральной России, Лука Николаевич, обремененный большой семьей, нигде не мог получить самой скромной работы и был обречен на нищенское полуголодное существование.

Чтобы получить уроженцу центральных областей России самую скромную работу в Польше, особенно в т. наз. «восточных кресах», нужно было изменить Православию и отказаться от русской национальности. Это было время, когда в поверженную Россию направлялся из

Соединенных Штатов Америки легион сектантских проповедников для борьбы с Православной Церковью.

Вооруженные в изобилии американскими долларами, они имели успех в своей миссии. Лука Николаевич, как сам он мне рассказывал, попался на их удочку: ему предложили создать в Бресте общину евангельских христиан-баптистов, с тем что нужные средства на создание общины и на его существование он будет регулярно получать из США.

Принимая во внимание послевоенную разруху и нищету, неудивительно, что Луке Николаеву удалось быстро сколотить на американские деньги баптистскую общину не только в Бресте, но и в некоторых деревнях. Бывал он с проповедью и в Омеленце, где ко времени моего назначения в Омеленец успел приготовить группу крестьян «к крещению».

С Лукой Николаевичем познакомился я в 1935 году в брестской русской гимназии. Его двое старших ребятшек были моими учениками по Закону Божию.

Прибыв к празднику Успения в Омеленец, узнал я от моих прихожан о том, что накануне был здесь Лука Николаевич, собрал приготовившихся «к крещению» своих духовных чад и, проведя с ними беседу, отменил «крещение», завещая своим верным с любовью принять к ним назначенного молодого пастыря и во всем ему повиноваться.

Так развалилась в Омеленце зарождавшаяся секта баптистов, но продолжали существовать т. наз. «субботники», неоднократно проявлявшие сатанинскую одержимость и ненависть к Православию. Вот пример, свидетельствующий о сатанинском характере секты «субботников» – иду я в школу на урок Закона Божия, чудная солнечная погода, дети резвятся у здания школы.

И вот, одна из девочек лет девяти, из семьи «субботников», издали увидав приближающегося к школе батюшку, начертала на земле крест, начала на крест плевать и, задирая вверх свою юбчонку, выплясывать на изображении креста. Подойдя к ней, я был поражен страшным, искаженным выражением ее лица, изо рта девочки текла пена.

Во многих деревнях Польши существовали коммунистические ячейки. Были они и в моем приходе. Чтобы не привлечь на себя внимание полиции, они в большинстве своем прикрывались принадлежностью к сектам, а иногда и ревностным посещением православного храма. Был случай: живший со стариками-родителями молодой хозяин дома с грубой руганью набросился на меня, пытаясь вырвать из моих рук крест; официально он возглавлял местную группу сектантов, неофициально – местную ком-ячейку.

Каждую деревню, зараженную сектантством, посещал я раз в месяц с пением молебна и беседой, часто и с пением акафиста. На площади в центре деревни или на большой дороге ставили стол, покрытый чистой скатертью, на столе – образ Спасителя и Пречистой. Молебен – беседа – всенародное пение Богослужника. Очень часто задавали батюшке вопросы, были и диспуты с сектантами. Заканчивалось молитвенное собрание целованием образа Спасителя.

Самой трудной в моем приходе была деревня Подбурье. Еще до войны 1914 года молодежь этой деревни поддавалась усиленной агитации со стороны левой интеллигенции, проповедников «Земли и Воли».

Одним словом – «долой царя», «долой попов»! Их настоятелем в то время был прот. Антоний Котович, имя которого мы находим в списках Новомучеников Российских во втором томе книги прот. М. Польского.

В летописи Омеленецкого прихода записан следующий случай из жизни деревни Подбурье. Батюшка о. Антоний Котович направился, по обычаю, в Страстную Субботу в Подбурье на освящение пасох (куличи, сырная пасха, яички), но молодежь забаррикадировала въезды в деревню, непустила батюшку.

Дивное пасхальное утро. Выходят из своих берлог молодые люди, похваляясь «победой над попом», друг другу выкрикивая: ну что, и не подавились, неосвященного поевши? До полудня издевались над святым Днем и над батюшкой. В полдень затянуло небо тучами, раздались раскаты грома с молнией и... всю деревню охватило пламя пожара. Ни одной христианской

хаты не пощадил огонь. Вразумляющая Десница Промыслителя сохранила лишь домик и кузницу доброго еврея-кузнеца, не принимавшего участия в кощунственном против Бога порыве местной молодежи.

Вразумил ли этот случай сельскую молодежь? Нет. Находясь под влиянием сильной пропаганды вольнодумцев, молодежь еще не испытала жизни без Бога, а пропаганда сатанистами «Карлы-Марлы» оккупированной Москвы трубила о создании в СССР земного рая без Бога и Царя.

Когда я прибыл в Омеленец, на дверях ряда домов в деревне Подбурье красовались надписи – «Нам поп не нужен», «Попу вход запрещен». Эту деревню посещал я с молебном и беседой два раза в месяц.

На большой площади расположен дом Ивана, мельника, с обширной залой. В эту залу и собирались пожилые люди на молитву и беседу.

Большая площадь перед домом заполнялась молодежью. Не на молитву они приходили, а послушать, «что поп будет говорить». Усаживаясь по окончании молебна, у открытого окна вел я беседу, обращенный лицом к молодежи. Одну из бесед на тему «Причины неверия и средства к его преодолению» закончил я словами:

– Кроме перечисленных мной средств преодоления безбожия как следствия распущенности сызмала ума и сердца, существует еще одно средство. Вы спросите, какое? А вот оно: снять дураку штаны и хорошенько всыпать!

– Ого, куда загнул, мы тебе покажем «кузькину мать», – слышались из толпы голоса.

Подбежал ко мне мой псаломщик: батюшка, бежим отсюда, они нас убьют. Положение создалось грозное, но вместо бегства направился я к той группе, откуда слышались угрозы.

– Ну что, ребята? Чего-то вы не поняли, есть у вас вопросы?

Толпа как бы переродилась: ни угроз, ни грубости. Засыпали меня вопросами, на большинство которых спешили им ответить их же старики-родители: они как бы щадили батюшку. Я был поражен здравым философс-

ким умом чернозема, мудростью некнижных мужичков. Их ответы были короткие и ясные, без лишних слов.

Был я и свидетелем вразумления свыше сбившейся с пути молодежи Подбурья. Жили в этой деревне Роман со своей женой Варварой. Роман – непутевый, картежник и выпивайло. Варвара – верующая, церковница.

В красном углу их хаты две иконки – Спасителя и Божией Матери. Образ Богородицы написан на металле, покрыт ржавчиной так, что едва виден Лик. Поздним вечером прискакал ко мне Роман: батюшка, у нас с иконой что-то непонятное, жена просит, чтобы Вы приехали.

Поехал. В доме и у дома Романа полно народа. Свет в доме не зажжен, дом освещается искрами, отлетающими от иконы Богоматери, чередуются в доме тьма с ярким светом. На глазах насельников деревни обновился образ Божией Матери, именуемой «Путеводительница», для вразумления молодежи, сбившейся с пути в своей жизни.

Был при мне и еще один случай вразумления свыше через обновление иконы. Было это в деревне Свиново. Деревня разбита на хутора. Зажиточным хуторянам чуждой стала отзывчивость к чужому горю, очерствели сердца их. И вот, в доме зажиточного хуторянина, человека черствого, эгоиста, обновляется образ Божией Матери «Умягчение злых сердец». Обновление происходит при громадном стечении народа.

За полтора года пребывания в должности настоятеля в Омеленце знал я по имени всех моих взрослых прихожан, знал их нужды и настроение. Жил в одиночестве, без матушки, детей не было. Свои земельные угодья, луг и пахотную землю, сдавал я в аренду малоимущим прихожанам на «третяк»: две части урожая – арендатору, одну – мне.

Да и из припадавшей мне третьей части урожая отдавал я большую часть малоимущим крестьянам, главным образом вдовам. Не спешил обзаводиться и хозяйством, так что не было у меня ни коровы, ни коня, ни свинки.

Пережил я в Омеленце всего лишь несколько огорчений. Один из арендаторов, Лука, пользуясь моим от-

сутствием на территории прихода, привез на поле громадные полотнища, вымолотил на них мне принадлежавшие снопы проса, зерно увез к себе, а мне доставил пустые снопы.

Узнал я об этом от односельчан Луки. Что делать? Молчать? Нельзя, это будет грехом против ближнего. Нельзя и ругать, а усовестить надо. Вызвал я его к себе в воскресенье вечером. Теплый чудный вечер. Глядит на нас луна, освещающая наши с Лукой лица.

– Ну, что, Лука, бают, что ты уже собрал урожай, а как просо, уродилось?

С похвалой говорит бедный Лука об урожае вообще, об урожае проса молчит.

– Лука, посмотри, на луну.

– А что там, батюшка?

– Разве не видишь, на луне какие-то пятна?

Лука молчит.

– Нет ли, Лука, на твоей совести пятен?

– Нет, батюшка, чиста моя совесть...

И тут-то мягко разразился я.

– Стыдно мне за тебя. Лука. Вымолотил зерно, а мне пустые снопы привез, да говоришь: чиста твоя совесть. Сказал бы мне, я бы охотно отдал тебе мою часть урожая, зачем ты перед народом себя позоришь? Не сержусь я на тебя. За тебя мне больно и стыдно. Ну что ж, взял зерно, забирай себе и снопы.

На следующий день повез Лука со двора батюшки к себе и на поле обмолоченные им снопы проса.

Огорчил меня и примак Михаил, прозванный «виленцем». Белорус, безземельный крестьянин Виленской губернии, пошел Михаил в мир счастья искать. В Омеленце встретил девушку, располагавшую скромным наделом земли, и так и остался при ней. Одна коровка, лошадка, курочки и двое поросят – это все их богатство.

Хатка ветхая, в хате бедно, но чисто. На руках матери грудной ребенок. Близко к сердцу принял я бедность и нужду этой семьи, уделяя ей значительную часть от своего урожая. И что же? Когда я, покидая Омеленец, хотел воспользоваться лошадкой и подводой «примака» Ми-

хаила, он не только не откликнулся на просьбу батюшки, но еще через посланца и надерзил ему.

Вспоминаю мое первое посещение дома семьи «виленца». Хозяйка, держа на руках младенца, о чем-то хлопочет, хозяин отсутствует. Увидала батюшку, улыбкой радости озарилось лицо ее. Расспросил я о ней, о муже, о жизни их. Собираюсь уходить, запротестовала милая хозяйка.

– Батюшка, тож я Вас ничем не попотчевала, правда, и нечем мне Вас угостить, отведайте стаканчик молочка.

Чтобы не обидеть хозяйку, я согласился. Берет она стакан, и в это время с младенцем, которого она держит в пеленке на руках, случилась «какастрофа». Одним концом пеленки подтерла мама ребенка, а вторым концом той же пеленки – вытерла стакан, наполнила его молоком и подала мне.

Аппетитно? В данном случае было бы жестоко думать, аппетитно или нет. Перед тобой бедность, нужда и, вместе с тем, в глазах светящаяся радость о посещении дома батюшкой, доброта, готовая последним поделиться с гостем. Осенив стакан с молоком крестным знамением, продолжая беседу с хозяйкой, я с аппетитом опорожнил стакан.

Мое пребывание в Омеленце совпало с гражданской войной в Испании. Приближался Новый Год. Что сказать мне пастве за новогодним молебном? Все они интересуются политикой и жизнью в интернационалом плененной России. Вот и решил я изложить мировые события уходящего года в свете Евангелия.

Плоды моего новогоднего слова оказались для меня убийственными. 2 января, на следующий день после молебна, является ко мне полицейский, расспрашивает о ночной новогодней службе, о произнесенной мною проповеди, и добродушно говорит:

– Отец, Ваша молодость легко может погубить Вас. Вы не учли, что перед Вами простой народ, в большинстве малограмотный. Они способны правильно воспринять евангельское слово, но слово, выходящее из рамок веры и нравоучения, пропускают они через призму своих желаний и настроения. Из Вашей новогодней речи

они сделали следующий вывод: Красная армия приближается к стенам Варшавы...

Кто же мог сообщить в полицию такую чушь? Этим кто-то мог быть только член ком-ячейки, скрывающийся под личиной сектанта. Члены ком-ячейки, не считая «субботников», в с. Омеленец не ушли в секту; наоборот, в своем подавляющем большинстве это были примерные церковники и шли в ногу с лучшими представителями прихода старшего возраста.

Знал я их всех, да и они знали, что известна мне их окраска, но и знали, что их священник не политикан, а Христов слуга. Вспоминаю мой краткий разговор со старостой («солтысом») села Иваном Минюком. Стоя на погосте у храма, вижу с полевых работ идущего Ивана. Подошел он ко мне.

– Ну что, Иван, – говорю я, – идут в селе слухи о том, что «товарищи» идут на Польшу...

А он, перебив меня, продолжил:

– Не сейчас, но когда-то придут...

– Знаю, Иван, когда придут, вы меня повесите, только скажи: повесите на кресте этого храма или на сосне?

Засмеялся Иван, положил свою руку мне на плечо и ответил:

– Батюшка, зачем крест осквернять, повесят на осине, но об этом не думайте – с Вами этого не случится.

С чувством глубокой любви, уважения и благодарности вспоминаю настоятеля храма в селе Верховичи. моего доброго соседа, ныне покойного о. Леонида Лагонду.

Это был идейный и неутомимый пастырь, успешно обслуживавший приход в шесть тысяч человек. Возможно ли это? Да, возможно, если пастырь живет не для себя, а для Божия дела на земле. Если не лишено сердце пастыря сострадательной любви к своей пастве, если не лишено оно чувства долга и сознания ответственности перед Богом.

Не для себя жил о. Леонид, он жил для паствы, жил ее жизнью. Кроме всенощных и Литургии в кануны и в дни воскресных дней, праздников и особо чтимых святых, о.

Леонид ежедневно совершал (по вечерам) вечерню и утреню с обязательным произнесением поучения.

Громадный храм, по своим размерам – храм соборный, всегда был переполнен. Помню, в один из вечеров, в первый месяц моего пребывания в Омеленце, взяв у милейшего псаломщика Николая Клементьевича лошадку, поехал я к о. Леониду. В храме служба. Вхожу в алтарь, а о. Леонид сразу:

– Батюшка, Вы скажете после службы слово.

– Что Вы, я ж не готов, да и тему дайте, – отвечаю я о. Леониду.

А он мне:

– Слушая службу, сами выберете тему.

Что делать? Спорить со старшим не положено, ведь он старший по возрасту, да и в пастырстве старший. Так было в нормальных условиях церковной жизни. Увы, нет этого в дисциплинарно разболтанном Зарубежье! Отец Леонид приучил меня к т. наз. импровизированной проповеди, беседе.

Вернувшись из Белграда, подал я в Варшавский университет прошение о допущении меня к экзамену на степень магистра богословия. Над дипломной работой трудился целый год пребывания учителем в Брестской русской гимназии. Работа принята. Ожидаю вызова для сдачи экзамена.

В это время получаю от о. благочинного циркулярное извещение о награждении нашего правящего архиепископа Александра бриллиантовым крестом на клобук. Духовенству предлагается принять участие в преподнесении бриллиантового креста, для каковой цели каждый священник должен внести по 10 злотых из своих личных средств.

Возмущенный тем, что решение Синода о награждении дорогого и мною любимого архипастыря было принято по представлению к награде от графа Потоцкого, возглавлявшего Православный Отдел при Министерстве Исповеданий, решил я в подарок не участвовать.

Вызывает меня о. благочинный.

– Что это, батюшка, Вы уклоняетесь от участия в подарке нашему архипастырю? Завелись денежки – в скарденность ударились?

Оскорбительный упрек о. благочинного побудил меня на следующий поступок: под предлогом неотложной явки в одно из учреждений, извинившись перед ним, я вышел из его канцелярии и направился в местное отделение Красного Креста, внес в кассу «Красного Креста» 10 золотых, получил расписку и вернулся в дом о. Сергия. Вручив ему от «Красного Креста» полученную расписку, сказал:

– Вот моя скарედность, о. благочинный, – и объяснил ему причину отказа от участия в подарке Преосвященному.

– Что ж, Ваше право так поступить, но я должен буду доложить об этом Владыке, готовьтесь к неприятным для Вас последствиям, – сказал о. Сергий.

Вскоре после этого разговора получил я из Варшавского университета вызов на экзамен. На второй день пребывания в Варшаве вызывает меня в Синодальный Дом владыка Александр. Признаюсь, вызов смутил меня: каково-то будет «целование»? Стучу в дверь – «молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас». На ответное «аминь» открываю дверь, вхожу.

– А, о. Митрофан, рад Вас видеть, заходите.

Освежив одеколоном свои руки, благословляет меня и спрашивает:

– Ну, что, батюшка, как там со спицей в колеснице?

Все мне понятно, но, прикинувшись незнайкой, спрашиваю:

– Ваше Высокопреосвященство, какая спица и в какой колеснице?

– Ну уж Вы, батюшка, не из тех, чтобы не понять, – и улыбнулся доброй улыбкой, глядя мне в глаза.

Улыбкой и я ответил доброму архипастырю.

– Так вот, дорогой батюшка, о. благочинный поведал мне, почему не оказалось Вашей подписи на приветствии от духовенства, все мне рассказал. Знаю и о том, что о. Сергий вспутнул Вас. Решил я лично Вас повидать, чтобы освободить Вас от, возможно, тяжелого чувства неловкости перед Вашим архипастырем. Батюшка, я не огорчен, Вас я понимаю, и то, что поведал мне о. благочинный, заслуживает не порицания, а похвалы. Вижу,

что в Вас я не ошибся, назначая Вас в Брест и направляя на погашение «пожара» в Омеленец. Ожидая от Вас прошение о переводе из Омеленца в Брест, там Ваше место.

Сраженный благодетельностью Владыки, отвечаю:

– Ваше Высокопреосвященство, простите, но сам просить о переводе из Омеленца я не буду.

– Не Вы просите, а я прошу Вас прислать мне Ваше прошение.

– Нет, Владыка, это уже будет моя просьба. Я часовой на посту и уйти на иной пост не в моей воле, а в воле начальства, в воле разводящего. Разводящий это – Вы, Владыко.

– Замечательно, правильно, – ответил Преосвященный, – так знайте, что через два месяца Вы будете в Бресте.

И ровно через два месяца покинул я Омеленец и стал настоятелем Свято-Николаевского Братского храма в Бресте, в котором был крещен в 1909 году. Не пожелавший видеть меня в 1935 году в Бресте, ненавистник, враг Православия и русских, воевода Костек-Бернацкий тяжело заболел и отбыл из Бреста в длительный отпуск. Заменивший его на время болезни воевода Дз-Трамекур, поляк французского происхождения, утвердил мое назначение в мой родной город. Свято слово архипастыря!

Жалко было покидать омеленецкую паству, с ней я сроднился, разделяя их горе и радости. Пленила меня простота и искренность в отношении к молодому батюшке крестьян. В них не было ни ханжества, ни подхалимства, ни заискиваний. Как легко было устранять изредка возникавшие среди прихожан недоразумения.

И разве можно забыть то, чего нигде не встретил на пути моего странствования: батюшка совершает проскомидию, псаломщик заканчивает часы, чтению которых предшествует пение всей церковью дивных песен Богогласника, Литургия оглашенных начинается при полном храме верующих. После отпуста Литургии снова весь храм поет песни из Богогласника, и это пение продолжается до выхода батюшки из храма. Покинул я мой первый приход в первых числах июля, а через год получил от омеленецких прихожан в дар новое облачение.

Глава XI

Настоятельство в Брест-Литовске

Незадолго до получения Указа о назначении в Брест тесть напомнил мне о необходимости позаботиться об устройстве нашей с Санечкой нормальной семейной жизни. Я и сам понимал ненормальность – в течение двух лет – жизни врозь с супругой, но что я мог сделать?

Обручение Церкви в пастырском рукоположении побуждало меня подойти к вопросу семейной жизни так, чтобы не опрокинуть шкалу ценностей: на первом месте – Церковь, на втором – создание семьи, в противном случае и служение Церкви и семья окажутся кривыми.

Был я уверен в скромности и выдержке моей молодой супруги, был уверен в том, что она понимает меня. И в этом не ошибся. Разве мог я, настоятельствуя в Омеленце, создавать наш семейный уют, вить свое гнездышко ценой изгнания из настоятельского дома, фактически изгнания на улицу, доброго пастыря-собрата, ставшего жертвой провокации сумбурной молодежи, жестокости и издевательства гражданских властей? К тому же, и всецелая поглощенность пастырским долгом и трудом в сложной обстановке омеленецкого прихода лишала меня возможности заняться личной жизнью.

Эту возможность дал нам с матушкой Господь с переездом на настоятельство в Брест-Литовск. Да и в Бресте поначалу жизнь моей кроткой, терпеливой матушки была полна тяжелых моральных испытаний, виновницей которых была часто навещавшая дом отца его старшая дочь. Никогда не было у меня с этой сестрой ничего общего, да и папа с ее появлением в его доме удалялся в свою комнату. Это была сентиментальная, отзывчивая, живая и, вместе с тем, властная, часто жестокая, сумбурная женщина. Были основания предполагать, что она ревновала меня к моей матушке.

И в Брест-Литовске занятость по приходу и учебным заведениям лишала меня возможности уделять моей семье нужные время и внимание, в которых обычно семья нуждается. Этот недостаток восполнял мой старший

брат Георгий, он был деловым помощником, советником и моральной поддержкой моей матушки. Жорж ко времени моего перевода в Брест вернулся больной из Парижа, не закончив учение в Богословском Институте преп. Сергия Радонежского на рю де Кримэ. Большой добряк, готовый каждому услужить и помочь, тактичный, с изысканными манерами, он был любимцем всего Бреста.

Торжественно принял Николаевский Братский храм в Бресте своего нового настоятеля. По окончании Литургии, совершенной соборно отцом и сыном, папа совершил благодарственный молебен и огласил Указ правящего архиепископа о моем назначении на должность настоятеля градо-Брестского Свято-Николаевского храма.

Приветствуя своего нового настоятеля, приход преподнес ему золотое парчовое облачение. Староста храма – в этом же храме молитвенно участвовавший в 1909 году в таинстве Крещения младенца, ныне своего нового настоятеля – благословил меня образом Спасителя в серебряной позолоченной ризе и вручил свои золотые часы с тяжелой золотой цепочкой. Все это было, конечно, выражением любви и признательности моему отцу, обязывающим меня к вдумчивому и жертвенному служению Богу и людям.

Со страхом и трепетом приступил я к исполнению пастырских обязанностей в приходе, в котором родился и провел гимназические годы. Правда, год моего законоучительства в Брестской гимназии и в начальной школе, проведенный в Бресте до моего назначения на должность настоятеля в с. Омеленец, дал возможность брестчанам через сотни детей-учащихся присмотреться к их будущему настоятелю.

С прихожанами я быстро сроднился, почувствовал доверие и любовь. Но сознание своего недостойнства, при рядом со мною стоящим папой, смущало меня. Выходя из алтаря на полиелей, я стыдился своего роста, вспоминая торжественность службы, совершаемой моим седовласым отцом, высокая, стройная фигура которого придавала особую торжественность богослужению.

Богослужения в храме совершались ежедневно: вечером в 6 часов – вечерня с утреней, утром в 7 часов – Литургия. В дни воскресные и праздников – Литургия в 10 часов. С кончиной нашей дорогой мамы папа до последних дней своей жизни совершал Литургию ежедневно.

Я сохранил заведенный им порядок, введя незначительное изменение: по вторникам и четвергам вместо Литургии совершал обедницу.

После Литургии ежедневно 6 уроков в гимназии и начальной школе, затем – обед, занятия в канцелярии, посещение больных в госпитале и на дому, изредка – участие в заседаниях Родительского и Хозяйственного Комитетов при учебных заведениях. Имея в своей библиотеке полное собрание святых Отцов, без труда справлялся с подготовкой к воскресным проповедям и к беседам, которые регулярно проводил после вечерни с акафистом, совершаемой в воскресные вечера.

Величественный трехпрестольный храм переполнен молящимися, они с большим вниманием слушают слова беседы – в храме ни шороха, ни хождений, а после беседы – всенародное пение дивных песен Богогласника. Не уста, а душа твоя возносит хвалу Богу, когда сливаешься с верующим народом в прославлении любви и Божьего к человеку милосердия.

Вспоминая мой родной Брест в годы моего там настоятельства, Брест, в котором все меня радовало, с благодарностью возношу сердце мое к Небесам за то, что привел меня Пастыреначальник начать и проходить пастырское служение на Родной Земле и оттуда унести на распутья мира немеркнувший во мне елей веры и любви к страдальцу-народу.

Первые богослужения, совершаемые новым настоятелем. Как всегда, величественный храм переполнен молящимися. Дивно поет хор, один из лучших хоров Польши, под управлением незабываемого Василия Дмитриевича Пантелевича. Регент Пантелевич, обладавший редким по красоте и силе тенором, окончил Духовную Семинарию и Юридический факультет, до своей трагической смерти оставался верным сыном

Церкви, знатоком церковного пения и энтузиастом-регентом.

Строгий, требовательный к певчим, не терпевший малейшей фальши в пении, он пользовался любовью певчих. Не обижалась на него и почтенная дама-певчая, жена уважаемого в городе врача, когда он сбивал с ее носа пенсне: она смиренно поднимала и водворяла их на свой нос...

Исключительной была преданность любительского хора к своему храму с его настоятелем. Вспоминаю: как-то регент предложил хору пропеть службу в соседнем храме.

– А Вы испросили благословение у о. настоятеля? Если батюшка благословит... – сказали певчие.

Благословения не последовало, все остались на своем месте. Хор любительский, регент также не получал вознаграждения. Невольно всех их вспоминаешь, тяжело переживая на распутьях мира отсутствие в прихожанах-певчих чувства долга, дисциплины, такта и верности их приходскому храму и регенту.

Как часто регент в зарубежных приходах бывает лишен возможности провести за службой приготовленный репертуар лишь потому, что нет певчих: не предупредив регента, не испросив благословения у своего батюшки, они пошли петь в другой храм – их, мол, туда пригласили!

После первых моих богослужений в Бресте собрались у папы его друзья: Директор гимназии, некоторые преподаватели. Поздравляя его с новым настоятелем, они подчеркивали его четкую дикцию:

– Каждое слово молитвы слышно на паперти, – сказал Директор гимназии.

Любил я совершать богослужения сам, без диакона. Подходит ко мне после одного из всенощных бдений высокого роста, стройный пожилой б. полковник Императорской Армии, не пропускавший ни одной храмовой службы, и говорит:

– Батюшка, спасибо за молитвы, я слышу в них дивные слова, они раньше никогда не долетали до моего слуха, а ведь я с детских лет неопустительно посещаю церковные службы.

Перед моим взором и высокая фигура богобоязненного сержанта Польской армии. Как-то пришлось мне в студенческие годы присутствовать на отпевании-погребении его второго сына-младенца, а с переездом в Брест сам хороню его третьего сына-младенца. До сего дня слышу его душу раздирающий плач.

К концу отпевания плач утихает, а у могилы, опустившись на колени, он долго молится... Уже гробик опущен в могилу. Отец младенца подходит ко мне, благодарит. За что?

– Батюшка, я впервые не присутствовал, а участвовал в отпевании, спаси Вас Бог за неспешное совершение чина, за четкое чтение канона. Передо мною открылась тайна любви Божией и Его Промысла о человеке. Вы внесли мир в мою смятенную душу.

И я понял, какой грех совершают пастыри, невнятно, а часто и небрежно произносящие ектении и читающие Евангелие. Понял я, что слово молитвы проникает в душу молящихся в том лишь случае, если сам священник переживает его и следит за своей дикцией.

Если будучи священником в селе Омеленец, я с Божией помощью сравнительно легко справился с самым ответственным отделом пастырского делания – с духовным врачеванием, исповедью, Богом мне врученной паствы, – то в Бресте я растерялся, когда предстали передо мной к исповеди учителя и учащиеся гимназии.

Это были дни говения гимназии. Папа, строгий блюститель дисциплины и порядка, предложил мне свою помощь.

– Ты, о. настоятель, будешь принимать исповедь у главного алтаря, а я внизу, у Варваринского придела, – сказал мне папа. – Благословляешь помочь тебе?

И вот, стали мы каждый у своего аналоя. Смотрю, за исповедью ко мне выстраиваются преподаватели во главе с Директором гимназии и ученики старших классов. У меня «ушла душа и пятки», растерялся, и... приняв исповедь двух старушек, стоявших впереди Директора, скрылся я в алтарь, а оттуда через пономарку сбежал домой.

Пришлось папе принять всех исповедников.

– Ну, что ж, отец, смалодушничал, удрал? – вернувшись из храма, сказал мне папа.

Не скроешь греха, сознался в овладевшем мною страхе, в сознании моей незрелости духовной.

– Как же ты справлялся в Омеленце?

– В сельском приходе все проще, там я чувствовал присутствие Принимающего исповедь, там люди иные, а здесь я остро почувствовал как бы беспомощность и мое недостойнство.

– Одним словом, испугался, – сказал мне отец. – Упустил ты из виду главное: не ты принимаешь исповедь, а Господь, Он же и умудряет священника в его наставлениях кающемуся. Не отрывай своих сердца и мысли от Господа, всегда помни, что у Креста и Евангелия предстоят трое: ты – кающийся – и над вами Христос. «Где двое или трое во имя Мое, там и Я посреде их». Об этом ты забыл, посему и растерялся, увидав приступающих к тебе с исповедью недавних учителей твоих.

И сейчас, после 50-ти лет священства, приступаю к исповеди верующих со страхом и трепетом, считая себя недостаточно вооруженным Любовью, чтобы сила (благодать) Божия озарила мою душу, чтобы на мне, приемлющем исповедь, исполнилось слово Божие: «Не вы бо будете глаголюще, но Дух Отца вашего, глаголяй в вас».

Заметил я, что умудренный пастырским опытом отец мой зорко следит за каждым моим словом и шагом в приходе. Во время проповеди за Литургией, за вечерней беседой в воскресный день он сидел на правом клиросе, внимательно слушая мои поучения. За все восемь лет моего настоятельства в Бресте не было случая, чтобы папа сделал мне какое-либо замечание.

Это меня огорчало. Как-то говорю ему:

– Я молод, допускаю ошибки, почему не слышу от Вас замечаний и совета?

– Вижу, наблюдая за тобой, что в советах ты не нуждаешься, а могу сделать одно лишь замечание: ты произносишь за Литургией чересчур умные проповеди, их поймут верные Богу церковные люди деревни; интеллигенция их не поймет.

Прав был отец. Как-то читал я автобиографический очерк военного священника. В своей книге писал он о том, как скучали, слушая канон преп. Андрея Критского, господа офицеры, умоляя батюшку по возможности сокращать его. Но вот исчезла у него эта дивная книга, не может батюшка ее найти. Обращается к своему денщику: не взял ли ты с моего стола канон св. Андрея Критского?

– Да, батюшка, она у меня.

– Зачем же ты взял эту скучную книгу, ведь в ней ты ничего не поймешь!

– Батюшка, нельзя так говорить о священной книге. Какая она скучная? В ней живое слово Божие, все я в ней понимаю! Какие там наставления, предупреждения от греха, читаю и умиляюсь, слезы текут из глаз моих...

Интеллигент – существо умничающее, а чернозем, крестьянин – человек сердца и мудрости.

Случались у меня в Бресте и искушения. Приняв в управление Свято-Николаевский Братский приход, получил я в «приданое» от отца и диакона о. Василия Петровича.

Ему было тогда 67 лет. Как-то в будний день за заказной Литургией решил он во время совершения мной проскомидии «авторитетно» меня поучать. По просьбе заказчика и диакон должен был принять участие в служении Литургии. Но вот решил мой диакон, что новый его настоятель, которого знал он юношей и молодым человеком, еще недоросль...

– Отец диакон, батюшка совершает проскомидию, прекратите разговор, – говорю я ему.

А он пуще прежнего усиливает голос, продолжает наставления.

– Отец диакон, еще раз прошу, прекратите разговор, не мешайте!

Но нет, разошелся мой диакон так, что я вынужден был схватить его за шиворот, вывел из алтаря в ризницу, повелел снять стихарь и отправиться на клирос. На целый месяц отстранил я его настоятельской властью от участия в Литургии, поставив на клиросное послушание.

И думаю сейчас: если бы я так поступил в отношении провинившегося диакона в приходе Зарубежья, возник бы скандал, образовались бы стороны «за» и «против», началось бы следствие: пострадавшим оказался бы настоятель... Не поддержал бы его епископ. Почему не поддержал бы? Да потому, что в Зарубежье утеряно чувство порядка, дисциплины и этики, все построено на личных отношениях, на «наш» и «не наш», на симпатии и антипатии, царит здесь «граббовский дух».

В нормальных условиях церковной жизни, обратись наказанный мною диакон к правящему архипастырю, тот бы отправил его с клироса на послушание в монастырь.

Ровно через месяц решил я с воспитательной целью, чтобы чувство обиды не перешло в нем в неприязнь к настоятелю и чтобы глубже осознал он недопустимость своего у жертвенника поведения, – «ублажить» моего диакона.

Он вел запись приходов от треб, первого числа каждого месяца являясь к настоятелю на проверку записи и для дележа дохода между членами причта.

Настоятель после проверки подписывал месячный отчет и выделял диакону его часть.

Когда пришел он ко мне с тетрадью и кассой, спросил я его:

– Сколько Вам лет, о. Василий?

– Пошел 68-й.

– А мне, – говорю я, – пойдет 28-й. Так вот, из уважения к Вашему, о. диакон, возрасту, я нахожу неудобным проверять запись доходов и, пересчитав кружку, выделять Вам положенную часть. Со следующего месяца приносите положенную мне часть дохода, а тетрадь с записью доходов только для моей подписи.

– Как же так, это неправильно, – воскликнул диакон.

– Очень просто, из уважения к Вашему возрасту и сану. Я Вам, о. Василий, вполне доверяю.

Расплылась на лице его улыбка благодарности, он стал тактичным и преданным своему настоятелю служителем. В день своей кончины он явился мне во сне. Упокоился он на родной земле. Я в это время находился в Африке.

...Сажу я у письменного стола. Открытое окно выходит в церковную ограду. Входит в канцелярию о. диакон:

– Батюшка, к Вам пришла по делу м-м Л.

– Хорошо, сейчас я занят, скажите женщине, чтобы подождала. Только произнес я слово «женщина», за окном раздался крик:

– Какая я для него женщина, что за оскорбление от молодого священника...

Оказалось, что «дама» стояла у окна, конечно, слышала каждое и диакона и мое слово. Поспешил я во двор «тушить пожар». Вышел с Евангелием в руках.

– Простите, мадам, я, кажется, Вас обидел? В слове «женщина» Вы обнаружили ущемление Вашего достоинства. Скажите, дорогая, Вы почитаете Пречистую Деву, авторитетно ли Вам слово Божие, слово Господа Иисуса Христа?

И когда она положительно ответила на эти вопросы, раскрыл я Евангелие и оглашаю из него места, где Сам Господь произносит слово «женщина», где Он и Пречистую Матерь Свою именует словом «Жено» – Женщина.

– Как Вы думаете, нанес Господь Пречистой оскорбление этим словом? Слово «женщина» – слово святое, она мать человечества, его воспитательница и водительница к Богу, а вот Вы обиделись на меня за это слово.

– Простите, батюшка, – сказала «мадам» и испросила благословение.

Приход любил моего отца, но и огорчали его тем, что стоявшие ближе к западной двери (к выходу) – до них не доносились слова старческого голоса – во время проповеди, да и во время причащения, а причастников, детей и взрослых, всегда было много, выходили из храма «на перекур». Всегда, и в юные и в студенческие годы, болезненно переживал я это нездоровое, присущее большинству приходов явление.

Его и решил я искоренить в Братском храме в первые же месяцы моего настоятельства. В один из воскресных дней, после чтения Евангелия, обратился я к молящимся со словом:

– Выходящие из храма, остановитесь! У многих укоренилась привычка выходить на время проповеди из

храма, с тем, чтобы после поучения батюшки снова в храм вернуться. Облаченный в Христовы ризы батюшка обращается к вам с Божиим словом, а вы? Вы отворачиваетесь от благовестника, не хотим, мол, слушать тебя! Дорогие, сами дайте оценку вашему поступку! Если к вам обращенному слову Божию вы показываете спину, выражая этим нежелание слушать его, как вы можете ожидать от детей ваших и требовать от отроков и юношей такта и воспитанности, внимательного отношения к вашим наставлениям? Подумайте об этом, подумайте о том, какие семена бросаете вы в души, на вас взирающих детей ваших.

После этого слова не было случая, чтобы кто-либо удалился из храма во время проповеди. С подобным словом обратился я через некоторое время к выходящим «на перекур» после возгласа «Со страхом Божиим и верою приступите». И в этом случае поток выходящих из храма прекратился.

Воздав хвалу Всевышнему, я с большим усердием и любовью принялся за святое Дело духовного руководства моей новой паствой, видя в ней уважение к молодому настоятелю и послушание слову Божию. Много внимания уделял больным, любил их посещать. Общение с больными духовно укрепляет и обогащает сердце. Раз вызванный к больному, посещал я его часто и на дому, и в госпитале, без вызова.

Быстро почувствовал я и понял, что к больному надо подходить не с жалостью – она его душевно ослабляет, часто раздражает; больного надо успокоить и подбодрить, а для этого необходимо подходить к нему с сострадательной любовью, с сердечным участием, с мягкой лаской. Не от себя ты к больному приходишь, а от Христа – укрепляющего и исцеляющего. Мягкая ласка к Богу обращенного сердца успокаивает и бодрит больного.

На первом году настоятельства в Бресте особенно тяжело переживал я скоропостижную трагическую кончину усердной молодой прихожанки, рабы Божией Анны. Пересекая полотно железной дороги, она проходила между вагонами на запасных путях стоявшего то-

варного состава. Неожиданно поезд тронулся с места, и бедная Анна погибла между двумя буферами вагонов. За три дня до своей кончины Аня видела сон: она в подвенечном белом платье и Христос возлагает на ее голову венец.

Радовали меня русские врачи Бреста как старшего поколения – П. О. Король, В. Шафаревич, А. Сазонов, Я. Морозов, дантистка Кескевич, так и мои сверстники – В. Позднеев, Б. Корза и Лева Андреев. Все они радовали своей христианской настроенностью, верностью Православию, усердным участием в страданиях больных и своим святорусским настроением. Это были верные сыны Державной России Православной.

Незабываемы мои встречи с умиравшим д-ром Я. Морозовым. Войдя в его дом со Святыми Тайнами Тела и Крови Господних, застал я в комнате больного следующую картину: на столике перед его кроватью стоит большой образ Спасителя, обращенный Ликом к больному; пред образом теплится лампада; лицо больного с сияющими глазами устремлено на Христа. У д-ра Морозова был в острой форме рак желудка.

– Мир Вам, дорогой доктор. Господь во Святых Тайнах пришел Вас укрепить, – говорю я больному и слышу в ответ:

– Да, батюшка, в Нем наша жизнь, в Нем всегда была и сила моя, от Него и сердце мое радостью озарилось... Посему и велел я образ моего Спасителя поставить предо мною, чтобы сердце мое от Него не удалялось.

Приняв Святые Тайны, дорогой раб Божий врач Яков мирно отошел к возлюбившему его и им любимому Господу.

Помню, с каким трепетом шел я и к умиравшему, Христу верному рабу Божию доктору А. Сазонову. Легко было стоять и молиться у гроба их. Хоронил я и младшего по классу однокашника Владимира Веселинского. Это был сын верующих, но не церковных родителей. Со слезами похоронили его и... забыли. Не его, а помолиться о нем в девятый день.

Подходит 40-й день кончины Володи. Сын снится матери: мама, я страдаю, дай мне лекарство, слышит она

голос сына и направляется к врачу, но сын окликнул ее: не туда ты идешь, мама. Мать проснулась в недоумении. Видит она сына во сне и второй раз: он снова просит дать ему лекарство, облегчить его страдания. Во сне мать направляется в аптеку, но покойный кричит ей: да ты, мама, не туда идешь... Растерялись родители. А сын является ей во сне в третий раз: что ж ты, мама, медлишь, ведь лекарство прошу! Мать снова направляется в аптеку, но сын задерживает ее и говорит: не там лекарство, мне молитва нужна...

И тут-то, проснувшись, вспомнила мать о 40-м дне, пришла ко мне, рассказала о явлениях ей во сне Володи, и за заупокойной Литургией и панихидой горячо помолилась о сыне своем. Володя больше не тревожил свою маму жалобой на свое тяжелое состояние.

При старосте Николаевского храма Г. Н. Александровском прошел я хорошую школу по ведению приходского хозяйства. Г. Н. Александровский – христианин-еврей, глубоко впитавший Евангельское благовестие, был строгим исполнителем Христова учения и церковных правил, любителем красоты церковной, идеальным старостой.

В 1938 году посетила Брест Пречистая Дева в Ея чудотворном Жировицком образе, сопровождаемая архимандритом Венедиктом (Бобковским), иноками Жировицкой обители и верующим народом. В Жировицкой обители в это время находился в заточении б. Полоцкий Владыка, архиепископ Пантелеймон.

По отзывам сопровождавших святыню иноков (архим. Венедикта и о. Юлиана Троицкого), самой торжественной встречей на всем пути шествия Пречистой по весям и градам Польши была встреча и шествие Ее в Свято-Николаевский храм и проводы из Бреста. Своим чудным посещением Бреста и его храмов Пречистая благословила Своих чад духовных пред лицом грядущих испытаний на твердое стояние в вере и верности Христу.

Во второй половине 1938 года состоялось в Бресте торжество передачи Польской армии от духовенства Православной Полесской епархии санитарного авто-

мобиля. На торжество прибыл правящий Архиепископ Александр в сопровождении членов Полесской Духовной Консистории, брестское и окружное духовенство. Прибыл и воевода Костек-Бернацкий, вернувшийся из отпуска.

После торжественного, под звуки государственного гимна вручения автомобиля командующий местным военным округом и воевода Костек-Бернацкий обошли в ряд выстроившееся духовенство, спрашивая каждого фамилию и пожимая руку каждого.

Я по чину стоял последним. Услыхав мою фамилию, Костек-Бернацкий одарил меня злобным взглядом и... отошел без пожатия руки. Понял я: «вторгшийся» в губернский город вопреки его воле недостоин пожатия руки губернатора! Я насторожился: быть беде. И действительно, Костек-Бернацкий «занес кинжал» надо мной. Несколько месяцев готовился он к удару «по противнику».

В начале лета 1939 года зачастили ко мне чиновники из полицейского управления и из суда, беседовали о том, о сем (а вдруг проскользнет слово или фраза, которой бы можно было воспользоваться для обвинения), расспрашивали о моем учении в гимназии, об успехах, о польской литературе...

Я недоумевал, к чему все это? Раскрыл тайну видимо ко мне расположенный околоточный надзиратель, неоднократно навещавший меня: воевода заводит против меня судебное дело.

– Какое же преступление водится за мной? – спросил я его.

– Да такого за Вами нет, но его хотят создать...

Обратился я к друзьям моего отца, адвокатам Владимиру и Василию Криницким, выделил им 500 злотых на устройство встречи в ресторане с прокурором, от которого они должны разведать все, относящееся к затеянному воеводой против меня делу.

На следующий день после дружеской встречи братьев Криницких с прокурором иду я по главной улице Бреста; догоняет меня незнакомый господин и, идя рядом со мной, говорит:

– Батюшка, Ваше дело в моих руках, не стоит оно выеденного яйца, пусть Ваш епископ придет на суд отзыв о Вас, и дело будет аннулировано.

Этим господином оказался прокурор, с которым накануне встретились братья Криницкие. К ним зашел я в этот же день, и мои незабвенные братья поведали мне следующее: Костек-Бернацкий решил во что бы то ни стало изгнать меня из Бреста.

Ему необходимо, за отсутствием каких-либо серьезных улик, меня скомпрометировать и для этой цели он придумал и основание – поступая на Богословский факультет Варшавского университета, я, якобы, совершил подлог: в аттестате зрелости тройку по физике переделал на четверку. Воевода отдает отчет в абсурдности подобного обвинения, но ему важно видеть меня на скамье подсудимых, это даст ему основание для изгнания меня из губернского города.

Иначе судил Господь: Он изгнал Костек-Бернацкого из его губернского города, из Бреста... Немецкие бомбы, сброшенные на Брест 1 сентября 1939 года, прервали преступную политику Костек-Бернацкого против Православия и русского населения.

Через неделю один из моих прихожан, проникший в здание губернского управления, вручил мне для ознакомления объемистую книгу, на мягкой обложке которой красовалась надпись: «Строго секретно. Исключительно для служебного пользования».

Это был детально разработанный план уничтожения русской национальности и борьбы с Православием на т. наз. «восточных кресах» Польши.

По этому плану в ближайшие годы предвиделся переход всей Православной Церкви на польский язык в богослужении и проповеди, закрытие русских гимназий и школ, замена духовенства, сохраняющего в семьях русский язык, священниками польской ориентации, для которых польский язык является языком родным, насильственное переселение крестьян, не поддающихся полонизации и преданных Православию, с восточных областей на западные окраины государства и т. д.

Переход на польский язык в проповеди в табельные дни уже произошел в начале 30-х годов. В 1938 году мне было предписано принять участие в Онуфриевских торжествах в Яблочине и выступить с проповедью на польском языке. На день преп. Онуфрия в обитель стекалось свыше 10 тысяч богомольцев. От предложенной мне «честь» я отказался и вообще не поехал в Яблочин.

В том же 1938 году на съезд духовенства 1-го благочиннического округа Полесской епархии прибыл впервые уездный начальник («староста повятов»). Он поставил о. благочинному на вид, что совещание духовенства проводится на русском языке. Он же совершил в сопровождении о. благочинного и некоторых священников поездку на местное православное кладбище и там, указывая на русские надписи на памятниках, сурово заявил: и здесь не место этому языку! Фамилия уездного начальника Баран, но не при чем здесь, конечно, фамилия: таковой была политика самого правительства.

Глава XII

«Варвары» с Запада

Недолго задержались в Бресте немцы. За две недели до их ухода за реку Бут посетил меня хорошо владеющий русским языком ротмистр Вайгт и сообщил, что хочет меня видеть генерал, командующий частью, занявшей Брест. В сопровождении ротмистра явился я к генералу.

– Батюшка, – сказал генерал, – мы здесь долго не задержимся. Наша армия отступит за Бут, восточные окраины Польши мы отдаем Советскому Союзу. Сюда придут варвары, ваш храм будет закрыт, превращен в клуб или разрушен, Вы будете арестованы. Мой Вам совет: уходите на Запад. Забирайте с собою семью, родственников, церковную утварь, забирайте все нужное для Вашей жизни и работы на новом месте, укажите, где Вы желаете поселиться в Германии, мы предоставим Вам необходимый транспорт...

Поблагодарив генерала, сказал я, что ответ дам в ближайшие дни, так как должен сообщить об этой возмож-

ности старцу-отцу и посоветоваться с родственниками. Выслушав меня, папа сказал: прикажи собираться.

«Прикажи» – этим словом отец подчеркнул, что вся ответственность за семью лежит на мне. Но нет, не могу я сам решать столь важный вопрос, нужно вразумление свыше. За этой помощью и отправился я в храм к св. Николаю, затем поехал в Яблочинскую обитель к преп. Онуфрию, в день памяти которого поставил меня Пастыреначальник на пастырское служение.

И св. Николай, и преп. Онуфрий озарили мою душу благодатным миром, несокрушимым спокойствием. Вернулся я к семье со словом: остаемся на месте!

В св. Онуфриевской обители встретился с прот. Ананией Сагайдаковским. Академик, проповедник Божией милостью, о. Анания прибыл в обитель, как и я, к преподобному за советом: что делать – уезжать или оставаться. Он – бывший военный священник Польской армии. В 1952 году о. Анания вспомнил о нашей встрече у преп. Онуфрия.

Находясь в Касабланке (Марокко), получил я от него письмо, в котором он со скорбью сообщил о своем невольном пребывании в украинской церковной огаде. Прибыв в США, узнал я о том, что бедный о. Анания, пастырь добрый и одаренный, пытался войти в состав Русской Зарубежной Церкви. С этой целью прибыл он в один из будних дней в Синодальный храм преп. Сергия в надежде получить после Литургии аудиенцию у Митрополита Анастасия. Но... правитель дел Синодальной Канцелярии о. Георгий Граббе попросил вошедшего в алтарь протоиерея-академика удалиться из алтаря – «Вам здесь не место»...

«За нами придут сюда варвары»... Не успел я встретиться с «варварами» с Востока, как пришлось убедиться в варварстве Запада, в рядах Немецкой армии. Расквартированные в здании русской гимназии и начальной школы немецкие солдаты превратили прекрасно оборудованный физический кабинет в груды щепок, стекла и изогнутого металла.

С вступлением на восточные земли Польши Немецкой армии хлынула через Брест волна заключенных из

концентрационного лагеря в Березе-Картузской, детища Костек-Бернацкого. Мой дом наполнился, как принято теперь говорить, «узниками совести». За нехваткой места спали в столовой на полу, устланном соломой. Среди них два униатских священника, Д. Д. Бохан – редактор русской газеты в Вильно, сенатор В. В. Богданович, громивший с трибуны Сената польское правительство за насилия над Православной Церковью, за конфискацию ее имущества, захваты и разрушение православных храмов, за национальные притеснения русских.

– К 1929 году, – говорил с трибуны Сената В. Богданович, – в СССР изъято 27 процентов всех православных храмов, а в христианской Польше – 45...

Духовно изголодавшиеся, без Евхаристии, униатские священники со слезами просили разрешить им совершить в моем храме Литургию. Отвратна мне уния, в основе которой лежат обман и насилие, она вошла в историю в образе «волка в овечьей шкуре». И все же, по чувству любви к «впавшим в руки разбойников», я решил им совершить Евхаристию в одном из приделов моего храма, дал им и все необходимое для совершения Таинства. Со слезами просили, со слезами радости и благодарили.

Глава XIII **«Знакомство» с НКВД**

Неожиданно для себя оказался я участником встречи вступавшей в Брест Красной армии. Направляясь домой после встречи с настоятелем Свято-Симеоновского собора, поражаюсь громадному скоплению народа вдоль Московского шоссе (б. Ягеллонская улица). Что это? Всматриваюсь в лица. На 90 процентов состоит масса из местных брестских евреев. Они собрались, чтобы приветствовать вступавшую в Брест Красную армию. Тяжелое впечатление произвело на меня это зрелище...

Понурый, иду домой. И слышу за спиной ко мне обращенный громкий голос:

– Пане, пане, нам теперь хорошо, а как будет Вам?

Это был голос скромного еврея, смазчика смолой мусорных ящиков во дворах домохозяев. По роду работы всегда в рваной, грязной одежде, сутулый, сейчас предстал он передо мной стройным, в новом костюме с красным бантом молодым человеком; лицо его сияло.

Придя домой после встречи Красной армии, разжег я русскую печь и предал огню значительную часть моей библиотеки, оставив творения св. Отцов и книги богословского содержания. В первые же дни убедились мы в антирусском характере советской власти.

Начались аресты молодежи, национально настроенных бывших воспитанников русской гимназии. Увидав появившегося на пересечении главных улиц красноармейца, регулировавшего движение, молодая русская патриотка. В. С. Сербина подошла к нему, приветствуя в его лице страну Пушкина и родной народ.

Через два дня после этой восторженной встречи с «русским» красноармейцем она была арестована и отправлена в Минскую тюрьму. Все мы поняли, что советская власть не терпит и не допускает проявления русскими национального чувства, русский патриотизм их пугает, как пугают их и Христос и Евангелие.

Быстро почувствовали мы тяжелую руку новой власти. Нас лишили возможности пользоваться водой из колодца в церковной ограде. Исчезла соль, начались трудности с покупкой хлеба. За водой пришлось ходить за два квартала от дома, в добыче хлеба и соли выручал нас Богом посланный в наш дом «суровый» красноармеец Семен Х-ов.

Было это в первые дни по вступлении в Брест Красной армии. В сумерки врывается в наш дом красноармеец с винтовкой в руках в сопровождении добровольца-милиционера – неизвестного нам типа с красной повязкой на руке.

– Обыск! – грубо заявили они. – Мы преследовали белобандита, он махнул через забор и скрылся в вашем доме...

Что ж, обыск так обыск. Испуганные (чем это кончится?) мы быстро успокоились: незванный гость обошел

все комнаты квартиры, посмотрел на стены и, обнажив голову, остановился в гостиной перед портретом Пушкина. Мы поняли: не погоня за белобандитом, а любопытство привело его в наш дом.

В эти дни приютился у нас проф. Димитрий Аполлинариевич Г-ч, бежавший от военных действий из Варшавы.

– Ну что, папаша, Богу молишься, а ты Его видел? – обратился ко мне красноармеец.

– Да, товарищ, молюсь. А вот на вопрос о Боге пусть ответит тебе Димитрий Аполлинариевич, он профессор ВУЗа. Слушая меня, ты скажешь: «Понес поповское мракобесие», а Димитрий Аполлинариевич человек науки, он и скажет тебе о Боге.

В простых словах повел свою речь Димитрий Аполлинариевич: милый комсомолец-воин, развесив уши, с интересом слушал его, лицо его просветилось, стало добрее. Беседа шла под звуки радиопередачи из Москвы. И когда послышался дивный голос русской певицы, он громко, подчеркнуто, с грустью произнес:

– Эх, прижмут нужда и голод, поневоле запоешь!

В этих словах открылась душа подневольного русского страдальца. И он заговорил о себе: «В моем раннем детстве носила и водила меня бабушка в храм; не успел я достичь отроческого возраста, как закрыли и разрушили нашу церковь, батюшку сослали, и с тех пор никогда я не видел живого священника; жил я без церкви, воспитали меня в пионерах и в комсомоле, во вражде к Богу и попам – врагам народа. Направляясь в ваш дом, я хотел посмотреть, как выглядит этот враг народа...»

С этого вечера завсегдаем был у нас красноармеец Х-ов, он доставлял нам и соль и хлеб. Это было его первое посещение нашего дома. Второй раз пришел он к нам с дарами, пришел в день Воздвижения Креста Господня. Прочитали молитву, уселись к вечерней трапезе. Вместе со всеми осенил себя крестным знаменiem и наш дорогой гость.

– Перед едой полагается перекреститься, – говорит гость, – но я к этому не привык, не крещусь...

Все мы видели, как осенял он себя знамением крестным, а в его словах послышалось огорчение – не заметили, мол, как осенил он себя крестным знамением.

– Хозяюшка, – продолжал дорогой гость, – сегодня большой праздник, а ты вот квартирку к празднику не почистила, вон там в углу вижу паутинку...

Легко и быстро испарился в комсомольце туман безбожия.

Работавший у нас по починке одежды старенький еврей-портной смастерил мне из старого подрясника «ворошиловку». Ее одевал я, когда шел в дальний колодец за водой и в универмаг. Направляясь однажды в универмаг, вижу – в витрине красуются рожи членов Политбюро. У витрины стоят два пожилых еврея; задержался у витрины и я. Рассматриваем лица вершителей судьбы подъяремной России, из уст моих соседей вырывается восторженное восклицание: «Смотри, все наши».

С первых же дней по вступлении в Брест Красной армии бодро зазвучали на улицах города песни: «Если завтра война, если завтра поход, мы сегодня к походу готовы», «Выходила на берег Катюша», «Москва моя, страна моя...» и «Никто такой страны не знает, где так вольно дышит человек...» Кто же распевал эти песни – солдаты Красной армии? Нет. Недавний смазчик мусорных ящиков и его единоплеменники, они открыто прославляли новую светлую страницу их жизни. И какой противоположностью им был красноармеец, русский Сеня Ходов!

Было большим сюрпризом появление в моем доме поляка с просьбой о принятии в Православие его с женой и шестью детьми.

– Я воспитанник русской школы, люблю православное богослужение, у православного священника изучал Закон Божий, в возрожденной Польской республике, Вы понимаете – я не мог уйти из римо-католичества, а сейчас прошу Вас о принятии меня со всей семьей в лоно Православной Церкви.

Посмотрел я на бедного земляка и подумал: если бы с подобной просьбой обратилась к патеру православная семья, уж он бы не выпустил ее из рук своих.

– Скажите, дорогой мой, – обратился я к просителю, – любовь ли к Православию привела Вас ко мне или житейские соображения? Если Вы думаете, что пришла к нам русская власть и переход в Православие даст Вам какие-либо привилегии, то Вы заблуждаетесь. Сейчас мы не под русской властью, а под властью марксова интернационала. Вы знаете, кто такой Маркс. Эта власть крайне враждебна христианству и стремится к уничтожению Христовой Церкви в России, эта власть поощряет только «союз безбожников». Подумайте о сказанном Вам, поговорите с женой, и, если Ваше желание войти в лоно Православной гонимой Церкви глубоко и искренне, приходите, ожидаю Вас в ближайшие дни.

«Возлюбивший» Православие больше у меня не появился.

Скоре начались вызовы священнослужителей и церковных старост в НКВД.

После первого вызова и беседы с товарищем Шишкиным (еврей) яснее ясного мы поняли, что интернациональная власть СССР верна своей сущности – ненависти к Православию. Предстала предо мною картина грядущих вызовов моих прихожан на допросы, угрозы, лишения работы, аресты и ссылки их за веру и посещение храма.

Не уйти ли мне? Ведь многие, невзирая на опасность, будут посещать храм не только побуждаемые к тому верой, но из любви и уважения к моему старцу-родителю и к их молодому настоятелю. Таким образом, явлюсь я виновником их страданий. Что делать? Сохранится ли в новых условиях жизни моя приходская семья, проявит ли она стойкость в вере и церковности?

Решил я проверить это следующим образом: объявил в воскресный день о том, что будет проведена новая перепись моих прихожан, для каковой цели с понедельника по субботу включительно храм будет открыт с 7 утра до 6 вечера. Будет поставлен столик с пронумерованными листами бумаги: каждый, считающий себя прихожанином, может прийти и расписаться. У столика будет установлено дежурство. Дежурство несли я как настоятель, диакон и церковный сторож. За шесть

дней на листах было свыше 2.500 подписей. Это меня успокоило. Листы с подписями были преданы огню.

Большим и радостным событием было посещение Бреста (проездом в г. Луцк) Митрополита Николая (Ярушевича), в лице которого получили мы яркое свидетельство подъяремного положения Матери-Церкви в СССР. Я свято храню в моем сердце светлую память об этом выдающемся добром архипастыре Русской Церкви.

Был поражен отсутствием в русской зарубежной прессе ему посвященного некролога и счел моим моральным долгом восполнить этот пробел. В его память написал статью «Церковь плененная и гонимая» (см. эту статью в моей книге «В защиту Правды». Нью-Йорк, 1983).

«Русская жизнь», национальная русская газета, и еврейская русскоязычная газета «Новое русское слово» не приняли мою статью, она появилась в монархической газете «Россия». Прежде чем направить статью в редакции газет, предложил я ее вниманию Аввы Митрополита Анастасия. Дважды ее прочитав, владыка Анастасий сказал:

– Спасибо, батюшка, за добрую память о Вашем архипастыре. Благословляю к напечатанию.

Мы, пастыри, отдавали отчет в том, что ожидает нас при новой власти, власти не русской, к тому же вдохновляемой и направляемой врагами христианства и русского народа. И в то же время мы радовались нашему вхождению в лоно страдальницы Матери-Церкви.

Радовались концу злополучной автокефалии, навязанной Православной Церкви в Польше по слабости иерархии шовинизмом польского правительства, распоряжавшегося делами Православной Церкви по своему усмотрению и под диктовку Ватикана.

С декабря 1939 года дом настоятеля Николаевского храма стал «проходным двором» для многих беглецов от советской власти. Сочельник. После всенощной уселись к столу. Вдруг стук в дверь.

– Батюшка, ради Христа, примите, – это был Евгений С. Давыдовский со своим коллегой, офицером Польской армии; обоих впервые вижу. Обогрелись, разделили с

нами радость праздника, переночевали и, получив проводника, ушли за реку Буг.

Стук в дверь поздней ночью. Это батюшка, мой одноклассник по Богословскому факультету о. Евгений Б-ский.

– Ради Бога, укрой... За мною погоня.

Укрыл, провел у меня два дня и с помощью проводника ушел за Буг.

И еще стук в дверь поздним вечером.

– Кто там?

– Впустите!

В дом вошел молодой иеромонах Г. К-чук со своим братом. И за ними погоня, в чем я легко убедился по опросам «некими» во время Литургии и после службы моих прислужников, церковного сторожа и соседей.

Господь охранял мой дом как убежище гонимых. Прошел через мой дом и ряд лиц, получивших от специальной немецко-советской комиссии разрешение на выезд за Буг в Германию. Упомяну двоих: о. Григория Бо-ришкевича (впоследствии еп. Григория в Русской Зарубежной Церкви) и прот. Юлиана Самковича.

Отец Юлиан Самкович, блестящий проповедник, задержался в Бресте продолжительное время, чему я был искренне рад. С ним соборно совершали в воскресные дни Литургию, я буквально заставлял его быть предстоящим у Престола, заставлял его и проповедовать, многому у него поучаясь. Почему уклонялся он от возглавления и проповеди? Сам признался: чтобы не умалить мой авторитет перед прихожанами. А я-то радовался его блестящему слову!

Тяжелым был для меня день св. Николы зимнего. Ранним утром пришлось неожиданно соборовать и причастить Св. Тайн старца о. Владимира Дружиловского, приписного протоиерея к моему храму, а вечером, после акафиста святителю Николаю, уже готовил его к погребению.

Во время исповедальной беседы о. Владимир благодарил меня за братское родственное к нему отношение и, предсказывая скорое повышение в сане, невзирая на

мой протест, возложил на мои перси золотой крест, приговаривая:

– Скоро, скоро протоиереем будете.

Затем, обращаясь к старушке матушке Анастасии, попросил принести, как сказал он, бриллиантовый крест.

Смутилась матушка, вышла из комнаты умирающего и где-то затерялась: видимо, не хотела расстаться с дорогой для нее святыней мужа. Вошла в комнату на повторный зов больного, держа в руках крест, и говорит:

– Батюшка, ведь этот крест не нужен молодому священнику, – на что последовал ответ о. Владимира:

– Сегодня не нужен, но вижу – скоро будет на него возложен... – и с этими словами вручил мне святыню.

Слово умирающего старца оказалось пророческим. Но я не унес с собою кресты: выходя из дома болящего, оба креста положил на аналое в красном углу. Матушка вручила их мне на сороковой день кончины о. Владимира, после панихиды.

Если в массе, встречавшей в Брест вступающую Красную армию, в словах рассматривавших в витрине универсама фото членов Политбюро и в замечании смазчика мусорных ящиков как бы открылось лицо подлинных правителей СССР, то в лице красноармейца Семена Х-ова и тех, кто прошел в эти дни через мой дом и храм (о них коротко речь впереди), отчетливо выявился подлинный облик нашего подъяремного народа-страдальца.

1939 год. Праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Стою у царских врат, читаю к Литургии входные молитвы. В это время входит на правый клирос лейтенант Красной Армии. Закончив входные молитвы, вхожу в алтарь, кладу у Престола положенные поклоны.

Входит в алтарь и лейтенант, и он кладет земные поклоны, подходит ко мне, испрашивает благословение, называет свою фамилию:

– Георгий В. Р-цев.

– Батюшка, сегодня день кончины моей мамы, Марии. Всегда в этот день молюсь о ней; если есть храм – обращаюсь к батюшке с просьбой совершить панихиду;

нет храма – молюсь о почившей сам. Не откажите совершить панихиду о рабе Божией Марии.

– Когда, – спрашиваю, – сейчас ли или вечером после акафиста в 6.30?

– Лучше вечером, сейчас собирается народ.

– Хорошо, – отвечаю я, – но если Вы опоздаете к указанному часу, зайдите ко мне на квартиру, оттуда пойдем в храм и помолимся. Пойдем, покажу Вам, где я живу.

Вышли мы через пономарку в ограду церковную, опустилась глава его на мою грудь – лейтенант разрыдался.

– Батюшка, если бы Вы знали, как нам тяжело, как исстрадалась душа...

Как мог, утешил во Христе родного воина Георгия, показал, как войти в мою квартиру, и вернулся в храм к совершению Литургии. Вечером совершаю вечерню с акафистом. После акафиста, перед пением молящимися песен Богогласника, веду беседу о воспитании детей в новых условиях и вдруг слышу из среды молящихся голос:

– Так, братья, любите Церковь, дорожите верой Православной, учите ваших детей любить Христа, в Нем наше спасение!

Всматриваюсь в массу молящихся и вижу... Стоит в моем студенческом пальто с меховым воротником дорогой мой лейтенант Георгий, стоит коленопреклоненно. Это он «проповедует» вместе с батюшкой. Оказалось, через несколько минут после моего выхода к вечерне он вошел в мой дом, оставил у матушки свою шинель и в моем пальто пошел к началу службы в храм. После панихиды был он дорогим гостем нашей семьи, разделил с нами трапезу и изредка навещал нас в вечерние часы.

Ушел за Бут В. Д. Пантелевич, регент Божией милостью, и осиротел мой хор. Слава Богу, хористы не потерялись. С их поддержкой взяли на себя управление хором сын ушедшего регента Леситс (Леонид), окончивший русскую гимназию в Бресте, и Володя Гилетич, каменщик, любимец хора, закончивший свою жизнь протодиакonomом в Минске.

Послал Господь хору нового тенора в лице лейтенанта Красной армии, прекрасно знавшего церковный

устав и церковное пение. Каждое воскресенье к Литургии приходил он в хор и быстро стал любимцем певчих. Слушая воскресные проповеди, наш новичок в хоре неоднократно через певчих обращался ко мне с просьбой воздержаться от выступлений с проповедью.

– Если хотите дольше сохранить батюшку и храм, уговорите его, чтобы не выступал с проповедью. Знаю по жизни Церкви в Союзе, что всякая, даже самая скромная и строго церковная проповедь рассматривается у нас как контрреволюционное выступление. Умоляю, скажите батюшке, чтобы поберег себя для верующих, пусть ограничится совершением богослужения. Проповеди ускорят его арест, – так говорил певчим, став однажды перед ними на колени, молодой лейтенант.

Завсегдатаем нашего дома был сержант Мина К-ич. Два-три раза в неделю заходил он к нам в полуденные часы и, испросив благословение, удалялся в спальную комнату, где ожидали его Библия и Богогласник. Он впитывал в себя слово Божие и тихонько пел песни Богогласника. Как-то спрашиваю его:

– Мина, почему Вы никогда не задержитесь у нас, не сядете к столу побеседовать?

А он в ответ:

– Еды хватает мне в казармах. За день от разговоров горло устает, прихожу к Вам словом Божиим напиться, духовно себя укрепить.

Похвала Божией Матери. Посреди храма большой образ Приснодевы. Скромно поют клирошане. В самом начале акафиста внимание молящихся привлекает фигура офицера, направляющего стопы свои на правый клирос. Взойдя на клирос, он опустился на колени и в таком положении остался до конца службы. Это был доктор-капитан пограничных войск. По окончании службы вошел он в алтарь, принял от батюшки благословение и тихо через пономарку удалился из храма.

Сколько детей пришлось крестить, знает один Господь. Крестил, не занося крещаемых в книги. Ночью или под утро, и летом, и осенью, и зимой – стук в дверь раздается, всегда с черного хода. Открываешь дверь: батюшка, ребеночка принесла, окрестите. В большинстве

это были молодые матери. О некоторых случаях крещения следует сказать особо.

Вечер третьего дня Рождества Христова. Входят две шикарные дамы, с ними мальчик лет 8 и девочка лет 10. Москвичи. Мама просит совершить крещение ее двоих детей. Детки производят прекрасное впечатление, они знают для чего их привели к батюшке мама и тетя. Тетя готовит ребят к Таинству, помогает им снять верхнее платье, ботинки, а мама в сторонке шепчет батюшке: сюда придет мой муж в военной форме, не пугайтесь, скажите вашим, чтобы впустили его в дом.

Всех детей, приносимых ко мне на дом, крестил я у красного угла в столовой, а родителей помещал в смежной комнате, в спальняной. К концу чина Крещения вошел отец детей: в военной форме, полковник, в руках фуражка – синий околышек, зеленый верх (пограничное НКВД).

По окончании чина Крещения вошел я вместе с новопросвещенными ребятами в спальняную комнату поздравить родителей и сказать несколько слов ребятам. Когда я закончил обращение к детям, отец их, испросив благословение, обнял меня и сказал:

– Русское спасибо Вам, батюшка, спасибо. Сегодня у нас семейная радость. Если бы не привел детей моих в крещении ко Христу, я бы душевно страдал как преступник против Отечества и духовный убийца моих детей. Вы, батюшка, полагаю, видя мою форму, понимаете, почему не обратился я к батюшке в Москве.

Был я приглашен на крещение младенца в квартиру лейтенанта Владимира Кр-ко. И родной отец младенца и отец крестный – лейтенант Василий Ш-ин, оба глубоко верующие. В дружеской беседе после Крещения В. Шкрин долго повествовал о том, какие трудности переживают в СССР верующие люди, и в конце беседы достал из кармана ветхий молитвослов.

– Это мой духовный питатель и спутник моей жизни. С ним я неразлучен, – сказал он.

И еще одно знаменательное крещение: принесли в храм младенца в день Казанской иконы Божией Матери.

Родители молоденькие, молодой и крестный отец – в военной форме, сержант Красной армии.

Были крещения с явным явлением исцеляющей младенцев силы Божией. Приходит ко мне сестра милосердия при военном госпитале Брестской крепости Татьяна Соколова, ученица моего отца. Редкая у меня гостья. В чем дело? Заболел мальчик, ребенок главного врача госпиталя. Все доступные средства лечения использованы – польза нулевая, состояние ребенка объявлено безнадежным.

Отец в слезах, в отчаянии мечется мать. Подошла к ним сестра милосердия:

– Доктор, еще не все средства лечения использованы, – говорит родителям Татьяна.

– Что же вы, сестра, имеете в виду?

– Церковь, силу Божию в Таинстве Крещения.

– Чепуху мелешь, – отвечает ей доктор-отец.

– Нет, доктор, это не чепуха. Разрешите, я свезу мальчика к батюшке.

– Ну что ж, отвезите.

Добрая, родителям сострадающая сестра милосердия привезла младенца ко мне, рассказала о переживаниях родителей. Совершили Таинство Крещения. Духовно в Таинстве рожденный младенец окреп физически, рос здоровым ребенком. Такой же случай был и с ребенком другого военного врача того же госпиталя. Но в этом случае врач-отец, зная об исцелении мальчика своего начальника, сам обратился к сестре милосердной: свези моего малыша к твоему Врачу. Небесный Врач оправдал надежду родителей, через Таинство Крещения ребенок выздоровел.

В доме «кумы» (так называли мы хозяйку «забегаловки», куда заглядывали учителя гимназии подкрепиться кто бутербродом, кто «чайком в соточке») поселился партийный ветеринар.

Заболел его двухлетний мальчик. Ребенок круглые сутки мучится в конвульсиях. «Кума» уговорила мать младенца совершить крещение страдальца-малютки. Узнав об этом, отец поднял крик, хлопнул дверью и ушел из дому. Позвали меня. Совершили в квартире «кумы»

Таинство Крещения. Конвульсии прекратились. Недавно возмущавшийся отец исцеленного ребенка, как говорили мне, перестал быть воинствующим атеистом.

Пришел ко мне в вечерние часы поляк-железнодорожник.

– Батюшка, в моем доме живет безбожник; как и я, он служит на железной дороге. У него умирающий ребенок, больница отказалась его держать. Сказали, пусть дома умирает, Родители в отчаянии; отец, хотя и против религии, согласился позвать Вас. Сейчас его дома нет.

Пошел я, помолились, совершили Таинство Крещения. Ребенок ожил, окреп во втором рождении. «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя!»

Все священнослужители, не исключая старика настоятеля Свято-Симеоновского собора, являлись на вызовы в НКВД в штатских костюмах. Я был исключением, являлся в НКВД, в горфинотдел и в другие учреждения в рясе с крестом на груди. Возможно, что это избавило меня от частых вызовов.

Моих собратий обязали являться в НКВД каждого в определенный день недели, бывало и раз в две недели, я же был вызван всего лишь четыре раза.

В то время, как моим братьям, невзирая на их возраст, предлагали отказаться от пастырского служения, за что будут им предоставлены хорошо оплачиваемые места в советских учреждениях, предлагали для прочтения Историю ВКП(б) и статьи из журналов «Спутник агитатора» и «Безбожник у станка», меня подобным испытаниям не подвергали.

По летам я был самый молодой из моих собратий. Зато их не задерживали более получаса, в то время как я просиживал в здании НКВД от двух до семи часов. «Товарищ» Шишкин уже лежал в могиле, когда вызвали нас в НКВД второй раз. Принял нас молодой русак.

– Ну что, батюшка, в семье все у Вас здоровы, нет ли неприятностей? Ну и я желаю Вам всего доброго, идите домой.

Тяжелое испытание перенес я на моей третьей встрече с НКВД. Это было поздним летом 1940 года. К полудню вызвали меня к начальнику городского финан-

сового отдела. Из разговора с начальником, продолжавшегося около получаса, никак я не мог понять – зачем он вызвал меня.

После получасовой болтовни он извиняется, уходит на пять минут. Вернувшись, говорит:

– Гражданин Зноско, Вас хочет видеть майор Стрельников, пойдите к нему, он ожидает Вас в коридоре.

Вошел я в длинный коридор, майор Стрельников, лицо его приятное, идет мне навстречу. Протягивает руку, представляется – майор Стрельников. Жму его руку со словами: очень приятно, священник Зноско. А он мне в ответ:

– Неужели приятно?

На что я отвечаю:

– Всякое доброе знакомство может быть только приятным.

– Скажите, гражданин Зноско. Вы служите в ближайшем отсюда храме с синими куполами?

– Да.

– Так вот, прошу Вас, пройдите домой и переоденьтесь, я Вас буду здесь ожидать.

– Это что значит, майор, хотите, чтобы я снял рясу и пришел к Вам в штатском, без креста?

– Да, – ответил майор.

– Нет, этого я не сделаю, я священник, и меня обязывает определенная одежда.

– Для нас Вы не священник, а гражданин. Я Вам приказываю! – тихо произнес майор.

– Напрасно, майор, приказ ни к чему, не пойду я против совести.

– Ну, ладно. Вы знаете дальнее здание НКВД (их было два)? Шагайте туда, я пойду за Вами.

И пошел я скорым шагом, задержавшись в киоске у сквера купить книгу «Вопросы ленинизма-сталинизма», недавно появившуюся в витринах. Почему купил я эту книгу, сам не знаю, по вдохновению. Приближаясь к зданию НКВД, майор подошел ко мне и сказал: у Вас военная походка. И получил в ответ:

– Сын военного священника!

Семь часов провел я в здании НКВД. Поначалу мирно протекал разговор с майором Стрельниковым. Он расспрашивал о моих ученических годах, об отце и братьях, перешел на тему о трудностях, о сложной обстановке, с которыми пришлось встретиться новой власти на присоединенных к Советскому Союзу землях.

За этой темой последовал вопрос: кому Вы служите, гражданин Зноско?

– Богу и людям.

– А что Вы думаете о советской власти, кому она служит? Тому же народу, правда? И Вы и мы служим народу, отсюда сделайте вывод. Нам, гражданин Зноско. нужна помощь, мы ее ожидаем от Вас...

С этого момента началось наступление, атака... пот и красноречие. На помощь Стрельникову пришел тип с лицом зверя, затем их заменил третий – молчаливый. Требовали подписать обязательство о сотрудничестве, т. е. стать «сексотом».

Сидя со Стрельниковым, чувствовал я себя в общем спокойно. Он спорил, доказывал необходимость сотрудничества духовенства с властями, говорил о тяжелых последствиях отказа: арест, ссылка, ограничение детей в гражданских правах. На все уговоры и угрозы был один ответ – «нет», компромисс совести для священника страшнее физической смерти. Согласием на ваше предложение я нарушу Богу данную клятву – служить только Ему Единому, а как клятвопреступника и вы вряд ли будете меня уважать, доверия ко мне не будет.

– Не хорохорьтесь, гражданин Зноско. Я сам сын священника, хорошо знаю Вашу психологию, много их прошло через мои руки...

Глядя майору в глаза, спросил я его:

– Скажите, не проходили ли, как Вы сказали, через Ваши руки батюшки – подлинные слуги народа?

Молчанием ответил майор. Три раза сменял Стрельникова палач со звериным лицом. Он убеждал криком, кулаком и пощечиной. Появившись в третий раз и услышав от Стрельникова о продолжающемся упрямстве попа, он повел меня в подвал-бомбоубежище, предложил мне сесть, уговаривая подписать согласие на сотруд-

ничество, но услышав мое твердое «нет», снова нанес мне пощечину и заорал:

– Становись к стенке.

С руганью, со словами «собаке собачья смерть», приставил пистолет к затылку и, продержав у стенки несколько секунд, прохрипел:

– Повременим...

В знакомой комнате уже ожидал меня «молчаливый». Вскоре пришел майор Стрельников.

– Ну что, Вы все упорствуете? Вам будет хуже!

И снова пошел спор-разговор, да почему, нет у Вас веских причин для отказа и прочее. В это время раздался телефонный звонок. Стрельников заявляет:

– Вы арестованы, сейчас подъедет за Вами машина.

И удивительно, не покинуло меня спокойствие, я снял теплую рясу и продолжал приводить по памяти из Священного Писания и св. Отцов и Вселенских Соборов основания моего отказа. Говорил медленно, отчеканивая каждое слово.

Когда я закончил, Стрельников предложил все мною сказанное изложить тут же в письменной форме. Я согласился.

Сажу над листом бумаги, обдумывая, как начать, и как только занес над бумагой перо, лицо сидевшего против меня майора озарилось широкой улыбкой. Эта улыбка отрезвила меня, я положил на стол ручку, отказался писать.

Слегка возмущенный, Стрельников долго пытался склонить меня изложить письменно доводы против «сотрудничества» с НКВД. Снова вошел «молчаливый». Сидит, молчит и на жертву в упор глядит. А я в это время взвешиваю все пережитое, вспомнил слова Господа нашего Иисуса Христа: «Когда же приведут вас... к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить: ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12, 11-12). Вернулся майор Стрельников, долго смотрит на меня.

– Гражданин Зноско, мне сообщили, что арест Вас откладывается, но прежде чем Вас отпустить, Вы обяза-

ны подписать бумагу о том, что никому ни слова не скажете о нашем здесь с Вами разговоре.

Я отказался подписать и это обязательство. Тут мой сдержанный майор вскипел, но не надолго.

– Майор, я принимаю Ваше требование как личное оскорбление. Прекрасно отдаю отчет в том, что разговор, подобный сегодня бывшему со мной, огласке не подлежит, что огласка повлечет заслуженное суровое наказание. Не думайте, что мы впервые в Комиссариате Внутренних Дел. Вызывали нас, батюшек, и поляки...

– Хорошо, отпускаю Вас с тем, что через две недели Вы придете сюда ко мне с окончательным ответом на наше предложение.

За эти две недели выписал я на пишущей машинке – на обратной стороне иконок, слова Спасителя, апостола Павла, из св. Отцов и постановлений Вселенских Соборов, которыми запрещается пастырям служение «двум господам», участие в мирских делах. Вложил иконки в книгу Нового Завета и зашагал в назначенный день к майору Стрельникову. Он уже ожидал меня.

– Здравствуйте, снимайте пальто или, как это, да, рясу и садитесь.

– Спаси Бог, – ответил я, – снимать рясу нет нужды, шел я к Вам спокойно, не спеша, не употел.

– Что, шли спокойно?

– Да, спокойно, чего же мне волноваться? Вы знаете, как относились власти Польши к Православной Церкви, мы привыкли к вызовам.

– Надеюсь, принесли Ваше согласие?

– Нет, пришел подтвердить мой отказ.

Раскрыл я Новый Завет и прочитал ему все, что было написано на каждой иконке. Выслушав, майор Стрельников сказал:

– Как жаль, что при прошлой встрече Вы не имели с собой этих выписок, мой товарищ был бы более сдержан в разговоре с Вами. Можете оставить у меня Ваши иконки?

– С удовольствием, – ответил я. – А так как Вы при прошлой встрече сказали, что Вы сын священника, разрешите вместе с иконками оставить Вам и Новый Завет.

– Хорошо. Через две недели придете ко мне.
– Простите, через неделю выезжаю я в Бельск к моему тяжело больному тестю, не знаю, когда от него вернусь, а в Бресте заменит меня мой старец отец.

Это было мое последнее посещение НКВД. При этой встрече Стрельников подробно расспрашивал меня о моей жизни в Белграде.

По иному подошли в НКВД к моим братьям по Бресту. Все они, кроме настоятеля Симеоновского собора, заходили ко мне поделиться пережитым, проверить, не допустили ли ошибку в разговоре, в своих ответах. Моих братьев постепенно втягивали в сотрудничество.

Подходит ко мне протоиерей о. Ф., смеется:

– Подумайте, просили меня сообщить им, сколько в Бресте синагог и на какой улице они расположены.

– И что же. Вы приняли их поручение?

– Да.

– Поздравляю, Вы уже начинающий сотрудник НКВД.

– Что Вы, – возражает о. Ф., – это же такой пустяк!

А через пару недель поручили ему узнать, где священник Зноско добывает свечи и воск на выделку свечей...

Похвастался о. М., что дал обо мне прекрасный отзыв. Спрашиваю, устно или в письменной форме?

– Написал.

– Поздравляю, и ты уже втянут в сотрудничество. А еще о ком тебя спрашивали?

– О Л. Дзекуц-Малее, и о нем дал письменный прекрасный отзыв.

– Пропал ты, о. М. Теперь вынужден будешь писать правду и о многих других...

Несли в дом батюшки свои тяжелые переживания после вызовов в НКВД и некоторые учителя б. русской гимназии, и прихожане. От последних я узнавал о том, как зорко следят там за каждым движением священника.

Отпевал я в кладбищенском храме почившего генерала Г. Янушевского. Прощаясь с покойным, после от-

пустительной молитвы приложился к руке достойного воина, а через несколько дней уже говорили об этом в НКВД на допросе одного из моих прихожан. Ему было сказано:

– Ваш поп монархист, он даже руку поцеловал мертвому царскому генералу.

Получил вызов в призывную военную комиссию. Что это? Новый способ борьбы с Церковью, уже практикуемый Гитлером, или за врагами народа, «паразитами», лишенными гражданских прав, признали право гражданства в своей стране? Нет, с полноправными гражданами так не обращаются, как со мной обращался в Комиссариате Внутренних Дел служащий со звериным лицом. Но приказ есть приказ. Каждый обязан разумным и честным подчинением власти предержащей.

Явился я в комиссию и предстал перед ее начальником. Не хотели пропустить к начальнику, но... пропустили. Может быть, помогли ряса и крест на груди.

– Гражданин начальник, я явился по вызову в призывную комиссию, не произошла ли ошибка в том, что мне, священнику, прислана повестка?

– Нет, нет, все граждане обязаны служить государству в рядах армии.

– Да, верно, но вот в моих руках закон о военнообязанных, подписанный маршалом К. Ворошиловым. Согласно этому закону...

Я не закончил фразу, начальник взял из моих рук брошюру, прочитал мною подчеркнутые места, и сказал:

– Мы рассмотрим этот вопрос. А сейчас Вы свободны...

В г. Барановичи был вызван в призывную комиссию и мой друг-священник. Предстал он перед комиссией. Военный врач, женщина – не христианка, не русская, увидав у него на груди крестик, злобно расхохоталась и, взяв в свои руки его половой орган, трясла его, издеваясь над священником.

«Кто не работает, тот не ест». Эти евангельские слова встречаем мы и в советском законодательстве. В поисках работы несколько дней ходила по разным учреждениям

моя сестра Ольга. Ее приняли в Областной дорожный отдел на должность машинистки, но с тем, что она должна работать на собственной пишущей машинке. Дал я ей свою машинку. С нею она ежедневно выходила на работу, с нею и домой возвращалась.

Начальником Отдела был молодой еврей, внимательный и отзывчивый к служащим.

Вернувшись однажды со службы, сестра рассказала следующий случай, свидетелем которого она была: телефон из Минска, вызывали их начальника. Выслушав голос из министерства, начальник Областного дорожного отдела возбужденно отвечает: товарищи, что вы хотите от меня, я не могу этого выполнить, вы забыли, что я по профессии сапожник...

Посетила меня однажды девушка Татьяна, лет 18. По ее просьбе перешли мы из моей квартиры в храм. Оказалось, что эта верующая девушка пришла на беседу о Достоевском, решила проверить свое понимание Достоевского. Она поразила меня не только тем, что в свои юные годы успела прочесть всего Достоевского, но и пониманием писателя, психолога, пророка. От нее впервые услышал о существовании в СССР катакомбной Церкви.

О существовании катакомбной Церкви говорили мне и несколько женщин из Белоруссии, посещавшие мой храм. Как-то пришли ко мне за благословением на отъезд в родные места две женщины.

Спрашиваю их, что ж вы так рано домой уезжаете, не понравилось вам у нас?

– Да нет, батюшка, подходит наша очередь принять у себя «попа-передвижку», много собралось ему крещений, отпеваний, да и других молитвословий, мы не прибегаем за духовной помощью к официальным попам, мы «тихоновцы».

Одна из них прислала мне службу с акафистом моего небесного покровителя св. Митрофана Воронежского. Поздняя осень. Совершаю в канун воскресного дня всенощную. Во время кафизм входит в алтарь через пономарку лейтенант.

– Батюшка, мама просила передать вам эту книжку.

И удалился.

В воскресные и праздничные дни приходилось в ранние часы, задолго до начала Литургии, принимать в пономарке исповедников и после кратких молитв, наставления и исповеди в той же пономарке причащать Святых Тайн. В Великом Посту 1941 года приступило ко Святой Чаше в моем храме свыше четырех с половиной тысяч причастников. Кто они? В шестидесяти процентах – прибывшие с Востока.

Вскоре после законного перехода г. Бреста в состав бывшей Российской Земли, а ныне безымянного Советского Союза, была восстановлена в городе русская гимназия. Поначалу новые власти оставили на местах и Директора К. М. Розеновича, и прежний состав преподавателей, из коего был исключен я как священник.

Отношение ко мне преподавателей (моих бывших учителей, а затем коллег) всегда было трогательным, но то, что проявили они в отношении меня в новых условиях, настолько трогательно, что по чувству благодарности считаю долгом запечатлеть их чуткость на страницах хроники моей жизни.

Начало учебного года. Первое заседание Педагогического совета.

Секретарь оглашает повестку дня. Обращаясь к преподавателям, Директор К. Розенович говорит:

– Прежде чем приступить к обсуждению повестки, нам следует решить вопрос, касающийся нашей чести. На заседании отсутствует законоучитель о. Митрофан. Отсутствует не по своей воле. Закон Божий исключен из школьной программы. Всем нам чуждо это явление. Скажите, считаете ли вы о. Митрофана членом нашей педагогической корпорации, из которой он удален? Лишенный права и возможности вести уроки Закона Божия в здании гимназии, он лишается и месячного оклада. Считаете ли вы необходимым сохранить за ним месячное жалованье?

Без колебаний преподаватели единодушно решили обеспечить б. законоучителя, своего коллегу, месячным окладом, и для этой цели каждый из них выделил из личного месячного жалованья сумму, установленную Ди-

ректором. Был составлен протокол, все преподаватели его подписали и предали огню. Примеру преподавателей гимназии последовала и большая группа интеллигенции, в начале каждого месяца передавали они старосте храма свою весьма щедрую лепту на жалованье батюшке.

Любил и люблю я Брест-Литовск, основание которого, по некоторым древним источникам, положили монахи, поселившиеся в этой местности в первые времена введения христианства на Руси и основавшие монастырь во имя преп. Симеона Столпника. Этот монастырь дал начало городу, в котором процветало Православие до соединения Литвы с Польшей.

С введением унии, вопреки воле верующего народа, несмотря на протесты большинства представителей Православной Церкви и Земских Соборов, некоторые православные храмы были обращены в униатские, другие, в том числе Рождественский монастырь, разрушены и сожжены, упразднен Симеоновский монастырь.

Многострадальный Брест, город великого борца за Православие преподобномученика Афанасия, игумена Брестского, встречал в знаменательный в истории Церкви Христовой день Святой Троицы 1941 года своего правящего епископа Венедикта, архипастыря восстановленной Брестской епархии. В 1938 году, будучи еще в сане архимандрита, он посетил нас с чудотворным образом Жировицкой Божией Матери.

Свыше шести месяцев хлопотали мы о получении от гражданских властей разрешения на посещение Владыкой его стольного города – Бреста. Встреча архипастыря была сердечной и торжественной. У входа в церковную ограду его встретили многочисленные дети в летних белых платицах, посыпая цветами путь шествия Владыки к храму. Староста храма – с хлебом и солью, дивный мощный хор...

Отбыл Владыка из Бреста к месту своего жительства в Жировицкий монастырь, поручив мне организацию Епархиального Управления, назначив меня Указом от 11 декабря 1941 года благочинным Брестского Округа и председателем Епархиального Управления Брестской епархии.

Этому назначению предшествовала резолюция митрополита Пантелеймона от 23 июня 1941 года за № 273 о возведении меня в сан протоиерея «за стойкость в Православии в дни гонений на веру и за ревностные труды в Церкви Христовой». Резолюция писана в Жировицком монастыре, до него еще не докатились немецкие танки и грохот орудий с 21 на 22 июня начавшейся немецко-русской войны.

Глава XIV

Во время оккупации

Ночью с 21 на 22 июня, с вступлением в Брест-Литовск немецкой армии, открылись ворота Брестской тюрьмы, и в 4 часа утра мы с матушкой приветствовали у нас узников: крестного отца старшей дочери Д. Лукашука из Бельска, его сокамерника – офицера польской армии, о. А. Ушакова и полк. В. Ермолова.

Кум с его сокамерником, отдохнув и подкрепившись у нас, отправились пешком к своим семьям, о. А. Ушаков и В. Ермолов задержались в Бресте. Выйдя из тюрьмы, полк. Ермолов сразу направился в здание НКВД, откуда прибыл в мой дом с мешком за плечами. Это были документы, архив и списки сотрудников НКВД из местных жителей. Ермолов поселился в Бресте в одной из квартир за Бут ушедшей семьи, а для работы над архивом немцы предоставили ему комнату в здании СД. Ушаков нашел пристанище у своего друга по духу о. С. Жуковского. Выхожу из дома.

– Батюшка, Христос Воскресе!

Это пожилой тенорок церковного хора приветствует своего настоятеля. Осенив его крестным знаменем, говорю:

– Рановато восторгаться, еще не знаем, что несет нам «новое знамя» – воскресение или смерть.

Побеседовали, и он согласился со мной.

Минск уже занят немецкой армией, за которой следуют западные, в данном случае – немецкие наймиты,

готовые делить шкуру израненного, измученного, но еще не убитого «медведя» – Российского Великана.

В один из будних дней второй недели войны совершаю в Варваринском приделе Литургию. В храме среди немногих молящихся вижу двух мне неизвестных богомольцев. По окончании Литургии поднимаюсь в ризницу, снимаю облачение. Подходит диакон:

– Отец настоятель, двое мужчин из Варшавы хотят с Вами говорить.

Выхожу на клирос. Знакомимся. Один из них, г. Островский, представился как «нареченный» президент Белорусской республики, второй – его секретарь. Разговор идет на русском языке.

– Скажите, батюшка, к какой национальности причисляет себя население Бреста и его окрестностей, на каком языке говорят здесь?

– В городе, – отвечаю я, – население русское, родным языком считают язык русский, а что касается крестьян – деревня говорит на наречии, близком к языку малороссийскому.

– Нет! – возражает мне будущий президент. – Здесь Белорусь и население белорусское...

На его «нет» и я отвечаю «нет». Местное население никак не причисляет себя к белорусам. Больше того, протестует против причисления Брестской области к Белоруссии. Когда в 1939 году советская власть открыла в Бресте белорусские школы, население протестовало, были посланы протесты и в Минск и в Москву.

– Здесь Белорусь и белорусское население, – резко ответил будущий президент Белоруссии. – У нас протестовать не будут, а если кто вздумает протестовать, того к стенке и пулю в лоб...

Разговор происходил в храме на левом клиросе...

Вторая моя встреча с г. Островским была в Германии, в его квартире, куда заглянул я по просьбе моего шофера-белоруса во время одной из пастырских поездок в английскую зону. Радушно встретил нас хозяин, говорит по-белорусски. Я как бы впервые его вижу, на его вопросы отвечаю по-русски.

И тут-то г. Островский не выдержал, он стал порицать меня за русский язык.

– Вы должны отвечать мне по-белорусски или на украинском языке, – в довольно резкой форме говорит он, на что я не замедлил ответить:

– Простите, я отвечаю Вам на моем материнском родном языке, языком же матерным не пользуюсь.

Была с г. Островским и третья встреча, уже в США, в г. Саут-Ривер. Встретились на похоронах его бывшей личной секретарши. За обильным поминальным столом сидел я рядом с г. Островским. Говорил он со мной только по-русски, хотя и были мы окружены двумя сотнями говоривших исключительно по-белорусски.

В разговоре со мною Островский затронул церковный вопрос. Он говорил о том, что белорусская общественность допустила в деле устройства Церкви в Белоруссии грубую ошибку, и эта ошибка заключается в том, что они связались с канонически беспринципной украинской нео-липковщиной.

– Не отрываясь от наших канонических епископов-белорусов, нам следовало войти, на автономных началах, в состав Российской Церкви за границей. Мы начали пляску с конца, а не с законного начала, – сказал Островский.

* * *

...Яркое солнечное утро.

Я еще лежу в постели, набираясь сил для встречи новых переживаний и впечатлений. Подходит папа: приехал из Варшавы архимандрит Филофей (Нарко) и хочет с тобой повидаться. Я уже знал о том, что архим. Филофей мечтает о белом клобуке митрополита всея Белоруссии, дошел слух и о том, что готовит он козни против Митрополита Пантелеймона (Рожновского).

– Узнайте, папа, в каком он чине (сане), если архимандрит – я сейчас выйду, если же епископ – скажите, что принять его не могу.

Оказалось, архим. Филофей направлялся в Жировицкий монастырь к митрополиту Пантелеймону, где и был он в ноябре этого же 1941 года хиротонисан во епископа. В марте 1942 года он снова посетил меня вместе с епископом Афанасием (Мартос).

Со злым замыслом – раздавить Российский Колосс и в стадо бессловесное обратить народы его – вступил Гитлер в Интернационалом Маркса поверженную Россию. Это мы почувствовали при первых встречах с офицерами гитлеровской армии.

В церковной ограде, у входа в храм стоит генерал с группой старших офицеров. Подхожу к ним. В разговоре отмечаю, что русский народ изнемогает под гнетом Интернационала и станет верным союзником того, кто поможет ему освободиться от марксовых пут. На это генерал ответил:

– Мы знаем, зачем идем мы в Россию, знаем и как со скотом обращаться.

Часто группами заходили военные в храм во время богослужений. И как заходили – в фуражках и с папиросами в зубах! Приходилось мне прерывать Литургию и с крестом в руках выходить к ним с просьбой снять фуражки, прекратить курение или же выйти из храма.

Был случай – в ответ на мое замечание куривший офицер схватился за револьвер и... вышел из храма со словами – «русская свинья».

Зашел как-то в храм в будний день рядовой немецкий солдат, попросил на ключ закрыть входную дверь и спрашивает:

– Скажите, пришел уже антихрист или нет?

Что сказать? Все христианские церкви в Германии, в том числе и православная, пользовались всеми правами и были финансируемы государством, которое ввело для этой цели специальный налог на верующих.

Знал я и о том, что в идеологии национал-социалистов не было отрицания всего непостижимого, но в гитлеровской системе Бог должен быть чисто немецким, и они нашли такого в древнем языческом Вотане.

«Христос и отец Вотан прекрасно совмещаются. Христос это сердце Вотана»... «Либо германский Бог, либо никакой», – писали в Германии еще в 1913 году.

Говорю ему:

– В мире действуют предшественники антихриста. Это – Маркс, Ленин, Сталин...

– Нет, – прерывает меня солдат, – антихрист уже пришел. Это – Гитлер!

– Да нет, – говорю я, – смотрите – его армия идет с именем Божиим.

А он мне в ответ:

– А где у нас Бог? На пряжках солдатского ремня – в желудке! Ведь это насмешка над именем Божиим. Гитлер – антихрист!

Первые же дни немецкой оккупации ознаменовались расстрелом ряда мирных честных православных жителей Бреста. Это были жертвы клеветнических доносов соседей-поляков. Услыхав об этом, я выступил с амвона с резким обличением клеветников, прося жителей города сообщать мне о каждом случае задержки новой властью и ареста кого-либо из православных, принимая на себя как пастырь долг их защиты.

Мое обращение не было напрасным. При поддержке полк. В. Ермолова и Ивара Ляссэна (б. майор Русской Императорской Армии, датчанин) удалось спасти жизнь ряда лиц, в числе коих были два моих однокашника по Брестской русской гимназии и две пожилые сестры Л. и М. Сабатковские, дочери священника, заподозренные в поддержке партизан.

На пятый день после моего выступления с амвона вручает мне некий молодой человек, поляк по национальности, серебряный портсигар, в нем записка: «Я на пути в тюрьму, схвачен на улице. Передайте эту записку о. Митрофану, а портсигар возьмите себе. Борис Марушко».

В тот же день выступил я в защиту Бориса. А в субботу, перед самым началом всенощной появился в алтаре из места предварительного заключения сам Борис Марушко. Он пришел поблагодарить за освобождение.

В понедельник приходит ко мне полк. В. Ермолов:

– Батюшка, запоздали мы с хлопотами. Марушко расстрелян...

– Да нет, дорогой полковник, он на свободе, в субботу вечером был в храме и благодарил за хлопоты о нем.

– Ну, слава Богу. Значит – отпустили и забыли вычеркнуть из списка обреченных.

С началом молниеносной войны против России очень многие семьи военных остались без кормильцев, без заработка и без средств на жизнь. Задумал я организовать при Братском Николаевском храме «благотворительную кухню» – выдачу вдовам и сиротам, прибывшим в Брест с Востока, бесплатных горячих обедов.

Уже были привлечены добровольцы-трудники, разработан план доставки продуктов и проч., но осуществить благой замысел не пришлось: узнали об этом в Гестапо... Заворчали... поспешил ко мне полк. Ермолов и убедил от благой затеи отказаться.

– Вы сами себе яму роете... сами под меч свою голову кладете, – ворчал Ермолов, неоднократно предупреждавший о поступающих в СД на меня доносах.

Что делать? Неужели оставить без опеки со стороны Церкви, без куска хлеба ни в чем не повинных детей? Этот трудный вопрос разрешили мои отзывчивые добрые прихожане. Не жалея, без счета, несли они батюшке свои трудовые копейки, которые я и раздавал всем нуждающимся в помощи. Без счета деньги поступали, без счета и раздавались. Недостатка средств для оказания помощи не было.

Вскоре появились в моем доме два гонца из Варшавы с посланиями от Митрополита Варшавского Дионисия к Архиепископу Александру Пинскому и епископу Поликарпу Луцкому. Оба гонца легко согласились оставить у меня секретные пакеты с тем, что сам отправлю их по назначению.

Ознакомившись с содержанием пакетов, согласно нормам канонических правил, отправил я их именно по назначению с секретарем Епархиального Управления Брестской епархии Митрополиту Пантелеймону и епископу Венедикту в Жировицкий монастырь.

Не успел секретарь Епархиального Управления В. А. Коновалов вернуться из Жировицкой обители, как побывал у меня посланец Пинской Духовной Консисто­рии о. Евгений Н-ов с предложением, исходящим, якобы, от Архиепископа Александра, вернуться под его омофор с тем, что Владыка сразу возлагает на меня митру и вводит в состав Духовной Консисто­рии в качестве ее члена.

Хорошо зная рукополагавшего меня Владыку, я во-первых, никак не мог поверить, что подобное предложение исходит от любимого мною пастыря, во-вторых, не мог принять навязанную ему его окружением «австро-венгерскую жовто-блакитщину», и в-третьих, каноническое подчинение пастыря – не перчатка, которую можно менять по вкусу или в угоду кому-либо.

После этого позорного для Полесской Консисто­рии искушения меня появился вскоре в моем доме второй посланец из Пинска, о. Кирилл Гончук с Указом, освобождающим меня от должности настоятеля Братского Николаевского прихода с предписанием передать все дела о. Гончуку.

Пришел он ко мне в ранние часы субботы. В столовой сидят староста моего храма Н. В. Качанко, стойкий и верный слуга Церкви, и моя матушка. Я с гостем прошел в гостиную.

Приняв из рук о. Гончука Указ Консисто­рии, я вслух прочел его и сказал батюшке о. Кириллу:

– Приходи, батя, сегодня ко всенощной, а завтра к Литургии. После Литургии я оглашу Указ и представлю Вас пастве, а затем – назначим время передачи Вам прихода.

Староста, услышав, с какой целью прибыл ко мне о. Кирилл, помчалась на «малый рынок», через который должен был проходить посланец из Пинска, оповестила о слышанном ею народ, бывший на рынке, и когда на территории рынка появился о. Кирилл, женщины бросились на него, как рассвирепевшие псы, порвали на нем рясу, сорвали крест, так что бедный батя не появился в Николаевском храме ни ко всенощной, ни к Литургии.

Через некоторое время прибыл ко мне с таким же Указом о. Павел Златковский, мой коллега по курсу на

Богословском факультете. Отец Павел показал себя воспитанным и рассудительным собратом.

– Прости, друг, мое у тебя появление. Укажу, с которым я командирован в Брест, место в мусорном ящике, но я не смел ослушаться – вынужден встретиться с тобой. Найдется ли у тебя чашка чая?

Уютно посидели мы с о. Павлом за «русским чаем», побеседовали, зашли в храм, и о. П. Златковский отбыл в Пинск с докладом о своей неудачной командировке в Брест.

Не успокоилась Пинская Консисто́рия, прислала вскоре с Указом третьего кандидата на живое место.

Это был о. Н. До-вский. Ему, женатому на девушке из почитаемой в Бресте семьи и окончившей русскую в Бресте гимназию, я прямо сказал:

– Обратись со своим пинским Указом к моему каноническому правящему епископу Венедикту, я безоговорочно подчинюсь его воле.

Посетил батя несколько домов моих прихожан, послужил у украинствующего о. Стефана Ж-ого в св. Симеоновском соборе и отбыл в Пинск.

В декабре 1941 года мы снова приветствовали в нашем Братском храме правящего епископа Брестского Венедикта. Преосвященный Владыка приезжал в свой кафедральный Брест из Жировицкой обители каждые три месяца для проверки деятельности Епархиального Управления и новых распоряжений.

За свое короткое управление Брестской епархией владыка Венедикт рукоположил в Николаевском храме четырех священников и одного диакона. Его пребывание в Бресте в декабре 1941 года было омрачено грубым против него выпадом со стороны украинских националистов.

Явилась к нему украинская делегация в составе инж. Гн-вого, мл. Хруцкого, Т-ка и П-ка. Предчувствуя возможность острого разговора, настаивал я на том, чтобы Владыка поручил мне принять делегацию, выслушать их и по ходу разговора дать им нужные разъяснения и ответы. Но где там!

– Они хотят беседовать с архипастырем, не могу отказать им в личной встрече, – возражал мне Владыка.

Аудиенция закончилась конфузом. Поначалу мирно беседовавшие г.г. делегаты неожиданно повышают тон, спрашивают преосвященного: а какой Вы национальности, где Вы получили архиерейское посвящение, к которой принадлежите Церкви и проч. Выслушав ответы Владыки, господа делегаты в резкой грубой форме заявили: у нас имеются свои архиереи-украинцы, Ваше место на московщине; Владыка – «гэтэ до Москвы»...

Преосвященный растерялся, он никак не ожидал подобной грубости со стороны, казалось бы, интеллигентных и верующих людей. Надо выручать. Поднялся я со своего кресла и, молча приняв у Владыки благословение, полным голосом обратился к г.г. делегатам:

– Встать! Вон отсюда!

Видно не ожидали они такой реакции, опешили, продолжают сидеть, поглядывая друг на друга.

– Встать! – снова крикнул я, стукнув ногой о пол.

Они поднялись со своих стульев. Открыв в прихожую дверь, я снова повторил:

– Вон отсюда!

А так как они все еще не собирались уйти, схватил и главу делегации за шиворот и выставил за дверь со словами:

– Научитесь приличному тону и тогда приходите к святителю!

С этого дня начали травить меня, в чем особенно усердствовала «Украинская церковная рада», которую формально возглавлял мой бывший законоучитель прот. Стефан Ж-кий.

В газете «Украинский голос» от 26 февраля 1942 года появилась заметка с выражением негодования, что служу я на церковнославянском языке и подчиняюсь «москалю», епископу Венедикту, а после хиротоний в Пинске в «украинские епископы» Г. Коренистова, Н. Абрамовича и И. Губы, появилась в газете «Наше слово» от 24 апреля провокационная статья «Московськи партизаны в священничих рясах», направленная против православного епископата и духовенства, отвергающего использование

Церкви в политике русофобов-галичан, и заметка: «Украинская жизнь в г. Пинске сосредоточена в двух центрах – Украинском Комитете и Духовной Консистории, душой и руководителем которой является прот. Николай Житинский».

Ознакомившись с вредным для Церкви поведением о. С. Жук-го, Владыка Венедикт запретил его в священнослужении и поручил мне вручить Указ лично о. Стефану и огласить таковой в храме. Преосвященный не внял моим доводам против этого Указа. Хотя запрещение в священнослужении было о. Стефаном вполне заслужено, не видя в обстановке того времени возможности положительного от него результата, положил я Указ «под сукно».

В следующее свое посещение Бреста, услышав о том, что Указ не доведен до сведения о. Стефана и верующих Бреста, Преосвященный резко осудил меня, угрожая суровым административным взысканием. Долго вторично выслушивал он мои доводы против; указал я на то, что в случае с о. С. Ж-им не учел архипастырь ни характера данного человека, ни обстановку и время, посему применение к нему канонов не послужит во спасение наказанному, не принесет пользы и Церкви, которая нуждается прежде всего в сохранении мира и благочестия в среде верующей паствы, не посвященной в творимые о. Стефаном беззакония.

Выслушав меня с Указом в руке, Владыка удалился в свою комнату на покой, а утром следующего дня зовет меня и говорит:

– Утро вечера мудренее. Я хорошенько взвесил доводы «за» и «против» моего Указа и признаю за Вами правоту. Возьмите Указ и порвите его.

На это я ответил, в пояс кланяясь Преосвященному:

– Писанное рукою архипастыря может порвать только сам архипастырь.

Это было последнее посещение владыкой Венедиктом г. Бреста. Вскоре он сообщил нам о своем назначении в г. Гродно.

За выступлением «гэть до Москвы» последовала подготовка к захвату моего храма с помощью украинского

хора, который втайне от меня готовили прибывшие из-за Буга самостийники.

В канун Рождества Христова этот хор неожиданно появился во время всенощного бдения на хорах и, оттеснив моих постоянных хористов, блестяще исполнил ряд рождественских песнопений, колядок. Все они были в малороссийских костюмах и пели по-украински.

Похвалив их за пение, я в решительном тоне осудил появление на хорах без ведома и благословения настоятеля непрощенных гостей и подчеркнул, что инициаторы их появления в храме на хорах не имеют понятия ни о церковной дисциплине, ни о такте и этике, и о них говорит Господь: «Кто не дверью входит во двор овчий, но прелазит инде, тот вор и разбойник...»

Попытка «волка в овечьей шкуре» овладеть ему не принадлежащим достоянием провалилась.

Кто-то отомстил мне скоропостижной смертью моего брата Георгия и мужа сестры Анисии, прибывшего ко мне из тюрьмы в г. Столпцы, куда его, как бывшего офицера, посадила еще в 1940 году советская власть, отправив жену его в ссылку в Казахстан.

В одну из суббот меня, брата и мужа сестры пригласили в гости Горбатовские – в дом б. полковника Императорской Армии. Так как это был канун воскресного дня, я в гости не пошел. Брат с зятем вернулись домой после всенощной бодрыми и веселыми. Рассказали о приеме, о гостях, которых было до 30 человек, о богатом угощении и улеглись спать.

Но вот к утру начались у них боли в груди и животе, и страшная слабость. Вернувшись после Литургии домой, мы застали их спящими, а вечером им стало настолько плохо, что брата срочно отправили в городской госпиталь, где он в седьмом часу утра, во время совершения мною Литургии, скончался, а зять в два часа ночи лежал уже приготовленный к погребению.

Кто этот отомстивший и за что? – знает один Господь. Умерли оба от отравления. Из всех бывших в гостях никто не заболел, никто не скончался – тяжелое испытание посетило только мою семью.

В утешение привел Господь в мой дом милого г. Фурулгейма. Бывший офицер Императорской Российской Армии, личный друг генерала Маннергейма, посетил меня несколько раз. Как-то пожаловался я ему на то, что реквизировали у меня немцы радиоаппарат и велосипед, которым я пользовался для посещения больных в госпиталях и домов моих прихожан, и дважды отказали в железнодорожном билете для служебной поездки в г. Кобрин, куда (45 км) пришлось совершать путешествие пешком, и в Жировицкий монастырь.

Услышав слово монастырь, Фурулгейм предложил совершить эту поездку с ним, на его автомобиле. Весь путь прошел в беседе об исходе немецко-русской войны, о зверствах революции и о русском народе.

Все, что исходило из уст этого благородного человека, услаждало слух и радостью наполняло сердце, любящее истекающее кровью Отечество.

– Немцы не могут выиграть войну, они несут русскому народу новое рабство, и в этом их гибель. Забыли они и о том, что у россиян имеются мощные союзники: это – пространство, выносливость и вошь, русское авось и жертвенная любовь к Отечеству. Говорите о революции? Нет, это была не революция, это был захват власти, при пособничестве российских безумцев и слепцов, заграничными наймитами и разгул взбунтовавшейся толпы, подонков, вдохновляемых и поддержанных не русскими штыками, не русским народом, а натравленными против России китайцами, латышами и прочим международным сбродом. Говорите о русских зверствах? Да разве вы не знаете, что выход наружу животных, звериных хищнических инстинктов свойственен распропагандированной толпе любого народа, любой национальности. В России восторгались культурностью финнов, их честностью, а вот послушайте, как поступили они с моим отцом. Мой отец любил свой народ. Он каждому рабочему в своем имении дал надел земли, каждому построил дом, в каждом доме были баня и телефон, каждому дал два свободных на неделю дня для работ на его участке и по дому, и что же? Когда прокатилась у нас революци-

онная волна, облагодетельствованные крестьяне вырыли глубокую яму, в эту яму опустили моего отца и живого, до ушей засыпали землей... Спасти отца было невозможно. Он скончался в страшных муках.

Светлым лучом в моем доме было и посещение нас интересным собеседником, патриотом Державной Руси, бароном Остен-Сакеном.

Глава XV

Проблемы национальные и церковные

В день моего возвращения из Жировицкой обители приветствовал у себя полковника Немецкой армии. Он явился с просьбой, чтобы принял я духовное окормление 3-го Донского казачьего полка.

Долго отказывался я от предложенной чести, называл имена других пастырей, старших, с большим пастырским опытом.

– Мы осведомлены о православном духовенстве, знаем о разных течениях в Православной Церкви и не хотели бы, чтобы казачество подпало под влияние украинских сепаратистов или так называемых «казакийцев». Наш выбор пал на Вас, – сказал полковник.

Пришлось принять предложение. Духовное окормление полка заключалось во встречах с офицерским составом полка для духовных бесед. Офицерский состав – от 19 лет и выше. Все это были молодые люди, пытливые русские ребята.

«С такой молодежью не погибнет Россия», – так думал я.

Темы бесед давали мне сами офицеры. В зале, когда я говорил, полная тишина, слушали с напряженным вниманием. После беседы – чашка чая, вопросы и ответы на них. Атмосфера дружеская, искренняя и сердечная.

Поздно возвращался домой в сопровождении полковника и есаула. Вспоминаю встречу с полковником днем на оживленной улице города. Он, идя по другой стороне улицы, увидел меня, пересек мостовую, чтобы

приветствовать батюшку. Я протянул ему руку, но он снял фуражку и, сложив руки, испросил благословение, невзирая на массу нас окружающего народа...

Прибыл из Варшавы гонец с письмом от Варвары П. Гурской, нареченной нами тетей «Вавой». Просит выдать двум ее подругам, еврейкам, убедительные свидетельства о принадлежности их и их почивших родителей к Православной Церкви. Просьбу охотно удовлетворил и получил от Ф. Шульц, одной из огражденных мною, а быть может, и спасенных от смерти, приглашение быть гостем ее дома.

Легко было работать с владыкой Венедиктом. Его доверие к своим помощникам в Божием деле, его умение морально их поддержать и вдохновить, давали силы к преодолению усталости. А работы было много, «сверх головы»: четыре госпиталя, мной ежедневно посещаемые, ежедневные богослужения (в этом мне помогал мой папа), гимназия, восстановленная Андреем И. Цыбруком с помощью и поддержкой настоятеля прихода, и педагогические курсы, где вел я уроки Закона Божия и беседы, работа по приходу (бывало в один день по 20–25 крещений, а однажды собралось 75 крещений на один день), перегруженность работой по Епархиальному Управлению и благочинию...

Канцелярия Епархиального Управления при владыке Венедикте помещалась в моем доме. Прихожая и кухня всегда были переполнены просителями-посетителями, так что моя матушка была крайне стеснена и могла вполне располагать кухней лишь после часа дня. К этому времени расходились посетители, вопрошающие и свое горе изливающие.

С переводом владыки Венедикта в Гродно совпало письменное выступление против меня прот. Павла Калиновича, члена Пинской Духовной Консистории, только что награжденного там саном протопресвитера.

Свое выступление против меня о. Павел разослал духовенству Брестской епархии, до войны входившей в состав епархии Полесской. Он поносил меня за «уход» из-под омофора Архиепископа Александра, за якобы

агитацию против «жизнью диктуемой» церковной политики Пинской Духовной Консистории, за отказ принять (при здравствующем каноническом Брестском епископе Венедикте – *Еп. М.*) епископа Георгия (Коренистова), в феврале 1942 года хиротонисанного в Пинске Архиепископом Александром и епископом Поликарпом (б. Луцким) во епископа Брестского.

С благодарностью принял я приглашение быть гостем дома уважаемого адвоката Владимира Игнатьевича Криницкого. Это был вечер первого дня Пасхи. Хозяева гостеприимного дома – люди верующие и церковные, их дети – мои ученики в русской гимназии.

Когда я вошел в дом, гостиная была переполнена приглашенными, все это были «сливки» украинского общества: врачи, инженеры, бывшие депутаты Польского сейма и их жены. Всех я знал хорошо как людей преданных моему отцу и никогда не замечал в них ни малейшего проявления украинского шовинизма...

Вселился он в них с приходом к нам «немцев-благотетелей». Во время буквально солнечного настроения присутствующих вдруг раздался «гром»: жена д-ра Василия Дм-ка обратилась ко мне, поначалу с просьбой, затем – с требованием перейти на украинский язык в богослужении.

Посыпались от многих комплименты, объяснения в любви и почитании, только вот один, мол, у вас, батюшка, недостаток – Вы совершаете богослужение на церковно-славянском языке, пора перейти на язык украинский... Выступающую даму поддержали другие застольники. Когда их просьбы приняли характер требования с оттенком резкости, я в мягкой форме сказал:

– Братцы, ведь мы собрались в этом почтенном доме, чтобы объединиться в радости Пасхи Христовой, а так как вы, вижу, пригласили вашего настоятеля для предъявления ему неприемлемых требований, я вынужден сказать вам: с Богом!

Встал и направился к выходной двери. Все сорвались со своих мест, бросились за мной, извиняются... Упросили не уходить. Вернулся, вернулась и начальная здоровая

дружеская атмосфера. Ненадолго, правда. Через полчаса снова те же лица пошли в атаку на меня.

Снова начали с комплиментов, в атаку же перешли не только в резкой, но и в грубой форме с угрозами.

– Если не перейдете на украинский язык богослужения, вот что Вас ожидает, – и изобразили пальцами тюремную решетку.

Я спокойно встал, поблагодарил за «пасхальную встречу» совершителя Св. Таинств и ушел.

Это было страшное время, когда за отказ перейти на украинский язык в богослужении украинские партизаны зверски убивали добрых пастырей. Только Божией милостью не попал я ни в тюрьму, ни в концлагерь. Во множестве поступавшие на меня в Гестапо доносы обезвреживали Ивар Ляссен, полковник В. Ермолов, Артур Адольфович Люкхауз и солдат-пастор, мой воистину брат во Христе – Вальтер Цельм.

А. Люкхауз из организации «ТОД», воспитанник Московского университета, блестяще говоривший по-русски, частенько бывал в моем доме, любил беседовать с моим папой. Пришел он к нам однажды в слезах. В чем дело?

– Меня пригласили в СД по новому поступившему на Вас доносу и, выслушав меня, задали вопрос: от кого и сколько Вы, Люкхауз, получаете за защиту Зноско? Они издевались надо мной, – сказал оскорбленный честный немец.

Последний раз посетил он мой дом накануне кончины папы. Слушая их откровенный разговор, я пришел в ужас.

– Слушай, Артур, твой Гитлер или идиот, или сумасшедший. Своей восточной политикой он заслуживает только ненависть и губит себя и Россию, – говорил папа.

Ну, думаю, несдобровать нашей семье! Артур полюбил нашу семью, человек он честный, но все же он немец и не может не доложить о слышанном начальству.

Краской стыда залилось лицо мое, когда увидел Люкхауза, идущего от храма до могилы перед гробом папы с

венком в руках. Как легко одной мыслью оскорбить человека!

Пастор Вальтер Цельм бывал в моем доме каждую неделю, заходил и в дни наших праздников. Прибалтийский немец, он прекрасно владел русским литературным языком. Виртуоз-пианист, Вальтер проводил у нас время за пианино и в беседах о современном состоянии лютеранства. Нередко приходил он с группой пасторов, интересовавшихся главным образом литургией. Их особое внимание привлекали проскомидия и Евхаристический канон.

Глядя на дискос, они с восторгом восклицали:

– Ведь здесь вся Церковь Христова, и небесная и земная, с Ее Краеугольным Камнем – Агнцем Иисус Христом! Мы, лютеране, потеряли все, что от древней Апостольской Церкви сохранили вы, православные, и если бы Лютер восстал из могилы, он бы предал нас анафеме.

Во второй половине 1942 года прокатилась волна арестов актива украинской общественности. К моему ужасу были арестованы о. Стефан Жуковский и ряд лиц, бывших за пасхальным столом у В. И. Криницкого. В тюрьме оказались и оба брата Криницкие, самые спокойные, самые приветливые и безобидные.

Без вины виноватым оказался я. Злобные взгляды родственников и друзей арестованных и их отточенные языки атаковали меня... Трудно описать, что я переживал. И как благодарил я Всевышнего, когда все они вышли из тюрьмы. Некоторые из них, уподобляясь евангельскому самарянину, пришли ко мне выразить благодарность за хлопоты об их освобождении.

Кто помог мне в этих хлопотах? Благодарил я Того, Кто апостола Петра из темницы вывел, благодарил и моих добрых друзей полк. Ермолова и И. Ляссена, введенных в мой дом Самим Пастыреначальником нашим Господом Иисусом Христом.

Но злой западный дух галицийский, ненавидящий Православие, не оставил меня в покое. Ранние часы осеннего утра. Я еще лежу в постели. Входит в спальную комнату папа и протягивает мне бумажку, кем-то подsunутую под дверь прихожей. Читаю. В ней – угро-

за: «як не пидешь разом з нами, спивай соби панихиду ще живцем».

– Что ты скажешь? – спрашивает папа.

– Скажу словами Библии: «Страху не предавайся душею твоею... от себя печаль удаляй».

Вскоре после этой подброшенной угрозы получил отец письмо от «автокефального» епископа Платона (Артемюка), в течение десяти лет бывшего в Бресте учителем. В этом письме от 11 августа 1942 года Платон писал: «...що ночув я вид п. инж. Гнойового про діяльність о. Митрофана в теперишній час, коли видроджується дорогою автокефалиї наша рідна церква, коли важиться доля України, мене вельми здивувало: о. Митрофан став для боротьби з видродженицьким автокефальним рухом по сторони так званих «автономистів», що гуртуються коло архієпископа Олексія в Кременці і стараються в своїй праці, не розбираючись в засобах, боротися з самою ідеєю автокефальності, забуваючи, де вони живуть, серед якого народу служити Богови і чий хліб їдять. Чи ж хіба наука блаж. пам'яті Митрополита Антонія Храповицького так глибоко запала до серця о. Митрофанови, що він утратив навіть логічність думання і думає йти манівцями в несенні пастирського хреста разом з «істинно рускими» мрійниками про «єдину неделимую» з їх спільною церковнослов'янською мовою в богослуженні і сухою обрядовістю?... Що ж треба сказати і зробити Вам о. Митрофанови, як своєму синуви за шкоду, яку він своєю працею дні українському народові в справі видродження своєї рідної церкви шляхом автокефалії? Кого він слухає, чи заглядає вперед, чи не бачить, що робити? Це все пишу Вам, думаючи що Ви не солідаризуетесь у всьому з о. Митрофаном, з просьбою стримувати його шкідливу ревність».

Покидаючи Брест, владыка Венедикт назвав двох кандидатів на Брестську кафедру, предоставив членам Епархиального Управління право вибору одного з них. Кандидатами були Архієпископ Антоній, бывший Гродненський, в последние годы Камень-Каширський, и

архимандрит Иоанн (Лавриненко), бывший член Гродненской Духовной Консистории.

Наш выбор пал на архимандрита Иоанна. В мае месяце 1942 года он прибыл в Брест как епископ Брестский и Ковельский и, по представлению владыки Венедикта, «за заслуги на посту Председателя Епархиального Управления Брестской епархии» возложил на меня палицу.

Эта награда была для меня полной неожиданностью. До начала Литургии приготовил я награды всем батюшкам, представленным мною к наградам, и когда иподиакон Володя (ныне добрый пастырь в бывшем СССР) спросил меня: а где палица? – я ответил, что таковой в ризнице нет. Догадавшись, что палица готовится мне, решил я выразить протест, «сорвать» это награждение. Искренняя честная попытка, увы, не удалась.

– Где палица? – спрашивает Преосвященный иподиакон.

– Отец настоятель сказал, что нет у него в ризнице палицы, – ответил Володя.

– Отец настоятель, – грозно прозвучал голос Владыки, – немедленно принесите палицу.

Зашагал пристыженный настоятель в алтарь и вышел с палицей в руках.

К прибытию в Брест нового правящего епископа удалось мне получить расположенный визави Симеоновского собора двухэтажный дом, в котором разместились владыка Иоанн и канцелярия Церковного Управления, переименованная новым архипастырем в Духовную Консистирию.

Каждое второе воскресенье совершал владыка Иоанн всенощную и Литургию в Симеоновском соборе, два воскресенья каждого месяца принадлежали о. С. Жуковскому. С упразднением Церковного Управления Брестской епархии я был освобожден от обязанностей его председателя и введен в состав Консистории в качестве первого члена с сохранением за мною должности благочинного Брестского округа.

В состав Консистории были введены прот. Феодор Ивацевич, личный друг моего отца, и прот. Феодор Дмитриук, бывший уездным миссионером в то время,

когда я был еще учеником 6 класса гимназии. Отец Феодор Дмитриук скончался в России в сане Архиепископа с именем Флавиан. Ужасная участь постигла его семью, матушку и детей: за убитого неизвестными немецкого солдата в один из ближайших к месту убийства домов были согнаны все жители целого квартала, в числе их и семья о. Феодора. Дом был облит бензином и подожжен... Все погибли... Отец Феодор в этот день отсутствовал.

При содействии Артура Люкхауза получил разрешение на пастырское посещение лагеря военнопленных. Боже, какая жуткая картина! Как невыносимо тяжело было видеть обезличенную массу голодных, изможденных – в большинстве – с трудом передвигающихся людей!

Разрешили совершить молебен, запретили обратиться к несчастным со словом пастырского утешения и ободрения. Пришлось импровизировать прошения, заменяющие слово, должное влить в страдальцев силу духовную. Когда все приложились к образу Спасителя, икона буквально утопала в слезах Гитлером обманутых страдальцев. Большим ударом для меня была реквизиция немцами моего велосипеда, которым пользовался для посещения госпиталей и домов моих прихожан.

В июле 1941 года состоялось в моей квартире совещание по вопросу открытия к началу учебного года русской гимназии. В совещании приняли участие б. заместитель Директора гимназии Андрей Цыбрук, преподаватель истории и латинского языка Сергей М. Савашинский и настоятель Николаевского храма.

Считая недопустимым оставить без внимания детей школьного возраста, решили объявить запись учащихся и открытие гимназии с 1 сентября. Записалось на 1941/42 учебный год свыше 200 человек, разбитых на 6 классов. Гимназия просуществовала в военных условиях лишь два учебных года. Тогда же были открыты в здании гимназии Учительские курсы.

Большую духовную пищу получал я от преподавания Закона Божия и лекций-бесед на Педагогических курсах. 80% учащихся гимназии составляли дети, родившиеся

в СССР, в числе коих были и Владиленсы (Влади/мир/-Лен/ин/-С/талин/) и Украина. Слушатели Педагогических курсов были на 100% «оттуда».

Помню мое первое появление в рясе с крестом на груди перед аудиторией молодежи и взрослых. На лицах у детворы недоумение и растерянность. Настороженность и недоверие испарились после первых уроков, после чтения ими в классе стихотворений и выдержек из прозы русских классиков.

В них, наученных растлителями русского народа, что все ученые и русские писатели были атеистами и отвергали религию, быстро выветривался дурман безбожия. В их детских и юношеских глазах видно было просветление их душ. С огромным вниманием слушали и курсанты, будущие учителя, лекции-беседы о «Евангельском учении о человеке», «О личности», «О значении религии в педагогике» и др.

Знал я, что для мнящих себя избранными мы – «гои», а для немцев Гитлера – «унтерменши», но никак не предполагал, что наградят меня немцы «орденом за отвагу». А это дважды случилось.

В жаркий осенний день прохожу в белом подряснике с крестом на груди по центральной улице города. Иду не один, рядом со мною пожилой прихожанин, преданный папе Я. Прокофьев. За нами шагают три высоких стройных молодца из отрядов СС с черепом на фуражке.

Поравнявшись с нами, один из них сильно толкнул меня и зашагал вперед.

– Немецкая свинья, – было моей реакцией. Услышав свое «имя», он остановился и спросил:

– Что ты сказал?

– То, что ты слышал, – ответил я.

В ответ он нанес мне пощечину с такой силой, что в течение десяти дней не мог принимать твердую пищу, не мог и хлеб жевать.

Я. Прокофьев оставил меня, поспешил удалиться, а солдатище, вынув из кобуры револьвер, идет рядом со мною, пытаясь втолкнуть меня в подворотню одного из домов, чтобы там меня прикончить. Я стру-

сил. И если бы, видя нависшую надо мной опасность, не подбежал ко мне для защиты уважаемый в городе старец-поляк, в тот день затихло бы дыхание моего сердца.

Таким же «орденом» наградил меня зимой 1943 года и Гэбитс Комиссар в своей канцелярии. За что? Я дважды не откликнулся на присланный мне вызов по делу передачи в полное распоряжение самосвятов-украинцев одного из храмов.

Вместо третьей повестки подкатил к моему дому автомобиль Гэбитс Комиссара. В это время сидел у меня по делам своего прихода мой однокашник по Богословскому факультету о. В. Пилинога. Я предложил ему поехать со мной, но шофер воспротивился:

– Мне приказано привезти Вас лично.

Поехали. Вхожу в кабинет начальника, сразу бросается в глаза резкая в нем перемена: прежде чуть увидит меня в дверях своего кабинета – сразу отвечает на приветствие, встает и идет навстречу, а тут... и на приветствие не ответил, сидит, как сыч в своем удобном кресле, руки не подал, сесть не предложил и в резкой форме, повышенным голосом заорал о долге подчинения власти и... выйдя из-за стола... нанес мне пощечину, требуя, чтобы в сей же день было выполнено их предписание о передаче храма.

Странно было получить удар от доктора теологии, до сего дня проявлявшего себя человеком интеллигентным и воспитанным.

– Законы нашей Церкви, господин Комиссар, лишают нас возможности выполнить Ваше требование, – ответил я.

– Если в течение часа не будут переданы ключи тем, кто за ними явится, Вы будете арестованы!

– Как власть, – дерзнул я ответить, – Вы имеете право арестовать меня, но оснований для ареста у Вас нет.

Больше меня по этому делу не тревожили.

Преосвященный владыка Иоанн избегал встреч с представителями власти. Всякий раз, когда его вызывали, он уезжал из Бреста или в Кобрин, или в Ковель, возлагая на меня встречи и разговоры с властями.

В 1943 году поступила в Консисторию из канцелярии Генерального Комиссара Волыни и Подолья просьба, чтобы епархиальный епископ обратился к своей пастве с призывом оказать доверие и поддержку немецкой армии, «несущей свободу русскому народу». Владыка и слушать об этом не хотел. Вызывают его второй раз для объяснений.

Преосвященный уехал в Ковель, на вызов иду я и, выручая Владыку, сам составляю скромное, на $\frac{2}{3}$ страницы обращение правящего епископа к боголюбивой пастве, размножаю и рассылаю по приходам для оглашения в храмах после Литургии.

На обращении подпись: (—) Епископ Брестский и Ковельский Иоанн.

Выслушав по возвращении в Брест мой доклад о посещении канцелярии Генерального Комиссара, внимательно прочитав «свое» обращение к пастве, Владыка, подчеркнув отсутствие в нем военщины, политики и выражения верноподданнических чувств, поблагодарил меня и сказал:

– Не возражаю и против моего имени под этим текстом.

В 1942 и 1943 гг. отпевал я в сослужении о.о. настоятелей вверенного мне благочиния о. Филиппа Туревича в с. Черни и о. Иоанна Житинца в с. Вистичи.

Против отпевания мной сих почивших отцов заявила протест «Українська церковна рада» в лице о. С. Жук-ого. Протест провалился, так как семьи почивших подтвердили в письменной форме желание, чтобы отпевание совершил их благочинный, т. е. я.

Отпевание о. Филиппа прошло мирно и чинно, без каких-либо волнений.

К отпеванию же о. Иоанна в с. Вистичи «Українська церковна рада» грозила устроить какой-то «сюрприз». Угрожали, что не допустят возглавления мною отпевания, угрожали выступлением против меня организованной группы украинцев...

Все это оказалось запугиванием в надежде, что я не отважусь появиться в Вистичах к отпеванию. Призна-

юсь, ехал туда с опаской, а отбыл домой полный радости и благодарности Пастыреначальнику.

По прибытии в Вистичи сразу окунулся в народную толщу, быстро почувствовал духовную близость с народом и встретился с прибывшими о.о. настоятелями со спокойной душой. Совершил заупокойную Литургию в сослужении четырех, чин отпевания – в сослужении шестнадцати о.о. настоятелей благочиния.

Перед чином отпевания произнес слово, посвященное почившему собрату, и это слово, почувствовал я, испепелило в сердцах собратий недобрые ко мне чувства и подозрения, навеянные агитацией «Украинской церковной рады». Чин отпевания прошел мирно, стройно и торжественно.

Как часто бывает в жизни: мы поддаемся страху там, «идеже не бе страх». Почему? Да потому, что «не облечены во всеоружие Божие», «без шлема веры» выступаем на брань «против духов злобы поднебесных».

Недолго пришлось ожидать очередную атаку со стороны «Украинской церковной рады». Через недели две по возвращении из Вистич получил повестку – явиться лично в кабинет Генерального Комиссара Волыни и Подолья. Приказ есть приказ. Являюсь пред лице грозного начальника.

Не ответив на мое приветствие, сидя в своем кресле, г. Комиссар ошарашил меня:

– Вы должны убраться вон из пределов Бреста, вон!

– Господин Генеральный Комиссар, за что Вы изгоняете меня из родного города, в чем я провинился против власти и Армии?

– И Вы еще спрашиваете за что? – схватив лежащий перед ним лист бумаги (как оказалось, последний поступивший на меня донос), он сорвался с места и, размахивая им перед моим лицом, заорал:

– Вот за что! Вы возбуждаете против власти народ, Вы осложняете наше дело... В течение часа Вы должны покинуть пределы г. Бреста!

Когда Комиссар размахивал перед моим лицом доносом, я увидел на нем штамп «Украинской церковной рады» и четыре подписи, первая из них была о. С. Ж-ого. Это меня ободрило. Я заговорил полным голосом:

– Господин Генеральный Комиссар, Вы требуете, чтобы я в течение одного часа покинул Брест. Разрешите мне обратиться к народу – через час перед этим зданием соберется не меньше тысячи народа свидетельствовать правду обо мне.

– Нет, нет, Вы этого сделать не можете!

– Господин Генеральный Комиссар, я в Бресте родился, здесь вырос, здесь окончил гимназию и вот уже седьмой год в этом городе священствую. Меня хорошо знает народ во всей округе, верьте, на мой клич предстанет перед Вами больше тысячи человек. Против меня могут выступить из всего Округа не больше 10–15 политиканов.

– Кто это? – спросил Комиссар.

Я назвал всех четырех, подписавших донос, перемешивая их фамилии с тремя-четырьмя именами, которых на листе не было. Сел Комиссар в свое кресло, заглянул в донос и сказал:

– Завтра ожидаю Вас у себя с первым, подписавшим против Вас эту бумагу, – и он указал пальцем на лежавшую перед ним кляузу.

На следующий день взял я извозчика, заехал за о. Стефаном, и мы оба предстали перед Генеральным Комиссаром в его кабинете. Так как о. Стефан не знал немецкого языка, Комиссар вызвал переводчицу. Это была прибалтийская немка, получившая в России среднее и высшее образование, высокая стройная милейшая фрау Кляйн.

Отец Стефан был в роли обвинителя, я – подсудимый, ответчик, Генеральный Комиссар – судья.

– Передо мною Вами подписанное донесение против Зноско. Приведите случаи, подтверждающие его для нас вредное влияние на народ, – сказал Комиссар, обращаясь к о. Стефану.

– Зноско самовольно вышел из подчинения своему Архиепископу, затеял в Бресте церковную смуту и, разъезжая по селам, возбуждает народ против законности и порядка, – ответил о. Стефан.

– Что Вы на это скажете? – обратился ко мне Комиссар.

Я кратко изложил мое каноническое положение и этим отвел обвинение меня в самоволии и бунте против архиеп. Пинского Александра.

– Назовите села, в которых побывал Зноско с вредной для нас агитацией!

Отец Стефан указал на мои поездки в с. Черни и Вистичи.

В моем ответе я указал, что эти поездки были исполнением моего служебного долга и подал фрау Кляйн свидетельство, подтверждающее, что я являюсь благочинным приходов Брестского Округа, и письма семейств почивших батюшек.

– Я все понял; если поступит на Зноско еще одна подобная гадость, отвечать будете Вы, и Вы, а не он, будете изгнаны из Бреста, – резко сказал Генеральный Комиссар, размахивая перед лицом о. Стефана им подписанным на меня доносом.

Тяжело и больно было смотреть на старика. Я тут же взял его под руку, вывел из здания душевной пытки, усадил на извозчика и доставил беднягу домой.

Чтобы парализовать влияние на народ духовенства, находящегося под омофором владыки Иоанна (Лавриненко), а до него – владыки Венедикта, и укрепить в Брестском Округе свое влияние, «Українська церковна рада» пригласила в Брест Архиепископа Александра, б. Пинского и Полесского.

В феврале 1942 года он в Пинске, в сослужении с епископом Поликарпом, б. Луцким, хиротонисал для т. наз. «Автокефальной» Украинской Церкви ненавистников России: прот. Никанора Абрамовича и Иоанна Губу, а для Брестской епархии – изнеженного, безвольного, безличного архимандрита Георгия (Коренистова), так и не служившего в Бресте.

Приглашенный в Брест, меня рукополагавший, мною любимый Архиепископ Александр должен был совершить богослужения в Симеоновском соборе у отца Стефана Жуковского. Нависла угроза новых соблазнов, смущения и растерянности как для духовенства, так и для верующего народа. Этого нельзя было допустить. Но что делать?

Обсудив этот вопрос с бывшим секретарем Церковного Управления Брестской Епархии В. А. Коноваловым, ничего не говоря в Кобрине находившему-

ся владыке Иоанну, решили обратиться за советом к фрау Кляйн. Выслушав нас, милейшая фрау Кляйн сказала:

– Я прекрасно ознакомлена с положением Православной Церкви в СССР и хорошо ориентируюсь в том, что происходит на занятых немецкой армией землях, чего добиваются церковные сепаратисты. Немецкая армия нуждается в сохранении населением полного спокойствия в тылах. Если прибывшие из Пинска клирики допустят в своих выступлениях в субботу вечером хоть одну нотку политиканства, в воскресенье архиерейская служба у них не состоится.

Слава Богу, одержимые ненавистью к Православной России, наймиты Рима и некоторых западных государств, украинские сепаратисты, не могли воздержаться от политики в своем обращении к молящимся в соборе и тем подвергли православного архипастыря унижению.

Со славой шествует из дома отца настоятеля к храму владыка Александр. Ему предшествуют духовенство и хор и... вдруг – подъезжает лимузин, выходит из нее «гольд фазан», останавливает шествие и вежливо предлагает Владыке место в лимузине – «его ожидают для объяснений в Генеральном Комиссариате».

Сняв мантию, бедный архипастырь – игрушка в руках политиканов в рясах – не успел войти в храм... Вернулся в дом о. Стефана Жук-ого лишь после полудня. Литургию совершали иерейским чином.

В июне 1943 года заболел папа. Доктор Гейштор, любимец папы, поставил диагноз: стрептококковая ангина. Лечение больного протекало успешно. После недели постельного режима доктор прописал микстуру, обещая через два-три дня усадить папу за его письменный стол. Но... «человек предполагает, а Бог располагает».

Принесли из аптеки микстуру, папа принял ее и... на следующий день скончался.

Оказалось, в аптеке дали не тот состав микстуры, который был указан в рецепте врача. Ошибка провизора? Это знает один Бог. Спасения не было. Утешал я себя тем, что перед кончиной успели преподать уходящему от нас папе Святые Тайны.

В нужный момент привел Господь в дом мой прот. Петра Котара. Вошел он в мой дом после аудиенции у правящего Владыки смущенный и возмущенный тем, что дверь в приемную архиерейского дома открыла ему женщина, а не келейник. Выслушав его жалобу и объяснив создавшуюся в архиерейском доме обстановку, просил я о. Петра причастить моего папу. К вечеру папа скончался.

Литургию и отпевание совершал владыка Иоанн в сослужении двадцати священников при двух диаконах. Среди массы венков выделялись фигура и венок Артура Адольфовича Люкхауза.

Во время шествия похоронной процессии от храма к кладбищу (4 версты) духовенство пело акафисты Спасителю и папой составленные: Жировицкой Божией Матери и преподобномученику Афанасию Брестскому.

С уходом папы в лучший мир (на 34-м году моей жизни) я остро переживал мое одиночество. Отца Петра Котара за оказанное моему умиравшему отцу внимание отблагодарил я за границей тем, что устроил его сына Николая учителем начальной школы при Ломоносовской гимназии в Вильгельмстале и тем проложил ему путь к священству.

Папа упокоился 18 июня. В день его погребения 21 июня пришел Указ о награждении меня Собором епископов золотым крестом с украшениями, датированный 18-м июня, т. е. днем кончины папы. Невольно вспомнил я покойного о. Владимира Дружиловского.

Не только о. Петр Котар и достойнейший пастырь-златоуст о. Михаил Малашко, но и другие батюшки выражали свое возмущение тем, что приезжающему к архипастырю духовенству открывает дверь не келейник, а женщина. Это была матушка прот. Михаила Зеленецкого, военной бурей занесенного в Брест.

С его матушкой, очень милой и доброй женщиной, владыка Иоанн был знаком с ранних детских лет, ряд лет учились они в одной гимназии. Нормально, что владыка Иоанн пошел Зеленецким навстречу, предоставил им квартиру в двухэтажном архиерейском доме. Их сын Георгий обязался быть личным келейником Владыки.

Приветствуя возмущение батюшек, как благочинный и заведующий хозяйственным столом в Консistorии, я обещал устранить вкравшуюся в жизнь архиерейского дома ненормальность. Мой первый разговор на эту тему с Владыкой и о. Михаилом не дал положительного результата.

Пришлось при повторном разговоре по этому делу с о. Михаилом применить угрозу: пока существует указанная ненормальность, я категорически отказываюсь видеть о. Михаила в Николаевском храме, не впущу его в храм даже в том случае, когда он будет сопровождать в мой храм Владыку, и второе: прекращу доставку в архиерейский дом провизии, поступающей с приходов.

Конечно, вторая угроза повисла в воздухе. Не мог я себе позволить подвергать архипастыря подобной пытке, но о. Михаил, несмотря на попытки Владыки ввести его для участия в архиерейском служении, порога моего храма так и не переступил.

Обиженный и, как он сам говорил, мною оскорбленный, недавний пришлец в Брест начал интриговать против меня владыку Иоанна. Владыка ввел его в состав членов Консistorии и вскоре, минуя Собор епископов, наградил его протопресвитерством, которого не признала за ним в 1945 году Российская Церковь.

Всегда я был против наград в Христовой Церкви, хотя сам не по годам был награждаем.

Наблюдая за духовенством, убедился в том, что награды в подавляющем большинстве питают честолюбие, духовно обкрадывают пастырей. Случилось это и с о. Михаилом.

Со дня его «протопресвитерства» воцарилась в Консistorии атмосфера неискренности и недоверия, а там, где теряются взаимная искренность и доверие, на их место приходят лицемерие и ложь. Это и побудило меня в октябре 1943 года подать прошение об освобождении меня от должности члена Консistorии и благочинного. Благочинным сразу был назначен о. М. Зеленецкий.

В конце 1943 года товарищ по гимназии моего младшего брата М. В. М-ов указал на недавно появившегося в Бресте молодого человека.

– Это интересный человек, бывший красноармеец – перебежчик на сторону немцев...

На «перебежчике» была старая грязная немецкая шинель и рваные ботинки.

На следующий день зашел я к вдове, у которой снимал он комнату и там, как бы невзначай, с ним познакомился. Через несколько дней он зашел ко мне, сразу начал разговор о приближающихся холодах, жалуюсь на отсутствие у него белья для смены, теплого пальто и ботинок. Обещая обеспечить его на зиму необходимой одеждой, я спросил: верующий ли он?

– Нет, я воспитан в атеизме, неверующий.

Подкупил меня этот честный ответ, и на вопрос: может ли он называть меня «отцом», я ответил:

– Вы неверующий, какой же я Вам, дорогой Кирилл Васильевич, отец? Для Вас я Митрофан Константинович, так ко мне и обращайтесь.

– Мой отец, Василий Смольниченко – рабочий, я по специальности художник-портретист. С самого начала войны был в части, расположенной у границ на Дальнем Востоке. Оттуда, слушая наши вести с фронта и заграничные радиопередачи, следил я за ходом событий на фронте, за настроением народа, там окончательно убедился в лживости советского режима и решил перейти на сторону немцев для активной борьбы с международными бандитами, овладевшими Россией. Немцы определили меня на работу в пропагандный отдел при местном Гэбитс-Комиссариате. Быстро овладело мною полное разочарование в немцах, понял я, что несут они в Россию не освобождение, а новое рабство. Поймите, Митрофан Константинович, мое душевное состояние, – говорил о себе К. Смольниченко, прося сгладить его одиночество снисходительным к нему отношением и русской добротой.

Трогательным повествованием о себе не вызвал Кирилл Васильевич полного к себе доверия.

«Несомненно, он шпион», – мелькнула у меня мысль, но прежде всего я чувствовал в нем душевно и физически измученного человека и российского патриота.

– Кто он? – спросил в конце января 1944 года посетивший меня служащий Гэбитс-Комиссариата.

Он же, по поручению своего начальника, советовал мне не принимать у себя Смольниченко.

– Кто он, я не знаю, знать об этом положено вам, для меня это несчастный человек и как священник не имею морального права от себя его оттолкнуть. Я обязан быть для него евангельским «милосердным самарянином».

Слава Богу, редко появлялся в моем доме Кирилл Васильевич.

В годовщину кончины папы поставили мы с матушкой на его могиле памятник. Немецкая армия быстро отступала, линия фронта приближалась к Бресту.

Частые бомбардировки города заставили меня отправить семью в г. Бельск, где жили родные моей матушки: с 1938 года парализованный к постели, лишенный речи, но в полном сознании отец с праведной супругой, сестры и старший брат. Младший брат Георгий был зверски убит немцами: его, больного, выволокли с больничной койки на улицу и тут же расстреляли. За что? За оскорбление немецкого солдата.

Прот. М. Зеленецкому удалось своими интригами до того накалить против меня владыку Иоанна, что правящий архипастырь решил удалить меня из своей епархии. За санкцией своего намерения он обратился к Митрополиту Пантелеймону, от которого последовал ответ: «Прошу не загрождать уста таких ревностных и достойнейших пастырей Церкви, каким, к примеру, является прот. Митрофан Зноско, которого я привык уважать и ценить». Этот ответ, датированный 29 июня 1944 года за № 163, подписан Митрополитом Пантелеймоном и Архиепископом Филофеем.

В конце июня последний раз посетил меня К. Смольниченко.

– Митрофан Константинович, быстро приближается к Бресту линия фронта, советую Вам выехать из Бреста в одну из ближайших деревень, не дальше восьми, максимум десяти километров от города.

– Моя семья, как только участились бомбардировки, выехала в Бельск и находится в доме родителей моей матушки, дорогой Кирилл Васильевич.

– Жалко. Вам с семьей надо оставаться ближе к Бресту. У Вас нет оснований бояться советской власти. Всегда защитят Вас партизаны, они осведомлены о той помощи, которую Вы оказываете их женам и детям, застрявшим в Бресте. Они с благодарностью и уважением говорят о Вас. Вас советская власть не тронет. Разве Вы не знаете о том, что Иосиф Виссарионович Сталин принял у себя митрополитов Сергия, Алексия и Николая? Церковь восстанавливается в правах, освобождают из ссылки архиереев и священников, восстанавливают духовные школы. Нам нужны сейчас образованные священники, и Вас как священника образованного могут лишь перевести из Бреста в Ленинград или Москву. Но для этого необходимо, чтобы приближающаяся Красная армия застала Вас не далее, как в 8–10 километрах от Бреста. Дальше 10 километров Вы уже беглец и подлежите ссылке, не долгой, но все же ссылке. Оттуда все равно путь Ваш лежит в духовное учебное заведение.

Так наставлял и успокаивал меня Смольниченко. В его словах я чувствовал искренность и личное ко мне доброжелательство. «В деснице Господней пути человеческие». Он и решил мою судьбу.

6 июля получил из Бельска телеграмму: «Отец лежит при смерти. Немедленно приезжай с Андреем. Цыбрук-Зноско». Сдана телеграмма 5 июля.

Не придавал я значения телеграмме, полагая, что это уловка родных – хотят заставить меня уехать из Бреста. Моя медлительность с отъездом из Бреста к больному тестю была вызвана еще следующими обстоятельствами: 7 июля, в пятницу, день Ангела моего правящего Архиепископа, я должен принять участие в Литургии, а через день, 9 июля – воскресенье, разве можно в дни войны оставить храм без Литургии, паству без молитвы?

«Поеду в Бельск 12 июля после Литургии в день апп. Петра и Павла», – так думал я.

А Господь говорит: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои» (Ис. 55, 8). 7 июля пригласил меня к ужину А. И. Цыбрук, родной дядя моей матушки.

За столом, кроме хозяев и меня, были прот. А. Житинский и прибалтийский немец, милейший Д. И. Вен-

дель. Оживленно, уютно промелькнули несколько часов, проведенные за столом. Разошлись в надежде встречи в воскресенье в храме. Не успели мы, гости, выйти с усадьбы гостеприимных хозяев, как завывли сирены. Началась бомбардировка города.

Тяжелой и страшной была для жителей Бреста ночь с 7 на 8 июля. Не было в городе улицы, на которой бы не было сожжено или разрушено многих домов. Сгорел и дом А. Цыбука вместе с остатками закусок на столе. Так неожиданно поднялась сила ураганная и меня понесла по распутьям беснующегося мира.

Вернувшись к началу всенощного бдения после обхода от ночной бомбардировки пострадавших прихожан, застал в моем доме ожидавшего меня Д. Венделя. Сопровождаемый двумя «ассистентами», Д. Вендель предъявил мне приказ властей «в течение двух часов покинуть пределы г. Бреста».

Не спасла меня ссылка на сан, лишаящий меня права самовольно покинуть паству, на пастырский долг совершить в этот день всенощное бдение, а на следующий день, в воскресенье – Литургию. Отвели меня на вокзал, вручили пропуск в Варшаву и билет до Бельска, усадили в вагон и ушли.

Через несколько минут подошел ко мне пьяный немец-кондуктор, окатил площадной бранью и выдворил меня из вагона на перрон. Неприятно и больно было слышать ругань и поношение, но я обрадовался происшедшему: вернусь домой и в храм...

Не успел насладиться этой мыслью, как подоспел ко мне солдат с вопросом:

– Вы почему вышли из вагона?

Получив мой ответ, солдат отчитал контролера и... унес меня поезд из Бреста родного. Поздним вечером субботы стоял я в Бельске у гроба почившего о. Симеона, а в воскресенье, 9 июля, принимал участие в его погребении. Он скончался 5 июля вечером, т. е. в день отправки мне телеграммы.

В Бельске – неожиданная встреча у гроба о. Симеона с Архиепископом Александром, б. Пинским и Полесским. Два вечера подолгу прогуливался он со мною в ограде Пре-

чистенского храма. Он с глубокой скорбью говорил о своих ошибках в военные годы, о совершенных им в Пинске хитростях, о своем мерзком окружении в лице им облагодетельствованных некоторых пастырей и секретаря.

– Рядом со мной не было, как вижу теперь, очутившись вне Пинска, ни одного порядочного человека; это были или шкурники, или оппортунисты. Их влиянию поддался я, оторванный от мира. В этом моя ошибка, в этом мой грех, – говорил мне Владыка, которому немало досадила я в годы войны.

– Мы расстаемся, о. Митрофан. Вы просите у меня прощения за прошлое. Не знаю, в чем Вас прощать? Я – архиерей Христовой Церкви. Откровенно и сердечно говорю Вам: Вы против Церкви не согрешили, значит нет на Вас греха и против меня. А огорчения? Что ж, они – результат заблуждения одной стороны и ревности о Церкви – с другой.

Мы расстались с владыкой Александром, прося друг у друга молитв, чтобы снова, так же неожиданно, встретиться в Мюнхене на Съезде магистров богословия Варшавского университета.

12 июля вечером выехали мы в Варшаву. Встретили нас «тетя Вава» и Ф. Шульц. Как своих любимых родных приняла нас в свой дом Фаина Георгиевна, предоставив барские условия для отдыха.

Пробыли мы в Варшаве две недели. И В. П. и Ф. Г. не советовали оставаться в Варшаве.

Вооружили нас пропуском в г. Калиш, но мы с матушкой решили двинуться в священный город Ченстохов, куда прибыли в последних числах июля.

Стоим на вокзале над вещами. Куда же дальше? Где голову преклонить? Оставив семью на вокзале, поплелся я к настоятелю православного храма о. Евгению Миновичу. Любезно встретил меня батюшка, но в приюте отказал.

Плетусь усталый на вокзал к семье. Только начал рассказывать о постигшей меня неудаче, как подъехал к вокзалу на извозчике о. Евгений, настоятель.

– Когда Вы зашли ко мне, мой папа отдыхал. Рассказал я ему о Вашем визите и просьбе. Отец, переспросив

Вашу фамилию, пристыдил меня за отказ Вам в приюте и велел немедленно ввести Вас с семьей в наш дом. Вот и приехал я за Вами.

– В неудаче не отчаивайся. Десница Господня над тобой, – с благодарностью Всевышнему произнес я.

Через несколько минут все мы были в объятиях мас-титого старца прот. Антония Мироновича.

– Как я рад приветствовать сына о. Константина с его семьей, – воскликнул старец. – Ведь я с Вашим папой учился в Виленской Духовной Семинарии. Он, правда, был в последних классах, когда я поступил в первый класс. Ваш папа был высокого роста, а я, как видите, не велик. Он был моим в Семинарии покровителем, меня защищал и носил на своих плечах...

В первое время пребывания в Ченстохове о. Антоний и о. настоятель предложили мне совершить Божественную Литургию в их чудном храме, а в следующее воскресенье я принял участие в соборном служении.

В Ченстохове встретил моих брестских прихожан: добряка, весельчака, приятного в общении М. В. Шлыкова, делового, в общении сухого Н. Падюкова, хозяина гостиницы в Брест-Литовске, бойкого торговца в Бресте и в Варшаве валютой, и Б. А. Маймескула, юриста.

– Куда, батюшка, направляете из Ченстохова стопы Ваши? – спросил меня Маймескул.

– У меня пропуск в Калиш.

Расхохотался Борис Александрович:

– Что ж Вы «из огня да в полымя»? А я еду во Фрайбург, к швейцарской границе. Покинула Вас, дорогой батюшка, рассудительность; я Вас не узнаю, где Ваша энергия?

Как говорят, за живое задели меня слова Маймескула.

– Нет, милый, и я буду во Фрайбурге.

И решил я в тот же день ехать в Варшаву, чтобы там, с помощью друзей, получить пропуск во Фрайбург. На вокзале узнал о вспыхнувшем в Варшаве восстании. В билете отказали.

На следующий день пошел в местное отделение «Зихерхайдинст». И там, выслушав меня, сразу отказали в просьбе, а когда я стал доказывать, что поскольку во-

енные власти сами сорвали меня с семьей с места постоянного жительства, они обязаны дать мне пропуск к тому месту, где я желаю поселиться, – невзирая на рясу и крест зверюга схватил меня за шиворот и в ответ на мои слова вытолкнул меня на улицу.

Что делать? Нет, не сдамся! Решил пойти в Полевую Комендатуру. Думаю, боевые офицеры поймут меня. И действительно, там меня поняли: я вышел оттуда с военным пропуском в руках... во Фрайбург. Пропуск на шесть человек: матушка, я, мама матушки, сестра моя Ольга и двое детей. Отдельное купе.

Узнав, что удалось мне получить билет во Фрайбург, Н. Падюков стал упрашивать и умолять меня поселиться с ним в Вене. Он нуждается в моей помощи, но в чем должна выразиться эта помощь – не сказал.

– В Вене большая русская колония, там Вы, о. Митрофан, не будете одиноки, да и мы будем с Вами. Вы знаете, я человек обеспеченный, того, чем одарил меня Бог, хватит не только на мою жизнь, жизнь моих детей, но и на помощь другим. Если Вы останетесь в Вене и окажете мне услугу, я Вас щедро отблагодарю. Ведь Вы нищий, я выведу Вас из нищенского состояния.

Убаюкала меня эта песня Н. Падюкова, человека весьма обеспеченного, бывшего прихожанина моего отца и общественного деятеля.

Я внял его голосу, решил с ним связать свою и моей семьи судьбу. Говорю моей тихой и скромной матушке:

– Едем в Вену вместе с Падюковым и поселимся там.

В день отъезда выяснилась тайна услуги, в которой нуждался с моей стороны Николай Никифорович Падюков: надо было помочь перевезти через границу ценности и валюту, размещенную в куклах, на поясах из материи и слитки золота.

Я должен был перевезти два пояса, унизанные драгоценными камнями – ими я опоясал грешное мое тело, две плитки золота были вложены в ботинки; куклы-игрушки, наполненные валютой, были вложены в две корзинки с провизией для детей.

Отдавал я себе отчет в той опасности, которой подвергал себя и семью, но – слово дано, его надо сдержать.

На пограничной станции приказ: проверка багажа и документов, всем выйти из вагонов вместе с багажом!

Вот тут-то и раскрылся передо мною весь ужас возможной трагедии. Любой ценой надо задержать в вагоне корзинки с куклами – проверка их смерть для меня и семьи! Приступил я к кондуктору, изгонявшему пассажиров из вагона. К счастью, это был, видимо, верующий и добрый человек. Он внял не просьбе, а мольбе оставить в вагоне больную бабушку с внучками, а с ними и корзинки с едой для малышей и их игрушками. Тут же стояла сгорбленная старушка с внучками.

Вид ли бабушки с измученным лицом и рядом с ней стоящих двух девчуток, крест ли на груди священника и его умоляющий голос, а может быть, и одно и второе вместе, смягчили сердце кондуктора. На проверке багажа в зале станции проверявший документы офицер долго и внимательно рассматривал мои документы, несколько раз переворачивал мой пропуск военный, пристально всматриваясь в мое лицо.

Надо мной нависшую черную тучу мог развеять только Тот, Чья Десница распростерта над каждым, призывающим Имя Его. Не остался и я в долгу у доброго кондуктора, незаметно вложил в карман его мою «благодарность».

Мы уже сидим в вагоне. Вбегает Н. Падюков, забился в угол за юбку бабушки:

– Ради Бога, не выгоните... нас загоняют в товарный вагон... на работы... там уже моя жена.

Поднялся я с места и пошел к товарному вагону на выручку. Не успел войти в вагон, как на спину мою опустилась тяжелая рука жандарма. Он и меня решил задержать для отправки на работы. Спас военный пропуск. В конце пути к Вене пришла к Николаю Никифоровичу его задержанная жена.

Еще в пути, в поезде, предложил Падюков мне «освободиться» от его «груза». Сдал я ему принадлежащее богатство, и больше мы с ним в Вене не виделись; встретились только через 15 лет, в 1959 году, в США. Испарилась из памяти Николая Никифоровича при приеме мной спасенного богатства напетая им песенка – «не бу-

дете одиноки», «мы будем с Вами», «я щедро Вас отблагодарю».

С прибытием 7 августа в Вену он на извозчике укатил в гостиницу, а я с семьей – на ломовой подводе к храму. Сбросил подводчик на мостовую у храма багаж наш, и начались мои моральные пытки в поисках места для багажа и пристанища для семьи.

По совету привратницы храма позвонил о. Сергию Мат-ву, которого знал я юношей в бытность мою в Белграде. Описал ему мое положение и прошу приютить на несколько дней багаж мой в подвальном помещении храма. Получил отказ. Через минут десять, по совету той же немки-привратницы, звоню второй раз. Снова отказал со ссылкой на старосту храма – он же и председатель русской колонии в Вене.

Обращаюсь к привратнице, в ее лице послал мне Господь «милосердного самарянина» – она помогла снести вещи в подвальное помещение храма.

Еду к о. Сергию Мат-ву поблагодарить за проявленную черствость. Но батюшку, якобы, не застал.

– Отец Сергей спешно уехал к больному, – через чуть приоткрытую дверь сказала мне его супруга. – Почему Вы, говоря с о. Сергием по телефону, сразу не назвали Вашу фамилию?

– Да потому, матушка, что не при чем здесь знакомство, дело в том, что Христа забыл Ваш батюшка...

В этот же день пристроил на несколько дней и семью у о. Ф. Форманчука, еще так недавно в Брест-Литовске стоявшего передо мной навытяжку.

Отец Феодор занимал обширную меблированную квартиру офицера-австрийца, близкого ему и его семье по г. Ковелю.

Несмотря на любезную встречу, мы чувствовали себя неловко в гостях у о. Феодора, так как и сам он был гостем в этой квартире. «Бог мне Помощник», – радостно воскликнул я, покидая 12 августа в субботу семью Форманчука, чтобы поселиться в чистой и уютной комнате вдовы-словенки, потерявшей на фронте мужа и сына. Ее утешением оставались две дочери, девушки скромные и хорошо воспитанные.

Сданная мне комната была без мебели – пол, потолок и чистые стены. Кухня общая. Жили мы «душа в душу». Стол и стулья заменяли нам чемоданы, матрацы – одежда, подушки – кулаки. И в этой убогой, но теплой обстановке матушка принимала гостей, даже некоторых епископов с земли родной.

На понедельник 14 августа выпал сороковой день кончины отца моей матушки. Матушка-вдова просила, чтобы я совершил в этот день заупокойную Литургию. Обратился за благословением к отцам – настоятелю пресвитеру Василию Виноградову и его помощнику о. Сергию Мат-ву. И в этом отказали – мол, «не знаем, как Вы служите»...

Мотив для отказа серьезный! Ни с какими просьбами к ним больше я не обращался.

Мы регулярно посещали домовую церковь Покрова Пресвятой Богородицы, расположенную в нескольких кварталах от моей квартиры. В Свято-Николаевский храм заходил изредка, стал там чаще появляться с прибытием в Вену Синода Русской Церкви за границей.

В первое воскресенье встретил в храме моих брестчан, состоявших на службе в фирме «Эрбауэр», перекочевавшей из Бреста в район Вены – Бэрг-Энгерау.

Чтобы избежать щупальцев «Арбайтсамта», сразу снесся с Германским Митрополитом Серафимом, в августе был зачислен в клир Германской епархии, а в сентябре 1944 года получил удостоверение в том, что на меня, проживающего в лагере фирмы «Лейхметалл» (Бэрг-Энгерау) и состоящего на работе в этом лагере, возлагается обслуживание и духовное окормление православных рабочих и служащих этого лагеря. Я продолжал жить в Вене, на субботу и воскресенье выезжая в Бэрг для совершения богослужений.

Получил письмо от о. Георгия Лукашука. Жалуется на свое рабское положение. Его загнали со знаком «ОСТ» на тяжелые работы к немецкому фермеру. При содействии митроп. Серафима удалось мне вызволить его из его рабского положения и устроить в фирме «Лейхметалл».

Встретил в Покровском храме епископа Павла (Мелетьева). Пожилой, измученный жизнью, бывший по назначению от Патриарха Тихона сибирским миссионе-

ром, он отбыл 10 лет ссылки, прибыл в Вену и «поселился» в городском парке с ночлегом под открытым небом, на скамье.

Он легко мог получить приют в доме папского нунция, подобно епископу Леонтию, архиепископу Чилийскому, но считал недопустимым православному епископу обращаться за помощью к представителю Ватикана, враждебного к Православной России.

Я буквально заставил его с разрешения старосты Покровского храма г-жи Матерна поселиться в прилегающей к храму кладовой. Госпожа Матерна милостиво разрешила ему провести в кладовой три ночи. Действительно, на четвертый день она приказала епископу убираться: иди, мол, куда глаза глядят!

Так как все происходило в моем присутствии, я счел нравственным долгом выступить в защиту страдальца-епископа. Поскольку Матерна твердо настаивала на ограничении срока его пребывания в кладовой при храме, решил я обратиться с просьбой о защите епископа-исповедника к недавно прибывшему в Вену Митрополиту Анастасию.

Тут я впервые после встреч у митроп. Антония (Храповицкого) в Сремских Карловцах наткнулся на Юрия Павловича Граббе. К митроп. Анастасию он меня не допустил. Выслушав, по какому делу прошу аудиенции, Юрий Павлович решительно заявил:

– Матерна формально права, к владыке Анастасию я Вас не допущу, епископ Павел должен покинуть прицерковное помещение.

Возмутил меня ответ Правителя Дел Синодальной Канцелярии.

– Юрий Павлович, ведь перед нами епископ-исповедник Церкви Российской...

Он не дал мне закончить фразу, перебил меня и буркнул:

– Я Вам уже сказал, Матерна формально права!

– Ах так, к делу милосердия, этики и чести Вы подходите с формальной меркой? Так знайте: нет Вам места в возрожденной России!

– Вы, отец Митрофан, забываете с кем Вы говорите. Вы говорите с графом Граббе!

– А Вы, дорогой, забыли место буквы «Я» в алфавите, – последовал ответ.

На этом мы и разошлись.

Мое вмешательство все же помогло: епископ Павел провел в «кладовой» при храме не три дня, а два месяца. Два письма получил я от еп. Павла.

Одно из Францисбада, в котором он пишет об отношении ко мне епископата и описывает жизнь епископов-беженцев: «В главном все епископы солидарны, единодушны, мудры, твердо стоят на страже Православия».

Второе его письмо из Брюсселя (Бельгия), где получил он убежище у римо-католиков. В этом письме еп. Павел с горечью пишет о том, что столкнувшись в Вене с жестокостью и черствым сердцем Правителя Дел Синода Русской Церкви за границей, очутившись перед лицом новой опасности попасть в лапы «охотников за черепами», он, переживший 10 лет ленинско-сталинских концлагерей, был вынужден искать защиты у римо-католиков. Он говорит в письме о своих тяжелых душевных переживаниях, о своей верности Христовой Церкви Православной и просит молитв «о страждущем православном епископе Павле».

И вдруг получаю от неизвестного лица вырезку из газеты: «Ректор Русской Миссии в Бельгии извещает о кончине в Брюсселе русского католического епископа Павла (Мелетьева)». Что это? Епископ Павел изменил Православию? Тогда в объявлении должно быть сказано: «русский римско-католический епископ», а не просто «русский католический».

Существует две Церкви – Православно-Католическая (или: кафолическая) и Римо-Католическая. Все мы – русские, являемся православными католиками в отличие от римо-католиков, в основе веры коих лежит догмат о главенстве в Церкви, о непогрешимости и о двух мечях Римского епископа (Папы).

Что это? Пропагандный трюк? А может быть, и то, что неоднократно приходилось наблюдать в Польше? Бывали в Польше случаи: лежит в госпитале православ-

ный больной, попавший по службе в местность, где нет поблизости ни православного храма, ни священника. Его, умирающего, причащает римо-католический священник, обслуживающий данный госпиталь, и вносит умершего в реестр госпиталя как принадлежащего к Римо-Католической церкви.

В Вене посещал в госпитале и отпевал В. Г. Ермолова, которому наряду с А. Люкхаузом и И. Ляссен обязан спасением жизни ряд моих прихожан, знакомых и лично я от гитлеровского концлагеря. Этот верный сын России жил не для себя, неисчетное число русских обязано ему спасением от принудительной высылки на работы в Германию. Он глубоко и открыто возмущался отношением гитлеровского режима к евреям и к русскому народу, подчеркивая, что Гитлер ненавидит русский народ не меньше чем евреев, сравнивая его в ненависти к русскому народу с Карлом Марксом.

Глава XVI

Вена. Польша. Германия

В первых числах декабря неожиданно прибыл в Вену из г. Плоцка (Польша) мой младший брат о. Алексей, бывший до войны 1939 года преподавателем Духовной Семинарии в Варшаве. Идейный, горевший желанием послужить пострадавшей от Ватикана Православной Лемковщине, будучи студентом, он выезжал на летние месяцы на Лемковщину для организации хоров из местной молодежи и миссионерских поездок с хором по приходам.

Возмущенный и оскорбленный заявлением матери любимой им девушки – «рука моей дочери может принадлежать офицеру, но не священнику» – брат направился к девице, о которой шла молва как о красавице с прекрасным сильным альтом.

– Отвергшая протянутую руку девятерых мою руку не отвергнет, – гордо ответил брат на мои увещания успокоиться, не спешить с поездкой к неведомой красавице.

Не послушался, поехал... Протянутая рука десятого была принята, назначена свадьба. На свадебное торжество отбыли папа с Олей и братом Георгием. Несмотря на настойчивые уговоры отца, я на свадьбу Алеши не поехал.

Вернувшись со свадьбы домой, папа сказал:

– Тесть Алеши простой, с золотым сердцем человек, но если жена Алексея в свою мать пошла, тяжелой будет жизнь твоего брата.

Так и вышло. Отец Алексей появился у меня в Вене со слезной просьбой провести у него в его семье праздник Рождества Христова:

– Твое присутствие обеспечит нам мир и радость праздника.

И, по любви к младшему брату, мы с нашими детками, с сестрой Олей и бабушкой Анной Павловной со слезами покинули уютную Вену.

Только в Плоцке узнали мы о том, что в квартире брата ютится сестра его жены с мужем-доктором.

С нашим приездом создалась сложная обстановка: три семьи в одной квартире. Пришлось на третий день, захватив чемодан с полным комплектом богослужебной утвари и чемодан с моими рясами и облачением, отвезти Анну Павловну к ее старшей дочери Елизавете в Калиш. Благо, на мой рапорт об отъезде из Вены в Плоцк Митрополит Берлинский Серафим (Лядэ) ответил Указом от 6 декабря 1944 года о причислении меня сверх штата к Петро-Павловской церкви г. Калиша.

Вручив Анну Павловну Елизавете Евец и нанеся визит о. настоятелю Петро-Павловского храма, вернулся я на следующий день в Плоцк к моей семье. В семье переполох, в доме свирепствует корь. Заболела наша Верочка, сын брата Костик, его тетя – жена доктора.

В доме лазарет... атмосфера нервная. Слава Богу, ко дню Рождества Христова болезнь ушла, светлее стало в доме. Мирно и уютно встретили праздник. Большой прием на Новый Год. Прием, правда, с приключениями, но... никто физически не пострадал. Мое пребывание в доме брата закончилось.

Во вторник 2 января 1945 года ранним поездом выезжаю из Плоцка в г. Калиш для подготовки переезда туда моей семьи с тем, чтобы на следующий день, 3-го января вечером, вернуться в Плоцк за семьей. В Калише на вокзал в тот вечер провожал меня к поезду большой мой друг Андрей Иванович Цыбрук, родной дядя моей матушки.

Вхожу в вагон, уселся в купе, открыл окно и вдруг слышу громкий голос Андрея Ивановича:

– Отец Митрофан, Саня с детьми приехала!

Оказалось, в тот момент, когда входил я в вагон поезда на Плоцк, прибыл поезд из Плоцка, и Андрей Иванович, увидав выходящую на перрон с детками мою Санечку, окликнул меня.

Чуть успел я выскочить из вагона, мой поезд понесся из Калиша в Плоцк. Буквально одна секунда спасла нас с матушкой от горькой и тяжелой разлуки. Поезд, которым Санечка прибыла из Плоцка в Калиш, вместо трех часов в пути был без малого целые сутки. Что же случилось? Десница Господня простерта над нами!

Оказалось, в то тихое раннее утро 2 января после моего отъезда неожиданно «грянул оглушительный гром» – в 10 часов утра была объявлена эвакуация из города Плоцка женщин и детей. Не теряя времени, моя матушка, осенив себя крестным знамением, одела на шею мешочек со святым Антиминсом, Дароносицу, наперсный крест, снарядила детей и ранним вечером того же 2 января сидела в поезде на пути в Калиш.

Еще находясь в Плоцке, снесся я с руководством фирмы, обслуживаемой мною в Австрии, и получил от них свидетельство в том, что я являюсь рабочим этой фирмы, нахожусь в деловой поездке, должен вернуться в фирму и приступить к исполнению моих обязанностей. Сообщили и о том, что из Берга (Австрия) фирма переезжает в Нидерзаксверфен (Тюрингия).

Не пришлось долго задержаться в Калише. На второй день после Крещения Господня вся семья уже в составе 12-ти человек, продолжала путь в неизвестное в немецком грузовике. Неподалеку от б. польско-немецкой границы добрый немец-шофер выгрузил нас со словами:

– Дальше везти не могу, помощи вам Бог.

И мы двинулись в путь пешком с шестью малышами, сопровождаемые насмешками и издевательствами местного римо-католического польского населения. Я был в рясе с крестом на груди. Некогда в Египте с Пречистой Девой от Ирода укрывшийся Господь не оставил нас: неожиданно остановился громадный закрытый военный фургон... Это немец-шофер, увидав группу странников с малыми детьми, сжалился над крошками, быстро погрузил нас и, приказав сидеть молча – «не дышать», повез нас... Куда? «Возверзи на Господа печаль твою»... «От Господа пути человека».

В тишине, в полном молчании ехали мы целые сутки. Дважды военный контроль останавливал фургон, проверяя документы шофера. Фургон остановился в третий раз, хлопнула дверца шоферской кабинки... шофер удалился... мы, как мыши, притаившиеся, сидим затаив дыхание – что же дальше будет?

Минут десять продолжалось мучительное ожидание шофера. Распахнув двери фургона, шофер с радостной улыбкой объявил:

– Город Познань, мы стоим у вокзала, сейчас отходит последний поезд на Берлин. Поторопитесь попасть на этот поезд...

С чувством глубокой благодарности доброму человеку, рисковавшему своей жизнью, нелегально перевоза на военной машине «остовцев», поспешили мы с нашим скудным ручным багажом на перрон, а там... Народу – «тьма-тьмущая». Подали поезд... давка, крики, слезы, рутань разноязычная... Как мы с шестью малышами, с бабушкой-старушкой и ручным багажом очутились в поезде? Для нас это было чудом!

Новоприбывших беженцев разместили в большом здании одной из школ живописного пригорода Берлина, обеспечив скромным по военному времени питанием. В кафедральном соборе Берлина познакомился я с о. Адрианом Рымаренко. Посетил моего большого друга по Белграду о. Павла Хеке, настоятеля храма в Потсдаме.

Сын выдающегося лютеранского богослова, легко освободившись от злоторных плодов эпохи т. наз. «Воз-

рождения» и гуманизма, всей глубиной своего сердца принял он Православие благоверного князя «Красного Солнышка» и Старцев Оптинских, восстанавливающее гармонию личности, сердца, разума и воли.

Особенно интересовал его вопрос гонений на христианство в первые столетия нашей эры; с этой научной целью совершал он поездки в Рим, где ему, вооруженному личным письмом Патриарха Варнавы к Римской Курии, открыт был доступ к архивам «древних лет». Нельзя забыть его повествований о результатах его исследований, жутко веяло от них.

В середине февраля покидаем Берлин. 17 февраля, с пересадкой в Зондерхаузене, где пришлось мне притвориться глухонемым, чтобы избежать разговоров с осаждавшими меня военными, мы в Нидерзахсверфене. Начальство фирмы в лице моих брестских друзей тепло нас встретило, но разместить семью в 12 человек оказалось невозможным. Шла стройка новых барakov.

Предложили временный ночлег в лагерной канцелярии. Это был миниатюрный барак, в одну комнату с коридорчиком, на сваях. Чтобы всей семье на ночлег в нем разместиться на полу вповалку, приходилось канцелярский стол и стулья выносить в коридор.

Слава Богу, недолго продолжалось это мытарство. Через несколько дней предоставили нам скромную комнату в жилом бараке. Хуже было с питанием. С отъездом из Вены в Польшу лишился я права на получение продуктовых карточек. Понадобилось около двух недель, чтобы легализовать мое пребывание в лагере и восстановить право на паек.

Что же делать? Была у нас в рюкзаке бутылка с топленым маслом для детей, но этим детей не накормишь, нужны хлеб, крупа и картофель. Вот и пошел я по селу с крестом на груди за куском хлеба, пошел с протянутой рукой – «Христа ради».

Ни один крестьянин не положил в протянутую руку ни куска хлеба... и лишь у выхода из села догнали меня два русака – «остовцы» и, оглядываясь по сторонам, дали мне несколько картофелин и по куску хлеба и... быстро удалились.

Кто они, эти добрые русские ребята-октябрята, отпрыски подъяремной Христовой России? Всегда возношу молитву о них, благодетелях моих девочек – «имена же их, Господи, веши».

В первые воскресные дни Литургию (а накануне – всенощную) совершал в рабочей столовой. С помощью Наташи Геккер и Р. В. Полчанинова организованы были занятия с детворой по Закону Божию, русскому языку и истории России.

В апреле удалось оборудовать в одном из барачных походный храм, украшенный запрестольным образом Воскресения Христова – работы Н. Н. Зорина, тихим, скромным, духовно глубоким русским патриотом, написавшим к Страстной Седмнице и плащаницу.

К общей радости нашей большой семьи Евгений Иванович Евец, муж сестры моей матушки, встретил в лагере своего однокашника по гимназии в Новороссийске – Р. Д. Сазонова, что помогло ему легко войти в дружную русскую интеллигентную рабочую семью.

Скромный и тактичный Евгений Иванович за первыми церковными службами тихонько вошел в хор, которым управлял И. Ф. Ярошук, б. регент-псаломщик храма в с. Черск Брестской области.

Быстро обнаружил он в новоприбывшем хористе музыкально образованного человека и опытного регента и с низким перед ним поклоном передал ему управление хором.

Службы Страстной седмицы и Святой Пасхи, на которых присутствовали американские офицеры, прошли торжественно и с большим духовным подъемом.

Из Нидерзахсверфена навещал я пешком два «остовских» лагеря – в г. Нордхаузене и в Гудерслебене. В первом бывал изредка, во втором – два-три раза в неделю. В лагере Гудерслебен в одном деревянном бараке и двух огромных конюшнях было размещено 500 человек, преимущественно стариков и женщин.

Земляные полы, трехъярусные нары, отсутствие окон, отсутствие не только бани, но и умывален, полное отсутствие элементарных гигиенических условий и медицинской помощи. Чтобы умыться, освежить

лицо и вымыть руки, надо было выходить из барака к колодцу.

Конюшни освещались и обогревались костром, расположенным посредине здания. Такова была жуткая обстановка лагеря Гудерслебен, прозванного «вшивым», «тифозным». Насекомые попадались на полу, «пикировали» с потолка.

На нарах лежали попеременно здоровые, больные, сыпняком и умирающие. Этот лагерь, расположенный от Нидерзахсверфена в восьми километрах, посещал я обычно три, минимум два раза в неделю, совершая молебны, вознося к Престолу Спаса Всемилостивого специальные молитвы о болящих и страждущих, утешая и ободряя несчастных.

В каждое посещение приходилось отпевать и хоронить на ближайшем кладбище одного-двух умерших. Зверюга «Лагерфюрер» неоднократно изгонял меня с территории лагеря.

Уходя в им открытые двери, я, как говорят, возвращался к несчастным «через окно».

Обратилась ко мне старушка по имени Александра с просьбой причастить ее Святых Тайн.

– Родная, я рад бы исполнить Вашу просьбу, но нет у меня ни Дароносицы, ни Святых Даров.

– Батюшка, да у меня хранятся Святые Тайны Тела с Кровью Господней.

– Как же очутилась у Вас эта святыня?

И старушка поведала мне следующее:

– Ожидавший ареста наш батюшка позвал меня и сказал: «Александра, храм наш будет разрушен или устроят в нем клуб. Я вынес из храма святой Антиминс и другие святыни, но остались там в Дароносице частицы Святых Тела и Крови Господней. Прошу тебя, постарайся проникнуть в храм и унеси эту святыню. Если я еще буду дома, передашь их мне, если меня увезут – храни благоговейно святыню у себя до тех пор, пока не встретишь священника истинной Церкви Христовой, ему и передай святыню». Я свято исполнила поручение нашего мученика-батюшки и вот передаю вам святыню....

Старушка вытащила из-под нар свой сундучок и вручила мне Дароносицу с многими частицами прекрасно сохранившихся Святых Тайн почти 20-летней давности. Из этой Дароносицы и преподал я рабе Божией Александре Святое Причастие.

На мой призыв оказать помощь несчастным соотечественникам охотно откликнулись д-р Г. Лясковский и д-р А. Жигмановский, оба из лагеря Нидерсахсверфен, оба переболели сыпняком, причем, д-р Лясковский в очень тяжелой форме. Божией милостью меня миновала эта опасность. Ограждал меня от опасности укуса и принести насекомое на одежде в мою семью Божий человек Коля.

Он встречал меня, когда я появлялся на территории лагеря, сопровождал меня, шаг за шагом следуя за мной и в лагере, и при похоронах на кладбище, а когда я уходил из лагеря, всегда провожал батюшку за черту лагеря, снимал с меня верхнюю одежду (плащ, подрясник), тщательно проверял, не притаилось ли в складках одежды злостное насекомое.

Два раза был я приглашен после погребения разделить с родственниками усопших поминальную трапезу. В той же конюшне, где лежали больные, стонали умирающие; на небольшом столике миска с супом из крапивы на прогнивших зеленых ребрышках. Прочитали молитву и вкушали «бурду» все одной ложкой, которая до опустошения посуды (миски) переходила из рук в руки, от батюшки к его соседу и так дальше.

Можно было отказаться от приглашения? А разве не жестоко причинить страдающему огорчение и боль? В одном из этих случаев мне преподнесли скромный подарок: завернутые в бумагу три ребрышка, так что моя матушка могла убедиться в несъедобности того, чем подкрепляли свой истощенный организм жители лагеря Гудерслебен.

С приходом в Тюрингию американской армии насельников лагеря Гудерслебен разместили в здании одной из школ с прилегающими к ней жилыми домами. Все насельники этого лагеря, кроме двух-трех семейств, вернулись в СССР.

Посетил я их последний раз за несколько дней перед их отъездом на Родину. Все собрались на молебен, внимательно слушали наставление пастыря. Мое слово внезапно было нарушено выкриком какого-то парня. Что он сказал, я не разобрал. Тут же подскочил ко мне немолодой мужчина со словами:

– Батюшка, не обращай внимания на дурака, среди нас здесь только один такой, вот от таких-то мы и страдаем у себя на Родине, ты же прими нашу общую благодарность за твои труды, за любовь к нам-страдальцам.

Это был постный день. Когда я закончил молебен и прощальное слово, подошли ко мне повар со своим помощником, приглашая отобедать с ними. Ссылаясь на отсутствие времени, отказываюсь.

– Знаем мы, батюшка, почему ты отказываешься! Сегодня постный день, и не хочешь ты оскверниться скоромной пищей. Мы, батюшка, соблюдаем пост.

И повели меня в кухню. Я убедился в том, что обед приготовлен действительно постный: без мяса, без молока и масла, в которых им, гудерслебцам, не было отказа от американцев. С грустью и благодарением Всевышнему за этих русских страдальцев, Божиих людей, покидал я Гудерслебен.

Большой отрадой было для меня в Нидерзахсверфене общение с «всеславянином» проф. Д. Вергуном и с женой его погибшего сына, солнечной Верой. Переживая странный сон, выхожу ранним утром из своей убогой квартиры и направляюсь в храм. Встречаю проф. Вергуна. Окликнул его:

– Профессор, я видел этой ночью во сне Черчилля, держащего на блюде голову Рузвельта.

– Странно, – говорит профессор, – а я только что слушал радиопередачу новостей у соседа-немца, сообщали о смерти президента США Рузвельта.

В середине июня 1945 года, ввиду передачи американцами Тюрингии советскому командованию, жителей лагеря Нидерзахсверфен переселяют в район г. Касселя. Остановились вблизи Касселя на территории «Погорелого» лагеря. Здесь были размещены советские репатрианты, оставившие после себя сожженные бараки, разлага-

ющиеся груды внутренностей скота, реквизированного ими у соседей-немцев, кучи человеческих испражнений.

Полагая, что на этом месте и придется нам остановиться, недавние «нидерзахсверфенцы» принялись за работу по очистке территории б. лагеря. На мою долю вместе с И. Н. Ростовцевым выпала уборка людских испражнений. Слава Богу, только два дня провели мы в «Погорелом».

Заботливое честное руководство б. лагерей Берг-Нидерзахсверфен обнаружило также вблизи Касселя большой б. лагерь французских военнопленных – Менхегоф. В нем и разместились не только б. насельники Нидерзахсверфена, но и все примкнувшие к ним на пути Нидерзахсверфен-Кассель.

К концу июня 1945 года Менхегоф насчитывал до 2.000 человек, не считая многих сотен, расквартированных в подведомственных Менхегофу небольших лагерях Фюрстенвальд и Ротвестен.

Сразу по прибытии в Менхегоф начальство выделило большой барак, в котором разместились храм и два семейства – настоятеля и регента. В первый же день (это была суббота) было совершено всенощное бдение и утром следующего дня – Литургия. В составе причта поначалу были я, прот. М. Помазанский и о. Г. Лукашук, прибывшие из Нидерзахсверфена, и о. Иоанн Бруякин, о. Иосиф Гринкевич и о. Александр Марцинюк, позже прибывшие в Менхегоф.

Вскоре были оборудованы храмы в Фюрстенвальде, куда отбыл на служение о. Г. Лукашук, в Маттенберге, куда на субботу и воскресенье попеременно выезжали о. М. Помазанский и о. А. Марцинюк. Духовное окормление лагеря Ротвестен было поручено о. Иосифу Гринкевичу.

Каждую неделю для духовных бесед с детворой, пения и игр я посещал Ротвестен, а с отъездом в Мюнхен (по вызову Митрополита Анастасия) о. М. Помазанского пришлось мне изредка служить и в Маттенберге, где в составе молящихся были сербы и латыши.

В первых числах августа 1946 года получил из Мюнхена Указ: «Определением Архиерейского Синода от 30 июля 1946 года вы назначаетесь членом Синодального

Миссионерского Комитета», а в середине декабря того же года пишет мне из Мюнхена о. Михаил Помазанский: «С Рождеством Христовым, с Новым Годом! Переношусь к Вам из Шлейсхейма и искренне желаю, чтобы торжества праздников были для Вас поддержкой в настоящем, укреплением для будущего, выражение единства с Вами Вашей большой лагерной семьи прихожан, дали Вам радость удовлетворения тем путем жизни, который Вы избрали, и тем направлением пастырства, какой Вы по воле Пастыря стада приняли, и чтобы в выражениях преданного и благородного отношения к Вам всех окружающих Вас Вы получили ощущение награды и похвалы от Него. Мне чувствуется, что в нынешнем году исполнилось десятилетие Вашего священства – торжество Ваше должно быть полным. Я считаю, что уже пришло время сообщить Вам, делается ли что-нибудь в Комитете, к ко- ему принадлежим мы с Вами, только, правду говоря, нет пока ничего такого конкретного, о чем можно говорить. Владыка м. Анастасий думает о Съезде Миссионерского комитета. По будням я уже редко служу в церкви, а в праздники – всегда «большой собор», как любит пресвященный Пантелеймон. Духовенства у нас в лагере, если всех подсчитать, до 20 священников, есть кому и без меня послужить. А по существу все-таки нет полного удовлетворения, потому что кажется, что за эти два- три года мы должны были что-то большее сделать, что у нас не выработано ни организации, ни планов работы, и на случай, если бы нас где-нибудь поселили большими группами, – лагерная масса останется вне Церкви».

Каждое воскресенье и в двенадцатые праздники богослужения в Благовещенском храме Менхегофа совершались соборно и при дивном пении хора Е. И. Евца всегда отличались большой торжественностью. Дружно протекала жизнь батюшек, отношения были братскими.

Холодком веяло только от о. Александра Марцинюка. Чтобы пресечь возможность появления между братьями недоразумений и розни, я каждый месяц, иногда и чаще, собирал их у себя на чашку чая, в братской беседе мы устраняли вклинивавшиеся в наши взаимоотноше-

ния недоумения и обиды. Расходились в мире, в союзе братской любви.

С Божией помощью церковь в Менхегофе сохраняла полную независимость от лагерной администрации. Никогда не обращался я с просьбой ни о стройматериале для храма и колокольни, ни о предоставлении рабочей команды. Все работы по моей к ним просьбе выполняли прихожане – жители лагеря в послерабочие часы, сами должны были позаботиться и о нужном для работ материале.

Не было у меня и так называемого «приходского совета» – этого дермо-кратического нароста, избираемого общим собранием. Верующие в храме после Литургии избирали старосту и казначея, и они были моими постоянными помощниками и советниками.

В случаях возникающего по повестке дня вопроса – строительство, украшение храма, юридического, защиты перед УНРРА или военными властями прав Ди-Пи – я лично приглашал в приходский совет грамотного, в данном вопросе сведущего человека: он и являлся членом приходского совета по обсуждаемому вопросу. Таким образом, состав приходского совета у меня менялся.

На это обратили внимание митрополиты Серафим и Анастасий, очевидно, по доносу «радеющего» о благе Церкви. Выслушав меня, оба архипастыря одобрили мое решение проблемы «приходского совета».

В круг наших пастырских забот и трудов входили: согласование жизни лагеря с церковным уставом, преподавание Закона Божия в Ломоносовской гимназии в Вильгельмстале и начальной школе в Менхегофе, посещение госпиталей и санаториев Кассельского района, рассылка продуктовых, вещевых посылок и денежных пособий живущим на частных квартирах.

Так как батюшки в лагере были обеспечены питанием и одеждой (получали материал на подрясник и рясу), получали от лагеря папиросы, на которые не трудно было достать у немцев все, что душеньке угодно, и могли получать вознаграждение за совершаемые ими требы, счел я справедливым все храмовые поступления (доход от свечей, тарелка, пожертвования) определить только и

исключительно для оказания денежной помощи нуждающимся.

26 сентября 1946 года было выслано в «Отдел социальной помощи» при доме «Милосердный самарянин» в Мюнхене 365 пар белья и верхней одежды, посылались денежные пособия и продуктовые посылки одиноким и больным, проживавшим далеко за пределами лагеря, и в санатории туберкулезных больных для приобретения нужных лекарств.

Посылались продукты в Гамбург, в лагерь Фишбек, по просьбе о. А. Черная – нуждающимся детям города Гиссена, в лагерь Разведчиков в Гаутингене, обители Иова Почаевского в Пассинге, в общину о. Адриана Рымаренко в Вендлингене.

После разгрома лагеря в начале 1947 года появилась нужда в продуктах питания, в одежде и денежных пособиях и среди недавних насельников лагеря – выселенцев из Менхегофа. Приступили к усиленному сбору и продуктов питания и одежды.

В течение 1947 года было роздано свыше 300 пар белья и верхней одежды, свыше 50 человек получали денежные пособия, не считая группы студентов в Марбургском университете и учащихся последнего класса гимназии в Штутгарте, б. учеников Ломоносовской гимназии. Бывшим менхегофцам высылали продуктовые посылки, каждая весом от 5 до 20 килограмм.

Духовенство участвовало в защите прав и в спасении б. советских граждан от выдачи их «красному молоху». В этом огромную помощь оказывал Митрополит Анастасий, первосвяtitель Русской Православной Церкви за границей, к которому неоднократно приходилось обращаться.

Во всех поездках по защите интересов измученных Ди-Пи сопровождал меня (кто кого сопровождал? я – не говорящий по-английски – его или он, блестяще владевший английским?) Михаил Вячеславович Геккер, немец по происхождению, жертвенный русский патриот, глубокий православный христианин, девизом жизни которого были слова Писания: «Друг друга тяготы носите и тако исполните Закон Христов». М. Геккер был челове-

ком любви и дела. Нельзя забыть насмешек и оскорблений со стороны некоторых представителей УНРРА-ИРО и военных, которым подвергались мы, выступая в защиту беженцев.

Начальник Кассельского района УНРРА г. Мак-Генигел, требуя от нас содействия делу репатриации из лагеря Менхегоф 6. советских граждан, размахивал перед носом священника и М. Геккера пальцем, угрожая обоим арестом, если они не выполнят его требования.

Являемся мы в одной из изнурительных поездок к генералу американской армии. Ему доложено о желающей с ним беседовать делегации в составе священника и г. Геккера. Входим в кабинет генерала. Он сидит в кресле, его ноги на столе, на углу того же стола восседает духовное лицо – забавляются «йо-йо», тут же и обезьянка, с которой играет генерал...

С нескрываемой насмешкой задает нам вопросы откормленный «патер», генерал не шелохнулся... С тяжелым чувством удаляемся мы из канцелярии генерала.

Получил из Францесбада два письма от Архиепископа Венедикта (Бобковского). Разные на письмах даты, но оба получил в один и тот же день. Владыка пишет: «... Не хочу порывать с Вами в сношениях, так как Вы мой первый и, значит, главный протоиерей по моей первой епархии до сего дня... Меня интересуют и Ваше устройство, и Ваша работа. Верю, что в соприкосновении с людьми рассеяния... Вы много передумали и сделали отрицательные выводы о многом и, в частности, о церковных делах. Не сгибайте спины, Вы молоды и сильны духом. Господь да поможет Вам».

Неподалеку от Касселя состоялся съезд ИМКА, на который был командирован от лагеря В. А. Смирнов и приглашен наш хор. В съезде участвовал и о. А. Киселев из Мюнхена.

Большой радостью для меня были прислужники в числе 12-ти ребят. Возглавлял их 13-й – генерал Е. Г. Булюбаш. Мои 12 были послушны, дружны и исполнительны. Это была дружная семья. В воскресные дни в добавление к урокам Закона Божия проводил я с ними

беседы, читал жития святых, разучивал церковные песнопения.

Всей группой в святочные вечера ходили они со звездой, прославляя нас ради Сшедшего с Небес, отдавая собранное батюшке для отправки нуждающимся. В летние месяцы, свободные от школьных занятий, они охотно являлись на беседу и – шалуны – промышляли в садах Вильгельмстала.

Весь свой сбор – добычу – приносили батюшке и, живо рассказывая об очередной «вылазке» в б. владения Вильгельма, делили добычу на равные 13 частей, 13-я – батюшке.

Бранить их за «посещение» чужого сада? Было бы несправедливо. Отказаться от своей части? Значит обидеть ребят.

В Великом посту богослужения в лагерном храме совершал ежедневно. В 6 часов утра в храме читаются великопостные часы; на клиросе, освещенном электрической лампочкой, я, чтец Антон Грицук и трое прислужников. Один из них, Толя Макаренко, хорошо воспитанный серьезный очаровательный малыш, все время хихикает, заражая смехом других.

Делаю ему замечание раз-второй, не помогает. За третьим разом отправляю его в алтарь на поклоны и сам иду за ним:

– Стой, Толя, ты раньше скажи, в чем дело, почему ты смеешься?

– Батюшка, в церкви темно, на клиросе электрическая лампочка, и я вижу на стене вашу тень. Когда вы читаете, трясется на стене ваша борода, как у козла, я не могу сдержать смех.

Обнял я мальчонку, благословил и послал обратно на клирос с наставлением:

– А ты, Толя, не смотри на ту стену.

Где они, сохранили ли любовь к храму, мои милые недавние ребята: Милковский, Петровский, Азаров, Герасимовы, Макаренко, Бахановичи, Усс, Каллаур и другие?

В 1946 году Митрополит Серафим сообщил об избрании меня в состав Епархиального Совета Германской епар-

хии. Это обязывало к ежемесячным поездкам в Мюнхен для участия в заседаниях Совета. Владыка Анастасий возлагает на меня послушание – в дни посещения Мюнхена обязательно являться к нему «на беседу».

В одно из посещений Митрополита Анастасия пришлось быть свидетелем скандала в Синодальном Доме, поднятого матушкой В. М. Граббе против г. Колоколова – эконома митрополичьего Дома. Скандал был вызван тем, что эконом снял с кустов для кухни Синодального Дома созревшие помидоры.

Результат скандала: Колоколов – с сильно подбитым глазом, матушка В. М. Граббе – на короткий срок отлучена от Святого Причастия, а производивший следствие архим. Аверкий, бывший духовником семейства Граббе, заменен прот. И. Легким.

Ввел меня в состав своего Совета и Архиепископ Филофей, в то время викарий Германской епархии, проживавший в Висбадене. В составе этого Совета пробыл я всего лишь два-три часа. На первом заседании этого Совета одним из его членов была допущена по отношению к другому (старейшему по возрасту) вопиющая бестактность. Хитросплетенная бестактность, несмотря на мое открытое возмущение, поддержанное другими членами, была покрыта владыкой Филофеем. Это заставило меня заявить о моем выходе из состава Совета и покинуть заседание. Следом за мной вышел настоятель храма в Висбадене и, выражая благодарность за смелое выступление, сказал:

– Вы молодой, но не современный батюшка.

Часто посещали Благовещенский храм в Менхегофе, проповедуя и совершая в нем богослужения, владыки Нафанаил, Леонтий Парагвайский, Филофей, о. Стефан Ляшевский, о. М. Дикий, о. Александр Попов и другие.

Не было случая, чтобы УНРРА возразила против появления в лагере кого-либо из епископов или духовенства. Но вот, когда узнали о том, что лагерь посетит чудотворный образ Курско-Коренной в сопровождении Главы Русской Церкви за границей, УНРРА засуетилась.

Лично мне не было ничего сказано против, но вызвали милейшего М. Л. Ольгского и заявили, что Митропо-

литу Анастасию и сопровождающим его лицам не может быть предоставлено ни помещение, ни питание.

Сообщая об этом, М. Ольгский успокаивал меня:

– Не смущайтесь, все устроим без участия УНРРА.

Как указано в письме м. Анастасия, ожидаем его со святыней в четверг. Через два дня получаем телеграмму: м. Анастасий в Менхегофе не в четверг, а на следующий день – в пятницу. Подпись: о. Георгий Граббе.

Я обрадовался телеграмме: дается еще один день для подготовки, но эта радость была к великой скорби и тяжелому испытанию. В четверг после полудня спевка хора. После спевки хористы разбрелись кто по грибы в лесок, кто ягоды собирать. Я мечусь в подготовке лагеря к встрече святыни с Аввой. В храме лежит материал для сооружения у входа ворот, обвитых гирляндами, и вдруг...

Звучит колокол, слышу крики:

– Где же батюшка? Митрополит приехал...

Я растерялся, ведь завтра, в пятницу ожидаем его! Но автомобиль Митрополита уже стоит у дверей лагерьной кухни. Рядом с шофером сидит о. Георгий Граббе. Владыка сзади. Лицо его суровое.

– Это так вы встречаете Владычицу и Ее сопровождающего архипастыря?!... – громко и грозно, глядя на меня, сказал Владыка.

– Ваше Высокопреосвященство, простите, произошло недоразумение...

– Какое тут может быть недоразумение? – прервал меня архипастырь и, обратясь к шоферу Д. А. Потемкину, приказал продолжать путь в Колорадо.

Схватив Митрополита за руку, я взмолился:

– Ваше Высокопреосвященство, за что Вы хотите меня казнить, я обманут...

Отец Георгий сидит – ни слова, сидит, как мумия. Сжалился Авва, зашел в мою убогую квартиру. Матушка накрывает к чаю стол.

– Кто же ввел вас, батюшка, в заблуждение, кто и как мог обмануть вас?

– Владыка, я получил после Вашего письма телеграмму от о. Георгия: в ней он сообщил о том, что Ваше

Высокопреосвященство приезжает к нам не в четверг, а в пятницу, т. е. завтра.

– Покажите мне телеграмму.

Держа в руках телеграмму, Авва поглядывает, покачивая головой, на о. Г. Граббе, но тот так и остался «мумией» – лицо каменное, не проронил ни слова.

Отведав чайку, Владыка ласково сказал мне:

– Спасибо, батюшка, что Вы меня задержали, сейчас Вы совершите всенощную, а завтра встречайте меня к Литургии. После трапезы завтра сопровождаете меня в Колорадо.

Благословляя меня на пути из Колорадо в Мюнхен, сказал мне Владыка:

– Вас, батюшка, как пострадавшего, я в этом году навещу со святыней еще раз.

Старец-Митрополит сдержал свое слово. Дни пребывания в лагере святыни с Владыкой Аввой были днями особого духовного подъема, большой храм был переполнен не только за Литургией, но и за всенощными бдениями, которые с пением акафиста Пречистой продолжались всю ночь.

Несмотря на разношерстный состав жителей, лагерь Менхегоф представлял собой дружную христианскую семью. Об этом свидетельствует и письмо, присланное мне Митрополитом Анастасием в ответ на посланное ему приветствие ко дню 50-летия архипастырского служения:

«Достоуважаемый о. Протоиерей! Долгом считаю принести мою глубокую благодарность за присланное мне юбилейное приветствие Вам, другим членам причта Вашей церкви и всем другим, кто принял участие в составлении и художественном исполнении адреса-альбома Кассель-Менхегофского лагеря.

Меня глубоко трогают добрые чувства и благожелания, выраженные мне не только Комитетом по делам Российской эмиграции, Председателем лагерного Комитета и Начальником лагеря, учащими и учащимися гимназии имени Ломоносова и начальной школы, Разведчиками и Разведчицами Менхегофской Дружины, но и почтенными представителями Белорусского Комитета, Группы украинцев и Группы армян лагеря Менхегоф, украсившими

свои адреса изящными заставками, отразившими мотивы их национального искусства.

Радуюсь объединению всех этих разнообразных учреждений, лиц и общественных организаций, одушевленных общим христианским желанием оказать свое внимание мне как служителю Православной Церкви, от лица которой призываю на всех них благословение Божие.

Ваш усердный доброжелатель –
Митрополит АНАСТАСИЙ.
6/19 июня. Мюнхен»

Разные были в лагере люди, но всех объединял зов Христова апостола Павла – «несите тяготы друг друга и так исполните Закон Христов».

Среди бумаг обнаружил записку одной из учениц старшего матурантского класса нашей Ломоносовской гимназии: «26 февраля 1946 года. Урок Закона Божия. Вася Лукьянов затронул вопрос о подчинении сейчас Московскому Патриархату. Отец Митрофан говорит, что подчинения заграничной Русской Церкви Московскому Патриархату в настоящее время быть не может. Этот вопрос не актуален до тех пор, пока Российская Церковь не только находится под гнетом сатанинской власти, но и управляется негласно ЦК партии. Церковь станет свободной только с гибелью сатанинского аппарата власти, когда во всем народе и у власти вместо марксистского материализма двигателями их воли будут идеи христианского идеализма. Я совершенно согласна с таким пониманием обстановки. Два интересных лагеря убеждений: о. Митрофан и Ветлутин, идеалист и гнусный материалист. По-моему, государственному деятелю не так важно быть знатоком математики (Ветлутин), он должен быть истинным христианином, правильно понимающим его догматы, только тогда возможен правильный путь государственной жизни».

В первые месяцы пребывания в Менхегофе много времени проводил я в разъездах (Лемго, Ганновер, Бремен, Гамбург) в поисках тех, кто нуждался в помощи и защите. За эти поездки храню чувство глубокой благодарности б. руководству лагеря.

В Гамбурге познакомился с иеромонахом Виталием (Устиновым), вскоре – архимандритом, а ныне – Предстоятелем Заграничной Русской Православной Церкви, часто посещавшим наш лагерь для сбора провизии для нуждающихся в Английской зоне.

Отправляясь в поездку, остро переживал тяжелое душевное состояние Веры Вергун. Тяжело переживая трагическую кончину любимого мужа, эта чуткая душа, чувствуя себя одинокой, страдала от холода семейной обстановки.

Нельзя было одну ее оставлять, она нуждалась в добром слове, в сердечной доброте, в исходящей из сердца улыбке, разгоняющей мрак страдающей души.

Всегда выезжал я из лагеря в тревоге за этого душевно страдающего человека, прося других, чтобы не оставляли ее в одиночестве. И вот, в одну из поездок, ночуя в г. Лемго у пастора Орлова, ясно вижу во сне новую могилу на кладбище Менхегофа, у могилы стоящего о. Михаила Помазанского с кадилом. Возвращаюсь в лагерь и слышу: скорпостижно скончалась раба Божия Вера. Хоронил ее о. М. Помазанский. Иду на кладбище к могилке – эту, вот эту могилку и видал я во сне.

Моей радостью в Менхегофе была небольшая группа старообрядцев: многочисленная семья Куракина с сыном и зятьями, семья Дубровина и Черновых. Куракины – «беспоповцы», Дубровины и Черновы – «приемлющие священство».

Все они, и первые и вторые, регулярно посещали все богослужения, не пропуская ни одной Литургии, приходя в храм к самому началу богослужения. Это были и верные чада Церкви, и мои личные друзья. В начале 1948 года они поговаривали о необходимости Съезда старообрядцев с участием представителей Русской Церкви за границей. Созыв Съезда намечался в Германии в 1948–49 году. Не состоялся ввиду начавшегося быстрого расселения Ди-Пи в заокеанские страны.

В часы вечернего отдыха, а для многих уже и сна, совершал я обход лагеря, прислушиваясь к «его дыханию». Лишь один раз пришлось вторгнуться в одну из квартир спящего барака.

Услыхав душу раздирающий крик, вбежал я в барак, распахнул двери комнаты и вижу: на столе в слезах стоит, взывая о помощи, молодая красивая женщина, а пьяный муж наносит ей дубиной удары. Не заметил он, как я вошел. И когда поднял он дубину для следующего удара, я успел ее схватить... Увидав меня, опешил пьяный, и, придя в себя, пробормотал: заслужила стерва.

После соответствующего случаю краткого внушения, я с дубинкой в руках удалился в храм... На следующий день пришла пострадавшая с просьбой о разводе, а через две недели явилась с отказом от развода:

– Если бы не любил, то не бил бы. Бьет – значит любит.

Причины к избиению жены, как установил я, не было, а поводом к зверскому обращению с женой были подозрительность и ревность. Немало было в лагере красивых молодых интересных женщин. В большинстве это были скромные, собой не увлекающиеся девушки и молодые жены.

Но среди них оказалась красавица (такой она себя в зеркале видела), ей мерещилось, что все на нее заглядываются, на грех зовут.

Чтобы «избавиться от них», решила пожаловаться мужу, просит его защиты. Конечно, любящий супруг не мог не внять гласу жены своей. Как же он ограждал ее от воображаемых нападений-соблазнов? Придя с работы, он раздевался и без «фигового листка», в «костюме Адама» выходил к воображаемым соблазнителям своей жены и, потрясая в воздухе кулаками, приговаривал: только троньте, негодяи, я с вами расправлюсь...

Мирно и тихо протекала жизнь наша в благословенном Менхегофе, пока управление лагеря не перешло в руки западных демократов из УНРРА-ИРО. Лагерь стал быстро линять, началось его моральное разложение. В лагерь вселили большую группу поляков. Появилось воровство, начались дразги, борьба заявивших о своем существовании партий. Под дермо-кратическим управлением УНРРА-ИРО молниеносно изменилось лицо дружного трудолюбивого лагеря.

– Батюшка, Тимофей лежит больной, зайдите к нему, – с этой просьбой обратилась ко мне жена Тимофея Кривоше-ева Юлия.

Пошел я к больному. Удивило меня, что жена болящего не последовала за мною, удивило и то, что в громадном бараке царила гробовая тишина, ни звука, ни шороха, ни единой души. Лежит лишь один Тимофей в своей крошечной комнате.

На мои вопросы о его недомогании не отвечает, перебивает меня и спрашивает о моем натальном кресте, просит показать ему этот крест. Это был крест 300-летия Дома Романовых, его многие лагерники видели на мне при купании в бане. Расстегнув воротник подрясника и рубахи, я удовлетворил его любопытство – показал крест, вид которого вызвал в нем бешенство.

Схватив левой рукой крест, вскочив с постели, он заорал:
– Ах, это романовский!..

А когда крест был уже в его руках, он повалил меня на пол и, схватив топор, занес его надо мной... Но... топор очутился в четырех руках. И только когда я почувствовал, что теряю силы – не удержу топор в своих руках, когда пред глазами предстал образ из рассеченной головы текущей крови, понял я мое грозное положение, закричал:

– Помогите! Спасите!

На мой крик вбежала в комнату жена старообрядца Чернова. С криком бросилась она к Тимофею, вырвала из его рук топор и выбежала из комнаты. Обезоруженный Тимофей не оставил меня в покое: он начал меня, на полу лежащего, душить.

В момент, когда на зов Черновой сбежались люди, когда раздался громкий голос старика Кочетова, односельчанина Тимофея – «Тимофей, мерзавец, что ты делаешь?» – я уже хрипел.

Услышав знакомый голос почитаемого им старика, Тимофей растерялся, и в этот момент женщины спешно вынесли меня из его комнаты и доставили домой. А Тимофей?

Он с крестом в руке убежал в лес. Сразу было заявлено о происшедшем в «МР», но в военной полиции лишь спросили:

– Что, убит?

– Нет, не убит.

– О' кэй...

На этом и закончилось вмешательство «МР» – военной американской полиции.

Убежавший Тимофей был пойман и отправлен администрацией лагеря в лечебницу для душевнобольных. Там признали его душевно нормальным, и через пару дней он снова мирно зажил в лагере.

Что же случилось с бедным Тимофеем? Еще так недавно в Нидерзахсверфене пользовался он моими услугами, не раз обращался ко мне за советами, не раз мирил я его с женой Юлией. Описанный случай – это, несомненно, плод махровым цветом расцветшей в лагере УНРРА-ИРО «демократии», насажденной по американскому образцу: той демократии, от которой стонет вся здравомыслящая Америка.

В первых числах апреля 1947 года получил из Синодальной Канцелярии предложение принять в США должность разъездного миссионера. Послал согласие с данными о моей семье. В июне того же года получаю ответ: владыка Виталий «сообщает, что, к сожалению, не может выписать Вас в Америку, ибо ему трудно обеспечить содержание такой большой семье, как Ваша». Слава Богу, мое желание – остаться на приходе в Германии, о чем сразу и пишу Германскому Митрополиту Серафиму. Ответа нет.

В конце 1947 года пишет мне о. М. Помазанский: «...шлю Вам привет и самые лучшие пожелания, свидетельствую свое глубокое уважение к Вам, нелицеприятному православному пастырю, сильному и неутомимому борцу и защитнику своих духовных детей, и Ваш образ соединяю с приятными и теплыми воспоминаниями о Менхегофском нашем храме и о самом нашем лагере. У нас назначен на декабрь выезд группы в Марокко. С этой группой выезжает и наша Тата с Мишей и всеми своими родными (Рудко). Кто-то мне сказал, что и Вы последуете за ними на зов своей Менхегофской паствы»...

Этим «кто-то» был, несомненно, о. Георгий Граббе, Правитель Дел Синодальной Канцелярии... И мне сообщил он о том, что «Владыка Анастасий еще в апреле ме-

сяще 1947 года получил из Парижа от владыки Нафанаила письмо, в котором вл. Нафанаил просит о назначении Вас в Марокко».

От этого предложения я решительно отказался. 14 февраля 1948 года пишет мне: «В Марокко Вы более нужны, чем в любом другом месте. По сообщениям оттуда там продолжают хлопоты о вас. Но Вас каким-то образом опередили хлопоты об о. Александре Киселеве, которому якобы уже выслана виза. Однако он отказывается от отъезда в Марокко и этим наносит большой ущерб делу».

27 марта о. Г. Граббе снова пишет мне: «Владыка Митрополит очень желает, чтобы Вы скорее выехали в Марокко».

Ехать в Африку означало идти против интересов моей семьи. Снова делаю попытку остаться в Германии в роли разъездного священника с местожительством в Висбадене. В ответ получаю – молчание! В эти тяжелые дни прислали из США мне лично приглашение на должность настоятеля прихода в Вайнланде (штат Нью-Джерси). Что делать?

На этот вопрос помогли мне ответить три сновидения. Вижу во сне: вызывает меня Авва Анастасий и после беседы о положении Православной Церкви в наши дни благословляет меня на отбытие в Марокко.

Через несколько дней снова вижу Митрополита Анастасия, но уже в полном архиерейском облачении: он благословляет меня Святым Евангелием на апостольское служение. А в третий раз вижу во сне моего незабвенного Авву Митрополита Антония: с отеческой любовью встретив меня, он грозно говорит о послушании, вводит в зал заседаний Синода и усаживает меня рядом с одним из преосвященных.

Мог ли я проявить непослушание, имея эти свыше вразумления? Еду в Мюнхен к Митрополиту Анастасию лично сообщить о моем согласии принять назначение в Марокко. Внимательно выслушав меня, Владыка сказал:

– Я посылаю Вас только на три года. По истечении трех лет Вам будет предоставлено место по вашему жела-

нию и выбору. Не огорчайтесь, батюшка, тем, что Синод отклонил ходатайство о Вас Митрополита Серафима.

Смущенный словами Митрополита Анастасия, спрашиваю:

– В чем дело, Ваше Высокопреосвященство, какое ходатайство?

– Разве Вы не знаете о том, что о. М. Помазанский и Вы были представлены к награждению митрой?

– Верьте, Ваше Высокопреосвященство, ничего я об этом не знал...

От владыки Анастасия еду к лежавшему после операции в госпитале о. М. Помазанскому. И этот убежденный сединой добрый и смиренный, по возрасту мой старший собрат, извиняется:

– Чувствую себя неловко перед Вами, мы с Вами одного года рукоположения, я кабинетный работник, а Вы жизнь творите...

При этих словах о. Михаила я невольно опустилс^я пред болящим на колени и произнес:

– Вы, батюшка, смущаете меня, простите и благословите на новое в Африке послушание.

Через несколько дней получил от м. Серафима в копии «Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Преосвященному Серафиму, Митрополиту Берлинскому и Германскому.

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей 7/20 апреля 1948 г. с л у ш а л и: представление Вашего Преосвященства от 6/19 сего апреля за № 376 о награждении митрой протоиерея МИТРОФАНА ЗНОСКО за весьма плодотворную пастырско-миссионерскую деятельность.

Справка: 1. Представляемый протоиерей последнюю награду – золотой наперсный крест с украшениями – получил в 1943 году.

2. Протоиерей М. Зноско священствует только одиннадцать лет.

ПОСТАНОВИЛИ: Протоиерею МИТРОФАНУ ЗНОСКО за плодотворные пастырско-миссионерские труды его, засвидетельствованные Вашим Преосвященством, преподать благословение Архиерейского Си-

нода с грамотою, о чем уведомить Ваше Преосвященство указом с приложением грамоты. № 1501. 6/19 мая 1948 г. Мюнхен.

С подлинным верно: и. д. Секретаря Епархиального Управления (—) Игумен Георгий».

Не для наград, а для оправдания моей жизни я живу и тружусь, и все же не могу не отметить: и в данном случае слукавил «царедворец» о. Георгий Граббе – это был 13-й год моего служения Богу и страждущему Отечеству.

В эти тяжелые для меня и моей семьи дни получил от А. Ветрова (псевдоним, в прошлом – руководитель областной ячейки комсомола) его стихотворение «Христос Воскресе!»

*Течет река, бушует лес!
Поля торжественны весною!
И все поет ХРИСТОС ВОСКРЕС!
Над нашей Русскою страной.
Смотря на прелести Небес,
Я на чужбине повторяю,
Воистину Христос Воскрес!
И Вас целую поздравляю!
И Русь воскреснет, как Христос,
Покончив все с большевиками,
Порвет стальной марксистский трос
Своими сильными руками.
Свободы Русские певцы,
Гласите нашему народу,
Во все края, во все концы!
Христос России даст Свободу.*

К этому стихотворению его же приписка: «Может быть самой страшной стихия, если Бога отверг человек! Поэтому-то и стонет Россия – в море крови, сирот и калек».

Напутствуемый молитвой и добрым словом моих собратий во Христе и любимой паствой готовлюсь к отбытию в Марокко. Молебн. Слово о. Иосифа Гринкевича:

«Отец Митрофан! В час нашего прощанья хотелось бы говорить о многом, что недосказано за время нашего служения во славу Церкви. Но невольно мысль моя задерживается на главной истине, что единственная Сила, могущая удержать силу сатанинскую, есть Дух Святой, а Церковь является Его орудием на земле. Волею и Промыслом Божиим путь Вашего служения Святой Церкви от родных мест страждущей Родины через лагеря Германии лежит в далекое Марокко. В связи с этим для Вас настают два момента переживаний: чувство мучительной скорби прощанья, и второй – чувство трепетной радости при встрече с новой паствой. Ваше служение Церкви и нашему народу проходило на наших глазах. Посему по совести мы можем засвидетельствовать о том, с каким воодушевлением Вы исполняли многообразную церковно-приходскую работу во всех сферах лагерной жизни не только в дни спокойствия и радости, но и при всех тяжелых испытаниях, скорбях, невзгодах и несчастьях. Вся пастырская деятельность и отношения Ваши к людям являются сплошным Богослужением. Поистине Вы были всем – для всех. Каждый верующий изгнанник, кто молился в сем храме, кто получал от Вас и чрез Вас материальную помощь и моральную поддержку, сохранит о Вас добрую память.

Одновременно с сим уместно будет отметить, что путь Вашего служения народу не всегда был усыпан розами, а часто шипы этих роз уязвляли Ваше сердце. Да, таков путь всех истинных служителей Церкви Христовой, кто не смотрит «туда и сюда», кем не управляет чувство страха пред гневом человеческим и желание заслужить человеческое благоволение. Псалмопевец говорит: *Гнев человеческий обратится в славу тебе* (Пс. 75, 11). Какое значение имеет гнев или расположение для того, кто облечен силою свыше на совершение подвига. Бог устами пророка Моисея утешает нас: *Я прослаблю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены* (1 Цар. 2, 30). Нам же Господь наказует: *Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся, ибо Господь Бог твой везде, куда ты ни пойдешь* (Нав. 1, 3). Исполненный долг делания в виноград-

нике Христовом пусть будет для Вас чувством радости в дни скорбной нашей жизни. Наше искреннее желание и молитвенная просьба к Богу есть и будет о том, чтобы Господь Бог дал Вам крепость сил, терпение и мужество и впредь твердою рукою держать святой крест – красоту Церкви, а демонов язву. Об одном просим Вас: не забывайте нас в своих молитвах. Нами же всегда будет возноситься молитва в сем храме и на новых местах рассеяния о благополучии Вашем и возвращении в родной Брест. За всю Вашу самоотверженную работу во благо Церкви и жителей лагеря Менхегоф выражаем Вам великое русское спаси Бог».

О. Митрофану

(под влиянием последней Вашей проповеди
в менхегофском храме)

На прощанье:

*Здесь ненависть лукавая бродила,
И слабый дух людской во след за ней.
Но да исправится молитва, как кадило,
Да осенит Господь движенье дней.*

*Да будет правый путь в Его деснице.
Клейми порок и злобу обличи.
Храни в душе земные наши лица
И смертных сих – к бессмертию ключи.*

Александр Неймирок

О. Митрофану

*Есть в слове «расставанье» пустота:
Заплеванность тоскующих вокзалов,
Дорожных встреч скупая суета
И гулкое «Счастливый путь!» бокалов.*

*Есть в слове «расставанье» красота:
«Присядем же», «ну, с Богом!», «до свиданья!»
– А иногда – немая полнота:
«Прощай!» – и глаз невидящих рыданье...*

Мы не хотим сказать тебе «Прощай!»

*– «Увидимся!» – о, пусть оно избито,
Но слов привычных радость не забыта:
«Увидимся мы дома... Приезжай!...»*

22 августа 1948 года.

Борис Филистинский (Филиппов)

На вокзале трогательные слова своего стихотворения вручил мне и кузнец Иван Кондаков:

*Уезжаешь от нас, дорогой наш отец,
Где провел среди нас эти годы,
Среди горя, тоски по земле родной
Все страдали мы вместе с тобой...
Не забудем тебя, как родного отца...*

Глава XVII Северная Африка. Марокко

*«Вот Я повелеваю тебе: будь тверд
и мужествен, не страшись и не ужасайся,
ибо Господь Бог твой везде, куда ты ни пойдешь»
(Нав. 1, 3)*

Православная русская община в Марокко, объединившая всех церковно настроенных православных соотечественников, составила из русских людей, исшедших из Родной Земли во время великой смуты 1917 года и прибывших, по воле Божией, одновременно в Марокко частями и в одиночку.

В 1920 году, вскоре после оставления Крыма частями Русской Армии, около 15.000 русских воинов, поступив в Иностранный Легион Франции, приняли в его рядах участие в замирении Марокко, проявив много русской доблести, оросив своею кровию марокканскую землю, оставив много русских могил на воинских кладбищах Марокко, в пустынях Сахары и горах Атласа. Некоторые русские ле-

гионеры, оставшись в Марокко после отслуженного срока, вошли в состав Русской Православной общины.

В 1921 году маршал Лиотэ, Президент Марокко, очень ценивший русских, выписывает из Бизерты для ведения подготовительных работ по устройству страны русских специалистов: инженеров, механиков, геометров и т. д. Вскоре прибывает в Марокко целая плеяда русских инженеров-горняков и геологов для изучения и разработки природных богатств Марокко.

С этого времени не прекращается приток в Марокко русских людей разнообразных профессий, вкрапливающихся группами и в одиночку в чуждые арабо-еврейскую и романскую массы (французы, испанцы, итальянцы и португальцы).

Во всех отраслях жизни страны – промышленной, культурной и даже административной – приняли наши соотечественники участие, часто достигая высоких постов в административном аппарате управления страной, поднимаясь иногда до степени мировой известности, полагая в то же время начало православно-русской церковной общине.

Русских можно было видеть на постах директора порта, заместителя министра финансов, директора Топографического отделения при Министерстве Земледелия, директора Отделения общественных работ в разных городах.

Наличие среди прибывших в Марокко соотечественников культурных сил, а, следовательно, и духовных возможностей, и, с другой стороны, заинтересованность в них со стороны маршала Лиотэ и исключительно благожелательное отношение к русским туземного населения в лице арабской интеллигенции открывали широкие возможности к созданию и процветанию в марокканской части русского рассеяния церковно-общественного очага.

* * *

В 1926 году небольшая группа русских православных г. Рабата, по почину А. Ф. Стефановского, основала

общество под названием «Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко», в состав которого вошли почти все православные соотечественники, разбросанные в Марокко.

Через год своего существования общество обладало достаточной суммой денег, чтобы достигнуть первой намеченной цели – получения священника. До прибытия в Марокко русского священника главнейшие требы исполняли греческий батюшка из Казабланки и некоторое время – до его удаления из Легиона – протоиерей Г. Ломако, бывший священник французского Иностранного Легиона.

В 1927 году приезжает в Марокко иеромонах о. Варсонофий (Толстухин), валаамец, назначенный на должность настоятеля прихода Митрополитом Евлогием. Анализы истории русской колонии содержат следующее повествование: вскоре после появления в Марокко православного русского священника явилась к нему делегация от берберов, приветствовавшая в лице русского православного священника представителя того христианства, которое, как сказали они, исповедали их предки, о чем сохраняется у них предание.

Берберы – это горное племя, разбросанное по всему юго-востоку Марокко, это исторические хозяева страны, покоренные арабами – племенем, ныне страной управляющим.

Под энергичным руководством о. Варсонофия, радостно встреченным русскими людьми, начинает развиваться жизнь Русской Православной Церкви в этой стране, сосредоточившись, главным образом, в Рабате, где богослужения в течение нескольких лет совершались в одном из деревянных барачков муниципалитета, в центре города.

Для осуществления второй цели – построения русского православного храма – общество, уже принявшее церковно-приходское оформление, деятельно собирает средства.

Задачу эту очень облегчает то обстоятельство, что в 1929 году араб-мусульманин Джибли из Рабата, женатый на православной русской, в благодарность за молитвен-

ную помощь, оказанную ему о. Варсонофием во время его тяжелой болезни, закончившейся выздоровлением, дарит о. Варсонофию для постройки храма в Рабате участок земли на окраине тогдашнего Рабата, Баб-Тэмара, оформив свой дар фиктивной купчей крепостью на сумму один франк.

При поддержке всего русского Зарубежья на собранные деньги создается благолепный храм (по проекту архитектора Непомнящего и при содействии В. Игнатьева и Ермоленко), венчанный куполом в марокканском стиле с трехраменным Крестом, и позднее, в 1931 году – колокольной, сооруженной на средства А. Ф. Стефановского, избранного старостой храма с предоставлением ему права постоянного жительства в церковном доме.

С участием о. Варсофония в г. Казабланка, втором центре жизни русских в Марокко, возникает домовая церковь и «Русский Клуб», собираясь в котором, русские люди могли получить тарелку горячего русского борща с горячими пирожками, прочитать русскую газету или журнал, поиграть в шахматы, поделиться мыслями на злобу дня.

В Рабате, также при содействии церкви, возникает еще одна русская организация – «Русская библиотека», получившая свой устав. Возглавляемый князем Долгоруким РОВСоюз устраивает ежегодные пышные балы, привлекавшие внимание лучшей части французского общества; барон В. В. Штейнгель разъезжает по местам рассеяния русских со своим цыганским ансамблем, имевшим большой успех среди всего европейского населения страны.

Богослужения в Казабланке (два раза в месяц), где в те годы находилась немногочисленная группа русских, совершались сначала на частных квартирах прихожан, в протестантском храме, затем – в помещении «Русского Клуба» и, наконец, в помещении на бульваре Лорен, снятом совместно с Отделом РОВСа.

В деле устройства церкви в Казабланке потрудились Д. Шкот, Л. Фрибес, кн. В. В. Урусова со своей дочерью В. В. Подчертковой, П. Н. Коларович и проф. д-р И. П. Алексинский с С. И. Рыженковым.

Для богослужений в Курибге, где находилась в то время значительная группа русских на разработках фосфата, был оборудован под храм барак с иконостасом, куполом и комнатой для священника. В 1933 году Митрополит Евлогий освятил новосооруженный храм в Рабате, а также временные храмы в Казабланке и в Курибге, возведя иеромонаха Варсонофия в сан архимандрита.

По отзывам старожилов, год освящения храма в Рабате был годом самого яркого цветения церковно-приходской жизни в Марокко.

В помощь архим. Варсонофию были назначаемы – иеромонах Авраамий, иеромонах Александр и, наконец, священник Михаил Ярославцев, принявший монашество с именем Митрофан, поочередно обслуживавшие храмы в Казабланке и Курибге, имея местом жительства дом при храме в Рабате.

Благодаря своей энергии и добросердечности о. Варсонофий быстро приобрел любовь своей паствы, уважение среди инославного населения в Рабате и признание со стороны гражданских властей. И все же, в то время, когда церковное тело в Марокко было единым, церковный мир не раз нарушался попытками лиц, обураваемых честолюбием и стремлением к властвованию в церковной ограде, желавших подчинить своему влиянию нормальное течение приходской жизни, что нашло отражение и в резолюции общего приходского собрания, состоявшегося 5 декабря 1937 года, предложенной о. Варсонофием:

«Общее собрание осуждает небольшую группу безответственных лиц, продолжающих вносить своим недостойным поведением раздор и беспокойство в тесную среду православия в Марокко и тем самым вольно или невольно пособствующих врагам Церкви и русской эмиграции».

Осложнения обычно устранялись содействием, по просьбе о. Варсонофия, князя А. Н. Долгорукого. Протокол заседания приходского совета в Казабланке от 4 апреля 1943 года отмечает кончину иеромонаха Александра (Тюменева), похороненного на христианском кладбище в Казабланке, а протокол того же Совета от 26 марта

1944 года отмечает избрание на должность церковного старосты адмирала А. И. Русина.

Более серьезные разногласия в обществе «Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко» начались в 1945 году, после окончания Второй Мировой войны, при первых слухах о желании настоятеля архим. Варсонофия подчинить приход Московскому Патриарху, в чем он был поддержан всеми просоветски настроенными членами его прихода, негласно возглавленными председателем местной масонской ложи, он же и вице-директор Отдела Финансов при Резиденции, Б. Малковым, особенно же теми, кто вместе с отцами взял советские паспорта. Можно определить, что раскол в приходе наметился в 1946 году. Церковный староста храма в Казабланке, адмирал А. И. Русин, в своем письме на имя о. Варсонофия от 17.1.1948 года, писал: «Никакого контроля или каких-либо указаний ни Вы, ни так называемая Вами администрация осуществлять на церковные дела и на имущество храма в Казабланке не можете после 16-го декабря 1946 года. С этого момента Вы ушли от нас, прихожан в Казабланке».

Информация № 3 «Объединения уроженцев СССР в Марокко» от 18 января 1947 года свидетельствует: «Временное правление с глубоким сожалением прислушивается к некоторым разногласиям, появившимся в последнее время среди прихожан по вопросу признания юрисдикции Московского Патриарха».

Приходское собрание в Казабланке 30 января 1947 года проходит уже без участия духовенства. Последняя запись протокола заседания правления Казабланского отдела «Православной Церкви и Русского Очага в Марокко» относится к 23 декабря 1947 года.

Но в то время, когда в русском Марокко определился среди небольшой группы верующих соблазн отказа во имя призрачного «воссоединения с Матерью Церковью» от церковной свободы, промыслительно дарованной Господом русским зарубежникам, в германских лагерях русского рассеяния образовались группы, выразившие желание переселиться на жительство в Марокко и как бы предназначенных Господом свидетельствовать в этой

стране о невыносимых ужасах жизни в порабощенной марксовым интернационалом России, о рабском положении там Матери-Церкви.

В течение 1947 года из лагерей Шлейсгейм и Менхегоф прибыли в Марокко две многочисленные группы, осевшие преимущественно в самой Казабланке и ее пригороде – Бурназеле.

На Общем годовом собрании членов «Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко», намеченном на февраль 1948 года, должен был окончательно решиться вопрос – кому перейдет право собственности на храм в Рабате: останется ли он за группой белых, этот храм строивших, или перейдет в руки советских патриотов.

2 декабря 1947 года группа новоприбывших русских людей – около 300 человек – подали на имя адмирала Русина как официального представителя в Казабланке общества-прихода «Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко» прошение о зачислении их в число членов этой организации, т. е. о принятии их в приход.

Организация «Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко» насчитывала в это время до 200 членов, из коих часть была против подчинения прихода подъяремному Патриарху Алексию, и появление на Общем Собрании в феврале 1948 года двух или трех сот новых членов, конечно, решило бы канонический вопрос и вопрос имущественный в пользу Белой части Русской Колонии.

Увы, русские старожилы то ли по недоумию, то ли под влиянием провокаторов отказали тремстам верующим, прибывшим из Германии, в принятии их в приход.

На проходившем в Рабате в феврале 1948 года Общем годовом собрании под председательством Малкова «белые» оказались в меньшинстве. В марте 1948 года Казабланский отдел «Православной Церкви и Русского Очага в Марокко» вместо старого устава как фундамента для возможного восстановления нарушенного с принятием новых членов единства церковной жизни принимает, также по недоумию, новый устав – «Общество и Православная Церковь в Казабланке» – и тем окончательно закрепляет разделение Русской колонии в Марокко.

Еще в 1946 году начатые Казабланским отделом хлопоты о получении священника из Парижа успехом не увенчались, и Митрополит Владимир счел единственным выходом для разрешения марокканского церковного тупика преподать княгине В. В. Урусовой совет обратиться к Митрополиту Анастасию, чем выявил перед пасомыми свое любовное отношение к Первоиерарху Русской Церкви за границей и свое беспристрастное отношение ко всей марокканской русской общине, передавая Марокко в ведение Синода Русской Зарубежной Церкви.

Глава XVIII

Церковно-общественная жизнь в Марокко

*«Хвалу и клевету приемли равнодушно
и не оспаривай глупца»
(А. Пушкин)*

Так как намеченный поначалу владыкой Нафанаилом к назначению в Марокко протопресвитер о. А. Шабашев лишен был возможности поселиться в Марокко, а прот. А. Киселев, получивший в частном порядке визу для приезда в Марокко, вскоре от визы отказался ввиду полученной возможности переезда его в Америку, где он ушел из подчинения Синоду Русской Зарубежной Церкви, начались со стороны Синода спешные хлопоты о визе в Марокко для моей семьи.

Тут и начались происки темных сил. Из писем, получаемых мной из Марокко, было видно, что неведомые силы, видимо, заинтересованные в полном разброде церковной жизни в Марокко, употребляли все средства к тому, чтобы помешать приезду священника в эту страну – вплоть до таинственного исчезновения в делах ИРО в Казабланке папки с моими документами и до злостной клеветы, пущенной в Марокко в дни ожидания моего приезда.

Невзирая на это, мои бывшие прихожане по Менхегофу как бы готовили почву к моему приезду: в целях удовлетворения молитвенной потребности русских лю-

дей в Казабланке и в Бурназеле устраивали каждое воскресенье в Казабланской домово́й церкви молитвословия, пели изобразительные и акафисты. Акафисты читал бывший воспитанник духовной семинарии инженер В. И. Травлеев, пел хор Е. И. Евец.

В первые дни Рождества Христова 1948 года Е. И. Евец посетил с хором дома в Казабланке и в Бурназеле с пением рождественских колядок, а пасхальную заутреню пел в греческом храме Казабланки.

Наконец, 2 сентября 1948 года, преодолев последние испытания на пути в Марокко, состоявшие в том, что накануне посадки на пароход исчезли в бюро транзитного лагеря в Мюнхене мои проездные документы, найденные только благодаря вмешательству самого директора по набору рабочих, я прибыл в Казабланку.

Встреченный в порту церковным старостой адмиралом А. И. Русиным с Д. Н. Федченко, М. П. Косенко и М. В. Геккером, отправился в Казабланский храм.

Было обеденное время, но в храме собралось много народа, пришедшего приветствовать прибывшего священника.

Старец-адмирал А. И. Русин вручил мне у входа в храм ключи и хлеб-соль. После моего приветственного слова и благодарственного молебна с участием, в полном составе, хора Е. И. Евец отвезли меня с моей семьей в приготовленную скромную квартиру в Бурназеле.

Унылую картину являл в то время Бурназель, в котором жило свыше 200 человек православных. Ни одного деревца... Угрюмо молчали приземистые каменные грязновато-серые бараки бывшего американского лагеря. За ними начинались волнистые арабские поля.

Встреченный двумя-тремя случайно появившимися женщинами, долго стоял я под бараком, в котором моей семье было отведено более чем скромное помещение, после ряда осложнений предоставленное мне, по настоянию М. М. Колтовского, землемерной фирмой «СоМЭП». Невеселые чувства теснились в сердце моем...

Нужно было, не откладывая, начинать работу: богослужения в Казабланке, визиты к гражданским властям, посещение прихожан (прежде всего) старожилов, посе-

щение групп в провинции, занятия с детьми, подготовка к общему организационному собранию.

На четверг второй недели моего пребывания в Марокко назначил я встречу со школьниками в храме Казабланки. Встреча не состоялась; не совершил в тот четверг, как предполагал, и Литургию.

Приехал вечером в храм, продумал беседу для встречи с учащимися, помолился и улегся спать в прилегающей (вместе с крошечной кухней и уборной) к храму комнате. День был невыносимо жаркий, ночь душная.

Около четырех часов утра вышел я, «в чем мать родила», в уборную, захлопнул дверь, оставив, по рассеянности, ключ от уборной в двери со стороны кухни, и не мог я из нее выбраться. Измаялся, напрягая силы открыть дверь без ключа или ее взломать. Осталась одна возможность: пролезть через миниатюрное окно в уборной, которое выходило на винтовую лестницу дома, ведущую к этажам гостиницы.

Перекрестившись, с трудом протиснулся через окошечко уборной, очутился на винтовой лестнице, сошел вниз, во двор. В храм войти не могу – нет со мной ключей от храма. Что же делать? На дворе еще темно.

Побежать к адмиралу или к княгине? – такова была начальная мысль, они жили в двух-трех кварталах от храма. Но что подумают они и скажут при виде у дверей их квартиры стоящего нагим новоприбывшего батюшку? Какая молва обо мне пойдет в русскую колонию?! Нет, это невозможно!

Думаю, в подвале дома – благо, он открыт – наверное найду лестницу... и направился в подвал. И, о ужас! – я споткнулся и упал на что-то теплое... Поднялся и вижу перед собою высокую арабку в белом.

«В четыре глаза» уставилась она на меня, я что-то ей лепечу... она медленно, медленно наступает на меня и... скрылась за воротами дома.

Ну, пропал, братец, сейчас приведет незнакомка свою арабов и конец тебе – избыют и не миновать тебе «решетки». Вот возрадуются враги Церкви и недруги твои... Что делать?

Я в жизни был неспособен взобраться на дерево, а тут вижу – нет иного выхода, как лезть по водосточной трубе к кухонному окну. Окно моей кухоньки, к счастью оставленное мною на ночь открытым, глядя со двора, было на уровне третьего этажа.

Снова осенив себя крестным знамением, полез я по трубе, достиг окна, влез в кухню и поспешил прикрыть ставни. Не успел отойти от кухонного окна, как услышал во дворе шум-говор: это моя незнакомка вошла во двор дома с толпой арабов, она указывает им на окно кухни, кричит «марабу, марабу» с протянутыми в мою сторону кулаками.

Вся толпа подошла затем к парадному входу в храм, и с грозными выкрикиваниями «марабу» трясли массивную дверь... На весь этот день оказался я «под домашним арестом» и благодарил Бога за то, что сдержал Он родителей и учащихся от встречи в этот день с батюшкой: никто из них не пришел! Принял я пережитое как указание свыше на то, что труден будет путь мой в этой стране, труден особенно в заботах и трудах с молодежью. Так оно и было, о чем речь впереди.

Занятия с детьми по Закону Божию начал я в Бурназеле с середины сентября. На эти занятия приезжали и дети из Казабланки. В сентябре посетил в сопровождении адмирала А. И. Русина представителей французских властей в Рабате и в Казабланке, встретив у них внимательное и любезное отношение, посетил Сиди-Маруф и дома почти всех старожилов в Казабланке, всюду был встречен радостно с обещанием поддержки.

Оригинальной была встреча священника лишь в доме бывшего морского офицера М. К-ва: введя меня с регентом в гостиную комнату и усадив в мягких креслах, горе вознеся руку свою, он торжественно изрек:

– Подумайте, батюшка, до каких счастливых дней дожили Вы! Раньше в доме моих родителей Вас бы не пустили дальше кухни, а вот я принимаю Вас в гостиной...

Благодаря жертвенности и отзывчивости Е. И. Евец и частично И. Ф. Ярошука, к концу ноября 1948 года мне удалось не только посетить русских людей в (1) Федале, (2) Сеттате, (3) Сиди-Яя, (4) Имфуте, (5) Марракеше, (6)

Даурате, (7) Рабате, (8) Устиновке, (9) Фезе, (10) Мэкнезе, (11) Порт-Лиотэ, но и совершить во многих местах вечернюю службу и Литургию.

Принятый 22.III.1948 года Устав «Общество и Православная Церковь в Казабланке» никак не был для меня приемлем ввиду того, что настоятель, по своей должности являющийся Председателем приходского совета, по этому Уставу стал случайным для прихода (для «общества») лицом, приглашаемым правлением общества для совершения богослужений, а сам приход – какой-то светской организацией.

Этот Устав был подписан членами Правления Общества: адмиралом А. И. Русиным, председателем местного Отдела РОВСа полк. А. А. Подчертковым, кн. В. В. Урусовой и П. Н. Коларовичем. Все это прекрасные верующие, церковные люди, но совершенно несведущие в церковных правилах и законах.

На этом Уставе я никак не мог создавать или обновлять церковную жизнь, нужен был новый нормальный приходский Устав. Когда я пришел к старосте-адмиралу, заговорил о том, что их Устав с прибытием настоятеля неприменим и должен быть заменен Уставом, отвечающим требованиям не только гражданских властей, но и, прежде всего, законам и требованиям Церкви, и предложил его вниманию первую часть подготовляемого мной Устава, адмирал, возвысив голос, резко меня оборвал и заявил:

– Никакого нового Устава мы не допустим...

Понадобилась «водичка», чтобы залить вспыхнувший огонь. Я спокойно встал, извинился в том, что позволил себе расстроить старца, и ушел, оставив на его письменном столе набросок нового Устава.

Через несколько дней, при следующем посещении адмирала, оставил на том же столе 2-ю и следующую части с запиской: «Глубокопочтимому старосте адмиралу А. И. Русину для ознакомления». Таким образом староста-адмирал получил возможность в спокойной домашней обстановке ознакомиться с полным текстом Устава, который готовил я к общему собранию как базу для создания «Общины и Русской Православной Церкви в Марокко», а не в Казабланке.

28 ноября 1948 года состоялось общее собрание. К этому дню община насчитывала свыше 500 зарегистрированных членов. Радовался дух мой, когда услышал я письменное заявление членов Правления «Общества и Православной Русской Церкви в Казабланке», оглашенное от имени адмирала благороднейшим П. Н. Коларовичем:

«В момент, когда перед представителями русской колонии г. Казабланки, оставшимися верными свободной Русской Православной Церкви, явилась настоятельная и спешная необходимость отстоять местный храм от той части прихода, которая во главе с двумя священнослужителями перешла в подчинение Московской Патриархии, было произведено преобразование церковно-приходского общества. Устав этого общества, составленный с помощью французского адвоката и необходимый для официальной регистрации и подтверждения прав легального существования, носил чисто временный характер, впредь до приезда священника и созыва общего собрания прихода. Столь же временный характер носило и распределение функций между членами инициативной группы во главе со старостой адмиралом Русиным. Ныне, по приезде о. Митрофана Зноско-Боровского и после прибытия в Марокко очень многих новых русских, образовавших вместе с православными старожилами новый многочисленный церковный приход, прежний Устав, сыгравший в свое время очень важную роль, теряет свое значение. Он должен уступить место тому Уставу, который представляется ныне на одобрение общего собрания. Все члены церковной общины приглашаются принятием этого Устава облегчить о. Митрофану проведение его в жизнь для установления обновленной церкви в Марокко на прочном православном фундаменте».

Так «Общество и Православная Церковь в Казабланке» получило на собрании 28.XI.1948 года новое правовое основание и окончательную форму своего наименования – «ОБЩИНА и ПРАВОСЛАВНАЯ РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В МАРОККО».

Выбранными в новое правление общины были: адмирал А. И. Русин – староста, он же и заместитель Пред-

седателя общины, выступающий перед гражданскими властями по вопросам административного характера, инж. А. Я. Дудышкин – казначей, действительными членами: кн. В. В. Урусова, С. В. Тихомиров, он же и помощник старосты, И. Г. Берхман, и кандидатами: Т. И. Сикорский и Л. В. Смирнова.

Общее собрание вместо 12.000 (месячное жалование чернорабочего араба), выплачиваемых прежним правлением «Общества и Православной Русской Церкви в Казабланке», определило месячное жалование настоятелю общины в 45.000 франков, а регенту-псаломщику Е. И. Евец 38.000 франков.

Ввиду угрозы потери помещения, занимаемого под храм в Казабланке, подал я мысль о приобретении в Казабланке участка земли и сооружения на нем храма, для чего каждая семья в течение полугода должна вносить в «Строительный Фонд» по 1.000 франков ежемесячно. Предложение не было принято собранием.

В ноябре получил в письменной форме от Патриарха Христофора через его представителя в Северной Африке – архимандрита Димитрия – запрет совершать на территории Александрийского Патриархата Литургию без его специального на то благословения. Ответил Святейшему Христофору рапортом, что:

- 1) принимаю Указ к сведению,
- 2) но так как я являюсь клириком Русской Церкви за границей, к исполнению обязывают меня только Указы и распоряжения, исходящие от Первосвятителя Русской Церкви за границей, т. е. от Митрополита Анастасия,
- 3) посему сыновне прошу Святейшего Патриарха всея Африки Христофора, имя которого всегда мною возносится за богослужениями, по вопросу моего служения в Северной Африке снестись с моим Аввой м. Анастасием.

Явился я лично к архим. Димитрию, вручил мой рапорт на французском языке, и он, бегло его просмотрев, обнял меня и сказал:

– Вот это то, что нужно. Спаси тебя Христос – мы с тобой братья во Христе.

И действительно, мы быстро духовно сблизились. Старец архимандрит встречал меня в своих покоях не только с радушием, но и с почетом – как представителя Митрополита Анастасия и, уезжая дважды в год в Грецию на отдых, поручал мне свой приход. В его храме совершал я с нашим хором Литургию в воскресные дни, крестил детей его прихожан и венчал моих прихожан.

После общего собрания и утверждения властями нового Устава жизнь старой общественной организации окончательно замирает. Дух жизни переходит в новый организм – «Общины и Русской Православной Церкви в Марокко». Община и Церковь, как бы два организма – русская колония и церковь (приход) – сливаются в этом Уставе в единое целое для нераздельной согласованной жизни и работы.

Кроме домово́й (с прилегающей к ней комнатой) Свято-Успенской церкви в Казабланке, с января 1949 года община уже располагает прекрасно, любовью и трудами М. М. Колтовского и иконописца М. П. Косенко оборудованным в одном из барakov Бурназеля Свято-Троицким храмом и домово́й церковью в г. Марракеше, живописном городе на юго-востоке Марокко. В этом городе в течение всего года как бы чувствуется радость Пасхи: расположенный на фоне снегом покрытых гор Атласа, город всегда полон солнца, зелени и аромата... Там, где-то далеко, холод жизни, умирание, а ты весь в объятиях радости вечной весны...

В этом городе нашли приют до 60-ти человек русских, работавших чиновниками в учреждениях.

В 20 пунктах Марокко рассеялись наши русские соотечественники. От Ужды, крайнего города на севере Марокко, до Сахары. Все они были вполне прилично устроены, а многие и очень хорошо. Все чувствовали, что есть у них духовный центр, все были собраны в одну русско-православную семью.

И это чувство плеча, чувство единой семьи, поддерживалось перепиской настоятеля общины с разбросанными по стране соотечественниками, издаваемым им приходским листком, рассылкой им же во все места рассеяния к

Пасхе освященных яиц с пасхальным приветствием и посещением, для говения, к Рождеству и Пасхе.

Только в первые два месяца моего служения в Марокко мог я совершать поездки в сопровождении регента-псаломщика. Касса общины еще не была в состоянии нести этот добавочный расход. Во многих местах приходилось мне самому служить, и петь, и читать не только всенощные, часы и изобразительные, но и Литургии Иоанна Златоуста и Преждеосвященных Даров, в одном лице совмещая и служащего и поющего.

Все тайные молитвы Литургии читал я вслух, отчетливо и громко произнося слова молитв, вовлекая таким образом всех присутствующих к участию в богослужении.

Для своей собственной семьи оставалось максимум десять дней в месяц. Приедешь к воскресенью домой, совершишь в Казабланке или Бурназеле Литургию, а в понедельник снова – в арабский «душистый» автобус и дальше в путь-дороженьку...

С прибытием в ноябре 1950 года помощника в лице почтеннейшего прот. Григория Баранникова, пастыря духовно глубокого, человека с живой совестью, добрейшего и тишайшего, в Рабате организуется наша уютная домовая церковь, с 1953 года при доме-вилле, предоставленной в бесплатное пользование общине русским человеком, официально в состав нашего прихода не входившим в силу, как сам он сказал, его (конечно, мнимого) «атеизма» – жизнь группы «советских патриотов» в Рабате и во всем Марокко окончательно сошла к нулю в смысле работы церковной и общественной.

Первое общее собрание прихожан в Рабате было проведено в январе 1951 года. Собрание открыл настоятель общины следующими словами:

«Волной сатанинского безбожия за пределы своего Отечества выброшенные русские люди, унесли с собою за рубежи Родины верность традициям Святой Руси, чувство духовного единства со страждущей Матерью Церковью и ее верными чадами, готовность всегда и во всем стоять в борьбе за веру, за те духовные ценности, которые создали культуру нашего народа и земле нашей

дали великое священное имя – Святая Русь, Дом Пресвятой Богородицы.

Эта любовь ко Святой Церкви, к Святой Руси и была источником возникновения по всему миру православных храмов и русских приходов при них. Именно эта духовная основа нашей эмиграции и в Марокко явилась причиной возникновения в этой стране в 20-х годах православного русского прихода с храмом в Рабате.

Приход этот – “Православная Церковь и Русский Очаг в Марокко” – являлся центром, объединявшим всех русских православных эмигрантов и православных французов этой страны, будучи хранителем в их среде Православия и традиций Святой Руси. Однако, в годы 1944–45, когда “отец лжи” уловил многих в свои сети, и наш православный русский приход в Марокко, в небольшой своей части, не устоял перед соблазном и в приходе началось разделение.

Трагедия этого разделения состоит в том, что духовные руководители прихода, нарушив принцип соборности, отделились от большинства своей паствы и, злоупотребляя пастырским авторитетом, повели за собой меньшинство, среди которого находилось много людей нецерковных, уже давно своим образом жизни и рассуждениями о Христе и Церкви отсекших себя от Тела Церкви Христовой.

Большинство же паствы, устроителей и создателей церковноприходской жизни в Марокко, оставшись без пастыря, решили неуклонно сохранять верность духовным ценностям Святой Руси, верность велениям святого Патриарха Тихона в деле устройства церковной жизни за рубежами России. Они подвергли тщательному пересмотру прежний юридический Устав прихода и выписали нового священника. Этими актами Православная Церковь в Марокко, созданная в 20-х годах, приняв в свои ряды новую православно-русскую волну эмигрантов, вернулась на тот путь своей внутренней жизни, на который была поставлена при своем возникновении.

Особенность Устава, обновленного на общем соборании 1948 года в Казабланке – это принцип соборности. Жизнь священника нераздельна от жизни паствы. И

паства, всегда оставаясь в тесной связи со своим пастырем как проводником божественной благодати, их просвещающей и оживотворяющей, объединяется вместе с пастырем в одно церковное тело.

Нарушение этого принципа пастырем освобождает паству от послушания ему, ибо сам пастырь отсекает себя этим от Церкви; нарушение же этого принципа прихожанином отсекает его от Церкви, от прихода: он перестает быть прихожанином, братом всех верующих, и становится для них, «как язычник и мытарь».

Из всего сказанного ясна и цель нашей общины и средства к достижению этой цели. Но цель наша может быть достигнута лишь чрез восстановление полного единства всех православных русских людей во Христе в служении всех делу возрождения Святой Руси. Единства нет, и мы не перестаем скорбеть об этом и молиться о тех, кто это единство нарушил. Да объединит всех нас Господь в Правде и в Любви».

Разделение русской колонии в Марокко коснулось не только старожилов. Не оказалось единства и в новопривывшей в Марокко массе русских, фактически – между «вожаками» групп из Шлейсгейма и Менхегофа.

Вернувшись вечером 8 ноября 1948 года из дальней пастырской поездки, узнаю о том, что вместо единого собрания 7 ноября «День Непримируемости» был отмечен как бы «келейно», двумя непримиримыми группами в тот же день, но в разные часы. Позор. Чтобы не допустить в будущем подобного позора, предложил я Совету общины, начиная с 1949 года, принять на себя устройство и проведение собраний в день 7 ноября, а также устройство и проведение «Дня Русской Культуры», Пушкинского юбилея, театральных постановок и проч.

Для этой цели был мной введен в состав Совета общины Иван Николаевич Ростовцев, вдумчивый суровый опытный организатор собраний, концертов и театральных постановок, человек, чуждый политиканства. Все это проводилось не только с целью оживить русскую колонию, но и для объединения разрозненных группировок русской общественности в Марокко.

«День Непримируемости» как день «Скорби всероссийской» был в 1949 году отмечен дружно всей русской колонией. На нем выступили с докладами адмирал А. И. Русин, Н. П. Полторацкий, С. А. Копытов и Г. А. Рар. Дню Непримируемости предшествовал СОРОКОУСТ, установленный настоятелем общины, начатый 28 сентября и состоявший в ежедневном совершении Божественной Литургии с поминовением жертв смуты российской.

В следующем 1950 году собрание «Дня Непримируемости» было проведено в Казабланке в зале «Гуро» с еще большим успехом, и Совет общины, считая свой долг исполненным (традиция отмечать «День Непримируемости» дружно, всей колонией, введена в жизнь), на очередном своем заседании решил передать инициативу устройства собраний 7 ноября РОВСу.

19 июня в зале французского Офицерского Собрания в Казабланке отмечается русской общественностью (по инициативе настоятеля общины, после неудачной попытки А. С. Парфенова) день 150-летия рождения А. С. Пушкина. После заупокойной литии о поэте исполнение программы празднования было открыто кратким словом настоятеля об А. С. Пушкине, после чего последовали доклады Н. И. Ульянова, Н. П. Полторацкого, В. Л. Гальского и музыкально-вокальная часть с участием хора Е. И. Евец.

Впервые в жизни русской колонии ежегодно проводится «День Русской Культуры» под знаком памяти святого Равноапостольного князя Владимира. Первое собрание «Дня Р. К.» было открыто словом о. настоятеля:

«Русская культура. Если мы отрешимся от всякого рода пристрастий, навеянных со стороны недобросовестных лжетолкователей русской истории, и будем восходить все дальше и дальше от нынешних времен ко временам более отдаленным, то ясно увидим, что истоки славной культуры русского народа коренятся в великом деле святого равноапостольного князя Владимира, Просветителя Руси.

Духовное обновление, которое произвела в Князе благодать крещения, повторилось и над всем народом,

когда Князь погрузил его в христианскую крещальную купель.

Вера Христова, подобно евангельской закваске, постепенно проникла в самую глубину жизни и быта народной души. “Неизгладимой печатью легла она на весь духовный и даже внешний облик русского народа. Дух веры Христовой золотыми нитями вплелся во всю сложную ткань нашей духовной культуры, которая и выросла из церковной почвы; неутомимая жажда гармонии и красоты, благообразия и миротворчества зажглась в русской народной душе”, – так свидетельствуют о начале, об истоках культуры русской великие Николай Охридский и Авва Антоний.

Да, из души народной, начало формированию которой положил князь равноапостольный Владимир, выросла культура русская. Ибо “творцом культуры является душа народа”.

Что душа нашего народа формировалась под сильнейшим влиянием Христианства, Православия, отмечают не только отечественные исследователи нашей истории и культуры, но и иностранные ученые. Французский историк Леруа-Болье говорит: “Между Евангелием и природой русской души есть такое сродство, что часто трудно установить, что относится к религии и что принадлежит национальному русскому гению”. Эту же мысль слышим мы и от Вогюэ, А. Гарнака, Шпенглера, Дж. Уошборна и др.

“Культура русская – православная, – говорит проф. Карташев. – И если мы этого еще не осознали во всей силе, не осознали, что без православного корня нет русской культуры, ибо и без Православия нет русской души, родящей из себя культуру, если мы еще не чтим ярко и достойно Отца нашей Православности – Крестителя Руси, это только признак незрелости нашего национального самосознания”.

Ежегодно вся Русь Зарубежная прославляет Крестного Отца народа нашего и Родителя национальной культуры российской в полном сознании правоты следующих слов Аввы нашего м. Антония: “Да, у нас нет иного прибежища от переживаемого лихолетья, кроме

стяга св. князя Владимира, кроме знамени родной веры. Святой Владимир родил нас духовно как христианскую нацию...

Он сделал нас наследниками величайшей в истории человечества сокровищницы Духа, из которой родились величие и слава России и всемирное эхо нашей культуры. Под знаком св. Владимира наша народная душа родилась, росла, цвела, страдала и спасалась целое тысячелетие. Стало быть, и изгонится теперь из земли нашей нечисть бесов революционных тою же духовно-целительной силой Церкви Христовой, силою Духа Святаго».

Кроме «Дня Русской Культуры», устраиваются под сенью Церкви и другие вечера и юбилеи, как «Чеховский вечер», постановка инсценировок «Злоумышленник», «Хороший конец», «Мыслитель» и «Юбилей» Чехова; постановка пьесы «Осенние скрипки», отмечается столетие со дня смерти Н. В. Гоголя постановкой пьесы «Женитьба», проводятся духовные вечера в дни Великого поста с чтением докладов и пением детского хора; вечер, посвященный памяти св. Марии Египетской и Иоанну Дамаскину; свято-Серафимовские торжества и др.

1953-й год как год свято-Серафимовский начат был всеобщим бдением и Литургией с пением акафиста Преподобному, после чего начался «Свято-Серафимовский утренник» – все в исполнении детей и хора церковно-приходской школы под знаком «в гостях у св. Старца Серафима», и закончился этот год большим вечером-концертом с участием двух хоров, большого и детского, чтецов и декламаторов в большой зале г. Казабланки.

Вся ли колония дружно принимала участие в этих торжествах? Нет, были и уродливые исключения: когда одни русские люди спешили со своими детьми на прославление Преподобного, другие – в то же время – спешили со своими детьми в кино, с детьми – членами детского хора, обязанными участвовать в концерте. Это были жены критикующих работу священника с девавторой.

Откликаясь на просьбу Архиепископа Германского Венедикта, церковный хор дает концерты в пользу нуж-

дающихся, бегущих из-за «железного занавеса». Наш большой хор и хор детский, струнный оркестр молодежи и детей – все это под руководством и управлением неутомимого регента общины Е. И. Евец, украшали жизнь русской колонии и далеко за пределы Казабланки несли ее доброе имя.

Хор наш дал в Марокко в годы 1949–1958 свыше пятидесяти концертов, из коих большинство на благотворительные нужды французских и местных римокатолических организаций. Выступал хор и для больных в госпиталях и в старческих домах. Хор был подлинно украшением не только русской, но и всей европейской колонии в Марокко, о чем во всеуслышание свидетельствовали и сами французы.

Хор был любительский, никто из хористов вознаграждения не получал, и состоял из служащих в разных учреждениях, на фабриках и на американской базе, и все они по чувству любви к Родине, как бы по чувству долга миссионерства перед инославным миром, два раза каждую неделю собирались со всех концов Казабланки в Бурназеле на спевку, а каждую субботу и воскресенье, не исключая и всенощных под двенадцатые праздники – на церковные богослужения, причем, все без опозданий к началу богослужений.

С концертами выступал и детский хор, не уступавший своей отличной техникой большому хору. Детский хор часто пел в храмах Литургию и великопостные богослужения. Особенной торжественностью отличались дни говения детей церковно-приходской школы.

Первый большой концерт был предварен следующим словом настоятеля общины:

«Господа, вы согласитесь со мной в том, что многие люди, до седины дожив, не поняли главного: места человека на земле, т. е. его назначения и цели жизни. “Скучно на этом свете, господа”, – как бы вторит этим людям Гоголь. Но Гоголь, убедившись в пустоте светского круга, взор свой ввысь обратил и обнаружил на земле, в Церкви Христовой, сокровище, “которому, – по его словам, – цены нет”, и удивлялся, что его соотечественники, проходя мимо сокровища сего, его не замечают. Частью этого

сокровища, в нашей Православно-Русской Церкви хранимого, является наша музыка церковная.

Многие из нас за суетой современной жизни лишены возможности в дни праздников, дней воскресных и в дни Великого поста вдохнуть в себя благодатный фимиам церковных молитв и запечатлеть в сердце небесные звуки церковных песнопений. В помощь нам и как бы для восполнения этого недостатка и устроен этот концерт. Духовным концертом и впредь мы будем отмечать каждый пост Великий. Вашему вниманию будет предложен ряд церковных песнопений. Каждое песнопение представляет молитву, облеченную в стройные музыкальные звуки, и звуки эти служат для нее “не только прекрасной одеждой”, но являются и “крыльями, возносящими слушателей к небу”.

Легко проникают вглубь человека наши песнопения церковные, волнует его дух, питает сердце и возвышает мысль. Они вводят человека в мир Красоты, в мир Духа бессмертного, свидетельствуя о том, как “несоизмеримо духовное величие человека сравнительно с его бренным телесным сосудом”.

Эта дивная музыка приводит сбивающегося с пути человека к Истине, к Богу. И понятно это, ибо, как справедливо говорит Митрополит Анастасий, “в православном церковном песнопении отражена небесная гармония. Церковные мастера как бы подслушали небесную музыку и воплотили ее в своих произведениях”.

В Библии повествуется о том, как цари Иудейский, Израильский и Эдомский, приняв решение выступить с войной против моавитян, просили пророка Елисея открыть им волю Божию относительно исхода войны. “Позовите мне гуслиста”, – сказал им пророк; и когда гуслист играл на гусях, Рука Господня коснулась Елисея. Вознесенный чарующими звуками псалмов к небесам, пророк Елисей точно предсказал вопрошавшим его царям исход войны с моавитянами.

Рука Господня коснулась Елисея, когда он слушал гусяра... Цель наших концертов будет достигнута, если Рука Господня коснется сердец ваших, когда вы будете слушать дивные молитвы всенощного бдения, покаян-

ные псалмы и песнопения Великого поста музыки наших лучших композиторов – Кастальского, Архангельского, Турчанинова, Бортнянского, Завадского и Соколова, которые исполнит сейчас наш хор.

Вниманию вашему предложена будет крупица из того сокровища, “которому, – как сказал Гоголь – нет цены”».

И. Н. Ростовцев, организатор одного из больших благотворительных концертов, в своей докладной Совету общины писал:

«Считаю нужным довести до сведения о. настоятеля и Совета общины, что и материальный и моральный успех был достигнут только благодаря единодушному и исключительному отклику русских людей помочь организации этого концерта. Нужно сказать большое спасибо всем участвовавшим в программе, отдавшим безмездно и безотказно свои дарования и свои скудные часы досуга подготовке программы. Нужно сказать большое спасибо тем отдельным русским людям, согласившимся на мои просьбы помочь в распространении билетов предоставлением своих автомобилей для разъездов и другими услугами, казалось бы, незаметными, но необходимыми, без которых не мог бы состояться концерт. В частности, было бы несправедливым не отметить большую помощь, оказанную А. Е. и В. З. Сорокиными и М. В. Геккер, вложивших много труда и еще больше души. Нужно сказать большое русское спасибо многочисленным людям, способствовавшим своим посещением концерта успеху его. Минимальное исключение составляют отдельные лица, и это исключение лишь подтверждает правило, что в хорошем русском начинании все русские люди, независимо от маленьких политических разногласий, принадлежности к разным организациям и т. п., всегда вместе и всегда будут все вместе».

Г. и К. Баранниковы в своем очерке «День Русского Просвещения в Марокко», помещенном в газете «Русская жизнь», пишут:

«Воистину “жизнь жительствоует” в здоровой толще русского церковного Зарубежья! Ее благодатное дыхание чувствуется и вне церковной ограды. Ибо кто бы мог

подумать, что рассеянная в обширном Марокко горсть русских зарубежных “непримиренцев” (около 1.000 душ) не только объединятся в русской церковной общине с четырьмя домовыми храмами, пока временными – в Казабланке, Бурназеле, Рабате и Марракеше, но сможет ежегодно выделять культурные силы, чтобы праздновать “День Русского Просвещения” под знаком нашего общерусского просветителя св. князя Владимира! И с каждым годом все торжественнее и многолюднее.

В этом году, как и в прошлые годы, празднование “Дня Просвещения” совершилось в Казабланке как центре рассеяния в Марокко русских зарубежных по почину настоятеля общины протоиерея о. Митрофана Зноско и Совета общины в лице И. Н. Ростовцева, вложившего в организационную работу всю свою любовь и настойчивость, имея целью, чтобы программа праздника по своему содержанию была “строго классической”. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Толстой и Чехов; Глинка, Чайковский, Мусоргский, Рубинштейн, Скрябин и Гречанинов – вот славные имена, украсившие программу торжества. Ни одной псевдорусской или цыганской песни, ни одного музыкально-балетного трюка, которыми устроители подобных торжеств принуждены в угоду слушателям “золотить” свои строгие программы...

Мы провели два с половиной часа, созерцая Свет Разума, исходящий на русские души от нашего Красного Солнышка. Мы все время видели те благодатные солнечно-золотые нити, что протянулись к нам через ограду Церкви из наших св. Владимирских храмов и, раздвинув серые стены чужой храмины, переплели всю программу вечера, связав ее с нами в единое устремление.

Первая золотая нить – это духовное начало, о котором воззвал в заключение своего доклада Н. И. Ульянов: пушкинское “духовной жаждою томим” русского народа!

Вторая золотая нить – это терзание совести одаренного Бориса Годунова Пушкина, о котором прочитал молодой Вася Каликин: муки совести одаренного русского народа, стоящего накануне благодатного покаяния или гибели!

Третья золотая нить – это сокровенная чеховская жалость к несчастному “Ваньке”, переданная дивно-скупой, почти без единого жеста Е. Г. Романовой-Михайловой: целомудренная Христова “жалостливость” русской души ко всем оскорбленным и униженным, часто под корою грубоватости скрываемая.

Четвертая золотая нить – это ночная песнь-молитва боярина Шаковитого из “Хованщины” о раздоре на Русской Земле и о помиловании ее, переданная с напевной прелестью “русским гласом” Я. М. Бартошем: наша денно-нощная песнь-молитва о прекращении великого раздора в русской душе и о даровании нам благодати всенародного покаяния для изживания раздора как на нашей Земле, так и во всем мире!

Пятая золотая нить – это путь странников серовского хора от Иордана – Христова Гроба – Креста – на не просвещенную еще Светом Христовым землю Русскую, отразившийся в смиренной поступи хора Е. И. Евец: наш путь спасения-смирения от Иорданских вод всенародного покаяния – Креста на преображенную Христовым Светом святорусскую Владимирскую землю!

Шестая золотая нить – это финальное торжество в “Жизни за Царя” московского православного люда, встречающего “Богом данного Царя” после жестоких испытаний Смутного времени, переданное в радостно-трепетном темпе хора: будущее торжество всей Русской Земли после изжитой во всенародном покаянии великой смуты нашей и вновь достигнутая симфония духовной и гражданской власти!

Седьмая золотая нить – это вечно звучащая святому Владимиру, Красному Солнышку нашему – СЛАВА!»

В конце 1948 года самообразовался при настоятеле общины «Свято-Сергиевский Благотворительный Фонд». Проста история возникновения Фонда.

Посещая больных, зашел я к тяжело больному, в прошлом офицеру Российской Императорской Армии, закончившему военную службу в чине полковника во французском Иностранном Легионе, В. И. Тихонравову.

Спешно нужно лекарство. Денег у больного нет, лекарство дорогое. Надо помочь, но как? Направляет Господь стопы мои в дом благороднейшей глубокой христианки Нины Ивановны Лукановой. Ее супруг Сергей Васильевич 8 лет прикован параличом к постели, с трудом перетаскивает она его в кресло, кормит из чайной ложечки, лишен он нормальной речи.

Никому не доверяет верный Друг ухода за больным. Посмотрел я на страдальца, помолились, побеседовал с Ниной Ивановной и уходящему батюшке вручает она 10.000 франков: «в Ваше, батюшка, распоряжение». Вот я и распорядился: 5.000 франков выдал на лекарство больному В. И. Тихонравову, и 5.000 франков положил в основание «Свято-Сергиевского Благотворительного Фонда».

Суммы Фонда составлялись из вручаемых лично настоятелю пожертвований «на личное усмотрение» и «на бедных», изредка приходилось прибегать к подписным листам. В 1949 году сумма поступлений Фонда выразилась в цифре 96.954 франка, из коих на нужды Елеонской обители в Палестине было послано 14.700 франков, в 1951 году было выдано пособий на лекарства больным и нуждающимся 207.140 франков, а в 1952 – 136.215 франков.

В числе получавших помощь из Фонда преп. Сергия были и поляки и литовцы. Поразил меня один-единственный случай отказа принять помощь из рук православного священника. Это был еврей. Он часто в худой одежонке проходил мимо нашего храма, ведя под руку свою старушку маму. Узнав об их бедственном материальном положении, я подошел к нему с ласковым дружеским словом, предложил помощь, а он – как ужаленный – отскочил от меня, закричал:

– Нет, нет, не желаю, нет... мы распяли вашего Христа...

Мое спокойное слово:

– Друг мой, да при чем тут вы, оба мы с вами Божии дети, должны друг другу помогать....

– Нет, нет... – и поспешил удалиться от меня.

С болью в сердце вернулся я домой. После этого случая решил я заглянуть в еврейскую часть города Ка-

забланки. Это был предвечерний час. Пошел на торговую площадь. На площади ни единой души. Не успел я оглянуться, как очутился в кольце, в окружении ветхих, библейских евреев... И кольцо это движется... Не успел охватить их взором, как внезапно образовалось второе... третье кольцо, и все они в движении: первое – в одну сторону, второе – в другую, третье – с первым.

Я в рясе с крестом на груди. Всматриваюсь в лица... Злобные глаза вокруг меня движущейся массы заставили меня, прорвавшись через три кольца, спешно удалиться... быстренько вернуться в европейскую часть города. Боже, откуда эта злоба? И как чуждо это нам, христианам!

С прибытием в Марокко о. Григория Баранникова начатое во второй половине сентября 1948 года в Бурназеле школьное дело заметно развилось и окрепло. Если в 1948-49 гг. даже при отсутствии нужных помещений занятия проводились по Закону Божию (нерегулярно, ввиду разъездов настоятеля), русскому языку, русской истории и пению, то с 1950 года, когда получили мы необходимые помещения, столы и скамьи (дар Ю. П. Жедиягина), занятия велись:

(1) в Бурназеле, в разных классах, одновременно с тремя группами. Преподавали Елизавета С. Евец и Ксения В. Уланова – русский язык, Борис Т. Кирюшин – русскую историю, пение – Евгений И. Евец, Закон Божий – настоятель. Занятия начинались по четвергам сразу после Литургии, на которой должны были присутствовать все учащиеся. Пел Литургию детский хор.

(2) В Казабланке – в течение нескольких лет – А. М. Вырубова с группой детей по русскому языку и русской истории. Дети этой группы приезжали по четвергам в Бурназель для участия в Литургии и уроке Закона Божия.

(3) В Рабате – четверг утром и

(4) в Порт-Лиотэ – четверг вечером вел занятия по Закону Божию, русскому языку и пению о. Григорий.

(5) В Марракеше – по тем же предметам и русской истории – регулярно вели занятия Е. Б. Блюкет, Е. Н. Кнорринг, Е. Р. Миркович, М. В. Монтвиллов.

(6) С группой детей в Айн-Себа (пригород Казабланки), не приезжавшими в Бурназель, занималась В. С. Тихомирова.

В Марокко до моего приезда в эту страну уже существовала организация молодежи ОРЮР.

Побуждаемый заботой о правильном воспитании детей моих прихожан я принял эту организацию под свое духовное окормление, оформив ее на заседании Совета общины как организацию прицерковную.

За годы 1949–1952 этой организацией были проведены с большим успехом два вечера-концерта, четыре детских лагеря, через которые прошла, за малым исключением, вся школьная молодежь Марокко; устраивались прогулки-походы; по воскресеньям после Литургии проводились регулярные сборы.

Но вот в 1952 году покидают Марокко четверо руководителей этой организации. Несмотря на отсутствие достаточного числа руководителей, Ирина В. Брунст и Е. П. Харченко провели в 1952 году последний лагерь ОРЮР. Лагерь «Родина», в нем 30 человек детворы.

Самоотверженно работая на пользу лагерной детворы, руководительницы-девушки совершенно выбились из сил. Им приходилось несколько раз ночью пешком путешествовать в город за врачом к заболевшим детям. От лагеря до города 6 километров пустынной дороги.

Для совершения церковных служб и для бесед с детьми лагерь несколько раз посетил духовник организации. Для наблюдения за жизнью лагеря и занятий пением в лагере от Совета общины Е. И. Евец. Хозяйство вели: в течение первой половины лагеря – Вера П. Кузнецова и Анастасия Е. Сорокина; в течение второй половины – Ядвига К. Николаюк и Александра С. Зноско.

Чтобы продолжать работу с молодежью под сенью храма, нужна помощь. Зная, что в составе РОВСа имеются опытные бывшие руководители организации НОРР, возглавляемые полк. Н. К. Румянцевым, настоятель общины обратился за помощью к председателю местного отдела РОВСа и к полк. Н. К. Румянцеву. При неоднократных встречах с председателем отдела РОВСа я подчеркивал, что мне безразлична вывеска: НОРР ли

или ОРЮР, важно сохранить молодежь под церковной крышей, в церковной ограде.

При личной встрече с Н. К. Румянцевым в присутствии полк. М. И. Тихонравова Николай Кузьмич заявил, что организация НОРР не может существовать при приходе – 1) ввиду того, что НОРР является организацией с системой воспитания молодежи полувоенного характера, 2) НОРР – это строго монархическая организация и как таковая не может быть при приходе, объединяющем людей самых различных политических направлений.

Так возникло между группой руководителей НОРР и настоятелем общины крупное разногласие, в которое вовлекли княгиню Марию Илларионовну и архиепископа Иоанна, б. Шанхайского.

Откликаясь на жалобу на своего настоятеля (видимо, одного из руководителей НОРР), владыка Иоанн пишет мне: «Княгиня Мария Илларионовна просит меня дать Вам отзыв о юношеской организации Разведчиков. Я знаю эту организацию по Дальнему Востоку, так как они искали церковного руководства.

Это тяготение положительно характеризует эту организацию. Все юношеские организации имеют много общего, но указанное настроение у разведчиков имеет принципиальное основание. Эта национальная и патриотическая организация готова воспринимать церковное влияние, и потому я охотно исполняю желание Княгини Марии Илларионовны. Очень советую Вам обратить на нее внимание и взять под свое духовное окормление, а также содействовать ей в ее работе. Призываю на Вас Божие благословение. Искренне благожелательный к Вам Епископ Иоанн».

Учитывая вес в кругах РОВС-НОРРа доктора Б. Коссобудского, после кончины кн. В. В. Урусовой возглавившего Русский Красный Крест в Марокко, прошу его взять на себя роль посредника в вопросе работы с молодежью. Д-р Коссобудский зашел ко мне со следующим результатом его встреч с руководителями НОРР: члены РОВСа-НОРР неумолимы и со своей позиции не сойдут. Они утверждают, что настоятель ведет занятия с детьми провинциально, работа с молодежью при при-

ходе велась неудовлетворительно, никаких положительных результатов не дала, посему должна быть передана под контроль РОВСа.

Новые руководители молодежи имеют за собой полицию и высшие органы власти. Не вас, а их полиция поддерживает.

Заметив, что началась охота по завлечению в НОРР влиятельных среди молодежи ребят, я снесся с Парижем и пригласил в Марокко инж. А. Н. Федорова, сына организатора и начальника православной русской национальной Организации Витязей.

А. Н. Федоров оказался прекрасным руководителем молодежи. Организация Витязей в Марокко объединила в своих рядах большую часть молодежи бывшей ОРЮР в Казабланке-Бурназеле, детей Рабата, Марракеша и Порт-Лиотэ. Три группы (в 1-й – 15 человек, во 2-й – 28, в 3-й – 32) Витязей Марокко были посланы, под руководством Ани и Веры Зноско, Правлением этой организации в Суворовский летний лагерь «Русь» в Альпах.

Значительная часть ребят, выезжавших в лагерь Витязей во Францию, получала от Правления этой юношеской организации денежное пособие в размере от 25 до 100% стоимости содержания в лагере, а «Благотворительный Фонд преп. Сергия» оплачивал сиротам стоимость дороги от Казы до Марселя и обратно.

1949 год. Моя первая Пасха в Северной Африке. К началу заутрени девушка и молодой человек вносят в храм пасхальный дар церкви – хоругвь Покрова Божией Матери с эмблемами (на другой стороне хоругви) всех казачьих войск.

Батюшка предваряет освящение хоругви кратким словом о славном прошлом казачества, призывая молодых людей быть достойными своих предков в верности Христу и в любви к страждущему Отечеству:

«Вы должны всегда, в любой обстановке, сознавать и чувствовать себя православными и русскими, обязательно сохраняя русскую речь в домашней обстановке».

Оказалось, что внесшие в храм хоругвь молодые люди не говорят по-русски, редко и в храме появляются. Возмутились моим словом папы молодых людей,

приняли мое слово как личное оскорбление и «по обычаю великосветскому» пошли разговляться и строчить на священника кляузу, обвиняя его в антифранцузской пропаганде...

На Фоминой неделе Пасхи после крещения в Уарзате младенца рядом со мной сидевшая за пасхальным столом шикарная дама говорит мне:

– Дойдет до Вас, батюшка, неприятный Вас касающийся слух, не смущайтесь, мой муж дело ликвидировал.

Поблагодарил соседку. Оказалась она русской, женой начальника местного отделения французской военной разведки. Через несколько дней зашел ко мне Н. М. Экк, в прошлом капитан Российской Императорской Армии.

– Я, батюшка, к Вам по поручению моего шефа, начальника французской разведки. Он просил сказать Вам о позоре, на каковой решились члены нашей общины: полк. Суд.....ов и фон Ко... донесли ему о том, что вы занимаетесь агитацией против Франции. Мой шеф велел сказать Вам дословно следующее: подлые люди; мне, француз, стыдно за них; их грязной бумажонке место в мусорном ящике.

Это был первый моральный удар, слава Богу, с промахом для занесших над моей головой «дубину». За ним последовала атака на меня в прессе («Русская мысль») и доносы в полицейские органы. Некие «Н. П.» и «А. К.» фальшиво освещают работу священника в Марокко, именуют меня «пока не советским священником», пишут о моих «неудачных попытках наладить работу с молодежью», об отсутствии «систематических занятий с нею» и проч.

Поступают в полицию доносы о том, что доходы от театральных постановок и некоторых концертов настоятель якобы передает в «партийную казну». С целью умалить авторитет и подорвать доверие к настоятелю общины упорно распространяется по всей стране слух о его принадлежности к НТС...

С тревогой сообщает мне адмирал А. И. Русин о том, что из кругов РОВСа исходит слух: якобы «административные власти отрицательно относятся к прот. М. Зноско и это выразилось в отказе инспектора полиции А. Н. При-

селкова принимать лично батюшку в своем доме и совершать на его квартире в Рабате богослужения».

В своем письме председателю РОВСа от 29 июня 1949 года А. Н. Приселков в резкой форме опроверг «против настоятеля русской православной общины пущенную провокацию» и в тот же день написал мне: «Дорогой и многоуважаемый о. Митрофан, прошу Вас помнить, что в любую минуту я и мой дом в Рабате в Вашем распоряжении». В один из воскресных дней 1953 года занимаюсь после Литургии в комнате при храме в Казабланке, готовлю материал для очередного выпуска «Приходского Листка». Нервно входит в комнату кн. В. В. Урусова.

– Княгиня, что с Вами?

– Да у нас сейчас очередное заседание членов РОВСа. Глупостями занимаются. Долго обсуждали вопрос – как понять и чем объяснить Вашу, батюшка, неутомимую активность. Начальства в Марокко над Вами нет... Решили, что как партийный священник находитесь под контролем – кнутом солидаристов, выполняете их задания. Возмущенная этим, пришла я к храму облегчить свою душу. У них, батюшка, зависть, они завидуют Вашей энергии и успеху в Ваших трудах.

В октябре 1955 года некто вложил в мой почтовый ящик портрет Сталина, вырезанный из какого-то журнала. В последних числах декабря того же года в мой почтовый ящик также некто опустил конверт с вложенным в него узким нейлоновым мешочком, наполненным плевками. Это был предрождественский подарок священнику.

Исследовав при помощи д-ра Г. А. Ляковского содержимое в конверте, невольно вспомнил печальное и грустное событие 1952 года. Когда я по просьбе адмирала А. И. Русина, кн. В. В. Урусовой и В. В. Подчерткой с небольшой группой старожилов Марокко совершал панихиду по их бывшему настоятелю о. Варсонофии, пастыре, несомненно, достойном, хотя и ставшим под влиянием психоза и при поддержке такой крупной фигуры в местном французском правительстве, как Малков Б. Г., в подчинение подъяремному Московскому Патриарху, – несколько человек моих прихожан, хлопнув дверью, демонстративно вышли из храма.

А в ближайшее воскресенье после этого печального, ничем не оправданного (разве только глупостью и недомыслием) шума, совершив в Свято-Успенском храме в Казабланке Литургию, обнаружил у изголовья моей постели лежащую статью «Плевков в душу» (вырезка из газеты «Наша страна»).

Кончилась Литургия, разошлись богомольцы, храм опустел. В алтаре батюшка, только что молившийся вместе со своей паствой о Страждущем Отечестве, о зле умученных и убиенных Государе Императоре и Его Августейшей Семье, причащается Святых Тайн, и в это время в опустевшее помещение храма, «аки тать», возвращается один из богомольцев, видимо – патриот, чтобы «подарок» возложить у изголовья постели, на которой обычно отдыхает уставший батюшка.

После этих «благоухающих» цветочков, упорно мне преподносимых, всю обширную русскую колонию охватившие разговоры о том, что я поляк – бывший ксендз, за любовь к девушкам и пьянство изгнанный из римо-католической церкви и приютившийся в Православной ограде, что я разбил в Германии семью моего друга и прибыл в Марокко с его женой и его детьми, на произвол судьбы бросив свою матушку с детьми, звучали, как ласкающие слух припевы «журавля» у ночного костра молодежи.

7 ноября 1952 года на панихиде по жертвам революции настоятель произнес слово, в котором, в частности, сказал:

– Братья и сестры! Еще никогда в глубине веков Лик Христа и Антихриста так ясно не противопоставляли друг другу, как в переживаемое нами время. Беснуется Антихрист и в своем бесновании вот уже 35 лет господствует на измученной Родине нашей, повергая ее в кровь и страдания. Беснуется и в своем бесновании стремится и на все народы наложить свою огненную адскую лапу, уничтожающую человеческую личность и остатки свободы, еще кое-где сохраняющейся на Западе.

Для этого-то и сеет он повсюду среди свободных народов, среди обществ и отдельных лиц, Самим Господом призванных бороться с ним – с антихристом, неприязнь и рознь.

Содрогается наша планета, содрогается она от его адской работы, от розни свободных народов и обществ. Страшно становится, охватывает ужас, когда прислушиваешься к его работе в мире сем, среди нас, свободных людей.

Правда, до нас долетают утешительные вести о том, что свободные народы готовятся противостоять Антихристу. Однако не могут утешить нас вести эти при виде страшного, поражающего цинизма в политике этих свободных народов: боимся мы и за исход грядущей борьбы с антихристовым началом, ибо видим, что за правду и мир среди народов хотят выступить без Христа. Море крови и ужасы страданий, недавно заливших вселенную, у всех на виду. Откуда же этот цинизм у ведущих политику свободных стран?

Дорогие, они все еще недостаточно поняли, что отныне не только мы, русские, но и все иные народы стоят перед угрозой уничтожения антихристовыми полчищами, его растлевающим дыханием в мире: быть уничтоженным или низложить антихристово начало в мире, ЗА или ПРОТИВ ХРИСТА – эту альтернативу поставила перед всеми народами мира бывшая на Родине нашей 35 лет тому назад революция.

Это поняли русские люди (все ли?), но этого не понял или не хочет понять и поныне мир свободный.

Свободные народы, увы, и ныне не хотят говорить об Антихристе, считают несвоевременным говорить о нем, потеряли они живого Христа и не хотят к Нему вернуться. А ведь вне союза со Христом НЕТ и НЕ МОЖЕТ БЫТЬ успеха в борьбе со злом, жертвы которого собрались мы ныне в храме оплакать.

Нет, дорогие, не пойдем мы с вами за «духом времени» в столь важном вопросе, как борьба с антихристовым началом в мире. Мы не перестанем свидетельствовать о Христе, ища с Ним союза в ожидающей схватке, решительной – ибо окончательной, между человеком и слугами Антихриста.

Переживаемое нами время вменяет нам в обязанность во всем проявлять строгую принципиальность, помня слова Спасителя: «Верный в малом – и во многом

будет верен» или: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, кто любит сына или дочь более, нежели Меня, тот Меня недостойн».

Эти слова Спасителя должны быть руководящими в наших отношениях к окружающей обстановке и к событиям происходящим. Примером нам в этом служат многие князья и святители прошлого нашей отечественной истории, а в наше время – великий сонм мучеников со святителями Владимиром Киевским и Вениамином Петроградским, с Государем-мучеником и Его Августейшей Семейю во главе, вожди и воины Белого Движения, р. Б. Андрей – воин, продолживший в наши дни Белое Дело, все православные люди – рабочие и крестьяне, за Веру и Церковь в смуте умученные и убиенные, о них же помолимся, да будет их святая мученическая кровь искупительной жертвой за грехи Отечества нашего и за наши грехи. Аминь.

10 ноября 1952 года член РОВСа В. И. попросил меня зайти к нему по важному делу. Зашел. Вот точная запись разговора:

В. И.: Прежде всего должен доложить Вам, что я, чтобы иметь возможность спокойно говорить с Вами, принял львиную долю валерьянки. Это, думаю, достаточно свидетельствует о том, что разговор наш будет весьма неприятный для нас обоих.

Вы скоро разгоните прихожан. Ваше слово и панихида 7 ноября вызвали в нас и огорчение и возмущение, мы не могли с Вами молиться. Вы обязаны были в слове Вашем сказать больше о Белом Движении, а Вы только одной фразой обмолвились о нем. Видя нас перед собой, Вы должны были сказать больше.

Конечно, проповедник проповеднику рознь, не каждый обладает талантом проповеди. Есть проповедники златоусты, их слово мягко и ровно течет, они увлекают слушателей; есть проповедники, быстро определяющие состояние и психологию слушателей, и благодаря этому легко духовно их удовлетворяют.

Таков был у нас в Праге о. Исаакий: он чувствовал наши раны, нанесенные нам в борьбе за Белое Дело. Прав-

да, о. Исаакий избаловал нас своими вдохновенными проповедями. Мы, конечно, не можем требовать от Вас того, что не дано Вам Богом, но мы вправе ожидать от Вас, нашего священника, понимания ран наших.

В памятные дни, как 7 ноября, Вы должны чувствовать наши «стигматы», и посему следовало Вам в предшествующем панихиде слово сказать о Белом Движении. Вы этого не сделали, чем и огорчили нас. Ваше слово вообще не соответствовало отмечаемому событию, хотя с церковной точки зрения, быть может, оно и правильно.

Настоятель: Спасибо за указание моих недостатков, как проповедника. Я вижу сам эти недостатки. Но подчеркиваю: никто, ни одна организация, ни их члены, не вправе указывать священнику или тем более ему предписывать, что должен он говорить в своих проповедях.

Панихида 7 ноября совершалась, во-первых, по инициативе Церкви, и никто из представителей РОВСоюза не пришел ко мне поинтересоваться панихидой или выразить свои пожелания в связи с предстоящей панихидой; во-вторых, панихида посвящена была смуте российской, все еще продолжающейся, и ее жертвам, но никак не отдельному ее эпизоду, или событию, или периоду, со смутой российской связанному.

Ввиду сказанного также неуместно Ваше требование обязательно говорить в слове о Белом Движении, каковое требование – от имени группы РОВС – Вы мне предъявляете на четвертый день после панихиды. Нет у Вас никаких оснований упрекать меня и в том, что слово мое перед панихидой не соответствовало отмечаемому событию.

В. И.: Батюшка, огорчение наше перешло в возмущение, когда услышали мы формулу поминовения на панихиде. Вы не помянули поименно всех наших вождей. Мы не могли молиться и разошлись из храма, унося в сердцах возмущение. Вы не любите Белого Движения, вы ненавидите РОВС. Вы после Государя и Его Семьи помянули воина «Петра и иже с ним, воина Андрея и иже с ним». Если воин Петр – это Врангель, и Вы, таким образом, помянули одного из вождей Белого Дела, Вы

должны были помянуть и всех поименно наших вождей. Не сделав этого, Вы всех нас обидели.

Настоятель: Непонятно мне возмущение Ваше по поводу формулы поминовения 7 ноября. Повторяю: во-первых – панихида не была заказана РОВСоюзом, во-вторых – она совершается ежегодно, по предписанию Священного Синода, по всем жертвам смуты российской, в-третьих – формула поминовения охватывает и вождей Белого Движения; в ней сказано: «вождей и воинов, за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших», в-четвертых – как и за каждой Литургией, помянул я на панихиде и р. Б Петра Врангеля, одного из славных вождей Белого Дела, и последнего – р. Б. Андрея Власова, в-пятых – по этой же формуле вот уже пятый год совершаю я панихиду 7 ноября, и никто в прошлые годы из чинов РОВСоюза не возражал против этой формулы, не выражал каких-либо своих пожеланий в смысле ее изменения, в-шестых – когда в 1948 году был установлен сорокоуст, предшествовавший 7 ноября, на котором ежедневно поминались жертвы смуты российской, было сделано обращение председателю РОВСоюза и возглавлявшему объединение РОА дать священнику списки для поминовения.

И что же? От РОА получил я список погибших с А. А. Власовым, а от РОВСоюза такового так и не получил. Будьте справедливы и логичны в ваших ко мне претензиях. Не на форму смотрите, а на существо дела. И не видите ли Вы, что в нынешней претензии ко мне со стороны группы РОВСоюза выявляется совершенно непонятная лично ко мне неприязнь, готовая использовать каждый мнимый повод для выступления против священника и умаления его авторитета?

В. И.: Мы знаем, кто у Вас воин Андрей, но кто такой воин Петр – мы не знаем: Врангель ли это или Краснов? Тем более что Вы поминаете их в разном порядке: то воина Петра и затем Андрея, то воина Андрея и за ним Петра. Если воин Петр – Врангель, то, ставя А. Власова прежде Врангеля, вы допускаете хронологическую ошибку, и она нам неприятна, да и не допустима она.

Настоятель: Уж простите, но Вы достойны слов Христа Спасителя. Вы «оцеживаете комара, а верблюда поглощаете».

В. И.: Если бы Вы были действительно русским священником, Вы бы обязательно помянули поименно всех наших вождей. Их имена священы каждому русскому человеку, тем более дороги они нам, добровольцам. В такие дни, как 7 ноября, открываются наши «стигматы», и Вы должны это чувствовать.

Настоятель: Простите, но, откровенно говоря, я не знаю имен всех вождей Белого Движения. Мне дороги и духовно близки Врангель, Колчак, Марков и Каледин, их имена вписаны в мой синодик, и их я постоянно поминаю в молитвах. Имен же остальных вождей, кроме Корнилова и Деникина, я не знаю. А вот того, что в центре на висящем у вас портрете вождей, никогда я сам и помянуть не буду: этот, из дома Романовых, коленопреклоненно просит Племянника отказаться от Престола. Согласно Собору 1613 года он отлучен от Святыя Троицы.

В. И.: Как, Вы не знаете имен всех вождей Белого Дела? Значит, Вы не русский священник. Их имена Вы обязаны знать, а если не знаете, то должны выучить. Вы наш пастырь, Вы наш отец и, зная, как дороги нам эти имена, Вы должны их знать и помянуть в памятные для нас дни.

Настоятель (подходит к портретам вождей, висящим на стене, и спрашивает участника Белого Движения В. И-ча): Скажите, как имя Маркова, как имя Богаевского? (В. И-ч поднимается, чтобы прочесть под портретами имена их, я закрываю их рукой, – их имен не смог назвать В. И-ч.) Скажите, дорогой В. И-ч, где же логика, где справедливость Ваша? Я был мальчишкой, когда Вы в Белом Движении участвовали и, сами не зная дорогих вам и священных имен Вождей Белого Движения, шельмуете меня кличкой «не русский», «русскостью прикрывающийся»...

Поблагодарил я В. И-ча за гражданское мужество лично мне высказать свое и друзей огорчение и негодование, и мы расстались друзьями. Этот добрый церков-

ный человек 14 декабря того же 1952 года, видимо, от имени группы друзей заявил мне:

– Если два года тому назад МЫ были склонны жалеть о Вашем отъезде из Марокко, буде таковой состоялся, то теперь МЫ Вам советуем – уезжайте отсюда как можно скорее. От этого Вам будет лучше, а НАМ спокойнее.

В январе 1949 года получил вызов-просьбу прибыть в полицейское управление и следом за этим во 2-е Отделение. Взвесив как представляющий в этой стране Русскую Зарубежную Церковь «за» и «против» личной явки в эти учреждения, решил, что во избежание возможных осложнений и неприятностей я должен являться к ним с двумя понятыми или же представитель этих органов власти встречается со мной в моей канцелярии, также в присутствии двух понятых.

После тщательного обсуждения этого вопроса с адмиралом А. И. Русиным он сам направился в эти учреждения как вице-председатель русской православной общины в Марокко. Выслушав адмирала, доложившего о моей крайней занятости (один священник, духовно окормляющий русских в 20-ти пунктах страны), решили встречаться со мной в моей канцелярии, за 2–3 дня предупредая о часе и дате встречи.

Присутствие двух понятых (обычно приглашал я адмирала и Д. Э. Ватаци или П. Н. Коларовича) сдерживало чиновников в их просьбах и расспросах, а мне давало возможность говорить с ними полным голосом. Был случай, когда в ответ на неприемлемую настойчивую просьбу-предложение я вежливо открыл дверь перед г. лейтенантом и он... извинился и ушел.

В начале 1950 года получил Указ о назначении меня благочинным Марокканского округа. На обратной стороне Указа ответил: «Указ не может быть принят ни к сведению, ни к исполнению, так как в нем не указаны ни подведомственное мне духовенство, ни приходы»...

В 1951 году в Тунисе возникло затяжное нестроение в церковной ограде.

Владыка Анастасий командировал меня в эту страну для ознакомления с создавшимся там положением. Возникли там острые недоразумения между группой прихо-

жан с их настоятелем иеромонахом Феодосием и между о. Феодосием и настоятелем храма-памятника в г. Бизерте прот. Иоанном Малиженовским.

Отца Феодосия, бывшего ряд лет чиновником во Франции, немолодого летами, но молодого и неопытного в пастырском служении, заподозрили в сотрудничестве с полицейскими органами. Часто заходил к нему о том, о сем поговорить служащий полиции и кое-что из сказанного о. Феодосием вносил в свою картотеку.

Эти записи были обнаружены одним из русских сотрудников полиции, что и послужило толчком к выступлениям против своего настоятеля. Присоединился к противникам о. Феодосия материально завистливый сосед из Бизерты о. Иоанн Малиженовский; втянули в «драку» о. А. Трубникова из Парижа и еп. Серафима из США, сыгравших недобрую роль в этой смуте.

Мой двухнедельный кропотливый труд в Тунисе завершился, по инициативе адмирала А. Тихменева, торжественным обильным ужином, в котором приняли участие 60 человек прихожан. Как сказал адмирал А. Тихменев: в Вашем, батюшка, лице мы приветствуем и чествуем нашего духовного Вождя Авву Митрополита Анастасия.

Результат моего пребывания в Тунисии запечатлен в полученной мною от Синода Грамате:

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ГРАМАТА

Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви за границей
ПРОТОИРЕЮ МИТРОФАНУ
ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

Осведомленный о нестроениях в церковной жизни русских православных общин в Тунисе Архиерейский Синод возложил на Вас ответственное поручение ознакомиться на месте с создавшимся там положением. Выехав в Тунис во исполнение этого распоряжения, Вы не только собрали и представили Архиерейскому Синоду полный материал, ясно обрисовывающий причины возникших недоразумений, но и приняли все меры для их искоренения путем восстановления мира между всеми

теми, кто впал в искушение недружелюбия и взаимной борьбы. Выражая Вам благодарность за эти Ваши усердные труды, Архиерейский Синод призывает на Вас Б о ж и е благословение.

Во свидетельство сего дана Грамата сия, надлежаще подписанная и Синодальною печатью утвержденная, в Богоспасаемой обители Новая Коренная Пустынь, лета от Рождества Христова 1951-го, Апреля 10 дня. № 194.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА

Правитель Дел Синодальной Канцелярии

Подписи и печать.

* * *

Жизнь церковной общины в 1952 году отражена в очерке о. Г. и К. Баранниковых, «Церковный год в Марокко», помещенном в № 20 журнала «Православная Русь».

«В Рабате, наконец, в начале церковного 1952 года, найдено постоянное помещение для богослужений – в подвале низком и сыром, очень дорогом, но зато в центре города. Дотоле “скитались”. По субботам и воскресеньям водворяли храм с раздвинутым иконостасом, переносным престолом, аналогием и подсвечниками в квартирах прихожан. Известно, с какими трудностями сопряжено устройство богослужений в случайных помещениях. И, кроме того, сознание бессилия найти “горницу”, достойную для Господа... Смушала высокая плата. Обдумывая наперед способы для пополнения нашей скудной казны, приступили к приспособлению подвала для богослужений. Нашлись добрые люди. А. А. Люш и М. Л. Заруба бесплатно провели электричество. Наш псаломщик-любитель (постоянного псаломщика из-за недостатка средств иметь в Рабате не можем) Н. Н. Корп – милейший Коля – умело приспособил к помещению переносной иконостас. Добрейший М. П. Косенко, художник-иконописец из Казабланки, попугав нас, ворча с присущим ему украинским юмором, высокими ценами, бесплатно написал масляными красками главнейшие иконы для иконост-

таса. Пожертвования вещами сделали: И. Е. Приселкова – два шкафчика и кресло-сидение в алтарь и Таня Загорулько – два цветных коврика-циновки.

С праздника Рождества Пресвятой Богородицы начались в нашем храме-“катакомбе” богослужения. И Рождество Христово встречали мы со светлой легкой радостью. Маленький хорик пел на всюнощной тихо, немного робея (без спевов), молитвенно. Перед иконами иконостаса теплились разноцветные свечечки рождественские, подаренные для богослужения и елки всегда отзывчивой Е. Н. Рыженковой из Казабланки, изготавливающей свечи для всей общины.

Мир Божий посетил наши сердца, Любовь Господня озарила нас, когда мы, бессемейные и одинокие, вместе с нашим настоятелем, также одиноким, собрались по южнорусскому обычаю на “богатую кутью” – воистину богатую – учрежденную хлебосольной З. К. Стаховской, доктором в Рабате, и ее дочерью. Начатая пением “Рождество Твое, Христе Боже наш” “вечера” продолжалась почти до полуночи.

*“Боже, дай же день сей добрый
Вам, добрые люди-и-и!”...*

– пел колядку Коля, поддержанный другими гостями, обращаясь к “добрым людям” неумирающей Святой Руси – к хозяевам.

Расходились под темно-синим небом африканским с низко горящими рождественскими звездами, под пальмами, раскачивающими своими ветвями-крыльями, среди безмолвной тишины города-столицы, отпраздновавшего уже раньше христианской своей частью праздник Рождества Христова и погрузившегося, как всегда, в девять часов вечера в глубокий мир-отдых.

Сам день Рождества Христова – понедельник – был днем рабочим, и мало кто решился пожертвовать заработком одного дня или настоять перед начальником на службе, чтобы быть на Литургии, в храме, с Церковью: Великий день прошел среди серой обыденщины...

В Казабланке и Бурназеле празднование Рождества Христова совершается более торжественно, да и пожертвований для храма было больше. Их сделали М. П. Косенко и М. М. Колтовской, эти “два вола”, впрягшиеся в подвиг храмостроения в Бурназеле, ведущие скромно свою борозду... В. И. Жедринский написал Распятие на крест для Свято-Успенского храма в Казабланке.

Вечером в первый день Рождества после всенощной в Бурназеле колядники-школяры пошли славить Христа. Допоздна ходили они со звездой в поселке, протянувшимся по обе стороны шоссе, переходя из барака в барак, под сенью звезд по бесснежной марокканской рудой земле... Каждый год ходят колядники и весь денежный сбор передают настоятелю на благотворительные нужды, на сирот в Париже и для Вифанской общины в Палестине.

Из года в год марокканская организация “Русского Красного Креста” (княгиня В. В. Урусова с дочерью) устраивает в Казабланке в одно из воскресений перед праздником Крещения рождественскую елку для русских детей в Марокко, для чего французы предоставляют бесплатное помещение. Поет детский хор, детище Е. И. Евца, играет струнный оркестр молодежи, им же налаженный. Дед Мороз раздает подарки.

Елка с каждым годом становится все более популярной среди детей и родителей. С отдаленных мест приезжают дети всех возрастов, до 15 лет, на свой единственный праздник в Казабланку. Родившийся Господь объединяет под развесистым хвойным деревом, заменяющим елку, детей всех народностей нашей Родины: и белоголового русачка, и черномазую украиночку из Приднепровья или Польши, и чумазных арабчат от браков русских с арабками, и русских французики, и даже русских еврейчиков, охотно приходящих с родителями на русскую елку.

Для детей рабатского прихода первый раз в этом году елка была устроена самостоятельно от казабланского центра. Благодаря М. Н. Шпилиотовой и Н. Д. Шидловской были собраны средства для подарков. Дети собрались в Порт-Лиотэ (в 37 километрах от

Рабата), в доме Н. Д. Шидловской. Общим хором детей (около 20 душ) были пропеты рождественский тропарь и колядка “Боже, дай же день сей добрый”. Светлана Кособудская прочитала рождественское стихотворение. Муся, Наташа и Оля Смирновы прочитали “Зимнее” стихотворение Пушкина. После традиционного кружения вокруг елки – “В лесу родилась елочка” – началось непринужденное веселье: хороводы, игры и танцы. Было скромно, без Деда Мороза, но дети от елки, подарков и веселья пришли в восторг.

Праздник Рождества Христова и некоторые другие праздники, особенно Вход Господень во Иерусалим, можно здесь, как и во всей Северной Африке, проводить в обстановке палестинской и почти евангельской (внешне, конечно). Белые дома и домики с плоскими крышами, длинные одежды арабов-мусульман (особенно женщин), сохранявших до наших дней одеяние ветхозаветных патриархов. Перистые пальмы. Верблюды с поклажей, ведомые своими хозяевами в чалмах. Кроткие серые и коричневые ослики, звонко трубящие на рассвете вместе с петухами, вопящие со стоном и скрежетом.

Знают ли их хозяева-арабы, так немилосердно их поношающие, что кто-то из предков этих безответных “ослят подъяремных”, носящих и теперь вдоль спин своих знак креста-благословения, носил в евангельские рождественские дни на своем крестовом хребте бесценное сокровище вселенной – Пречистую Деву Марию с Богомладенцем Иисусом, а потом – в день Входа во Иерусалим – и Самого Богочеловека-Царя?..

И не потому ли ослики на зорях и среди дневного зноя так плачут-гласят, горько стенают и воздыхают как бы от лица всей твари, *стенающей и мучающейся* доныне (Рим. 8, 22), о блаженно-пламенных прикосновениях к ним Бога, явившегося во плоти на земле, и о закрытых вратах рая?

Начались дни благодатные Великого поста. Из года в год увеличивается число говеющих: в 1950 году было 458 причастников, в 1951 году – 523, а в настоящем году – уже свыше 600. Среди говеющих младшее поколение

выделяется своей численностью и теплотой чувства во время святой Исповеди.

В течение святой Четыредесятницы были посещены многие группы нашего рассеяния в Марокко, а в первый раз – международный город Танжер и далекая Ужда, самый отдаленный город нашей общины. В Ужде прибытие священника вызвало в немногочисленном юношестве, уже не говорящем по-русски, никем не подсказанное желание причаститься Святых Тайн.

При помощи матери главные молитвы и возгласы священника переводились на французский язык. Необычное богослужение, во время которого дети были поразительно благоговейны, сосредоточенно воспринимаемая благодатные созвучия двух разных языков, растрогало всех до слез, особенно дедушку семейства, вознагражденного сторицей за несколько лет пребывания вне церковного утешения и в скорби о внуках...

Поразила равнина между Уждой и Фезом, огражденная со стороны моря грядой гор. После рудников и заводов, окружающих Ужду, началась пустынная равнина, загроможденная отдельными утесами, прорываемая обрывистыми ущельями и провалами, суровая и девственная, как бы несколько дней тому назад вышедшая из-под вод первых дней творения – настоящая “геология”. Победно мчался через нее поезд, электрическое железное чудовище, громящая и скрежеща.

Но и пустыня не уступала: песчаной желтоватой поземкой дымилась она здесь вдоль пути, стараясь сразу же, за хвостом поезда, замести песком железные следы промчавшегося чудовища... От Тазы началась уже “география”: пальмы, зеленые пастбища, нивы, сады, оросительные каналы. И Фез, наиболее сохранивший свой восточно-мусульманский облик, город, совсем отдаленный от своей европейской половины, вырисовывался белым библейским видением в свете весеннего дня со своими старыми стенами, коричневыми минаретами, белоснежными домами и дворами, садами и водоемами.

В Фезе служили в воскресный день в греческом храме, впитывая в себя излучение древнего греческого благочестия, хранимого греческим народом. Маленькая

Христина, некрещеная двухлетняя дочь француза-чиновника и русской украинки, умилила до слез. С большим опасением входили мы к ним на квартиру, пропуская вперед бабушку, утверждавшую, что строптивая девочка, не признающая над собой ничьей воли, не допустит совершения над ней Святого Крещения. Встретила нас Христина, сидя на кресле, внимательно наблюдая за нами исподлобья...

Не двигаясь, сидела во время огласительных молитв; прислушиваясь, допустила помазание святым елеем. Молча вступила в купель, покорно погрузилась трижды во святую воду и во время Святого Миропомазания сама, с просветленным личиком, протягивала и подставляла части своего тельца для помазания, а потом горячо приложилась ко Кресту.

Всю Литургию, сияя глазками, стояла рядом с бабушкой и мамой и, причащаясь, открыла уста так широко, с такой алчностью, посмотрела к небу так сосредоточенно, что нельзя было смотреть на нее без умиления: воистину все Христово Тело восприняла она (11-я молитва перед Причащением).

К дням Святой Пасхи наши храмы еще более украсились. В Бурназеле стараниями С. В. Тихомирова с сыном появился над храмом-баракком куполок-маковка с восьмиугольным крестом, свежее-зеленый, радующий среди барачных однообразных рядов напоминанием о Святой Руси. Г. М. Томашевский украсил храм снаружи и внутри. К началу полунощницы все пространство между ближайшими к храму бараками было заполнено прибывшими на "пир веры".

Более тысячи душ! "Свои" – из всех сторон Марокко... Много иностранцев из многоязычной Казабланки, особенно французов, полюбивших "русскую" Пасху. Крестный ход начался в полуночной тишине с фонарем впереди (работы М. М. Колтовского), предназначавшим пасхальное веселье разноцветной игрой своего света вместе с таинственным пением хора, невидимого во мраке ночи...

После крестного хода одновременно с распахнувшимися дверьми в храм вспыхнул над входом образ

Воскресшего Господа на стекле (работы М. П. Косенко), украшенный цветами, а над храмом зеленая маковка с сияющим золотым крестом. “Пир веры” был вынесен из храма-барака под звездный купол неба, и победные приветствия “Христос воскрес!” батюшка возглашал с помоста паперти.

После первого приветствия ушли иностранцы; после “христосования” ушла часть “своих”, привыкших разговляться по домам в то время, когда в храмах “пир веры” достигает своего высшего радования, евхаристического, когда Сама Пасха-Христос в виде Святых Тела и Крови исходит к пирушествующим. И к Нему в озарении “очищенных чувствий” подходили и подходили оставшиеся с Господом “до конца”. Из года в год увеличивается число причастников в лучезарную ночь Пасхи!

Оставшиеся же совсем “до конца” расходились с белевшими в предрасветии узелками освященных куличей и яиц, как когда-то на Родине... Тут же, за освещенными бараками поселка, по зеленым полям мусульманским уже реяли изумрудные и лиловые блики рассвета, а среди них белел арабский дом, безмолвно и отчужденно, не оглашенный и не освященный радостью Святой Пасхи Христовой...

Но наши сердца устремлялись к “своим”, родным, к тем, кто в эту ночь божественную был лишен пасхальной радости радостей – поневоле “там”, на Родине, и здесь, в запустынной Ужде, в далеком Марракеше, в Фезе, Мекнесе и Танжере, на глухих “баражах”; а кто – и по воле, закрывая в отчуждении и озлоблении сердца свои не только для Любви Христовой, но и для обычных чувств к Родине...

Рабатский храм-“катакомба”, уже намоленный и ставший близким, также украсился к Пасхе большим за престольным образом Спасителя от неизменно щедрого М. П. Косенко и поминальным столиком от Е. Матвеевой.

Однако богослужения пасхальной ночи решили совершить в обширном протестантском храме. И не ошиблись в решении. “Катакомба” не вместила бы и четверти прибывших, да и те не выдержали бы духоты в низком помещении. Едва хватило свечей. Было дивно. Строгие

белоснежные стены протестантского храма старанием Е. Е. Лефевр и И. Е. Приселковой, при содействии Дуси Соковой и Натуси Смирновой преобразились в пасхальные ризы: всюду гроздья нежно-розовых выющихся роз, лилии, ромашки...

Вся эта красота таилась в полумраке полунощницы. Когда же крестный ход, пройдя вдоль храма, вошел через главные двери в залитый светом храм, все, начиная от служащего в белом облачении священника и кончая стоящими иностранцами, оказались в благодатных объятиях пасхального богослужения, в нежно-розовом сиянии и ладанном благоухании!

Радостный гул ответного “Воистину воскрес!”, звучащий, подобно шуму пластов снега, падающего с крыш в оттепель, покрывал пение маленького хора. Хор выходил с честью из положения, журча, подобно весеннему ручейку под пластами тающего снега. В конце заутрени в общем пасхальном порыве стали подходить ко Кресту и французы, прикладывались и трижды лобзались со священником, лобзались с друзьями близстоящими.

На Литургии – не по-прошлогоднему – осталась большая половина молящихся, почти все коренные прихожане. Треть их причастилась. Разговены устроила у себя З. К. Стаховская с еще большим размахом, чем накануне Рождества. За пасхальной трапезой объединились и русские старожилы Марокко, и профессор Киевской консерватории, и вырвавшийся из советского лагеря “раскулаченный” хлебобоб-подоляк, и легионер, находящийся в отпуску, и недавняя шахтерка из Донбасса. Всем им нашлось у хозяйки и ласковое слово, и обильное угощение.

А дочь ее, Татьяна Сергеевна, не отстающая от матери в хлебосольстве, не спала три ночи перед Пасхой, выкраивая время после своей работы для приготовления куличей, тортов и проч. Господь да наградит их сторицей!

В Порт-Лиотэ в 3 часа после полудня мы с поезда направились к гостеприимному дому Шидловских, где часть прихожан, в ожидании приезда священника, слушала игру на рояле С. Ю. Конюса, знакомого уже нам композитора-поэта и безмездного псаломщика во время

богослужений в Порт-Лиотэ. С. Ю. исполнял недавно законченную им “Всенощную” для рояля, написанную им на дивное звучание “Богородице, Дево, радуйся”, начинающееся гласом благовествующего Архангела и после нежных ангельских перепевов, постепенно нарастающих и как бы без конца славословящих Богородицу-Деву, завершающееся ликованием всей твари под благовещенско-пасхальный перезвон колоколов.

Прославив у хозяев Воскресшего Господа, мы все отправились в храм, где при свете пасхальных свечей, теплившихся в руках молящихся, была совершена светлая вечерня, исполненная пасхальной радости и всепрощающего мира, преподаваемого Воскресшим Господом, грядущим “позде бывшу” чрез затворенные двери сердец наших. “Мир вам” – маловерным! “Мир вам” – малодушным! “Мир вам” – нелюбовным!

К дням Святой Троицы для Свято-Троицкого храма в Бурназеле потрудились Д. Н. Федченко, доставивший, как и в прошлые годы, к храмовому празднику богатый убор из зелени и цветов. Закончено большое Распятие с предстоящими, над ним потрудились: М. П. Косенко, М. М. Колтовской, А. Н. Перерва и Ф. С. Солопов. Совсем неожиданно Ю. П. Жедилягин принял на себя труд по оштукатурке бурлазельского храма. Все еще держится в Рабате храм-“катакомба” благодаря поддержке прихожан, главным образом, А. М. Чельцова из далекого Феза, который сам уплатил за помещение храма почти три месячных платы.

В Марракеше в летние месяцы – ввиду разъезда из-за жары прихожан – богослужения прерываются. В остальное время марракешская группа во главе с Л. А. Гойнинген-Гюне и Е. Б. Цисвицкой с любовью готовится к богослужениям, совершаемым там раз в месяц; особенно же хористы, руководимые неутомимым В. В. Штейнгелем, которому удалось привлечь в свой хор и французов-католиков и с ними, не знающими русского языка, разучивать наши православные песнопения!

Обозревая все труды и жертвы, произведенные любителями благолепия, приходим к отрадной надежде, что в среде нашей общины постепенно возрастет и

утвердится дух соборного устройства. Этот дух для нас воплощается и в образе смиренной старицы Марии Кондратьевны, которая каждый раз задолго перед службой незаметно пробирается вдоль стены храма, принося сосуд с елеем...

Великие праздники Преображения и Успения прошли малолюднее. Успение – храмовой праздник в Казабланке. Дни эти в этом году были рабочими. Но какая благодать – приобщиться к златозарной славе Преображения Господня и к голубому свету Успения, Пасхе Богородичной, завершающих собой церковный год-лето и возводящих нас к созерцанию “жизни будущего века”! Казабланцы говорили, что об этом так хорошо сказал батюшка в своем слове, и они впервые в праздник Успения ощутили веяние пасхальной благодати...

В заботах и скорбях, среди тревожной спешки, захватывающей постепенно и медлительный Восток, в заботах и трудах о насущном хлебе, почти не оставляющих времени для жизни души, в борьбе друг с другом, в борьбе с грехом и немощами проходит церковный год. Здесь в Марокко незаметен приход осени, ибо природа плодородит в течение всего годового круга, как бы не зная благостного изнеможения, наступающего в Рождество-Богородичные дни “осени первоначальной”.

Пустыни давно скошенные белесые нивы, сожжены знойным солнцем придорожные травы и цветы. Обнажаются серые камни пастбищ, трескается рудая марокканская почва, дымит песчаная пыль...

Но с поразительной быстротой растут недавно насажденные леса эвкалиптов и обильно родят огороды и лимонные, апельсиновые и маслиновые сады, растущие вдоль оросительных систем. В конце сентября, в октябре начнут дожди, откроется вторая в году весна, и вдвойне станет близка радость песни церковной: “Процвела пустыня, яко крин, Господи”.

В предгорьях Атласа, как и у нас на Родине, осенью по утрам обильно расцветает в смиренной красоте дикий цикорий, или “Петрив батиг” (“Петров батог”), бледно-голубой придорожный цветок – апостольский, ап. Петра. Невзирая на шум проносящихся машин и

гул летающих самолетов, цветов благоговейно перекликается с голубым небом, благовествуя вместе с ним о небесном голубом цвете богочеловеческих очей Господа, которыми Он взирал на людей в дни Своей земной жизни.

Здесь, как и у нас на Родине, в начале осени по утрам слышится такое же потешное пение молодых петушков, натужистое, с хрипотой... Там, где их много, петушки без конца затевают драки между собой без причины и дерутся, насакивая друг на друга с ожесточением, до изнеможения и до крови на гребнях, а потом, вдруг присмирив, греют и сушат сообща свои раны, сидя рядышком вдоль изгороди под благостным солнышком, чтобы через полчаса броситься одновременно, как по команде, снова в бой.

Из оставшихся петушков, пощаженных хозяйками, вырастут к зиме горластые петухи – эти таинственные полунощные певцы, неподкупные Господни глашатаи “Петрова покаяния”, вестники Второго Христова пришествия и Воскресения всего человечества для Страшного Суда. Но нам не говорили ранее, на Родине про трогательную тайну этих пугливых и смиренных птиц Божиих, так близко живущих возле нас...

“Господи, вся премудростию сотворил еси!...”»

* * *

Уютные русские поместья «Устиновка» и «Марьино Роща».

В один из воскресных дней совершаю в «Устиновке» Литургию. Украшен зал благоухающими цветами, утопают в цветах столы, на которых вот-вот будут совершены Проскомидия и Таинство Евхаристии. Гостеприимные хозяева «Устиновки» супруги Садиковы и насельники соседней «Марьиной Рощи» Лерхэ и Дэ-Зобри радуются благодатному посещению пастырем их «медвежьего» уголка. За молитвой в зале около 30 человек.

Последней подходит ко кресту новая богомолка, р. Б. Наталия Загорулько. Обращаясь ко мне, она говорит:

– Батюшка, Вы больны, Вам необходимо спешно обратиться к хирургу.

– Как же Вы определили, что я болен?
– По форме Вашего живота. У Вас острое опущение желудка.

– Простите, мадам, Вы пришли для молитвы или смотреть на фигуру служащего священника?

– Я, батюшка, врач, и как доктор обязана видеть болезнь и сказать о ней. Советую Вам, не откладывая, обратиться к хирургу.

Через два дня я уже сидел в кабинете д-ра Б. Коссобудского. Он осмотрел меня.

– Да, у Вас, батюшка, самая острая форма опущения желудка. Послезавтра пожалуйста в госпиталь на операцию.

– Доктор, это так неожиданно! Не могу. Я должен подготовить к этому мою семью, да и сам к операции подготовиться.

– Ну хорошо. Приедете ко мне через две с половиной недели. А сейчас купите специальный пояс и носите его.

Доктор нарисовал на чистом листе пояс, и с этим рисунком отправился я в магазин, купил пояс и тут же в магазине водрузил на свою животину.

Через две с половиной недели я снова у д-ра К. Он осмотрел меня и сказал:

– Подтверждаю мой диагноз. Положение ваше грозное. Не позже завтрашнего дня – в больницу. Имейте в виду: если не подвергнетесь сейчас операции, жить вам максимум 10 лет.

И взглянув на лежащий пояс, спросил:

– А скажите, какой дурак сказал вам носить этот пояс?

Поставил меня доктор своим вопросом в неловкое положение, но я все же ответил:

– Простите, доктор, купил и ношу по вашему предписанию.

Понятно, не могло быть после этого конфуза никакой и речи об операции. Прошло от дня того не 10, а 39 лет... Божией Милостью я жив и продолжаю свое Богу и людям служение.

Литургия Страстной Субботы в домовая церкви г. Казабланки. Причастников свыше ста человек. Последним к

Чаше Жизни подходит р. Б. Григорий – хозяин большой строительной фирмы, в недавнем прошлом – майор Красной армии. Задерживаю его у Св. Чаши.

– Простите, дорогой, а вы беседу и молитвы прослушали, прочитал ли я над вами разрешительную молитву?

– Никак нет, батюшка, я опоздал.

– Преклоните колени ваши пред Святыней.

Стал раб Божий на колени. Покрыл я главу его епитрахилью:

– Вы веруете ли в Бога и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа?

– Верую, батюшка, верую.

– Сознаете ли себя грешником? Скорбите ли о грехах ваших и каетесь ли в грехах?

– Я грешник и в грехах моих искренне каюсь.

Прочел я над ним разрешительную молитву и преподал Св. Тайн Тела и Крови Христовых.

* * *

Плотина Имфут. Группа православных рабочих на 95% из Советского Союза. Приехал к ним к вечеру первого дня Рождества Христова, совершил вечернюю службу и объявил: кто хочет завтра приступить к Св. Причастию, должны сегодня после службы приступить к Исповеди. На второй день праздника причащаю исповедавшихся. Быстрыми шагами приближается к Чаше р. Б. Алексей К., за ним следует «грамотный» пожилой человек.

– Алеша, а ты куда? Ты ж не исповедался!

Смущенный р. Б. Алексей остановился, смотрит на меня и на «грамотного»...

– Николай Николаевич, Вы – причастник, а Христа-то уж и забыли. «Приходящего ко Мне не изжену вон», – говорит Христос, а Вы ко Христу грядущего оттягиваете от Святыни! Раб Божий Алексей, подойди к Св. Чаше, и тебя объемлет Любовь Господня.

Подошел Алеша, ответил под епитрахилью на вопрос, принял разрешительную молитву и причастился Св. Тайн. Радостным был и для него день явления в мир

Любви Божией к человеку. Благодарил он батюшку; ворчал на священника «грамотный» кандидат к рукоположению, прошедший в Смоленске пастырские курсы.

Несколько подобных случаев было в разные годы и в пасхальную ночь.

* * *

27 февраля 1953 года мирно упокоилась кн. Варвара Васильевна Урусова, в прошлом начальница Красно-Крестного поезда Е. И. В. Государыни Александры Феодоровны. Княгиня поражала всех своей простотой, добротой и живым жертвенным участием в церковной и общественной жизни Русского Марокко.

Высшее французское общество восторгалось ее абсолютным знанием литературного французского языка. В числе французов-почитателей княгини была вдова маршала Лиотэ, нередко в сопровождении знатной дамы посещавшая Варвару Васильевну. В один из этих визитов раздается звонок. Дверь открывает дочь княгини.

У порога – типичный русский мужичок, Иван Сиушов, в сапогах и убогой одежонке, просится к княгине; она велит впустить его. Открывается дверь в гостиную, княгиня встает и идет навстречу Сиушову, протягивает ему руку. Сиушов расшаркивается, целует руку княгини, усаживается на указанный ему стул и излагает свою просьбу.

Выслушав нежданного посетителя, Варвара Васильевна отпускает его, провожая его к двери. Сиушов кланяется, целует руку княгини...

– Скажите, как фамилия посетившего Вас графа? – спрашивает княгиню мадам Лиотэ.

– Да это не граф, это простой русский крестьянин... – отвечает своей гостье-аристократке княгиня.

Помню из рассказов княгини Варвары Васильевны следующий маленький штрих их семейной жизни:

– Частенько бывало, просыпаюсь ночью, смотрю – нет в спальнeй мужа. Встаю и нахожу его в рабочем кабинете, на коленях стоящим у св. образов за молитвой.

С кончиной княгини, многолетней устроительницы Рождественской елки, собиравшей на праздник до 150 чело-

век детворы, устройство елки перешло в руки людей, хотя и воспитанников старой школы, но туманной веры и нецерковных. В программах детской елки появились фокусники, запестрели такие перлы, как «канкан», «претворение воды в вино», «ученый профессор демонстрирует «хвост кита» (селедки), проглотившего пророка Иону», «райское яблоко, которое съела Ева», «танец моряков», предваренный словом конферансье «Кто исполнители танца, мальчики или девочки? – спросите д-ра К.».

Окончательно убедился я в том, что всё, что творится в области воспитания и образования молодежи в отрыве от Церкви, таит в себе зародыши морального разложения и духовного самоубийства.

* * *

Телефонный звонок. В. Жедринский умоляет немедленно прибыть в госпиталь к его больной дочери Марии. Вхожу в палату, слышу громкий к отцу обращенный голос:

– Папа, прогони их!

– Кого прогнать?

– Да разве ты не видишь их, этих страшных...

Отец падает на колени, молится. Я читаю молитвы ко Св. Причастию. Больная успокаивается.

– Ушли, – произносит она.

Приняв Св. Дары Тела и Крови Христовых, Маша закрыла глаза и через несколько минут громко сказала:

– Папа, как легко, как мне хорошо! Сегодня я буду дома.

– Машенька, ты не представляешь, как мама и я будем счастливы.

Больная прерывает отца:

– Нет, папа, не в наш дом иду я сегодня...

И в этот же день она мирно отошла в Обители светлые, о которых сказал Господь – «в Доме Отца Моего обителей много...»

В один из будних дней посетил меня молодой настоятель римо-католического храма в поселке Бурназель – о. Иоанн Берхман.

– Я впервые встречаюсь с православным русским священником, пришел с Вами познакомиться.

Встретил я его ласково, провели мы в беседе более часа. Он горячо говорил о единстве православно-кафолической и римско-католической Церкви, о том, что Христос есть Единый Глава Церкви, Небесной и Воинствующей земной, что римское учение о главенстве и непогрешимости Папы не имеет подтверждения ни в Св. Писании, ни в Св. Предании, мы едины во Христе; и закончилась встреча чтением им молитвы «Отче наш» на латинском языке.

Но вот через месяца два после «мы едины» умирает в православной семье С. Щигельской, моей прихожанки еще по Брест-Литовску, ее мать, р. Б. Антонина, римско-католического исповедания.

В небольшой барачной комнате-кухне 7 человек: сын и дочь прихожанки с мужем и двумя детьми, их бабушка и прабабушка – р. Б. Антонина в гробу. Когда ранним вечером пришел ко мне К. Чистик – отец детей – с просьбой, чтобы я похоронил старушку, я понял, что заинтересованы они прежде всего в том, чтобы вынести на ночь из комнаты гроб с покойницей.

Отпевать покойницу, по моей просьбе, согласился о. Берхман. На следующий день к указанному им часу пошел за ним М. В. Геккер. Подходя к дверям нашего барачного храма, о. Берхман спрашивает, а где же покойница? М. В. Геккер, открывая дверь храма, указывает батюшке на стоящий в храме гроб, на что последовал ответ:

– Я туда не пойду! Вынесите гроб из храма, здесь я и прочитаю чин погребения...

Пришлось подчиниться. Вот-те и «мы едины во Христе!»...

* * *

– Антон Казимирович, почему Вы не определите Вашу супругу в госпиталь, ведь она нуждается в круглосуточном надзоре, – спросил я, встретив в Марракеше А. К. Карпинского.

– Батюшка, да разве это возможно? Я стараюсь руководствоваться в жизни Божиим законом, законом Любви, о котором говорит и ап. Павел: «друг друга тяготы носите...». Разве допустимо Богом мне данного больного Друга отдать в грубые руки больничных рабочих?

И он рассказал мне о том, как женился на юге России на чудной по сердцу бельгийке, как были они счастливы, в какой радости друг о друге протекала их жизнь... Но недолго это продолжалось. Началась в России разруха, пришлось им быть свидетелями невероятных зверств, творимых теми, кто захватил власть в стране, пришлось им покинуть еще так недавно лучезарную Россию.

И вот, уже за границей в результате виденного и пережитого в поверженной России жена его душевно заболела – у нее началась мания преследования.

Тихое помешательство переходит часто в затяжное буйное. Болезнь прогрессирует.

А. К. Карпинский служит директором химического завода в Сиди-Маруф, вблизи г. Каабланка. С утра до его возвращения со службы смотрит за больной опытная сестра милосердия, а с ее уходом забота о больной ложится на него. Частые бессонные ночи. Но он благодарит Бога за то, что дает ему Господь силы для несения Креста любви к больной.

11 апреля 1953 года стоит у калитки приходской усадьбы в Каабланке, слезами омывая лице свое, Антон Казимирович.

– Батюшка, скончалась моя Лизочка, умоляю вас, не откажитесь похоронить ее. Вот наша брачная метрика. Она римо-католического исповедания, но венчались мы в православном храме, и вместе со мной она всегда посещала православный храм.

Говорит, а лице его заливается слезами. Израненное сердце излечивается прикосновением к нему Христа – Любви Божией. Я внял его просьбе: отпевал покойную с участием хора.

* * *

В начале 1953 года для управления приходами и общинами в Северной Африке прибыл в Тунис преосвященный епископ Нафанаил. В марте-июле получил от него два письма, в которых глубоко мной почитаемый Владыка писал:

«ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

Rue de Cronstadt.

Montfleury. Tunis

**Ваше Высокоблагословение,
дорогой и глубокочтимый батюшка о. Митрофан.**

Предполагая создать Епархиальное Управление, я намереваюсь пригласить в него Вас, о. Василия Шустина и старосту Тунисского прихода С. С. Плешко.

Собираться мы будем раз в год. В этом году собраться не удастся, так как я хочу лучше осенью приехать к Вам, а Вас сюда пригласить на будущий год, когда Владыка Иоанн по моей просьбе назначил у нас в Тунисе собраться ежегодному архиерейскому совещанию всех Преосвященных церковного округа Западной Европы и Северной Африки. Тогда приглашу я и Вас и о. Василия.

Очень многие тут с горячей сердечной любовью и глубоким уважением вспоминают Вас, воистину Вы приобрели сердца тунисцев. И мне очень отрадно слышать эти многие добрые, согревающие сердце слова о Вас, милый батюшка. Я же рассказываю им о Ваших добрых подвигах в незабвенное для всех нас «героическое» время 1945–46 гг. в Германии.

По Вашему доброму примеру хочу и я тут издавать маленький церковный листок. На этот предмет очень буду просить Вас и о. Григория присылать мне корреспонденцию из Марокко. Я очень любил его статьи, которые он (за подписью «Клавдия и Григорий Баранниковы») присылал нам в Словакию для журнала «Православная Русь». Если даст Бог это дело пойдет, то я переведу сюда свою типографию из Англии и буду издавать журнал типографски...

Огорчило меня Ваше желание оставить Вашу святую работу в Африке и направиться за океан. Очень мне хотелось бы отговорить Вас от этой мысли. Прежде всего указанием на то, какое огромное, какое незаменимое дело вручил Вам Господь в той стране, где Вы с таким успехом трудитесь.

И ведь это дело теснейшим образом связано персонально с Вами. Вы уйдете – и оно рухнет. Будем с Вами верны Старому Свету. Я очень просился не быть назна-

ченным в Вашингтон, куда меня назначил было Синод после того, как меня выкинули из Англии. Бог даст, когда буду у Вас, расскажу Вам все это подробно. Исполать Вам, родной Батюшка...

Не посетуйте за, может быть, несколько резкие мои убеждения Вам – не бросать Старого Света, Богом нам данной Африки. Поверьте, что эти убеждения продиктованы искренней любовью и глубочайшим уважением к Вам.

Ваш искренний почитатель и любящий богомалец

Епископ Нафанаил.

К великому прискорбию духовенства Северной Африки не пришлось нам трудиться с епископом Нафанаилом, рухнули его светлые планы апостольского служения в Богом нам данной Африке.

В первых числах января 1955 года получил я Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей за № 1988:

«17-го декабря 1954 года слушали: Устное представление Высокопреосвященного Председателя Архиерейского Синода о том, что с отъездом преосвященного епископа Нафанаила из Туниса русские православные общины в Северной Африке остались без общего возглавителя.

Поскольку назначение в Тунис архиерея теперь не предвидится, наиболее целесообразным было бы назначение Администратором русских православных общин в Северной Африке старшего и наиболее опытного из находящихся там священников, а именно протоиерея Митрофана Зноско.

Постановили: назначить Вас Администратором русских православных общин в Северной Африке с подчинением Вам, кроме общин в Марокко, общин в Алжире, Тунисе и Бизерте.

О чем послать Указы Представителю А. Синода в Западной Европе Преосвященному Архиепископу Иоанну и Вам.

Подпись: Председатель А. Синода

(—) Митрополит АНАСТАСИЙ».

Синодальная печать.

Вслед за этим получил я и следующий Указ за № 1991:

«АРХИЕРЕЙСКИЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ за границей:

17-го декабря 1954 года слушали:

Устное представление Председателя Архиерейского СИНОДА о награждении Вас митрой за Ваше отлично усердное служение Св. Церкви, а также в связи с Вашим высоким положением как Администратора русских православных общин в Северной Африке.

Справка: Последняя награда – наперсный крест с украшениями получен был Вами в 1943 году.

Постановили: Наградить Вас митрою во внимание к Вашему *отлично* усердному служению Св. Церкви, выразившемуся особенно в организации ряда церковных общин в Марокко и к Вашему положению как Администратора русских православных общин в Северной Африке.

О чем послать Вам Указ.

Подпись: Председатель Архиерейского Синода

(—) Митрополит АНАСТАСИЙ».

Печать Синода.

По должности Администратора в годы 1955–58 посетил я для ознакомления с жизнью приходов и общин, для разбора недоразумений, примирения и братского общения с о.о. настоятелями дважды Тунис и три раза Алжир, в котором священствовал о. Василий Шустин, духовный сын Оптинского старца Амвросия и батюшки о. Иоанна Кронштадтского.

Указ о награждении митрой – в смятении духа – скрыл и от моей матушки, и от о. Григория с паствой, запрятав его среди бумаг в моем письменном столе. Через два года в дни моего отсутствия в Казабланке обнаружила его моя старшая дочь, всегда проявлявшая интерес к бумагам и письменному столу своего отца. За этим – от кого, остается для меня тайной – последовало донесение м. Анастасию о том, что я служу без митры.

* * *

– Батюшка, дочь моя Ниночка приняла протянутую руку ее школьного друга. Он француз, из очень хорошей

барской семьи. Не откажитесь повенчать их в нашей церкви, – просит меня С. М. Котэн.

– Хорошо, пусть молодые зайдут ко мне на предбрачную беседу.

Через два дня снова появляется у меня Сергей Михайлович.

– Батюшка, мой будущий зять, оказывается, некрещеный...

Выясняется, что его предки, выходцы из Италии, были в близком родстве с одним из римских пап. Между ними произошла ссора, в результате которой его предки не только ушли из римо-католической церкви, но и поклялись в том, что их дети – мужского пола – и их потомки не будут крещены, подписав клятву своей кровью. Будущий зять хочет ограничиться заключением гражданского брака, но верующая невеста не соглашается сойтись с ним без Божия благословения, настаивает на церковном венчании.

Как же мне венчать некрещеного? Невозможно. Девушка в отчаянии, ее отец и жених – видно – страдают. Но нарушить клятву предков он не решается.

– Сергей Михайлович, помолитесь, Господь поможет нам, и зайдите ко мне через неделю.

«Несомненно, – думаю я, – сатана связал клятвой предков его». И вспомнив исцеление Господом согбенной женщины, к Нему обратился за советом. Тебе дано освободить его от уз сатаны – таково было мне веление пастырской совести.

В ближайший воскресный день Нина исповедалась, приступила к Чаше Жизни, а через две недели стояла с женихом в храме пред Господом. Храм переполнен французами. Дивно поет хор в полном составе. Я совершаю обручение, поем молебен Спасителю и Пречистой, прочтением Евангелия молодые громко четко читают и подписывают клятву в верности друг другу (присяга, по требнику Петра Могилы), после чего, на главы их возложив Евангелие, читаю текст Евангелия от Матфея (7, 7–11), затем сутубая ектения и обычный отпуст с многолетием.

Молодые сияют от радости. А находчивый отец Нины во время пения многолетия обходит с тарелкой

в храме присутствующих своих гостей, тем освободив себя от расходов на храм и причт. Через год после свадьбы умерла мать Нины. Все хлопоты о похоронах взял на себя зять покойной, умоляя меня совершить отпевание «строго по закону, без сокращений». К моему отъезду из Марокко у Ниночки с мужем было уже трое детей, все мальчики и все крещеные...

* * *

Клеветнические доносы в полицию так допекли меня, что я решил начать хлопоты об отъезде из Марокко. Нетрудно было узнать имена клеветников и содержание их донесений. Для этого были среди прихожан верные Державной России «мужи доверия» высших органов власти, русские старожилы Марокко. Имея такую возможность, решил я ею воспользоваться и открыто выступить против клеветников.

Ежегодно выступая перед паствой с докладом о положении Матери Церкви в СССР, решил я в 1956 году после обычного доклада сказать несколько слов об отрицательных явлениях в нашей православно-русской семье в Марокко, в жизни общины.

– Дорогие мои, зная ваше глубокое уважение и преданность пославшему меня к вам, в Марокко, Главе Русской Зарубежной Церкви Митрополиту Анастасию, с горечью отмечаю отсутствие у многих уважения к посланному им настоятелю русской православной общины. Об этом свидетельствует поток клеветнических на меня доносов в органы полиции и разведки.

Обращаюсь к злоязычникам: «Господа, вы забыли о том, что не бывает тайного, которое бы не стало явным. Так вот, я перечисляю в порядке поступления в полицию доносы на настоятеля общины и их содержание, не называя их авторов... Предупреждаю, если доносы будут продолжаться, я буду вынужден назвать имена их с амвона, в храме...»

Мое выступление вызвало в определенном кругу вспышку гнева и негодования, вскоре утаскую, но зато прекратились доносы на священника.

– Вы, батюшка, у нас новый человек. Вам следует проявлять большую осмотрительность в общении с людьми, чтобы не допустить в своей пастырской работе непоправимую ошибку. Советую вам не вступать в общение с домом Н. И. и С. В. Лукановых, это ярко выраженные советские, хотя и без советского паспорта, а Петра К-ча вон гоните из приходского совета, это атеист, введенный в состав приходского совета по личному знакомству...

Как опасны для пастыря подобные «шептуны», непрошенные осведомители с характеристикой ряда прихожан. Таким «шептуном» в первые же дни моего пребывания в Казабланке явился Т. И. С-ий. Человек несомненно верующий, церковный, в личной жизни порядочный, но оценивавший всех через призму личной и своей жены симпатии и личных отношений.

Выслушав милейшего Т. И., отправился я на следующий день к названным им лицам. И стыдно мне стало за «ревнующего о благе православного общества». Названный им атеистом Петр Николаевич К-ч оказался скупым на слова, деликатным в обращении, замкнутым глубоким христианином. Его я полюбил, к нему обращался за советами и ввел его в Совет общины.

А в семье, вернее – в доме болящего Сергея Васильевича и Нины Ивановны Лукановых, я душевно отдыхал от общественных дразг. Чтобы дать прикованному к постели тяжким недугом Сергею В. возможность помолиться за обедней и принять Святых Тайн Тела и Крови Христовых, я дважды в году совершал в его доме Литургию. Пел хор из 4-х человек.

Отмечу прежде сказанное: своим даром батюшке 10 тысяч франков в 1948 году Нина Ивановна положила основание «Свято-Сергиевского Благотворительного Фонда» при настоятеле общины, и этот Фонд за 9–10 лет своего существования выдал пособий на сумму, превышающую три миллиона 500 тысяч франков.

Сергей Васильевич Л. упокоился 12 марта 1954 года. К его кончине прибыл я с напутственной молитвой. Неподвижно, не подавая признаков жизни, лежит Сергей

В. Я читаю отходную. На мое плечо неожиданно опускается рука Нины Ивановны.

– Батюшка, я не в состоянии дальше слушать страшные слова отходной, Сереже они не нужны, он уже их не воспринимает...

И в этот момент, как бы в ответ на слова любимой жены, зашевелилась правая рука отходящего, пытаюсь сложить пальцы для крестного знамения.

– Нина Ивановна, смотрите – вот вам ответ на вашу просьбу...

Нина Ивановна подошла к мужу и помогла ему осенить себя крестом. Я закончил молитву.

Вскоре мирно закончил свой крестный жизненный путь и р. Б. Сергей. Сколько горьких упреков и осуждений пришлось выслушать от «ревнителей Православия», осуждавших священника за совершение Литургии в частном доме, у больного, для причастия которого существуют запасные Святые Дары.

* * *

Выхожу в одно лучезарное утро из храма. У дверей храма стоит дама. Увидав батюшку, спрашивает:

– Скажите, будет ли сегодня Литургия?

– По какому случаю? – спрашиваю я.

– Да ведь сегодня «обретение мощей Иисуса Христа»...

* * *

Захожу 17 ноября 1956 года перед началом всенощного бдения к старцу адмиралу А. И. Русину. Недомогавший старец лежит. Совершил молитву, беседуем. Старец делится пережитым в дни измены Государю видных генералов, говорит и о бывших попытках вызвать в нем недоверие ко мне, «разбить наши близкие отношения».

– Но я не от Вас, батюшка, а от них отошел.

После моего вопроса, как он себя чувствует, адмирал сказал:

– Я, батюшка, благодарю Господа за жизнь мою, но уже она в тягость мне. После всего пережитого, после трагедии Государя и России тяжело нести бремя 96-ле-

тия. Как бы возблагодарил Господа, если бы Он сегодня призвал меня.

– Адмирал, Вы с таким спокойствием говорите о своей кончине, о смерти. Неужели нет у Вас страха перед смертью?

– Христов и Государя воин, батюшка, смерти не боится. А я всегда был православно верующим, я сын священника, я христианин.

– Меня радуют слова Ваши, дорогой адмирал.

– А меня радует Ваша, батюшка, радость. Не боюсь я пути, на который вступаю, оставив бранный сосуд. Путь указан нам Спасителем нашим, «в доме Отца Моего обителей много». Я, батюшка, знаю, что встретят меня мой родитель, верный служитель Алтаря Господня, и моя мама – Анна, воспитавшая меня в вере и благочестии, вложившие в меня чувство долга и чести. Один грех тревожит меня. Занимая при Государе большие посты, я не был примерным посетителем храма Божия, церковных служб и тем как бы оправдывал нецерковность моих подчиненных. Это мой тяжелый грех пред Богом и пред Россией, в котором я всегда каялся.

Отпуская меня после этой беседы-исповеди ко всенощной, старец трижды перекрестил меня и вручил мне на память свою палку с покрытой серебром ручкой.

Не пропускавший в годы моего пребывания в Марокко ни одной воскресной и праздничной Литургии, всегда приходивший в храм к самому началу Литургии и преклонявший колени при словах ектении «христианския кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшнем Судище Христове, просим» – старец-адмирал во время всенощного бдения тихо, мирно отошел ко Господу.

* * *

В 5 часов утра на 18 января 1957 года отошел в лучший мир р. Б. Иосиф Ярошук. С 9-летнего возраста оставшись сиротой, рос он при Церкви, на служение которой был призван в 1938 году по окончании регентских курсов при Свято-Онуфриевском Яблочинском монастыре.

В годы 1938–44 был он псаломщиком-регентом в селе Черск, Брестской епархии. Ни вызовы в НКВД, ни посулы и пытки, ни угрозы ссылкой, ничто не поколебало его верности Церкви: он до конца оставался стойким, верным служителем Ея.

Перенесенные в подвале НКВД удары в спину и падение с высокой лестницы на работе в Марокко (с повреждением позвоночника) привели его к преждевременной кончине. Долго и тяжело болел р. Б. Иосиф. От двух до пяти часов проводил я ежедневно у его ложа, беседуя и читая акафисты Спасителю и Пречистой, слушая его наставления жене и детям.

– Маруся, я рад, что меня, а не тебя забирает Господь. Тебе легче будет воспитать и поставить детей на ноги, ты не растеряешься. Вместо меня остается у тебя и у детей Высший Отец – это Господь. Ему будьте послушны, а вы, дети, слушайте еще маму, ей не прекословьте, ее устами будет вам говорить Сам Господь и я, к Нему уходящий. Помни, Маруся, у тебя остается великий Божий дар – это дети наши. Береги их, воспитывай в любви к Богу и молитве и в строгости. Учи их так, как и меня учил мой отец, идти в жизни «узким путем, а не широким». Отец не оставил мне наследства, но он дал мне свое честное имя и великое наставление – «два пути в жизни, сынок, широкий и узкий. Всегда иди узким путем; дольше и тяжелее идти, но зато никогда на этом пути не заблудишься, никогда Бога не потеряешь и душе не повредишь. А это в жизни главное». И я шел этим путем. Раз решил попробовать широкого пути, но быстро раскаялся. Маруся, батюшка, знает об этом, она видела, сколько слез пролил я тогда за нарушение отцовского наставления. Не ищи, Маруся, себе нового друга. Его ты не найдешь. Был у тебя один Богом данный друг, твой муж, и другого не найдешь. А то, что можешь встретить, тебе это не надо, это духовно тебя убьет и детям повредит... Тяжело мне, батюшка, ох как тяжело. Испышает сатана, чтобы на Господа возроптал я, но нет, не дождется. На все Его Святая Воля. Ты не плачь, Маруся, еще я не умираю, только спешу дать тебе наставление, ибо не знаю – может, в ближайший день лишусь памяти, а может, и рассудок... тогда не смогу ничего вам сказать.

Светло, с глубокой верой в Промысл Божий, мирно отошел верный Христов слуга, оставив вдову и троих ребят, старшему было 14 лет. Заботу о семье почившего взял на себя «Свято-Сергиевский Благотворительный Фонд», благодаря отзывчивости группы верующих обеспечив вдове вплоть до ее отъезда в США полное месячное жалованье в сумме, получаемой ее покойным мужем, плюс ежемесячную выплату за квартиру.

Чтобы обеспечить вдове первые шаги в США, в одном из банков Нью-Йорка был открыт на имя вдовы счет, в который поступали пожертвования от бывших марокканцев в пользу осиротевшей семьи. В организации этого сбора принял живое участие И. Н. Ростовцев.

* * *

Еще в конце 1953 года после резких выступлений против меня некоторых из молодых членов РОВСа-НОРР решил я уйти с должности настоятеля общины, возложив свои полномочия на о. Григория, на что получил в личном письме м. Анастасия от 28 декабря следующий ответ:

«Глубокочтимый о. Протоиерей!

Я очень удивлен был Вашим неожиданным решением снять с себя свои наиболее ответственные обязанности, переложив их на о. Григория Баранникова. Последний смутился, почувствовав себя не подготовленным к ним, что, конечно, вполне справедливо. Я удивился, увидав его подпись на Рождественском письме стоящей выше Вашей. Ваше заявление о желании занять такое положение в Марокко не принято мною и не одобрено Архиерейским Собором, и Вы остаетесь на своем прежнем посту с прежним крутом Ваших полномочий.

Итак, мужайтесь, бодрствуйте и будьте тверды во всех путях своих.

Ваш усердный доброжелатель

(—) м. Анастасий».

Хлопоты о постройке храма приближались к концу. Приближался и крайний срок – ради дальнейшего обра-

зования детей – к отъезду из Марокко. На мою просьбу о переводе меня в другую страну последовал от м. Анастасия следующий (в личном письме) ответ (август 1957):

«К сожалению, я не вижу пока соответствующего места, куда бы мы могли устроить Вас: имею в виду Ваши семейные условия. Поэтому я советовал бы Вам не спешить с ликвидацией Ваших приходских и домашних дел, дав нам время предусмотреть для Вас место нового служения, где бы Вы с наибольшей пользой могли бы поработать на ниве церковной в последующие годы Вашей жизни».

Вскоре после этого письма Владыки Митрополита получил письмо от Архиепископа Берлинского Александра. Владыка предлагает мне место в Берлине:

«Нам необходимо теперь иметь священника в Берлине... При сем посылаю Вам выписку из письма протоиерея Г. Граббе, где он рекомендует именно Вас как хорошего Администратора».

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь! – пишет 7 февраля 1957 года о. Георгий Граббе владыке Александру, – ... я виделся с адвокатом нашего благодетеля. Последний по-прежнему заинтересован Берлином. У меня впечатление, что пока мы туда не найдем кого-либо из священников, который мог бы развить там работу и, может быть, отобрать имущество от большевиков, помощь могла бы быть щедрой и священник был бы обеспечен как никто из нашего духовенства. Интересно, что ответит Вам о. М. Зноско. Он туда очень подходит, если решится на такое место. Он мог бы там собрать деньги на будущее время, оплачивая обучение детей».

Более подробные данные, касающиеся моего положения и материального обеспечения, получил я из Канцелярии Синода. Кроме прихода в Берлине, в моем ведении как Администратора целая область с непосредственным подчинением Председателю Синода, с прекрасным месячным жалованьем в 50.000 долларов, с квартирой для семьи по моему выбору – в Берлине, Франкфурте или Мюнхене, с оплатой полетов к семье плюс разъездные.

Предложение по моему характеру, да и материально заманчивое. Уверен в том, что и собор Берлинский стал

бы вскоре моим приходским храмом. Но... обязанность (или необходимость) поддерживать связь с оккупационными властями трех зон, с Мировым Советом Церквей и с Комитетом Трушновича... это не по мне.

И решил я отказаться от заманчивого и лестного предложения, ссылаясь на то, что моя там деятельность может печально отразиться на моих родственниках в Польше и в подъяремной России. В ответ на отказ получил от о. Г. Граббе следующее письмо:

«КАНЦЕЛЯРИЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА

Правитель Дел.

25 сентября 1957 года.

**Ваше Высокоблагословение, глубокоуважаемый
о. Протоиерей!**

Думается мне, что Вы и в Марокко достаточно насолити большевикам и что если бы такая Ваша деятельность угрожала кому-нибудь из Ваших близких, то они могли бы пострадать где бы Вы ни были и Ваша работа в Берлине для них не более опасна, чем в другом месте и, следовательно, разницы большой не будет. Между тем, для обеспечения Вашей семьи лучшего места нельзя себе представить. Поэтому мне кажется, что Вам следовало бы вновь обдумать этот вопрос».

Не внял я голосу Правителя Дел Синода, это человек «задней мысли».

В январе 1957 года владыка Митрополит Анастасий в личном письме (от 17/1) запросил меня:

«Писал ли Вам Архиепископ Иоанн, что он хотел бы предложить Вам место в новом храме в Париже? Прошу не отказываться от этого предложения».

Не в 1957 году, а в январе 1958 получил я письмо от Архиепископа Иоанна, в котором он предложил мне прибыть в Париж для решения вопроса о восстановлении в Париже нашего соборного прихода с возможным назначением меня настоятелем этого прихода. За этим письмом последовала из США телеграмма от владыки м. Анастасия с предписанием отбыть в Париж. В начале февраля я вылетел в Париж. «Новым храмом», о котором писал мне в январе 1957 года вла-

дыка Анастасий, оказался «бокс» – убогий гараж на одну машину.

В отчетном рапорте м. Анастасию от 4 апреля о поездке в Париж (с копией владыке Иоанну) я писал:

«Данные для восстановления и развития нашего прихода в Париже, бесспорно, имеются, что установлено мною в результате моего ознакомления и общения с широким кругом парижской эмиграции. Я встретился с двумя преосвященными экзархата, дважды встретился и беседовал с нашим соборным духовенством, посетил многих настоятелей евлогийских приходов, встретился и беседовал с церковными деятелями экзархата, с некоторыми профессорами Богословского Института на рю де Кримэ, посетил собрание Кадет и собрание, посвященное писателю Зайцеву. Посетил также две русских бакалейных лавки, владельцы которых оказали мне исключительное внимание: в течение двух дней они нашли к продаже б. протестантский храм с двухэтажным, рядом с храмом, домом, о чем я подробно пишу в докладной Священному Синоду».

В моей докладной Архиерейскому Синоду я указал, что приобретение найденного к продаже протестантского храма с прилегающим к нему домом вблизи Военной Академии является первейшей необходимостью и условием для возрождения в Париже соборного прихода.

Для приобретения этого имущества к сумме, которой уже располагает местный приход, нужна ссуда не более 5 тысяч долларов, каковая будет постепенно возвращена в кассу Синода.

На это последовал ответ: Синод не располагает такими средствами... Таким образом, моя поездка и труды в Париже оказались напрасными. В письме своем от 12 августа 1958 года владыка Архиепископ Александр Германский написал мне:

«Мне очень печально, что Синод наш, невзирая на то, что Вы нашли в Париже подходящий храм для нашего прихода, не заставил Владыку Иоанна серьезно заняться этим делом».

Я же полагаю, что владыка Архиепископ Иоанн здесь не причем.

Место в Париже меня вполне устраивало, о чем и сообщил я владыке Иоанну. Но ответ Синодальной Канцелярии на мою докладную и, особенно, возмущившее меня письмо П. С. Лопухина – секретаря Епархиального Управления, в котором милейший Лопухин, можно сказать, учинил священнику политический допрос, ставя в зависимость от моего ответа приемлемость моей кандидатуры, заставило меня от настоятельства в Париже отказаться. Секретарь Епархиального Управления написал мне:

«Возможность Вашей кандидатуры известна местным людям, она обсуждается, меня спрашивают о Вас, и я отвечаю, что знаю, но есть один вопрос, на который я ответить не могу. Спрашивают, правда ли, что Вы причастны к политической деятельности солидаристов...»

Вышедшему из своих рамок секретарю Епархиального Управления, почтеннейшему П. С. Лопухину я ответил:

«Прошу Высокопреосвященного Владыку Иоанна, мною глубоко почитаемого и любимого Архипастыря, снять мою кандидатуру на должность настоятеля прихода Русской Зарубежной Церкви в Париже не потому, что я причастен к политической работе или состою в какой-либо партии, нет – партии суть сеяние врага нашего общего спасения, – а потому что как иерей Бога Вышнего, Ему Единому совершающий служение, глубоко возмущен Вашим политическим допросом. Принципиально отвергаю подобный подход Епархиального Управления к иерею... О себе же скажу: я слуга Божий, служу Богу и Его Святой Церкви, а не вкусам и политическим вождениям плотских людей. Вы прекрасно должны знать, что своей принадлежностью к любой политической партии священник отсекает себя невидимо от Тела Христова, лишается благодати священства, становится наемником, не воином Христа, а служителем вторичного добра становится он».

К Новому 1958 году закончил постройку Свято-Успенского храма в Казабланке. 25 января, в день св. мц. Татианы, храм освятили. Ко дню освящения храма разо-

слал я рассеянными по всей стране прихожанам следующее обращение:

«Слава Богу! Наше десятилетие служения в Марокко мы заканчиваем освящением вам – сыны России – принадлежащего Свято-Успенского храма в Казабланке с приходским домом.

В создание храма вложено нами самое дорогое, что унесли мы с собой в сердца наших из России.

Жизнь человека, наша с вами, сыны рассеяния Российского, жизнь есть борьба за душу нашего народа, за Духа Божия в человеке. И все, что мы делаем на чужбине, отражает наше место в этой борьбе, отражает наше достоинство или никчемность, нашу верность высшим ценностям – Богу и Отечеству – или Им нашу неверность, бездуховность нашу и, таким образом, наше ничтожество.

Мы благодарим Господа за то, что вдали от Родины дает Он силы отвергнуть “богов чужих”, сохранить ясное сознание и живое понимание того, что без стояния сердцем в Церкви Православной русский человек есть ничто и жизнь его является игрушкой в руках “человекоубийцы искони” или в лучшем случае становится пустой, а сам он, уходя в так называемые политические и общественные дела, представляет собой “медь звенящую и кимвал бряцающий”, т. е. становится пустоцветом.

Никто не узнает о всех тех трудностях, которые пришлось перенести и пережить нам за эти десять лет, особенно же – в хлопотах по созданию скромного духовного центра в Казабланке. Мало кто верил, что удастся нам успешно завершить святое дело, клич к началу которого был брошен, но отвергнут еще в 1948 году. Мы скорбим о тех, кто в деле создания в Казабланке духовного русского очага уклонился от выполнения своего долга перед Церковью и своими соотечественниками: из 430 семейств нашей общины 190 не вняли нашему призыву принять участие в святом деле.

“Объединяйтесь, русские люди, Я рассчитываю на вас”, – возгласил некогда Царь-мученик. Его клич, как и клич св. Патриарха Тихона к объединению ВСЕХ под знаменем Святых в Земле Русской просиявших, не был

услышан. И сейчас русские люди идут вразброд, по басне Крылова, что неоднократно проявлялось и в жизни русской колонии в Марокко, посему-то и страдаем, посему-то и сроки спасения Отечества не приходят.

В заключение скажу следующее: существует старинная поговорка “Не строй храма, пригрей сироту”. Слава Господу, с Божьей помощью мы и сироту пригрели, да и храм соорудили. Говоря о сироте, имею в виду то, что в течение полутора лет на добровольные взносы в “Свято-Сергиевский Фонд” мы содержали семью покойного во Христе брата нашего Иосифа Ярошука, состоящую из четырех душ, совершая этот акт любви просто, без рекламы и осложнений. Этими двумя во имя Господа делами Христова семья в Марокко – Русская Православная община – венчала десятилетие своего в этой стране существования».

На собрании, посвященном освящению храма, заменивший адмирала А. И. Русина на посту заместителя Председателя общины – благороднейший Петр Николаевич Коларович, в своем слове сказал:

– В то время, как подавляющее большинство прихожан не видело никакой возможности предпринять на собранные суммы покупку земли и постройку храма, свершилось чудо: вот у нас наша церковь, построенная на клочке нашей собственной, а поэтому, можно сказать, и русской земли... Мне хочется отметить еще одну черту реализации Вашего, батюшка, замысла.

Когда местная пресса узнала, по достоинству оценила духовный масштаб этого отрадного явления, явления радостного – праздника открытия храма – и уделила ему на страницах газет видное место и хвалебный отзыв, Вы, отец Митрофан, в разговоре со мной сказали следующее: моя мечта – это чтобы наш Свято-Успенский храм, когда возродится Россия, стал бы храмом будущего Российского Консульства в Казабланке и чтобы эта частица земли стала подлинно русской землей.

В этом сказался весь Ваш духовный облик как служителя Церкви и Отечества.

Закончил я мое в Африке послушание. Приближался тяжелый момент разлуки с о. Григорием, с паствой и со страной, которые я любил.

Не успел я еще пережить разлуку с моей первой любовью, с прихожанами Свято-Никольского храма в Бресте, а тут новая разлука. Терзает меня все годы мысль о том, что бранит меня брестская паства за неожиданное, молниеносное в субботний день, перед всенощным бдением, исчезновение. После неудач с Германией и Парижем обратился я к Авве Анастасию с просьбой о предоставлении мне места в США. В декабре получил я от Аввы письмо (от 11 декабря):

«Прошу не унывать от столь долгого ожидания возможности лучшего устройства для Вас, которого мы все признали бы Вас достойным. Мы имеем в виду и будем и далее стараться устроить Вас на соответствующее Вашим способностям и семейным нуждам.

Надеюсь, Господь вознаградит Ваше терпение.

Призывая на Вас Божие благословение, остаюсь Вашим доброжелателем

(—) Митрополит Анастасий».

К середине 1959 года получил я Указ: «Протоиерей Митрофан Зноско освобождается от должности Администратора русских православных общин в Северной Африке и Настоятеля русской православной общины в Марокко по прошению, в связи с переселением его семьи в Северную Америку, С ОТЧИСЛЕНИЕМ ЕГО В РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА впредь до получения им нового назначения. Ему выражается благодарность за его особое пастырское усердие и умелое ведение дела».

21 июня сдал я дела новому настоятелю общины о. Григорию Баранникову, 22 июня послал Митрополиту Анастасию рапорт, а 28 июня отбыл в США в «личное распоряжение Председателя Архиерейского Синода».

Л'ЕГЛИСЕ ORTHODOXE RUSSE A L'ETRANGER

13, Rue de Blida, Casablanca, Maroc –

Telephone: 616-93

Communauté et Eglise Orthodoxe Russe au Maroc
Reference, & 356

Casablanca, Le 22 июня 1959 года.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ

МИТРОПОЛИТУ АНАСТАСИЮ,

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА

РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ,

НЬЮ-ЙОРК

РАПОРТ.

Ваше Высокопреосвященство,
настоящим сыновне довожу до Вашего сведения, что согласно Вашего распоряжения от 16/29 мая с. г., сообщенного мне письмом Канцелярии Архиерейского Синода за № 11/35/19/50 от 17/30 мая, ПРИХОД-ОБЩИНА в Марокко СДАН мною Протоиерею Григорию Баранникову по акту от 21-го июня сего года. Один экземпляр АКТА сдачи-приема общины прилагаю к сему моему рапорту.

Со скорбью сердечной готовясь к отъезду из Северной Африки, с которой как в лице паствы, так и в лице северо-африканского духовенства нашего навеки связаня узами молитвы и любви, побуждаемый любовью и заботой о деле церковном в Марокко, прошу благословения обратить внимание Вашего Высокопреосвященства на следующее:

1. Марокко не может долгое время оставаться при одном священнике как ввиду громадной территории русской православной общины в этой стране, так и ввиду НЕОБХОДИМОСТИ РЕГУЛЯРНОГО совершения богослужений в храмах Танжера, Рабата и Марракеша, не говоря о центральном храме-подворье в Казабланке и о Бурназеле, в котором также имеется постоянный храм и проживает до 100 человек прихожан.

2. В Марокко НЕОБХОДИМО послать в качестве второго священника монаха или бездетного женатого священника. Русская Православная община в Марокко насчитывает в настоящее время до 600 человек, разбро-

санных по всей стране, и без особых усилий может обеспечить двух священников при существующих бесплатных приходских квартирах.

Заканчивая мое послушание в Марокко, возношу СЛАВУ СПАСИТЕЛЮ-БОГУ, давшему мне силы нести в этой солнечной стране труд пастырства, приношу благодарность и Вам, АВБА, за руководство и постоянную духовную помощь и моральную поддержку, оказываемые мне Вашим Высокопреосвященством во все время моего пребывания на постах служения церковного в Северной Африке, особенно же в периоды, когда покидали меня силы и, казалось, отступил от меня Господь. Заканчивая послушание по должности администратора общин наших в Северной Африке, по долгу совести пастырской и служебному долгу, представляю на усмотрение Вашего Высокопреосвященства в ближайшее время доклад о жизни, положении и нуждах русских общин в С. Африке ко дню освобождения меня от должности администратора.

Припадая к первосвятительским стопам Вашего Высокопреосвященства и смиренно лобызая благословляющую десницу, остаюсь Вашего Высокопреосвященства недостойнейший послушник

Митроф. протоиерей Митрофан Зноско.

АКТ

Нижеподписавшиеся настоятель Русской Православной общины в Марокко митрофорный протоиерей МИТРОФАН ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ, с одной стороны, и протоиерей о. ГРИГОРИЙ БАРАННИКОВ, настоятель Свято-Воскресенского храма в Рабате, с другой стороны, составили настоящий акт в трех экземплярах в том, что первый сдал, а второй принял:

1. НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО русской православной общины в Марокко:

а) Свято-Успенский храм в Казабланке стоимостью 1.338.103 франка;

б) Усадьбу с причтовым домом при храме стоимостью 3.470.685 франков;

б) Часовню на кладбище Бен-Мсик стоимостью 200.000 франков;

НА ОБЩУЮ СУММУ – 5.008.788 франков.

В эту сумму 5.008.788 франков НЕ ВНЕСЕНА стоимость строительного материала, так как весь строительный материал получен БЕСПЛАТНО от строительных фирм Г. В. Гнедича и М. П. Герасименко. Храм строился при бесплатных архитекторе и инженере.

2. ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО-ИНВЕНТАРЬ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ХРАМА и к нему приписных храмов и часовни:

а) Свято-Успенского храма в Казабланке по состоянию на 1-ое января 1959 года – 1.697.180 франков;

б) Свято-Троицкой церкви в Бурназеле по состоянию на 15-ое мая 1959 года – 762.050 франков;

в) Свято-Воскресенской церкви в Рабате по состоянию на 1-ое июня 1959 года – 285.185 франков;

г) Державной иконы Божией Матери в Марракеше по состоянию на 15-ое июня 1959 года – 36.300 франков;

д) Часовни на кладбище – 5.000 франков;

НА ОБЩУЮ СУММУ – 2.785.715 франков.

3. Документы на недвижимое имущество.

4. Инвентарную книгу с полным занесением всего инвентаря указанных храмов, кроме храма св. пророка Даниила в Танжер и часовни на кладбище на сумму 2.785.715 франков.

5. Церковный архив с 1948 года по июнь года 1959-го.

6. Печати церковные ДВЕ: одна с текстом русским и вторая с французским текстом, и ОДИН ШТАМП.

7. Документы по строительному фонду.

8. Метрическую книгу, бланки метрические о родившихся и бракосочетавшихся, венчики и молитвы разрешительные.

9. Помянник с записью имен строителей храма и соиздателей подворья в Казабланке.

ИЮНЯ 21-го 1959 года.

СДАЛ (подпись прот. М. Зноско).

ПРИНЯЛ (подпись прот. Г. Баранникова).

* * *

Моя последняя Литургия в Успенском храме. Прощание. Подходит ко кресту друг искренний Руси Де-

ржавной, дореволюционный дипломат-американец р. Б. Хукер. Приложившись ко кресту, кладет на мои плечи руки свои, целует любящего его батюшку и говорит:

– Батюшка, куда Вы направляете стопы свои! Не найдете вы там того, к чему стремится душа христианина и честная натура человека...

И слезы потекли по лицу патриота Америки...

Но... Жребий брошен!

Покидаю светлое Марокко, унося в сердце и в памяти любовь к стране и ее народу, проявлявшему к русскому батюшке за все одиннадцать лет моих по всей стране служебных «трудовых прогулок» в арабских автобусах, в поездах и пешеходом в рясе с крестом на груди исключительный такт и внимание.

Особое чувство благодарности тем, кто был для меня, часто изнемогающего, моральной поддержкой, примером христианской настроенности и живой глубокой веры, как моя всех охватывавшая своим тихим любящим сердцем Матушка, большой духовной мудрости прот. о. Григорий – мой тихий и кроткий помощник, княгиня В. В. Урсова с ее дочерью Варварой Подчертовой, Антон Казимирович Карпинский, Нина Ивановна Луканова, старец-адмирал Русин – мой долголетний староста, Анатолий Михайлович Чельцов из г. Фез, Елизавета Николаевна фон Кнорринг, Елена Николаевна Безак и генеральский сын, офицер Императорской Армии Василий Петрович Дмитриевский, упокоившийся и погребенный на св. Горе Афон.

Все они – благодатные светлячки в моей жизни.

Глава XIX

Письма, размышления, относящиеся к периоду жизни в Марокко

Дорогой М. Т.,

с чувством глубокого волнения и благодарности прочел я присланные мне Вами листовки «Холод – друг человека» и «Будьте добры». Это Господь послал мне от неизвестного, но доброго человека великое утешение.

Переживал я период глубокого огорчения и холода внутреннего. Два с половиной года тружусь я в Марокко на пастырском поприще, прилагая все усилия к тому, чтобы подвести прочный фундамент под церковное и национальное дело в этой стране, чтобы создать здесь подворье, которое бы явилось местом не только молитвы и духовного отдыха усталых русских людей, но и местом воспитания молодежи, для устройства вечеров и концертов нашего дивного, любительского, жертвенного хора, пристанищем для одиноких стариков и старниц, донныне находящих приют в кошмарных условиях марокканской богадельни или умирающих на улицах (Суковкина, де Корвэ и др.).

Местные власти обещали нам предоставить участок земли для устройства этого духовно-национального центра и... подвели нас. Погибнет здесь все русское, как погибла молодежь первой волны эмиграции, лишенная здесь духовного центра и национального воспитания. Надо приехать в страну эту, чтобы убедиться, насколько тяжел здесь труд пастырский.

Отказ в земле, пустые подписные листы от тех, на кого надежды возлагал, из Бразилии, из Нью-Йорка и других мест, да и от человека, весьма мною благодетельствованного в лагере Германии, ныне же обладающего в США крупными средствами и материальными возможностями. Все дорожает и всюду холод. 10 июня произнес полную скорби проповедь в храме и сам разрыдался. А 14 июня получаю чудные листки.

Прочел их, и стыдно стало перед собой и перед паствой. Смалодушествовал... И в день великой Троицы, когда незаметно для себя глубже вникаешь в молитву, когда ближе чувствуешь присутствие Христа, вспомнил я слова листовки «Будьте добры». Под ее влиянием произнес слово на тему о доброте сердечной как даре Духа Святого. Доброе сердце всегда радостно, оно вносит свет в жизнь окружающих и других привлекает ко Христу. Человек с добротой сердечной и на жизнь смотрит ласково.

Она всегда и во всем ищет хорошего. Добр ли ты? Ты добр, если поборол в себе склонность к осуждению ближних, если победил в себе грубость в обращении с

людьми, если терпелив к чужому мнению и уважаешь чужую волю, если на резкость отвечаешь спокойной и доброй улыбкой. Доброта создает, а злобность – разрушает. Доброта – это главное, в чем мы так нуждаемся, и вместе с тем это самое возможное и легкое, что мы можем дать окружающим.

Таково, приблизительно, было слово мое. Спасибо Вам за моральную поддержку.

Во Христе дорогие А. М. и Е. А.,

получил письмо Ваше и спешу выразить Вам мою сердечную благодарность за внимание и хлопоты, которыми Вы, как родную, так щедро одарили мою болящую сестру.

Завтра великий праздник Воздвижения Честного Креста Господня. Приветствую Вас с праздником. За чудной службой всенощного бдения воздвигается Крест – символ спасения нашего. Воздвигается Крест, имже восстановлено во Христе послушание человечества Богу, имже смерть упразднися и радость прииде всему миру. Радость вечная, не могущая ничем быть омраченной или умаленной.

Во Христе дорогая Ж.,

«Слыхали Вы, как добывается зерно из сжатого колоса: его выбивают цепями, вымолачивают: знаете вы также, что и золото очищается от посторонних примесей через огонь. Так и душа наша через скорби очищается, просветляется, возвышается и износит из себя семя чистого Добра» – с этими словами св. Тихона Московского хочется мне и к Вам, дорогая, обратиться.

Я ясно вижу действие благого Промысла Божия в жизни Вашей, вижу Его любящую Десницу над Вами и уверен в том, что и Вы с чувством благодарности Богу и с глубокой верой в Его к Вам близость и Любовь переносите последний курс лечения, должный привести Вас в дом любящего супруга.

В его и в Ваш дом, в котором Вашим усердием создан будет уют, где Вашими с супругом любовью и согласием

будет создана и царить будет атмосфера радости о Христе.

Давно собирался написать Вам. Радуюсь, что покинули Вы городской госпиталь. Постоянно поминая Вас в молитвах, молю Всевышнего и о Вас и о Володе. Но написать Вам никак не мог собраться.

И только ныне, узнав об исполнившейся годовщине свадьбы Вашей и о дне рождения, спешу поделиться с Вами мыслями о недуге Вашем и о Вашем будущем.

Милость и Любовь Господня да пребудут с Вами, милая Ж. А Вы будьте мудры и храните здоровье, не злоупотребляя разговорами и прогулками. Говорю это от себя лично, ибо знаю, что выздоравливающие больные часто злоупотребляют добротой врача и проявляют неосторожность.

Говорить, скажете, запрещают? Как прекрасна беседа с Господом в одиночестве, среди природы! Вот этой-то беседе и предавайтесь, готовясь постепенно к материнству, верю, в недалеком будущем Вас ожидающему. Близок к Вам Господь, близки и все родные и блажелатели Ваши, хотя и значительное расстояние разделяет нас, в число коих зачисляет себя и пишущий эти строки. Вас искренне уважающий всегдашний богомolec.

**Дорогой о. протоиерей,
Христос Воскресе!**

Безгранично виноват перед Вами, простите и примите от меня искреннее приветствие со светлым праздником Пасхи Христовой. Непрестанно поминая в молитвах Вас, всю семью Вашу и ко Господу отошедшую р. Б. Ольгу, я ни на минуту не забывал о моем перед Вами долге откликнуться на письмо Ваше от июня 1953 года. В нем столько внимания и любви ко мне. Спасибо, дорогой о. Протоиерей!

Мне живо вспоминается наша встреча в Яблочине в памятные дни осенние 1939 года; все тогда пережитое снова воскресает в памяти и в сердце и с чувством глубокой благодарности обращаю я взор свой ко Господу,

ибо участие Десницы Его так явственно чувствовалось во всех путях жизни моей тех лет.

Он – Любовь Неизреченная – влагал в сердце мое бодрость и внушал спасительные решения возникавших тогда тяжелых вопросов, касавшихся дальнейшего устройства жизни моей и моей семьи. Как благодарен я Всевышнему за все пережитое, виденное и слышанное в годы 1939–1944 в Брест-Литовске. Это те светлые, хотя и постоянно тревожные годы моей жизни, переживаниями и плодами духовными которых я и поныне подкрепляю мои часто иссякающие силы.

Общение с людьми с Востока в годы 1939–1941; посещение НКВД, ряд личных встреч с Митрополитом Николаем Крутицким, опыт церковной жизни и работы в те годы и в страшные годы оккупации, когда лицом к лицу пришлось встретиться с передовыми деятелями тогда только зарождавшейся так называемой «автокефальной украинской церкви», в то время предлагавшими мне митру, если отойду я от «московских епископов» и подчинюсь на пагубный путь ставшему «украинскому архиепископу Олександру»: все это дает возможность сделать правильные выводы и создать объективное мнение о всем происходившем и ныне происходящем в ограде Церкви Православной, о так называемых национальных церквях украинской и белорусской.

Тогда я открыто и убежденно стал против этих движений. От представителей этого «руху», поверьте, пришлось мне перенести и пережить больше унижений, оскорблений и личных издевательств вплоть до омерзительных доносов и провокаций в немецкие политические органы, чем в ужасном НКВД на допросах.

От них пришлось мне своими собственными ушами слышать и самые оскорбительные свидетельства об их же «главе» митрополите Поликарпе, и самые кощунственные высказывания о Церкви, Невесте Христовой. Все это отнюдь не были чины советской безбожной власти или НКВД, но были это «строители украинской церкви вид Москвы незалежающей», все это были бывшие депутаты Польского сейма – адвокаты, врачи, инженеры.

Я помню, как волновался за меня тогда мой незабвенный родитель, и поныне остающийся для меня образцом стояния в Правде и Истине. И как больно было мне, дорогой, родной и любимый о. Протоиерей, когда узнал я, что и вы примкнули к этому движению – «руху».

Со студенческой скамьи благоговел я перед Вами как глубоким и выдающимся проповедником и пастырем. Вместе с о. Орестом Мильковым Вы всегда были для меня великим авторитетом. Мне будет тяжело, если Вы осудите меня за это письмо... иначе писать не считаю возможным, а для откровенной беседы с Вами дает мне основание любовь Ваша ко мне, так обильно в письме Вашем выраженная; читал я его со слезами благодарности и огорчения.

Не мне суд принадлежит, мал я и ничтожен перед Вами, но разве не могу и не должен ли я откровенно беседовать с тем, к кому с любовью и с уважением привык я относиться с самых юных моих лет?

Не в юрисдикции дело. Сатана правит ныне пир свой в ограде церковной, пользуясь всякими национализмами, территориальными и иными измышлениями. Время ли ныне до них? Не требует ли от нас Единый Пастыреначальник сугубой бескомпромиссной принципиальности в вопросах, касающихся Церкви, касающихся области наших отношений к велениям Соборов Вселенских и св. Отцов Церкви, авторитетными толкователями которых разве могут быть одержимые национальным шовинизмом миряне (вроде Скрипника) и политиканы в рясах (как Огиенко и Губа и пр.), каковыми, впрочем, являются все так называемые епископы украинские 1941–1945 годов?

Ведь все это люди, потерявшие или не обладающие знанием Истины о Церкви как Теле Христовом, как «Столпе и утверждении Истины».

Как невыносимо тяжело подчас бывает и от тяжести всего, в Церкви Христовой происходящего, и под бременем служения в эмигрантском приходе. Морально тяжело, а тут тебе еще и материальные вечные неувязки. Устал я и хочется покоя. Но кругом все зовет к работе, требует напряжения физических и моральных сил.

Сейчас в нашей благословенной Африке нет покоя: то и гляди окажешься жертвой бандитизма, принимающего характер национальной войны против европейцев. Давно зовут меня друзья в США, гонят меня отсюда и матушка с детьми, но куда идти?

В США? Чтобы там окунуться в новые беды, окунуться в американский духовный бандитизм? Господи, дай силы дожить до того радостного дня, когда Русь из пепла восстанет и над всем миром воссияет Твоею Истиною!

Добрейшая М. Н.,

сегодня за Литургией молился о здравии Вашем и предполагал часовым поездом выехать в Рабат, чтобы лично приветствовать Вас с днем Ангела. К этому побуждало меня чувство благодарности за те сердечность и простоту, с которыми Вы и Л. А. всегда встречали служителя Господня, когда я, разбитый скитанием по городу в поисках Человека (паству собирая), не имевший «где главу приклонить», в течение свыше двух лет часто к Вам заходил.

Неутешное горе семьи Ж-их задержало меня в Казабланке: вторую половину нынешнего дня провел я у одра умирающей, принимая участие в страданиях болящей и в скорби и страданиях родителей ее. На то, видно, воля Господня.

Вот почему вынужден с опозданием, письменно приветствовать Вас с днем Ангела, выразить чувства моей Вам и Л. А.-чу преданности и пожелать Вам от Господа сил духовных и крепости телесной в служении Христовой Церкви и Вашей многочисленной, требующей от Вас жертвенности семье. Как часто утоляли Вы и мои скорби служебные, и тяжелые личные переживания! Господь, «немогущая врачующий», да укрепит Вас и да благословит.

Казабланка, 1952 г.

Дорогой о. протоиерей А.,

с праздником Рождества Христова приветствует Вас и семью Вашу вся семья Зноско. Желаем Вам, батюшка, сил и духовной крепости в подвиге пастырства, милейшей матушке и Галечке, ко Христу ведущей дочурку

свою, также здоровья и бодрости в их тяжком женском труде, а всем милейшим мальчуганам – успеха в науках и крепкого стояния в Христовой вере Православной.

Ваши, батюшка, весточки о детках Ваших радуют нас. Дай-то Господь, чтобы все они сохранили свою веру Православную, русскую душу.

Встретимся мы еще, отец, встретимся на славной Руси. Падут оковы, весь мир ныне сковавшие. Я твердо верю в это. Только вот страдаешь, видя в массах эмиграции, своим подвигом веры и любви к Богу должных содействовать ускорению сроков падения в мире сатанизма, видя в них вместо верности вере Православной, этой душе народа нашего, поклонение идолам и служение «богам иным»...

Да и наши раздоры церковные, о чем и Вы сетуете в письме Вашем? Ведь позор! Конечно, если бы это были неполадки только между митрополитами, давно бы кончилась смута церковная. Увы, это более глубокое и сложное явление. ЛОЖЬ родила так называемые «юрисдикции», ложь лежит в основе «евлогиянства» и иных церковных группировок, ныне стремящихся к своим автономиям и автокефалиям. Это так, отец. С чортом все они связались, ему частицей души служат. Это так! Горькая это правда, но она неопровержимая.

Давно изучал я этот дьявольский процесс разложения зарубежной Церкви и пришел к выводам, которые и излагаю перед Вами. Недавно гостил у меня епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Очаровательный человек, исключительных дарований, но как много вреда для Церкви Христовой в прошлые века причинили именно одаренные, способные епископы.

Невольно при встрече с Шаховским вспомнились исторические примеры Зла в Церкви Христовой: разделения, расколы и ереси, вызванные именно «великими умами», точнее – безблагодатной одаренностью. И если еще нельзя назвать наши зарубежные «юрисдикции» еретиками, все же они раскольники, а раскол всегда вызывается уклонением от Истины.

Посему-то, кроме молитвы о единстве, в заботе о прекращении соблазна разделения необходимо прибег-

нуть еще и к выяснению причин, этот соблазн родивших, как духовенству, в области исторической и каноническо-догматической мало разбирающемуся, так и мирянам, обычно ориентирующимся на того или иного епископа или священника лишь в силу личной привязанности, симпатий или привычки к нему или к данному храму...

Увы, как в среде, казалось бы, верующих православных христиан, так и в нашей архиерейско-поповской среде принципы вытесняются соображениями благополучия и мещанского спокойствия: «Мне хочется мира, спокойствия... оставьте вы нас!»... К этому добавить надо и чувство личной обиды; увы, и это явление решает вопрос: стоять мне в Правде или же уйти в «юрисдикцию».

Правде в глаза, дорогой батюшка, смело надо смотреть, а то она, Правда, уйдет от нас, и ничего в нас от нее не останется. Вот Вы, батюшка, пишете в письме: «Церковь Анастасиевская и Леонтиевская»... Если можно по имени епископа или митрополита назвать (определить) им созданную (данным митрополитом) группировку, то разве можно говорить так о Церкви Соборной? «Антониевская, Анастасиевская»... Неправильно и исторически, и по существу.

До Вашего переезда в США Вы состояли клириком Церкви Соборной, именуемой Зарубежной. Скажите, сказали бы Вы тогда, что правы те, кто Зарубежную Церковь определяет как Церковь «Антониевскую», кто называет ее «Карловацкой» или «Мюнхенской группой»? Наверное, чувствовали Вы тогда, что служите не Антонию или Анастасию, но служите правде канонической, на которой зиждется законная ветвь Русской Матери-Церкви – Соборная Церковь Зарубежная...

На людей, окружающих Синод, жалуетесь? Но ведь служим-то мы не людям. Люди суть люди. И хотя некоторые из них, близкие к Синоду, грешат в мелочах, все же они тверды в принципах церковных.

Дорогой В. П.,

постоянно поминая Вас в молитвах, прошу Господа о даровании Вам мира душевного, сил и крепости для несения многотрудного, но спасительного бремени жизни.

Только что еще раз прочел письмо Ваше. Со всем в нем согласен. Верно, надо бичевать грехи брата нашего, пробуждая совесть в тех, кто поставлен «пасти малых сих», кому вручена совесть людей. Вчера писал я письмо одному собрату и свидетельствовал перед ним то же, о чем сегодня прочел в Вашем последнем ко мне письме: «Увы, как в среде христиан православных, так и в нашей архиерейско-поповской среде принципы вытесняются соображениями благополучия и мещанского спокойствия»...

Думаю, что эти слова обидят собрата моего, и он перестанет мне писать.

Беда наша, священников, в том, что в ограде, в которой приходится пасти, творится сплошной «винегрет»: в ней мы видим верующих и полувовров, искренне заблуждающихся и волков в шкурах овечьих, открытых врагов Христа (и все это твои прихожане, с правом голоса, ибо платят членские взносы) и праведников.

Попробуй упаси такое стадо, «единое» стадо. Беда наша в том, что мы лишены возможности создать настоящие приходы православно верующих как общества верующих, ищущих живого Христа. Это можно было бы сделать путем отсева, но, увы, он невозможен в наших эмигрантских условиях.

Вы понимаете, что такой состав паствы необычайно осложняет как внутреннюю, духовную работу священника, так и его административную деятельность. Да, нам, священникам, нужна строгость к нам прихожан, но строгость справедливая, из любви и из стремления их ко Христу исходящая. И как редко встречаемся мы именно с такой строгостью, с требованиями из этих положительных черт паствы вытекающих!

Да, дорогой В. П., видел и я много зла в духовной среде, – ведь я из духовной семьи, – приходилось встречать кощунство, но никогда не скажу, что все это зло умаляет достоинство Церкви Христовой. Наоборот, ярко свидетельствует Зло в ограде церковной о том, что Сама-то Церковь неуязвима, что «врата ада не одолеют ее». Зло в ограде церковной является злом внешним, наростом на внешнем теле (на организации) церковном, оно не каса-

ется Ее внутренней сокровищницы благодатной, сущест-
тва Ее.

Правда, это внешнее зло соблазняет «малых сих», великий грех творят пастыри, своим дурным примером отталкивающие от Христа и от Церкви мирян. Посему-то и необходимо мирянам, болеющим о Церкви и ревнующим о Христе, не смешивая понятий, строго отделяя грехи личные духовенства от самой Церкви Христовой, со всей строгостью, но любовно, перед священниками и епископами свидетельствовать об ошибках их, об их грехах и недостатках. В этом – долг мирян как членов Христова Тела перед Церковью.

Дурные примеры духовенства не должны Вас соблазнять. Перед Вами Христос и к Нему стремитесь, стараясь подражать Ему и святым Его. Невзирая на лица священников, слушайте читаемое ими в храме слово Евангелия, принимая его в глубину сердца Вашего.

Да, тоскливо бывает на душе, особенно в праздники, когда видишь, что большинством проводятся святые дни в служении плоти и в человекоугодничестве.

Но как только вспомнишь призвание свое, затем увидишь свое ничтожество духовное, поднимается в душе чувство благодарности Богу, дающему тебе «зрети твоя прегрешения», и людей как-то начинаешь больше любить, больше понимать, находя и для них слово прощения.

Говорят святые Отцы, что человек, призванный к подвигу общения, должен пчеле уподобляться: с душ человеческих собирать надо полезное благоухание, проходя мимо дурного в них. А ведь добро-то есть и в самом падшем человеке, только часто по слабости нашей духовной не можем мы его обнаружить в человеке. Отсюда вывод: надо в себе растить добро, самому возрастать духовно.

Глубокоуважаемая О. А.,

поздравляю Вас с грядущим праздником Рождества Христова и с Новолетием. Как счастлив человек, с Божьей помощью, успевший еще здесь, на земле сочетаться со Христом для вечной жизни с Ним!!! «Теперь живу не я,

но живет во мне Христос». Поклоняясь в день Рождества Богомладенцу, вспоминаем мы Его путь земной – «Сын Человеческий не имеет где главу приклонить» – и, черпая в Любви Господней благодатные силы, бодро продолжаем наш жизненный путь.

Ведь в Любви Божией к человеку разрешаются все наши жизненные вопросы! Любовь – это Альфа и Омега всего существующего. Во Христе – Любви Неизреченной – и соединимся все мы в дни праздника Рождества, все, во Отечестве страждущие и в рассеянии сущие. Мы – единая Господня семья.

Как жалею, что не пришлось услышать от Вас в годы пребывания с Вами в Германии об узниках соловецких, с которыми привел Вас Господь подвизаться в Любви к Нему.

* * *

А вдруг и вправду увидимся! Такова была моя реакция на письмо Ваше, дорогие Л. А. и Б. А. Все в руках Господних. Он-то и направит стопы мои. С Марокко связался я надолго, хотя и чувствую, что уехать отсюда придется. Это может случиться лишь тогда, когда закончу хлопоты о постройке храма приходского и дома для священника.

Знаю, что при исключительно инертном, более чем холодном отношении к сему прихожан моих, окопавшихся в своем мещанском благополучии, вряд ли удастся скоро приступить к осуществлению этого великого дела. Пока что приобретен мной участок земли в 1.000 кв. метров, медленно, очень медленно собираются деньги на постройку.

Возможно, что купленный участок придется продать, если подвернется что-либо по цене и местоположению более выгодное и удобное, но материально на этом мы не потеряем. Сейчас же я, в общем, одинок: такова судьба всех работников для блага народного.

Кроме того, чем больше забот у тебя о чистоте, тем зlostнее на тебя нападки, тем обильнее льется грязь на тебя. Но вот, когда начнем постройку, приму я меры к

отъезду из этой страны. Заканчивать смогут и без меня. Так что увидимся не скоро.

Как поживаю, о тяготах пастырских спрашиваете? О них уже несколько слов сказал я Вам. Ключут со всех сторон. Больше всего достается мне от б. военных. Ох уж и публичка, спаси Господи! Так и добираются, чтобы смять в кулаке свою душу священника. Господи, сколько достается мне от них: травят и ключут без устали. Слава Господу, что не дал Он мне чувства гнева и озлобления, а то погиб бы я в огне внутренних терзаний.

И еще одно: была попытка внести раскол между мной и моим сослужителем (официально – моим помощником), старцем о. Григорием. С его слов, на основании его свидетельства говорю об этом. Не удалась попытка: союз нашей братской о Господе любви оказался сильнее людской злой воли, направленной на служение своему «я», одержимого плотским мудрованием.

Но есть в жизни и радости. Это, прежде всего, молитва к Богу об обидчиках: не ведают бо что творят. Затем, радость в наличии группы, хотя и небольшой, христиан, преданных Богу и Церкви; она, наконец, в согласной работе на ниве Христовой с о. Григорием, пастырем мудрым и просвещенным.

Какой еще больше желать радости? Но есть она и в другом – это моя добрая семья, детки и Матушка, это помнящие и поминающие меня в молитвах своих мои старые прихожане-сомолитвенники, по белу свету рассеянные, среди коих вижу и Вас, мои дорогие.

Видите, как много радости дает мне Господь! Добавьте к сказанному еще улыбку солнца утреннего, улыбку и радость чистых детей, которых постоянно встречаешь на улицах, видишь перед собой в храме. Всюду разлита радость вокруг человека, но не всегда она вселяется в самого человека... и вина в этом его самого!

Вот мой о. Григорий радуется пению петушков и в нем видит мудрость Творца. И прав он. Надо учиться чувствовать и слышать музыку природы, понять шум-говор ее. В нем скрыта радость о Творце. Лежа в этом году в дни детского лагеря в лесу под деревом, вслушиваясь в пение птиц и шум жуков, слышал я пение и ра-

дость природы о Боге. Увы, отсутствие у меня музыкальности (с музыкой всегда у меня было неважно) не дает мне возможности поделиться с другими тем, что дал мне Господь услышать в природе.

Дорогой В. К.,

давно это было, а кажется, что только вчера был я у Вас и благословлял в путь отца и деда, окруженного любовью и заботой семьи: жены, дочери и внуков. В первое воскресенье после Вашего отъезда З. Н. была с внуками в церкви, подали записочку о здравии Вашем, деда и мужа.

Был я у Ваших два раза и видел, как скорбят без Вас две труженицы – жена и дочь, как особенно страдает Оля, вынужденная ради детей отказаться от мужа и ожидающая моральной поддержки от отца.

Был я свидетелем тревоги о Вас супруги Вашей: «Как он устроился, ведь он такой неосторожный, может легко простудиться, как и где питается он...» В доме Вашем тревога за Вас и за внуков, которых не только расти надо, но которые нуждаются в мужском авторитете; взоры всех направлены к Вам, в сторону деда, которого так любят дети.

Говорить ли Вам о слезах дочери Вашей, свидетелем которых я был?

Это слезы личных страданий: развод с мужем, растлевающим крошек-детей, разве это не тягчайшее испытание? Да, дорогой, семья Ваша, с такими вниманием и любовью говорившая мне о Вас, ожидает от Вас весточки, слова любви и внимания.

Кроме того, семья Ваша живет впроголодь. Они уже обращались ко мне с просьбой о ссуде, от о. Г. получил я для них 25.000 франков. Вы уехали для того, чтобы устроить в Германии жизнь семьи. Так сами Вы мне свидетельствовали, испрашивая благословения. Но, что же это? Семью Вы забыли.

Мы вступаем в Прощеное воскресенье, и прошу я Вас: пришлите семье к этому дню слово доброе, попросите у них прощения за все причиненные им огорчения,

пусть прочтут они в письме Вашем слово заботы и внимания. К этому обязывает Вас долг отца и христианина.

Верю, что Вы это сделаете, если же нет, то Вам следует открыто уйти из Христовой Церкви и объявить всем, что Вы плоть, по плоти жить хотите, что Духа Божия Вы не приемлете.

Дорогой В. К.,

ровно месяц тому назад послал я Вам письмо, но ответа не получил. Вместе с этим письмом посылаю Вам и копию предыдущего.

Если прежде супруга и дочь, основываясь на письмах Ваших, говорили мне, что кто-то хочет Вас перессорить с семьей, и скорбел я о том, что Вы верите слухам, исходящим из уст нечестных, что могу сказать я ныне, когда услышал о требовании Вами развода с женой?..

Пишете ей, что Вы после 37 лет заметили, что она Вам чужой человек? Милый мой, да это сатана попутал Вас! Он у Вас совесть отнял. Сетуете, что З. К. обратилась ко мне за советом? Это естественно. И я обрадовался, услышав, какое решение приняла супруга Ваша. Знайте, согласия на развод она Вам не даст, ибо не имеет на то ни морального права, ни юридических оснований.

Основанием для развода могут явиться лишь ложь, клевета на семью Вашу, потеря дочерью и внуками, не говорю уж о жене, с которой прожили Вы до старости.

Светскостью и плотским мудрованием никак Вам не прикрыть и не оправдать смрада, от Вас исходящего, и вины перед людьми близкими и перед Богом. Исповедь и Причастие будут Вам во осуждение.

Знайте, я просил З. Н. рассчитывать на мою полную поддержку.

Очнитесь, В. К., если Вы человек верующий, если вера Ваша и посещение храма не были обманом! Уезжая, обратились Вы к Богу за благословением, за помощью в хлопотах по устройству семьи Вашей в Германии; что же сделали Вы? Бросили беззащитных женщин с двумя детьми, бросили без средств к жизни, да еще и комья грязи в них швыряете издали, из-за угла в виде всяческих обвинений.

Кого же обмануть Вы хотите – Бога? Он поругаем не бывает!.. Оплывая жену, Вы хотите сохранить за собой дочь и внуков? Нет, Ваша дочь еще не потеряла здравого рассудка, она еще достаточно моральна, чтобы после всего допущенного Вами в отношении жены и ее матери признавать Вас своим отцом.

Поступками своими, которые внушает Вам через плоть дух сатанин, Вы потеряете и дочь, и внуков. Подумайте, что Вы делаете. Страдания жены, дочери и внуков будут жечь Вашу совесть, не найдете Вы покоя – его Вам не даст Ваша любовница. Верьте, пишу не для осуждения, а для братского вразумления Вашего. Перед Вами бездна греховного падения, а там и... полного одиночества. Вот и хочу я Вас удержать перед этой бездной и ужасом одиночества. Впадете в бездну, труднее будет оттуда выкарабкаться. Вернитесь к семье, а через семью и к Богу.

Дорогие во Христе Д. Ф. и М. Г.,

мир, любовь и согласие да будут в семье вашей, а также между вами и теми, с кем еще так недавно разделяла вас рознь!

С чувством тяжелой скорби о всех вас покинул я вас в дни Рождества Христова.

Да и как было не скорбеть, когда вместо мира и согласия, долженствующих царствовать между всеми во Христа Спасителя нашего верующими, обнаружил я у вас не только вражду, посеянную врагом спасения нашего – «человекоубийцей искони», т. е. дьяволом, но и упорство во вражде, нежелание поступиться своим греховным самолюбием, гордостью, нежелание поступить так, как этого требует Сам Господь, Который говорит: «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и **молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного**».

Эти слова Христа Спасителя, никоим образом не порицающие нашего отрицательного отношения к злу общественному и человеческому, ныне в мире царствующему, с которым мы не только готовы, но и должны непрестанно бороться, – эти слова Спасителя требуют от нас прощения личных обид!

Вам была нанесена **личная** обида, и когда же, как не в дни Рождества Христова, в эти спасительные дни Мира и Любви, когда Сам Сын Божий сошел на землю «ради нас и нашего ради спасения», следовало **вам простить** против вас согрешившим во Христе братьям вашим?! С каким усердием, настойчивостью и любовью ко всем вам призывал я вас всех к **миру и прощению** в день моего к вам приезда и в день совершения у вас Жертвы Бескровной – этой «**Вечери Любви**»!

«Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение», – повторяя за ангелами, поет в эти дни сердце человека верующего, а в ваших сердцах сам сатана царствует в эти дни. Подумайте, какой ужас!

Как счастлив христианин, своему обидчику отвечающий незлобием, немедленным ему прощением в сердце своем и тайной молитвой о нем пред Господом.

К такому человеку близок Господь, ибо сей человек не только слушает и знает слово Господа – «сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» – но и следует Ему, вводя это слово в сердце и в жизнь свою, а за это и обращается Господь к людям таким, открывая пред ними бездну милости и щедрот Своих, со словами: «Вы друзья Мои... чего ни пожелаете, просите, и будет вам».

Не забудьте: христианин – Христов ученик, не ожидает, чтобы сам обидчик пришел к нему за прощением, он сам, первый спешит в сердце своем простить обидчику и о спасении его помолиться. Поступайте и вы так, дорогие мои, ко Христу стремящиеся Д. Ф. и М. Г. Поверьте, не даст вас Господь в обиду, а Пречистая Дева распрострет Покров Свой над верными Божиими.

В воскресенье 9 января прибыв от вас в Казабланку для совершения Божественной Литургии, сокрушаясь о виденном и слышанном в Имфуте 7-го и 8-го, в слезах молился я в храме о заблудших и во вражде сущих прихожанах моих поселка Имфут. В этом свидетели мне все молящиеся казанского храма в тот день.

И сейчас прошу я Господа о примирении враждующих и вразумлении заблудших. Верю, что в следующий мой приезд все вы, «оставив дела тьмы: злобу, гнев,

вражду», явитесь чадами Божиими, ходящими во свете Любви Христовой.

Ищите оправдания пред Богом, а не перед людьми, да еще и иноверцами, всегда склонными над нами посмеяться и вот уже в течение 30 лет смеющимися над Отчиной нашей. Ведь не перед людьми дадите вы отчет о земной жизни вашей, а перед Единым Нелицеприятным Судией всех людей! Его бойтесь, Его слушайте и Его служителя призывайте в свидетели, а не палку полицейскую, как это было у вас в святые дни Рождества!

Дошел до меня слух о гадости зловонной, обнаруженной вами у дверей квартиры вашей. Скорблю о том, что, будучи отнесена в полицию, эта зловонная гадость брошена на главу всех в Имфуте живущих православных людей. Не подумали вы и о том, что преданием гласности перед полицией этого противного и гадкого поступка одного неизвестного гадкого человека опорочивается перед французами и арабами весь наш русский православный народ!

Гадость ту, к вашей двери подброшенную, следовало вам выбросить в подобающее ей место, а не носить в руках своих в полицию – как страшно вы запачкали этим себя самих! Вы должны были поступить в отношении неизвестного несчастного брата по слову Христову, изложенному мной в начале этого письма.

Скоро снова буду у вас. Прошу Господа, чтобы ко дню моего приезда к вам мир и любовь воцарились во всей группе вашей, ибо те, кто упорствует во зле и злобе, кто сеет рознь и ее поддерживает, будут мною посрамлены. А главное (этого-то и бойтесь!) – посрамлены будут на Суде Господнем!

В уверенности в том, что вы приготовите сердца ваши для участия в общей молитве, а затем и квартиру вашу для совершения в ней Литургии, призываю на вас милость и благословение Божии.

Дорогие во Христе И. И. и М. И.

Мир вам от Господа!

А есть ли мир в сердцах ваших? Есть ли у вас мир со всеми, с кем еще недавно разделяла вас рознь? Если вы в мире с теми людьми, то и в сердцах ваших мир.

Мир в сердце приобретается прощением личных обид, ежедневной молитвой о своих грехах, молитвой за обидчиков. Без этого не может быть мира ни в самом человеке, ни вокруг него, не может быть без этого согласия даже в семье.

Случилось какое-нибудь недоразумение в отношениях твоих с другими людьми, братьями во Христе, против тебя согрешающими, недоразумение это ни в коем случае нельзя раздувать разговорами, гневом и злобой, но следует поспешить погасить его молчанием, незлобием, снисходительностью к обидчику и молитвой о нем.

Ты знаешь, что так поступать учит нас Сам Христос: «Молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного», – говорит Спаситель.

Дорогие мои, одно из двух: или вы дети Господни, или же вы чада тьмы, сатаны – этого «человекоубийцы искони», врага нашего спасения. Кто же вы? Ответьте мне на этот вопрос. Чада тьмы! Живут они по велениям сатаны: они сеют раздоры, поддерживают споры между людьми, не желают прощать людям личных обид, друг на друга доносят, желая этим унижить брата своего в глазах «власть имущих» и в глазах своего общества, в действительности унижая тем самих себя и весь народ свой. Говорите вы, что бежите от сатанизма в России, а сами-то творите дела сатаны! Неправда является спутником всей вашей жизни!

Дорогие мои, знаю, дал вам Господь сердце доброе, но как поражен был я, увидав на твоём, И. И., лице выражение страшной злобы, когда просил я Р-ов и тебя примириться. Поверь, на твоём лице была печать того, кто вызвал в тебе дух крайнего озлобления, т. е. печать самого «человекоубийцы искони», врага нашего спасения.

Не забудь, злоба помрачает рассудок и дела озлобленного всегда бывают темными, ибо они безрассудны. Если бы знали все вы, заблудшие и враждующие жители Имфута, как огорчили вы Господа, Христа – Сына Божия, для вашего спасения сшедшего с небес! Он принес вам любовь и мир, а вы ответили Ему злобой и непримиримостью! Уйдет от вас Господь и тогда, если посетят вас

новые скорби и испытания, не будет у вас Защищающего вас!

Знаю я и о новых неприятностях, бывших в поселке вашем, и удивляюсь тому, что так легко люди сами себя бесчестят, вмешивая в личные дразги и без того смеющихся над народом нашим иностранцев, вынося перед ними всякую гадость, клевета друг на друга. Злого человека обличать идете перед чужими? Братоубийственно так поступать.

Злой человек, приходит время, сам себя обличит. О нем не надо кричать, хотя и всем его знать надо, а скорбеть и о нем молиться. Злой человек, творящий дела тьмы, сам себя обнаружит и, если мы не кричим, упиваясь криком, о зле его, он останется в одиночестве со злом своим, и наоборот, если мы кричим о нем, зло его как бы рекламируем, мы сами становимся невольными участниками зла его, оно к нам прилипает.

Со слезами переживал я все бывшее у вас в дни Рождества, очень уж больно за всех вас, да и как все это отвратно, унижительно! Поймите это.

**Во Христе дорогая М. К.,
Христос Воскресе!**

Мне совестно, что в апреле-мае не мог уделить внимания Рабату и Установке. После упорного труда в посту (почти еженедельные поездки с ежедневными богослужениями при регулярном служении в Казабланке-Бурназеле) на первой неделе Пасхи оказался я физически не способен сделать больше того, что мной в этот период сделано.

Правда, и в пасхальный период не сидел я на месте, мной посещены в те недели несколько отдаленных пунктов, в одном из коих пришлось окунуться в болото дразг людских.

Как поживаете Вы и вся колония? Надеюсь всех вас застать в добром здравии и в любви. О случае с автобусом между Сале и Рабатом узнал я только из письма Вашего и больше этого ничего не знаю. Во всяком случае, благодарю Господа, внушившего мне время отбытия от

вас и тем явившего надо мной и семьей моей великую Милость Свою!

Любовь Господня и промыслительная забота Его о людях так обильны, что только духовно слепые и развращенные умом и сердцем не видят проявлений Промысла Божия в жизни мира и в их личной жизни.

Вас, дорогая М. К., смутило анафематствование в неделю Православия? На это отвечу Вам, но словами не своими, а словами великого святителя и подвижника Игнатия (Брянчанинова).

Достойное горького рыдания зрелище, когда христиане не знают, в чем состоит христианство, в чем спасение наше. Без Христа не может быть достигнуто спасение.

Христос есть Сын Божий, Богочеловек, Искупитель: Он единственное средство нашего спасения. А спасение заключается в возвращении **общения** с Богом.

Не добром естественным, не делами добрыми падшего естества человеческого, а **только живой верой** в Искупителя-Христа, **утверждаемой делами** веры нового человека, может быть достигнуто спасение. Если Вы допускаете, дорогая М. К., возможность спасения без веры во Христа, Вы тем отрицаетесь Христа, не зная Его Евангелия.

Но продолжу словами самого святителя Игнатия:

«Вы говорите: еретики тоже христиане. Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а св. веру христианскую не отличит от чада богохульной ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь **смертным** грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, **мертв** душой, чужд благодати спасения, в общении с диаволом и погибелью. Ересь – грех ума. Ересь более грех диавольский, нежели человеческий; она дочь диавола, его изобретение, не-

чество, близкое к идолопоклонству. Отцы Церкви обыкновенно называют идолопоклонство нечеством, а ересь – злочестьем. В идолопоклонстве диавол принимал себе божескую честь от ослепленных человеков, а ересью он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха – богохульства. Кто прочитает со вниманием «деяния Соборов», тот легко убедится, что характер еретиков вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви, и жажда крови их! Ересь сопряжена с ожесточением сердца, со страшным помрачением и повреждением ума, упорно держится в зараженной ею душе, и трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святаго; она или хулит догмат Святаго Духа, или действие Святаго Духа, но хулит непременно Святаго Духа. Сущность всякой ереси – богохульство.

Святой Флавиан, Патриарх Константинопольский, запечатлевший кровью исповедание истинной веры, произнес определение поместного Константинопольского Собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: «Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Апполинария, в упорном последовании их богохульству, тем более что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здорового учения. А потому, плача и воздыхая о его конечной гибели, мы объявляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению». Это определение – образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всей Церковью, подтвержде-

но Вселенским Халкидонским Собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедовал во Христе по воплощении двух естеств, как учит Евангелие и исповедует Церковь; он допускал одно естество Божеское. Вы скажете: только!.. Забвен по своему недостатку истинного знания и горько жалостен по своему свойству и последствиям ответ некоторого лица, облеченного властью сего мира, св. Александру, Патриарху Александрийскому, об арианской ереси. Это лицо советует Патриарху сохранить мир, не заводить ссоры, столько противной духу христианства, из-за некоторых слов; пишет, что он не находит ничего предосудительного в учении Ария, некоторую разницу в оборотах слов – только! Эти обороты слов, замечает историк Флёр, в которых нет ничего предосудительного, отвергают Божество Господа нашего Иисуса Христа! Ниспроверяют, значит, всю веру христианскую – только!

Замечательно – все древние ереси под различными изменяющимися личинами стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную Литургию, все таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа. Они называли это установлениями человеческими; дерзче – суевериями, заблуждением! Конечно, в ереси Вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно потому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святой – только! Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего – он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина последнего Вашего недоумения, как и всех прочих, – глубокое незнание христианства! Не думайте, что такое незнание – маловажный недостаток! Нет! Его следствия могут быть губительны, особенно ныне, когда ходят в обществе бесчисленные книжонки с христианским заглавием, а с учением сатанинским»...

Да, достоуважаемая М. К., **одно** дело необходимо нужно нам, народу нашему и всему миру для спасения: **вера** во Христа – Сына Божия – Искупителя. И эта **вера** уже есть **дело**. Вот этой верой, только ею, можем мы с Вами, как и каждый человек, общество и народ, **вернуться** в благодатное общение с Богом.

В неделю Православия анафематствует Церковь еретиков, и это анафематствование никак не находится в противоречии, как думаете Вы, с молитвой Церкви об обращении неверных на путь правый. Неверный не обязательно является или должен быть еретиком, хулителем Духа Святаго.

И все братья наши, без Бога воспитанные и от Промыслителя оторванные силою внешней, гонителя Христа по неведению, эти современные Савлы – все они суть те неверные, о которых молимся мы, и молитву нашу услышит Господь и, несомненно, «огласит их словом Истины, дарует им совершенство веры».

Дорогой Н. Н.,

спрашиваете меня об основах и источниках украинского сепаратизма? Раскройте записки Бисмарка – в них повествуется о том, как после 1848 года германские либералы выработали план отделения от России ее южной части. Взгляните на схемы-карты, которые находили в ранцах немецких солдат в 1914 году: там начертаны раздробленная Россия, обширная Украина и маленькая Польша.

Всмотритесь также в любую карту пангерманских замыслов, например, на приложенную к книге чехословацкого министра иностранных дел Бенеша «Ля Боэмиа контро д'Аустрия-Унгерия» (Рим, 1917) – на ней видно, как полезно для обеспечения грандиозного Багдадского проекта создать «самостоятельную» Украину.

В неизменном германском «дивидэ эт импэра» [«разделяй и властвуй» (лат.). – *Ред.*] лежит зародыш украинского сепаратизма. История «украинского движения» на Западе после революции 1917 года, особенно же в годы 1941–1945, отчетливо и ярко подтверждает сказанное о его источниках.

Ныне существуют украинские организации типа чисто нацистско-фашистского, как:

1) О.У.Н. – объединение украинских националистов, или «мельниковцы». Мельник – преемник Коновальца. Возникла эта организация в 20-х годах в Галиции и ее главной целью была организация политической борьбы против Польши. Построена она на принципах строжайшей конспирации, безусловного подчинения вождю и признания необходимости террористических актов против противника. С самого возникновения своего находилась эта организация в тесном контакте с германским Генеральным Штабом.

В начале же войны 1941 года факт этот нашел свое очевидное и неоспоримое подтверждение в том, что в германских воинских частях, во всевозможных учреждениях с прямыми или косвенными политическими функциями на Украине появились в качестве переводчиков, доверенных людей и т. д. многочисленные члены этой организации, выступавшей в Киеве в качестве «правлящей партии» и ознаменовавшей свою деятельность жестоким террором по отношению ко всем «инакомыслящим».

Не простой коллаборизм, а самое тесное сотрудничество ОУН с германским Генеральным Штабом является общеизвестным фактом. Известно также, что организация в целом или в лице отдельных своих руководителей поддерживала контакт и пользовалась материальной поддержкой иностранного отдела НКВД. Моральным оправданием этому служили цели борьбы против Польши.

2) От ОУН в конце 30-х годов откололась группа Бандеры. Разница между «мельниковцами» и «бандеровцами», пожалуй, лишь в доведении до крайности принципа «вождизма» и тактики террора бандеровцами. Тесное сотрудничество «бандеровцев» с германским Генеральным Штабом признает и сама украинская пресса (см. «Наше життя», № 4/147 от 18.01.1948 года, статья «На чисти воды»).

3) У.Н.Р. – группа Левицкого, «петлюровцы».

4) У.С.-Р. П.С.-Р объединилась с «У. Рев.-Дем. П.» в «У. Социалистични Объединання».

5) ГУД – гетманцы.

Весьма характерное для нынешнего движения сепаратистов всех оттенков: «УАПЦ» создана в 1921 году большевиками для разложения Церкви вообще и в целях борьбы с Православной Церковью, возглавленной Патриархом Тихоном, а «УАПЦ» в 1941–1942 годах создана на оккупированных землях немцами. Общее всем группировкам:

враг № 1 это русские и Россия, – она никогда не дала Украине даже призрачной независимости;

враг № 2 это большевизм. Большевики неприемлемы, но не так опасны, как национальная Россия, в деле создания Украинской Державы.

Характерны для всего движения сепаратистов в войну 1941 года особые украинские части СС.

№ 474. 10.11.1950

Г-ну И. П. ЯКОБИ,

Париж

Милостивый Государь,

письмо Ваше от 23 мая 1950 года получил. Спасибо за наставления. Подчеркиваю: письмо мое от 10 мая 1950 года остается в силе.

«Еже писах, писах», и я остаюсь при моем прежнем мнении: не следует помещать памятную доску ген. Корнилову в храм в память мученика Государя Николая Александровича.

Дело Алексеева и Корнилова является **лично для них актом покаянным**. В древней Церкви кающиеся грешники не допускались в самый храм, но стояли в притворе, прося прощения у входящих в храм. Белое Движение – это **притвор** для генералов Алексеева и Корнилова. Введены ли они, со своей искупительной смертью, в храм? Сие ведает один Господь!

Мы узнаем о сем, лишь когда **сами** пред Господом предстанем. Посему-то, не имея права предвосхищать действия Промысла Божия, не можем мы сами вводить в

храм-памятник мученика Государя памятную доску ген. Корнилову.

Эмиграция в целом и часть ее, принимавшая участие в Белой Борьбе, не может и не должна убаюкивать себя горделивым сознанием исполненного перед Россией долга; еще недостаточно осознала она глубину своего и народа падения, приведших к революции, – вину перед Богом, Церковью и Родиной.

Еще недостаточно выражена эмиграцией готовность вернуться к попорченным традициям Руси, к духовным основам нашей национально-исторической жизни.

Иначе говоря, нет в эмиграции покаянной непримиримости ко злу – она непримирима к большевизму лишь как к явлению социально-политическому.

Одновременно считаю своим долгом заметить, что полемику о помещении доски ген. Корнилову в храм-памятнике, а в связи с этим и о всем Белом Движении, в той форме и в том тоне, как она ведется, нахожу не только не полезной, **но и вредной.**

Дорогая Е. Д.!

Спасибо за Ваше краткое, но полное света письмо. Рад за Вас. Как много надо было Вам пережить и перенести испытаний, чтобы обрести радость жизни – Вы обрели ее в служении людям – чтобы веяние тихого дуновения благодати Божией, этого Света, внутрь нас вводящего Свет и Мир, не усыпляющий и динамичный мир, воспринять в обстановке бушующего моря житейского...

Мы в жизни много суетимся, принимая суету за ценность и расценивая ее как подвиг жизни нашей, нашей деятельности... Суета в нас, суета вокруг нас, суета и в делах человеческих. А ведь Христос-Логос, имя Которого, освящая путь нашей жизни, осмысливает ее и все бытие человека, Христос есть, прежде всего, **Тихая Пристань**, Радость и Свет, Мир и Любовь, исключаяющие суету.

Во имя Христа (а значит и во имя человека, во имя Родины) все твориться должно ровно, мирно, но **динамично**, хотя и без резких порывов и взрывов, ибо динамика чистого Добра, высшего – Христова Добра, абсо-

лютного, всегда идет планомерно, тихой, но твердой и бескомпромиссной поступью.

Где порывы, там и прорывы – опустошение, там и гнев, а где гнев, там ущемляется Правда; опустошение же (прорыв) прерывает цепь Добра в нас, как бы звено из цепи выпадает... и снова латать надо, латку ставить на прореху...

Простите, дорогая Е. Д., что увлекся рассуждениями. Но ведь все мы, прилагающие усилия к тому, чтобы жить духовно, жить во Христе, **должны** все время рассуждать, и с самим собой, и друг с другом. Рассуждение – это контроль и пособник в делах наших благих.

Слава Богу, живем мы мирно и дружно,нося тяготы друг друга. За все Господу слава и благодарение! Ведь так легко в наши дни лихие убедиться в Его участии в жизни нашей. Любовь Его обнаруживается на каждом шагу: и в скорбях, и в испытаниях, и в радости – во всем. Многие жалуются ныне на то, что жить тяжело, радостей, мол, нет, да и христианином быть трудно. Какая чушь!

Жить тяжело? Тем, кто привык жить плотью и плотски мудрствует. Радостей нет? Для тех, кто привычен купаться в эгоизме и самому себе служить. Трудно быть христианином? Тем, кто извратил своим мудрованием и умничаньем Евангелие и в жизнь свою вводит его через призму плотских вожделений и навыков...

Именно наше-то время и есть время благоприятное для проявления в нас Человека. Именно наше время, когда огнем искушается подлинное Добро, дает столько возможностей для проявления Христа, живущего в тебе, для обретения чистой радости, получаемой через восприятие жизни как послушания Богу и служения человеку.

Правы Вы, дорогая Е. Д., тяжеломерно иногда бывает мне в служении пастырском. Причина сего «тяжеломыслия» лежит, прежде всего, в отсутствии во мне самом достаточной, нужной глубины и в обывательском христианстве большей части современных христиан, в отсутствии понимания Церкви как Тела Христова и вселенского Организма благодати – во вторых.

В нашей (квази)интеллигенции все еще чувствуется «Петровское, Екатерининское, Аннинское» восприятие

Церкви как одного из департаментов государственного аппарата. Отсюда и к священнику нездоровое отношение, требование подчинения, служения чьим-то вкусам и т. д.

7 сентября 1954 года
Редактору газеты «Русская мысль»,
Париж

Сегодня, 7 сентября, одна моя прихожанка – русская дама, отдающая все свои силы делу святому религиозно-национального воспитания своих четырех детей-подростков и приходской детворы, посещающей четвергово-воскресную школу, передала мне № 685 Вашей газеты от 18 августа 1954 года и просила прочитать статью некоего г. Анатолия Маркова «Престольный праздник. Зимний Никола».

По свидетельству сей моей прихожанки, эта статья г. А. Маркова вызвала возмущение среди многих национально и религиозно настроенных родителей, пекущихся о воспитании детей своих в духе веры православной и любви к Руси, Родине-России.

Прочел я статью г. А. Маркова, невольно пришла мысль: **из духовно и нравственно уродливой деревни Курской губернии вышел урод писатель.** Только личное духовное уродство и незнание России Православной, незнание духовных глубин народной души могли заставить или побудить писца г. А. Маркова копошиться в болоте, гнездившемся в «его деревне Курской губернии».

Статья г. А. Маркова является тяжелым приговором **интеллигенции**, призванной трудиться над просвещением народа, утверждать его в здоровых основах Духа. Является она приговором и над самим г. Марковым, автором статьи... Что сделал г. Марков, что сделали и предки его, чтобы вывести свою деревню из описываемого им мрака?..

Мне понятны причины, почему г. Марков топчет в грязь свой народ. Но чем объяснить то обстоятельство, что русская зарубежная газета, должнаая отражать настроения и интересы идейной части эмиграции русской, публикует подобную гниль и пасквили на русский народ

и на Русскую Церковь (и такие случаи бывали) своих борзописцев?

Что, какие и чьи интересы представляет и преследует в подобных случаях Редакция газеты «Русская мысль»? Только интересы врагов России и их многочисленных попутчиков...

Помещая подобные пасквилы на народ наш, на Церковь и на русскую женщину (и в последнем сотрудники Ваши весьма щедры), газета Ваша, господин Редактор, способствует также и тем, кто непрестанно трудится над моральным разложением русской зарубежной молодежи и над ее денационализацией.

Примите от меня, г. Редактор, мое глубокое возмущение как по поводу статьи г. А. Маркова, так и прежде помещенных в Вашей газете статей «авторитетных» писак эмигрантских, сотрудников газеты Вашей, порочивших русскую женщину, с несравнимым в наше время достоинством несущую «там» подвиг любви к своей семье, к Родине и к вере Православной, о чем имеется так много ярких свидетельств недавних врагов народа нашего – немецких солдат и офицеров.

Дорогая Н. И.

Оба вы останетесь в моей молитвенной памяти. Дай только Господь умение и волю к молитве.

Пишу эти строки и вспоминаются тяжелые 1939–1944 годы. Это годы последнего раздела Польши, моего с семьей пребывания в СССР и под оккупацией немецкой. Как легко в те времена лилась молитва!

Само сердце требовало постоянного пребывания в молитве, побуждая и волю к ежедневному совершению вечерни, утрени и Литургии и, кроме того, всей семьей на квартире вечерней молитвы с чтением и пением молебна с акафистом Спасителю и Пречистой.

На эту вечернюю домашнюю, семейную молитву собирались жильцы всего дома в числе до 20 человек. И как легко именно благодаря такой молитвенной настроенности, благодаря постоянному пребыванию в молитве переносились тяготы жизни, страх перед неведомым

завтра, страх разлуки с семьей и многие иные невзгоды того времени. Это было...

Прошу Господа, чтобы и ныне укрепил меня в любви к молитве и в подвиге молитвенном.

Под всем сказанным в письме Вашем, дорогая Н. И., подписываюсь. План Ваш, вытекающий из абсолютно правильной оценки обстановки и переживаний брата, должен привести к Вам брата: он скоро сам будет искать Вашего участия в его жизни, советов Ваших и поддержки. Только держитесь того, что вложил в сердце Ваше Господь, – так воспринимаю я все Вами мне написанное.

Мне так понятна тоска Ваша «по родине». До сего времени вел Вас и силы Ваши укреплял Господь, и впредь предайте себя в Его руке.

Сам он вдохновит Вас, укажет Вам, как устраивать жизнь.

С. В. здесь не одинокий, я постоянно поминаю его. Поминал за всенощной, воздвигая Крест, Вами в память С. В. храму подаренный, был и на могилке его.

Да, нелегко привиться на новой почве, но полагаю, что, прежде чем решать вопросы ближайшего будущего, необходимо, во-первых, с Божией помощью испытать все возможности в достижении успеха в том служении брату, на которые послал Вас Господь, во-вторых – не поддаваться влиянию одного сердца: сердце и рассудок должны гармонично действовать, иначе впадете в ошибку.

Не надо, дорогая Н. И., уже сейчас мучить себя вопросом будущего, творите жизнь вокруг себя, а вопрос этот разрешится сам и, быть может, неожиданно. Часто, предаваясь какой-либо мысли или чувству, как бы сверля себя ими, мы парализуем мыслительную нашу способность, себя духовно обессиливаем. Во всем нужна трезвенность духовная.

Вы же нуждаетесь в двух вещах: в моральной опоре и в чувстве самостоятельности. Моральная опора человека в молитве к Богу Живому и в служении горю человеческому

Будем просить Господа, да не лишит Он Вас этих Вам необходимых элементов жизни. Пишите обо всем. Хотя

и недостойный, все же все скорби Ваши к Его престолу вознесу.

Дорогая Н. И.,

так близки и понятны мне Ваши скорбь и растерянность, о которых свидетельствует каждая строка письма Вашего от 3 декабря.

Брат Ваш глубоко несчастный человек. Кажется мне, что Вы его понимаете правильно. Туди чувствовала в Вас сильную натуру. Как женщина, боится она, что брат привяжется к Вам, человеку с крепким характером, волевому.

Сейчас в ней говорит ревность, желание, чтобы внимание и сердце К. принадлежали только ей. Вижу ее несложную, но когтистую и капризную натуру.

Бедный К. должен будет перенести еще тяжелый от нее удар. А посему нуждается он сейчас в ласке и доброте сердечной, чтобы смягчить пережитое и сгладить грядущие тяготы, – дать это ему должны Вы.

Не дай Бог, почувствовать ему, что по его вине и Вы отходите от него духовно. Так думаю я, несколько раз перечитав письмо Ваше.

Конечно, материальной опорой Вашей К. не может быть и никогда не будет, но не грянет ли момент, когда оба вы явитесь друг для друга единственной опорой моральной, когда он, первый, неуверенно и стыдливо обратится к Вам?..

Вид брата? Да это понятно! Такая неравная, а посему и нервная привязанность его к Туде сжигает его. За это нельзя его судить, с ним втихомолочку поскорбеть надо, но так, чтобы сам он не заметил этого.

Предаваться Вам растерянности преждевременно, в деловом отношении вредно и в моральном – убийственно. В разговорах Ваших с К. избегайте одной деловитости. Надо заметить, что его больше интересует, какие вопросы и из прошлой жизни, и этим, а также лаской и вниманием переплетать всякую с ним встречу и всякий разговор.

Понимаю, как тяжело переживаете Вы, дорогая Н. И., отъезд из Марокко, которое дало Вам много света

наряду с испытаниями тяжкими. И свет этот тем более дорог, что пришел он через страдания и через участие в страданиях близкого, родного Вам человека. Но вот представьте, Вы отказались поехать в США, не откликнулись на зов единственного в мире родного брата – что бы происходило сейчас в душе Вашей, как страдали бы Вы, как мучила бы Вас мысль о том, что жестоко и эгоистично поступили Вы в отношении К.

И многие иные переживания терзали бы душу Вашу. Ныне нужны Вам духовная трезвенность и телесная бодрость; нужны они, чтобы не потерять способность правильной оценки этих возможностей, сметающей вредные страхи. Ваша склонность растеряться вытекает из моральной и физической усталости, из тяжелых испытаний в прошлом и из неудач последних дней.

Нет в жизни ничего страшного. Единственно страшно потерять самообладание, страшно и опасно ослабление внутреннего стержня. Верю, что верой в Промысл Божий и молитвой устранили Вы надвинувшиеся на Вас опасности. Успокойтесь нервами и пройдут недуги Ваши. Все, о чем Вы пишете, пришло на почве нервной.

В Марокко вернуться? На это ответит ближайшее будущее: во-первых – Ваши отношения с братом, насколько нужны Вы друг другу, и во-вторых – политическое и экономическое положение в Марокко.

Пока же необходимо устраивать жизнь там, куда привел Вас Господь; к родным же и для Вас священным местам, если судит Господь, Вы легко вернетесь, тем более что имущество Ваше осталось здесь за Вами.

Спокойнее рассуждать надо, не торопиться. Почему это пишете Вы, что все потеряно Вами? Положение? Да оно легко может вернуться: за Вами дом и Ваша квартира. Духовно не потеряли Вы и супруга: «Яже Бог спряже, человек да не разлучает».

Брак, супружество – это союз нерасторжимый даже смертью одного из супругов. Вы, дорогая, не одиноки: кроме С. В., отошедшего в обители вечные, с Вами ряд друзей, добрым словом Вас поминающих и в молитвах не забывающих.

Дорогой И. Н.,

давно получил Ваше последнее письмо, но никак не мог собраться ответить. Правильно Вас информировали: полагаем купить участок земли, на котором находится ныне Бурназельский храм, однако не знаем, когда представится нам возможность осуществить этот замысел.

Выход из нашего приходского тупика вижу еще в приобретении в городе виллы с садиком, подходящих для устройства храма, и хотя бы одной квартиры. Которая из указанных двух возможностей (земля в Бурназеле и вилла в городе) первой подвернется, ту и примем как решение свыше.

Сейчас многие французы, покидая Марокко, продают недвижимое имущество. Авось, улыбнется нам счастье! Вы знаете, с каким трудом все годы сколачиваем мы приходскую копейку, ведома Вам и бережливость наша в отношении приходской казны, уверен в том, что Вы, дорогой И. Н., сердцем и молитвой с нами, в бурной Африке оставшимися тружениками на ниве церковной, столь Вам близкой.

Марокко русское пустеет. Но не опустеет оно совершенно русскими людьми. Произведенный мною опрос показал, что здесь останется не менее 35–40% наших прихожан. Будет существовать здесь приход, а мы ему должны это существование обеспечить постройкой храма и квартиры для причта. События в стране под удар ставят мое здесь пребывание как священника семейного.

Несколько слов о слухах, недавно охвативших Марокко и связанных с именем Вашим и М. В. Напрасно решили Вы сочувствовать мне в «моих волнениях». О несчастных заблудших Якове, Людмиле и иже с ними следовало Вам помолиться, да «изведет Господь из темницы (злобы и зависти) души их» и на путь спасения да наставит. В этом они нуждаются. Жалкие несчастные люди. Хотя... можно разве сказать, что жалко свинью лишь потому, что в грязи она купается?.. Это ведь ее природная «ванна».

«Совет Церквей», отзыв о Митрофане, субсидии И. Н. и М. В. ... выдуман кем-то и для чего-то придумано. Во всем этом корень зла – не в обиде, о. Митрофану

нанесенной, а в обливании грязью маленького кораблика Христова, каковым является частица Христова Тела (Церкви) в Марокко.

Не возмущаюсь, а лишь со скорбью констатирую. Не выхожу из себя, а молюсь за не ведающих, что творят.

Не имеет права уходить в сторону при виде грязи, обильно выливаемой на Христов Корабль, ни священник, ни мирянин, также как не должны они в случаях подобных предаваться раздражительности или озлоблению, увеличивающим зло, безумцами в отношении Церкви или пастыря творимое.

Поверьте, ни с одним человеком не судил я и не осуждал «бывшего в оны дни». Я лишь слушал и внутренне плакал, ожидая, как будут реагировать на зло, причиняемое приходу в Марокко, те, чьими именами воспользовались служители зла, т. е. как будете реагировать Вы и М. В.

В жизни сызмала привык я придерживаться следующих правил:

1) будь доволен тем, что в данное время дает тебе Господь, никогда не предъявляй никаких к людям требований и претензий;

2) люби человека, даже самого падшего, даже к тебе враждебного, но в то же время помни, что ты должен оставаться непримиримым ко злу, которое данным человеком овладело;

3) помни, что даже между самыми идеальными людьми пробегает «черная кошка», и знай, что «кошка» эта труслива – она бежит, сама исчезает как только видит, что к ней равнодушны; эта «черная кошка» суть кажущиеся обиды и так наз. ущемленное самолюбие;

4) если проходишь мимо «зловонной кучи», возьми лопатку и убери ее, в сторону отбрось, чтобы другой, проходящий, не вступил в нее, и ни в коем случае не оставляй ее на дороге, ибо не должен ты и не имеешь права безучастно относиться к ближнему твоему;

5) вся жизнь твоя – это поле брани; не предайся, смотри, сну духовному и не говори: «Это меня не касается, окружающее меня не интересует».

«Доменная печь», дорогой И. Н., в которой расплавляется зло, – это любящее сострадающее сердце, в молитве пребывающее и творящее вокруг себя дела истины и правды.

Дорогие Г.,

получил письмо ваше, в пути писанное. Письмо восторженное, полное радости и благодарения Творцу за красоту, так щедро Им разлитую во вселенной.

Да, чтобы видеть красоту в мире, необходимо отрешиться от серости повседневной жизни. Всюду разлита красота, видна она на каждом шагу, как бы ни была скудна нас окружающая природа.

Но... жизнь, эта ужасная серость жизни с ее убивающей дух и зрение атмосферой! Это она, всего человека поглощающая, делает его слепым и глухим: «Имея очи, чтобы видеть, не видят, и уши, чтобы слышать, не слышат».

Уехали и уже водворились вы на новом месте. Пишете, как устраиваетесь среди «аристократов» – выходцев из Европы и Африки, какими улыбками одаривает вас «солнце великой американской конституции»... Но, дороженькие, ведь улыбка улыбке рознь! И антихрист подойдет к людям, к человеку с улыбкой, даже с многообещающей.

Согласитесь, что коммунизм российский (нет, европейский – по колыбели и созреванию) является всего лишь одним из вестников Антихриста, причем вестником **неудачным**, ибо, во-первых – пришел он в своем полном обнажении, без улыбки; во-вторых – желая повергнуть людей, человека в грубый материализм, приводит он к результатам диаметрально противоположным; в-третьих – и сам он ныне заметно идеализмом заражается, причем (думаю) идеализмом не западным, отвлеченно-рассудочным, а тем, на котором выросла культура российская.

Православно-русский человек (хотя бы даже только по происхождению, по рождению), вообще – русский человек, впитавший в себя соки родной русской стихии, культуры, годы своей жизни (с пеленок до зрелого воз-

раста) проводший в атмосфере веры народной и преданности люда российского высшим ценностям, питавшийся плодами родной землицы, по которой странствует Сам Христос, Никола угодник и России игумен Сергей со Пресвятой Девой, земли, впитавшей в себя молитвы и труды множества подвижников, Христа ради юродивых, кровь мучеников за Христа и за Церковь, – **не может** быть удачным проводником идей марксизма.

Этот продукт горделивой западной мысли, представляющий собой, как многим казалось, прочнейший из металлов, **расплавляется** в русской душе, и верю я, там от него останутся «рожки да ножки». Особыми путями ведет Господь Россию нашу. Изумроша почти все, искавшие смерти Руси – Отчизны нашей.

Не допустил Господь довести им до конца каинова дела, и ныне, после последнего из «самых великих под солнцем», хотя и продолжается действие в части организма народного с Запада принесенного яда, действие, силами Запада поддерживаемое и поныне, не видим ли мы, как очищается душа народная, постепенно становящаяся на путь идеализма, уходящего своими корнями в область вечного Духа?!?

Не согласитесь ли вы, ныне согреваемые лучами американской конституции, и со следующей мыслью – в мире существует **две мясорубки**: советская и американская.

Первая – это мясорубка в прямом смысле этого слова, и о результатах ее работы над народом я сказал. А вот вторая – это воистину мясорубка но... **душ человеческих**, достигающая чудовищных размеров в результатах своей поистине антихристовой работы по обезличению человека, по созданию **человека-робота**, по природе одаренного душевными инстинктами, но совершенно лишенного духовности, теряющего образ и подобие Божии. Воно, дяденька, так и що вы протыв цього скажэтэ?

* * *

...Оскандалился перед Вами: сразу на три письма отвечаю... Вижу Вашу высокую фигуру, упрекающую меня в невнимании к духовно близкому человеку, вижу Ваш

перст грозящий, но вижу и улыбку, отражающую доброту сердечную на лице Вашем.

Когда читаю письма Ваши, кажется мне, что Вы сидите передо мной и мы беседуем; с нами и страдалец Сергей Васильевич, перед которым всегда считал себя виновным, не уделял ему достаточной доли внимания.

Сейчас мне хочется сказать: буду счастлив, если остающиеся в жизни – с моим отходом к Господу – будут за меня молиться так, как молюсь я о всех знаемых мной усопших. За эти месяцы несколько раз был на могилке Сергея Васильевича. Одиноко стоит могилка на залитом солнцем кладбище: солнышко ее согревает, и Ваши благодарные молитвы и память о добром супруге.

Последние месяцы прошлого и первые этого года нанесли мне целый ряд ударов. Во-первых, грипп. Во-вторых, ряд глупостей среды окружающей. Главное в жизни – это внутреннее спокойствие, когда налетают на тебя волны глупости и злобы человеческой. «Человекоубийца искони» настроил против меня... не поверите – д-ра Коссобудского.

Став во главе нашей скромной как по количеству членов, так и по масштабу работы организации Красного Русского Креста в Марокко, он возомнил себя «русским фельдмаршалом», всё под себя восхотел подмять вплоть до попа и прихода нашего. А так как последние-то вещи «неудобоваримы» для него оказались, вышел «великан» из себя – получив расстройство мозгов (воли и сердца), расточает на все стороны угрозы, громы и молнии, прибегая даже к шантажу...

Еще раз повторяю: не предавайтесь первым впечатлениям «очарований и разочарований» от встреч с братом.

Доброе нанизывайте и не забывайте. Тяжелое же принимайте как случайное. Старайтесь понять брата на фоне всей его прошлой жизни и нынешних переживаний. Он Ваш и от Вас уже не уйдет. Сохраняя душевную трезвость и бодрость, создавайте вокруг себя жизнь так, как создавали бы Вы уют семейный вместе с супругом.

Вкладывайте в эти заботы Ваши вкус, доброту, любовь, не упуская из виду, что Вы не одиноки, что духовно с Вами супруг Ваш, что недалеко от Вас и брат, нуждаю-

щийся в опоре, какую он должен получить в сильной Вашей натуре.

Брат должен почувствовать в Вас друга, прежде всего – друга, а не только сестру. Сестра может быть и в тягость со своей сестринской психологией няньки, а сестра-друг – нечто ближе и больше.

Дорогая моя, не предавайтесь минутным разочарованиям и гоните от себя «черную кошку», которой в наших отношениях с людьми являются часто кажущиеся обиды и ущемленное самолюбие. Последние Ваши встречи с братом меня радуют. Это начало; должна придти полнота радости о нем.

Поступок Ваш в отношении Т. одобряю. Согласен с Вами: лучше сразу порвать, чем играть в притворство. Всегда следует избегать «одевать на себя обручи» притворства, неискренности и вынужденности. С братом о ней в разговоры не вступайте: это его интимнейший уголок, и к этому следует относиться очень бережно.

О вере пишете? Не мучьте себя вопросом, сколько у Вас веры. Вера не измеряется ни мерами веса, ни длины. Судить о ней предоставьте Судье Нелицеприятному, сами же прилагайте усилия жить по вере, ею внутренне двигаться, подогревайте ее молитвой постоянной.

О доброделании

От людей никогда ничего не требуйте и внимания не ждите. Это элементарное правило поведения, нашего к людям отношения.

Каждый из нас, зная свои личные недостатки, каждый, кто в себя углубляется, кто просит у Господа дар «зрети своя прегрешения», знает, какое страшное потенциальное зло кроется в нем, в человеке... Зная же это, всякое проявление внимания и благодарности следует принимать как дар свыше – дар Божий, с Небес исходящий.

Зная это, мы несем и должны нести свет и радость, облегчение в сострадании в среду всех, всех людей, милых нам и немилых, ничего от них не ожидая и, тем более, не требуя от них ничего.

Человеческая благодарность почти всегда поверхностна и кратковременна. В этом горечь для многих, творящих добро, но в этом в то же время и залог роста

добра в творящих добро, ибо самым лучшим питанием для добра, для роста его в человеке, добро творящем, является неблагодарность людская.

Творящий добро, в среду людскую несущий доброту сердечную и свет во Христе утверждающегося сердца своего, хотя моментами и огорчается, все же побеждает неблагодарность человеческую настойчивостью в доброделании, зная, что творит он во имя Света, в глубине человеческой почивающего, но суетой и духовной уродливостью затменного.

О возмущении

Понимаю возмущение Ваше, вызванное пакостями, которые приходится переносить Вам и лезвие которых вонзили в спину Вашу из-за угла.

Но никак не могу понять, почему Вы от этих паршивых ляганий теряете мир душевный, раздражаетесь.

Наш долг перед Богом и перед своей совестью – быть и всегда оставаться неуязвимыми, когда зло наступает на нас (во всем его разнообразии – в виде доносов, клеветы, сплетен и т. п.).

Раздражительность же и потеря самообладания как раз свидетельствуют о том, что атакующее зло достигло своей цели, уязвило нас, вывело из равновесия, душевно (а может быть, и духовно) надломило нас.

Возмущение есть не что иное, как внутренне спокойное, хотя и выражаемое в некоторой горячности, выявление неприятия нами зла и беспринципности, нас окружающих и атакующих нас. Оно не должно нарушать нашего внутреннего мира, гармонии сил, но должно побудить к усилению подвига, «в клети сердца» совершаемого, и к скорби о творящих зло.

* * *

Душа ребенка, воспитываемого без Бога, без молитвы храмовой и домашней, легко становится добычей зла. Она превращается в «**ящик мусорный**», который легко и быстро наполняется всяческой нечистотой, **парализующей** волю и **помрачающей** ум, лишая рассудок его

благородной роли «полицейского контроля». Из такого ребенка **обычно** вырастает человек, **лишенный** чувства долга, чувства чести и чувства ответственности.

* * *

«Нет ничего вечного под луной»... «Все уходит...» О, если бы человек осознал и почувствовал свою призванность к «мирам иным», к вечности, свою роль в мире материи, свое призвание в отношении материи, в которую и сам он облечен, если бы стремился он достигать общения с миром «начальным», где пребывает Господь, где ангелы и святые угодники зрят Лице Всевышнего, – не так грустно представлялось бы ему все происходящее в мире в наши дни, ибо и в нем нашел бы он крупницы действующего добра, этого вечного Начала, этой изначальной закваски, непобедимость которой так очевидна и ныне, в дни кажущегося крушения лучших идеалов наших.

И не сказал бы тогда человек, апатией забитый: «Все уходит...», «ничего нет вечного под луной...» Он бы увидел лишь меняющуюся оболочку дел человеческих, он бы узрел **вечное** в мире, он бы напряг свои силы духовные, чтобы единой вселенской семьей поразить **дух зла**, прорывающийся в среду сынов света.

От незнания человеком, а ныне и подавляющей частью человечества **самого себя**, своей сущности и призвания и вытекают беспросветность обстановки, растерянность, апатия и чувство ненужности в этом мире, равно как и чувство одиночества.

Наши по плоти братья проводили большую часть жизни своей в пустынях, среди природы и диких зверей, и никто из них не жаловался на одиночество и ненужность в мире, но во имя всего мира, во имя в суете пребывающих братии и их спасения трудясь над собой, через личный подвиг и в молитве к Творцу восполняли иссякающую в мире сокровищницу чистого Добра, на котором держится мир и которым он должен быть преображен.

Они совлекались «ветхого человека», «мудрования плотского», которое нас, мирских людей, глубоко поражает и духовно опустошает. Это «плотское мудрова-

ние» в своих проявлениях весьма многообразно, в своем действии крайне ядовито, хотя и сохраняет внешнюю видимость приличия и характер «природной необходимости» и законности.

* * *

«Общественное мнение» – это страшный бич, это зло общественное, ибо основы его и источники порочны. Не перед общественным мнением ходить надо, но ходить перед Господом следует. Правда, это хождение перед Богом в девяти случаях из десяти встретит осуждение со стороны так называемой «общественности», которой свойственна баранья, стадная психология. Всегда стадность была мне омерзительной.

Вот почему не приемлю и резко отрицаю и всяческую партийность в жизни общественной и государственной.

* * *

Человек я простой и к людям привык относиться просто, искренне и чистосердечно, исключая из общения лживость и фальшь «великосветских» отношений. Не языком и формами словесными общаюсь я с людьми, но стремлюсь соприкоснуться сердцем с каждым человеком, к встрече с которым приводит меня Господь.

* * *

Эмиграция в массе своей ушла в плоть и в свое «я», занимается политическим прелюбодейством и плотским мудрованием. В массе эмиграции встретишь лишь небольшую часть подлинно русских православных людей.

* * *

Интернациональные продувные ветры почти всё из нутра большинства приходов зарубежных выдули, осталась в них бытовая и политическая шелуха.

В большинстве своем зарубежные приходы – это блеф, печать фальши лежит на них. Есть в них, конечно, ряд от-

дельных добрых верующих и жертвенных свято-руссом, на которых и зиждется за рубежом Родины дело церковное, но нет в приходах паствы, нет **семьи** приходской.

И если изъять из числа членом (именно – просто членом) приходов зарубежных единицы свято-руссом (т. е. прихожан как членом малой Церкви), то останется в приходах мертвящая политическая рутина, прикрытая обрядностью православной, останутся «сосуды повапленные»...

* * *

Человеческие души подобны колодцам. И эти колодцы душ человеческих имеют как бы подземное общение; и тот, кто засоряет и отравляет свой колодец (свою душу), тот засоряет и отравляет все чужие – он становится преступником против всех.

Самоубийца, становится он и убийцей других.

* * *

Много говорят о симфонии власти. Симфония власти возможна там, где и Государство и Церковь одинаково понимают смысл жизни человеческой (частной и общей). Чрезвычайно мудро разрешала вопрос о соотношении Церкви и Государства древнерусская православная государственная традиция: разделение сфер и согласование целей, при обоюдной независимости их организаций и при постоянной взаимопомощи,

Тогда и Церковь и Государство смысл жизни полагали в служении Богу. Не потому ли и идеалом своим одинаково имели они «Святую Русь» – т. е. торжество на Руси Православия как полноты Истины Христовой, как высшего, правого и истинного пути служения Богу, всему человечеству.

* * *

Ложь и хамство всегда были для меня омерзительными, всегда являлись признаками служения сатане тех, кто этими «добродетелями сатаны» пользуется в достижении «высоких» национальных и политических целей.

А ведь Марокко, вернее русская колония в Марокко, вот уже в течение девяти лет, находится во власти этих национально-общественных «деятелей», своей деятельностью отравляющих жизнь колонии; во власти тех, кто все время стремится захватить (и достигает этого) монополию на общественное мнение и наложить на все свою нечистую лапу, не щадя ни Церкви, ни тем более служителей ее.

Духовно, внутренне находясь вне Церкви, вне живого Бога-Христа и Его Евангелия, они выступают во имя Руси Святой (Христа и Богородицы), стремясь захватить монополию на все, на ведение эмиграции, на восстановление Руси с Помазанником во главе. Но...

Для них Церковь не «Столп и утверждение Истины», она не является для них и душой народа, она лишь часть их быта, без которой, в общем, можно и обойтись, и средство влияния на массы...

И не к ним ли следует отнести слова Спасителя: «Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем мы бесов изгоняли? (Политических бесов из «компатриотов» наших.) И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас: отойдите от Меня делающие беззаконие»...

Ложь, клевета, плюс хамство в устах их и в делах «делателей» сих. Перед общественностью говорят они: «Господи, Господи», но не исполняют ни в личной, ни в общественной жизни воли Отца Небесного, принятой предками нашими, строителями Руси в основу духовного и государственного организма России.

Где исполнение ими сей воли? В организациях, которые они создают? В хождении ли на панихиды и молебны с обязательной явкой к концу Литургии, чтобы попасть точно только на панихиду-молебен? О, Господи! Доколе терпеть Ты будешь сих новых «старейшин и законников», этих Анн и Каиаф, российских спекулянтов верой и достоянием Твоим?

В собраниях ли и в упоении речами на этих собраниях исполняется воля Отца Небесного? Но ведь в основе большинства выступлений лежит «Я», свое горделивое «Я», этот идол, которому и приносится в жертву Церковь и вся Святыня народа российского.

День св. великого и равноапостольного князя Владимира, Красного Солнышка, есть праздник **Всероссийский**.

Праздник радости и благодарения Всевышнему, давшему нам воистину равноапостольного Крестителя, Отца и Вождя духовного.

Вне духовного подвига Красного Солнышка («новая тварь» после крещения), вне его духовного облика **невозможно** понять ни русского человека, ни истории России. В нем загадка русской души!

И как хочется пастырю, в день св. Владимира приносящему в храме Жертву Бескровную о Руси, о всех страждущих, сердца своя пред Господом отвергающих и Его милости и помощи требующих, – как хочется пастырю в этот день видеть в храме в сосредоточенной молитве любви и единства всех чад Руси, на часы храмовой, церковной службы оставившими свои фабрики, предприятия, канцелярии – где привел кого Господь трудиться.

Говорят сыны рассеяния, что это невозможно. Мне же кажется, что это вполне возможно, но при условии наличия у **всех** сынов Руси «единого сердца и единой души», при условии признания всеми вопроса веры и религии, признания дела Церкви – **делом общим**, а не частным делом каждого.

Как трудно и мозолисто вести в наше время, особенно в эмигрантских условиях, дело церковное. Часто думаю, что ссылка для священника духовно легче, чем ведение прихода в эмиграции, творческое ведение прихода.

Священник, учитель и врач, да и каждый человек, на которого возложено Господом бремя общественной работы, должны не просто что-то делать, но творить жизнь должны.

А для того, чтобы жизнь творить, необходимо непрестанно совершать **подвиг** хождения или плавания про-

тив течения, против течения стихий века сего; это значит почти всегда находиться в состоянии конфликта со средой, с общественным мнением, почти всегда оставаться непонятым, быть объектом насмешек, упреков и т. п.

В эмиграции же особенно. Имею в виду, прежде всего, служение пастырское. Совершая непрестанно плавание против течения, пастырь в то же время должен проявлять мягкость к личным слабостям своих пасомых, в каждом из них стараясь найти «светлую точку», чтобы, ухватившись за нее, вытащить человека на Свет, ко Христу. Для этого необходимо непрестанное делание пастыря над собой.

Увы, как жестоко отвлекают пастыря от этого спасительного для него и для его пасомых делания всяческие бытовые, материальные неувязки, разнообразнейшая житейская шелуха!

* * *

Беседуя с молодежью, воспитанной на основах западной позитивной философии, убедился в том, что воспитание на основах этой философии и морали является ядом, более, глубже разлагающим, чем материалистический марксизм.

* * *

Легко рассуждать о страданиях, других в скорбях утешать, самому же их переносить часто непомерно тяжело. Это знаю, частично и на себе испытал и все же скажу: из всякого испытания, из каждой неудачи, из всего тяжелого, нас посещающего, **подобно пчеле**, необходимо извлекать пользу, нужную для нашего духовного устроения, для роста духовного. В этом мудрость житейская!

* * *

Все люди грешны, но не все безумны.

Все люди грешны, но не все подлы.

Все люди грешны, но не для всех грех является явлением естественным.

Все люди грешны, но не все сияют философски обосновать, оправдания ради, свои грехи-безумия.

И за это Богу слава! Ибо в этом радость жизни, отрада и залог победы над злом.

* * *

Люблю человека и в грехах его, но как отвратна мне масса, как противна толпа с ее стадной психологией! Мы призваны Промыслителем трудиться над массой в поте лица, чтобы помочь выделиться, явиться из массы-толпы Человеку. Из массы людей должен выделиться Человек. В этом великая радость и оправдание подвига общественного служения.

* * *

Живу мыслью о Руси, призванной к «осолению мира», утравившего в чаде утонченного материализма и изгнавшего из нутра своего Духа, Жизни Подателя. Живу мечтой к земле родной припасть, облобызать и слезами Любви ее оросить.

* * *

ХРИСТОС МОЛИЛСЯ до пота кровавого – «был пот Его, как капли крови» (Лк. 24, 44). «Отче, прости им»...

ХРИСТОС ОБЛИЧАЛ – «гробы повапленные», «лицемеры», «сборище сатанинское», «дети дьявола», «ваш отец дьявол»...

ХРИСТОС сделал **БИЧ** из веревок и сим бичом **ИЗГНАЛ** торгующих из храма – всё это средства, указываемые нам Самим Христом для преодоления зла и борьбы с ним. Эти средства как средства воздействия на окружающее зло являются **обязательными и обязывающими** каждого христианина и тем более каждого пастыря.

* * *

Издательству «Посев»,
Франкфурт

Пришли ко мне дети с листком календаря «Посева»
в руках:

– На, отец, прочти стихотворение Одоевского «От-
вет на послание Пушкина».

*Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями...*

*Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
Она нагрянет на царей, –
И радостно вздохнут народы...*

«Пушкин гений, – говорят мне дети, – гений должен быть всегда свобододлюбив и свободен, он не страшится цепей». А Пушкин? Слово «Посева» – слово свободное, никем и ничем не стесненное, – и как жестоко это слово о прошлом России, о царях!..

Дети логичны в своих рассуждениях: слова Одоевского, в издании «Посева» печатаемые, – это мысли издателей «Посева» и вокруг «Посева» объединенных людей.

– Мы видим, – продолжали дети, – на фоне всего в мире творимого, неправоту «Посева» и Одоевского, симпатии наши на стороне Пушкина.

Дети ушли. Снова взял я в руки листок календаря. Да, это издание «Посева», календарь за 1956 год, 16–22 сентября. И жаль мне стало детей, больно за прошлое России, жаль тех, среди коих совершается сей «посев»; за взрослых сынов рассеяния российского, за борцов за свободу стыдно стало... Не сердитесь, по-дружески говорю.

Понятно печатание Одоевского во времена Пушкина, понятно печатание сего стиха соц-революционерами и иными партиями в годы 1905–1920, но сейчас... Кому и для чего это нужно? Средство ли это воспитания масс? Для борьбы ли с сатанизмом печатается?

Не близоруким ли надо быть, чтобы писать, виноват, печатать, это стихотворение на фоне российских событий 1905–1950 годов, да и на фоне жизни современного мира свободного?

Да, господа, недоумение детей и мое личное повергаю пред вами. Скажите, неужели это «посев духа», о котором говорит Светланин на последнем заседании «Посева»? Это ли «посев идей преобразующей революции»?

Не критика это, а боль души. «Ибо такова воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии». И другие слова того же апостола Петра: «Обещают им свободу, будучи сами рабы тления...» «Где Дух, там свобода», – говорит ап. Павел.

* * *

Дорогие мои,

промелькнули праздники и дивные святки, и в этом году явившиеся для всех нас источником великой радости духовной, перед которой, подобно пыли, рассеиваются все наши земные невзгоды и тяжелые испытания. Праздники, как говорит наш Авва Первосвятитель, «это светлые оазисы в пустыне нашего земного странствования».

Сам духовно утешаясь в святые дни, я непрестанно соединялся духом с вами, как и со всеми родными мне сомолитвенниками и друзьями, во всем мире рассеянными, любовью приветствовал вас в эти священные дни, вознося у Престола Господня молитвы о вашем, дорогие, духовном и телесном здравии и прося Господа, да поможет Он вам в суете жизни и в борьбе за хлеб насущный не отрывать взора от блаженного Царства Христова, куда открыт нам путь и вход Рождеством и всем крестным путем и Воскресением Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

* * *

Дивен Господь наш, вселенной Творец, давший человеку сердце, этот таинственный орган, через который Дух Святой глаголет; орган, являющийся и «гостиницей» для встречи с Богом. Встреча с Богом зарождается и в чувстве дивной дружбы сердец.

Часто посещает Господь сердца друзей, светлые лучи духовного сродства коих, исходя из их сердец, восходят к единому Источнику Света... Отсюда не расторгимый ничем союз духовных друзей.

О дивная, светлая и святая Дружба! Тебе я гимн пою и Творца за тебя я прославляю! Как бы мрачно было, если бы этот дивный дар дружбы расторгался временем или расстоянием! Слава Тебе, Творче, не расторгается он даже смертью телесной, ибо он сильнее смерти!

Дар дружбы вечен – в основе его лежит вечное начало Любви... И все же, как тяжело расставаться с друзьями, с родными сердцу...

Несмотря на мою великую, одному Господу ведомую (нет, и духовнику моему) греховность, часто меня духовно расслабляющую, никогда не забывал я в личных и литургических молитвах всех, с кем приводил Господь вместе молиться, вместе бремя жизни нести, работать, спорить, браниться, и могу ли я без молитвы оставить друзей моих?

Хочется поведать о некоторых моментах моей жизни пастырской, о тяжелых моментах, когда с Господом готов был я спорить, предъявляя Ему «счета неоплаченные», но воздержусь от этого повествования тяжкого, скажу лишь, что потребовались многие, многие годы служения пастырского, чтобы, слегка себя самого познав, мог я увидеть, насколько дерзок (а не дерзновенен) был я тогда пред Всевышним!..

И все же я верю, что молитву мою о друзьях слышит Господь, ее Он и примет, если она будет созвучна с биением сердца друзей. А разве может она быть не созвучной?

Простите, дорогие, мне это письмо. Скажете: бред сумасшедшего? Пусть будет так, но это бред трезвого и к трезвенности всегда стремящегося больного сердца...

Родина и друг – это явления вечные! Если же это не так, то все в жизни ложь, ну и пошлость. Значит, и опереться тогда нам не на что, и дышать нечем, да и жить незачем, ибо на пошлость и на ложь разве можно опереться, ими разве можно дышать? Тогда нет и творчества, нет красоты и добра, но существует лишь наращива-

ние смрадной лжи, приправленной художеством фальши: тогда всё мираж...

Слава Господу, дававшему человеку сердце с его стремлением от праха к нетленному, к свету от тьмы! А сердце и его опыт, настолько же реальный, как реальные и конкретны все физические опыты, свидетельствует о вечности Духа, о призвании к вечности человека, свидетельствует о том, что чувство дружбы воистину сильнее смерти!

Родная и любимая О. В.,

тяжела и для меня потеря М. В., с которым связано столько общих переживаний, хлопот о «малых сих» и дружеских споров. Люблю моего дядю Мишу, человека доброго сердца и большой любви к людям, православно-верующего и к себе необычайно строгого.

Не мог без слез любви и скорби совершать панихиду по почившем, не мог без слез смотреть и на фотографию, вчера полученную от Вас, где ведет он Иришу в храм к венцу.

Понятна мне и Ваша скорбь, так близко мне состояние души Вашей, дорогая О. В. Много раз читал и перечитывал письмо Ваше от 11 сентября, вместе с Вами плакал. И вспоминал моего любимого родителя, который при виде непрекращающегося потока слез моих детских, смертью любимой мамы вызванных, просил меня не тревожить ее, покоя ее не нарушать слезами, но молиться о ней. Слезы любви. Но ведь и ими можно нарушить мир ушедших от нас.

Любящие и любимые, они ушли от нас физически, духовно же они с нами. Они сохраняют любовь к нам и заботятся, пекутся о нас. Вспомните притчу о богатом и Лазаре.

Слезы от мучений совести когтистой, от упреками раздираемой души... Все это так естественно и нормально, ибо свидетельствует о нашей к ушедшим любви, свидетельствует и о живой душе в нас, но ведь и ими можно нарушить покой ушедших, причинить им боль – это по закону взаимной любви.

Не только притча евангельская, но и опыт сердца свидетельствует о том, что любовь как забота любящих друг друга не прекращается телесной смертью. А любовь ищет ближнему мира и радости духовной. Радость об ушедшем от нас дяде Мише в том вижу, что ушел он из этой жизни скреститься с благой волей, с Любовью Отца к человеку, и Отец решает нас мучающий вопрос вопреки нашему желанию, нашей воле; и не преклонить ли нам главу в таких случаях перед Его решением, решением знающего путь человека, знающего вся внутренняя его и единственно могущего определить зрелый плод?..

Как можете думать, что Вы как врач «делаете ненужную работу»? Сколько раз, дорогая, Вы сами были свидетелями благих результатов лечения, помощи медицинской безнадежным больным? Еще 10–11 лет тому назад наш дядя Миша был обречен на смерть. Вашей любовью и действием благодати Божией ему была продлена жизнь более чем на десять лет!

И есть ли ныне основание усомниться в благости Его к дяде Мише? Есть ли ныне основания взывать ко Господу: «Зачем, почему он ушел?..» Единственно о чем скорблю, так это о том, что дядя Миша не был переведен домой, когда просил он Вас об этом. Но Ваша ли в том вина?

Он находился в лапах эскулапов. И еще: не мучила ли бы Вас мысль о том, что Вы являетесь виновницей смерти его, если бы он дома упокоился? Живем мы догадками. Мучаемся любовью.

Чувство вины мучает Вас. О вине можно говорить там, где имеет место сознательное участие в несчастье ближнего, где свободная воля причиняет страдания ближнему и т. д.

Правда, дядя Мише следовало приняться за лечение тотчас же по прибытии в Америку, ибо подготовка к отъезду, тяжелая дорога и новая обстановка с хлопотами об устройстве на работу – все это крайне утомило его больной организм. Но что могли сделать Вы, дорогая О. В.?

Став на землю свободной Америки, Вы потеряли свободу. Вы должны были (не могли не) стать рабами машины жизни американской; Вы невольно, не замечая того, как бы помимо себя были вовлечены в круговорот

тяжелой жизни счастливой Америки; невольно стали рабами с трудом дающегося доллара и т. д.

А что может раб? В возможностях своих он ограничен, не располагает он сам и временем своим даже для того, чтобы внутрь себя войти, чтобы вникнуть в суть совершающихся над ним и вокруг него событий.

Он изнурен физически для такой работы, необходимость отдыха и сон одолевают его, лишая возможности, а часто и способности заняться самим собой, о себе подумать. Для Миша **физически** явился жертвой Молоха, имя которому цивилизация. А сколько таких жертв пожирал этот идол современности!?!

Итак, моя родная, не искушайте Господа, не тревожьте для Мишу, но покаянной молитвой любви продолжайте утишать его, любящего Вас. Вспомните, как тревожился он, видя Вас утомленной и больной. Мир и молитва да воцарятся в Вас.

И еще несколько мыслей, сейчас меня посетивших.

Все полезное, все нужное для жизни человека дано Творцом в природе. И медицина есть дар Любви Творца к творению. В основе медицины, лечения естественно должна лежать любовь к человеку... Ныне же лечат не по любви, а по формулам.

Божий дар, медицина ныне во власти отпавшего от Источника Мудрости – от Бога – горделивого ума: «Все знаю, все сам узнаю и сам все могу», и посему она лишена главного: благодатности, этой квинтэссенции своей.

Человек, говорят ныне, есть машина; правда, дивно устроенная; и лечат его, как машину, механизм лечат; подход современной медицины к больным следует определить как подход исключительно рассудочный, механический.

Нельзя отрицать необходимость формул в такой области, как техника, нельзя умалять значение их и в медицине, но не является ли преступным подход к больным современной медицины (во всяком случае, в лице подавляющего большинства врачей)?

Лечат материю, которая в результате различных комбинаций соотношений между органами тела (функций органов) дает животную жизнь. Лечат, чтобы под-

держат биологическую энергию тела (юже и животные имут), совершенно упуская из виду, что человек есть не просто живой организм, а личность; что сущность его не в материи, а в вечном Духе, сосудом которого (или храмом, как говорит ап. Павел) является тело.

Ведь так ясно, что не энергия биологическая, т. е. «душа», присущая всему животному и растительному миру, соделовает человека **венцом творения**. Ведь так очевидно, что **Аз есмь человек** только по Духу вечному, органом которого является тело мое. «Мое тело», – говорю я, – тело духа бессмертного, который и есть **подлинное «Я»**.

Обладая телом, органически с ним связанный дух проникает во все клетки его, возвышая материю (физическую жизнь человека). Он влечет сосуд свой к Солнцу – Любви (Бог есть Любовь), лучи Которого, постепенно проникая во все клетки тела, овладевая им, преобразуют его.

«Девица, тебе говорю, встань!» – и она тотчас встала, встал лежащий труп.

«Лазарь, говорю тебе, выйди вон!» – и Лазарь вышел; вышел тот, который уже в течение четырех дней был трупом; смрад гниения его тела поражал приближавшихся к могиле его.

Что же? К телу, к гниющему праху, бывшему всего лишь сосудом и органом Духа, обратился Начальник Жизни Христос? Нет. Он обратился к самому человеку и ему повелел войти в тело. И вошла девица, и вошел Лазарь в свое тело, храм Духа тотчас же ожил, и явились они оба во всей полноте жизни – девица и Лазарь – к оплакивавшим смерть их.

Сущность человека забыта медициной, а посему любовь и молитва исключены из нее. Ныне лечат не человека, а животное. Современные врачи – это в лучшем случае и в большинстве своем **ветеринары**. Дар Божий в руках нынешних медиков в страшный бич обращается.

Дорогие,

с тихой щемящей сердце скорбью проводили мы друзей наших в дальнее плавание. Скоро войдут они в

ваш дом, и вы примете их со свойственным вам радушием, любовью и гостеприимством.

Все они мне не только дорогие по Бресту, из которого мы вышли, по гимназии, в которой вместе учились, – они мне родные; с их отъездом отлетела от меня часть сердца моего, из-под ног ускользнул кусочек родной земли-Родины – опоры моей жизни духовной и предмета моих непрестанных воздыханий и любви. Поэтому-то и хочется вам, мои дорогие, сказать, что, принимая Н., вы принимаете меня, часть моей семьи.

Вспоминаю, как Я. К. направлялась с букетом цветов на одинокую здесь могилку дорогого Вам, А. Я., родителя Вашего. И за это любите, примите, как родную. Как радостно общение с теми, в сокровенная души коих ввел тебя Господь, чью неподкупную честность, постоянную над собой работу, любовь к чистоте наблюдаешь ты в течение долгих лет. Такие люди становятся как бы твоими опорными пунктами моральными в работе среди людей, среди массы, в своем большинстве живущей стадной психологией.

Когда расстаешься с такими людьми, чувствуешь как бы сотрясение под тобой фундамента... И вместе с тем овладевает тобой страх, боязнь за дальнейшую духовную жизнь уехавших друзей.

И вот тут-то и обращается взор мой к вам, на которых возлагаю большие надежды в смысле доброго влияния духовного на родную мне семью Н., в смысле введения Я. К. в духовно здоровую среду, ограждения ее от гнилой обывательщины, от так наз. интеллигентщины, которой свойственны крайняя гордыня, самомнение, моральная беспринципность и жизнь по плоти.

Как буду я вам благодарен, если поддержите мою дочь духовную и друга в любви к храму, к молитве храмовой, к чему она с такой настойчивостью стремилась здесь в Марокко, утверждая на этом пути и супруга с сыном.

Не забудьте, что Я. К., став православной, была здесь для многих примером любви к храму, не забудьте, что, возлагаю на вас, по благодати священства, за них и некую ответственность, поручая эту родную мне семью заботе вашей.

Дорогая,

жалуетесь на тяготы жизни, на среду окружающую? Всегда помните, что центр жизни внутри человека. «Царство Божие внутрь вас есть», – говорит Спаситель.

Вот и желаю Вам достигать света и радости, этих дивных состояний сердца, которые и на мир помогают смотреть светлее, и во всем в мире происходящем обнаруживать и видеть крупицы чистого добра и таким образом находить точки опоры в жизни.

Дорогие мои,

спасибо за письмо от 27 июня.

Читая письмо ваше, вспомнил всех матурантов, вспомнил всех воспитанников нашей Ломоносовской гимназии в Менхегофе, из коих Юра Егоров и Вася Сухобок являются ныне иноками Свято-Троицкого монастыря в Джорданвиле, Федя Мартыненко и Андрей Семянко – священствуют... Ведь это всё бывшие воины и офицеры Красной армии...

Вспомнил и «зубров», о которых так ярко и справедливо пишете вы. Мне кажется, что правильно судить о будущем России, народа русского мы можем по этим недавним бойцам, ныне подвигающимся в обители на ниве Христовой. Не являют ли они собой Русь воскресающую?

Ведь они суть «плоть от плоти красного Октября», они дети нынешнего дня российского народа. Именно по этим людям, прошедшим тяжелую школу жизненную, по этим недавним «октябрятам» советской школы, воинам, прошедшим через огонь войны, не связанным с прошлым России, не знающим традиций и духа Руси Святой, – именно по этим людям необходимо судить о пути души русской, когда освободится она от насильственных пут безбожного насилия, судить о духовном пути всего народа русского.

Не по заграничным, всем существом упирающимся «в прошлое», не всегда правильно и честно его идеализирующим о.о. архимандритам и г.г. профессорам, а

также иным господам имже имя «зубры» судить нам о будущем России...

Они, эти люди, прекрасны в любви своей к России и к Православию, но в то же время поражают своей слепотой, своей неспособностью видеть черное в черном, они ужасны своим бытовым христианством, своей привязанностью к форме... Кричат и вопиют они о восстановлении формы...

Ведь не с восстановления формы начинать-то надо, а с укрепления в Духе Святом, в Его дарах, ибо форма есть не что иное, как оболочка, или внешнее выражение, Духа, Которым живет и движется организм – человек и общество.

Форму нельзя извне навязывать, она должна изнутри прийти, добровольно родиться. Положение это отношу и к вопросу принятия человеком религиозных обрядов; обществом-народом – государственной формы правления.

Понятно, когда дары эти передаются преемственно из рода в род, из поколения в поколение, то они воспринимаются младшими сравнительно легко и осмысленно. Но когда поколения расщеплены, когда между ними по вине предков образовался ров, когда разделил их вихрь революции, – нельзя ничего навязывать, да и вговаривать нельзя, ибо и этот способ приятия идей непрочен.

Надо помочь поколениям войти в сферу Духа, воспринять Его дары, и уж тогда на этой канве шить и вышивать узор, форму. Так будет в России, – не происходит ли там невидимо процесс этот на наших глазах?..

Только мы, товарищи «эмигранты», в массе своей слепы сами и в хвосте за народом тянемся...

«Стенку лбом не прошибешь» – говорит мудрость народная. Не изменить нам с Вами, дорогой Б. А., «климат», и в кругах церковных господствующий. Несмотря на «климат» сей, люблю я Синод с его прямой житейской и канонической линией.

Нет извилин, грязного политиканства, нет связи «с источниками нечистыми», поддерживающими существование иных «церковных образований», или «юрисдик-

ций». Ризы чистые, говорят открыто – «смотри, ничего не скрываем»...

И это-то в Синоде привлекательно, ибо честно, хотя и заблуждения некоторые есть. Есть там и пресмыкание перед не всегда здоровым прошлым, но нет пресмыкания перед пошлой беспринципностью сильных мира сего, будь то государственные мужи, будь то представители всемогущего масонства мирового.

Глубокоуважаемый Н. Ф.,

взаимно приветствую Вас с прошедшими праздниками Рождества-Богоявления и со вступлением в Новолетие. Да даст Вам Господь в православной радости христианской, в здравии, мире и благополучии провести наступивший 1957 год. Христос да благословит Вас и всю семью Вашу.

Три елки устроены были в этом году в Казабланке-Бурназеле: елка б. военных, Р. Красного Креста и НОВ, и только одна из них может быть названа елкой христианской, православно-русской елкой рождественской – это елка НОВ.

Несколько слов о елке бывших военных. Только вначале пропетый тропарь и колядка свидетельствовали о том, что это рождественская елка русской молодежи православной.

Вся программа елки, за тропарем и колядкой следовавшая, была военной (на сцене бойцы с ружьями) и сугубо светской, даже с некоторой долей недопустимой на вечерах молодежи вообще, на православной елке молодежи тем более – пошлости: таков был «Бал», в котором участвовали «кумушки», на скамье в парке заседавшие (девочки лет 12–13), и «барыня» лет под 55 (девочка лет 15-ти), выдающая себя за красавицу 35 лет, окруженная ухажерами, ее руки добивающимися (подростки лет 14-ти), а также танцующая «молодежь» (дети 6 и 7 лет).

Вся сценка кокетливая, с подмигиваниями, пошлая, и все это в исполнении детворы. Не было ни одного стихотворения рождественского, религиозного, но зато были чисто военные стихи: «Кто он» и о белых воинах.

Единственным хорошим номером программы этой елки был «гопак».

Елка Р. Красного Креста – это тихий ужас! «Начали с Богом, а кончили с чортом», – сказала мне на следующий после этой елки день одна дама.

Да, начали тропарем Крещению (елка была 20 января), а кончили исполнением на сцене кабаретных танцев, как «Канкан», и фокусником, одним из первых номеров коего был следующий: из толпы вызванный на сцену мальчик... «снес яичко».

Фокусник повернул его «мадам сажу» к публике и после долгих расспросов о блюдах, которыми кормит его дома мама, вынул... «яичко» из него...

– Сейчас г-н Иванов продемонстрирует несколько номеров из мало нам доступной области, – огласил конферансье.

И вот, выходит сей «Иванов» на сцену, держит к православно-русской публике речь на французском языке:

– Я Ивано; если же добавить к моей фамилии букву «ф», будет Иванов, т. е. я русский, но я русский ни красивый, ни белый, я русский интернациональный.

И далее:

– Да простит мне русский поп, если некоторые из демонстрируемых мною номеров не встретят его сочувствия.

В первых рядах сидел о. Григорий, к которому и относилось это обращение. Глядя на «канкан», встреченный рукоплесканиями устроителей «елки», некоторые дети спрашивали своих мамочек:

– А скажи, мама, зачем это дядя тете под юбку заглядывает?

Да, да, не усомнитесь, такие вопросы были. Одним словом, это была комсомольская новогодняя елка, хотя устроителем был д-р Коссобудский с правлением возглавляемой им организации Р. К. Креста, в котором заседают офицеры и другие заслуженные лица местной колонии русской.

Да, надо было бежать из России советской и... 40 лет прожить в изгнании, трудиться в заботе о святыне Руси и чистоте риз своих над массой, чтобы такую елку увидеть в среде белой эмиграции!..

Устроенная силами наших юнцов, витязей и вожатых елка НОВ была единственной православно-русской рождественской елкой, елкой национально-патриотической. Витязи Казабланки-Бурназеля-Марракеша дружной семьей собрались в Бурназеле, в скромном помещении при Свято-Троицком храме прославить Христа.

Молодцы! Они показали, как много у них вкуса, как хорошо и разумно своими силами могут всё сделать подростки и дети, когда есть у них горение веры, когда переживают они праздник Рождества!

Небольшой зал при храме наполнен детворой, родителями и гостями. Горит в углу елка. Со двора со звездой входят витязи-колядники, становятся у елки и поют тропарь Рождества и колядку «Дивная новина»; поздравляет витязь всех собравшихся с Рождеством Христовым и нач. дружины обращается к собравшимся со следующими словами:

– Витязи и вожатые НОВ в Марокко приветствуют вас с великим праздником Рождества Христова, с праздником радости. Мы рады приветствовать наших батюшек и родителей на елке нашей. Это елка не артистов, не ожидайте от нашей программы чего-либо особенного; это елка маленькой, но дружной семьи русских витязей в Марокко – семьи, в которую входят и родители наши, и наши друзья. Спасибо вам, что пришли на наш праздник.

В этот день-праздник мы вложили любовь нашу к Богомладенцу Христу и нашу любовь к России. Приветствуя вас с праздником, мы приветствуем и детей нашей страждущей Родины. У нас с ними одно сердце, любящее Христа и православную Родину нашу. Русские дети! Мы, витязи и вожатые Марокко, шлем вам наш рождественский привет!..

И началась программа. Зал наполнился светом. Дивные декламации рождественские, поучительные сценки («Стрекоза и муравей», «Трудная задача»), призывающие к честному труду и здоровой честной дружбе; пение витязями и вожатыми колядок и песен витязей, дивный Дед Мороз (Ксения Кузменко), с мешком за плечами вошедший в зал со двора и прекрасно исполнивший свою

роль как в обращении к детям, так и в раздаче подарков и сладостей витязям и всем гостям.

– Ох, устал, очень устал... И по воздуху летел, и по морю плыл, и по снегам брел... и вот добрался-то наконец до Марокко. А, какая дивная у вас елка! Дивная! Поглядел на елку, и усталость прошла. Хорошо у вас, дети... хорошо. А знаете ли вы, что прислал меня к вам из России главный, старший Дед Мороз, он подарки вам прислал. Много слышал он о вас, витязях в Марокко, и любит он вас. Любит за то, что вы, русские дети, Родину вашу любите и Церковь любите...

Свое посещение елки закончил Дед Мороз декламацией у елки стихотворения «Христославы». Это стихотворение подслушал он в России, дети пели его, и вот запомнилось оно Деду Морозу...

Пение витязей и вожатых у елки, беспроектная лотерея, внимание к родителям и гостям, выразившееся в угощении их сладостями и лимонадом, – все было дивно, уютно и празднично-торжественно. Закончили праздник пением у елки гимна НОВ: «Мы витязи славной России, за веру, за Русь мы идем! И эти слова дорогие мы радостно в жизни несем!». Это была воистину православная русская елка молодежи!

Дорогой отченька о. В.,

сегодня получил письмо Ваше, в котором браните меня за молчание. Да, в «молчальники» я записался, но сердце весть о Вас дает... Время моего пребывания в Африке приближается к концу. Куда поведет меня Господь на дальнейшее послушание Церкви, мне еще неизвестно.

Боюсь назначения в США. Боюсь, ибо не лежит сердце мое к Западу вообще, к этой же стране особо, во время последней войны и во время венгерских событий ярко выразившей свое антироссийское лицо. Но... Все в Деснице Всевышнего, да будет Его Святая Воля.

А о России что можем сказать? Она живет и движется по законам особым, не ведомым Западу, и ведет ее Господь, в прах и пепел поверженную, к возрождению. Да, вопреки расчетам Западу, во всей красе духовной мощи восстанет она!..

...Понравилось мне выражение Ваше – «фокусные юрисдикции». Ловко! Но не приложимо к Соборной (или, как говорят, Синодальной) Церкви. Это не юрисдикция в оттенке, каковой придается этому слову за границей, когда речь идет о церковных эмигрантских группировках, это чистая ветвь Христовой Российской Церкви Православной.

Да, это так! Так, несмотря на грехи многих, в ограде нашей Церкви пребывающих, несмотря на пребывание в ней Граббе, Лопухина и др., о которых так резко Вы всегда высказываетесь.

Интересно было прочитать Ваше суждение о юрисдикции Константинопольского патриархата в лоне Русской Церкви Зарубежной. Нет, несомненно, греха в том, что Вы принадлежите к этой группировке-юрисдикции, но странно рассуждение Ваше – «но Митрополита Евлогия не признавал вовсе»...

Несомненно, что так наз. «Константинопольская юрисдикция», или «Парижский экзархат», есть «порождение ехиднино», плод не только лукавновашего Евлогия, но и подпиравших его масонов всех мастей, в том числе и Милюкова и графа Коковцева.

Да, отченька, это так! Но как же это «Евлогия не признавал и не признаю вовсе», а все дела его лукавого ума и воли лукавнующей приемлю?..

Непонятно! Не обижайтесь на откровенность. Люблю Ваш живой характер, люблю юродствование Ваше, когда чувствуется в Вас – «я воин, Христов иерей», но не согласен, что всегда и во всем Вы бываете правы.

«Евлогианство», ныне возглавляемое старцем-иноком м. Владимиром, «американская митрополия», возглавляемая лукавнующим Леонтием, – это воистину «фокусные юрисдикции». За это Вас целую и благодарю за меткое выражение.

Меня недолюбливают Граббе и Лопухин – суд на них передаю Нелицеприятному Судии, служение Которому и поставлены мы с Вами совершать. Зачем на душу брать грех крайнего осуждения этих людей?

Они стоят перед Владыками, являющими чистый образ апостольского служения и дивный пример подвиж-

ничества в миру, и нам ли судить их? Их много в ограде церковной, но это не умаляет ни достоинства, ни силы и значения Церкви.

Дорогая,

много нами пережито, Вы в этом правы. Длинный и тяжкий путь пройден нами, путь скорбей и тревог: за себя и еще более за меньших сих братьев, за ближних наших, обездоленных и беспомощных.

Все это духовно нас сблизило, сроднило нас, и великая была радость в том, что все мы, кровно друг с другом не связанные, передвигались по холодному Западу **единой** семьей – дружной в общем семьей, жившей общими интересами, одной жизнью...

И в этом заключалась сила наша, наше и достоинство. А ныне?... Снова буря злая размела нас по свету белу, и уже в одиночку... И так важно ныне одиночкам рассеянным друг с другом поддерживать духовную связь молитвой и в переписке; связь и со всеми, с кем так еще недавно привел Господь нести общий Крест, вместе молиться в храме, нести тяготы друг друга.

В поддержании этой связи духовной, этого общения лежит залог того, что отдельные семьи, и тем более одиночки, не затеряются в море голов Запада холодного, что не зачихнет в них искра общности со всей Русью, страждущей и рассеянной, что не потеряют они «чувства плеча».

Дорогой Б. А.,

только что получил письмо Ваше и сразу отвечаю. Верю, что благословение Божие почует на Вас и милость Его неотступна от Вас за те крупички света, которые вносите Вы в сердца людские данным Вам даром пера, равно как и за Ваше искреннее желание плыть против течения, как плавают рыба живая.

Время, в которое мы живем, хотя и тяжелое, все же интересное и благодатное.

Как легко происходит именно в наше время отсеивание плевел от пшеницы, вскрывается пустоцвет сидящих на

свещниках общественных, вскрывается ложь современного общественного и «церковного» добра.

В то же время всем «алчущим и жаждущим правды» свободен путь к познанию Ее и даны возможности напиться Ею.

«Огнем искушается всяческая» – наше время и есть время огня, коим испытываются качество человека и всего им творимого, коим обнаруживается правда и вскрывается ложь. Ведь так ясно и отчетливо именно в наше время выкристаллизовалась **грань** между добром и злом. «Камень, Егоже небрегоша зиждущии», выступает ныне, как и во времена первохристианства, во всем блеске Небесной Красоты.

Некогда за декорацией всяческих условностей, отчасти рожденных государственно-политическим пленением Церкви, затемнялся образ Христа-Истины, засорялось Православие. И когда старец-митрополит Антоний, встречая меня в своих покоях в Белграде и в Сремских Карловцах, говорил: «Друг мой, спасайся», – я чувствовал необходимость стряхнуть с себя именно это интеллигентское, бытовое отношение к Церкви, к религии, превращенных россиянами в складку быта и в декоративный придаток к общественно-государственно-политическим торжествам и деяниям.

Повествуя детям о Смутном времени, думаю: «Почему так трудно нынче россиянам от супостатов землю русскую вызволить?» И нутро отвечает: «Потому что утрачена ими сущность Руси как хранительницы Истины-Православия, за сохранность которой ради блага всего мира **постоять надо** и необходимо каждому. А раз утрачена Истина, жизнь личную и государственную осмысливающая, утрачена главная и высшая ценность жизни, если ушло из сознания ощущение необходимости борьбы за нее – «живот свой положить», – то... зачем надрываться, за что бороться... сиди тихо, а то кусок хлеба и угол потеряешь».

Такова психология большинства русаков. Вот почему и силушка **Ильи Муромца** в организм народный не возвращается.

Дорогой батюшка,

и сам я считаю себя учеником Достоевского. Этот великий писатель р. Б. Феодор, после храма Божьего, заменившего мне сердце и слово наставления матери, в селения Господни призванной, когда был я еще младенцем, – дал мне то, чего не получил я ни от уроков Закона Божьего, ни от одного священника-наставника, хотя, казалось бы, от них-то и должен был я получить необходимые знания для утверждения в жизни по Духу.

* * *

В наше время – есть вера во Христа, но где верность Христу? Еще существует тоска по чистоте, но у большинства подавляющего нет стремления к чистоте.

Сердце большинства людей неподвижно, не зреет, не расширяется. Отсюда – затемнение и косность ума, ибо ум растет лишь тогда, когда параллельно растут внутренние духовные силы, т. е. растет сердце наше.

Глава XX

В Соединенных Штатах Америки

*«Боже правых! Приди, суди, карай лукавых...»
«Я тем стал бесполезен, что горяч и в правде чорт»*
(Г. Р. Державин)

С добрым утром, Америка! Прибыли мы с матушкой и детками в США утром 27 июня 1959 года. На мое «с добрым утром, Америка» Нью-Йорк ответил густым туманом... во всех отношениях.

Полагал, что в числе нас встречавших увижу представителя Синодальной Канцелярии или Епархиального Управления... Их отсутствие меня насторожило. И предчувствие не обмануло...

28 июня, в 18 часов вечера, сидел я у Аввы Анастасия. Беседа длилась свыше трех часов. После моего краткого доклада о положении нашей Церкви в Марокко и Северной Африке Владыка интересовался церковной жизнью в Париже и в Германии. Долго расспрашивал об Архиепископе Иоанне, б. Шанхайском, и заговорил об

Архиепископе Пантелеймоне, б. предстоятеле Церкви в Киеве.

– У меня о нем порочащие его сведения. Вы его хорошо знаете еще по Польше, что Вы о нем скажете?

– Все, что о нем сообщили Вашему Высокопреосвященству, что услышал я из уст Ваших, все это вздор и клевета. За владыкой Пантелеймоном большие заслуги в борьбе за Православие в Польше, он был гоним Римской Курией и гражданскими властями за жертвенную и успешную борьбу с унией. Знаю его и как достойного архимандрита Почаевской Лавры. На всем своем пастырском иноческом пути Архиепископ Пантелеймон ничем себя не запятнал. А то, что сообщил о нем Вашему Высокопреосвященству у кормила церковного Управления стоящий протоиерей, это, полагаю, дело его личной церковной политики. Он спешит сразить достойного и сильного, ему неудобного архиерея.

– Да, сейчас Синодальная Канцелярия готовит о владыке Пантелеймоне доклад для суда над ним Архиерейского Собора.

О моем будущем в США Митрополит Анастасий сказал:

– Время работает на Вас... За Вами в недалеком будущем Лейквуд, Вы будете во всем наследником протопресвитера о. В. Боцановского, он уходит на покой. А пока что временно возлагаю на Вас послушание на Владимирской Горке, у Вас есть опыт в строительстве, там Вы продолжите дело, начатое о. Василием Мусин-Пушкиным. Доложите об этом владыке Никону. Не забудьте, батюшка, в Германии на Вас мной возложенное послушание остается в силе: ожидаю Вас раз в месяц в моих покоях...

1 июля направил я стопы мои в Епархиальное Управление, в Бронкс с официальным визитом к старцу Архиепископу Виталию и его викарию епископу Никону. Ласково встретил меня владыка Никон, хорошо мне знакомый по Белграду.

– Узнаю вас по Вашим глазам, хотя и прошло 26 лет от нашей встречи в Белграде. Скажите, о. Митрофан, долго ли блудили в поисках Епархиального Управления?

– Ваше Высокопреосвященство, блудят монахи, а белое духовенство блуждает. Нет, недолго. Я прибыл в сопровождении Иосифа Ярошука.

Не знаю, почему – в ответ на мое замечание Преосвященный покраснел и удалился в свой кабинет; не пришлось доложить ему о Владимирской Горке, куда направляет меня Авва Митрополит.

Услыхав о Белграде, о Митрополите Антонии и моем присутствии на его (Архиепископа) хиротонии в Свято-Троицком храме, старец Архиепископ Виталий узнал меня, благословил и, видимо, по старческому смирению, поцеловал руку священника.

3 июля посетил правителя дел Синодальной Канцелярии, протоиерея Г. Граббе. Встретил приветливо, но... сразу «дубиной» взмахнул над моей головой.

– А знаете, у меня есть дельце против Вас, – с ехидной улыбкой заявил мне о. Георгий.

– Ах, вот как? Где оно и какое «дельце»?

– В моем столе, а какое дело – узнаете в свое время.

– Нет, батюшка отец Георгий, я узнаю сегодня! Прошу Вас сейчас открыть мне тайну – от кого и какого содействия появилось у вас против меня дело.

– Вам уже сказано, узнаете в свое время...

– Отец Георгий, давно мы с Вами знакомы. Вы знаете меня, я не уйду из вашей Канцелярии, пока не удовлетворите мое законное требование. Приятно будет вам изгнать меня из вашей Канцелярии с помощью полиции?

Моя настойчивость открыла уста чиновника в рясе. Он заговорил:

– Есть на вас жалоба Митрополиту Анастасию Т. А. Шауфус.

Услыхав, от кого и какое «дельце», я расхохотался. Да, да, ну и дело... Дело было в Казабланке, куда приехала г-жа Шауфус для оказания помощи выразившим желание отбыть в США при содействии Толстовского Фонда. Я был при ней привратником (впускал просителей) и советником.

В числе просителей была моя родственница, вдова офицера Императорской Армии, погибшего в рядах Бе-

лой Армии, с приходом в октябре 1939 года в Польшу Советской власти вывезенная в ссылку.

За мнением о кандидатах на выезд в Америку г-жа Шауфус обратилась и к д-ру Б. Коссобудскому. И этот «милосердный» врач представил ей эту вдову белого офицера как человека крайне опасного для общества. Т. А. Шауфус сообщила мне уже из Америки, о том, что моя «протеже» исключена из списка, указала причину своего решения. Вот этим и вызвано мое к г-же Шауфус вполне ею заслуженное письмо. Кстати, эта «для общества опасная особа» прибыла в США без помощи г-жи Шауфус, ряд лет здесь работала, получила американское гражданство и отбыла в Варшаву, где припеваючи жила на свою американскую пенсию.

– И Вы, отец Георгий, пастырь Церкви, оценили мое письмо г-же Шауфус как «дело против меня»?

8 июля снова еду к владыке Никону для доклада о возлагаемом на меня владыкой Митрополитом Анастасием послушании на Владимирской Горке – «продлить строительное дело о. В. Мусин-Пушкина».

– Да, я об этом знаю. Но к строительству Храма-Памятника, как и к Строительному Комитету, Вы не будете иметь никакого отношения. Ваши обязанности – совершать положенные богослужения и прочитывать записки о здравии и упокоении жертвователей на постройку храма. Это все.

– Ваше Преосвященство, но это не согласуется с волей владыки Митрополита. Вы аннулируете его решение? Что же я должен сказать Авве?

– Передайте то, что я Вам сказал.

И тут же преосвященный Никон предлагает мне место второго священника в Вознесенском соборе в Бронксе. В моем присутствии владыка Никон обсуждает с казначеем собора (он же и настоятель) прот. Сергием Пантелеевым вопрос моего материального обеспечения.

– Второй священник, отец Иоанн Легкий, начал свое служение в соборе с 75 долларов в месяц, а в последние месяцы получал 125 долларов при бесплатной квартире и доходах от треб. Хотя Вы у нас новичок, мы дадим Вам 125 долларов плюс квартиру и доход от совершаемых

Вами треб, – отпрапортовал настоятель-казначей собора.

– А скажите, какая у Вас последняя награда?

– Митра, – ответил ему за меня владыка Никон.

– А когда Вы награждены митрой? – продолжает о. Сергей.

– В 1954 году, – отвечаю я.

– Ага, значит, на церковной службе мы с Вами с одного года, а вот митру я получил в 1958 году; как же мы с Вами будем стоять у Престола?..

Хотя предложенное мне место второго священника в Бронксе материально меня удовлетворяло, я вынужден был от него отказаться по причине фальши в информации, допущенной настоятелем-казначеем собора о месячном окладе бывшего второго священника собора о. Иоанна Легкого. После разговора со мной владыки Никона и настоятеля-казначей собора в канцелярии Епархиального Управления я снесся с о. Иоанном, и он сообщил мне о том, что его последний месячный оклад был 175, а не 125 долларов... Это подтвердил и секретарь Епархиального Совета прот. М. Корчак-Сивицкий, мой знакомый по Германии.

11 июля, заменяя отсутствующего настоятеля, совершил всенощное бдение в Свято-Отеческом храме; 12 июля, в воскресенье принял участие в Литургии в Синодальном соборе.

17, 22 и 23 июля звонят мне преосвященные Никон и Аверкий: хотим возложить на вас руководство «Владимирскими кружками молодежи». Охотно соглашаюсь принять на себя это ответственное послушание.

24 июля выезжаю с владыкой Аверкием на годовой съезд Владимирских кружков. Съезд происходит в Касвиле на территории летнего лагеря православной организации Русских разведчиков. На открытии съезда 35 человек. Выступают преосвященные Никон и Аверкий и прот. Борис Молчанов.

Бодрящие слова призыва к деятельности на основе св. князем Владимиром данных нам принципов. На деловой, второй части съезда присутствует 20 человек молодежи. За председательским столом епископ Аверкий, профессора Андреев, Александров и Боголюбов.

Деловая часть начата годовым отчетом председателя Главного Правления Владимирских кружков зарубежья – В. Шишковым. Это был «отчет без всякой отчетности». Позер-председатель, преисполненный сознанием собственного достоинства, что нашло яркое выражение в позе и на лице, Шишков ничего не сказал ни о работе кружков и Правления за истекший год, ни о планах работы на будущее.

Зато сочно кричал в адрес тех, кто посещает «советские балеты, фестивали и выставки», «отдавая свои доллары на сооружение бомб, которые посыпятся на наши головы». Его выступление – это были громкие фразы, облеченные в безграмотную форму. Стыдно было за докладчика и больно за Владимирские кружки молодежи.

Выступили еще представители кружков Нью-Йорка, Ютики и Бостона. В выступавших иподиаконах чувствовались маленькие «обер-прокуроры». Бросилось в глаза отсутствие на съезде духовенства, о котором один из выступавших (кажется, представитель Бостона) резко заявил, что приходские священники по своему образовательному цензу не могут быть «духовными руководителями кружков».

29 июля возвращаемся с Преосвященными в Нью-Йорк. Владыки спешат на заседание Предсоборной Комиссии.

– Следовало бы Вам, отец Митрофан, принять участие в заседаниях Предсоборной Комиссии, – говорит мне в пути владыка Никон.

– Ваше Преосвященство, я с Вами согласен, но для этого должен прозвучать голос или владыки Митрополита, или Председателя Предсоборной Комиссии. Я должен получить приглашение через Синодальную Канцелярию.

Ожидаю... по нынешний день...

30 июля снова телефоны от преосвященных Никола и Аверкия. Напоминают мне о их желании видеть меня во главе Свято-Владимирских кружков и просят 31 июля и 1 августа заменить в Свято-Серафимовском храме в Си-Клиффе отсутствующего о. настоятеля. Их просьбу исполняю.

После праздника преп. Серафима повезли меня в Свято-Троицкую обитель на годовое пастырское совещание. Владыка Никон поручает мне ведение протокола совещания, за который получил от Преосвященного 15 долларов и похвалу:

– Первый грамотно составленный протокол.

Совещанию предшествовала Литургия, совершенная сонмом духовенства. Поразила меня грубая, дерзкая оценка проповедником (в Польше – бывший сельским батюшкой) старого, довоенного духовенства, в том числе и его наставников. Свое возмущение высказал я громко на совещании и был поражен тем, что ни один из присутствовавших Преосвященных никак не реагировал на порочное выступление проповедника.

По окончании пастырского совещания говорит мне преосвященный Аверкий:

– Мне, батюшка, очень нужно с Вами поговорить. К Преображению я буду в Синоде и Вас туда вызову.

Вызова ожидаю по сей день...

Через несколько дней телефон от владыки Никона:

– Хотим возложить на Вас наблюдение за церковно-приходскими школами. Согласны, не откажетесь?

– Приму и это послушание с благодарностью.

Это предложение было повторено и в дни заседаний Архиерейского Собора. Снова подтвердил мое согласие, но... «воз и ныне там»...

В канун Преображения Господня с благословения владыки Митрополита Анастасия прибыл в Кафедральный Синодальный собор для участия во всенощном бдении и Литургии. И тут-то во время всенощной старший иподиакон собора Владимир Шишков нанес мне грубое оскорбление.

Не привыкший пить в алтаре чистое вино, попросил я прислужником мне поднесенное после освящения хлебов вино разбавить водой. И что же? Не получил ни вина, ни кусочка освященного хлеба. Перед самым выходом на полиелей подошел ко мне «великий иподьякон» В. Шишков и в грубой и резкой форме буркнул:

– Вы просили воды, так вот там (указывая пальцем) краны, пойдите и напейтесь...

Почти три месяца моего пребывания в США, по букве Указа в «личном распоряжении Председателя Архирейского Синода», вынужден был скитаться по разным храмам: никто из о.о. настоятелей не предложил принять участие в Литургии. Провел эти тяжелые дни в слезах и недоумении...

Неожиданно согрел солнечный луч из г. Бреста, достигший меня в США. 29-го августа 1959 года, на 16-м году моих скитаний за границей получил от моих прихожан по Бресту следующее письмо:

«Дорогой нашему сердцу, родной наш отец Митрофан!

Наш пастырь любимый, неосязаемый телесными глазами, но как сильно и нежно на протяжении всех лет разлуки осязаемый духовными очами, всем нашим существом!

Мы, прихожане св. Николаевской Братской церкви г. Бреста, благодарим Бога за то, что Вы живы и здоровы, приветствуем Вас на далекой земле и мысленно припадаем к Вам, прося: благословите нас всех, помолитесь за нас Господу, дабы не погасла до конца вся наша вера и любовь к ближним, которые Вы в нас пробудили.

Ваша любовь ко всем прихожанам, Ваши добрые дела, описать которые нет слов, живут в наших сердцах. Им смерти нет, во глубине души они...

Благословите всех нас, всю Вашу бывшую паству на жизнь и смерть.

Дорогой наш незабвенный пастырь, пусть Господь хранит Вашу драгоценную жизнь на радость всем. Мысленно припадаем к Вам с целованием благословляющих нас рук и просим – не оставляйте нас в Ваших молитвах, а мы также до конца наших дней обещаем молиться за Вас и всю Вашу семью...»

В октябре Епархиальное Управление предложило принять временно настоятельство в Свято-Серафимовском приходе в Си-Клиффе. 92-летний старец-строитель и первый настоятель этого прихода, прот. Даниил Думс-

кий, ко дню освящения храма в 1959 году награжденный митрой, ушел за штат.

Получив Указ о назначении, прибыл я в Си-Клифф для встречи с уходящим на покой старцем батюшкой. Подхожу к калитке, а батюшка – по виду старец Серафим – выходит из дома. Увидав меня, он как бы съежился, вид его растерянный.

– Вы отец Митрофан? Зайдите в дом. Я получил Указ о Вашем назначении к храму преподобного Серафима и готов передать Вам приход.

Благостный старец держит в руках Указ Епархиального Управления, руки дрожат, волнуется.

– Батюшка, не для принятия прихода прибыл я к Вам. Храм, как Вам известно, я знаю. Заменяя Вас, служил я в нем, знаю и Вашу немногочисленную паству. Приехал лично с Вами познакомиться.

– Как так? Указ Епархиального Управления велит мне передать Вам все дела...

– Батюшка, Указ – это канцелярская бумажка. Мы с Вами слуги Бога Живого, во Христе собратья. Оставим пока в покое Указ, скажите мне о дальнейших – с уходом на покой – Ваших планах; в частности, как надолго Вы останетесь в Си-Клиффе? Слышал, что Вы переезжаете на жительство в Джорданвиль?

– Да, перееду в Джорданвиль, но не знаю когда. Это случится, когда мой зять И. О. Байрачный закончит там постройку дома, а пока остаюсь с дочерью в Си-Клиффе.

– Так вот, батюшка, аз – будущий настоятель – прошу Вас принять меня, как вашего духовного сына. Для меня, до Вашего отбытия в Джорданвиль Вы остаетесь настоятелем Свято-Серафимовского прихода.

– Нет, нет, – возражает о. Даниил, – это против Указа...

– Указ, дорогой батюшка, Указом, а нас обязывает слово Божие: «Пред лицом седого встань и почти лицо старче». Я еще серый, а Ваша глава покрыта благодатной белизной. С нынешнего дня я Ваш первый прихожанин и помощник по приходу. Богослужения в воскресные и праздничные дни совершаете Вы, я Вам сослужу. Все

требы до Вашего из Си-Клиффа отъезда также совершаете Вы; Вы же и принимаете исповедь. Все доходы от треб – это Ваш личный доход.

Слава Богу, о. Даниил понял меня, подчинился, и мы в полном согласии и единомыслии предстояли у Престола включительно до мая 1960 года. В приходе, услышав о моем отношении к о. Даниилу, одни заговорили о неоправданной жертвенности нового настоятеля, другие: у батюшки в Африке была большая паства, и он прибыл в Америку хорошо материально обеспеченным.

И первые ошибались, и вторые вздор плели. Да, многочисленной была моя паства в Марокко, но жили и питались мы с матушкой более чем скромно. Редкий в году день сидела за трапезой только наша семья из четырех человек, обычно за столом было 12–15 человек. К этому приспе забота об Афонских старцах, которым моя добрейшая спутница жизни посылала обувь, теплую одежду, куртки, в килограммах аспирина и хинина и оказывала существенную помощь семье моего брата-исповедника, сидевшего в варшавской тюрьме.

К моему отъезду из Марокко в США у нас не было средств (полученная сотня долларов от друзей куда-то испарилась, исчезла) ни на авиабилет для семьи – в чем выручила ссуда от «Мирового Совета Церквей», ни на отправку паромом багажа – в чем выручил полковник М. И. Тихонравов. Прибыл я в Америку с 300 долларами в кармане, которые занял у добрейшей Нины Ивановны Лукановой. Из откровенного разговора с о. Даниилом знал я о всех недочетах и ошибках, допущенных в отношении батюшки со стороны некоторых членов «правления» прихода. И мой жест в отношении о. Даниила не был актом жертвенности, а исходил из соображений характера духовного и нравственно-воспитательного по отношению к моей новой пастве.

Архиерейский Собор. За несколько дней до начала заседаний Собора встречаю владыку Леонтия Чилийского. С ним я поделился всем, что пришлось услышать из уст Аввы Митрополита об Архиепископе Пантелей-

моне (Рудык), бывшем во время Второй Мировой войны предстоятелем Киевской кафедры.

– Спасибо, батюшка, за сообщение. Сегодня же пойду к отцу Георгию Граббе с просьбой дать мне для ознакомления им сфабрикованное дело против владыки Пантелеймона.

Через несколько дней, уже после начала заседаний Архиерейского Собора владыка Леонтий просит приехать к нему в Гленков, где Преосвященный, приезжая в США, обычно останавливался. При встрече владыка Леонтий сказал мне:

– Знаете, на мою просьбу отец Георгий сразу ответил отказом. Однако вынужден был удовлетворить уже не просьбу, а требование епископа – члена Архиерейского Собора. Внимательно прочитав и снова прочитав, я не только возмутился так называемым явно и подло искусственно состряпанным «обвинительным актом». Возвращая его отцу Георгию, сказал: какая низость! Попробуйте огласить на Соборе... Это дело обернется против Вас. Ему место в помойной яме.

Порочный замысел прот. Г. Граббе не удался.

Почти ежедневно в дни заседаний Собора провожу время в здании Синода. Встречаюсь с преосвященными членами Собора, слышу от них: Архиерейский Собор единогласно решает возложить на Вас руководство «Владимирскими кружками молодежи», Вам следует зайти к Митрополиту Анастасию.

Направляю стопы мои к Авве Митрополиту. Выслушав мои мысли об организации работы, плане и условиях успешного ведения этой работы, владыка Митрополит велел изложить все мною сказанное в письменной форме и на следующий день вручить лично ему для доклада Архиерейскому Собору.

8 ноября лично вручаю владыке Митрополиту «**Докладную записку**»: «Возлагаемое на меня Архиерейским Собором послушание **принимаю**. Но всесторонне обсудив дело руководства Свято-Владимирскими кружками молодежи, считаю своим долгом сообщить Архиерейскому Собору, что как приходский священник, связанный долгом приходского служения (служ-

бы воскресные, праздников и почитаемых святых, посещение домов прихожан, организация и ведение приходской школы, посещение больных в госпиталях и на дому и проч.), **я буду в состоянии справиться с возлагаемым на меня послушанием лишь при обязательном условии, а именно: мне должен быть указан Епархиальным Управлением или Синодом иерей или священноинок, который в случаях моего отсутствия в Си-Клиффе будет меня замещать, так как возлагаемое на меня послушание требует:**

1. постоянного и непрерывного контакта, живого общения Руководителя кружков с их руководителями на местах и с их духовными отцами, приходскими священниками, что может быть осуществлено только моим личным посещением местных кружков в дни субботние и нередко – в воскресные и гражданских праздников;

2. успех работы кружков на местах в значительной мере будет зависеть именно от указанного живого личного общения Руководителя с возглавителями местных кружков и приходским духовенством;

3. таковые посещения должны быть не случайными, а обязательно периодическими.

В программу деятельности Свято-Владимирских кружков, кроме работы, прежде проводимой (участие в богослужениях, собеседования евангельские, катехизического и литургического характера, по вопросам современной жизни, выступления приглашенных лекторов, участие членов кружков в работе приходских школ, их дружеские встречи за чашкой чая), **необходимо** ввести устройство ежегодного лагеря членов Свято-Владимирских кружков с совершением в лагере ежедневной Литургии и говением всех участников лагеря...»

– Прекрасно, – сказал владыка Митрополит, – завтра оглашу Ваше письмо на заседании Собора.

По окончании заседаний Собора встречаю Архиепископа Серафима и слышу:

– Что же Вы, батюшка, плюнули в лицо Преосвященным Собора? Мы предложили Вам руководство Владимирскими кружками, а Вы не удосужились даже ответить на наш зов?!

Иду к Авве Митрополиту с докладом о встрече с владыкой Серафимом и брошенном им мне упреке:

– Владыка, ведь упрек преосвященного Серафима является для меня оскорблением, что же случилось с моей докладной?

– Знаете, Ваша докладная к утру исчезла с моего стола. Вот и поймите мое положение...

Будучи в течение трех месяцев на положении безработного, я много ежедневно путешествовал – подземкой и пешком – по городу, изучая Нью-Йорк. Бросилось в глаза неисчислимое множество похоронных бюро, тупой взгляд у очень многих едущих в подземке, их вид усталый, обилие душевнобольных и лежащих у стен домов жизнью раздавленных пьяниц.

Остро почувствовал: изгнано здесь из жизни веяние Духа. На фоне Божией красоты, обильно в природе разлитой, – с безблагодатным лицом, часто со скотским затылком и тупым выражением глаз... человек.

Не менее двух раз в неделю заходил я в Покровский собор, где в нижнем помещении храма собирались у золотых дел мастера дьякона В. Кирика батюшки американской митрополии. Там я встретился и познакомился с Митрополитом Леонтием. Приятно мне было услышать от него светлые его воспоминания о брате моего отца – дяде Володе, с которым м. Леонтий (тогда еще прот. Леонид Туркевич) прибыл в США на одном пароходе по командировке Святейшего Синода Российской Церкви.

Там я встретился с Архиепископом (впоследствии заменившим м. Леонтия) Иоанном (Бекишем), который предложил мне как доселе бесприходному место настоятеля в одном из храмов митрополии с месячным окладом в 500 долларов плюс автомобиль для обслуживания прихода, телефон и квартира с казенной обстановкой, включая постельное белье.

Церковное сознание и совесть заставили отказаться от заманчивого предложения.

Негоже менять Церковь на юрисдикцию... Там же встретился с Архиепископом Димитрием (Маганом), нередко бывавшим, будучи иеромонахом и игуменом, в

доме моего папы. О нем узнал следующее: на одном из заседаний Синода митрополии, увидав с опозданием в зал заседаний входившего архиепископа Иоанна (Шаховского), владыка Димитрий, будучи в то время заместителем м. Леонтия (значит – первым кандидатом в Митрополиты), обратился к владыке Леонтию с вопросом:

– Скажите, Ваше Высокопреосвященство, откуда владыка Иоанн черпает средства на свои ежегодные по всему миру полеты? Мы, епархиальные архиереи, более чем ограничены в средствах для поездок по своим епархиям, а он....

Услышав сии слова, владыка Иоанн (Шаховской) встал и удалился к телефону и... через полчаса в зале появился шикарный мужчина; испросив у м. Леонтия благословение, он вручил Митрополиту конверт с долларами и сказал:

– Полеты владыки Иоанна как друга нашего дома оплачиваю я...

И удалился. После этого владыка Димитрий был «понижен» в чине и его место занял архиеп. Иоанн (Бекиш).

Захожу как-то к В. Кирику в Покровский собор.

– Ах, дедушка, как ты постарел, – слышу ко мне обращенный голос. Это голос прот. Бориса Борисевича, толкового бати, знакомого мне по Польше. – Слушай, долго ли ты будешь хранить свой канонический облик?

– В чем дело? – спрашиваю его.

– Да вот, долго ли будешь полами своей рясы подметать улицы грязного Нью-Йорка и с Крестом на груди разгуливать?

– Прости, не понимаю тебя. И не вижу оснований вместо рясы разгуливать в штатском или полуштатском костюме с белым воротничком.

И слышу в ответ:

– Что ж, думаешь, что твой Крест вас больше обязывает, чем нас наш воротничок? – и гордо сей просвещенный протоиерей коснулся перстом своего воротничка.

Вскоре он овдовел и был хиротонисан во епископа.

...Вхожу в сабвей, свободных мест нет. В поисках свободного места прохожу несколько вагонов. Рядом со мной

свободное место. Ко мне подходит пожилой батюшка американской митрополии, садится рядом и говорит:

– Извините, когда Вы вошли в сабвей, решил я с Вами познакомиться. Ваш строго православный облик говорит о том, что Вы русский православный, не так ли?

Получив от меня утвердительный ответ, услышав о том, что я недавно прибыл из Африки, батюшка (Матвейчук) продолжил:

– Вижу, что Вам можно довериться. Хочу поведать Вам боль моей души. Хочу сказать о наших тяжелых душевных страданиях, о той ране, которая нанесена нашей Православной Церкви в Америке. Я карпаторосс. Некогда хитростью и насилием Рима мы были оторваны от Православия. Мы всегда скорбели об этом. Ведь от Истины отторгли нас. Как Луча небесного, как Пасхи, чаяли мы возвращения к вере апостольской, к Церкви Христовой. И день радости пришел: мы снова стали чадами Христовой Церкви – частью Православной Русской Церкви. Но недолго продолжалась наша радость. Ныне положение нашей Церкви в Америке настолько грозное, что мы допускаем мысль об измене Православию наших первосвященников. Присмотритесь внимательно, Вы увидите, что наш Корабль церковный впрягли в триумфальную колесницу протестантства, в «Экуменическом Движении» объединенного. Нас ведут епископалы, утеряна ими Истина. А Христос для подавляющего большинства толков протестантства, в «Экуменическом Движении» объединенного, – уже не Сын Божий... И плетется наша американская митрополия, поработенная в колеснице протестантства, путь антихристу уготовляющего. Мы рвались к Истине из тенет папства, а вот куда угораздили...

Близкий мне по Белграду Глеб А. Грейц, иконописец и искусный резчик по дереву, работающий для храмов «Православной Церкви Америки», еще недавно бывшей частью Русской Православной Зарубежной Церкви, услышав о моем отказе м. Иринею принять приход в то время американской митрополии, поведал мне следующее:

«Вхожу я в дом почтенного батюшки американской митрополии. Жаркий день августа. И вижу странную картину: батюшка сидит у горящего камина...

– Батюшка, что с Вами, Вы простужены, у Вас озноб?

– Да нет. Сжигаю ненужные брошюры. Выбросить их в мусорный ящик неудобно, разжег камин и огню предаю.

Подал мне батюшка экземпляр сжигаемой литературы. Это было описание жизни и чудес блаженной Ксении Петербургской. Из церковного центра прислали ему для распространения среди прихожан описание жизни и чудес дивной подвижницы Православной Церкви.

– Но, – говорит батюшка, – кому я ее продам, никто не купит, да и никто не поверит тому, что в ней написано. Вот и решил я: требуемые деньги за книги пошлю, а брошюры за ненадобностью сожгу.

...Как-то пошел я в посту для исповеди и св. Причастия в храм американской митрополии. Очередь к исповеди довольно большая. Присматриваюсь. Каждый подходит ко Кресту и Евангелию. Батюшка, покрыв главу каждого епитрахилью, не произнося ни единого слова, ничего не спрашивая, читает разрешительную молитву.

Смущенный, решил я воздержаться от этого подобия исповеди. После литургии подхожу к батюшке, спрашиваю: почему Вы так упростили и, пожалуй, упразднили исповедь?

– А что я их буду слушать, что и говорить им? Слушать мне их ни к чему, только время отнимаешь у людей...

Еду к бывшему воспитателю и профессору этого священника, к прот. Александру Шмеману. Говорю ему о виденном и от священника слышанном. Отвечает мне профессор, декан Академии:

– Да они ничего не понимают!

И невольно задал я себе вопрос: зачем же ты, ученый богослов, выпускаешь из Духовной Академии подобных неучей, “ничего не понимающих” духовных невежд?

...В среду Великого поста захожу в один из храмов американской митрополии. Пришел к началу службы.

Настоятель этого храма с высшим богословским образованием, окончил Свято-Владимирскую Духовную Академию в Нью-Йорке.

Начал службу Великой Среды с вечерни – Литургии Преждеосвященных Даров. После службы захожу к батюшке, спрашиваю: почему Вы так сократили чин этой дивной великопостной службы, и слышу в ответ:

– А зачем и кому нужен этот чин, для кого читать и петь часы и изобразительные? Длинно, разбегутся и те, кто пришел к Литургии.

Еду к декану Академии, прот. А. Шмеману, рассказываю ему и, увы, слышу в ответ:

– И правильно поступил настоятель, к чему еще часы и изобразительные? Ведь Дары освящены, часы и изобразительные тут ни к чему...»

24 декабря 1961 года захожу к болящему Александру Тихоновичу Шишкову. Беседуем. И он, вспоминая нашу с ним первую встречу в здании Синода в 1959 году, рассказал мне следующее:

– Только теперь, когда я Вас хорошо узнал, могу позволить себе рассказать пережитый мной при первой с Вами встрече во время заседаний Архиерейского Собора случай. Помните, как я подошел к Вам под благословение? Я уже слышал о Вас. Но как только Вы, преподав мне благословение, отошли, подскочил ко мне с выражением ужаса на лице дежурный у телефона и чуть ли не закричал: что Вы сделали, Вы приняли благословение от солидариста...

Действительно, кусавшие меня в Марокко «навозные мухи», ранее меня прибывшие в США, усиленно пытались окутать мое имя туманом, о чем узнал я в 1960 году от иеромонаха Герасима (Романова) и в доме Н. Е. Барановского, который поведал мне о том, что в его квартире совещались строители Свято-Серафимовского храма – как им реагировать на назначение к ним настоятеля-солидариста... Этот туман быстро, впрочем, рассеялся с началом моего служения в Си-Клиффе, а в лице Н. Е. Барановского приобрел я духовно близкого мне человека и советника.

Как же встретил и принял Свято-Серафимовский приход своего нового настоятеля? Встретил с хлебом-солью, преподнес (по совету Синодальной Канцелярии) фиолетовую скуфью и портфель. Принял с лаской и опаской.

Заменяя в день храмового праздника о. Даниила, вошел я в храм с иконой преп. Серафима (с частицей его мощей). Отсюда – ласка и разговор: «Сам Преподобный ввел нового настоятеля в свой храм».

Опасения же, вызванные из Марокко прилетевшими «навозными мухами», испарились после появления в зале под храмом портрета мученика Государя Николая Александровича. Вступив в управление приходом, осматриваю все уголки в храме и зале, и там, в мусоре рабочей мастерской обнаружил портрет Государя. Сняв с него паутину и пыль, поместил портрет в зале. Через несколько дней обращается ко мне староста:

– Скажите, батюшка, кто это повесил в зале портрет Государя?

– В чем дело? Я это сделал.

– Простите, Вы не смели этого делать. Это дело старосты и Сестричества. Я не против Государя, но у нас в Си-Клиффе разное к Нему относятся. Вы повесили, Вы его поскорее и снимите... иначе произойдет раскол и в приходе, и в Приходском Совете: 60 процентов уйдут из прихода.

Подумал я, снял портрет, повесил его в своей канцелярии, решив в зале повесить портрет Государя с Его Семейством. Храм преп. Серафима немыслим без Государя. Но пока я раздумывал, где мне раздобыть этот портрет, появляется у меня член Приходского Совета И. Ф. и с возмущением меня спрашивает:

– Это Вы удалили из зала портрет Государя?

– Да, я.

– Какое Вы имели право удалить портрет Царя-Мученика из приходского зала?

– Неправильно поставлен Вами, дорогой И. Ф., вопрос. Вам следовало спросить меня: какое имел я право извлекать портрет Государя из мусора, его чистить и в зале повесить. Самолично повесил, сам и снял.

– Батюшка, имейте в виду, удаление Вами из приходского зала портрета Царя-Мученика вызовет в Приходском Совете и в приходе возмущение, мы потеряем не менее 80 процентов прихожан.

– Не волнуйтесь, никого мы не потеряем. Все будет мною сделано к общему удовлетворению.

– Что же Вы сделаете?

– То, что должно быть сделано. Не допрашивайте меня. Я ваш священник и ожидаю от прихожан полного доверия к пастырю.

На этом и разошлись. О визите ко мне по тому же вопросу старосты не сказал я милейшему И. Ф. ни слова.

К грядущему воскресенью на месте портрета Государя поместил я портрет Царской Семьи в черной, венчанной короной рамке. В понедельник зашел ко мне в вечерние часы И. Ф. с извинением за резкий тон разговора со мной и... благодарит.

В день Тезоименитства Царя-Мученика произнес я перед панихидой следующее слово:

– Наш умученный и убиенный Император Николай Александрович, еще в бытность Наследником, посетил Японию. Это интересное Его плавание описано князем Ухтомским в его двухтомном труде. Да благословит меня Господь поведать вам, мои дорогие, об этой интересной и исключительно важной, но мало кому известной странице из жизни Царя-Мученика прежде, чем приступим к молитве о Нем.

Во время этого путешествия общее внимание, – говорит историк, участник путешествия, – привлекали те особые знаки почитания и почести, которые оказывались Наследнику Цесаревичу буддийскими священнослужителями при посещении им буддийских храмов.

Это не были просто почести, оказываемые Наследнику Престола Великой Державы, – в лице их как бы весь буддизм склонялся перед Цесаревичем.

Однажды один из вдумчивых спутников Цесаревича справедливо заметил, что каждая такая встреча носила характер какого-то непонятого таинственного культа,

совершаемого перед высшим воплощением по воле Небес сошедшего на землю с особой миссией.

При входе Цесаревича в храм буддийские священнослужители повергались пред Ним ниц, а когда Он их подымал, смотрели на Него с благоговением и трепетом, торжественно, едва касаясь Его, вводили Его в святилище своего храма. Если же кто из свиты хотел войти вслед за Цесаревичем, его не пускали. Раз такую попытку сделал принц Георгий Греческий, но ламы преградили ему путь.

В Японии Наследнику Цесаревичу угодно было посетить на одном острове кладбище наших моряков с фрегата «Аскольд», который совершал в 60-х годах кругосветное плавание под командой выдающегося Унковского и долго находился в ремонте у этого острова.

В свите Цесаревича находились сыновья двух офицеров с «Аскольда» – Ухтомский и Эристов. Наследник обворожил своей лаской и вниманием старого японца, хранителя могил наших моряков. Во время угощения в чисто японском духе и вкусе, он попросил Наследника о милости дать ему совет, на что получил Высочайшее разрешение.

– Высокий Гость собирается посетить нашу священную древнюю столицу Киото, – начал японец, хранитель могил русских моряков, – недалеко от последней подвизается наш известный отшельник монах Теракуто, взору которого открыты тайны мира и судьбы людей. Для него нет времени и он дает только признаки сроков. Он не любит прерывать своего созерцательного уединения и редко к кому выходит. Если Царственный путник пожелает его видеть, он к нему выйдет, если на то будет благословение Неба.

В штатском платье, в сопровождении принца Греческого Георгия и переводчика – маркиза Ито, видного деятеля Японии, Наследник Цесаревич пешком направился к Теракуто, жившему в одной из рощ вблизи Киото.

Уже издали подходящие увидели распростертую фигуру затворника-буддиста. Наследник наклонился и бережно поднял его с земли. Никто не произнес ни слова, ожидая, что скажет затворник.

Смотря невидящими глазами, как бы оторванный от всего земного, заговорил Теракуто:

– О, Ты, Небесный Избранник, о, Великий искупитель, мне ли проречь тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех. Нет лукавства, ни лести в устах моих пред Всевышним. И вот тому знамение: опасность витает над Твоей главой, но смерть отступит и **трость будет сильнее меча... и трость засияет блеском.**

Два венца суждены Тебе, Царевич: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне Твоей, Владыко могущественной Державы, но слава мира переходит, и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки.

Наследие предков Твоих зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим.

Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их глетворен; дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца.

Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блаженней, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой.

Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а (Ты) свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение. И друзья и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся.

Вижу огненные языки над главой Твоей и Семей Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни и в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который пришел Ты к старому Теракуто.

Коснувшись земли, Теракуто, не поворачиваясь, стал отходить, пока не скрылся в чаще деревьев. Цесаревич стоял, склонив голову. Его спутники – тоже. Взмолотанный возвращался Цесаревич и просил не рассказывать о предсказании Теракуто.

Через несколько дней в Киото состоялось покушение на жизнь Наследника Цесаревича. Фанатик-японец ударил Его саблей по голове, но удар лишь скользнул, причинив неопасное ранение. Принц Георгий Греческий изо всей силы ударил преступника бамбуковой тростью, чем спас жизнь Цесаревичу.

По возвращении Наследника Цесаревича в С.-Петербург, беседуя с принцем Георгием, Император Александр Третий выразил желание получить на время трость. Император вернул ее принцу Георгию уже в оправе тончайшей ювелирной работы, всю осыпанную бриллиантами.

Сбылось знамение, первое предсказание старого Теракуто: трость оказалась сильнее меча и трость засияла.

23-го июня 1901 года Государю Императору благоутодно было принять в большом зале Петергофского Дворца особую миссию Далай-Ламы, прибывшую из Тибета.

Низко склонилось посольство, когда в сопровождении свиты в зал вошел Его Величество. Тибетское посольство везло с собой тяжело окованный сундук, с которым ни на миг не расставалось.

Преподнося Его Величеству вынутые из сундука одеяния, глава посольства, старый заслуженный лама, сказал:

– Это подлинные одежды Будды, к которым никто после него не прикасался. Тебе одному принадлежат они по праву и ныне прими их от всего Тибета.

Обратим внимание, мои дорогие, на следующие слова Теракуто: «На краю бездны цветут красивые цветы» – социализм и марксизм – «но их яд глетворен»... «Дети рвутся к цветам» – так называемые «передовые» россияне – «и падают в бездну, если не слушают Отца»...

Да, отвергли Государя, отвергли голос Церкви и пала Русь-Россия в бездну.

Слова посольства из Тибета, как и предсказанное затворником Теракуто, являются ключом к уразумению запечатленной свыше тайны Государя нашего и России.

Вознося молитву покаяния и любви к Государю, в наших ежедневных молитвах поминая его со всеми новомучениками Святой Руси, во главе со Святейшим Патриархом Тихоном, Владимиром, митроп. Киевским, и Вениамином, митроп. Петербургским, мы молим Промыслителя, да спасет Он их молитвами страждущий, верный Христу народ наш и да воздвигнет из праха прежнюю славу Православной Державы Российской, Отчизны нашей. Аминь...

* * *

На 4-е октября созвал я приходский совет. Надо было познакомиться с членами совета и сообщить им о планах моей пастырской работы. Первым вопросом на этой встрече был вопрос об их отношении к уходящему на покой о. Даниилу: не чувствуют ли они за собой вины перед ним.

Я уже знал о том, что приход – до постройки храма – безмездно пользовался ряд лет для совершения богослужений домом о. Даниила, в котором приходу была предоставлена гостиная комната. Знал и о том, что о. Даниил сам изготовлял свечи, приносившие доход, превышающий месячное жалованье (50 долл.), выдаваемое батюшке приходским советом.

На этой встрече предложил я сохранить за о. Даниилом его скромное жалованье вплоть до его отъезда из Си-Клиффа. Предложение было принято единогласно.

Приход меня радовал. Наблюдал я жертвенные труды строителя храма Валентина Г. Глинина, справедливо прозванного «заботливой нянькой» своего детища, старосты Сергея Е. Борисова, кн. В. Н. Енгалычева, братьев Бориса и Ивана Николайчик, Сергея Я. Зезюлина, Игоря Н. Рубах, Николая Е. Барановского, Леонида Г. Жохова с их женами и многих других.

Растет приход количественно, стены храма и иконостас быстро заполняются новыми дарственными иконами, обогащается ризница новыми облачениями, заканчивается обустройство купола – и все это делается тихо, без рекламы – во славу Божию.

В дни заседаний Архиерейского Собора почти все святители, члены Собора, посетили новый храм Преподобного; многие из них совершили в нем Божественную Литургию.

Познакомился с тихим старцем Архиепископом Сан-Францисским Тихоном. Владыка Тихон предложил мне место настоятеля Скорбященского собора в Сан-Франциско. Протопресвитер о. М. Польский уходил на покой.

Охотно принял я предложение, но мой правящий архиерей – м. Анастасий – не отпустил меня из своей епархии. Об этом вспомнил Авва Анастасий в разговоре со мной в начале 1964 года:

– Жалею, что задержал Вас. Будь Вы там, не пришлось бы переживать позор Сан-Францисского дела.

Закончили 1959 год в Си-Клиффе торжественным празднованием Рождества Христова, впервые в приходе – детской елкой, посещением «христославами» домов наших прихожан и организацией приходской школы, в которой поначалу было 10 учеников: 7 – православных и 3 – римо-католика. Ведение школы поручил опытному педагогу Василию Владимировичу Родкевичу, б. директору русской гимназии в г. Харькове.

1960-й год был объявлен Архиерейским Собором «годом покаяния».

Этот год Свято-Серафимовский приход отметил изданием ежемесячного приходского листка, посвященного теме о покаянии, паломничеством к плачущей иконе Божией Матери и обще-приходским говением в день праздника Успения Божией Матери. В говении приняли участие 90 процентов прихожан.

В мае 1960 года торжественно, совершением соборно Литургии и общеприходской трапезой проводили первого настоятеля Свято-Серафимовского прихода в Си-

Клиффе прот. Даниила Думского на жительство у Свято-Троицкой обители в Джорданвиле.

До отъезда о. Даниила жил я с семьей в скромной квартирке в Бруклине, наезжая в Си-Клифф к богослужениям. С его отъездом поселился в одиночестве в Си-Клиффе, что дало мне возможность приступить к полному духовному окормлению моей первой в США паствы.

Моя Матушка-страдалица, работавшая в Нью-Йорке на фабрике, приезжала в Си-Клифф в пятницу к воскресному дню и приготовить на несколько дней мне еду.

Совершение служб – вечерних и Литургии – не только в воскресные и праздничные дни, но благодаря старице М. А. Шатиловой (прекрасно знавшей устав и гласы) и по средам и пятницам; обязательное, не ожидая приглашений, посещение домов прихожан, в первую очередь – с детьми до- и школьного возраста; регулярное, 2–3 раза в неделю (в случае нужды и ежедневное) посещение больных на дому и госпиталя в Гленкове, а также – по вызову – и других госпиталей; посещение в Великом посту больных и стариков, лишенных возможности бывать на великопостных службах, для чтения выдержек из канона Андрея Критского; уроки Закона Божия в субботней приходской школе и 40-минутные беседы с двумя группами детворы по четвергам – все это заполняло жизнь мою в Си-Клиффе.

Посещение домов прихожан начал я с дома Александра К. Лимаря и его глубоко верующей благочестивой супруги Параскевы Тимофеевны. Это крестьяне с Полтавщины. А. Лимар с 1964 года в течение 25 лет был усерднейшим и жертвенным помощником старосты Свято-Серафимовского храма.

Его супруга поразила меня следующим рассказом.

– Жили мы, – говорит П. Т., – в лагере в Австрии. Батюшка объявил о панихиде на неделе по убиенном Царе Николае и Его Семье, призывая верующих придти на панихиду. Вернулась я из храма домой, да думаю: чего ж мне идти на панихиду, я ж тогда была малой, да и Царя видела только на картинках. С этой думкой легла спать. И вот, в одну ночь перед панихидой вижу сон: стою я на улице какого-то большого города, масса народа движет-

ся по улице, все это не наши, присматриваюсь – ан, вон они, гонят овцу, а у овцы-то голова нашего Царя, узнаю Его лицо, и когда Он поравнялся с тем местом, где я стояла, то скорбно сказал мне: неужели и ты с бандитами, против меня?.. Я проснулась, все поняла... со слезами пошла в храм на панихиду.

По поручению церковной власти провожу в феврале 1960 года следствие о нестроениях в Свято-Николаевском приходе в г. Миллвиль, в мае – расследование о несогласиях группы прихожан с о. настоятелем в г. Сиракузы, а в июле 1961 года владыка Митрополит Анастасий поручает произвести денежную ревизию по постройке храма в Миллвиле и денежную отчетность прихода.

Трехчленная группа недовольных мною произведенной ревизией, уличенных в хищении церковных сумм, письменно угрожавшая мне убийством, потребовала от владыки Никона проведения ревизии новым лицом.

Для этой цели был послан прот. Борис Молчанов.

В результате получил я в декабре того года от м. Анастасия Указ с выражением «архипастырской благодарности за усердный труд по делу Свято-Николаевского прихода в Миллвиле и за правильное направление, данное по делу проверки финансовой отчетности».

Дважды – в 1960 и 1961 гг. – отказался я от избрания в члены Епархиального Совета Восточно-Американской епархии.

В 1960 году отказ был вызван отсутствием со стороны управляющего епархией архиеп. Никона реакции на клевету, возведенную на меня на годовом собрании Американо-Русского Союза помощи старостой (он же и управляющий старческими домами в Гленкове).

В 1961 году присутствовал я на Епархиальном съезде от его начала до конца, с незначительным опозданием прибыв к моменту выборов членов Епархиального Совета.

Подхожу к входной двери, слышу в зале заседаний необычное оживление. Прислушиваюсь, что там происходит. Оживление было вызвано протестом владыки Никона против введения меня в состав Епархиального Совета, на чем настаивало духовенство.

Слышу голос Преосвященного Председателя Собрания:

– Предлагаемый кандидат отсутствует, отсутствующего выбирать не можем...

В этот момент я открываю двери и вхожу в зал собрания, выражаю благодарность духовенству и отказываюсь от своей кандидатуры...

Звонит мне член Епархиального Совета о. С. К.:

– Отец Митрофан, готовьтесь к большой работе. Владыка Анастасий открыл вчера заседание Епархиального Совета словом о Вас. Владыка сказал, что Вы все еще не использованы для Церкви и видит Вас первым благочинным Восточно-Американской Епархии.

Действительно, в одно из моих посещений м. Анастасия спросил меня Авва:

– Скажите, батюшка, приняли ли бы Вы назначение на пост благочинного?

И я без колебаний с благодарностью выразил согласие принять это назначение.

Через месяц после первого звонка снова звонит мне тот же о. С. К.:

– Готовьтесь, скоро будем приветствовать Вас как нашего благочинного. И в этом месяце владыка Митрополит предварил обсуждение вопроса о благочинных похвальным словом о Вас и отчетливо подчеркнул, что Вы как обладающий большим административным опытом должны быть первым благочинным нашей епархии.

– А я еще раз повторил, что владыка Никон и Синодальная Канцелярия найдут способ провалить меня; ничего из пожелания Аввы не выйдет, – ответил я о. Сергию.

– Ну, что Вы, как посмеют они пойти против воли Первоиерарха, так определенно и настойчиво выраженной? – возразил мне о. Сергей...

Через два месяца после этих телефонных разговоров получаю циркуляр, подписанный «Управляющим Епархией архиеп. Никоном», в котором доводится до сведения духовенства, что «Владыка Митрополит избрал и назначил благочинным 1-го Округа Восточно-Американской епархии прот. И. Легкого» и т. д.

Еду в Синод, захожу к владыке Аверкию и спрашиваю его как участника всех заседаний Епархиального Совета:

– Скажите, как случилось, что Авва Митрополит отказался от своего желания видеть меня благочинным его епархии?

– Дело в том, – ответил мне владыка Аверкий, – что владыке Никону удалось убедить Митрополита, что Вы не примете назначения, откажетесь и этим поставите в неловкое положение и Митрополита, и весь Епархиальный Совет. Кстати, говорил ли когда-нибудь с Вами владыка Никон о возможном назначении Вас благочинным?

– Нет, не говорил никогда.

– Неужели? Как все это странно и некрасиво, – заключил преосвященный Аверкий.

После разговора с владыкой Аверкием захожу к Авве Митрополиту, спрашиваю о том же. Авва подтверждает сказанное мне владыкой Аверкием и лишь добавляет:

– Как больно и жалко, что все это так вышло.

12-го октября 1962 года – день радости – прилетел из Варшавы мой брат, страдалец и исповедник о. Алексей, с которым мы расстались в начале 40-х годов.

14-го октября принял он участие в служении акафиста Покрову Божией Матери. Пришли из храма, в радости о прибывшем дорогом госте, сидим за вечерней трапезой. И вдруг телефонный звонок. Звонит Правитель Дел Синодальной Канцелярии, о. Георгий Граббе.

– Правда ли, что к Вам приехал брат из Польши?

– Да, приехал.

– Правда ли, что он сослужил Вам?

– Да.

– Так имейте в виду, Вы должны...

Прервав о. Г. Граббе, я сказал:

– Это Вас, дорогой отец, не касается, это дело мое и моего епархиального архиерея, Митрополита Анастасия...

И положил трубку.

В 7 часов утра следующего дня почтальон вручил мне «спешиа́л деливери» – выговор от Митрополита Анаста-

сия за допущение клирика из Польши к сослужению без разрешения правящего архипастыря.

Через несколько дней я прибыл к владыке Митрополиту. Испросив благословение, спрашиваю:

– За что Вы, Владыка, меня так крепко ударили?

– Я, Вас? Когда, в чем дело?

Выслушав меня, Владыка просит показать ему присланное мне письмо с выговором. Просмотрев его, Владыка возвращает его мне, чтобы я, не спеша, вслух прочитал его. Выслушав, Авва сказал:

– Содержание мне незнакомо, я его не подписывал.

Что же из сего следует? Приходится предположить, что написано оно без ведома Митрополита самим о. Георгием и подсунуто среди других бумаг к подписи.

Митрополит Анастасий в дальнейшей со мной беседе признал, что в случае с моим братом я имел право принять брата к сослужению с последующим, а не предварительным докладом правящему архипастырю.

Еще на Архиерейском Зарубежном Соборе 1927 года было принято следующее постановление: «Принимая во внимание, что Всероссийская Церковь не прекращала молитвенного общения с православными иерархами в Польше и последние уже вынесли определение о восстановлении молитвенного общения с русскими заграничными иерархами, а также ввиду того, что с Митрополитом Дионисием и подведомственными ему иерархами вошли в общение все Первоиерархи Православных Автокефальных Церквей, Собор Архиереев в согласии с мнением отсутствующих Преосвященных определяет:

1) Не входя в суждение об автокефалии Православной Церкви в Польше – вопроса, подлежащего исключительно компетенции Матери Церкви Российской, – восстановить братское и молитвенное общение между иерархами Православной Церкви в Польше и Русской Православной Церкви за границей».

21-го октября были мы с братом на молебне к началу заседаний Архиерейского Собора, а 6-го ноября – на открытом собрании Собора.

Чтобы не раздражать Правителя Дел Синодальной Канцелярии, не приглашал я брата к сослужению, источая буквально потоки слез во время совершения Проскомидии и Евхаристического канона.

В моем храме «спасающиеся» два иподиакона – Валерий Лукьянов и Владимир Шатилов – с прислужниками не подходили к моему брату о. Алексию под благословение, строго подчиняясь указаниям Синодальной Канцелярии. По велению совести иподиакон Владимир Шатилов прислал о. Алексию 7 декабря письмо, в котором извинялся, просил прощения за невольно причиненные огорчения и молитв. 11-го ноября совершает в моем храме Литургию владыка Иоанн Сан-Францисский (б. Шанхайский).

– Где Ваш брат? – спрашивает Владыка, благословляя меня к облачению.

– Он у меня, дома.

– Пойдите, скажите, чтобы пришел и облачился к участию в Литургии.

Ослушался я Владыку, не пошел за братом. За трапезой, после Литургии, спрашивает святитель:

– Что же с Вашим братом, почему он уклонился от участия в Литургии?

– Нет, Владыка, не уклонился. Я, не желая подвергать Вас неприятностям со стороны Правителя Дел Синода, послушался Вас, не позвал брата.

– Напрасно. Что же касается Синодальной Канцелярии, то... там дураки сидят...

...С тяжелой душевной раной проводил я 8 декабря «присинодской» кликой оклеветанного и униженного брата-страдальца к отлету в Варшаву...

По возложенному на меня послушанию раз в месяц являться к Авве Митрополиту 26-го августа посетил я Митрополита Анастасия. Во время беседы владыка Митрополит задал мне вопрос:

– Что вы думаете о Сан-Францисской смуте?

– Ваше Высокопреосвященство, ответственность за Сан-Францисскую смуту несут Правитель Дел Синода и Архиерейский Синод. Синод допустил в Сан-Францис-

ском деле ряд больших и грубых ошибок, в нравственном же отношении, в смысле этики и справедливости в отношении правящего Архиепископа Тихона допущены фальшь и бестактность.

Рассказал я Авве о граничащем с издевательством поведении некоторых Преосвященных в отношении владыки Тихона. На это Авва возразил:

- Никто его не обижал и не преследовал.
- Нет, Ваше Высокопреосвященство, всё, что я Вам поведал, известно мне из уст самого владыки Тихона.
- А разве Вы с ним встречались и беседовали?
- Встречался в Свято-Троицкой обители и, по инициативе самого Архиепископа Тихона, дважды с ним беседовал.

На что Авва Анастасий ответил:

- Ну, значит не всё мне известно.

8-го ноября по вызову Австралийского Архиепископа Саввы, моего однокурсника по Белградскому университету, предстал я перед ним, возглавлявшим Комиссию по Сан-Францисскому делу. Он попросил меня быть негласным его советником по делу этой позорной смуты.

...16-го мая 1963 года я с очередным по послушанию визитом у Аввы Анастасия. Владыка Митрополит был ко мне очень ласков и внимателен.

- Скажите, чем вы объясните так надолго затянувшуюся в Сан-Франциско смуту? – спросил меня Авва.
- Тупостью Ваших, Владыка, ближайших помощников и их недобросовестностью, – ответил я.

Старец рассмеялся и сказал:

- Неудобно Вам обо мне это сказать, так Вы решили сказать это в адрес моих помощников...

«Трудное Сан-Францисское дело запутано, прежде всего, Синодальной Канцелярией... Не без участия Синодальной Канцелярии было сделано обращение в гражданский суд, когда на скамье подсудимых был посажен ныне покойный Архиепископ Иоанн вместе с другими священнослужителями. Всем известно появление на суде Правителя Дел Синодальной Канцелярии для поддержки обвинений против правящего архиерея» (из

письма владыки Саввы Австралийского архиеп. Афанасию Аргентинскому).

В дивный пасхальный день жен-мироносиц 1962 года пережил я от моих ближайших и уважаемых помощников по приходу первое огорчение. Жаркий день, храм не вмещает всех прибывших к Литургии. Открыты двери и окна храма и алтаря. Во время Евхаристического канона алтарь наполняется табачным дымом... Это у стен храма стоящие «богомольцы» совершают «каждение хвостатому»...

Явление недопустимое. Перед отпуском произнес я грозное слово, возмущившее моих старосту и строителя храма.

– Не смейте произносить такие речи, Вы разгоните народ, – грозно, повышенным тоном заявил мне староста, подходя со строителем храма ко кресту, на что я ответил:

– Мне не народ, а богомольцы нужны в храме...

Со дня сего потянуло от них сильным холодком, что сказалось даже в их манере и тоне обращения со мной.

...Архиерейский Собор 1962 года строго осудил нарушение верующими Рождественского поста устройством так называемых встреч Новолетия по новому стилю.

Протопресвитер о. Георгий Граббе произнес в Синодальном соборе содержательное обличительное слово против нарушителей в предрождественские дни поста.

А сын его, игумен Антоний, директор Свято-Сергиевской гимназии, воспитатель молодежи, в ночь с 31-го декабря на 1-ое января 1963 года развлекается «на встрече Нового Года».

Получив с этой встречи фотографию, вспомнив слова русского патриота Б. Бразоль – «непротивление злу – лучший способ поощрения зла», – я подал в Синод краткую докладную об этом к небу вопиющем безобразии.

Придя 7 марта в здание Синода, не застал Архиепископа Никона, секретаря Синода, встретился с Архиепископами Саввой и Афанасием.

Сообщив им о цели моего в здании Синода появления, подал докладную Архиепископу Савве. Он прочитал ее вслух. Слушая, Архиепископ Афанасий заплакал. Его поразила беспринципность инока и наплевательское отношение воспитателя молодежи к голосу Церкви.

«Крайне тяжелое впечатление у Вас и у меня осталось в связи с подачей рапорта митрофорным протоиереем Митрофаном Зноско по делу сына Правителя Дел Синодальной Канцелярии о. Антония. Многое нам пришлось тогда узнать, что не могло быть терпимо в Церкви. Тогда уже чувствовался тот кризис нашего Высшего Церковного Управления, который видимо продолжается и ныне и который не может не беспокоить нас» (из того же письма архиеп. Саввы Австралийского).

Владыка Савва задержал докладную для передачи ее владыке Никону. Но вместо того, чтобы задержать Синоду адресованное мое обращение и огласить его на ближайшем заседании Синода, преосвященный Никон передал его о. Георгию Граббе, последний вручил ее сыну, а сын довел до сведения девушек, участниц встречи Нового Года.

Эта непродуманная владыкой Никоном ошибка привела к тому, что «дело» стало достоянием толпы. Ночные звонки продолжались два месяца, лишая меня нормального отдыха. Звонили «некто» и в полночь, и в 2–3 часа ночи, и в 5 часов утра, называя меня разрушителем Церкви, обливая грязью.

...В конце мая вызвал меня владыка Митрополит Анастасий. Он внушал мне изъять докладную об игумене Антонии.

– Владыка святой, как иерей поставлен я Пастыреначальником на служение Церкви, а не на служение семье сановника в рясе. К тому же, я уверен в том, что изъятие докладной не послужит пользе, наоборот – по своим последствиям – будет явным злом для самого о. Антония и для Церкви.

Видя мою неуступчивость, Владыка спросил:

– А какую, думаете, епитимию следовало бы наложить на провинившегося?

– Оставить его на 25 лет в игуменах с тем, чтобы в течение 15 лет проводил он один месяц летних каникул на послушании в Свято-Троицкой обители, и определить пожизненным директором Свято-Сергиевской гимназии.

...Вдова полковника Императорской Армии О. А. К-ва попросила совершить панихиду по ее покойном муже воине Георгии. Подала записку: о упокоении св. великомученика Победоносца Георгия...

Посетил меня старый, по Польше мой друг Михаил М. Шибко. Рассказал он мне следующее: «Того, что Вам, батюшка, сейчас расскажу, был я сам, лично, свидетелем. В трех километрах от Пинска было совершено нацистами зверское убийство трех тысяч пинских евреев. Общая могила. Сами жертвы могилу копали. Сказали им, что готовят, якобы, будущий резервуар для горючего.

Когда работа была закончена, последовал приказ строиться... Вдоль всего рва, в несколько рядов, в затылок выстроились евреи. Вышел из рядов пинский раввин, уважаемый всем населением г. Пинска за его доброту и отзывчивость, чистой души человек и, обращаясь к соплеменникам, сказал:

– Братья и сестры, мы стоим перед лицом смерти. Не виновны в этом ужасном акте его исполнители, и виновата ли Германия, ведь нас всюду преследуют и всегда, с незапамятных времен, преследовали – за что? Почему? Не лежит ли тому причина в Талмуде, которым мы заменили Закон Моисеев, которым живем? Во имя Бога, истинного Бога, примем все покорно и смело смерть, примем ее в твердой вере, что Его милостью братия наши, которые в живых останутся, ответят на вопрос: почему? за что? и выбросят из Талмуда все, что противно пророку Моисею и что отчуждает нас от других народов, чем вызываются гонения на наш народ.

После этих слов, праведный благочестивый раввин первым принял смерть от рук палачей».

Терзаясь мыслью о духовно безотрадном облике «Нового Света», поделился я 27 июня моими пережива-

ниями с Хукером Х. Дулитль, со слезами провожавшим меня из Марокко в США:

«Христос посреде нас, дорогой Хукер Хукерович! Вопрос Ваш – «куда вы едете?» – все время звучит в ушах моих. Тяжело мне, тяжело от переживаний, от мысли о судьбе моих детей и внуков.

Ураганом интернационального сатанизма из «дома отча» выброшенные руссы, униженные и осмеянные, самоотверженно и честно бросились в поиски света как опоры в их священной борьбе за поруганные Святыни: за Церковь Христову и личность, за достоинство человека.

В лице Короля Бельгии Альберта, Короля Югославии Александра, Короля Болгарии Бориса, Патриарха Сербского Варнавы и Архиепископа Латвии Иоанна – эти великаны Духа были для руссов моральной и деловой опорой в их борьбе за названные ценности. Но неожиданно и загадочно «их ушли»... и снова бросились руссы в поисках опоры.

Пред их взором оставалась одна-единственная страна – «Новый Свет», из которой, казалось, излучался свет факела Свободы, факел священной борьбы с окутывающей вселенную тьмой... Поедем, вольемся там в общий поток, в ряды борцов против сатанизма... мы там нужны!

Самый ужасный бич в жизни человека – это РАЗОЧАРОВАНИЕ!

Может ли нормальный человек удовлетвориться и жить одной сытостью, особенно когда добывается она страшной ценой обезличения, низведения человека на степень номера в стаде? Этот процесс обезличения со всей настойчивостью проводится как «там», так и в США.

Америка. Дивная страна. Как богато одарил Промыслитель эту страну! Но Богом ей данные великие дары поставлены на служение не Богу... Множество храмов, религиозных деноминаций не суть показатели духовности и духовного благополучия страны. Щедрая благотворительность? С выгодами для благотворителя!..

Все говорит о том, что американская нация потеряла путь, на который была она Господом поставлена, что идет она ныне на поводу сил антихристианских...

Мы наблюдаем, как все чистое, светлое, здоровое и плодоносное и в США высмеивается и на доске позора распинается. Простите мне горькие слова письма моего».

А 21 июля звонок из Нью-Йорка. Прибывший из Марокко навестить своих внуков милый Хукер Дулитль хочет повидаться со мной. Встреча состоялась в этот же день в одной из гостиниц Нью-Йорка. Хукер Дулитль поблагодарил за присланное ему письмо, в котором я откровенно поделился с ним моими первыми впечатлениями о США. Он их не только подтвердил, но и добавил:

– Я в ужасе о будущем моей страны; вся система воспитания и образования в США в руках сатанистов...

Как Божию милость переживал я с моими прихожанами рукоположение во диакона в нашем храме в июле 1960 года чтеца Алексея Охотина, в том же году мной повенчанного, недолго послужившего у преп. Серафима, и причисление к моему храму владыкой Иоанном (б. Шанхайским) во дьякона рукоположенного чтеца Валерия Лукьянова.

...4 мая были мы с матушкой на выпускном акте младшей дочери в женском колледже «Маунт Ст. Винцент». Тьма народа. На возвышенном месте – р.-к. епископ, Педагогический Совет и почетные гости. Мне было предложено место рядом с епископом, но предпочел я место среди почетных гостей.

Каждая студентка, окончившая колледж, под бурные аплодисменты подходила к епископу и из его рук получала диплом. Под обычные аплодисменты, с поясным поклоном подошла к епископу и Вера. Когда же она с тем же поясным поклоном, уже под усиленные аплодисменты подошла ко мне, я встал и благословил ее; она поцеловала руку: это уже были не аплодисменты, а долго не утихающая овация. По окончании акта почтенная монахиня – Декан колледжа, преклонив колено, испросила у меня благословение.

...С гнетущим чувством покидал я покои владыки Митрополита Анастасия после двух моих в 1963 году последних посещений.

– Скажите, правда ли, что брат Ваш – священник в чине полковника КГБ?

– Ваше Высокопреосвященство, кто это внушил Вам?

– Не внушил, а сказал. Сообщил мне об этом игумен Антоний.

– Мой брат никогда не служил в армии. Откуда у игумена эти сведения?

– Говорит, что узнал от «Эф-Би-Ай».

– Благословите, Владыка, я лично обращаюсь в «Эф-Би-Ай» с письменным запросом по этому делу...

– Нет, нет, не надо. Давно я заметил в нем склонность к клевете на тех, кто ему неугоден. Говорил он мне и о том, что Ваша дочь алкоголичка.

– Это было им сказано, дорогой Владыка, по-видимому, в отместку за то, что дочь моя резко отказала ему принять на выгодных условиях место в его так называемой Сергиевской гимназии.

– Передайте Вашей дочери мое благословение. Я очень ценю ее участие в синодальном хоре, ее голос – украшение нашего хора.

...На последней того же года встрече владыка Митрополит спрашивает меня:

– Скажите, батюшка, бывают ли у Вас архиереи и как часто они у вас собираются?

– Да, Владыка, бывают только во время заседаний Архиерейских Соборов.

– А сколько Преосвященных собирается у Вас? Мне сообщили, что у Вас собираются четверо Преосвященных – Афанасий, Леонтий, Нектарий и Савва-серб, что в дни пребывания у Вас вашего брата создан комитет, в состав которого вошли названные Преосвященные, что с отъездом вашего брата этот комитет возглавляете Вы. Задачей комитета является противостояние Синоду, подрыв Зарубежной Церкви.

– Ваше Высокопреосвященство, у меня бывают только преосвященные Афанасий и Филофей, близкие мне по Варшаве. Все Вам сказанное – вздор и злостная клевета. Кто же осмелился преподнести Вам эти новости?

– Они же, – ответил Владыка.
– И Вы им поверили?
– Если бы поверил, не поделился бы с Вами. Да и кто может верить в эту чушь?..

С этого времени в определенном кругу величали меня «красным попом». Как же реагировать на это? Я купил красного цвета автомобиль.

...Как тяжело вести ныне великое и спасительное дело церковное, быть слугою Бога Живаго. Вся обстановка, все тебя окружающее, толкает на путь «жречества», низводят служение Богу Живому на степень служения культу: от Церкви, от Христова Тела должна остаться лишь глаз ласкающая, разнообразящая постылый быт форма, именуемая традицией.

То, чего силой принуждения, обмана и «пряника» добиваются социализм и коммунизм, на то добровольно переключается на свободе, сама того не замечая, значительная часть русской эмиграции, священника низводящая на степень «служителя культа».

17 июля, день ритуального убийства Царской Семьи. Совершил заупокойную Литургию. Вечером, перед панихидой, произнес слово. После панихиды объявляю о сборе на храм-памятник в Брюсселе.

Только успел произнести «дорогие братья и сестры», как с клироса, из хора, довольно громко слышалось:

– Опять трепаться будет...

На заседании Приходского Совета 4 января 1964 года строитель храма, поддержанный старостой и двумя членами Совета, поставил на вид настоятелю, что жизнь в нашем приходе замирает.

Чтобы приход наш развивался и укреплялся, необходимо оживить гражданскую жизнь прихожан. Сейчас у нас люди теряют интерес к приходу.

– Гражданская сторона, – сказал строитель храма, – не менее важная, чем духовная, – ставя на вид настоятелю, что в 1963 году не было обращено достаточно внимания на устройство докладов.

Все эти обвинения были опровергнуты исповедной ведомостью и посещаемостью храма.

Несомненно, храм – особенно в эмиграции – должен быть центром не только духовной, но и национальной жизни.

За годы 1960–1964 в зале храма преп. Серафима в Си-Клиффе выступили с докладами:

1. Отец Георгий Граббе – о «Хомякове», о «Христианском воспитании детей».

2. А. Г. Волгин – «Св. блгв. князь Александр Невский», «Правда и фальсификаты в русской истории», «Монголы и Русь».

3. Еп. Савва Эдмонтонский – «О братствах духовного возрождения».

4. В. И. Мещанинов – «250-летие Полтавского сражения», «180-летие Георгиевских Кавалеров».

5. Г. Месняев – «О Чехове», «Из нашего прошлого».

6. С. Л. Войцеховский – «О международном положении», «СССР после Сталина».

7. Архиеп. Савва Австралийский – «О жизни русской колонии в Австралии».

8. Н. Р. Кафель – «О земельной реформе Столыпина».

9. А. П. Энден – «Жизнь и деятельность миссионерской обители в Мюнхене».

В приходском храме ежегодно отмечается Литургией с панихидой 17-го июля «День Скорби Российской» и 7-го ноября как день захвата власти в России международной бандой сатанистов.

...Большую трепку нервов вызвала свистопляска в вопросе о регенте.

– Долго ли будете допускать издевательства над святыней?! Он безобразничает, гоните его вон... Когда он входит в храм, в него бес вселяется... – возмущаясь поведением регента, неоднократно говорили мне дьякон, иподьякон и певчий И. М.

Регент – пожилой человек, добрый, общительный, окончивший Синодальное музыкальное училище, но – по старости лет и от усталости – с большими чудачествами и некоторыми недостатками. Любитель вина и «белой», во время проповеди заглядывал в алтарь горло винцом освежить, любил свой квартет, но и жестоко над

ним пошутить был не прочь; во время чтения Евангелия на клиросе весело: шутки, прибаутки...

Когда же регент сам, добровольно ушел со своей должности, от тех же лиц слышались стоны и воздыхания, скорбь и сожаление: потеряли, мол, ценного человека... батюшка изгнал его.

Это была первая попытка внести в приход смуту. Попытка со стороны тех, кто Богом поставлен быть помощником и советником настоятеля.

За этим последовали – резкий отказ от приходского Устава, попытки лишить настоятеля права подписывать чеки; стали поступать в Епархиальное Управление кляузы на настоятеля; ожесточенный спор возник по вопросу повышения жалованья новому регенту, который, кстати, за все годы управления хором в Свято-Серафимовском храме ни разу не воспользовался своим жалованьем, возвращая его в приходскую кассу.

Любитель церковного пения Борис И. Митрохин не удовлетворился «квartetом», создал хор – и на клиросе воцарились дисциплина и порядок. Это не успокоило «защитников» ушедшего регента. Атака на настоятеля продолжалась. Из любимого превратился он в «гноиник, который необходимо удалить хирургическим путем».

На заседании приходского совета 15 февраля 1964 года староста и два члена приходского совета заявили:

– Вы, батюшка, идете ложным путем к возвышению вашего авторитета; мы сами позаботимся о Вашем авторитете, мы его Вам создадим, но для этого Вы должны ограничиться исключительно духовной частью в Ваших трудах, а хозяйственная и административная часть – это наше дело.

А на заседании 30 сентября того же года выпады против настоятеля были настолько резки и грубы со стороны тех же трех лиц, что Ю. С. Бурачек по окончании заседания сказал:

– Безобразие! Остается закатать рукава, чтобы привести их к порядку.

Это заседание закончил я следующим обращением к членам совета:

– В Приходском Совете начались размолвки. Они вызваны вопросом – кто является хозяином храма и в жизни прихода? Это спор беспредметный. Существует Один и Единый Хозяин Церкви и каждого храма – это Сам Христос, а мы с вами – слуги Его. Если мы нашим сознанием и сердцем поймем и примем это положение, проникнемся этой мыслью, отойдут от нас всякие разногласия. Настоятель – первый Христов слуга в церковно-приходском делании, все же мы – соратники Христу.

В октябре состоялось общее годовое собрание прихожан. Собрание было многолюдным, в нем приняли участие три четверти состава прихожан.

Несмотря на резкие выпады трех членов приходского совета, собрание прошло в атмосфере полного спокойствия и отказалось не от настоятеля, а от приходских знаменитостей.

Захожу в семь часов вечера к соседу – о. Мануилу в Гленкове. Встречает меня с расprostертыми объятиями, поздравляет с победой.

– Знаете, все ожидали, что у вас в Си-Клиффе повторится сегодня Сан-Франциско, а вы всем утерли нос.

Иду от него к о. Михаилу Корчак-Сивицкому, и он повторяет сказанное о. Мануилом.

– Вы вступили в единоборство с такими неоспоримыми авторитетами... все были уверены в том, что Вы хребет свой ломаете сегодня... так думали и в Епархиальном Управлении, и в Синодальной Канцелярии, и в храме «на водах», все ожидали крупного скандала...

Ожидали... ибо не знали Пастыреначальником врученной мне паствы. Паства, а не я, «всем утерла нос», показав, что принцип и чувство ответственности за Божие дело должны стоять выше личных отношений и дружеских чувств.

Благодарю Всевышнего, дающего мне в часы бурь и гроз полное внутреннее спокойствие, самообладание и отсутствие неприязни к клеветникам и обидчикам.

...Ушел на покой Авва Анастасий, старец мудрый, великий иерарх Церкви Российской. На его место избран Архиерейским Собором владыка Филарет – самый

младший по хиротонии епископ, ставший пленником отца и сына (по выражению покойного Архиепископа Тихона Сан-Францисского) без Духа Святого и группы его молодежи.

Сверхтяжелыми были первые годы управления Церковью для нового Предстоятеля Зарубежной Церкви Русской.

В первые же дни предстояния на Свещнице его митра исчезла с Престола... и очутилась в мусоре.

В ряде газет появились сведения о получении Синодом (несомненно, отцом и сыном Граббе) крупной суммы от «Си-Ай-Эй», взволновавшие верующих. По этому делу было у меня несколько встреч с Митрополитом Филаретом и переписка с ним.

Вскоре после наставления владыка Митрополит вылетел в Австралию, и в это время возникает постыдное дело: венчание отцом Г. Граббе Голеневского – «сына Николая Александровича Романова и Александры Гессенской».

По возвращении из Австралии Митрополит Филарет сказал мне:

– Вы, батюшка, не представляете, как тяжело переживал я в Австралии дело Граббе-Голеневского, как дерзко и жестоко обманул меня о. Георгий. Я был уверен, что по возвращении в Синод застану на столе рапорт о его уходе с занимаемого поста. К сожалению, не оказалось в нем ни рассудительности, ни решимости.

С этой начальной реакцией Митрополита Филарета на поступок трудолюбивого работника Синодальной Канцелярии совпадала реакция и других Преосвященных. Австралийский Архиепископ Савва 5 октября 1966 года писал Архиепископу Афанасию: «Недальновидность и проистекающая из нее близорукость Правителя Дел Синодальной Канцелярии проявилась во всей своей силе в том, что у него не хватило ни сил, ни храбрости, ни рассудительности уйти – хотя бы временно – со своего поста после совершения им преступного венчания международного проходимца под именем убиенного Цесаревича Алексия».

В конце 1965 года произошли недоразумения в Покровском приходе в г. Лос-Анджелесе (Калифорния) и продолжались до июня 66-го.

Нedorазумения мелкие. Намечалась перемена настоятеля, вернее – вакансия ввиду готовящегося отъезда о. настоятеля на жительство к родной дочери в Бразилию.

Прихожане настойчиво просили меня принять их приход, обратились с просьбой о моем назначении в Лос-Анджелес к Митрополиту Филарету. Владыка Митрополит поддержал их просьбу, вызвал меня для обсуждения вопроса о моем переводе.

Приход интересный как по составу прихожан (многочисленный), так и по семейным соображениям. Я был готов принять этот приход, но...

Владыка Митрополит, провожая меня к выходной двери, медленно-отчетливо произнес:

– Вот и хорошо, закроем Вас в Лос-Анджелесе...

Пораженный этими словами, зная о том, что семья о. Георгия Граббе мечтает убрать меня подальше от Синода, я решительно заявил о моем отказе от переезда в Лос-Анджелес. Туда вскоре был назначен молодой, умный и образованный батюшка о. А. Милеант.

На Епархиальном Съезде в декабре 1966 года был я избран в состав Епархиального Совета. На этом Съезде Владыка Митрополит с горечью говорил о тяжелом положении Скорбященского прихода в Филадельфии.

В этом приходе «чудом» оказались два законных приходских совета, были лица, отлученные от Святой Чаши.

– Это, – говорил владыка Митрополит, – самое большое в настоящее время место, и если не наступит умиротворения, не исключена возможность на время закрытия этого прихода.

На январском заседании Епархиального Совета в 1967 году владыка Митрополит велел мне отбыть в г. Филадельфия, разобраться в происходящем там и в случае необходимости провести Чрезвычайное общее собрание и выборы должностных лиц.

Совершил я туда **три** поездки. Первая – для общего ознакомления с приходом и возникшими в его жизни

осложнениями, вторая – для встречи с одним приходским советом (беседа длилась с вечера до 3-х часов утра) и третья – для встречи со вторым, также законным приходским советом (беседа закончилась в час ночи).

19 марта провел Чрезвычайное собрание, в котором приняло участие 169 действительных членов прихода. С Божией помощью все сделано во славу Его – избраны староста, новые члены приходского совета, приход умиротворен.

Вскоре получил «благодарность»: одним росчерком пера (чьего?) был я исключен из состава Епархиального Совета. Утешил меня один из прихожан, некий С. Желуд, способный и даже даровитый журналист, вскоре принявший священство.

Получил 23 марта от него письмо, в котором он писал: «Все эти дни после нашего шумного приходского собрания я думал о том, как много в жизни зависит от взаимопонимания людей, от их стремления понять друг друга. И неудивительно, что учение Христа зовет к взаимной любви, а отсюда, конечно, и к взаимному пониманию. Слава Богу за то, что в тяжелую годину нестроений в приходе Он послал к нам Вас, о. Митрофан. Вы конечно и в беседах Ваших с отдельными «группами», и на собрании видели, что все эти люди – не враги Церкви, не смутьяны, стремящиеся развалить приход, и тем более не «коммунисты и безбожники», какими их хотели некоторые представить... Почти все они болеют за Церковь. Церковь им нужна и нужна для их детей... Я видел, как трудно было Вам и закон исполнить, и к ним отнестись не по их внешнему выражению чувств, а по тому добром, что таится в их душах под этим резким и шумливым внешним обликом».

На мой вопрос в личном разговоре, за какие провинности исключен я из состава Епархиального Совета, чье это решение? – все, и Митрополит Филарет, и преосвященные Никон и Аверкий, развели руками. Загадка?

Годы 1967–72 были годами личных встреч и обильной переписки с владыкой Митрополитом Филаретом. Все письма владыки Митрополита были в дружественном тоне.

В письме от 25 декабря 1967 года Владыка сообщает мне о телефонных к нему звонках из Си-Клиффа с весьма нелестными отзывами обо мне и моей деятельности.

В письме от 2 февраля 1968 года пишет о том, что члены моей церковной общины – но имен их не называет – информируют его о жизни прихода, а в письме от 26 марта того же года прямо пишет «о попытках подорвать его ко мне доверие».

В ряде писем пишет Владыка, что ему «приходится меня защищать». Но в чем защищать? От кого?

Ответ на эти вопросы был дан мне почившим Аввой Анастасием.

В начале 1967 года состоялось третье рукоположение во священник сан в Свято-Серафимовском храме. 15 января владыка Митрополит Филарет рукоположил во иерея моего приписного дьякона с причислением, сверх штата, к Серафимовскому приходу.

Новый батюшка продолжал свою службу в строительной фирме. Радуюсь принятию священства молодым дьяконом-инженером, одаренным оратором, радовался и перемене в нем, в сравнении с его обликом в период его дьяконства, объясняя эту добрую в нем перемену действием благодати священства.

Недолго пришлось радоваться. В Епархиальное Управление попали анонимные «от группы прихожан» новые на меня клеветы, так что 26 июля 1967 года пришлось обратиться к моему приписному молодому собрату с письмом следующего содержания:

«...Христос посреде нас! Я в полном недоумении и вызвано оно Вашим отношением к настоятелю Вашему и к храму, в котором Вы так недавно были рукоположены во иерея. Как иереи Божии, руководители совести, должной быть голосом Божиим в человеке, а не отголоском себялюбивого «Я», мы с Вами «Богу есмы споспешницы». Невольно задаю себе вопрос: чем объяснить повторение в отношении меня и храма того, что уже было однажды, в марте-июле прошлого года, Вами допущено? Не подпали ли Вы под действие клеветы или интриги, которыми сатана упорно ударяет по нашей Свято-Серафимовской приходской семье и ее настоятелю, пытаюсь

разбить их духовное единство, лишить мира и радости друг о друге? Имея чистую перед Вами совесть, надеюсь, что Вы по возвращении из отпуска найдете возможным разрешить мое недоумение, каковое, уверен, не только меня огорчает, но и Вас тяготит».

В годы 1967–69 в жизнь прихода проникла чуждая духу Церкви «кружковщина». Приход – не мирская организация, а часть Церкви – Тела Христова. И центром жизни прихода является Христос, движущей же силой – сознание, что мы, стремясь каждый к личному спасению, являемся сорботниками Христу в «осолении мира». Питается это сознание верой-смирением-послушанием. В приходе не может и не должно быть места самолюбию и интригам.

На годовом общем собрании прихожан 19 мая 1968 года была вторичная попытка сорвать собрание, в котором приняли участие 79 человек, две трети состава прихожан.

Повышенный, вызывающий тон двух-трех участников собрания, грубая и оскорбительная манера обращения к настоятелю, частая ссылка на авторитет Митрополита Филарета («...мы говорили с Митрополитом...», «...Митрополит согласился со мной, что наш приход работает на развал Церкви...») – создавали впечатление демагогии.

Этот грубый тон демагога исходил из уст почтенной пожилой дамы и ее зятя, кандидатура которого в казначеи не была мной принята.

Когда же она, ссылаясь на авторитет Митрополита, лягнула почтенного члена приходского совета и приход в целом, я был вынужден раскрыть папку с письмами ко мне Владыки Филарета и огласить из них несколько выдержек, касающихся ею названного члена приходского совета и прихода, предоставив и лично ей возможность их прочитать.

«Я доктора искренно уважаю, как церковного человека...», «ни Вас, ни приход не считаю ответчиками за все, что печатается, приход за это не ответственен...», «Вы напрасно беспокоите себя мыслью, что таково мое

мнение о приходе, я считал и считаю приход Ваш одним из лучших в епархии...»

Прочитав рукой Владыки писанные строки, почтенная дама – мать священника – заявила о своем уходе из прихода со словами:

– Здесь коммунисты... растлители Церкви.

Покинула зал Собрания, уведя с собой своих сродников, кумовей и друзей в числе 12 человек. Покинула зал под бурные аплодисменты всех участников собрания.

Учиненный на общем собрании скандал нанес тяжелый удар по приходской школе. Отвергнутый мной кандидат в казначеи, состоявший в школе примерным учителем, не только сам ушел, но и увел за собой большую группу учеников, своих и детей покинувших зал, организовав свою школу в собственном доме.

Тяжело переживал я этот моральный удар, и как было больно, когда из школы уведенные, мной крещенные дети при встречах со мной в городке резко от меня отворачивались или переходили на другую сторону улицы, чтобы не поздороваться с батюшкой, который обучал их началам веры и благочестия.

7 ноября 1969 года. Сегодня у меня день радости пасхальной. Получил письмо от о. Александра Марцинюка, сослуживца по Германии (лагерь Менхегоф), с которым расстался в 1948 году. Он пишет:

«Дорогой отче – я рад тому, что пишу Вам. Вспомните с любовью и помяните мое недостойнство в своих святых молитвах и да будет Христос посреде нас. Да не будет у нас “иное”. Хочется верить, что я получу от Вас весточку – мне сие отрадно будет».

Обменялись с ним двумя письмами. Во втором письме о. Александр прислал фотографию празднования 70-летнего юбилея своего пастырского служения.

В 1967/68 учебном году, с благословения Митрополита Филарета, Ректор Свято-Троицкой Духовной Семинарии привлек меня к преподаванию Апологетики и Сравнительного богословия, а в 1974/75 учебном году еще и Пастырского богословия.

С благодарностью, как послушание, – в память моего в СССР замученного брата иерея Арсения, принял я этот труд и нес его, безмездно, в течение восьми лет.

Нелегким было принятое послушание: каждое воскресенье, после Литургии в Свято-Серафимовском храме, выезжал я в Джорданвилль, возвращаясь в Си-Клифф во вторник к ночи или в среду после полудня. Труд благодатный и духовно обогащающий и укрепляющий.

В ноябре 1971 года в доме прихожанина Казанского храма в Си-КлиFFE представитель (член) «Административного Комитета» при Синоде сообщил трем членам моего приходского совета, специально для сего приглашенным, следующее: подчеркнув, что все, что им будет сказано, не является чьим-либо домыслом, принято членами Синода и отмене не подлежит, сообщил он, что 1) вопрос об удалении о. Митрофана из Си-КлиFFа решен окончательно, 2) Покровский храм при старческих домах в Гленкове будет закрыт, 3) вместо гленковского очага будет создан новый церковно-национальный центр, 4) в этом центре, с кафедральным собором в нем, разместятся Епархиальное Управление и старческие дома, 5) Свято-Серафимовский храм будет перенесен на участок этого центра и по окончании сооружения Собора будет обращен в религиозный музей – хранитель богатой коллекции древних икон.

Расходы по созданию этого центра будут покрыты выручкой от продажи принадлежащих «Русско-Американскому Союзу Помощи» (организация князя С. С. Белосельского), старческих домов в Гленкове и «Дома Свободной России» в Нью-Йорке.

Таков был план у членов «Административного Комитета» при Синоде, состоявших членами Епархиального Совета и в числе членов – «Совета Директоров Русско-Американского Союза Помощи», исходящий, очевидно, из расчета на неблагоприятный исход тяжелой в то время болезни князя Белосельского. Князь окреп и...

В январе 1973 года было напечатано в газете «Россия» мое очередное «Рождественское приветствие» бывшим прихожанам и соработникам на Ниве Христовой

по Польше, России, Германии и Африке, с каковым обращался я ежегодно, не имея возможности ответить каждому на их письма.

«Мир во зле лежит», ныне мир погрузился в утонченнейшую форму Зла – погрузился в ЛОЖЬ. «Мир во лжи лежит», – писал я в моем приветствии. – «Ложь ныне для многих и в церковной ограде является обычным и нормальным средством в работе, в трудах их, а уж о большинстве трудящихся на общественно-политическом поприще и говорить не приходится: тут Хам, предшественник Антихриста, открыто и нагло разгуливает, облеченный во всевозможные одеяния.

Явление страшное. Но его необходимо видеть и с ним бороться. Христианин не должен на то глаза закрывать. Закрывающий на то глаза и печать молчания полагающий на уста свои САМ становится участником Зла, Лжи, последователем Хама...

“Отец Лжи есть диавол” – говорит Христос. Посему и неприемлем для христианина и неизбежно приводящий к пользованию ложью принцип – “цель оправдывает средства”, ныне широко используемый как в общественной работе, так и в церковной ограде.

Этим принципом Церковь не укрепишь и не украишь, да и спасению Отечества от сатанинского зла не пособишь».

«Приветствие» мое вызвало негодование у членов Епархиального Совета – они же и члены «Административного Комитета» и «Совета Директоров», в результате чего получил я 13 января 1973 года письменный выговор от Архиепископа Никона с упреком, что я «наносу жестокий и несправедливый удар по измученной Русской Зарубежной Церкви, давая возможность прилагать ваши двусмысленные намеки к служителям и членам Церкви».

22 февраля от Митрополита Филарета и 7 марта от Синода получил «порицание и строгий выговор за вмешательство в церковно-общественную жизнь, выходящую за пределы приходско-пастырского ведения», «за образ действий, нарушающий мирное устройство церковной жизни».

Одним словом – я враг Церкви...

Это побудило меня сообщить Ректору Семинарии и владыке Митрополиту Филарету, что «с клеймом вредителя Церкви, по соображениям морального характера, не считаю себя вправе продолжать педагогическую деятельность в Духовной Семинарии», на что получил следующий ответ от владыки Филарета:

«Ваше Высокоблагословение, досточтимый Батюшка о. Митрофан! На Ваше письмо хочу ответить подробно и многое разъяснить.

А сейчас срочно пишу это краткое письмо, чтобы призвать Вас к продолжению занятий в Семинарии... в Вас я видел и вижу не “вредителя Церкви”, а одного из виднейших и талантливых пастырей Зарубежной Церкви. Вы можете мне верить».

Важная деталь: письмо писано не в здании Синода, а в Сан-Франциско.

«Служителями и членами Церкви», о которых писал Архиепископ Никон, были члены семейства Граббе и их друзья. В этом разгадка полученных мной выговоров.

Глава XXI

Скорби... скорби... скорби...

20 июля / 2 августа 1971 года был мной отослан в Епархиальное Управление Восточно-Американской и Нью-Йоркской Епархии очередной отчет о состоянии возглавляемого мной св. Серафимовского прихода в Си-Клиффе. В нем были приведены следующие данные.

«1. Принимая во внимание посещение прихожанами богослужений, число говеющих в течение года и моральный облик семейной жизни прихожан, духовное состояние св. Серафимовского прихода в Си-Клиффе следует признать вполне удовлетворительным.

2. Богослужения в храме совершаются во все дни воскресные, праздничные и в дни великих вселенских и отечественных святых. В течение года в св. Серафимовском храме совершаются не менее 160 Литургий и 190 вечерних богослужений. В отличие от подавляющего

большинства наших зарубежных приходов в св. Серафимовском храме г. Си-Клиффа неуклонно отмечаются вечерней службой, заупокойной Литургией и панихидой ДНИ Тезоименитства Государя Мученика, Убиение Царской Семьи и Смуты Российской 7-го ноября.

При храме имеются: регент-псаломщик, хор – обслуживающий богослужения в кануны и в дни воскресные и двенадесятых праздников, чтец-любитель и постоянные чтецы, учащиеся приходской школы. За службами в будние дни почитаемых святых поют любители.

В хоре участвуют ученики приходской школы, шесть человек учащихся прислуживают в алтаре.

3. Жизнь прихода контролируется Общим Собранием, созываемым ежегодно, и проходит с деятельным участием Приходского Совета, члены которого являются одновременно и членами «трости». Ревизионная Комиссия ежегодно производит проверку кассовых книг и ведения отчетности Прихода, Сестричества, Библиотеки и Школы.

4. Существующее при приходе Сестричество вынуждено в силу ряда обстоятельств ограничить свою работу заботой об уборке храма, заботой о содержании в порядке ризницы, устройством приходских трапез один или два раза в году и оказанием денежной помощи нуждающимся вне пределов США.

5. При храме существует приходская школа. В 1970/71 году она насчитывала 45 человек учащихся при 9 преподавателях. Учащиеся 1970/71 учебного года составляли семь классов.

Прихожанами св. Серафимовского храма ежегодно организуется детский лагерь НОРР, в котором летний месяц проводит 95% приходской нашей детворы. С великим прискорбием должны мы отметить вредную, разрушительную работу, проводимую против св. Серафимовского прихода и, в частности, против нашей приходской школы бывшим нашим прихожанином, ныне состоящим в приходе Казанской Иконы Божией Матери в Си-Клиффе, А. Б. И., видимо, за его «заслуги» на этом поприще введенным Синодом нашей Церкви в состав Предсоборной Комиссии и в состав Комитета по чествованию Архи-

ерейского Собора и 50-летия Зарубежной Церкви. Явление непонятное... таящее в себе великий соблазн. Бедное Русское Зарубежье, как обеднело оно чистыми честными моральными и порядочными людьми! Видимо, нет выбора у Священного Синода.

7. Приход располагает собственным храмом, состояние храма прекрасное. Имеются причтовый дом, в котором расположены квартира настоятеля и пять классов приходской школы, и участок земли 100х100, расположенный за храмом.

8. Бюджет прихода на 1971 год выражается в сумме 15 000 долларов. Приход располагает запасным капиталом в сумме около 5 000 долларов, но на приходе лежит долг в 11 407,75 долларов. Настоятель получает 230 долларов в месяц, а регент-псаломщик – 150.

9. В отношении Синода и Епархиального Управления, начиная с 1965 года – с уходом из состава Приходского Совета и с должности старосты-казначея С. Е. Б. и В. Г. Г. – финансовые обязанности выполняются аккуратно и в полной мере.

10. В приходе числится 130 членов, из коих аккуратно платят членские взносы 100 человек. От уплаты членских взносов освобождены старики и больные. У Святого Причастия и Исповеди бывает ежегодно от 300 до 340 человек.

11. Богослужения и проповедь ведутся исключительно на славянском и русском языках. Местное население с большим вниманием следит за жизнью нашего прихода и проявляет немалый интерес к храму и нашему богослужению. За последние годы перешли в Православие: двое из римо-католичества и один – из епископальной церкви.

12. Пожелания – для рассмотрения Архиерейским Собором. Верные чада Зарубежной Церкви, глубоко переживающие Ее испытания и невзгоды:

1) ожидают от Архиерейского Собора тщательного и всестороннего изучения причин печальных событий, имевших и имеющих место в нашей церковной ограде, потрясающих основы нашей Церкви: Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Аргентина, Австралия, Флорида; жела-

тельно, чтобы Архиерейским Собором были установлены объективные причины нестроений церковных и приняты меры к устранению этих причин;

2) выражают надежду, что Архиерейский Собор:

а) подвергнет тщательному обсуждению поведение Начальника Миссии в Палестине архим. Антония (Грabbе) как со стороны хозяйственной, так и с моральной. Имеется и поступает об этом много сведений и свидетельств не в пользу Начальника Миссии от посещающих Св. Землю и от проживающих там;

б) архим. Антоний начал судебный процесс на предмет возвращения нашей Миссии имущества, проданного или переданного правительством Израиля Советам. В газете «Новое Русское Слово» сообщалось, что суд первой инстанции отклонил этот иск, отказавшись от рассмотрения документов сторон.

Не является ли в данном случае архим. Антоний «красной тряпкой» в игре Голды Мэир с СССР, не кроется ли здесь провокация и какую «прибыль» ожидает Начальник Миссии для нашей Церкви?

Был ли вопрос о возбуждении судебного процесса рассмотрен Синодом и благословил ли его Синод, преподав необходимые указания начать этот процесс?

в) Король Хусейн был, несомненно, покровителем Святынь христианских в Иерусалиме; нынешние же хозяева священного города и всей Палестины являются лишь по нужде, весьма относительными блюстителями внешнего порядка; за это можно и следует быть им благодарными; однако, оправдана ли, с точки зрения Евангельской, моральной и деловой, явно подчеркнутая ставка архим. Антония на политическую карту Бен-Гуриона, заявившего, что к 1984 году господствующей религией мира будет иудаизм, и Голды Мэир?

Одобрят ли Архиерейский Собор подобное поведение Начальника Миссии и не является ли таковое проявлением самоволия и бесконтрольности?»

Видимо, кому-то из синодальных сотрудников очень не понравились «пожелания верных чад Зарубежной Церкви».

Прошло три недели с момента отправки моего доклада, и вот, 12/25 августа я получаю из Канцелярии Управления нечто вроде выговора: «До сих пор от Вашего прихода никаких сведений не поступило. Благovolите теперь же, безотлагательно представить требуемые сведения...»

А еще через несколько дней, 17/30 августа вечером, я обнаружил в почтовом ящике письмо Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета от 16/29 августа, в котором он рассматривал некоторые положения моего доклада. Я вынужден был в свою очередь проанализировать его замечания.

«...Вашего Высокопреосвященства возражения в дружественном тоне на некоторые пункты моего доклада требуют некоторых пояснений.

Прежде всего, о конкретных данных: “В чем заключается разрушительная работа А. Б. И. и как это выражается?” – спрашиваете Вы.

В ответ на этот вопрос предлагаю вниманию Вашего Высокопреосвященства КОПИЮ моего письма на имя А. Б. И. от 28 июня 1970 года и копию письма Н. Е. Барановского на имя графа Дмитрия Сергеевича.

В моем письме отражено поведение А. Б. И. не только в годы 1967–1968, таковым оно остается и поныне. В дополнение к изложенному в прилагаемом письме приведу еще несколько характерных для А. Б. И. фактов:

1. А. И. при встречах в обществе обходит, не здоровается с членами моего Приходского Совета – с теми, в домах которых он прежде бывал, поддерживая с ними дружеские отношения. Это он особенно подчеркнул в отношении Ю. С. Йодко за 5–6 дней до Общего Собрания нашего прихода, бывшего в июне месяце с. г.

Но после собрания, на котором Ю. С. Йодко был освобожден от обязанностей старосты, когда снова, и в том же месте, произошла их встреча, А. Б. И. поспешил не только первым подойти и приветствовать Ю. С. Йодко, но и облобызал его.

– С отвращением, – говорил мне Ю. С. Йодко, – принял я этот поцелуй.

2. Кончился учебный 1970/71 год. Ряд родителей – после Литургии в воскресный день – сидят в нижнем помещении св. Серафимовского храма, беседуют о приходской школе.

Среди них сижу и я. И вот, в этой беседе один из родителей, не состоявший в нашем приходе, рассказывает о том, что А. Б. И. не оставляет его в покое, убеждает забрать своих детей из св. Серафимовской приходской школы.

Ведет А. Б. И. пропаганду против своего б. Настоятеля не только среди взрослых; агитации подверглись и его собственные дети: они не здороваются с батюшкой, который их крестил, воцерковлял и учил начаткам веры...

Ваше Высокопреосвященство пишете, что А. Б. И. “до своего ухода был активным членом моего прихода. Случилось расхождение печальное и разномыслие, в результате которого он вышел из прихода”.

Все это не совсем так. А. Б. И. в моем приходе был ВСЕГО ЛИШЬ певчим и учителем приходской школы. Из прихода он не ушел, а «его ушли». Ушел он с должности преподавателя, разослав родителям учащихся своего класса письмо в надежде, что за ним уйдут из школы и его ученики. Последнего не случилось.

Ушел он не по идейным побуждениям, не в результате “расхождения и разномыслия”, а побуждаемый ущемленным самолюбием и тщеславием: за бестактность в отношении Настоятеля и Директора школы и за несоответствие занимаемой должности я снял в январе 1968 года его супругу с почетного поста Председательницы Родительского Комитета при приходской школе, а ввиду базарного поведения самого А. Б. И. в отношении своего Настоятеля и его семьи вынужден был (зная, что А. Б. И. намерен войти в состав Приходского Совета) громко заявить, что в Приходский Совет он не может быть допущен.

Ущемленный самолюбием, он все же попытался на общем годовом собрании в мае 1968 года выставить свою кандидатуру в казначеи прихода, и лишь с момента, когда я отвел его кандидатуру, начались “принципиальные”

расхождения и разномыслия: А. Б. И., как это запечатлено и в протоколе Собрания, начал свои резкие выступления против Настоятеля, покинул Собрание, а ЧЕРЕЗ СЕМЬ месяцев вышел из состава прихода – вернее, ему предложили выйти, вернули членский взнос.

Изложенное в моем письме от 20 июня 1970 года и факты, в этом письме приведенные, отражают подлинный лик А. Б. И., точно обрисованный в прилагаемом письме Н. Е. Барановского.

Итак, Ваше Высокопреосвященство, в случае с А. И. дело не в честных разрывах, не в расхождении во мнениях, как полагаете Вы и как это было у свв. апостолов Павла и Варнавы. Простите, глубокочтимый Владыка, я счел бы оскорблением св. памяти великого Благовестника ап. Павла и ап. Варнавы проводить аналогию между расхождением во мнениях сих Апостолов и случаем А. Б. И. со св. Серафимовским приходом, вернее – с его Настоятелем. В первом случае имела место ревность о славе Божией свв. Апостолов, во втором – крайняя степень тщеславия, лицемерие и подлость, а вообще: беспросветная глупость омраченного сердца.

Верно, ни на ком нельзя “ставить крест”. Я за каждой Литургией вынимаю частицы за р. Б. озлобленных и омраченных Алексия и Марии со чады, Екатерины и Александра, моля Господа, да изведет из темницы озлобления души их, чтобы помог им Господь спастись.

Но, Ваше Высокопреосвященство, оправдан ли скачок А. Б. И. из рядов пакостников, разрушителей приходского дела преп. Серафима сразу в ряды высокие Синодальных деятелей, членов Предсоборной Комиссии и т. наз. “Общественного Комитета” по чествованию 50-летнего юбилея Русской Зарубежной Церкви? Из преступников сразу в святцы, без покаяния и без подвига жизни во Христе.

Меня поразила и весьма огорчила вторая часть письма Вашего Высокопреосвященства. То, что Вы пишете, не имеет основания в моем докладе Управлению Восточно-Американской Епархии. Ваше Высокопреосвященство пишете: “Простите, батюшка, с недоумением и огорчением прочел я... что верные чада Зарубежной

Церкви ожидают от Архиерейского Собора разбора церковно-приходских неурядиц в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе”.

Много раз перечитал доклад мой, но нигде не нашел слов, что “верные чада... ожидают разбора” бывших в Калифорнии неурядиц.

В моем докладе сказано дословно следующее: “Верные чада Зарубежной Церкви, глубоко переживающие Ее испытания, ожидают от Архиерейского Собора тщательного и всестороннего изучения причин печальных событий, имевших и имеющих место в нашей церковной ограде, потрясающих основы нашей Церкви: Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Аргентина, Австралия, Флорида; желательно, чтобы Архиерейским Собором были установлены объективные причины нестроений церковных и приняты меры к устранению этих причин”.

Ваше Высокопреосвященство согласитесь со мной в том, что “разбор церковно-приходских неурядиц в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе” и “всестороннее изучение причин печальных событий, захлестывающих всю нашу Церковь, и принятие мер к устранению этих причин” – совершенно разные темы.

Остаются еще два вопроса, Вашим Высокопреосвященством в письме от 16/29 августа затронутые.

Это Аргентина, Австралия и наша Миссия в Палестине. Темы ответственные, но не сложные.

Для ответа на первый вопрос – об Аргентине-Австралии – я должен просмотреть ряд писем ко мне владыки Архиепископа Саввы, присланных мне в 1970–1971 годах, письма покойного владыки Леонтия и письма одного протоиерея из Австралии. Оба вопроса для их тщательного изложения потребуют довольно много времени, а сейчас лишь скажу: дело австралийское не идет никак в сравнение с Сан-Францисским делом.

Положение Архиепископа Афанасия в Австралии во много крат сложнее, чем некогда положение владык покойного Архиепископа Иоанна и ныне Архиепископа Антония. Не только сложнее, но и более путаное, причем, запутано оно – простите, Владыка – никем иным,

как самим Синодом. Владыка Афанасий, несомненно, “козел отпущения”.

Хочется закончить это мое письмо выражением личной боли по новому делу. Отец Алексей Охотин, с которым встретился я в этом году в лагере НОРР, жаловался на свои квартирные условия – жалкая квартира, для воспитания детей совершенно не подходящая: не дает возможности разместиться в ней троим подрастающим детям и их родителям. Жаловался и на отсутствие средств к жизни: гражданской работы он лишился, уволен, а вымирающий приход не в состоянии материально обеспечить его семью из 5-ти человек.

Сейчас синодальным постановлением на место о. А. Охотина переведен из Рочестера о. Андрей Семянко. Как же он разместится в этой квартире со своей численно большей, чем у о. Алексия Охотина, семьей? И на какие средства будет он жить на этом, как сказал мне о. Алексей, вымирающем приходе?

Для Синода в рочестерском случае создан тупик? Но перевод священника, семья которого состоит из 6-ти человек (бабушка, матушка и четверо детей), на приход, который принять он никак не может по причине обстоятельств, о. А. Охотиным указанных, разве это выход из тупика?

Чтобы самому выйти из тупика, Синод в тупик загоняет священника, обремененного четырьмя детьми!

Прошу снисходительного отношения к моему недостатку, не судите строго мои откровенность и прямоту».

Мою характеристику А. И. в еще более выразительных словах повторил и Н. Барановский в своем письме на имя графа Дмитрия Сергеевича, о котором я упомянул в ответе владыке Митрополиту:

«Глубокоуважаемый Граф Дмитрий Сергеевич,
прилагаю банковский чек № 099477 на сумму в двадцать пять долларов, в том числе: пятнадцать долларов от митроф. протоиерея о. Митрофана Зноско-Боровского, его членский взнос за 1969 и 1970 годы, и десять долларов – взнос от меня за 1970 г.; одновременно тут

же прилагаю его же письмо ко мне в связи с совершенно невероятным по цинизму и лжи поведением известного Вам г-на И.

Только чувство глубочайшего пиетета перед священнейшим для нас Именем Царя-Мученика не позволяло мне уже давно отойти от Отдела и заставляло молчаливо переносить годами грубейшие и гнуснейшие выпады г. И. и атмосферу, которую он создавал, конечно, последовательно идя к цели: разрушить Отдел.

С течением времени, вспоминая теперь все перенесенное, все более проясняется тот черный ужас, который, не останавливаясь перед Тенью Государя, сеял г. И. Только с помощью Божией можно было иметь силу спокойно вытерпеть это страшное испытание.

Прилагаю также и мой ответ о. Митрофану в копии и считаю необходимым при этом добавить, что о. Митрофан уже свыше десяти лет состоит настоятелем прихода прп. Серафима, будучи фактически его создателем; не только основателем, но и активнейшим нашим руководителем с первого же дня и Почетным Членом Отдела, являя собою живой пример всем нам в безграничной преданности священной памяти Царя-Мученика и истинной любви к Родине.

3 января 1970 г.»

Наилучшую иллюстрацию обстановки, которая сложилась к этому времени в Синоде, дает письмо, писанное ко мне Архиепископом Аргентинским Афанасием, о котором я упоминал в выше приведенном ответе Первоиерарху.

«Дорогой о. Митрофан!

Сердечно благодарю Вас за письма с информацией о наших синодальных делах. Я лично убедился, что в этом учреждении не все благополучно. Там хозяин о. Георгий Граббе, который проводит свою линию в своих интересах...

Ваши письма, которые Вы писали архиереям, а мне прислали в копиях, великолепны. Вы смело возвысили голос, и спаси Вас Господь за это.

Кому-то нужно же действовать в защиту правды. Нужно Синод и Зарубежную Церковь спасти от развала...

Из этого Собора я вынес впечатление, что между архиереями нет любви,.. а в канцелярии искажение протоколов, постановлений, пропуски в протоколах важных, но не угодных Правителю Дел Синодальных постановлений, и проч.

Вопреки практике прошлых Соборов в этом не подписывали архиереи протоколов, и не прислали копии их каждому архиерею. Мы совершенно не знаем, что в этих протоколах написано, хотя их читали на Соборе, требовали исправлений, но мы не знаем, исправлены ли.

Но на искажениях поймали случайно во время Синода. То же и с синодальными протоколами. Синод обсуждал, решал и постановлял, а в протоколе не записано, и даже самого протокола не было. Такой случай был.

Вот видите, дорогой о. Митрофан, как правится в нашем Синоде...

Написал и наболтал я Вам много и прошу прощения...

Архиеп. Леонтия использовали, когда в 1959 году во время Собора “командировали” его уговаривать графиню принять монашество, чтобы открыть карьеру к епископству о. Граббе. Тогда графиня наотрез отказалась...

Пришлые архиереи в свое время на ноги поставили Синод и Зарубежную Церковь своим объединением в 1945–46 гг.; можно сказать, подняли из развалин. Тогда мы нужны были, тот же самый Пан., а когда этот период окончился, когда окрепли и стали на ноги, тогда мы больше не нужны...

Жду Вашего письма... Сердечный и братский мой привет Вам и Вашей семье и наилучшие пожелания. Братски лобызаю Вас и благожелаю, архиеп. Афанасий».

...Чудны дела творятся у нас! Правда и ложь искусно переплетены. Недостойный человек, разрушитель церковного дела, который доставил нашему приходу столько горестей, – возводится Синодом на высокие ступени церковно-общественного служения, а во всех отношениях заслуживающий уважения и благодарности цер-

ковный труженик, которого я знал с детства, который вырос на моих глазах, – подвергается тяжелейшему наказанию: отлучению от Святой Чаши.

В субботу 18 марта 1978 года, на первой седмице Великого поста, получил я от владыки Митрополита «отношение» от 11 марта с приложением резолюции Первоиерарха от 10 марта.

Резолюция касалась Алика (А. А.) Квартирова, которого я знал с самых юных его лет, которого венчал и ценил как глубоко верующего, воспитанного, деликатного, Церкви преданного, принципиального и правдивого, глубоко порядочного, честного и вдумчивого человека. Я был поражен резолюцией, которая отлучала его от Святого Причастия.

Видимо, имея в виду мое давнее знакомство с А. Квартировым, и была послана резолюция на мое имя, хотя он являлся прихожанином не моего храма, а св. Сергиевского, где настоятелем являлся сам Высокопреосвященнейший владыка Митрополит.

7/20 марта я изложил Митрополиту свои соображения по поводу его резолюции в письме Епархиальному Управлению Восточно-Американской епархии на имя Секретаря Управления. Повторив в нем выше сказанное о личности А. Квартирова, я далее, в частности, писал:

«...Считаю своим долгом лично встретиться с преследуемым. К сожалению, эта встреча, ввиду Великого поста и так как живет он в другом штате и возвращается домой только поздним вечером, состоится не скоро.

В воскресенье вечером, 19 марта, удалось мне снестись с ним по телефону. Из его ответа на мой вопрос, что произошло у него со св. Сергиевским приходом, узнал я о том:

1) что он состоял казначеем св. Сергиевского прихода, и от него потребовали, чтобы он сдал дела и кассу о. А. Лебедеву или Епархиальному Управлению,

2) что он НИКОГДА НЕ ОТКАЗЫВАЛСЯ от сдачи кассы, но таковая была обусловлена тростистыми выполнением со стороны Епархиального Управления какой-то незначительной формальности, и

3) что, ввиду его переезда в другой штат из Си-Клиффа, он все дела передал тростистам и к кассе и книгам не имеет никакого отношения.

Резолюция Его Высокопреосвященства Аввы Митрополита последовала, несомненно, на представленном Вами докладе.

Меня поражает отсутствие у Вас здравого смысла и уже неоднократно проявляемая легкость в нанесении ран нашей Церкви и особенно авторитету Аввы Митрополита, нашего Первоиерарха. Создается впечатление, что кто-то, пользуясь полным доверием владыки Митрополита, задался целью его дискредитировать.

А. А. Квартиров резолюции не получил. И я не нашел возможным ему о ней сказать».

Моя заступническая за А. Квартирова миссия имела долгое продолжение с весьма печальными для меня последствиями. Секретарь Епархиального Управления свящ. Александр Лебедев 18/31 марта послал мне письмо, которым на меня возлагалась в деле А. Квартирова активная роль посредника.

«Ваше Высокоблагословение,

По поручению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета, сообщается Вам, что Резолюция Его Высокопреосвященства от 25 февраля /10 марта с. г. о запрещении Александра А. Квартирова в принятии Св. Христовых Тайн, копия которой была Вам своевременно послана, была отправлена А. А. Квартирову заказным письмом с обратной распиской. Письмо это вернулось в Епархиальное Управление вследствие отказа А. А. Квартирова его принять. Его Высокопреосвященство дает Вам категорическое приказание сообщить по телефону А. А. Квартирову содержание Резолюции немедленно, а также осуществить незамедлительно передачу А. А. Квартирову письма с Резолюцией Его Высокопреосвященства при сем препровождаемого.

Об исполнении сего приказания Вам надлежит представить письменный рапорт на имя Его Высокопреосвященства в Епархиальное Управление».

Изменившиеся с момента получения письма о. Александра обстоятельства не позволили мне точно и вовремя выполнить «приказание» владыки Митрополита, о чем я и сообщил в очередном письме в Епархиальное Управление:

«Дорогой о. Александр,

Ваше отношение от 31 марта с. г. получил я 5 апреля. Утомительные службы Великого поста и мои недомогания не дали возможности сразу ответить на повеление владыки Митрополита.

К моему великому прискорбию, выполнить предписание глубочайшего владыки Митрополита об оглашении и пересылке А. А. Квартирову (мл) Резолюции я не могу по той причине, что Квартиров А. А. не является прихожанином прихода преп. Серафима Саровского, а с сентября 1977 года проживает в штате Нью-Джерси, на территории, как сообщили мне, прихода протопресвитера о. Иоанна Легкого.

В письме моем на Ваше имя писал я о том, что попытаюсь лично встретиться с Квартировым А. А., сейчас же в этом не вижу нужды ввиду получения от него пояснительного письма, копию коего к сему прилагаю и всей его с ним переписки по касающемуся его делу.

Между прочим, Вы допустили в письме-отношении на мое имя от 18/31 марта ошибку, а именно, Вы пишете: “Письмо вернулось в Епархиальное Управление вследствие ОТКАЗА А. А. Квартирова его принять”, в то время как на конверте пометка почты говорит о том, что письмо было не “рефьюзд”, а “анклеимд”.

Я писал Вам, что А. А. Квартиров возвращается со службы домой поздним вечером, чем и объясняется невозможность его явки на почту за заказным письмом».

Пояснительное письмо, о котором я упомянул выше, имело следующий вид:

«Глубокоуважаемый и дорогой отец Митрофан,

Откликаясь на Ваш телефон 19 марта с. г., посылаю Вам копию переписки о передаче отчетности и денег о. А. Лебедеву.

Как Вы видите, я всегда был готов это сделать, но я обязан считаться с гражданскими законами, которые мы нарушать не можем и не должны. Эти законы ставят меня в зависимость от трости, с которых церковной властью должна была быть снята всякая ответственность перед гражданскими властями, связанная с этой передачей. В связи с этим церковная власть должна была подписать посланную ей трости бумагу.

Этим письмом я подтверждаю Вам то, что я сказал Вам по телефону 19 марта:

Я никогда не отказывался от сдачи банковских книжек и отчетности, но эта сдача была обусловлена тростистами выполнением со стороны церковной власти письменной формальности, которая до сих пор не выполнена. В моем письме о. А. Лебедеву 16 января я опять подтвердил мое согласие передать деньги после снятия с меня всякой ответственности.

В связи с моим переездом из Си-Клиффа в другой штат, Нью-Джерси, я передал банковские книжки и отчетность тростистам, имена которых известны Высокопреосвященнейшему владыке Митрополиту Филарету, и к этим делам отношения больше не имею. Поэтому сейчас церковной власти следует обращаться не ко мне, а к трости по этому делу».

Казалось бы, все недоуменности разрешены, и остается только настаивать на отмене несправедливой резолюции Митрополита, отлучающей исполнительного церковного работника от Причастия Вечной Жизни. Но логика некоторых канцелярских церковных работников – особенная. 31 марта / 13 апреля я получаю от Митрополита Филарета следующее письмо:

«Отец Митрофан,

Передо мной лежит фотостат – копия Вашего письма о. Александру Лебедеву от 7/20 марта с. г.

Если бы это письмо было направлено лично о. Александру – в частном порядке, то ответить (или не ответить) на него было бы частным делом о. Александра. Но поскольку оно официально адресовано в подведомс-

твенное мне Епархиальное Управление, я считаю себя вправе ответить, имея для этого достаточно оснований.

Вы пишете: “Полагаю, что (я) должен был бы быть посвященным в эти дела (Сергиевского прихода), по крайней мере, в той части, которая касается лиц, мной окормляемых”.

А разве это не так в данном случае? Моя Резолюция касается лица, Вами окормляемого. И она послана Вам именно для того, чтобы Вы были в курсе дела.

Прежде всего, не могу не выразить свое удивление по поводу того, что Вы не придерживаетесь той практики, которая всегда применялась в Русской Церкви: в официальных отношениях по духовному ведомству никогда не допускались упреки или выпады личного характера.

Ваша бумага – официальная. А в последней ее части находится личный, довольно оскорбительный упрек (отсутствие здравого смысла). Далее. А. Квартирова Вы аттестуете с самой лучшей стороны, не скупясь на похвальные эпитеты – у Вас их 9! Я же такой массы эпитетов противоположного характера употреблять не буду, а просто скажу: остаюсь при своем мнении – и отлучение остается на Квартирове. Православный человек не может так нагло относиться к предписаниям и требованиям Высшей Церковной Власти.

Восхваливши Квартирова так, что, по Вашей аттестации, для него самое подходящее место – стоять живым в иконостасе, Вы пишете: “Я был поражен резолюцией” и продолжаете: “Считаю своим долгом лично встретиться с ПРЕСЛЕДУЕМЫМ”.

Здесь смысл может быть только один: если г. Квартиров – “преследуемый”, то преследователь его – тот, кто дал резолюцию, т. е. епархиальный архиерей.

Простите, – но не дерзость ли это, о. Митрофан? Не говорю уже о том очевидном факте, что сверх-восхваление отлученного от Св. Тайн человека как образцово-добродетельного есть прямой выпад против того, кто это отлучение наложил.

В прекрасной книге И. М. Концевича “Оптина Пустынь и ее время” есть рассказ о том, как Оптинский старец Варсонофий предупредил известного духовного

писателя С. А. Нилуса о том, как опасно идти против епископской власти, даже если епископ делает ошибки. А. Квартирову полезно было бы это прочитать.

Еще. Вы пишете секретарю Епархиального Управления: “Резолюция Его Высокопреосвященства... последовала, несомненно, на представленном Вами докладе”. Ошибаетесь.

Она была составлена после неоднократного суждения о поведении г. Квартирова на Епархиальном Совете. После этого Вы продолжаете: “Меня поражает отсутствие у Вас здравого смысла” и прочее...

Вы пишете так, что получается: Секретарь Епархиального Управления подал Митрополиту доклад, лишенный здравого смысла, т. е. вздор, смысла не имеющий, а Митрополит явно сам не имеет здравого смысла, ибо вместо того, чтобы отвергнуть бессмысленный доклад, положил на нем свою Резолюцию.

Впрочем, после Вашей характеристики г. Квартирова, получается так, что и сама Резолюция также не имеет здравого смысла...

Отец Митрофан! Мы слишком разошлись с Вами – настолько, что я не считаю для себя возможным совместное с Вами служение у Страшного Престола Господа Славы. Запрещение в служении на Вас не налагается; но допустить Вас к служению с собой при таких обстоятельствах я не могу.

Если пожелаете перейти в другую епархию – с моей стороны препятствий не будет (выделено мной – *еп. М.*).

Милость Божия да будет с Вами. Ваш искренний доброжелатель, Митрополит Филарет.

P.S. Председателем совета тростистов является настоятель прихода – печатающий эти строки. Тростистом же является и староста прихода, В. Н. Орехов. Ни мне, ни ему ничего не известно о “передаче всех дел тростистам”! Может ли почитаться нормальной и законной эта махинация г. Квартирова?!»

На такое грозное письмо я, разумеется, не мог не ответить. 17/20 апреля я направляю Первоиерарху следующее письмо:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, благословите. Откликаюсь на письмо Вашего Высокопреосвященства от 13 апреля, полученное мной 18 апреля с. г.

Сыновне прошу простить совершенно невольное огорчение, причиненное Вашему Высокопреосвященству письмом о. А. Лебедеву от 20 марта с. г.

Сказанное мной в конце письма относится к о. А. Лебедеву, но, поскольку Ваше Высокопреосвященство пишете: “Резолюция была составлена после неоднократного суждения на Епархиальном Совете”, то мои слова можно отнести и к членам Епархиального Совета, но никак не к Вашему Высокопреосвященству.

Профессора Российских Духовных Академий, и в Варшаве, и в Белграде, учили нас: Церковь есть область Духа и благодати, каноны не суть уголовный кодекс, а охранительные правила Церкви, даны для вразумления, наставления, увещания и лишь иногда для наложения церковной епитимии. Церковный канон должен быть направлен к тому, как лучше и как конкретнее принести пользу человеку, чтобы все послужило ему во спасение. Ссылка же на каноны без учета времени и человека является церковной неканоничностью... Так нас учили.

Ваше Высокопреосвященство пишете, что я окормляю А. А. Квартирова (мл). К сожалению, это не так. Я лишь знаю его с его 11-тилетнего возраста как жившего в Си-Клиффе, в приходе о. А. Иконова. 18 лет его жизни прошли перед моими глазами. С кончиной о. А. Иконова я венчал его. Это все.

Пересмотрев присланную мне А. А. Квартировым (мл) переписку (копию его письма на мое имя от 21 марта с. г. прилагаю) с должностными лицами Епархиального Управления, нигде не обнаружил ни его упрямства, ни злой воли. А его ссылка на гражданские законы не есть, как Ваше Высокопреосвященство пишете, “махинация”, она заслуживает внимания как обстоятельство, если и не снимающее с него ему вменяемое в вину, то во

всяком случае отводящее обвинение в преднамеренном упрямстве.

В недоумение и скорбь повергли меня слова Вашего Высокопреосвященства: “Запрещение в служении на Вас не налагается; но допустить Вас к служению с собой при таких обстоятельствах, я не могу... Если Вы желаете перейти в другую епархию, с моей стороны препятствий не будет”.

Ваше Высокопреосвященство, Господь поставил меня в Си-Клиффе, откуда я никуда, ни при каких обстоятельствах не выеду. И тем более, не допускаю мысли о переходе в другую епархию.

Вашему Высокопреосвященству принадлежит право налагать запрещения, если есть к тому веские основания. Благодарю Господа, 42 года моего пастырского служения прошли, несмотря на тяжелые условия и обстановку, без нарушения обязывающих священника канонических норм.

Ваше Высокопреосвященство отвергает меня – а со мной и Аввой Анастасием врученную мне паству – от общения молитвы веры и любви. За что?

За то ли, что я благоговейно чту Церковь Христову и повинуюсь Ее Священноначалию?

Ваше Высокопреосвященство пишете: “При таких обстоятельствах”. Неужели Вы, глубокочтимый Владыка, имеете в виду – “не смеет свое суждение иметь”?

Разве разномыслие в делах чисто административного характера или в оценке действий отдельных лиц – грех и преступление против Церкви?

Разве от священника требуется слепое, безмолвное послушание? Да, ныне в каждом самостоятельном мнении (во внешних, административных делах) готовы видеть бунт. Это болезнь, из которой вырастает внутренний разлад в церковной жизни, и на этом разладе, как дурная трава, вырастают лицемерие и непомерная бесовестная лесь.

Никогда не выходил я из послушания Священноначалию и паству мою учу разумной покорности епископу. И уверен в том, что никто и никогда не услышит из уст Вашего Высокопреосвященства в мой адрес упрека: как

грубо он меня обманул, – каковые слова пришлось, из уст Вашего Высокопреосвященства в адрес ныне высокопоставленного духовного лица, услышать мне вскоре после Вашего возвращения из Австралии.

Испрашивая Архипастырского благословения, прошу молитв о преданном Вашему Высокопреосвященству недостойном м. прот. Митрофане Зноско».

Время смягчило резкость намерения владыки Митрополита не служить со мной за одним Престолом Божиим. Но никогда не смыкает глаз враг людской, ища и часто находя орудие своих разрушительных для Церкви и православного народа целей.

10 декабря 1983 года я был отстранен от участия в Литургии в день празднования иконе Божией Матери «Знамение» Курской-Коренной.

Через несколько дней удар повторился. В канун Дня Ангела Первоиерарха Зарубежной Церкви Митрополита Филарета я обратился к имениннику с просьбой благословить меня к участию в торжественной Литургии 14 декабря. Владыка с радостью в голосе ответил:

– Конечно, рад буду Вас приветствовать.

Но не прошло и нескольких секунд, как тот же голос Митрополита сказал:

– Батюшка, я рад Вас видеть, но... так как Вас здесь очень не любят... воздержитесь от появления.

* * *

Немало скорбей пришлось пережить мне по причине злонамеренных действий Правителя Дел Синодальных, но одна из них легла на сердце особенно тяжелым бременем. И была она продолжением и развитием упомянутых выше двух случаев отстранения от участия в богослужении.

Речь идет о совершенно необоснованном обвинении меня в «экуменизме». История проста и очевидна.

В 1983 году город Си-Клифф, в котором милостью Божией я являлся настоятелем св. Серафимовского православного храма, торжественно отмечал свое 100-летие.

Городскими властями были задуманы широкие юбилейные мероприятия, к участию в которых были приглашены представители всех общественных, национальных и религиозных групп. Я тоже был приглашен на эти торжества в качестве представителя русского православного населения города.

Разумеется, я не мог отказаться от этого участия. В отчете корреспондента в местной газете о праздновании общая встреча представителей всех групп населения Си-Клиффа была названа экуменической, и кто-то, ухватившись за этот безответственно употребленный светским человеком термин, представил Митрополиту мою роль в совершенно не соответствующем действительности виде. Митрополит Филарет затребовал отчет об обстоятельствах моего участия в торжествах. В документах эти обстоятельства предстают в следующем виде.

«29/11-12/XII, 1983 г.

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Митрополиту Филарету.

Рапорт

Прошу у Вашего Высокопреосвященства прощения в том, что с большим опозданием отвечаю на Ваш запрос от 10/23 ноября с. г. У меня в разных госпиталях несколько тяжело больных, которым пришлось отдать и время (днем и ночью), и внимание и силы. Из этих больных – Г. И. Чертков, в четверг 8/XII я отпевал и похоронил его в Ново-Дивееве.

Заняться ответом по делу, искусственно созданному злобой и ненавистью лично ко мне прот. Шишковым и К°, верьте, глубокоочтимый Владыка, у меня не было времени и сил.

В 1983 г. город Си-Клифф отмечал 100-летие своего бытия. Еще в конце 1982 года мэр города обратился ко мне с просьбой принять участие в Комитете по выработке программы предполагаемых торжеств, намеченных на 1983 год.

Я не откликнулся на это письмо мэра. В феврале 1983 года мэр повторил свою просьбу. А так как от меня снова не последовало ответа, он повторил ее в третий раз в

устной форме, переданной мне через одного из жителей Си-Клиффа.

Естественно, я должен был откликнуться на настойчивый стук мэра в “двери” мной возглавляемой православно-русской общины в Си-Клиффе.

А так как я не владею достаточно английским языком, быть представителем от св. Серафимовского русского прихода в Комитете по организации торжеств 100-летия Си-Клиффа (а не по организации “экуменического” моления, как это пишете Ваше Высокопреосвященство) я поручил моему дьякону о. Сергию Клестову.

Кульминационным и завершительным пунктом этих торжеств была встреча католических и православных священников и протестантских пасторов в римо-католическом храме св. Бонифатия в Си-Клиффе (подавляющее большинство граждан Си-Клиффа римо-католики), целью которой было продемонстрировать единство и сплоченность всех жителей Си-Клиффа и вознести молитву о дальнейшем успешном развитии этого городка и о его благополучии.

Молитва была совершена р.-кат. священником. Бывший настоятель храма св. Бонифатия произнес слово, посвященное прошлому Си-Клиффа; на эту же тему выступил представитель городского управления, о. Л. Кишковский, и протестанты-пасторы прочитали выдержки из посланий ап. Павла и псалмы, а нынешний настоятель храма св. Бонифатия благословил булку белого хлеба, символизирующую единство насельников Си-Клиффа.

Покорный слуга Вашего Высокопреосвященства стоял как почетный гость позади предстоящих у стола (не Престола) р.-кат. священников, не участвуя ни в молитвах, ни в чтениях, не проронив ни единого слова.

Уклониться от участия в этом торжестве, проведенном Городским Управлением Си-Клиффа, я не мог и не имел ни гражданского, ни морального права как возглавляющий группу жителей Си-Клиффа, объединенных при русском храме преп. Серафима Саровского.

Моим священным долгом является не только духовное окормление Богом врученной мне паствы, но и ограждение ее от возможных подозрений, нареканий и

возможной клеветы со стороны иноверных и инославных нас окружающих граждан города.

Говорить в данном случае о каком-то участии в “экуменическом” служении нет никаких оснований.

На то, что и как написал в местной газетке репортер, грамотный человек не обратит внимания, зная к тому же увлечение американцев словом “экуменический”.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга и почитатель – м. прот. Митрофан Зноско.

P.S. Ваше Высокопреосвященство, принятие прот. В. Шишковым на себя роли судьи надо мной, старым священником с полным богословским высшим образованием, и возложение им на гленковского юного священника, фигурирующего у нас под чужой фамилией Михаила Маклакова и недавно пришедшего в Православную ограду из римо-католичества и унии, роли следователя надо мной, чем о. Михаил похвастался перед моим дьяконом о. С. Клестовым, нельзя понять и принять иначе – как издевательство. Так я и принял нанесенный мне моральный удар.

Прошу св. молитв о почитающем Ваше Высокопреосвященство прот. Митрофане Зноско».

В дополнение к письменному объяснению случившегося со мной была предпринята попытка дать более подробные пояснения в личной встрече с Митрополитом. Но оказалось, что это не так-то легко сделать.

После неудачи, постигшей меня на этом пути, я вынужден был отправить Первоиерарху еще одно письмо с изложением ситуации, в которой некие силы настойчиво препятствовали нашему личному общению.

«27 декабря 1983 г.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему ФИЛАРЕТУ, Митрополиту Восточно-Американскому, Председателю Архиерейского Синода,

Нью-Йорк.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

С первых дней моего пребывания в лоне Зарубежной Церкви я находился и нахожусь (в Германии, Африке и

США) в непосредственном подчинении и распоряжении Председателя Архиерейского Синода. В этом положении прибыл и в США, о чем дважды докладывал Вам, последний раз в 1977 г., не встретив с Вашей стороны возражений. Как находящийся в личном распоряжении Вашего Высокопреосвященства, я подлежу суду Вашему, а не епархиальных органов. От Вашего Высокопреосвященства посему и ожидаю личного вызова по “делу”, затеянному против меня в воскресенье 20 ноября (в 3 ч. 30 м.) о. В. Шишковым.

24 декабря, в субботу, я обратился к Вам по телефону с просьбой принять меня, чтобы мог я лично дать объяснение по существу, в дополнение к моему рапорту от 17 декабря на Ваше имя. Ваше Высокопреосвященство любезно назначили мне аудиенцию на понедельник 26 декабря, с тем, что около 8-ми часов утра в тот же понедельник Вы сообщите мне, к которому часу я должен к Вам явиться. Вы просили меня позвонить Вам.

Звонил я в понедельник несколько раз до 8-го часа. Звонил и около 10-ти. Позже узнал, что Ваш личный телефон был отключен.

Позвонил после 10-ти дежурному. Принял телефон о. архимандрит Антоний, сообщив мне, что Вы находитесь в здании Синода.

Минут через 10 после моего звонка в Синод дежурному звонит мне о. Н. Кадьян из Епархиального Управления:

– Отец Митрофан, вы просите аудиенцию у владыки Митрополита; мне только что позвонили из Синода и поручили сообщить вам, что Владыка не примет вас до окончания следствия.

Через 10–15 минут снова звонит мне тот же о. Н. Кадьян:

– Батюшка, только что был второй звонок из Синода, поручили сказать вам, что владыка Митрополит болен и не может вас принять.

Владыка дорогой, как согласовать эти два телефона из Синода, переданные мне один за другим о. Н. Кадьян?

Первый: Вы просите аудиенции... Владыка не примет Вас до окончания следствия.

Второй: Владыка болен и не может Вас принять.

Загадка? Разгадать не трудно.

О Вашей болезни я знаю давно из Сан-Франциско, где врач Ваш с нетерпением ожидает у себя Ваше Высокопреосвященство.

Так как Вашим именем мне запретили явиться к Вам, я вынужден был послать Вам относящиеся к “делу” бумаги с двумя членами приходского совета. Ваше Высокопреосвященство их приняли.

О. Н. Кадьян сказал мне о том, что я должен буду предстать перед какой-то комиссией из двух-трех священников. Владыка, я могу и обязан предстать перед Вами, но никак не перед какой-то комиссией. Если кто-то хочет вызвать еще один в лоне нашей Церкви скандал, покрыть пятном позора и нашу иерархию, и Священный Синод, вырвать у верующих остатки доверия к ним, разрушить у многих веру – особенно у молодежи, неужели не должно ему (или им) воспрепятствовать в этом?

В ожидании личной аудиенции и АННУЛИРОВАНИЯ “дела”, затеянного против меня злой волей, прошу молитв о почитающем Ваше Высокопреосвященство м. протоиерее Митрофане Зноско».

Среди «относящихся к делу бумаг» было три документа, исходящих от «внешних», которые по всем показателям должны были быть приняты к сведению и послужить полному и окончательному прекращению надуманного «дела».

«Перевод с английского»

Инкорпорированное село Си-Клифф

16 декабря 1983 г.

Его Высокоблагословению о. Митрофану Зноско
Св. Серафимовская Русская Православная Церковь
131 Карпентер авеню
Си-Клифф, Н.Й. 11579

Ваше Высокоблагословение,

Хотя Вы не смогли принять участие в службе, которая имела место в церкви св. Бонифатия, мы, конечно, очень ценим Ваше присутствие на недавнем празднестве нашей общины по случаю столетия этого села.

Очень Вас благодарю за Ваше содействие и надеюсь, что наше сотрудничество будет продолжаться и в будущем.

С лучшими пожеланиями счастливого и радостного Рождества,

Преданный Вам Норман Парсонс. Мэр».

Незадачливый автор корреспонденции в местной газете, узнав о затруднениях, испытываемых мной в связи с неудачным использованием им слова «экуменический», прислал на мое имя следующее письмо.

«19 декабря 1983 г.

Ваше Высокоблагословение о. Зноско:

Несколько лет тому назад, когда церковь св. Бонифатия совершала богослужение в канун Дня благодарения, мы преломляли хлеб как часть молебна, и это было горячо одобрено паствой.

Для службы 9-го октября я сам испек пять белых хлебов. Предполагалось, что это будет не больше, чем преломление хлеба среди друзей. Это не был ни в коем случае Евхаристический Хлеб, он не был освящен, и непосредственная раздача священнослужителями пастве кусочков этого хлеба не была попыткой совместного богослужения.

(Я думал, что Вы, о. Митрофан, тоже взяли хлеб для прихожан; но несколько свидетелей меня разуверили, включая о. Дидериха, что Вы это НЕ сделали.)

Насколько я понимаю, часть Ваших затруднений с Вашей Епархией основаны на моем заявлении в посвященном столетию номере “Новостей Си-Клиффа”, что Вы “служили у алтаря”.

В понятии мирян (а я сам мирянин) это только обозначает, что Вы физически были у алтаря. Если это обозначает что-то другое для Вашей иерархии, то это их проблема. Когда я прислуживаю как чтец или певчий (и я это делаю, и то и другое) во время мессы, то я позже могу сказать другу, что я служил в алтаре, но я этим не имею в виду, что я совместно совершал мессу!

О. Зноско, я глубоко озабочен двумя вопросами: первых, что Вас преследуют (правильно ли слово “пре-

следуют”?) за то, что Вы приняли участие в торжестве столетия нашей общины. И особенно потому, что, насколько я понимаю, члены Вашего прихода об этом Вас настойчиво просили.

Во-вторых, мне противны подлые приемы, направленные против Вас, пользуясь мною. Секретарь нашей приходской канцелярии мне позвонил вскоре после службы 9-го октября и просил меня снестись с православным священником в Гленкове. Мой телефонный номер не помечен в телефонной книге, и этим способом приходская канцелярия меня ограждает.

Я позвонил священнику, который сказал мне, что о. Мулванерти, наш второй священник, советовал ему поговорить со мной по поводу подготовки им для Вашего епархиального бюллетеня заметки, касающейся этой службы.

Я ответил на вопросы священника и потом послал ему копию статьи, а также фотографию вас, священнослужителей, снятую г-жой Спенсер, в нашем приходском Центре.

В эту прошедшую субботу, 17 декабря 1983 г., мне позвонил, по-видимому, тот же православный священник, который опять допрашивал меня относительно Вашего участия в службе.

Теперь мне понятно, что в это время телефонный разговор был записан на ленту, несмотря на то, что мне ничего не было сказано об этой записи. Это противозаконно, а также неконституционно. Такая техника, связанная в моем понятии с Гестапо, или КГБ, или Си-Ай-Эй, была осуществлена во имя нашего Спасителя, Иисуса Христа!

Если я узнаю, о. Митрофан, что эта незаконная запись телефонного разговора будет употреблена где бы то ни было – в церковном ли суде, или гражданском, или в другом месте – я намерен подать в суд на Вашу епархию и на священника, который сделал запись нашего разговора. Мои адвокаты ждут моего приказа.

Священник, который может быть настолько двуличным в своем старании преследовать собрата, приводит меня в ярость. Если бы моя христианская вера была бы менее крепкой, я бы поднял руки. Это переживание так-

же не укрепляет мою надежду скорого христианского объединения.

Я сожалею о тех неприятностях, которые я причинил Вам, о. Митрофан, непреднамеренно. Будьте уверены, что если я могу быть Вам полезен в чем бы то ни было в этом деле, я к Вашим услугам.

Во всяком случае, я собираюсь поставить в известность других членов Комитета и Председателя Комиссии по случаю Столетия об этом деле; я также намерен изо всех сил создать всевозможные затруднения членам Вашей епархиальной иерархии, если они будут продолжать это дело.

Это не пустая угроза – поскольку у меня есть на это время, возможности и терпение настойчиво провести это дело до конца.

Глубоко уважающий Вас

Виллиам Х. Барлоу

Приложение: Вырезка из стр. 11 Столетнего номера “Новости Си-Клиффа”.

Копия программы службы 9-го октября».

С фактической и богословской стороны анализ происшедшего, который мог быть в данном случае принят полностью, был дан и в письме настоятеля храма св. Бонифатия г-на Д. Дидериха. Он писал:

«21 декабря 1983 г.

Дорогой о. Митрофан,

Мне доставляет большое удовольствие писать Вам, хотя я бы предпочел, чтобы это не было в связи с недоразумением, касающимся Вашего присутствия в церкви св. Бонифатия, настоятелем которой я являюсь, по случаю Си-клиффского столетнего торжества.

Я не понимаю всех вопросов, которые были подняты в этом деле, и также не знаю, каким образом ответить на эти вопросы. Несмотря на это, я хочу в общих чертах дать Вам разъяснение собрания в церкви св. Бонифатия, которое являлось главным событием столетия села Си-Клифф.

1. Была общая благодарственная молитва от имени села Си-Клиффа и его граждан. Все христианские при-

ходы и церковные общины Си-Клиффа были представлены своим духовенством и мирянами.

2. Духовенство находилось в «санктюари» (т. е. в передней части церкви), а не «в алтаре» (т. е. в сослужении). Для меня как настоятеля церкви св. Бонифатия это очень важное различие, потому что экуменическое сослужение фактически запрещено Римско-Католической Церковью.

3. Было только простое разделение не освященного хлеба. Всем присутствующим было объяснено, что этот хлеб не является евхаристическим хлебом.

4. Некоторые из присутствующего духовенства прошли по церкви и раздавали хлеб народу. Ни Вы, ни я этого не сделали. Мы оба оставались на наших местах.

5. В программе этого события было сказано, что Вы в конце дадите благословение. Я надеялся, что Вы согласились бы дать благословение на церковно-славянском языке. Но не было времени получить Ваше согласие на это до того, как программа была напечатана. В действительности Вы не дали Вашего благословения, как было напечатано в программе.

В итоге, поэтому, не было сделано попытки провести “экуменическую литургию” и Ваше участие было просто ограничено Вашим присутствием.

Я очень ценю, что Вы пришли, также как и все мои собратья по духовенству в Си-Клиффе, т. к. это было первый раз, что Вы посетили событие, которое включало все духовенство и все приходы Си-Клиффа.

Я знаю, что все члены правления села и различные гражданские организации, а также граждане Си-Клиффа очень благодарны, что Вы приняли участие в праздновании столетия Си-Клиффа.

Пожалуйста, примите мои наилучшие пожелания счастливого и благословенного Рождества Христова.

Искренне Ваш во Христе Дональд Ф. Дидерихс»

И наконец, свидетельство клирика св. Серафимовского прихода, отца диакона Сергия Клестова, которое должно было окончательно положить конец этому позорному «делу» о моем экуменизме.

«30 декабря 1983 г.

Высокопреосвященнейшему
Владыке Митрополиту ФИЛАРЕТУ
Владыка, благословите.

На днях я получил две бумаги. Одна это “Резолюция” за Вашей подписью, вторая – за подписью владыки Григория.

Не знаю, почему эти бумаги мне присланы, они ко мне не относятся, я не был в католическом храме, никакого ко мне отношения комиссия, о которой в “Резолюции” говорится, не имеет.

Я твердо сказал отцу Маклакову, который как следователь, Вами уполномоченный, меня допрашивал, что мой Настоятель в экуменическом молении не участвовал, и при этом остаюсь.

Если создается комиссия для изучения надуманного “экуменического служения” в Си-Клиффе, я спрошу Вас, Владыка, была ли создана комиссия для изучения и выговора о. протопресвитеру Георгию Граббе, когда он присутствовал в англиканском храме в Нью-Йорке вместе с духовенством американской автокефалии и московским священником на чествовании масона Андерсона? Масонство у нас анафеме предается.

Есть живые свидетели, которые видели на этом торжестве сидевшего епископа Григория, хотя он и говорит мне, что он не присутствовал ни в храме, ни на банкете, что он зашел туда только на минуту, чтобы пожать руку Андерсону.

Почему в Си-клиффском случае по одному подозрению и газетной заметке батюшку преследуют, создается комиссия, а в случае владыки Григория – никто не обсуждал, никто не осуждал и никакой комиссии не было?

Не было создано комиссии также в случае участия игумена Синодского в протестантском храме на панихиде. Владыка Григорий сказал мне, что панихиды не было – было только выступление, или концерт, Синодского хора, но и это неправда: сами хористы говорят, что панихида была.

Я не понимаю, чем объяснить эту неправду?

Одни отрицают неприятную правду, потому что она к ним относится, и они же пытаются убедить, что их неправда, допущенная в Си-клиффском случае, является правдой.

Пишу об этих случаях для того, чтобы эти участвовавшие лица в екуменических молениях были бы также беспристрастно исследованы, так как со стороны епископа Григория уже допущены разногласия об этих молениях.

Владыка святой, еще раз утверждаю – то, что приписывается моему настоятелю, является явной неправдой, надуманными ложными выводами злых наших собратьев.

Вас стараются убедить, что в Си-Клиффе было “экуменическое служение”. Такого не было. А была, по инициативе города, общая молитва благодарения жителей Си-Клиффа о благополучии города. И отец Митрофан только присутствовал как житель Си-Клиффа, представляя часть нашего города.

Прошу Ваших святых молитв.

Диакон Сергей Клестов».

Казалось бы, на этом можно было бы уже поставить точку. Сколько еще свидетельств нужно, чтобы опровергнуть явную клевету? Но... Комиссия создана, она должна показать руководству «плоды» своей неутомимой работы. И вот они появляются.

«12/25 января 1984 г.

Св. Муч. Татианы

Его Высокопреосвященству,

Высокопреосвященнейшему ФИЛАРЕТУ,

Митрополиту Восточно-Американскому и Нью-Йоркскому

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Комиссии в составе: протоиерея Георгия Ларина,
протоиерея Владимира Шатилова и
иерея Виктора Мелехова.

Ваше Высокопреосвященство, Благословите.

На основании РЕЗОЛЮЦИИ Вашего Высокопреосвященства от 7/20 декабря 1983 по поводу состоявшейся

экуменической службы в Си-Клиффе в римо-католическом храме вечером в воскресенье, 26 сентября / 9 октября 1983, Комиссия в составе протоиерея Георгия Ларина, протоиерея Владимира Шатилова и иерея Виктора Мелехова единогласно пришла к следующему заключению:

1. Официальная программа (брошюра по случаю столетия Си-Клиффа определяет молитвенное юбилейное собрание в католическом храме св. Бонифатия как “экуменическое служение”, в котором в числе участников упомянут митрофорный протоиерей о. Митрофан Зноско и приход Вашего Высокопреосвященства преп. Серафима Саровского Чудотворца. Под фотографией фотографа Kathy Spencer участников этого служения написано: “Члены группы местных клириков, которые собираются вместе не регулярно, совещаются насчет 9-октябрьского юбилейного экуменического служения”. Под фотографией фотографа Rod Rumreich в местной газете “Sea Cliff News” в статье Bill Barlow: “Ecumenical Service Celebrates Centennial, October 9, 1983” (“Экуменическая служба празднует столетие, 9 октября, 1983”) написано: “Си-Клиффские клирики у алтаря св. Бонифатия во время экуменической службы” (“Sea Cliff Clergymen on St. Boniface altar during Ecumenical Service”). Автор этой статьи William Barlow в своем пояснительном письме от 19-го декабря 1983 на имя прот. Зноско еще раз подтверждает “что Вы физически были у алтаря”, тем самым опровергая след. утверждение прот. Зноско в его письме Вам от 29/XI-12/XII, 1983 г. – “Покорный слуга Вашего Высокопреосвященства стоял как почетный гость позади предстоящих у стола (не Престола) р.-кат. священников, не участвуя ни в молитвах, ни в чтениях, не проронив ни единого слова” (sic!)

Мит. прот. Зноско отрицает свое участие в этой экуменической службе, толкуя свое присутствие там только как безучастного наблюдателя для оказания внимания к городу, в котором живет он и вверенные ему Вашим Высокопреосвященством члены прихода преп. Серафима Саровского Чудотворца.

2. Быть может, недостаточное знание прот. М. Зноско английского языка помешало ему понять действи-

тельное значение терминов, употребленных в официальных бумагах городского Юбилейного Комитета. Повидимому, вопрос заключается в определении того, что является собранием молитвенным, за участие в котором для православных применимы каноны, запрещающие участие в молитве с представителями неправославных исповеданий, а что является просто собранием.

3. Поэтому, если принять объяснение отца Митрофана о его присутствии, но не участии в юбилейной екуменической службе, остается вопрос о том, что дело это требует выяснения и объявления для руководства другим, более молодым и менее опытным священнослужителям. Почтительно докладываем Вашему Высокопреосвященству, что полезно было бы напомнить всем священнослужителям нашей Церкви руководственное определение Архиерейского Собора от 13/26 сент. 1974. К этому было бы полезно добавить, что в других случаях подобных гражданских торжеств священнослужители должны остерегаться, чтобы не было никакого недоразумения, подобно имевшему место с отцом митрофорным протоиереем Митрофаном Зноско, присутствие которого во время совершения екуменического моления могло быть истолковано для посторонних как его участие в молитве совместно с инославными клириками, категорически запрещаемого 45-ым Правилom Святых Апостолов».

Копия «заключения» комиссии была послана Преосвященному Епископу Григорию.

На основании этого «заключения» владыка Митрополит 27 января / 9 февраля составил примечательную резолюцию.

«РЕЗОЛЮЦИЯ
на докладной записке Комиссии
под председательством о. прот. Георгия Ларина
по делу об екуменическом служении в Си-Клиффе.

1. Копию заключения Комиссии послать о. прот. Митрофану Зноско с предложением ему впредь строго руководствоваться соборными определениями 1953 и 1974 гг.

Понятно желание о. настоятеля соблюдать добрые отношения с внешними в пределах местонахождения прихода. Однако, точное соблюдение вероисповедных канонов (в частности Апостольского 45 и Лаодикийского 33) для наших клириков должно стоять выше других соображений, хотя иногда, м. б., вызывая этим известные затруднения. Можно, наприим., в таких случаях посещать мэра, писать приветственные письма, приходить на гражданские собрания и т. п.

Если бы о. Митрофан своевременно вник в суть этого дела, его богатый опыт подсказал бы ему безболезненный выход из положения, без обиды кому бы то ни было. Между тем, даже молчаливое и безучастное присутствие нашего клирика с инославными клириками на их общем молении, заранее объявленном как экуменическое, легко могло быть истолковано в смысле полного участия в нем одного из наших старейших священнослужителей, несмотря на то, что экуменическая ересь в том же году была предана анафеме Собором наших епископов. Оставление такого вопроса Епархиальной Властью без должного внимания могло бы послужить с нашей стороны допущением прецедента.

2. Все это могло бы быть скоро и безболезненно решено, если бы ответы на мои вопросы были присланы мне сразу, в указанный мною срок, а не задерживаясь без указания к тому причины, причем, одновременно распространился слух о каком-то предвзятом отношении администрации, якобы вызвавшем мои вопросы. Эти предварительные вопросы, даже еще не предreshавшие направления дела, некоторыми почему-то стали истолковываться как уже осуждение о. Митрофана Зноско, вследствие чего в его защиту с разных сторон стали поступать устные и письменные обращения лиц, видимо, плохо осведомленных о действительном существе дела. Ко мне обращались в его защиту даже по вопросу никем не возбуждавшемуся, с жалобами на лиц, не имевших отношения к делу.

3. Епархиальное Управление должно напомнить клиру нашей епархии Соборное определение 1953 г., в виду его важности повторенное в 1974 г., и предостеречь его

от всякого участия в каких бы то ни было молитвенных собраниях клириков разнообразных исповеданий.

4. В остальном, принимая объяснения, представленные протоиереем Митрофаном Зноско Епархиальному Управлению, предлагается прекратить дело о Сиклифском молитвенном экуменическом собрании и сообщить клиру нашей епархии настоящую резолюцию для руководства.

Дело это, кроме общего указания о.о. настоятелям, касалось бы одного о. Митрофана Зноско, но, ввиду происшедшего широкого о нем оповещения посторонних, копию всей резолюции послать клиру нашей епархии и для соответствующих разъяснений вопрошающим.

5. В подобного рода сомнительных случаях, клирики должны обращаться за указаниями ко мне или к преосвященному епископу Григорию, по принадлежности.

Митрополит Филарет».

Опять вынужден вступать в объяснения по поводу этой очевидно предвзятой «Докладной записки» и Резолюции Митрополита, выработанной на ее основании. Не давать же возможность явной лжи торжествовать!

«9/22 февраля 1984 года

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, во всех полученных мной от Вас и из Епархиального Управления бумагах: в письме Вашем от 23 ноября 1983 г., в «Докладной записке» Комиссии от 25 января и в «Резолюции» от 9 февраля 1984 г., говорится: «Вы участвовали в экуменическом служении», «дело об экуменическом служении», «экуменическое собрание»...

Я решительно утверждаю: ни в каком экуменическом служении я не участвовал, ибо экуменического служения не было.

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА» Комиссии от 25/1 84 г. составлена в явно предвзятом против меня смысле и по сему не может считаться беспристрастным и справедливым расследованием дела.

1) На основании «Резолюции» Вашего Высокопреосвященства от 20. XII. 83 мне ДОЛЖЕН был быть дан для

ознакомления материал по этому делу, поступивший в Епархиальное Управление до 20-го декабря 1983 года.

В письме от 13/1, в телефонном разговоре 16/1 и в письме от 25/1 1984 г. я просил Председателя Комиссии о. Г. Ларина прислать мне в "Резолюции" вл. Митрополита от 7/20 дек. 83 г. указанный материал для ознакомления.

Это им не было сделано. Таким образом, я был лишен возможности дать по указанному Вами в "Резолюции" материалу разъяснения, что является грубым нарушением Комиссией в "Резолюции" данной ей инструкции, лишаящим Комиссию возможности справедливого и беспристрастного расследования.

2. В телефонном разговоре о. Г. Ларина со мной 16/1 я ясно повторил несколько раз, что готов предстать перед Комиссией в день, который будет назначен Председателем Комиссии, но просил, чтобы эта встреча была не в Нью-Йорке, а в Си-Клиффе, указав:

- а) на мой возраст,
- б) на состояние моего здоровья, не позволяющего мне на дальние поездки управлять автомобилем, и
- в) на переутомление в рождественско-богоявленский период.

Мне НЕ БЫЛА дана возможность предстать самому перед Комиссией и выслушать моих свидетелей, что свидетельствует не только о грубом нарушении Резолюции и основных правил беспристрастного и справедливого расследования, но и о явно предвзятом отношении ко мне.

В инструкции, данной Комиссии преосв. Григорием 23/XII. 83 г., сказано: "О. М. Зноско может пожелать вызвать кого-нибудь в качестве свидетеля".

3. Обвинения против меня в "Докладной записке" Комиссии основаны на:

- а) официальной программе по случаю 100-летия Си-Клиффа, в которой упоминается якобы "экуменическое служение",
- б) на тексте под двумя фотографиями,
- в) на письме В. Барлоу от 19.XII на мое имя, в котором он пишет, что я "физически стоял у алтаря".

Программа празднеств была составлена мирянином, представителем городского управления, а не Церкви.

Также и статья, и письмо на мое имя от 19. XII. 83 г. были написаны журналистом-мирянином. Очень часто (особенно американцы) употребляют не совсем им понятные церковные термины, имеющие для них совсем другой смысл. Термин “алтарь” неправильно использован мирянином Барлоу, а присутствие совместное всех духовных лиц на праздновании 100-летия Си-Клиффа было для них “экуменическим молением”.

5. А вот самый главный документ единственно сведущего свидетеля, на котором должно было быть основано все следствие, был отброшен Комиссией. Почему? Мне сказали: свидетельство римо-католика не может быть принято во внимание!

Но ведь и г. Барлоу и составители программы также римо-католики! Что ж, свидетельство неграмотных мирян-католиков является полноценным лишь потому, что их свидетельство можно использовать против обвиняемого, а свидетельство грамотного р.-к. священника такой возможности не дает, посему как свидетель он отстраняется?!

А ведь письмо-свидетельство настоятеля храма св. Бонифатия, в котором происходило торжественное собрание по случаю 100-летия Си-Клиффа, **ЕДИНСТВЕННО АВТОРИТЕТНОЕ**. В своем письме на мое имя от 21 декабря он пишет:

1. “Была общая благодарственная молитва от имени села Си-Клифф и его граждан. Все христианские приходы и церковные общины Си-Клиффа были представлены своим духовенством и мирянами”.

2. “Духовенство находилось в “санктуари” (т. е. передней части церкви), а не в “алтаре” (т. е. в сослужении)”.

Т. о. заявление г. Барлоу в письме ко мне – “Вы были физически у алтаря” – **НЕПРАВИЛЬНО**. Неправильно оно понято и Комиссией.

О. Дидерих дальше продолжает: “Для меня как настоятеля церкви св. Бонифатия **ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ РАЗЛИЧИЕ**, потому что экуменическое сослужение фактически запрещено Римско-Католической Церковью”.

Поэтому экуменическое сослужение не могло состояться. И далее о. Дидерих продолжает: “В итоге поэтому НЕ БЫЛО СДЕЛАНО ПОПЫТКИ провести “экуменическую службу” и ваше участие было просто ограничено вашим присутствием”.

Я не указываю на о. Дидериха как на эксперта, он всего лишь грамотный свидетель фактов и как таковой должен был быть заслушан. Но этот самый главный свидетель, повторяю, был отброшен Комиссией, посему Комиссия и вынесла ложное решение, не имеющее ни основания, ни смысла.

6. Ложным решением Комиссия ввела в заблуждение и составителя “РЕЗОЛЮЦИИ” от 9-го февраля 1984 г. “Резолюция” не является приговором беспристрастным и справедливым.

В 1-м параграфе Резолюции говорится, что происходившее в храме св. Бонифатия собрание “БЫЛО ЗАРАНЕЕ ОБЪЯВЛЕНО КАК ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ”. Нет, это не соответствует действительности. На встрече духовенства, предшествовавшей собранию, таковое НЕ БЫЛО НИ ЗАДУМАНО, НИ ОБЪЯВЛЕНО как “экуменическое служение”. Это мое утверждение подтверждается главным свидетелем событий: письмом о. Дидериха, который свидетельствует: “Не было сделано попытки провести экуменическую службу”. Слово “экуменическое” пришито к обсуждаемому событию людьми мирскими в изданной позже (после совещания духовенства) городским управлением листовке.

Не соответствуют действительности утверждения и во 2-м параграфе Резолюции, а именно: слухи и разговоры в народе о предвзятом ко мне отношении церковной администрации были вызваны НЕ присланными мне (28. XI. 83 г.) и не понятыми народом вопросами, как говорится в Резолюции, а отстранением меня (10. XII) от Престола, равно как и заявлениями: а) о. М. Маклакова – о. Митрофан НЕ НАШ, и б) вл. Григория – из этого выйдет большое дело, – сказанными моему дьякону.

О вопросах, полученных мной 28-го ноября 83 г., НЕ ЗНАЛИ не только мои прихожане, но и моя семья.

Очевидцами отстранения меня от участия в соборном служении были до 30-ти священно-, церковнослужителей и прислужников, бывших в алтаре, а также многие-многие молящиеся в храме. Вопросавшим меня в храме после Литургии, почему я не служил, я мог ответить: спросите у о. В. Шишкова и преосвященного Григория.

ИТАК, не я и не присланные мне вопросы, не понятые “плохо осведомленными” людьми, а очевидцы разнесли по миру слух и разговоры о злом и предвзятом ко мне отношении церковной администрации.

За час с лишним до начала Литургии прибыл я 10.XII в храм. Достал из чемодана облачение. Увидав вошедшего во храм о. Митрофана, стрелой умчавшийся на верхний этаж о. В. Шишков, вернувшись в храм, в алтарь, заявил мне: “Владыка Митрополит, узнав о Вашем прибытии, поручил мне сообщить, что Вам запрещается участвовать сегодня в Литургии”.

– За что?

– За то, что Вы не ответили в срок на посланные Вам вопросы, – ответил о. В. Шишков.

– Ах, вот как! Простите, ехал Я к Пречистой для участия в Таинстве Любви, а, оказывается, попал в следственную комиссию, – сказал я о. Шишкову и стал складывать в чемодан свое облачение.

В том же 2-м параграфе Резолюции Вы, Ваше Высокопреосвященство, пишете: что я не ответил в указанный срок... “без указания причины”.

Да, я ответил на вопросы с недельным опозданием, в ЧЕМ ПРОСИЛ ПРОСТИТЬ МЕНЯ, и УКАЗАЛ ПРИЧИНЫ опоздания с ответом. Ваше Высокопреосвященство знаете о перенесенных мной за последние годы трех тяжелых операциях и болезнях; я сообщил в рапорте и об исключительной моей занятости с конца октября по декабрь по приходу: две трагических смерти, тяжело больные в госпиталях и на дому; я приходский священник, не требоисправитель, а участник жизни моей паствы, и неужели допущенная невольно старым приходским священником канцелярская непунктуальность может быть поставлена в вину и зачтена как преступление? За эту непунктуальность заслужил он отстранение от участия

в Литургии в храме Одигитрии Зарубежья и преследование со стороны администрации за несуществующее преступление?!

В параграфе 4-м Резолюции Ваше Высокопреосвященство пишете, что “ввиду происшедшего широкого оповещения посторонних, копию всей резолюции послать клиру епархии”.

Широкое оповещение посторонних вызвано не мной, а фактом отстранения меня от участия в Литургии в день храмового праздника Синодального Соборного храма в ПРИСУТСТВИИ ВСЕХ БЫВШИХ В АЛТАРЕ И МОЛИВШИХСЯ В ХРАМЕ. Это дало мне моральное основание для рассылки батюшкам, свидетелям моего отстранения от участия в Литургии, моего рапорта от 12. XII. 83 г. на имя Вашего Высокопреосвященства.

Рассылку указанного рапорта я начал 26-го декабря, в день, в который кем-то из администрации было мне через Секретаря Епархиального Управления сообщено дважды, что Вами мне назначенная аудиенция отменяется и я Вами принят не буду.

В надежде на беспристрастный пересмотр дела и справедливое решение Вашего Высокопреосвященства остаюсь Ваш недостойный послушник – м. прот. Митрофан Зноско».

* * *

Враги и вредители Церкви. Кто они? Где они? Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, **кто они**, находящиеся вне церковной ограды. Но **кто они** – внутри Церкви?

Глава XXII

Призвание к архиерейскому служению

В конце декабря 1989 года пришлось мне проводить в «путь всея земли» верного на протяжении всей моей жизни Друга, мою незабвенную матушку Александру.

В связи с этим трагическим событием обратился я к своей пастве с небольшим словом:

– В 3 часа 30 минут ночи, с 23-го на 24-е декабря 1989 года, посетил меня Господь внезапной кончиной моей неоценимой Матушки.

Человек редкий по своей скромности, чуткий, при любых жизненных обстоятельствах встречавший каждого с улыбкой сердечной доброты, всегда спокойный, с 5-летнего возраста участница хорового пения, неутомимая в трудах и заботах о храме Божиим и семье, никогда никого не обременившая просьбами или жалобами на свои недомогания, человек редкого – подлинно русского – гостеприимства, строгий в вопросах нравственности, строго принципиальный в вопросах, касающихся Церкви, – этот верный друг и спутник в течение 55 лет моей жизни так неожиданно покинул меня и всю любимую ею семью.

Внезапный удар! Горе, боль, незаживаемая глубокая рана!

Лично, и от всей нашей с Матушкой семьи, приношу глубокую благодарность всем, кто личным участием в молитвах о почившей или в письмах разделили нашу – мою и всей семьи – скорбь.

Смирненно приношу глубокую благодарность Ее Высочеству Вере Константиновне; высокопреосвященному владыке Митрополиту Виталию, совершившему в 9-й день кончины в нашем св. Серафимовском храме заупокойную Литургию и разделившему с семьей и прихожанами поминальную трапезу, приготовленную дочерью почившей Матушки; владыке Архиепископу Лавру, не только прибывшему на заупокойную литургию 3-го дня и совершившему с сонмом духовенства отпевание почившей, но и встретившему в храме Свято-Троицкой обители гроб с почившей, с братией обители совершившему панихиду, проводившему моего незабвенного друга к месту ее упокоения, предложившему всем сопровождавшим покойную приготовленную обильную трапезу; владыке Архиепископу Антонию Сан-Францисскому и всечестной игуменье матушке Ариадне за их внимание и молитвы; принявшим участие в панихидах, в отпевании и Литургиях всечестным собратиям во Христе: о.о. А. Охотину, Г. Влескову, Г. Ларину, Б. Киценко, Г. Котлярову, игумену Гурию, иеромонаху

Петру, о. А. Микрикову, Г. Калауру, С. Клестову, М. Бурачку и протодиаконам: Е. Бурбело, И. Ярощуку, А. Папкову, Н. Мохову, И. Онопко, В. Кичакову; хору храма преп. Серафима и семинарскому хору.

Великое русское «спаси Бог» всем, кто прикоснулся к глубокой ране моего и моей семьи сердца. В ваших письмах Вы пишете:

«Внезапная смерть поражает сознание человека своей неожиданностью».

«Весть о внезапной кончине милой Матушки поразила нас. Я все время в мыслях с Вами и в волнении о Вас».

«Это большое горе для всех нас... Желаю крепости сил, утешайтесь тем, что многие так тяжело переживают утрату Матушки, а также любовью Вашей семьи».

«Я ведь знаю Матушку более 40 лет и очень любила и ценила ее. Это совершенно особый светлый человек, всех любящая, всем помогающая. Хотелось бы Вам помочь, но как? Только сказать, что все мы Вас любим и молимся, чтобы дал Вам Господь сил, и плачем с Вами».

«Примите от нас наши чувства соболезнования и нашей глубокой скорби в постигшем Вас горе, скажу, в нашем общем горе. Так внезапно ушла от нас Матушка – благодатью именуемая знавшими ее, оставив боль в сердцах наших... Вот оно – “житейское море”, постоянно “воздвигаемое напастей бурей”.

«Всей душой сочувствуем Вам в этом неизмеримо тяжелом горе и не находим слов для утешения. Бог и молитва – это источники утешения, и ничто иное земное не поможет».

«Братски разделяю глубокую скорбь о Почившей в Бозе, столь любимой и кроткой и о всех заботливой Матушке-псалмопевице, незаменимом, со всеми приветливом, всегда молодом друге и бабушке. Воля Божия не всегда бывает нам понятна, нельзя, однако, нарекать на нее. Радуйтесь о том, что почившая заслужила и у Господа, и у всех знавших ее – вечную славу. В этом великое твое утешение».

Да, мои дорогие во Христе братие и сестры, и в скорби радуюсь о духовном облике моего мудрого почивше-

го Друга, но никак не могу радоваться о себе самом, сознающем мое недостойнство перед ушедшей.

* * *

...Прошло немного времени после кончины моего Друга, и из Синода поступило предложение продолжить мое церковное служение в епископском достоинстве. Мой отказ не разрушил намерение церковного руководства. Последовало второе предложение. И на это я ответил отказом.

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Виталию, Первосвятителю Русской Зарубежной Церкви.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

Свидетельствуя перед Вами все усиливающееся мое тяжелое душевное состояние, вызванное призывом моего недостойнства к апостольскому служению в сане епископа, смиренно прошу разрешить меня от возлагаемого послушания...

Взвешивая многое из жизни нашей Церкви и деяний на протяжении десятилетий нашего Священного Синода, предвижу, что я могу явиться в составе Преосвященных нашей Зарубежной Церкви Российской мало полезным и лишним.

Повергая вопль моей души смятенной Вашему вниманию и вниманию Преосвященных Владык Архиерейского Собора, испрашиваю Ваших Святительских молитв.

Вашего Высокопреосвященства недостойный послушник – прот. М. Зноско».

Но и этот письменный отказ не повлиял на окончательное решение высшей церковной власти. 13/26 октября 1992 года было принято постановление:

«Преосвященным членам Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей.

Согласно постановлению Архиерейского Собора от 25 апреля / 8 мая 1990 г. о кандидатуре на епископскую

кафедру протопресвитера о. Митрофана Зноско-Боровского, мы приступаем к его хиротонии (после пострижения в монашество) на кафедру викарного епископа Восточно-Американской и Нью-Йоркской Епархии.

Хиротония о. Митрофана намечается в дни торжественных богослужений в г. Монреале по случаю 10-летнего юбилея обретения Иверской Мироточивой Иконы Божией Матери.

Наречение о. Митрофана состоится вечером в понедельник 10/23 ноября с. г., а хиротония будет совершена во время Божественной Литургии в Свято-Николаевском кафедральном соборе во вторник, 11/24 ноября.

Председатель Архиерейского Синода Митрополит Виталий».

Во время наречения во епископа я по традиции обратился к участникам со словом:

– Ваше Высокопреосвященство, святители Христо-вы, всечестные отцы, братья и сестры! Повинуясь зову Божию, вашими устами, святители Церкви Христовой, призывающему меня на пажити новые, предстою пред Вами в великом смущении, сознавая мою греховность, немощь и ограниченность душевных сил и способностей.

Сознаю трудности предстоящего мне служения в дни великой скорби страждущей Матери Церкви Российской. Сознаю ту ответственность перед Пастыреначальником, которую возлагает на меня великий апостольский чин.

Предстоя пред великим таинством, исповедаю пред вами путь моей жизни.

Родился я в духовной семье в 1909 году в Брест-Литовске, где всё овеяно жизнью и подвигами преподобномученика Афанасия, великого борца против несчастной унии, против насилий, творимых латинянами над Православием.

Но «душа человека по природе христианка». Этот росток веры возрастал и развивался во мне в храме, под влиянием молитв и образа жизни моих благочестивых родителей.

В городе Ельце, Орловской губернии, прошли мои детские и отроческие годы. Там я закончил церковно-приходскую школу и два класса гимназии уже в годы воцарения над Россией власти тьмы, мирового сатанизма. В эти страшные годы брат мой Арсений принимает священство. В 1925 году, измученный допросами и истязаниями, он скончался.

На слезы отца при чтении им извещения о кончине Арсения, помню, я откликнулся словами: «Я стану на место Арсения...»

По окончании в Брест-Литовске русской гимназии появилась возможность получить полную стипендию в Богословском Институте в Париже. Не благословил мой мудрый отец поездку в Париж.

«Не могу допустить, чтобы сын мой, будущий пастырь, впитывал знания из отравленного источника».

Что этот источник действительно отравлен, подтвердил при встрече со мной в Париже профессор А. Карташев.

По воле отца поступил я на Богословский факультет Варшавского университета. Это было время начала насильственной полонизации Православной Церкви и русского населения страны.

На этой почве произошел в студенческой столовой острый спор между студентами Богословского факультета и одним из профессоров.

В результате этой схватки очутился я благодаря м. Дионисию в конце января 1932 года в Белграде на положении стипендиата Святейшего Патриарха Варнавы.

В эти годы не существовало для меня ничего, кроме храма, лекций и Митрополита Антония, у стоп которого провел я несколько лет. Радуюсь о том, что суждено было мне встретиться и общаться с исповедником Православия Митрополитом Пантелеймоном (Рожновским), Архиепископом Симоном Черниговским, Вениамином Полтавским, Иоанном Шанхайским, со многими достойнейшими пастырями, на которых еще почивала печать Святой Руси.

С особой благоговейной благодарностью вспоминаю Авву и отца нашего Митрополита Антония и Митрополита Анастасия.

Годы моего священства протекали в Польше, в России (СССР), в Германии, очень коротко во Франции, в Северной Африке и в США.

...Обнимая общим взором всю минувшую жизнь, приношу хвалу и благодарение Богу за все испытания и за все благодеяния, явленные мне в течение истекшего периода моей жизни.

Не баловала меня жизнь от отроческих лет и до сего дня, за 58 лет моего пастырского служения, но всегда чувствовал над собой простертую Десницу Господа.

Он меня вел, вразумлял и укреплял, что особенно чувствовал в годы от начала войны 1939 года. Обильную радость и моральную поддержку черпал я в общении с подъяремным русским народом, в великом множестве хлынувшем со своими скорбями и душевными ранами к св. Николаю, в храме которого в г. Бресте я священствовал.

Это были годы напряженной тревоги за паству, за храм и семью. И в то же время это были годы радости и подъема, чего нельзя сказать о годах немецкой оккупации.

Всегда удручала меня происходящая в церковной ограде подмена соборности раболепством. Мы, пастыри, как бы глухи к зову Пастыреначальника – «отымите лукавство от душ ваших». И как бы мимо пролетают слова св. апостола Иакова: «дружба с миром, лежащим во зле, не может не быть враждою против Бога».

В этом грехе повинна не только часть иерархии нашей Российской подъяремной Церкви, но, увы, и поместные свободные Церкви в лице их предстоятелей.

Слушая на протяжении многих десятилетий, да и ныне, лживые заявления некоторых иерархов Московской Патриархии, мы как бы в ответ им слышали слова св. Пророка Исайи: «Горе тем, кто зло называет добром, а добро – злом; тьму называет светом, а свет – тьмой, горькое называет сладким, а сладкое – горьким» (Ис. 5, 20).

Мы знали и знаем, что их подъяремный голос не был голосом Церкви, что их высказывания не выражали подлинного голоса паствы всея Руси, не имеющей в свободном мире ни помощника, ни печальника, ибо сам так называемый свободный мир, утопая в могучем потоке лжи, превратился в преддверие ада.

И в то же время знаем, что взоры подлинно русского народа обращены на Церковь как на последнюю надежду, какая осталась у него на земле; на Церковь, которая, несмотря на грехи и преступления своих возглавителей, не перестает источать из своих благодатных недр мир и братство для всех верных во Христе.

В своем пастырском служении пастырь неутомимо просит Всемилостивого Спаса, кроткого и любящего Христа, о даре любви, ибо любовь, в которой нет самопревозношения, творит чудеса.

И поскольку по зову Господню мы воинствуем за Церковь и ее свободу, нам особенно необходимо сознавать себя единым организмом, связанным союзом любви и взаимного благожелательства.

Должны мы терпеливо и смиренно, в союзе любви и мира нести на нас Божиим Промыслом возложенную миссию до тех пор, пока зарубежная часть Церкви Российской не вольется в лоно Матери Церкви после ее полного освобождения от всё еще продолжающегося тяжелого пленения.

Среди духовно мертвой пустыни обезбоженного мира взор наш должно радовать полное жизни пробуждающееся подрастающее поколение в России, которое с радостным упованием устремляется ко Христу.

Преклоняя главу мою, святители Церкви Христовой, отдаюсь водительству Промысла Божия, прося прощения грехов, помощи и милосердия.

Верю и надеюсь, что всеильная Десница Господня по заступничеству Пречистой Девы Богородицы, по молитвам преп. Сергия Радонежского и преп. Серафима Саровского и вашими, святители Христовы, молитвами даст мне – духовно и физически слабому – силы быть для верующих и неверующих примером в житии, чистоте и смирении, дабы не посрамленным предстать пред лицом Судии Праведного.

...Открылась новая страница моего служения Церкви Божией, Которой я посвятил свою жизнь с молодых лет. «Господи, не остави мене...»

«Нас зовут к слиянию со страждущей Матерью – с полоненной Церковью Российской. Пришло ли время для нашего воссоединения? Нет, ибо в России все еще господствует Советская власть – прикрытая словом “демократия”.

Высказывания некоторых иерархов о якобы уже обретенной там Церковью свободе, это не что иное, как повторение той неправды, которую слышали мы из их уст во времена Сталина-Хрущева-Брежнева и Горбачева.

Попробуй скажи там, что Церковь несвободна... Церковь там все еще на пути борьбы за свою свободу.

Антихрист все еще свободно бродит по российской земле. Самое для него страшное – это Православие. Его он боится. Особенно боится он “русского” Православия. Не одолели его террором, не взяли “идеологией” – применяют новые способы к его уничтожению: дали свободу – свободу в понимании слова “свобода” правителями Америки и социалистических стран: свободу языку, свободу сексу, разврату, преступности, сектам, ересям и анархии.

Это свобода к убийству личности, к духовному и физическому убийству нации и государства.

Должно отметить, что этот смрадный поток свобод направляется в Россию с Запада мировым центром зла, поддержанным в этой акции против Православия и России патологически ненавидящим Православие и Православную Россию папским Ватиканом.

Еще существуют среди зарубежных слепцы, утверждающие дарование там свободы Церкви. В доказательство своей якобы правоты указывают на существование в России приходов зарубежного омофора. Смотрите, говорят они, власти разрешают организацию в России приходов и общин нашей Зарубежной Церкви.

Так говорят, а я вот думаю: данная возможность организации там приходов Русской Зарубежной Церкви не является ли одним из хорошо продуманных путей в борьбе с Церковью вообще и дискредитации Русской Православной Церкви Зарубежья, которую многие отечественные иерархи и верующий народ воспринима-

ли как хранительницу чистоты Христова Благовестия, как путеводную для себя Звезду? Нет ли тут расчета предержавшей власти на возникновение в церковной ограде новых провокаций, ссор, вплоть до раскола в доселе Единой Церкви Российской?

И вот возникает вопрос: что положительное вносят там в жизнь Церкви батюшки нашего омофора? Живут ли они между собой дружной семьей, являются ли они подлинно Христовыми благовестниками?

Увы, идут оттуда сведения об отсутствии мира и любви у батюшек “свободной церкви”, о дрязгах, особенно при разделе посылаемой от нас помощи, о том, что не слово Божие оглашают многие, чтобы привести ко Христу и в Нем утвердить народ, а выступают как “агитаторы на подмостках” с грубыми обличениями подъяремных архиереев.

Там многие иерархи и народ жаждут общения с нами. Они нуждаются в моральной поддержке и деловой помощи Зарубежья. Нуждаются в нашей молитве, в наших советах, в нашем общении с ними в Любви, а не в обвинениях с гордой позой судьи, похваляющегося чистой своих риз.

Помочь нашей страждущей Церкви – это не только наша задача, это – наш долг.

Мы имели бы полное право и нравственное основание резко обличать и даже судить подъяремных иерархов страждущей Матери-Церкви, если бы сами, пройдя на их долю выпавшие испытания, вышли из них совершенно чистыми.

Наш долг скорбеть о их немощах и молиться за них.

Там ожидают, ибо в этом нуждаются, воссоединения Русской Зарубежной Церкви с Церковью Российской. Уверен в том, что о воссоединении говорить еще рано, но не пришло ли время для встреч, как говорят, “на всех уровнях”?

Этим мы окажем им моральную поддержку, получим возможность с любовью выправлять кривизны в их мышлении, достигать взаимного понимания, способствовать оздоровлению руководства Московской Патриархии.

Полагаю, желательны докладчики, “на всех уровнях”, как с нашей стороны туда, так и к нам – оттуда.

Не “за круглый стол”, которым заправляют неведомые духи, а к мирным встречам».

С этим словом вошел я в состав членов Архиерейского Собора, бывшего в 1993 году в Лесненской обители во Франции.

* * *

*«Клевета и злоба человеческая
обратятся в славу Тебе»*

На третий день по возвращении из Калифорнии, где провел я свыше месяца, участвуя в торжествах прославления Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского и в заседаниях Архиерейского Собора Русской Православной Зарубежной Церкви, получил скорбное сообщение о кончине в Варшаве моего брата – исповедника прот. Алексия.

Упокоился он 15 июля 1994 года. В некрологе, посвященном моему брату, его б. ученик епископ Вращлавский Иеремия написал:

«Митрофорный протоиерей, доктор богословия о. Алексей Зноско принадлежал к тому поколению, которое испытало на себе безмерность боли и трагедии XX века.

Без всякого преувеличения можно определить всю жизнь о. Алексия как драму человека, пастыря и теолога. Это была драма, ведущей линией которой, определителем и критерием было желание служить Церкви.

Это было желание сохранения чистоты веры, красоты жизни Православной Церкви, особенно жизни литургической, красоты и универсальности теологической мысли Православия...

Он хотел активного, миссионерского, хорошо организованного Православия, представленного достойным образом в общественной и политической жизни Польши.

У о. Алексия был всегда перед глазами идеальный образ Православия, и всю свою жизнь он видел, как этот идеальный образ был уничтожаем, притесняем и клеветан.

Он знал, что темные силы стремятся уничтожить Православную Церковь в Польше. Его внутренняя борьба, взлеты и падения, его мысли, желания, планы и действия, научная работа, а также семейная и личная жизнь были всецело определены этой драмой.

Окончив Брестскую русскую гимназию и Богословский отдел Варшавского университета, о. Алексей 31-го мая 1936 года был рукоположен м. Дионисием во иерея с назначением на должность воспитателя в интернате для студентов Православной Теологии в Варшаве; затем был настоятелем прихода в г. Свислочи.

В 1946 году он прибыл с семьей во Вроцлав и сразу приступил к организации православного прихода. 31-го августа 1947 года состоялся торжественный акт основания прихода Рождества Пресвятой Богородицы во Вроцлаве.

Наряду со священниками И. Попелем, С. Бегуном и В. Вежанским о. Алексей был главным инициатором и организатором жизни Православной Церкви в западных землях Польши и учреждения Вроцлавской епархии, которую возглавил епископ Михаил (Кедров), родной брат умученных в СССР епископов Аверкия и Пахомия (Кедровых).

В 1948 году о. Алексей был дважды арестован. Его обвинили в сотрудничестве с немцами, с польскими дореволюционными властями и во враждебном отношении к народной Польше. Был он приговорен к смертной казни с заменой на пожизненное заключение.

Выпущенный из тюрьмы 10.XII.1953 года, о. Алексей вновь трудится в Православной Духовной Семинарии, настоятельствует в г. Бельске, в Белостоке и с 8-го декабря 1960 года в приходе св. Иоанна Лествичника, исполняя одновременно обязанности заведующего запущенным кладбищем на Воле.

Приведя кладбище в образцовый порядок, 1-го марта 1972 года митроп. Василием снятый с должности на

Воле, поступает он на работу в Христианской Теологической Академии в Варшаве.

С самого начала своих трудов в Академии о. Алексей концентрировался на научной работе, на нем академическое руководство по изучению канонического права. Он читает лекции в этой области, переводит на польский язык и издает “Апостольские правила”, каноны Вселенских Соборов (1 том), а также некоторых Поместных Соборов (2 том).

Он перевел на польский язык труд Мерзлюкина “О непорочном Зачатии Приснодевы Марии”, его перу принадлежит “Обзор акафистного творчества Русской Православной Церкви”.

Последние годы больше всего времени посвятил о. Алексей составлению церковно-славянско-польского словаря и успел сдать в печать две версии им составленного словаря.

Отец Алексей не боялся смерти. Зная, что болезнь (рак легких) немного оставляет ему времени, он был спокоен, продолжал свой труд до “ныне отпускаеши”.

Создавалось впечатление, что миссионерское дело и издание словаря были для уходящего более важны, чем у изголовья стоящая смерть. Это было ярким выражением главной сущности его как человека, пастыря, верного слуги Христовой Церкви» («Православное обозрение», 1994. № 8).

* * *

Благодарю Господа, благословившего меня вступить в 60-й год моего пастырского служения совершением 1/14 сентября по просьбе Настоятеля Свято-Троицкой обители, Ректора Свято-Троицкой Духовной Семинарии молебна к началу Нового Лета Благости Божией и учебного года и обратиться к студентам Свято-Троицкой Духовной Семинарии – будущим пастырям Церкви Христовой – со следующим словом:

– Недомогающий Ректор Семинарии Высокопреосвященный владыка Архиепископ Лавр поручил мне передать вам его архипастырское благословение к началу занятий.

С сегодняшнего дня, получив в молебном пении благословение свыше, вы начинаете новый учебный год. Одни из вас только начинают курс учения, другие его продолжают и заканчивают в текущем учебном году свое пребывание в стенах Семинарии.

Вы, несомненно, отдаете себе отчет в отличии учебного заведения, в которое привел вас Промысл Божий, от других – светских – учебных заведений. Любое светское учебное заведение дает своим учащимся сумму знаний, необходимых для полезной практической деятельности, необходимых для устройства личной жизни, не думая и не заботясь об обустройстве внутренней, духовной жизни учащихся.

В то время, как Духовная Семинария, сообщая и вкладывая в вас необходимые основы знания общеобразовательного характера, открывает перед вами путь и средства к восхождению к Свету – тому Свету, без Которого жизнь на Земле превращается в сплошную скорбь, в тоску, безумие и кошмар; одним словом, превращается «в дьяволов водевиль».

Духовная Семинария дает своим учащимся христианское мировоззрение, единственное – в ряду всех философских систем – мировоззрение, имеющее логичные и «Альфу», и «Омегу», Начало и Конец.

У писателя А. П. Чехова есть повесть «Скучная история».

Герой этой повести проф. Серебряков. Всю свою долгую жизнь трудился на профессорской кафедре, имея большой успех среди студентов. Но подошла старость. Перед смертью он задает себе вопрос: во имя чего, зачем я жил... и не находит ответа.

Профессор осознал, что его представления о жизни были мечтательно-расплывчатые, а его личная жизнь, даже при овациях студентов, это был лишь мираж счастья. Ощущение пустоты мучает его. Анализируя свою жизнь, профессор Серебряков обнаружил в себе отсутствие определенного ясного мировоззрения.

И когда его единственная дочь спрашивает отца, что ей делать, куда направить свои силы? – отец-профессор не может удовлетворительно ответить на ее вопросы. Таков кратко сюжет повести «Скучная история».

И вы, дорогие господа студенты, только что переступившие порог Духовной Семинарии и давно в ней обучающиеся, ДОЛЖНЫ дать себе ЯСНЫЙ ответ на вопрос: для чего вы сюда пришли и во имя чего собираетесь жизнь свою устраивать?

Если для фарисейского буржуазного самодовольства, так характерного для нашего времени, или, по образному выражению Ф. М. Достоевского, чтобы быть «навозом для будущих поколений», – вы, друзья, ошиблись в вашем выборе учебного заведения.

Человек, лишенный мировоззрения вообще, а мировоззрения христианского в особенности, – подобен полевой трости, во все стороны при ветрах и бурях склоняющейся.

Мы полагаем, что направил вас всех Промыслитель в стены нашей Свято-Троицкой Духовной Семинарии для подготовки к высочайшему и ответственнейшему в мире пастырскому служению. И вот тут-то важно и необходимо каждому из вас принять христианское мировоззрение и утвердиться в нем.

Христианское мировоззрение является надежной ладьей в нашем плавании по бурному морю житейскому, является благодатным источником здравого смысла и духовной силы для достижения человеком в себе Царства Божия, – «Царство Божие внутри вас», говорит Господь, – для достижения той внутренней свободы и внутреннего мира, над которыми не имеют власти никакие невзгоды, никакие бури житейские.

Приходим мы к христианскому мировоззрению и утверждаемся в нем соблюдением Божиих Заповедей. Соблюдение Заповедей – это путь к познанию Бога, это путь к жизни во Христе и со Христом. Соблюдение Божиих Заповедей – это путь незаметного для нас, постепенного слияния нашей воли с Волей Божией.

С этого, с соблюдения Заповедей, и начинайте и продолжайте ваше пребывание в Свято-Троицкой Духовной Семинарии и святой обители, в храме которой вы вводитесь в благодатную жизнь Христа-Спасителя, Пречистой Девы и великого сонма святых. Требуется от вас здесь строгое отношение к самим себе, иначе говоря – требу-

ется постоянный строгий контроль мысли, чувства и порывов воли.

Как будущие пастыри, вы обязаны видеть подлинное лицо окружающего вас мира, должны видеть, как легко сытые люди так называемого «свободного мира» впадают в сети той лжи, которой с 1917 года окутана Россия, а ныне в нее вовлекаются многие народы.

Как будущие Христовы пастыри, вы должны видеть, что не люди, а тени злой силы управляют ныне миром. Они отвергли личного Бога. Бог для них – философская формула, отвлеченное понятие. А раз нет личного Бога, нет личной ответственности пред Всевышним, великой фальшью звучат призывы к борьбе за права личности.

Как духовные деятели на Ниве Христовой, вы – независимо от вашей национальности – не должны говорить: нас не интересует судьба России, ибо от ее будущего – восстанет ли она как страна Православная – зависит судьба Христианства во всем мире.

С 80-х годов намечается в России начало Рассвета. Оттуда слышны молодые голоса:

а) «Нас родили без души, и теперь мы сами должны, бродя в потемках, искать ее. Счастлив тот, кто ее находит. Ее – собственную душу» – тут нужна ваша помощь, будущие молодые пастыри.

б) «С душой или без души»? – ты задаешь себе вопрос. Так ты, друг, запиши, что «без души – ты только тлен, физический отброс».

в) «Смысл жизни и счастье совпадают, если жить по вере, в правде и в любви».

г) «А для меня смысл жизни в Боге. В нем я имею ВСЕ: и смысл, и счастье, и радость, и красоту жизни. В Нем я имею мир, которого у меня никто не отнимет и ничто не нарушит, в Нем я имею радость вечную».

Дорогие мои братья-студенты, вы слышите эти голоса? Они вас призывают к активности, к труду над собой, за которым последует в вашей жизни посев, уже вами, в мире Христова семени.

Вы, будущие духовные наставники, должны знать и помнить о том, что пастырь не имеет права ограничиться заботой только о своей семье: пастырь должен жить и

интересами Богом ему врученных духовных чад – своих прихожан.

Он должен стараться мысленно заглянуть в душу каждого прихожанина, знать их думы, тревоги и надежды. Но чтобы иметь в этом успех, пастырь сам должен обладать ЯСНЫМ мировоззрением христианским, чистым сердцем и даже при невзгодах житейских – тихим благодатным состоянием души.

Плоды, результат вашего пребывания в Духовной Семинарии ЗАВИСИТ от вас, дорогие студенты, зависит от меры вашей духовной настроенности, от степени вашей серьезности в работе над собой.

Итак, дорожите временем, трудитесь над собой. Все вы должны с Божьей помощью создать каждый в себе крепкие духовные нравственные устои, которых не смогла бы сломить страшная стихия «духа времени». Бог вам в помощь!

***«Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен,
не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог
твой везде, куда ни пойдешь»
(Нав. 1, 9)***

1. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы в лагере для перемещенных лиц (DP) в Менхегофе, 1946 год

2. Отец Митрофан Зноско.
Брест-Литовск, 1943 год

3. Архимандрит Виталий (Устинов) и прот. Митрофан Зноско перед Курской-Коренной иконой Божией Матери. Лагерь Менхегоф, 1946 год

4. Слева направо: о. Михаил Помазанский, митрополит Анастасий Грибановский, о. Митрофан Зноско перед Курской-Коренной иконой Божией Матери. Лагерь Менхегоф, 1947 год

5. О. Иоанн Бруякин и
о. Митрофан Зноско с церковным
хором. Лагерь Менхегоф, 1947 г.

6. Духовенство лагеря Менхегоф

7. День отъезда о. Митрофана Зноско из
лагеря Менхегоф в Марокко
2 августа 1948 года

8. На борту корабля в порту Касабланка
церковный староста адмирал А.И.Русин
встречает нового настоятеля.
2 сентября 1948 года

9. Барачная церковь во имя
Св.Троицы в Бурназеле. Марокко

10. На вокзале в Алжире с
о. Василием Шустиным в 1951 году
по пути из Туниса в Касабланку

*11. Св. Успенский храм с
подворьем Всех святых в земле
российской просиявших.
Касабланка, Марокко.
Освящен 12/5 января 1958 года*

*12. 35-летие Белой борьбы.
Марокко*

13. Свято-Серафимовский
приход в Си-Клиффе.
Штат Нью-Йорк

14. Второй день Пасхи.
Си-Клифф, 1990 год

*15. Епископ Митрофан
Бостонский, 1999 год*

*16. После Пасхальной службы.
Си-Клифф, 2000 год*

Проповеди

«Аз есмь Свет миру» (Ин 8,12)

«Водрузивый на ничесомже землю повелением Твоим и повесивый неодолимо тяготеющую на недвижимом, Христе, камени заповедей Твоих Церковь Твою утверди, едина Блаже и Человеколюбче»
(Ирмос 3 песни, 5 гласа)

Тертуллиан об экуменизме: «Долой все попытки произвести пестрое Христианство, из стоицизма, платонизма и диалектических композиций».

Неделя по Рождестве Христовом

«Спаситель мой, Спаситель мой, к Тебе стремлюсь я всей душой!» Так взывает душа верующего человека в дни Рождественского поста, готовясь к встрече великого дня явления в мир наш Любви Божией в Лице Богочеловека Иисуса Христа. Не умолкает этот молитвенный вопль в сердце верующего и во все дни жизни его. И вместе с тем пылливый ум испытует всемирное событие Рождества Христова в деталях его.

Почему Сын Божий, Спаситель мира, возлег в яслях убогой пещеры, а не в чертогах богатых? Дорогие мои братья и сестры, если бы Его при рождении окружали роскошь и богатство, люди бы приняли это как благословение свыше роскоши и суеты человеческой. Возлегши в убогих яслях, Божественный Младенец избличает суету жизни тех, кто, отрывая свой взор от Горнего Иерусалима, не заботится о пище духовной, стремится к мирской славе.

Почему Сын Божий пришел в уничижении, а не в славе Своей? Мы знаем из Священного Писания о том, как возгордился и осуетился в мыслях своих Адам – первый человек Библии. В нем звучали фальшивые нотки искусителя: не слушай Бога, вкуси от древа познания добра и зла, ты все будешь знать и сам станешь «богом»... Сын Божий, второй Адам, приходит в уничиженном виде, в смирении и этим указывает нам, людям, что путь к Богу – это путь смирения, послушания и кротости, что противны Богу гордость и тщеславие, самомнение и самопревозношение, ибо они поначалу удаляют человека от Бога, а затем сам человек становится на место Бога. Это печальное явление мы наблюдаем нашим невооруженным глазом.

Мы видим у яслей Богомладенца Марию и Иосифа; в лице их дивно сочетаются смирение и бедность со славой; уничижение и материальное убожество – с высотой духа. И свидетельствуют они, у яслей предстоящие, о том, что в очах Божиих имеют цену не внешние преимущества, а вера и чистота сердца. Не приближает нас к Богу высокое положение в обществе или госу-

дарстве, и не удаляет нас от Бога самое скромное, даже уничиженное положение. В своем земном положении все люди пред очами Божиими равны. И снизошла на землю Любовь Божия, чтобы всех осиять Светом Своей Любви, ибо люди – дети одной Семьи чад Божиих; все во Христе родные, а не чужаки друг другу. Этому поучает нас великое и радостное всемирное событие – Рождество Христово.

И еще говорит нам светлый праздник Рождества Христова о том, что никакое звание или положение человека на земле, никакой труд не мешают человеку стать в ряды учеников и последователей Иисуса Христа. Кто первый поклонился Богомладенцу? Пастухи, пасшие стада вблизи священной пещеры, и ученые – люди науки, волхвы, пришедшие с Востока. Предание говорит о том, что Христу дары принесшие волхвы приняли от ап. Фомы крещение и были епископами Церкви Христовой. Так, дорогие мои, сошлись у яслей Спасителя и простецы, и мужи науки. Разве это не знаменательно? Так было, так и всегда будет. В этом заключается отличие Божественного Откровения от философий – человеческих измышлений. Всякое мирское учение бывает доступно или только определенному кругу людей, занимающихся той или иной областью науки или имеющих солидное общее образование.

А Божественное Откровение, учение о Любви, о чистоте сердца, о призвании человека к вечной жизни – просто и понятно каждому чистому, не лукавствующему уму. Сколько простецов встречаем мы среди угодников, сколько святых ученых мужей, прославившихся в области наук, повергли свои знания к стопам Христовым! Всех объединяет вокруг Себя Христос, всех, кто откликается на Его зов и с радостью идет за Ним. Есть, мои дорогие, Жизнь – и есть животное прозябание. Нет большей радости, нет большего счастья, как всегда быть со Христом, знать Его Истину, знать Правду о человеке. А посему мы, христиане, должны всегда желать друг другу этой радости и помогать друг другу достигать ее.

Аминь.

Неделя по Рождестве Христовом

«Благодарение Богу за неизреченный Дар Его», – так восклицает ап. Павел, так восклицаем и мы в светлые дни праздника Богоявления.

За какой Дар благодарим мы Господа? Много даров дано Творцом человечеству (1 Кор. гл. 12). Неизреченный же дар – это Сын Божий, Господь наш Иисус Христос. Это самый великий из всех данных человечеству даров. Из него вытекают для пользы человечества, для создания в мире Народа Божьего все остальные дары. Этот Дар дан не одному какому-нибудь исключительному народу, одной расе – Он дан всему человечеству. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного». Он дан всем: образованным и неграмотным, богатым и бедным, властителям и рабам, больным и здоровым, старцам и детям.

Иисус Христос есть неизреченный Дар Божий человечеству. Он неизреченный по Своему Рождению: «В начале было Слово, и Слово было у Бога»; «род же Его кто исповест (изъяснит)?» Он неизреченный и превосходящий ограниченный ум человеческий – по своей силе и власти: «дана Мне всякая власть на небе и на земле». Он имеет власть прощать грехи, власть над природой, власть над смертью. Христос есть Дар неизреченный и по Своей Любви к человечеству. «Будучи сияние Славы и образ Ипостаси Его» (Евр. 1, 3), Он принимает «зрак раба» – это ли не Любовь?!

Творец и Промыслитель мира дал нам этот Дар, чтобы мы Его приняли, чтобы стал Он нашим достоянием. Бог дал нам Его, чтобы нас сблизить, сроднить с Собой, чтобы вернуть нас на утерянный человечеством путь. Но... принял ли ты, человек, этот Дар неизреченный, ввел ли ты Христа в жизнь твою? Не забудьте, дорогие: «кто во Христе – тот новая тварь». Кто принял Христа, тот живет не по плоти, у него все новое: цель жизни, рассуждения и наклонности, желания и нравственные правила жизни. Да поможет же нам Господь наш духовно преобразиться, как молимся мы и о преображении душ наших братьев, во Отечестве нашем Христа отвергших.

Аминь.

Новый Год. Слово перед молебном

Собрались мы в святом храме, чтобы вознести молитву пред наступлением Нового Года. Молитвой провожая уходящий год, уместно каждому вспомнить, как провел ты его: в послушании ли Божией Воле или же подчиняясь своему своеволию; в союзе с кем провел ты уходящий год: в союзе со Христом или же в союзе с «духом времени»? «Дух времени» – это дыхание сатаны-антихриста. Вступая в Новый Год, отряхни с себя все, что противно Христу!

Собрались мы, чтобы общей молитвой встретить новый наступающий срок нашей жизни. Никто не знает, что будет с ним в новом году. Может быть, кому пошлет Господь то, что именуем мы счастьем: благословит миром душевным, здоровьем, благополучием, одним словом – радостью. А может быть, посетят кого-либо скорби, печаль и невзгоды. Кто знает, не призовет ли кого-либо Промыслитель на суд Свой праведный? Посему-то, вступая в Новолетие, да скажет каждый из нас в сердце своем: «Господи! Да будет Твоя святая воля во всем, что пошлешь Ты мне в наступающем новом году: если благословишь меня радостью, благодарю Тебя, Господи! Если посетишь меня скорбями и печалью, и за них благодарю, ибо, значит, достоин я того. Если призовешь меня на суд Твой, преклонюсь пред Твоей волей».

Одного малолетнего ученика спросили на экзамене:

– Какая молитва нужнее и важнее прочих молитв?

– Молитва Господня, – с кротостью ответил отрок.

– А какое прошение в этой молитве кажется тебе необходимее других?

– «Да будет воля Твоя», – сказал он с улыбкой на лице.

– Почему же так? – спросили его.

– Потому, – ответил отрок, – что мы **не знаем**, что для нас лучше и **более полезно**; поэтому и надо мне во всех случаях **со мной** говорить Богу: «Да будет воля Твоя». Бог есть Любовь и не допустит зла в моей жизни,

если я сам не вызову его, – прибавил мальчик, немного помолчав.

Так предадим же каждый себя святой Воле Божией, дорогие мои, доверимся Его милосердию, будем спокойны, не тревожась о том, что ожидает нас в новом году.

Позаботимся лишь, каждый из нас, о том, чтобы Новый Год был началом нашего духовного и морального обновления, началом новой жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же честь и слава во веки.

Аминь.

Прощеное воскресенье

Дорогие братья и сестры, стоим мы у отверзающихся врат Великого поста. И слова Молитвы Господней – «остави нам долги наша» – звучат в сердцах наших с особой силой. Мы невольно вспоминаем о восходящем к древним временам обычае, по которому в нынешний день Прощеного воскресенья, взаимно друг другу поклонившись, христиане, сознавая себя братьями и сестрами во Христе, прощали взаимные обиды и согрешения. Зовет и нас Св. Церковь к взаимному прощению обид и огорчений.

Все мы стремимся к спасению. Оно достигается постоянным общением с Отцом Небесным, с Богом любви и мира. А разве могут быть в общении с Богом те, в чьем сердце вместо любви и мира гнездятся озлобление, неприязнь, осуждение – гнездится то, что отделяет и удаляет человека от Бога?

Все христиане, как живые клетки Тела Христова – Христовой Церкви, в своей соборности представляют вселенское братство чад Божиих – братьев и сестер во Христе, братство любви и мира. Если же нет в человеке любви и мира – это значит, что такой человек исключил себя из состава этого священного братства, иначе говоря – выпал из состава Церкви.

Отсутствие в человеке мира свидетельствует о том, что в душе его воцарился и живет дух лукавый, грешный дух. И наоборот, наличие в душе человека духа

мира и любви свидетельствует о том, что данный человек успешно трудится в деле своего спасения – в личном общении с Богом.

В день Прощеного воскресенья призывает нас Церковь испросить друг у друга прощение и этим положить начало Великому посту, ибо без такого примирения с ближними не будут иметь силы ни пост, ни молитвы, ни наши поклоны покаянные, ни само покаяние наше.

Не забудьте, дорогие, что пост, к которому приступает христианин, это не только воздержание в пище, это не только обуздание плоти. «Постясь телесно, постимся, братия, и духовно», – взывает к нашему сознанию Св. Церковь. Один телесный пост без поста духовного не имеет спасительной, духовной, возрождающей силы.

В чем должен состоять истинный пост, красочно поучает нас св. Иоанн Златоуст. Он говорит: «Ты постишься? Докажи это своими делами. Спрашиваешь: какими делами? Если увидишь нищего, подай ему милостыню; если увидишь врага – примиришься с ним; если увидишь твоего друга счастливым – не завидуй; если встретишь соблазн – пройди мимо; пусть постятся не одни уста, но и все члены твоего тела: пусть постятся твои руки от хищения; пусть постятся ноги, перестав посещать дома и места соблазна; пусть постятся глаза, приучаясь не смотреть дурных картин и зрелищ; пусть постится и слух, не воспринимая дурных, скверных слов и разговоров... Что за польза, когда мы воздерживаемся от мяса, птиц и рыбы, а руками, словами, глазами и слухом вводим в себя всякую нечистоту и пошлость, угрызая и сная несчастных братьев осуждением и злословием».

В последнюю субботу перед Великим постом Св. Церковь вспоминает преподобных отцов и матерей, просиявших в подвиге поста смирением, кротостью и чистотой. На этот-то путь и зовет нас Св. Церковь, зовет нас исторгнуть из сердец наших все нечистое, грешное, великого звания Человека недостойное. В чем да поможет нам любящий каждого из нас Отец наш Небесный, в Троице славимый.

Аминь.

Неделя Православия

«Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее!» Непреложно слово Господне: воистину **непобедима** «вратами ада» Христова Церковь!

Но что такое «врата ада»? Св. Иоанн Златоуст говорит: «врата ада» – это, прежде всего, злоба сатаны и его гонения на Церковь; затем, это ереси и расколы; и наконец – это грехи человеческие.

В первые три с половиной века весь языческий мир, побуждаемый к тому книжниками и фарисеями, обрушился на Христа и на Церковь Его, орошая землю обильными потоками крови мучеников. Украшенная кровью святых, Церковь со славою вышла из этого испытания.

Тогда враг обрушился на Нее с новой силой: он пытается умалить и погубить Христово Дело – Церковь Его – ересями, расколами и разделениями. Вышла Церковь победительницей и в этом испытании. Сегодня, в первое воскресенье Великого поста, отмечаем мы победу Церкви над всеми ересями.

О том, что в ограду церковную будут проникать «волки в овечьих шкурах», предупреждали Апостолы. Ап. Павел говорил: «Подобает среди вас разделением быть, да явятся среди вас искусные» (1 Кор. 11, 19). Не были для Церкви неожиданностью ни ереси, ни расколы – явились в ней, среди чад Ее и искусные, о которых говорил ап. Павел. Это были защитники чистоты Христова Благовестия, твердые столпы Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Кирилл Александрийский и многие, многие другие. Они стали на защиту чистоты Христова учения и утвердили в мире Православие.

«Врата ада», – говорит Иоанн Златоуст, – это грехи человеческие. Действительно, на протяжении веков грехи и пороки человеческие, грехи членов Церкви, часто вызывали волнения в ограде церковной, часто омрачали жизнь Церкви, наносили Ей тяжелые раны, но и эти «врата ада» никогда не были в силах одолеть Церковь. Она оставалась святой и несокрушимой, ибо

велика сила благодати Духа Святого, действующая в Церкви Христовой, в Ее таинствах, сила, омывающая всякую в Ней нечистоту и очищающая души верных чад Ее.

Великие сонмы святых, мучеников, преподобных, праведников и святителей из всякого народа на земле, всякого звания и сословия – это плоды и свидетели действия Божией благодати в Церкви Христовой.

Вся история Церкви ярко свидетельствует о том, что «врата ада» воистину не могут одолеть Христову Церковь. Никакие преследования, ереси и заблуждения, никакие пороки и грехи, даже служителей Церкви, не умалят и не затмят Свет Истины, столпом и утверждением которой является Христова Церковь Православная.

И ныне во всем мире открыто и скрыто гонимое Православие, в нищенском рубище в мире предстоящее, торжествует свою победу как сила несокрушимая, призывая нас с вами, дорогие братья и сестры, стоять на страже личной верности Христу и чистоты личной жизни, ибо в этом защита нами веры и Церкви. Вознесем же Всемогущему Богу молитвы да сохранит Он незыблему Святую Церковь Свою, нас всех утверждая во всяком благочестии и чистоте.

Аминь.

Неделя Крестопоклонная

«Подозвав народ с учениками Своими, (Господь) сказал им: “Кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной”» (Мк. 8, 34).

Не впервые слышим мы, дорогие братья и сестры, призыв Господа следовать за Ним. Еще во младенчестве, когда Дух Святой сходил на нас в купели крещения, очищая детскую душу от последствий первородного греха и сочетая ее для жизни со Христом, сказал нам Господь: «Иди за Мной». И всякий раз, когда приносила нас наша любящая мама к Чаше Жизни, Господь повторял нашей чистой детской душе: «Следуй за Мной». Этот обращенный к человеку зов свыше никогда не прекращается. К нам, дорогие мои, обращенный зов

Господа не прекращается на всем пути нашей жизни. Мы его слышим и в радости и в скорби, и в испытаниях и в страданиях, и во время труда и в молитве. Мы слышим этот зов и в совести нашей.

Господь зовет, но не принуждает. «Кто хочет идти за Мной». Не принуждает – только зовет. Человек сам свободно решает – идти ему за Господом или не идти. Господь покоряет сердце человека не силой Своего всемогущества, а пленит его силой Своей Правды, силой Истины, Любви и Красоты.

Где принуждение – там нет заслуги, нет чистого Добра, нет и добродетели. Также как и в вопросе зла, в вопросе греха: если человек совершил грех по принуждению, нет на нем ответственности за грех. Мы грешим свободной волей. Свободной волей идем мы и за Христом. Идем за Ним, побуждаемые сознанием, что нет на земле большего Сокровища, что Он есть Свет Истинный, просвещающий всякого человека, идем за Ним любовью побуждаемые.

Слушайте, дорогие: «Кто хочет идти за Мной, – говорит Господь – отвергнись себя». Что значит – «отвергнись себя»? Это значит: внутрь себя заглядывая, стряхни с себя все скверное, грязное, все, что в твоих привычках и характере удаляет тебя от Господа, и лишь тогда «возьми крест свой и следуй за Мной». Господь ясно указывает на то, что человек с грязной душой, внутренне нечистый не способен не только следовать за Христом, но и не способен с достоинством нести свой личный жизненный крест.

У каждого человека есть свой крест. Наша земная жизнь крестоносна. Наш крест – это наши страсти, наши немощи и болезни; это наши земные обязательства, недостатки нашего характера и многие склонности и навыки, вытекающие из нашей самости и бездуховного воспитания. Как важно уметь правильно, с духовной пользой нести свой жизненный крест. По-разному несут люди свой крест. Одни несут его, имея пред взором своим несущего Крест Господа, от Него получая духовные силы, бодрость и утешение. Им чужды уныние и озлобление, ибо, неся свой крест со Христом,

человек духовно крепнет, нравственно обновляется. Иные же изнемогают под тяжестью своего жизненного креста – почему? Да потому, что они жили и живут вне Христа, их сердце и взор не обращены ко Христу, они духовно одиноки, впадают в уныние, в отчаяние и сгорают в озлоблении.

Да не случится сие с кем-либо из нас, дорогие мои братья и сестры.

Аминь.

Вербное воскресенье

Мы вспоминаем сегодня торжественный Вход Господа в Иерусалим. Это было за шесть дней до Его крестных страданий.

Накануне Спаситель совершил великое чудо: воскресил четверодневного мертвеца – Лазаря. Быстро разнеслась весть об этом необычайном событии, и народ хотел видеть смерти Победителя, выразить чувства своего восторга.

Иисус Христос восседал на молодом осле, и народ, в порыве восторга снимая с себя одежды, устилал ими путь, по которому входил в Иерусалим Господь. В руках у них были пальмовые ветви, и они, потрясая ими в воздухе, восклицали: «Осанна Сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне!»

И мы, в подражание ветхому Израилю, прославляем это событие и радуемся, что пришел к нам Мессия-Христос спасти человечество от гибели, от греха и смерти. И мы, подобно ветхому Израилю, держим в руках первое дыхание весны – вербочки, как знамение победы Иисуса Христа над смертью и тлением.

Как повествует свидетель события св. Евангелист, когда Господь приближался к городу Иерусалиму, а кругом раздавалось ликование – «Осанна Сыну Давидову», – Господь, глядя на Иерусалим, заплакал: Он знал, что вскоре после Его вознесения Иерусалим, не узнавший в Нем своего Мессию-Спасителя, будет разрушен со всем его населением так, что не останется от него «камня на камне» (Лк. 19, 42–44).

Св. Иоанн Златоуст, рассуждая о слезах Господа, говорит: как всеведующий плакал Господь не только о Иерусалиме; Он видел будущее человечества, вызванное отвержением Его как Спасителя мира. Этим и были вызваны Его слезы.

Плакал, так как знал, что после Его вознесения начнутся кровавые столетия преследования Его учеников-христиан. Он предвидел сонм мучеников и плакал об ожесточении мучителей, которые будут, обливая христиан смолой, поджигать их, как факелы, бросать их на потеху жаждущей зрелищ толпе на растерзание разъяренным голодным зверям. Он плакал о грядущем страшном ожесточении рода человеческого: о религиозных войнах, разжигаемых врагами Христа, об ужасах инквизиции, о бесчеловечном уничтожении миллионов людей после Первой Мировой войны и во время Второй Мировой войны. Он плакал и о кровопролитиях настоящего времени. Все это видел Всевидящий Господь.

Он плакал, ибо видел отступников от веры, которые отрекутся от Него ради миражей земного счастья; видел зло, разливающееся мощным потоком по миру, сеемое ненавистниками Его имени в виде омерзительных пороков – зло, которое овладевает не только язычниками по уму и сердцу, но и носящими священное имя христианина. Его слезы – это боль Его сердца любящего Человека, это скорбь о каждом покаявшемся и снова возвращающемся на путь греха.

И должно быть понятно нам, почему Св. Церковь перед днем Входа Господня в Иерусалим установила 40-дневный пост: она побуждает нас подумать о душе, вглубь себя заглянуть и стать на путь духовного возрождения. После этого Праздника вступаем мы в седмицу Крестных Страданий Христовых и, лобызая раны Спасителя, вспоминая Его о нас слезы, идем к таинствам Обновления (исповеди) и Евхаристии – к Чаше Жизни, восклицая в радости: «Осанна Сыну Давидову, благословен грядый во Имя Господне».

Аминь.

Неделя 5-я по Пасхе (Деян. 11, 26)

Из сегодняшнего апостольского чтения слышали мы, от кого и когда последователи Господа нашего Иисуса Христа названы христианами. Жители Антиохии, как только познали Мессию – Спасителя мира, крестились во имя Христа, удостоились названия христиан.

И мы с вами во Христа крестились, во Христа облеклись, потому и называемся христианами.

Христианин – это самое высокое, самое почетное из всех званий на земле! Почему? Да потому что Глава Христианства есть Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, давший всему человечеству познание Бога Истинного, открывший миру самое высокое – истинное – учение и явивший Собой образец самой высокой духовной жизни. «Я Путь, и Истина, и Жизнь», – сказал Христос. Иначе говоря: примите слово Мое, введите его в жизнь, тогда познаете вы Истину и получите вами искомую Жизнь.

Не для одного народа, а для спасения всего человечества сошел на землю Спаситель мира. Всей Своей жизнью свидетельствует Он об этом. И для блага и объединения всех людей воедино, в одну семью чад Божиих, в основу Своего учения, в основу христианской жизни положил Он всеобъемлющую Любовь. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга». Некоторые из вас скажут: заповедь о любви была и до Христа. Да, была. Но та, ветхозаветная заповедь ограничивала любовь к ближним, к сродникам и единоплеменникам и выражалась так: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Мф. 5, 43). В ветхозаветные времена признавалась законной и месть – «око за око и зуб за зуб».

По учению же Христа христианская любовь должна простирается на всех людей, без различия народности, веры, звания, положения и состояния. Для христианина все люди братья, дети одного Отца Небесного, и ко всем мы должны относиться с любовью. Эта любовь выражается в личном отношении к каждому человеку, в мо-

литве о всех, в оказании им помощи кто чем, где и когда может. Любовь христианина должна простираться и на личных врагов: «Любите, – говорит Господь, – и врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44).

Претерпевая на Кресте страшные муки, Христос наглядно учит нас Своим примером, как должны мы к врагам относиться: «Отче, прости им, ибо не знают что творят» (Лк. 23, 34). Тому же учат нас и Апостолы: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога», «кто же не любит, тот не познал Бога», – говорит любимый Христов ученик ап. Иоанн. К благожелательности, сострадательности и к прощению зовет и ап. Павел: «Всякое раздражение, ярость и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобой да будут удалены от вас, но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг другу, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4, 31–32). «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию, ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь”» (Рим. 12, 19).

Итак, дорогие мои, не забудьте – мы с вами христиане и к нам обращено слово Христово: «Любите друг друга и всех не словом или языком, но делом и истиною», ибо «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», и помните, что в Любви – непобедимая сила Христианства.

Да будет, дорогие мои, мир в сердцах ваших и Вышний мир над вами!

Аминь.

Неделя 6-я по Пасхе. О слепом

Слепота очей – это одно из самых тяжких бедствий человека. Несчастные слепцы! Они не видят света Божия, не любят красоту окружающего мира, не различают лиц близких родных и обычно обречены в нищете и унижении влачить свою жалкую жизнь. Увидя одного из таких несчастных, слепого от рождения, Христос сжалился над ним и чудесно отверз ему очи.

Потом, встретив его в храме и спросив: «Веруешь ли ты в Сына Божия?», открыл ему Свое Божественное достоинство. Исцеленный воскликнул в ответ: «Верую Господи» и поклонился Ему. Так совершилось двойное прозрение, и телесное и духовное: у слепца открылись очи – он увидел свет Божий и, блуждавший во мраке фарисейских заблуждений, познал в Иисусе Христе Сына Божия и озарился светом Его спасительной веры. Немало и в наше время слепых очами, но – увь! – еще больше духовных слепцов. Кто же из них несчастнее? Несомненно, несчастнее духовные слепцы.

О слепых очами много заботятся правительства, разные общества, добрые люди, стараясь облегчить их горькую участь. Но как помочь духовно слепым? Духовно слепые – это, прежде всего, безумцы, которые говорят в сердце своем – «нет Бога» и в своей жизни руководствуются языческим правилом: «Душа, ешь, пей, веселись и развлекайся». Это те, которые закрыли очи своей совестью, забыли заповеди Божии, утопают в грязи пороков. Это те, которые оскорбляют своих родителей, опускаются до состояния животных, предаются пьянству, пресыщению, каменеют в грубости, проявляют упрямство в нежелании выслушать советы любящих их добрых людей, бегут от наставлений Церкви.

Бедственна, дорогие, слепота телесная, но ужаснее и много бедственней духовная слепота. Слепой духом жалок и на земле, страдать будет и в ином мире, в жизни загробной.

Чем же мы можем помочь духовным слепцам? Помочь им трудно, поскольку их ослепленные души отворачиваются от Света Христова. И все же мы должны им помочь. Во-первых, нашей молитвой о таких несчастных погибающих, не сознающих порочности своей жизни. Терпеливое к ним отношение, искреннее слово братской любви – это второе средство помощи им. За каждой Божественной Литургией мы возносим о них Всевышнему молитву: «Отступившим от Тебя и Тебя не ищущим явлен буди, Господи, во еже ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в Разум Истины приити... да прославят имя Твое всечестное».

Евангельский Свет, дорогие мои, так силен, что может озарить и преступную темную душу. Озарял же он блудниц, разбойников, гонителей... Истории известны случаи внезапного исцеления и от слепоты духовной. Живет человек в пороке, грешит, утопает в пучине соблазнов, и вдруг – внезапно вспыхнет огонек совести, озарит мрак души, вырвется вздох покаянный, и вместе с ним прольется во внутреннюю храмину человека луч Света благодатного... Так было с евангельским Закхеем, так было в жизни Марии Египетской; то же случилось в наши дни и с артистом Ростовцевым на сцене советского театра: стоя на сцене перед картиной Распятия, после ряда глумлений над Христом – вместо кощунства, которое он должен произнести, Ростовцев падает на колени перед Распятием и, заливаясь слезами, громогласно восклицает: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем», прославляет Его. Артиста убрали со сцены, судьба его решена – но он ушел из жизни христианином.

Будем же молить Господа о духовных слепцах России подъяремной и рассеяния российского, да просветит их Свет Христов, а нам, верным сынам Его, да поможет всегда ходить в свете заповедей Божиих, Ему же подобает слава и поклонение верных и чистых сердец.

Аминь.

Неделя 7-я по Пасхе

Св. Церковь отмечает сегодня память св. Отцов Первого Вселенского Собора. Едва утихло преследование христиан со стороны язычников, едва миновала опасность Церкви извне, как тут же стали раздирать чистый нешвенный хитон Христов ее внутренние враги. На Церковь ополчились хитросплетенные ереси. Чистота евангельской веры и благочестие оказались в опасности. На защиту Истины со всех сторон христианского мира поспешили мужи разума, веры и благочестия. Многие из них были обременены глубокой старостью, многие были в ранах незаживающих – свидетелях пыток и истязаний за имя Христово, многие по зову совести шли – по бедности – пешком; всех их одушевляла ревность о Боге и христианском благочестии.

На этом Соборе в г. Никее были люди науки и христианского подвига, всю свою жизнь посвятившие познанию Истины, познанию Евангелия и жизни во Христе. Это были глубокие, одухотворенные знатоки наук светских и Истины христианской веры. И это они обличили на Соборе заблуждения и ереси, появившиеся в первых столетиях христианства; это они утвердили фундамент Христовой веры и жизни во Христе.

Ученостью хвалится и наш XX век. Но на фоне этой учености часто ревность о вере христианской рассматривается многими как нечто странное: над ней глумятся, ее высмеивают, и происходит это нередко в среде христианской – в среде, где каждый христианин должен быть миссионером, свидетелем о Христе.

В чем же и как должно проявляться наше о Христе свидетельство? «Вы свет мира... вы соль земли... тако да просветится свет ваш пред людьми и прославят Отца вашего Иже на небеси». В этих словах Сам Господь указывает нам, в чем практически должно проявляться наше свидетельство о Христе. Мы с вами христиане.

Христианин не тот, кто говорит – я верующий, а тот – кто живет по вере, в Духе Христовом. Св. Иероним говорит: «Великое дело быть христианином, но не называться только». «Христианин – это второй Христос», – говорили христиане древности. Скажите, что бы сказал Сам Христос христианину, не живущему по Евангелию? Христос бы назвал его лицемером! А лицемер – это человек с «двойным лицом», это человек, живущий в фальши и в самообмане. Вот как свидетельствовали свою принадлежность Христу христиане, послушайте. Св. Поликарп Смирнский (+166 г.), когда ему после тяжелых пыток предложили спасти свою жизнь отречением от Христа, сказал мучителям: «Прожил я 86 лет и никакой обиды от Христа не претерпел, а теперь я должен отречься от Него, чтобы продлить свою жизнь?» и пошел на мученическую смерть; св. Киприан Карфагенский (+258 г.), услышав приговор судьи усечения его мечом, сказал: «Слава Богу». Св. Василий Великий, этот ученейший муж IV-го века, когда царский префект грозил ему конфискацией имущества, сказал: «Я ничего не

имею, кроме изорванной одежды и нескольких книг». Когда грозил ссылкой, сказал: «Не знаю изгнания, вся земля – Господня». Когда грозил смертью, ответил: «Таким образом ты пошлешь меня к моему Небесному Отцу». «Что делать с такими людьми?» – воскликнул язычник-префект и оставил Василия в покое.

Почему же ныне, в век «великой» учености, в век просвещения Христос стал для многих предметом как бы посторонним? На этот вопрос в некоторой степени отвечает блаж. Августин, ученый Запада. Он говорит: «Хуже всех живут плохие христиане». Вот они и являются источником соблазна, они – грязное пятно христианства, они в большей мере виновники умножения неверия. Если бы в ограде Вселенской Церкви не было лицемеров, а было больше подлинных последователей Христа, было бы в жизни мира меньше мрака, было бы больше Света, не было бы в мире стольких зверств и насилий, не было бы той эксплуатации человека человеком, того рабства, от которого содрогается ныне вся вселенная.

Итак, мы христиане несем ответственность за будущее нашего Отечества, за будущее мира. Да не забудем же о том, что говорит нам Сам Господь: «Вы свет мира... вы соль земли» и – «будьте все едино» во Отце и Сыне и в Духе Святом.

Аминь.

Вознесение Господне

«Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником... яко Ты еси Сын Божий, Избавитель мира», – так восклицаем мы в день светлого великого праздника Вознесения Господня.

Вы знаете, дорогие мои, о том, как человечество, оторвавшись от Бога, оторвавшись от Древа Жизни в лице Адама, настолько погрязло в тлении, в мираже земных удовольствий, что погибало в беспросветном мраке своей жизни. Отсюда вопль человечества древности – «изведи из темницы душу мою», вопль, который слышим мы за вечерним богослужением. Но вот снисходит на землю в Лице Иисуса Христа Господь. «Велия благочестия тайна – Бог явился во плоти», – говорит

ап. Павел. «Ни ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощься, и спасл еси всего мя человека», – воспевает мы с вами. «Спасл еси всего мя человека!» – спас тем, что через вочеловечение взял на Себя бремя ограниченности, взял на Себя бремя греха и смерти и, став Богочеловеком, вырвал Свое творение из-под власти «миродержителя века сего».

С воплощением Бога-Слова, с пришествием Христа, Его послушанием Богу-Отцу, Его крестными страданиями и Воскресением – человечество выводится из-под власти царствия тления и мрака, человечеству открывается путь к Богу, путь к Свету, начинается планомерное созидание «нового человека» вместо грехом себя растлившего.

Воскресший Богочеловек, Сын Божий и Сын Человеческий, возносит человека к Престолу Божию и тем восстанавливает связь Неба с землей, усыновляет Богу прежде отпавшего человека и тем восстанавливает грехом утраченное достоинство человека.

Итак, Своим Вознесением Господь открыл нам путь к усыновлению Богу, открыл нам путь к восстановлению достоинства человека, а приводит нас к усыновлению Богу акт нашей свободной воли.

Мы усыновляемся Богу в Его Теле, в Церкви Христовой, через святыя Таинства. Через Таинства приобщаемся к победе Богочеловека над смертью, над смертью духовной и телесной, становимся «сынами воскресения». «Ни ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощься, и спасл еси всего мя человека». В этих словах и в словах тропаря праздника раскрывается причина нашей радости в день Вознесения Господня, Ему же слава подобает во веки.

Аминь.

Неделя Всех Святых

Мы живем среди беспримерного нравственного бесстыдства, когда народы и государства, подобно Содому и Гоморре, устраняя из личной и общественной жизни голос Божий, превращаются в капище разврата.

Сегодня мы отмечаем память всех Святых, во вселенной просиявших. Скажите, мои дорогие, нужны ли в наши дни в жизни общества, народа и государства – праведники-святые?

Этот вопрос подобен вопросу: нужна ли в жизни соль, нужен ли свет? На этот вопрос отвечает нам история городов Содомы и Гоморры (Быт. 18, 23–32).

Кто такой праведник? Это человек благочестивый, верный раб и Божий друг, друг Христов.

И вот на пути к праведности, особенно в наше лихое время, находятся те, кто сознает, что страна и весь мир спасаются от всесокрушающего огня только праведностью народа.

На пути к праведности находятся те, кто в своей внутренней жизни, сознании и делах бросил вызов миру, во зле, во лжи утопающему.

На пути к праведности и святости находятся те, кто, зная о спасительной силе Креста, принял в своей жизни, в своем служении Крест и шествует в жизни Христовым путем.

На пути к праведности находятся те, кто отверг любой компромисс со злом, компромисс с попытками «миродержца» обновить Христианство, отверг любой компромисс с современными модернизаторами Христианства.

На пути к святости находятся те, кто отверг политиканство в Церкви.

На путь праведности и святости, на путь верности Христу Спасителю, дорогие братья и сестры, и зовут нас святые, которых, по слову ап. Павла, «весь мир не был достоин».

Аминь.

Неделя 3-я по Пятидесятнице

В прошлое воскресенье, в Неделю всех Святых Земли Русской, Св. Церковь раскрыла перед нами наш родной небосклон. Яркими звездами засияли перед нашим духовным взором имена наших родных мучеников, исповедников, святителей, страстотерпцев и Христа ради юродивых.

А сегодня к нам, дорогие братья и сестры, обращается Христос с призывом: «Ищите же прежде всего Царствия Божия и Правды его, и все (остальное) приложится вам». А что значит «ищите»? Это значит, что Господь требует от нас волевого усилия. Требуется от нас не рассуждений, а действия.

Обратимся к нашему общему Крестному Отцу, к великому святому князю Владимиру. Он стоит первым в сонме Святых Российских. И он первый дает нам яркий пример того волевого усилия в стремлении к Свету, ко Христу, о котором напоминает нам нынешнее евангельское чтение.

Князь Владимир – даровитый полководец, государственный муж, человек проницательного ума и твердой воли. Язычество изживает себя; пробуждается в наших предках жажда Единого Бога истинного. Эта жажда Бога Истинного охватывает и душу язычника Владимира. Устала душа его и рвется к Правде, к Свету. Чувствуя отмирание язычества, он видит в Христианстве мощный двигатель жизни, просвещения, культуры. И начал действовать. Посылает в разные страны послов и приходит к убеждению, что Истина и Красота, раскрывшиеся перед ним в Христианстве Востока, нераздельны. К Востоку и обращается он в поисках полноты учения Христова. Но как князь великого народа – не идет он к грекам на поклон просить наставления и крещения. Идет он на них войной, разбивает их и как победитель требует от них: а) наставления в христианской вере, крещения и б) руку византийской принцессы Анны, известной своей добродетельной жизнью.

Князь Владимир достигает всего, к чему стремился. Идет подготовка к крещению, которое, возможно, могло казаться ему религиозной формальностью, но тут происходит нечто страшное: князь Владимир теряет зрение, он ослеп! А без зрения он уже не полководец, не может управлять, да и брак теряет смысл... Князь одинок, но не оставляют его греческие проповедники, они раскрывают ему глубины Христова Благовестия, глубины жизни духа и сердца. Ему – слепому – открывается совершенно новая жизнь в земном странствовании и

в обителях Дома Отца Небесного. Бурлит дух в князе слепом... Одна у него ныне цель жизни – это общение с Богом. Смирненным вступает он в купель Крещения, и тут, в купели, совершается чудо: князь прозрел! Недавно гордый, похотливый, эгоистичный и сластолюбивый язычник – вышел из купели Крещения новой тварью во Христе, вышел смиренным рабом Господа Иисуса Христа. Взыскавшему «прежде всего Царствия Божия и Правды его» приложились и величие и слава: он стал «Красным Солнышком», от которого и повела свое начало Святая Русь.

Путь св. Владимира – это и наш с вами путь ко Господу. Вот он: всегда и везде исповедовать Христа как Сына Божия, Спасителя мира; за Ним следовать, неся свой жизненный крест и следя за тем, чтобы – как сказано в сегодняшнем евангельском чтении – «око наше было чисто». Око – это наша совесть. Все мы хорошо знаем: чтобы сохранить свою совесть чистой, нужны усилия с нашей стороны; нужно зорко следить, чтобы не увлек нас кто-либо чуждой Христу философией; нужно зорко следить за своими мыслями, за каждым движением нашего сердца. В чистоте ума и сердца, в верности Иисусу Христу да поможет нам Спас Всемилостивый совершать путь нашего земного странствования.

Аминь.

Неделя 4-я по Пятидесятнице

О великом значении веры в жизни человека повествует евангельское чтение, положенное на нынешний день.

О спасающей вере говорит и ап. Павел в послании к Римлянам, выдержки из которого слышим мы уже третье воскресенье.

Все мы знаем о том, что человек спасается верой, что только в вере достигает человек оправдания своей жизни, через веру становится чадом Божиим.

«Человек оправдывается верою, независимо от дел закона», – говорит ап. Павел. Его слово обращено к суровым исполнителям закона – к книжникам и

фарисеям. Ап. Павел отвергает спасительную силу их дел. Почему? Да потому, что дела их вытекали не из их веры, не из внутреннего расположения, а из требований внешнего закона; это были дела, так сказать, повеленные, а не добровольные: не исходили они из расположения сердца. «Закон, – говорит ап. Павел, – служит лишь зеркалом нравственной деятельности человека; из закона человек узнает, что он виновен перед Богом и в какой степени он виновен. Закон сам по себе не силен ни оправдать, ни осудить человека пред Богом, а лишь раскрывает, согласны или не согласны дела наши с законом».

Об этом говорит и ап. Иаков. «Человек, – говорит он, – оправдывается делами, а не верою только».

Что ж, апостолы Павел и Иаков противоречат друг другу? Ап. Павел говорит: «Человек оправдывается верою, независимо от дел закона», а ап. Иаков: «Человек оправдывается делами, а не верою только». Никак нет; нет в их словах противоречия. Обратим внимание у ап. Иакова на слово «только» – «не верою только». Ап. Иаков говорит о недостаточности в деле спасения рассудочной веры. Невозможно спастись, – говорит ап. Иаков, – только одним убеждением о Божестве Иисуса Христа, нужны еще и дела, вытекающие из этого убеждения, исходящие от веры: дела любви, милосердия, сострадания. «Не делами ли оправдался Авраам, отец, – говорит ап. Иаков, – возложив на жертвенник сына своего Исаака? Видишь, как вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства». Апостолы – и Павел, и Иаков – говорят о живой вере, о вере деятельной как начале и утверждении всей нашей жизни во Христе.

Когда у человека есть вера в то, что Бог есть Любовь, что Иисус Христос есть Сын Божий – Спаситель мира и его личный Спаситель, тогда и дела следуют сами собой. Живая вера является источником добрых дел человека, исходящих из его сердца и совершаемых во имя и во славу Божию. А где нет добрых дел, во имя Божие верой совершаемых, там нет живой, деятельной, оправдывающей человека веры.

Обладаем ли мы с вами этой живой верой? Она приобретается сердцем, желающим праведности и стремящимся к добру, источником которого является Бог, во Христе Иисусе явивший Себя и Свою Любовь к человеку.

Аминь.

Неделя 5-я по Пятидесятнице

Мы только что выслушали евангельское повествование об исцелении Господом гадаринского бесноватого.

Недавний «человек-зверь», которого даже цепи держать не могли, сидит у ног Спасителя – совершенно здоровый, разумный, радуясь тому, что снова стал человеком.

Но вот подходит к Спасителю толпа жителей города Гадарина. Зачем пришла она? Благодарить Господа за милость, оказанную несчастному? Нет, они пришли просить Господа, чтобы Он ушел от пределов их страны. Почему? Из страха. Они боятся, что Он нарушит привычный образ их жизни. Уйди, Господи!

Не правда ли, какая греховная, духовно умерщвляющая человека привязанность к миру, к так называемым благам мира сего?

А подумайте, мои дорогие, разве у нас лучше? Не говорим ли мы нередко: уйди, Господи! И из-за чего? Чтобы спасти свое достоинство, подобно гадарянам? Нет! Лишь из-за того, чтобы оградить себя от необходимости посвятить Господу скромную часть своего времени на домашнюю и храмовую молитву.

Из-за того, чтобы не нарушить свой – часто греховный и порочный – образ жизни и мышления!

Случается – и из-за того, чтобы не оставить в храме скромную лепту на дело святое.

Скажите, почему родители нередко не любят, когда их дети в воскресный день или в праздник спешат в храм к началу богослужения, когда увлекаются их дети чтением житий святых или других духовных книг? Проявляемый в этих случаях глухой ропот родителей – разве не тот же голос гадарян: уйди, Господи! Не

раз приходилось мне слышать от родителей-христиан: ненормально, что дети так много времени отдают храму... Так рассуждая, родители лишают себя основания жаловаться на отсутствие в их детях послушания, на их духовную пустоту и душевную уродливость. Вина в том не в одних детях, но, главным образом, в родителях.

Гадаряне не приняли Христа. Чтобы принять Христа и за Ним следовать, необходимо отказаться от плотского мышления, от угождения плоти, от гордыни и от своеволия. Многим, подобно гадарянам, это кажется слишком высокой ценой. Именно *кажется*, и *кажется* по той простой причине, что нет в них ни искренности, ни чистосердечности пред Богом и перед своей совестью. То ссылаются они на свою слабость, то им кажется, что греховность окружающего мира мешает им жить по слову Господню. Если мы, дорогие, искренни и чистосердечны пред Богом и самими собой, то неизбежно признаем, что кроется здесь другая причина: она в отсутствии в нас желания отказаться от введенного нами в личную жизнь «кумира», в отсутствии желания отказаться от того, что нам любо и дорого. Почему же отсутствует в человеке это благое желание? Да потому, что нет в нем сознания глубокой личной пред Богом и перед людьми вины-греховности. Человек живет в самообмане. А отсюда вытекают душевные травмы, неудовлетворенность жизнью, человеческими средствами, неисцелимые боль и страдания.

Уйди от нас! – сказал в начале 20-го века Христу и наш народ, поддавшийся исходившим с «просвещенного Запада» внушениям «князя мира сего» – «человекоубийцы искони». Отверг народ наш Путь Жизни, на который был свыше поставлен через князя Владимира, и превратился в «Ивана не помнящего родства». Господу слава! После 70-ти лет страданий, по жестокости и размаху превзошедших гонения на христиан и страдания первых веков, возвращается память народу нашему, вспомнил «Иван» своего Крестного Отца – «Красное Солнышко» – и возвращается к тем духовным ценностям, которыми создавались российская христианская

государственность и культура, создавалась Св. Русь – Дом Пресвятой Богородицы.

Господу Богу, Промыслителю нашему, слава за все!

Неделя 5-я по Пятидесятнице

Мы слушали сегодня слово ап. Павла об Израиле, о законе и вере. В глазах ап. Павла, израильский народ являлся великим народом, Божиим избранником, которому было «вверено слово Божие», т. е. вверено ветхозаветное домостроительство (Рим. 3, 1–2; 9, 4). Значение этого вручения слова Божия состояло в том, что народ израильский избирался быть посредником между Богом и другими народами, быть для них проповедником истинной религии.

И иудеи гордились своим преимуществом перед всеми народами. Говоря о своих преимуществах, они имели в виду, во-первых, свое происхождение от Авраама; во-вторых – обрезание, которое являлось знаком вступления Авраама в Завет с Богом, и в-третьих – дарование им через Моисея закона. Мы дети Авраама, отца верующих; закон дан нашему народу; Бог (Иегова) есть Бог Израиля; законом мы достигаем праведности, – так рассуждал и рассуждает ветхий Израиль.

Но «неужели Бог есть Бог только иудеев, а не и язычников? – вопрошает ап. Павел и отвечает, – конечно, и язычников» (Рим. 3, 29–30). Не дела закона, а «вера вменилась Аврааму в праведность – до обрезания», которое «как печать праведности получил он чрез веру».

«Не законом даровано Аврааму или семени его обетование – быть наследником мира, а праведностью веры». «Сверх надежды поверил Авраам с надеждой, чрез это и сделался отцом многих народов» (Рим. 4, 9–18) – не одного народа, а многих! «Не думайте говорить о себе – “отец у нас Авраам”, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 9), – так вразумлял свой народ св. Иоанн Предтеча, а ап. Павел возвещает им: «Обрезание полезно, если ты исполняешь закон» (Божий, данный через Моисея, – а не Талмуд); «а если не исполняешь закона, то обрезание

твое стало необрезанием»... «Не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2; 25, 28–29).

«Итак, что же? имеем ли мы преимущество? – вопрошает ап. Павел и отвечает. – Нисколько; ибо как иудеи, так и эллины, все под грехом» (Рим. 3, 9); весь мир виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдывается пред Ним никакая плоть; законом познается грех. Но ныне независимо от закона явилась Правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих; ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 1–23). Где же то, чем бы хвалиться нам? Оно «уничтожено... законом веры»... «Один Бог, Который оправдывает обрезанных по вере и необрезанных чрез веру» (Рим. 3, 27–31).

«Язычники, – говорит ап. Павел, – не искавшие праведности, получили праведность от веры, а Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности... потому что искали (праведность) не в вере, а в делах закона; ибо преткнулись о камень преткновения» (Рим, 9, 30–33).

«Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение», – восклицает ап. Павел, верный сын своего народа, – я «свидетельствую им, что (они) имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились Божией праведности; потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего... Здесь нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, признающих Его... Но как призывать Того, в Кого не уверовали?» (Рим. 10; 1–4, 12, 14) – со скорбью говорит ап. Павел.

Вы же, православные христиане, настойчиво взывайте ко Господу да просветит Он Светом Истины всех, находящихся во тьме неведения о Нем, а нас да укрепит в любви ко всякому человеку, Истины и Божией Прав-

ды ищущему, и да укрепит нас в молитве о страждущих и озлобленных.

Аминь.

Неделя 6-я по Пятидесятнице

«Имеешь служение, пребывай в служении... Будьте братолюбивы. Господу служите» (Рим. гл. 12).

Эти слова слышали мы сегодня из уст ап. Павла, и означают они: каждый трудись в деле, на какое имеешь талант и силы. Служи Господу!

На эти слова нередко отвечают: а чем я могу послужить Богу? Человек я мирской, занимаю скромную должность; богатый может послужить Ему своим богатством, а я – сам с трудом концы с концами свожу. Владеющий словом может послужить Богу словом, иной помогает делу Церкви Божией как «муж совета и разума», а я не имею и этих возможностей, посему и не думаю о служении Богу и делу Церкви, с трудом справляюсь со своими житейскими заботами.

Так рассуждающим ап. Павел говорит: научись служить Господу своими малыми силами. Все мы члены Церкви, все мы живые клетки Тела Христова. В Нем как в живом организме не может быть бесполезного и ненужного члена. Как в большой машине самое маленькое колесико необходимо для работы машины, так и в Церкви каждый человек может отыскать себе уголок и испытать свои силы на всемирной ниве христианского делания.

Старайся каждый свое маленькое, быть может, крошечное дело совершать с памятью о Христе, во славу Его – этим совершишь ты «церковное дело», Христу и Церкви послужишь.

В книге Деяний Апостольских (9, 39) читаем, как скромная девица Тавифа шила платья и рубашки для бедных. И что же? Ее скромное дело было велико в очах Божиих! Ее платья и рубашки были даром ее сердца Богу, Церкви Его и вместе с тем являются завещанием всем скромным Христовым труженикам: приносить в дар Богу то, что можешь. Вот перед нами св. Симеон

Верхотурский. Не обладал он ни богатством, ни знатностью, это был простой портной-самоучка, и все дело его жизни заключалось в следующем: придет он в языческое село, выберет избу победнее, обошьет семью, детишек, а в свободную минуту расскажет о Христе, о Его деле на земле, о страданиях и смерти Его и, закончив свое портняжное дело, потихоньку уйдет незамеченный, не дожидаясь расчета. Вот и все его дело. Но его беседы и сшитые рубашки положили начало просвещению Светом Христовым целого края.

Говорите, дорогие мои, что нет у вас талантов, нет и больших способностей? Но разве все вы лишены таланта веры и любви? А для прославления Бога, для прославления Христова имени на земле это и есть самый нужный талант. Не забывайте, что в жизни не пропадает ни одно христианское слово, сказанное вами, ни одно малейшее дело добра, совершенное с памятью о Христе. Оно всегда становится семенем, которое принесит плод сторицей. Известен в истории Христианства случай, когда листок Евангелия, попавший в руки язычника, обратил ко Христу целое племя. Одно святое слово, одно святое христианское дело, поступок нередко может привести или вернуть на путь Христов и спасти не одну душу человеческую. Поэтому-то не упускайте случая делать добро, делать то доброе, что можешь, не измеряя его «своим аршином» – насколько оно велико или мало, насколько увеличивает славу и силу Господа на земле. Если оно совершается во имя Христа, то, конечно, увеличивает, ибо такое дело – всегда проповедь, наше исповедание. Итак, дорогие мои, Господу служите и будьте братолюбивы.

Аминь.

Неделя 7-я по Пятидесятнице

*«Изгнану бесу, проглагола немый»
(Мф. 9, 33)*

Какую великую радость, дорогие мои, ощутил в сердце немой, исцеленный от немоты по изгнании из

него Христом злого духа! Какую благодарность восчувствовал он ко Христу!

Между нами немного несчастных, лишенных дара слова. Мы с вами владеем этим даром. Но правильно ли мы употребляем этот дар, не пользуемся ли мы им во зло? Это бывает тогда, когда люди изрыгают хулу, поносят имя Божие, ропщут.

Человеку дана жизнь для прославления имени Творца, ему даны разум и слово, чтобы он вслух всего мира проповедовал славу Божию. А ведь как часто вместо хвалы и благодарения мы слышим хулу и поношение Бога! «Небеса поведают славу Божию», а человек – во зло себе и другим – с такой легкостью пользуется даром слова!

Во зло употребляют дар слова и те, из чьих уст исходят гнилые слова, кто предается сквернословию. Эта дурная привычка до такой степени вкоренилась у некоторых, что они произносят гнилые слова не только в гневе, но и в дружеской беседе, нередко в присутствии дам и детей. Человек, это разумное создание, не думает о том, что ему дан неоцененный дар слова не для того, чтобы он сквернил свои уста и свое сердце, не для того, чтобы сеял он вокруг себя злое семя, ибо каждое слово, исходящее из уст человеческих, есть семя...

Во зло употребляют дар слова и те, кто привык осуждать других, и те – кто лжет, божится, клянется. Нередко приходится встречать хозяек (особенно в детских лагерях), которые только и знают, что грубо и жестоко бранят друг друга и прислугу (да не исключая и детей), и на это уходит большая часть их дня. Увы, встречаются отцы и матери, которые не находят слов ласки для детей своих, но обильны на слова далеко не воспитательные: бранят и ворчат, не входя в психологию детей и их переживания. Есть и праздные мужчины и женщины, которые в том только и проводят свободное время, что наводят справки о других и из услышанного спешат разгласить только дурное. Встречаются и самохвалы, любящие говорить только о себе, унижая других. И как часто встречаются люди, которые наслаждаются злой насмешкой над другими; для

них ничего не значит надсмеяться над священником, да и слово Божие исказить; увы, бывают еще и такие бесстыдные, которые вслух другим рассказывают о своих срамных поступках, о своем безнравственном поведении. Все это тяжкий грех против данного человеку великого дара – дара слова. На то ли, дорогие, дан нам дар слова, так ли должны мы им пользоваться?

Любовь, правда, назидание, утешение, кроткое обличение, сострадание – вот что должно исходить из сердца и из уст человека! «От избытка сердца глаголют уста. Добрый человек из доброго сокровища (сердца своего) выносит доброе, а злой человек из злого сокровища (своего сердца) выносит злое», «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда, – говорит Господь, – ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 34–37).

Аминь.

Неделя 13-я по Пятидесятнице

О злых виноградарях говорит сегодняшнее Евангельское чтение. Божий виноградник – это наш мир; мы работники в нем, все мы – виноградары. Каждый из населяющих земной шар народов получил для возделывания свою часть виноградника, каждому народу велено Господом: живи, трудись, прославляй Творца в делах твоих!

Земля – Божий виноградник. Народы должны обрабатывать его, делать его всё лучшим, умножать в нем Божие добро. Дана им возможность объединяться для более успешного – на благо общее – возделывания виноградника. И обрабатывая его, люди должны жить в братском согласии, в любви, в уважении взаимном, сердцем своим достигая Правды Божией.

А так ли это бывает? Вспомним, что произошло в Отечестве нашем, когда, исключив из жизни Бога и поправ национальное чувство, провозгласили там принцип «братства, равенства, свободы». Вместо братства – насаждена ненависть, вместо равенства – животный страх, вместо свободы – рабство. Вспомним, что проис-

ходило и в Испании, когда там в 30-х годах враги Христа пытались насадить, упраздняя из жизни Бога, те же «свободу, равенство и братство»? Поились потоки крови христианской, слезами страдальцев залита страна! И всегда такой горькой будет жизнь человечества, если из его жизни исключается Солнце Правды, Свет Истины – Христос, просвещающий и освящающий каждого человека, приходящего в мир.

Что сказали бы вы, люди Божии, если бы в храме во время богослужения кто-то стал бить окна, выкрикивать богохульные слова, буянить? А ведь мир Божий, вся вселенная – это Божий Храм, и в нем должно трудиться не войной друг против друга, не с враждой и проклятиями, а с молитвой и с Богом в мыслях и в сердце, в сознании, что все мы, люди разных народностей – дети единого Бога, открывшего Себя в Господе Иисусе Христе и в Нем засвидетельствовавшего Свою Любовь к человеку и человечеству.

Говорят: в неравенстве причина и повод к вражде, к несогласиям и к войне. Так ли это? Нет, не так. Не все люди наделены одинаковым умом, не все одинаково по-Божьи живут, не у всех одинаково доброе сердце, не все одинаково усердны, способны, трудолюбивы, честны. Поравняйте всех сегодня – вскоре все снова станут неравны. Пока будут на свете люди, отходящие от Бога и отрицающие Христа как лично каждого и мира Спасителя, дотоле будут в мире и неравенство, и хаос.

Вспомните о том, что Христос Спаситель, Апостолы и праведники-угодники Божии были бедняками. Сам Спаситель говорил: «Лисицы имеют норы, птицы гнезда свои, а Сын Человеческий не имеет где главу приклонить». Для человека разумного, для благочестивого христианина богатство и даже материальная обеспеченность являются лишь средством для успешного труда в винограднике Божиим, для служения ближним в несении тягот недужных, сирот, страждущих и скорбных братьев во Христе. К этому и призывает нас Евангельское чтение о злых виноградарях.

Каждому народу дан для возделывания виноградник – его Отечество. И мы, чада российского рассеяния,

честно трудясь в чужом винограднике, не должны забывать и наш Отечественный виноградник, его любить и молиться о вызволении его от пут антихристового Интернационала.

Аминь.

Неделя 15-я по Пятидесятнице

В своем послании к Коринфянам, отрывок из которого мы слушали сегодня, ап. Павел говорит о том, что упорствующие противники обвиняли его в том, что он искажает слово Божие, дает неправильное толкование Ветхого Завета и, главным образом, закона Моисеева.

Исходя из того, что ап. Павел лично не знал и не видел Господа Иисуса Христа, его иудействующие противники говорили, что его проповедь не соответствует действительности, что он якобы стремится возвысить самого себя.

Нет, «не себя мы проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы Ваши для Иисуса», – отвечает им ап. Павел.

Он говорит, что Христос – на его, Апостола, пути в Дамаск – явился ему в прославленном состоянии как истинный Образ Божий.

С негодованием отклоняя обвинения, апостол Павел говорит, что только ставшие на прямой путь погибели могут возводить на него такие обвинения; он говорит, что «князь мира сего» настолько ослепил умы его иудействующих противников, что они не в состоянии признать и усвоить светлую Истину Евангелия о Славе Христа, который в Своем прославленном Телe является видимым Образом Бога невидимого.

«Бог, – говорит ап. Павел, – повелевший из тьмы воссиять Свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием Славы Божией в Лице Иисуса Христа»...

«И это сокровище мы носим в глиняных сосудах», в хрупком теле нашем. Какое сокровище? Величие Божие и Божию силу носим мы в «глиняных сосудах». И весь мир должен узнать о том, что «преизбыточная сила» –

та неустанная духовная энергия, с какой ап. Павел совершает свое апостольское служение, – исходит не от него, а от Бога.

Ап. Павел проникнут чувством глубокого единения со Христом – «я сораспялся Христу», «уже живу не я, а живет во мне Христос» (Гал. 2, 20); на нем проявляется та сила, которой обладает Христос; и эта сила-энергия сказалась в его апостольских подвигах.

А раз эта сила, эта энергия, которой владеет Апостол, от Бога – она не может быть подавлена никакими преследованиями. «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных условиях, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем», – говорит ап. Павел, ибо великая непобедимая сила Христова сказывается в нас.

Беседуя с вами, дорогие мои братья и сестры, об ап. Павле, не отклоняется взор наш от сущего в отчаянных условиях, притесняемого верующего народа нашего. И молим мы Господа нашего да осенит Он наши души и душу подъяремного нашего народа силой Своего немеркнувшего Света и да ниспошлет ему ту энергию и силу, которыми был свыше вооружен апостол Павел.

Аминь.

Неделя 20-я по Пятидесятнице

Медленно шествует к кладбищу вслед за безжизненным прахом отрока толпа жителей города Наина. Плач и стоны матери-вдовы, хоронящей своего единственного сына, заглушают вопли наемных плакальщиц. Слезы матери – свидетельство горя неизбывного, боли сердца неисцелимой. Кто в силах найти слово утешения скорбящей? Никто! Но вот навстречу погребальному шествию подходит к воротам города Наина окруженный народом Христос, Начальник Жизни. Его сердце сразу откликнулось на неутешное горе вдовы-матери. «Не плачь», – сказал Он ей и, подойдя к носилкам с возлежащим на них бездыханным телом юноши, со властью сказал: «Юноша, тебе говорю, встань!» Совершилось потрясающее чудо: мертвец поднялся и начал

говорить. И отдал его Иисус матери его, а весь народ «объял страх, и все славили Бога».

Счастливая Наинская вдова! А сколько у нас плачущих вдов, скорбящих родителей, отцов и матерей, потерявших своих родных и близких! Кто залечит раны их сердец? Никто другой, как только Тот же Божественный Учитель, Господь наш Иисус Христос. «Я с вами», «се стою у сердца и стучу», – говорит Он. Верой и принятием в себя слова Божия утоляется печаль вдов и матерей. Наша вера, слово Божие дают упокоение страждущим сердцам. Слово Божие говорит, что «по Воле Божией мы и рождаемся, и живем, и умираем», что у Бога все живы, что «еще живем, еще умираем – Господни есмы». Убитые горем и печалью разлуки, мы на некоторое время теряем способность усматривать мудрость и благодетельную цель, по которой Господь отнимает у нас дорогих нашему сердцу, и это не должно нас смущать. Мы должны всегда помнить, что Бог – Отец наш, что Он премудр и благ (Лк. 6, 35) и что берет Он наших близких по Своей Любви и Премудрости, им же на пользу и благо. Часто мы оплакиваем смерть близких, считая преждевременной их кончину; даже ропщем, но Господь знает то, чего мы не можем знать об уходящих от нас, знает их будущее, как и настоящее, и призывает к Себе. Посему и восклицаем мы у гроба – «блажени, яже избрал и приял еси, Господи».

В житии св. мч. Уара говорится о том, как блаженная Клеопатра, прося у Бога по молитвам мч. Уара благополучной и счастливой жизни своему единственному юному сыну, построила храм в честь этого мученика. По окончании постройки храма заболел ее сын и умер. Горем убитая мать стала в молитвах своих упрекать мч. Уара в том, что он не исполнил ее просьбу, не оправдал ее веры в силу молитв мученика пред Господом. Через некоторое время явился блаж. Клеопатре вместе с ее сыном мч. Уар и сказал ей: «Зачем ты плачешь? Ты просила меня устроить земную судьбу твоего сына, хотела устроить его положение при земном царе, но Господь взял его к Себе в небесное воинство Бессмертного Царя, и он вечно предстоит здесь в веселии и радовании». Тогда

Клеопатра, увидав славу своего сына, просила его взять ее с собой. Господь вскоре внял мольбе ее – она соединилась с сыном в обителях Света и радости.

Итак, при разлуке с родными и близкими следует предать печаль нашу Господу, укрепляясь в вере в Его благой Промысл. «Како Господеви изволися» – Его Святая Воля!

А слово – «востани», обращенное к юноше, сыну вдовы Наинской, не забудьте, дорогие мои, относится ко всем нам, во тьме греховной пребывающим, как призыв к пробуждению, к духовному бодрствованию, к жизни во Христе.

Аминь.

Беседа на неделю 20-ю по Пятидесятнице

Сегодня мы слышали в Евангельском чтении, как Иисус Христос словом Своим воскресил сына Наинской вдовы. Слышали плач матери и радость ее. А вот на наших глазах растут дети и подростки – вооруженные инстинктами духовные мертвецы. Об этих детях редко услышишь плач матери; наоборот, слышишь похвалу и радость: подумайте, мой ребенок материально преуспевает и проч.

Дорогие мои братья и сестры, воскресный день – это день Господень. А как проводит этот день большинство христиан? Вопреки 4-ой заповеди мы обычно посвящаем этот день удовольствиям, развлечениям, угощениям; одним словом: пьем, чреву угождаем, безотчетно болтаем и веселимся, часто красуясь собой, ничего или почти ничего не делая для воскрешения в себе духовных сил. Шесть дней мы трудимся, хлопочем и суедемся. В день воскресный, в день Господень идем в храм – обычно к середине или к концу службы. Зачем? Чтобы молитвой своей труд освятить, чтобы очиститься и духовно окрепнуть? Но для этого нужно не просто присутствовать в храме; необходимо сознательно и активно участвовать в богослужении. Ибо только сознательно участвуя в Литургии, мы воскрешаем души наши. Воскресный день – после нашего шестидневного пребывания в суете и в

житейских хлопотах – дан нам для воскрешения души, для укрепления духовных сил.

Мы воскрешаем наши души вдумчивой сосредоточенной молитвой. Молитва – домашняя и особенно храмовая-соборная – это одно из средств нашего воскрешения. В храме, как и в домашней молитве, надо вникать в каждое слово молитвы. А ведь многие в храме лишь телом присутствуют; духом они вне храма, их мысли за стенами храма блуждают. Мы наблюдаем в храме рассеянность и взрослых, и детей. Дети скучают, переминаясь с ноги на ногу; спешат присесть на стул или на скамейку; и не раз садятся, заложив ногу на ногу, подражая в этом некоторым взрослым... Что это – от усталости? О, нет! Это от скуки, это от мертвенности души! Подумайте, ведь это уже в детском возрасте!.. И растут на глазах родителей духовные мертвецы, живые трупы. Чем объяснить это страшное явление? Отсутствием христианской семьи – семьи как домашней церкви.

Молодые люди решили жениться. В предбрачной беседе батюшка объясняет им чин венчания, говорит о величии таинства Брака, о сущности и отличии его от брака гражданского, об отношениях между молодыми супругами. Говорит о том, что семья должна быть домашней церковью. Но молодые, слушая, мало думают о Христе и женятся не во имя Христа – женятся для своих удовольствий и удобств. Где же тут быть семье как домашней церкви? А где нет семьи как церкви домашней, там быстро муж и жена теряют общий язык; начинается непонимание друг друга, начинаются ссоры, а то и грубость в выражениях; создается в доме нервная обстановка. Видит и слышит все это ребенок. Дети видят отца и мать посещающими церковные службы, но не видят в домашней обстановке христианской настроенности их родителей, не чувствуют присутствия Христа в их доме, хотя и образ (видимо, для декорации?) висит в красном углу. «Христос есть мир наш» – а в их доме нет мира! В большинстве семей не слышат дети от родителей ни о Боге, ни о Христе и о Его за нас страданиях, ни о духовной жизни, ни о грехе, ни о том, что каждый человек ответствен за свои поступки пред Богом.

Скажите, с какой психикой выйдет ребенок из такой семьи?

Нет семьи как домашней церкви – нет счастья ни родителям, ни детям.

Нужно молиться и дома, и в храме. Не единичны случаи, что дети уже с 8–9-тилетнего возраста перестают регулярно дома молиться, отвыкают от молитвы. В чем и в ком причина? В родителях. Во-первых – дети не приучены к молитве, во-вторых – родители не подают им в том примера. А когда мы молимся – как мы молимся? В большинстве своем механически повторяем заученные слова. Иначе говоря, и дети и их родители «отбывают номер». Отчего мы такие? Нет в нас веры живой, мы живем не верой, а поверхностно усвоенной привычкой. Каждый ли из вас, отец-мать-ребенок, проснувшись и встав с постели, благоговейно осеняет себя крестным знаменем, обращая мысль свою к Богу: Господи, благослови и помоги! Необходимо родителям укрепляться в молитве и учить детей молитве вдумчивой. Молитва – это свидетель духовной жизни человека, свидетель нашего союза с Богом. Где прекращается молитва, там начинается духовная смерть, там блуждание мысли и чувства, там помрачение рассудка и моральное разложение. Таково, родители, будущее ваше и ваших детей. Вас ожидают слезы, если вы не приложите усилий к тому, чтобы ваша семья стала домашней церковью. В этом да поможет вам Господь.

Неделя 21-я. О сеятеле

В притче о сеятеле Господь говорит о судьбе слова Божия в сердцах людей. Что такое слово Божие? В широком смысле – это Откровение Бога людям.

Первое слово Божие мы слышим в голосе нашей совести, этот голос соединяет нас с Творцом.

Второе слово Божие – это видимый мир, в нем открываются нам Божия Сила и Божия Премудрость.

Третье слово Божие – это Откровение, данное нам через пророков и Сына Божия.

Слово Божие, подобно зерну, падает на разную почву людских сердец. Все люди призваны слушать и воспринять его. Но, как говорит в притче Господь, судьба засеянного зерна – слова Божия – зависит от почвы.

Различна почва сердец человеческих. Сердце человека может быть скалой, может быть утоптанной стезей либо полем – покрытым сорной травой, бурьяном страстей и своеволия. Не примется там растение, не даст человеку зерно – слово Божие – ожидаемого им плода.

Преподав притчу, Господь возгласил: «Имей уши слышати, да слышит».

Итак, Господь поучает нас голосом нашей совести, голосом видимого мира и словами Откровения. Блажен, кто вникает в слово Божие, блажен – кто питает совесть своим словом Божиим и радуется ему.

Но все ли христиане спешат услышать слово Божие, все ли слушающие вникают в слово Божие?

Нередко приходилось слышать: а что нового может сказать мне священник? Все, о чем говорится в храме, известно мне с малости и со школьной скамьи. Или: да он плохой проповедник, ничего нового он мне не скажет! А скажите – разве не полезно услышать давно известное, но забытое, в жизнь твою не введенное? Ведь не причинит человеку ущерба, если услышит он не новое – а старое, и зашевелится в нем совесть...

Итак, не следует пренебрегать слабым проповедником, даже в том случае, если сам проповедник не живет по слову Божию. Блаженный Августин говорил: «Не подражай плохому проповеднику, но подражай добру, о котором он говорит», и еще: «Когда вкушаешь хлеб, ты ведь не думаешь о том, была ли чиста рука сеятеля. Не любишь слушать старые истины – так знай: Правда и Истина Божии вечны и неизменны».

«Кто от Бога, тот слушает слова Божии» (Ин. 8, 47), – говорит Господь.

Будем же, дорогие братья и сестры, заботиться о том, чтобы почва сердец наших была возделана для плодотворного восприятия слова Божия, духовно нас

укрепляющего и дающего силы к несению жизненного креста.

Аминь.

О «безумном богаче». В чем счастье?

«Что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих... Скажу душе моей: душа моя, много добра лежит у тебя на многие годы, покойся, ешь, пей и веселись». И в момент этих размышлений сказал ему Господь: безумный, в эту ночь душу твою возьмут от тебя, кому же достанется то, что ты заготовил?»

Безумным назвал Господь любостяжательного человека, полагавшего, что жизнь его зависит от изобилия богатства его. «Берегитесь любостяжания» и «попечения о плоти не превращайте в похоти», – говорит нам Господь.

История человечества свидетельствует о том, что люди, достигшие богатства и славы, испытывавшие в своей жизни все земные удовольствия, не нашли в них ни покоя душевного, ни счастья.

Остановим наше внимание на нескольких примерах. Вот царь Соломон. Он имел доступ ко всем благам жизни, в его власти были все сокровища и удовольствия мира, и что же – был ли он счастлив? Он сам отвечает на этот вопрос. Он говорит: «И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме... Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывал им; не возбранил сердцу моему никакого веселия; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей... И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, и вот – все суета сует и томление духа», и «нет от них пользы под солнцем».

Другой пример: римский император Тиберий владел почти всем миром, его богатства были несметны, в своих удовольствиях не знал он никаких ограничений... Но был ли он счастлив? Из своего прекрасного жилища он пишет римскому Сенату о том, что он чувствует

себя крайне несчастным и не знает, как упросить богов о прекращении его жизни! Вот вам, братья и сестры, итог жизни, проведенной в мирской славе и роскоши!

А вот знаменитый английский поэт Байрон считал, что во всей своей жизни он имел всего лишь 11 счастливых дней. И еще один пример: знаменитый в истории калиф Абдурахман писал перед смертью: «Я царствовал 50 лет. Я имел богатство, почет и всевозможные наслаждения. Я пользовался любовью и уважением моих друзей. У меня не было недостатка ни в чем, чем Творец может наделить человека... Я захотел сосчитать те дни, в которые я чувствовал себя совершенно счастливым, и нашел только 14 дней».

Итак, ничто в мире не приносит подлинного счастья человеку, не дает мира и радости. Где же оно – счастье? Доступно ли оно и возможно ли для человека? Неужели напрасно вложена в нас эта неутолимая жажда счастья? Неутолима, дорогие, жажда счастья для тех, кто ищет его в прахе и тлении, в мирских, земных благах и в удовлетворении своей гордыни и тщеславия.

Существует, дорогие, сокровище, которым мы можем сделать жизнь нашу светлой, счастливой и радостной. Какое же это сокровище? Это жизнь с Богом, Источником всякого блага и счастья – жизнь с Богом при строгом отношении к себе. Это наша духовная жизнь, живое общение с Богом – через молитву, через дела любви и милосердия, совершаемые во славу Божию. Это сокровище и доставляет человеку мир душевный и величайшую радость и в богатстве, и в бедности нашей; и в болезни, и в одиночестве. Обладаящий этим сокровищем «в Бога богатеет» – к чему призывает нас Господь наш Иисус Христос в нынешнем Евангельском чтении «о безумном богаче».

Аминь.

Беседа на неделю 23-ю по Пятидесятнице

Сегодня слышали мы в храме Евангелие об исцелении гадаринского бесноватого. «Уйди от нас!» – ска-

зали Христу жители Гадарина. Вместо радости об исцеленном – «уйди от нас!» А исцеленный «возвратися в дом свой», благовествуя о силе и славе Божией.

В наши дни всемирного гонения на Христа и смятения в церковной ограде невольно задаешь себе вопрос: кем же определяется жизнь Церкви – теми ли, кто подобен жителям Гадарина, или теми, кто, познав Христа, пошел с проповедью о Нем, свидетельствуя о Христе всей своей жизнью и бесстрашием перед страданиями за Него?

С глубоким благоговением должны мы хранить память свв. мучеников – как просиявших в древние времена, так и ныне, в наши дни, подобно звездам, сияющим на нашем страдном пути. Они – мученики за Христа – ни на минуту не дрогнули душой перед истязаниями и смертью, не поддались соблазнам, помня слова Христова: «Кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь Я перед Отцом Моим».

Такой непоколебимой душой обладала и мчц. Параскева-Пятница, память которой отмечаем мы сегодня.

Будучи после смерти родителей-христиан, воспитавших ее в строгом благочестии, обладательницей значительного богатства, Параскева употребила его не на дорогие наряды, не на удовольствия и роскошную жизнь, а на пропитание голодных, на призрение калек и нищих, на помощь странникам. Она отвергла все предложения сочетаться с ней браком, желая остаться чистой Христовой невестой, отдавая свои силы обращению ко Христу язычников – жителей города, в котором она жила. Успех ее проповеди озлобил многих, и вот – Параскева схвачена и после жестокого избиения ввергнута в темницу. Ее приводят на суд к проконсулу этой области. Никогда не скрывавшая своей веры, открыто выступавшая с проповедью о Христе, Параскева с «подобно солнцу сияющим лицом» явилась на суд. При виде ее проконсул сказал: «Эту девицу оклеветали! Она не может быть ни колдуньей, ни последовательницей какой-то темной секты бунтовщиков».

Начинается допрос. На вопросы об имени, родителях, происхождении Параскева отвечает одним словом: «Я христианка». Для нее уже не существует всё то, к чему так привязан мир; для нее важно одно – состояние ее души, призванной к вечной радости со Христом; для нее выше всего принадлежность и верность Христу. И вот, в столкновении с миром – она своим ответом судьям сразу же опрокидывает ценности этого мира: «Христианка». Христос выше всего существующего; всё, что вне Христа – мираж и самообман. Пораженный ответами Параскевы и покоренный ее красотой проконсул, мягко указывая на то, что она нарушает порядок допроса, говорит ей: «Девница, принимая во внимание твою юность и красоту, мы оказываем тебе снисхождение – отвечай нам по существу вопросов». В ответ на это Параскева открывает уста для пламенной проповеди Христианства. Она объясняет, что первое ее имя – христианка – имя вечное, а имя Параскева-Пятница – временное. Поясняет, что благочестивые родители называли ее так потому, что чтили пятницу как день страданий Христовых.

Выслушав ее, проконсул, не вникая в смысл ее слов, плененный красотой ее, предлагает лишь небольшую формальность: принести жертву перед статуей идола, а затем – не дождавшись ее ответа – предлагает стать его женой. Для девушки открывалось завидное будущее: стать женой проконсула! Но Параскева, «имеющая ум Христов», не желает выгод этого блестящего предложения. «Красота тела отцветает» – с землей сравнивается, а «красота души вечна»; «меня ты не жалеешь, а о себе подумай, что себе ты в вечности готовишь», – так ответила Параскева проконсулу, своему судье...

В ответ на ее слова проконсул велит разорвать на ней одежду и бить ее воловьими жилами. Молча переносит мученица страшные удары. Уязвленный любовью к ней проконсул, не теряя надежды добиться согласия стать его женой, прекращает истязание и снова убеждает стать спутницей его жизни. Но Параскева не удостоила его ответа: она уже всё сказала ему. Одержимость темной страстью быстро вылилась в проконсуле в жес-

точайшую ненависть к девушке, в нем закипел гнев... «Мне ли ты не отвечаешь, злая христианка», – закричал он. Параскева в ответ плюет ему в лицо. Не на него плюет, а на его предложение, на искушение бесовское. Этим поступком она пресекла возможность дальнейших его разговоров. И она достигла цели: рассвирепевший проконсул велел ее повесить и строгать тело ее железными когтями...

Еле дышащую страдальицу снимают и относят в темницу, где является ей Христос. Вскоре подвергли ее новому жестокому допросу, и проконсул в бессильной злобе, видя невозможность победить мученицу, велел усечь ей голову мечом. Так отошла мчц. Параскева ко Господу победительницей и предстоит ныне в обителях радости молящейся о всех, почитающих распятого и воскресшего Спасителя мира.

Подобными исповедниками и мучениками освещен в двадцатом столетии небосклон нашей страдальицы Руси – России Православной. Ими-то и определяется жизнь Христовой Церкви на земле.

Аминь.

Неделя 24-я по Пятидесятнице

«Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя»... «Не бойся, только веруй».

Что означает слово «вера»? На этот вопрос отвечает нам ап. Павел: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

О вере поучает нас сегодняшнее Евангельское чтение. К Спасителю подошел начальник еврейской синагоги Иаир. Убитый скорбью о предсмертном состоянии любимой дочери он пал к стопам Иисуса и просил войти в его дом – исцелить на смертном одре лежащую. Спаситель знал, что больная должна умереть до Его вхождения в дом Иаира. И вот что для укрепления веры Иаира творит Божия Премудрость.

Многочисленный народ сопровождал Иисуса. Все знали, что Спаситель направляется в дом начальника синагоги; каждый желал видеть новое чудо. Народ тес-

нил Его. В этой массе народа была женщина, страдавшая 12 лет неизлечимым недугом. Не смея ни остановить Спасителя, ни вслух просить Его о помощи, она помыслила в себе, что для исцеления достаточно лишь прикоснуться края одежды Божественного Учителя. И что же? Прикоснулась – и тотчас ощутила исцеление от болезни. Никто, даже ученики не заметили совершившегося чуда – это и было желание больной женщины. В простоте сердца она думала утаиться от Самого Спасителя. Но слава Божия не должна остаться в тайне. Нужно было и окружающему народу указать пример – как легко получить помощь от Всевышнего и вместе с тем подкрепить Иаира против ожидавшего его искушения.

«Кто прикоснулся к одежде Моей?» – спросил Спаситель. Ученикам показался странным этот вопрос. «Ты видишь, что народ теснит Тебя, и спрашивает: „Кто прикоснулся ко Мне“. Мало ли кто прикасается, да еще в такой тесноте, – думали апостолы, – что же тут особенного?» А особенное, дорогие мои, было то, что и другие прикасались к ризам Христовым, но прикасались без веры, без мысли о даровании им силы Божественной. Так и в наши дни одни прикасаются к ризам Христовым – в молитвах и в Таинствах – без веры, без мысли о даровании им очищающей и укрепляющей Божественной силы, подходят как исполняющие обряд; а иные – с верой, с открытой пред Господом душой, и исцеляются. Спаситель знал, кто прикоснулся к одежде Его, но хотел, чтобы женщина сама, перед всем народом поведала о том, что с ней случилось. И она пала перед Спасителем и рассказала о своих страданиях и об исцелении.

Печальный Иаир слышал рассказ женщины, слышал и слова, сказанные ей Спасителем: «Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя». Едва произнес Спаситель женщине эти слова, как из дома Иаира сообщили, что дочь его умерла. «Не утруждай Учителя!» – сказали посланцы Иаиру, ведь мертвых не лечат... Но Спаситель тут же говорит Иаиру: «Не бойся, только веруй, и спасена будет»...

В доме Иаира плакальщицы окружают одр умершей. «Не плачьте! – сказал им Господь. – Она не умерла, но спит». Да, дорогие, для верующего смерть есть успление, сон... Но тем, кто за животной жизнью ничего дальше не видит, кто не хочет знать, что Бог есть Бог живых – тем и слово Божие кажется юродством. Поэтому-то и «смеялись над Христом», видя на одре лежащую усопшую. Что это за смех? Это смех от гордыни ума, лишённого веры. Смеются над тем, чего не знают, над тем, чего не понимают. Спаситель же, взяв Иаинову дочь за руку, возгласил: «Девица, встань!» Она встала и начала ходить.

Итак, мои дорогие братья и сестры, в каком бы отчаянном положении кто из нас ни очутился, никогда не считай его безнадежным. «Возверзи на Господа печаль твою», не бойся – только веруй и спасен будешь.

Аминь.

О страхе (Мф. 14, 23–26)

«А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный... Ученики встревожились... и от страха вскричали».

Страх. Жизнь человека полна страхов. Начиная с раннего детского возраста пугают его темнота, болезни, нужда, приближение старости, войны, приближение смерти и т.д. Страх проходит через всю жизнь человека. Страх, парализующий волю, вызывающий тревожные мысли, отчаяние и досаждающие сомнения... Все это заставляет человека трепетать и бояться.

Правда, бывает, что страх и пользу приносит: предупреждая о грядущих опасностях, он побуждает к принятию мер для избежания различных бедствий. Но в большинстве случаев поражающий человека страх не нужен и часто бывает вреден. И такой страх необходимо вырвать с корнем, чтобы никакая чрезмерная озабоченность, мучительная нервная напряженность и страхом охваченный ум человека не повредили его душевному состоянию и жизни духовной.

А разве существует противоядие против страха? – спросите вы. Да, существует. На вопрос этот дает нам ответ слово Божие. «Когда я в страхе, на Тя уповаю» (Пс. 55, 4), – восклицает пророк Давид, – и «если пойду долиною тени смертной, не убоюсь зла, потому что Ты со мною» (Пс. 22, 4).

А св. ап. Любви Иоанн Богослов говорит: «Совершенная любовь изгоняет страх... боящийся несовершен в любви» (1 Ин. 4, 18).

Так же говорит и пророк Исайя, переживший страхи в своей жизни: «Ты сохранишь в совершенном мире того, чьи помышления утверждены в Тебе» (Ис. 26, 3).

Да, дорогие братья и сестры, если человек утверждён мыслью и сердцем в Боге-Промыслителе, если он все свои заботы и нужды возлагает на Бога, он, несомненно, будет Им храним во всех житейских волнениях и бурях. Если же человек своим умом и сердцем отошел от Бога, он всегда будет боязлив, его всюду будет поражать страх, ибо такой человек не тверд в вере и в любви к Богу, нет в нем доверия Промыслителю своему.

Итак, противоядием против страха являются вера, любовь к Богу и Любовь Божия к человеку, отводящая всякое зло от любящего Его человека или же направляющая зло к благим последствиям.

Стремитесь, дорогие, к тому, чтобы жизнь ваша была живым свидетельством любви, ограждающей вас – чад Божиих, ибо «дал нам Бог духа не боязни», но «силы и здравого ума», чтобы не были мы в жизни «боязливыми и маловерными».

Аминь.

Исцеление 10 прокаженных

Не удивляет ли вас неблагодарность и не скорбно ли звучит вопрос Спасителя: «А где же девять?»

Однако, что удивляться? Много ли среди нас, христиан, тех, кто не забывает сердцем и устами славить Бога-Промыслителя за ниспосылаемые нам благословения и благодеяния? Вряд ли найдется среди нас, да и

вообще среди христиан, человек, в жизни которого не было случаев явления милости Божией.

Читал я у одного писателя рассказ о том, как некий священник, проезжая, увидел на земле сидящего и плачущего крестьянина. На вопрос о причине слез тот, указывая на ползущую жабу, ответил: «Когда я увидел это отвратительное животное, мне вдруг пришло в голову, что я ни разу в моей жизни не возблагодарил Творца за то, что родился я человеком, а не каким-либо уродом. И эта мысль о моей неблагодарности Творцу так поразила меня, что я не могу удержать горьких слез раскаяния».

А вы, дорогие мои, часто ли и вообще думаете ли о том, как многим мы обязаны Творцу; думаете ли о нашем нравственном долге славить Его и возносить Ему хвалу? Ведь так возлюбил Творец человека, так возлюбил нас, что послал к нам Сына Своего Единородного, крестными страданиями засвидетельствовавшего Любовь Божию к человеку и указавшего человечеству утерянный им путь к осмысленной жизни в свободе и радости. Многие ли в наш так называемый «просвещенный век» припадают к стопам Спасителя, «хвалу Ему вознося?» «Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его» – увы, нам свойственно забывать этот призыв Псалмопевца.

В чем же причина такой людской неблагодарности Богу? Причина в легкомыслии и в гордости человека.

Увлеченные миражами развлечений и мнимых мирских благ, по легкомыслию предаваясь самообману, мы забываем о пережитых горьких испытаниях и бедах, из которых выводил нас и родителей наших Господь-Промыслитель. По легкомыслию принимаем мы в нашей жизни дары, забывая о руке Дающего, забывая слова пророка Исайи: «Всякий день простирает Господь к нам руки Свои».

Но кроме легкомыслия, делает нас неблагодарными Творцу еще и гордость человеческая. Как часто по гордости стыдится человек воздать хвалу Богу, как бы боясь умалить перед людьми свое достоинство, «потерять лицо свое».

По гордости и себялюбию возрастает в обеспеченном человеке жажда большего. По гордости и неразумию принимаем мы дары Божии – здоровье, таланты, успех в делах, жизненные блага – как нечто должное, совершенно исключая участие Промыслителя в нашей жизни. «Народ глупый и несмышленный! Не Бог ли Отец твой, Который усвоил тебя и устроил тебя!» – не относятся ли эти слова Моисея и к нам, забывающим и отвергающим участие Бога в жизни человека?

Наши радости в жизни, дорогие мои, наши успехи и счастье получают свое освящение только через возношение нами благодарности Богу-Промыслителю. Посему всегда спешите к стопам Христа с выражением благодарности за все Его дары, чтобы и каждому из нас услышать Его благословляющее и укрепляющее нас слово: «Встань, иди, вера твоя спасла тебя».

Аминь.

Преображение Господне

На горе Преображения Христос-Богочеловек явился перед учениками Своими во всей славе Своего человечества; явился сияющим той славой, к которой все мы призваны, дорогие братья и сестры.

На горе Преображения Христос показал ученикам, каким было, каким могло быть и каким станет творение Божие, когда победит Христос и когда мир будет сиять славой вечной жизни.

На горе Преображения апостолы видели таинство будущего века; они видели преображенный мир, сияющий славой Божией. Рядом с Христом видят и слышат апостолы со Христом беседующих пророков Илию и Моисея, умершего за 1571 год до Рождества Христова.

«Господи, как хорошо нам здесь!» – воскликнули апостолы. Но Христос повелел им оставить гору Преображения и вместе с ними сошел в долину – сошел в мир, чтобы снова встретиться с мраком, со всем ужасом греховной жизни мира.

Дорогие мои, Христос дал апостолам на горе Преображения видение победоносной Красоты Вечности.

Для чего? Для того чтобы они несли свидетельство об этом в мир.

«Господи, как хорошо нам здесь!»

Скажите, дорогие братья и сестры, не переживаем ли и мы с вами, стоя за молитвой ко Господу в храме, особенно во время Литургии, – не переживаем ли мы радость, покой и мир душевный, так что не хочется уходить из храма? Как часто мы не отдаем себе отчета в том, как много дал и дает нам Творец и Промыслитель, как богаты мы духовно! Забываем и о том, что этим богатством мы должны поделиться с окружающими нас!

Ежегодно в праздник Преображения напоминает нам Господь о победоносной Красоте Вечности – напоминает, чтобы и мы с вами выходили из храма с миром душевным, со Светом Христовым в сердце и в глазах наших, чтобы и дети наши, и окружающие нас люди видели в нас сияние Христова Света, рассеивающего тьму душевную, вносящего в жизнь мир и радость,

Аминь.

Воздвижение Честного Животворящего Креста

Родные во Христе и дорогие братья и сестры! Когда Божественный Страдалец Господь наш Иисус Христос был распят на Древе Крестном, Его окружала толпа, недавно кричавшая: «Распни, распни Его!», и небольшая группа его друзей.

Голгофа оглашалась тогда страшными насмешками, ругательствами и богохулениями над Распятым. Ругались все – и распинатели с подкупленной толпой, и воины-язычники, и образованные книжники и фарисеи, и даже члены высшего духовного судилища – Синедриона: священники и архиереи ветхозаветные.

Друзья Христовы (чьи сердца были исполнены благоговением пред Страдальцем, состраданием, любовью и чувством благодарности за Его Любовь к человеку) и все знавшие Его стояли поодаль и с грустью, с чувством сердечной боли смотрели на обезумевшую от злобы

толпу богохульников (Мк. 15, 40. Лк. 23, 49). Понятна нам с вами и без слов та скорбь, которую переживали друзья Иисуса.

Но вот от 6-го часа настала тьма по всей земле и продолжалась до часа 9-го (Мк. 15, 33). Само солнце, как бы устыдившись и убоявшись мук Творца своего, вдруг сокрыло лучи свои. Страшная Голгофа в эти часы стала еще страшнее. Безумные богохульники и богоубийцы в страхе побежали от Креста, побежали от невинной Жертвы своего безумия, своего неслыханного преступления; побежали, бия себя в грудь, быть может, от тайного предчувствия чего-то страшного и ужасного за грех богоубийства.

Свободно стало место у Креста, и сюда подошли преданные друзья Христовы; подошли и получили утешение в том, что привел их Господь быть свидетелями, как совершилось великое дело искупления человечества, как Спаситель наш, преклонь главу, предал Дух (Ин. 19, 26–30).

Вот и мы, дорогие, вчера и сегодня стоим у Креста Христова, лобызая пречистые язвы Божественного Страдальца. Приступаем как преданные чада и ученики Его; приступаем к Нему как открывшему нам Бога истинного, как засвидетельствовавшему Любовь Творца к человеку, как Победителю искушителя, сеющего рознь между людьми и плевелы сект, ересей и расколов на ниве Христовой.

Но как приступить нам к Страдальцу Святейшему, нам – великим грешникам, ежедневно нарушающим Правду Божию? Не скажет ли Господь каждому из нас: «Не вем вас, отойдите от Меня, делающие беззакония!» Но да не смущается сердце ваше... Хотя мы и грешники, но грешники кающиеся, слезами омывающие грехи и беззакония наши. «Приходящего ко Мне не изжену вон», – говорит Господь! У Креста Христова место только покаянию, смиренному сознанию своего недостойнства пред Страдальцем Христом и слезам.

Приступим же к пречистым язвам Спасителя с сердцем, исполненным смирения, раскаяния в наших грехах и беззакониях, с сердцем, исполненным благо-

дарности за Его Любовь к человеку, Любовь к нам, запечатленную Им на Кресте. Приступим с обетом сохранить Ему верность в жизни нашей при любых условиях и обстоятельствах нашей жизни. И милость Его пребудет с вами, братия.

Аминь.

Воздвижение Честного Животворящего Креста Господня

Перед взором нашим св. Крест с изображением на нем Господа, Спасителя нашего. Мы невольно переносимся мыслью к Голгофе и видим, как из пречистых стоп, из рук и из чела Спасителя истекает Кровь. И невольно задаем себе вопрос: для чего страдал Христос? Зачем нужно было Творцу мира так смириться, так терпеть поругание и истязания, так страдать?

Сам Господь дает нам ответ на первый вопрос. Он говорит: «Как Моисей вознес змию в пустыне, так должно быть вознесу Сыну Человеческому. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 14–16).

По слову Господню, вера вводит человека в жизнь вечную. Однако «не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в Царство Небесное, – говорит Спаситель, – но исполняющий Волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21) и еще: «Если любите Меня, соблюдайте заповеди Мои». Итак, подлинно верующий – это тот, кто не только признает Христа Сыном Божиим, своим Господом, но и творит Волю Его, исполняет Его заповеди. «Христос – жизнь наша»... И право именовать себя верующим христианином имеет тот, кто по вере и любви ко Христу стремится согласовать, слить свою волю с Евангелием – со Христом. Об этом просите, к этому стремитесь!

На второй вопрос – зачем Творцу мира нужно было проявить смирение вплоть до крестных страданий? – отвечает нам с Креста Сам Он, Милосердный: «Сошел Я с небес, чтобы тебя на небо вознести; смирился – чтобы

возвысить тебя униженного; обнищал – чтобы обогатить тебя обнищавшего; обесчестился – чтобы прославить тебя обещенного; уязвился, чтобы исцелить тебя уязвленного; умер – чтобы оживить тебя умершего; ты согрешил, а Я грех твой на Себя принял; ты виноват, а Я казнь претерпел; ты должник, а Я за тебя долг заплатил; ты на смерть осужден, а Я за тебя умер».

Да, дорогие, за нас понес Спаситель Крест Голгофский. И Господень Крест говорит нам, чтобы мы с вами не ослабевали в наших трудах, в нашей жизненной борьбе. Мы идем не одни: впереди нас идет Христос. Он прошел от яслей убогих, от Гефсимании до Голгофы и через Крест пришел к Воскресению, «послушлив быв Отцу даже до смерти, смерти же крестная».

Земной наш путь, дорогие мои, – это путь Креста. Наш жизненный крест спасителен для нас, ибо он – обновляющая и возрождающая пища для души. Не должен он казаться нам непосильным: Тот, Кто идет впереди нас, помогает нам в несении нашего креста.

Через Голгофу – крестным путем нашей жизни, совершаемым в смирении и верности Господу Иисусу – идем и мы с вами к радости Воскресения, поклоняясь Животворящему Кресту Господню и прославляя на Нем распятую Любовь Божию к человечеству.

Аминь.

Благовещение Пресвятой Богородицы

Мои дорогие братья и сестры! Наше присутствие в храме в сегодняшний праздник делает нас как бы участниками прославляемого нами события. События этого человечество ожидало тысячи лет. Ожидали Спасителя мира, который соединит небо с землей, который вернет человечество на утерянный Путь Жизни, вернет человечество к утерянной им Правде и научит жизни по Правде. Сегодня вспоминаем мы, как Благая Весть о пришествии Спасителя была сообщена человечеству через скромную Отроковицу Пресвятую Деву Марию.

Архангел Гавриил явился Деве и сказал Ей, что у Нее родится Сын, которого Она назовет Иисус. Смутилась Отроковица: как родится, когда Она посвятила Себя Богу – дала обет девства? Архангел объясняет, что Дух Святой сойдет на Нее и что Родившийся будет Сыном Божиим.

Великая тайна Божия замысла о человечестве, тайна возвращения от Бога отпадшего человечества в лоно Отчее, тайна возвращения блудного сына-человека в объятия Отчи!

Что привлекает наше особое внимание в этом празднуемом событии? Наше внимание привлекают вера и смирение Пречистой Девы, когда на страшные слова Архангела ответила Она смиренным – «Се раба Господня: да будет Мне по слову твоему».

Благовещение – это призыв человека свыше к чистоте, к верности Богу, это праздник чистоты. Пречистая – нашего рода, Она зовет нас к чистоте сердца, мысли и слова.

Мы окружены в миру людьми, живущими без Христа. Мы видим, как они, погружаясь в дебри суемудрия и своеволия, отравляя ядом миражей и грязью свою и всего мира жизнь, отрывают от Христа детей и молодежь, отрывают от Христа Божиих детей.

Нынешний праздник указывает нам, что пред каждым из нас в миру два пути. Один путь – это путь Пресвятой Девы, путь веры и смирения, путь чистоты и любви к Богу и человеку. Другой путь – путь зла, нечистоты и лжи. По какому пути идете вы, дорогие братья и сестры? Стоя у креста и Евангелия пред Господом в таинстве Исповеди, человек выбирает путь Девы Марии. Поймите это, и да приложит каждый из вас усилия не сойти с пути жизни по Божией Правде.

Аминь.

Неделя жен-мироносиц

В числе первых последователей и постоянных слушателей Христова благовестия было несколько женщин, которых Св. Церковь именует мироносицами. В третий

день после крестной смерти Спасителя они приходили на гроб, чтобы драгоценным миром помазать Тело Христово. Эти благочестивые иудеянки вместе с Апостолами признали в Лице Иисуса Христа обещанного Мессию, Искупителя мира, постоянно сопровождали Его, внимая словам Его Божественного учения. Когда Господь был предан на страдания, они всюду следуют за Ним. А когда Он умер на Кресте, они вместе с Иосифом Аримафейским и Никодимом принимают благоговейное участие в Его погребении.

Едва миновала пасхальная суббота, святые жены рано поутру поспешили ко гробу Господню с драгоценными ароматами и благовонным миром, чтобы помазать погребенного Мертвеца. И вот, когда они достигли гроба Господня, их встретил светоносный Ангел; он сообщил им радостную весть о Воскресении Христовом и повелел немедленно идти к ученикам и напомнить им (особенно же Петру, трижды от Христа отрекшемуся), что они, согласно предсказанию о сем Самого Господа, могут увидеть Его в Галилее. После этого Воскресший явился Марии Магдалине. Таким образом, именно святые мироносицы первыми удостоились видеть воскресшего Спасителя, первые стали провозвестниками Его славного Восстания из мертвых. Так наградил Господь святых жен за их к Нему пламенную любовь, за их преданность и усердие, которые проявили они как при земной жизни Спасителя, так и по смерти Его.

Как важно и необходимо в наше время женщинам-христианкам утвердить в своей душе светлый образ св. Жен-Мироносиц и стараться подражать их высоким духовным качествам – любви и неизменной преданности, верности Спасителю нашему. В этом, главным образом в этом, нуждается наш мир, утопающий в беспринципности, в грехе зловонного своеволия. Никто не может принести столько пользы для семьи, для общества и даже для целого народа, как благочестивая, благоразумная и богобоязненная женщина-мать. Она – всегда верная спутница в жизни не только своему мужу, но и всем, где слышится горе. Преданная Воле Божией, она не только несет неразлучно с мужем крест

семейной жизни, но и принимает на себя скорби сирот и вдов. Недаром премудрый Соломон говорит, что добрая жена дороже всех ценностей мира.

История Церкви повествует о том, что женщины-христианки своей любовью, тишиной сердца, кротостью и верностью слову Божию до того пленили своих неверующих мужей язычников, что те, видя их примерную добрую жизнь, оставляли тьму язычества и принимали св. Крещение. Как легко может мать-христианка вкоренить в сердца своих детей страх Божий, любовь к ближнему, скромность и послушание, эти необходимые черты для нормального роста ребенка – и духовно-нравственного, и физического. И не в этом ли призвание и назначение женщины-матери в жизни народа, в жизни государства? Посему-то и обращаемся мы в этот светлый день свв. Жен-Мироносиц к вам, женщины и девушки: утвердите в ваших душах светлый образ Жен-Мироносиц, подражайте в своей жизни их высоким духовным и нравственным качествам – любви и жертвенной преданности к ныне гонимому Спасителю нашему Иисусу Христу.

Аминь.

На день 17-го июля

В сей день всероссийского траура надлежит нам, дорогие мои, прислушаться к голосу святейшего Тихона – мученика, Патриарха Российского. В кровавые дни бесовской вакханалии на землях российских святейший Тихон сказал: «Счастье, блаженство наше, заключается в соблюдении нами слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как и все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и к стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но и оправдывается как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное: расстрелян Государь Николай Александрович... и

высшее наше правительство одобрило это и признало законным... Но наша христианская совесть, руководствуясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а Он теперь предстоит пред Нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что Он отрекся от престола, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти Себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не сделал для улучшения Своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг Он приговаривается к расстрелу, где-то в глубине России, не за какую-либо вину, а только за то, что Его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и деяние это одобряется высшей властью. Но наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы всё это претерпеть. Господи Человеколюбче, прими очистительную жертву рабов Твоих, отыми от нас дух малодушия и уныния и духом Владычним, духом силы и крепости утверди нас. Воссияй в сердцах наших свет Твоего разума и посети виноград сей – егоже насади Десница Твоя».

Так говорил Святейший, стоя лицом к лицу к злейшим врагам Христа и России Православной. И мы верим, что Россия, а с ней и весь мир будут спасены подвигом святейшего Тихона и всех новомучеников и страстотерпцев российских. В них свидетельство, что мир стоит любовью, а не насилием, Правдой, а не ложью. В них свидетельство, что Крест – по-прежнему хранитель Вселенной, что Христово дело живо на земле.

Аминь.

Слово на 7 ноября

Ежегодно собираемся мы в этот день в храме, чтобы вознести молитву и почтить память десятков миллионов мучеников – епископов, священников, монашествующих, верующих мирян, женщин и детей, от богоборческой власти смерть лютую принявших. Все они – герои духа – во главе с Государем, Его Семейей и святейшим Патриархом Тихоном своим спокойствием и достоинством перед лицом мучителей показали всему миру несокрушимое могущество веры Христовой и непобедимую силу Креста Христова.

До сего дня, хотя и истекло свыше 70-ти лет со дня крушения Державы Православной – Христовой Руси, еще слышны рассуждения: а кто виновен в постигшей Царство Российское Трагедии? Многие, очень многие всё еще ходят с повязкой на глазах, «имея очи – не видят». Да и не время спорить, на ком вина. Мы не можем считать и нас свободными от той вины, которую так хорошо изобразил духовный поэт наш, Митрополит Московский Филарет:

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Душу сам наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

На этом каждый росс должен остановить свое внимание. И если мы с вами навлекли на себя страшную болезнь, именуемую большевизм, коммунизм, социализм, экуменизм, – от нас прежде всего и зависит исцелиться от нее и ее последствий. Народный организм должен изблевать из себя принятый с Запада яд; надо омерзить неправду введенной в народный организм идеологии Маркса-Ленина-Фрейда. При этом следует знать, что царство сатаны, жертвой которого являются десятки миллионов российских мучеников, не может быть разрушено только словами, как бы красноречивы они ни были, или социальными и новыми политическими программами. Царство сатаны – «сей род» – сила

его побеждаются молитвой и постом, т. е. религиозным и нравственным подвигом. Совершая этот подвиг, мы – сыны рассеяния – вместе с подъяремной Русью должны молить Господа Бога о том, чтобы снова низвел Он на Землю Русскую огненную благодать Св. Духа, которая бы очистила ее от скверны и обновила в сынах России чистую мысль и правый дух. Могущество Каина и Хама – могущество призрачное, и не может оно, питаемое ложью, устоять перед вечной и непобедимой силой Креста Христова.

Если весь российский народ, подъяремная Русь и мы вооружимся этим духовным оружием, то вскоре – после пережитого огненного крещения – мы явимся свидетелями возрождения Отечества нашего, России, в новой силе и славе.

Дорогие братья и сестры, наш неотменный нравственный долг, ежедневно призывая в молитвах новомучеников и новых исповедников российских, трудиться для завтрашнего дня нашей Православной Отчизны (хотя бы сами мы и не дожили да него), не унывать, веруя в конечное торжество Добра над злом и в победу Христа над Антихристом, прилагающим усилия воцариться над всем миром.

Аминь.

Пастор-протестант о русском народе

Пастор Вурмбрандт много лет провел в «коммунистическом раю». Господом вызволенный из этого «рая», прибыл в США и здесь все свои силы отдает разоблачению сатанинской сущности марковского Интернационала. Интересна и ценна его брошюра «Был ли Маркс сатанистом». В его брошюрах описывается следующий случай издевательства над Христом и христианами – в лице заключенного в тюрьму священника. Его привязали в тюремном дворе ко кресту, и каждый заключенный, выходя на прогулку, под угрозой расправы в случае отказа должен был испражняться и мочиться на страдальца. Это было в Румынии. То же происходило и

происходит и в поверженной Марксом-Лениным Россией–СССР.

Сбросит ли с себя народ наш стальные цепи, в которых изнывает Русь свыше 70-ти лет – цепи неслыханного рабства, в которые закован он марксистом Лениным и К^о? Разно отвечают на этот вопрос русские люди, отмечая силу врагов России, но забывая, что «не в силе Бог, а в Правде». Проснется ли народ наш от спячки духовной, вернется ли ко Христу, к Божией Правде? От этого зависит будущее Отечества нашего. Русских скептиков, пессимистов посрамляет не русский – пастор Вурмбрандт.

Он говорит следующее: «Для меня проповедь среди русских была небом на земле. Среди многих наций, где приходилось мне трудиться на Ниве Господней, не встречал я так жадно впитывающих учение Евангелия, как русские. Они имеют такие жаждущие души.

Приходилось мне встречать катакомбных благовестников из России, от которых много слышали об испытаниях и страданиях в Русской Православной Церкви. В их лице мы видели больших святых. Пройдя через годы пропаганды атеизма, пройдя через советские университеты, они сохранили чистыми свои души. Как рыба, живя в соленой воде, сохраняет сладость своего мяса, так и они, пройдя чрез коммунистические школы, сохранили чистыми свои души. В России каждый христианин – это миссионер. Русские – по природе наиболее религиозные люди среди других наций, и лик их страны может измениться Светом Евангелия, которого жаждет этот народ».

Говорит пастор о катакомбном священнике, с которым пришлось ему встретиться. От него он услышал следующее: «Нас десять молодых людей, исполненных жаждой борьбы за Христа, за Его Церковь; мы решили стать пастырями. Так как всякий шаг епископов контролируется безбожной властью, мы не решились обратиться к ним за рукоположением – это привело бы нас к пыткам совести со стороны безбожных опекунов Церкви. Мы пошли к могиле епископа-мученика, двое из нас положили свои руки на его могильный камень,

образовали круг и просили Бога, призывая Духа Святого, ниспослать нам благодать священства. И мы уверены, что просьба наша исполнена Пастыреначальником, что чрез прободенные руки Спасителя ниспослана нам благодать Св. Духа».

«Русский человек, – говорит пастор Вурмбрандт, – глубокий и отзывчивый душой. Он ищет и не находит – мировой атеизм убивает в нем стремление к глубине. Им нужен Христос, но ведь 70 лет одно упоминание имени Христа приводило взрослых к потере работы и – очень часто – к потере свободы, а детей к травле в школе». «В борьбе против Христа выигрывает Христианство», – этими словами веры в непобедимость Церкви заканчивает пастор Вурмбрандт. Участником этой победы является и наш крестonosный народ, что означает – восстанет из пепла и Русь Православная!

Аминь.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

В нынешний великий день Введения во Храм Пресвятыя Девы Марии, всегда отмечаемый в дни поздней осени или начала зимы, когда лениво встает солнышко, когда длинной ночью сменяется короткий день и в природе разливаются серые тона, – не пасмурно и не холодно на сердце христианина. Его сердце согревает радость Праздника: Отроковица-Дева-Жизнь, та жизнь, к которой изначала был призван человек, коснулась и согрела наши сердца.

Трехлетняя Отроковица вводится во Святаю Святых Иерусалимского Храма «воспитатися Господеву», возвещая о грядущем Спасителе мира.

Уже слышим мы и песнопения о рождающемся в Вифлееме Иисусе Христе, о снисходящей с небесных высот Любви Божией к человеку – Любви, возвращающей человека на утерянный осуетившимся человечеством путь Света и Мира и исцеляющей нас от душевного мрака, от немощи сердца и воли.

«Христос рождается – славите! Христос с небес – срящите!» – возглашает Церковь со дня Введения во Храм Пресвятыя Девы. И разве не возрастаем мы духом, слушая эти дивные слова песни церковной? Когда мыслью и сердцем возносимся мы к грядущему к нам Сыну Божию, разве не исчезает в нас мрак сомнения и растерянности?

Радуюсь, спроси каждый себя: а что говорит твоему сердцу ныне в храм вошедшая Отроковица? И как встретишь ты грядущего к нам с небес Христа?

Сами себя спрашиваем, а отвечает нам Сама Отроковица: «Прежде всего – возлюбите храм. Ведь и угодники Божии, имена которых даны вам во св. Крещении, с ранних лет возлюбили храм и слово Божие. Кто не любит посещать храм, кто избегает храмовой молитвы – тот духовно обкрадывает и душевно уродует себя. Такой юноша и такая девушка вырастают духовно нищими и душевно уродливыми как по своему характеру, так и по склонностям своим. Больно и жалко смотреть на таких безрассудных и отроков и взрослых».

О Мати-Деве Пречистая! Ты являешь нам пример детской чистоты и любви к храму Божию, к молитве и труду! Помоги нам, детям и внукам нашим возгреть в сердцах наших любовь к труду, озаренному молитвой, и достичь чистоты сердца и мысли для достойного прославления всех нас объемлющей Любви Божией, с небес к нам грядущей.

Аминь.

Чему учит нас Пречистая Своей жизнью и кончиной

«Во Успении мира не оставила еси, Богородице».

Да, не оставила и не оставляет. Об этом свидетельствуют обновления Ее икон, чему свидетелем быть неоднократно привел меня Господь (в с. Подбурье, в с. Свиново, в Брест-Литовске), об этом свидетельствуют Ее Слезы и благоухающий Елей, источаемые Ее Лицом на св. иконах, чему все мы являемся свидетелями в наши дни.

«Поминайте наставников ваших... и подражайте вере их» (Евр. 13, 7), – говорит ап. Павел. И христианин, запечатленный в св. Крещении печатью Св. Духа, всегда устремляет взор к тем, кто, закончив путь земного странствования, достиг цели жизни своей – Горнего Иерусалима. К ним обращается он за примером и советом.

Сегодня же, в день Успения Пречистой Девы, станем мысленно, дорогие, у Гроба Ее и выслушаем наставления, которые подает Она нам Своей жизнью и Своей дивной кончиной.

Богом возлюбленные, ради вас сошел на землю Спас-Искупитель; с ранних лет учитесь посвящать свои силы служению Богу, учитесь этому у Той, Которая еще Отроковицей была введена в храм и отдана Богу.

Учитесь молитве, прилежному чтению слова Божия и трудолюбию у Той, Которая все годы Своего пребывания в храме прилежала молитве, труду и чтению слова Божия.

Учитесь с детских лет жить не для себя, а во имя любви к ближним; учитесь этому у Той, Которая с отроческих лет живя при храме, трудилась для бедных и сирот, занимаясь шитьем и рукоделием и отдавая часть Своей пищи бедным детям.

Учитесь хранить и исполнять обеты, исполнять свои обещания, которые вы даете Богу и родителям; учитесь у Той, Которая устояла в тайно данном Богу обете девства, несмотря на то, что целый собор старцев убеждал Ее оставить обет Свой, т. е. отказаться от него.

Учитесь и смирению у Той, Которая, несмотря на Свои великие телесные и духовные преимущества, не считала Себя достойной внимания пред Богом, смутилась и недоумевала, когда Архангел Гавриил назвал Ее благодатной и в женах благословенной.

Учитесь благодарить Господа и родителей ваших о всяком даре, о всем, что вы получаете от Бога и от родителей; учитесь у Той, Которая воспела песнь Богу: величит душа Моя Господа, и возрадовался Дух Мой о Боге, Спасе Моем.

Когда случается вам слышать неправду о себе или ошибочное обвинение, учитесь благодушно терпеть и от Бога ожидать оправдания и заступления; учитесь этому у Той, Которая не спешила Сама Себя оправдывать и защищать, когда Иосиф смутился, видя Ее – непорочную – непраздной.

Учитесь и состраданию у Той, Которая не могла снести стыда и неловкости чужого Ей семейства по случаю недостатка вина на браке.

Учитесь переносить скорби, душевные и физические страдания у Той, Которой Самой «оружие сердце пронзило» (Лк. 2, 35).

Да научится у Пречистой каждый из нас не только жить, но и радостно уйти из этой жизни в Горний Иерусалим, ко Господу.

Ап. Павел говорит: «Плоды Духа суть – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, вера, милосердие, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22). Все это, дорогие мои, было у Пречистой в совершенном виде. Позаботимся же и мы о том, чтобы каждому из нас, верующих и любящих Спасителя нашего, украситься сими добродетелями.

Аминь.

Рождество Пресвятой Богородицы

«Величаем Тя, Пресвятая Дево, и чтим святых Твоих Родителей», – так воспевают Св. Церковь в день Рождества Пресвятыя Богородицы, ибо почитание родителей всегда было делом важным, а в наше злое время в особенности. Еще в Ветхом Завете было Богом заведено человечеству: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет».

Не кроется ли корень всего происходящего ныне и в семьях, и в обществе зла в том, что мы перестали уважать старшего над собой? Не есть ли всё переживаемое плод той гордости, которую проявил пред Богом первый согрешивший – Ангел-Денница? Гордость – этот первый грех, появившийся на земле – посеял вражду младших к старшим вообще и детей к родителям в особенности.

А ведь как велико слово «родитель»! Родитель – это человек, давший другому жизнь и заботящийся о нем, пока не поставит его на ноги; это человек, который живет не для себя, а для детей. И мы знаем многие примеры, когда дети очень грубо восстают против своих родителей, которые действительно отдавали и отдают все свои силы на их воспитание и образование. И за что восставали и восстают они против родителей? Только за то, что родители предостерегали и предостерегают их от всего вредного и злого, давали и дают им добрые советы.

Нынешняя молодежь, привыкшая сама управлять в жизни, не признает ничьей воли, не хочет признать и родительского опыта жизни и мудрости, а ее (молодежи) личное самоуправление зелено, как и она сама. Что может придумать полезное для своей жизни молодой человек, юноша или девушка, которые только начинают жить и не знают в жизни ничего, кроме ложно понимаемой свободы, кроме желания как бы лучше принарядиться и быть похожим на взрослого? Но, тем не менее, они с важностью отвечают своим родителям – «не ваше дело», «слушать вас не хочу», «сам знаю, что мне нужно делать»... Грешат против родителей не только словом, но и руку дерзают поднять на отца и мать.

Неповиновение детей родителям – это корень всех наших теперешних зол и бед. Взгляните: в животном мире признается первенство старшего в роде. А у нас – у людей? Как часто дети и подростки высмеивают тех, кому обязаны своей жизнью, подшучивают и смеются над теми, кто отдает им все свои силы, всю свою любовь и средства, чтобы вырастить их – детей – счастливыми и полезными обществу людьми. Мать и отец трудятся, не щадя своих сил, чтобы создать в семье радость и огладить ее покоем и безопасностью.

Дети – это радость родителей. Так ли это, даже в христианских семьях? Увы, в большинстве и христианских семей нет у родителей радости о детях своих. А почему? Да потому, что сызмала не воспитаны дети в страхе Божиим, нет в них чистой благоговейной любви. Для таких детей и Бог становится каким-то далеким;

теряют дети чувство близости к ним Бога, Его участия в их жизни. И оправдывается на них народная поговорка: «Позабудут Бога – потеряют стыд».

«Чи отца твоего и мать твою, да благо ти будет и доголетен будешь на земле», – так издревле заповедал нам Бог. Эта заповедь обязывает нас – оказывать родителям почитание, прислушиваться к их голосу, без их ведома и благословения не начинать никаких дел и проникнуться сознанием, что родительское благословение является залогом радости и счастья. Последуем в этом примеру Самого Спасителя и Пречистой Его Матери.

Аминь.

К посещению приходского храма Пречистой в Ее образе чудотворном

Есть на земле великое и святое чувство – это любовь матери к детям своим. Нет на земле более дорогого слова, как мать – мама. Это слово с торжественной радостью произносит младенец и с тихой грустью, вспоминая маму, произносит с благодарностью старец.

Сколько дивных матерей дало нам Христианство! И во главе материнства стоит Честнейшая Херувим Пресвятая Дева. Она, великая и святая Гостья, пришла ныне к нам в Своем дивном чудотворном Образе. Заря Преславная, любящая и заботливая, скорбная Дева Пречистая, Своей чистой Материнской Любовью усаждала тернистый путь детства Богомладенца-Христа. От яслей, где умертвить хотел Его Ирод, до пещер египетских Она нежно лелеяла Сына Своего и заботливо хранила Его в отрочестве в Назарете. Она непрестанно следовала за Ним, слагая в сердце слова Его. Плача и рыдая, взывала Она к Нему, Сыну Своему, на Голгофе: «Сыне Мой и Боже! Где благовещение древнее, еже Ми Гавриил глаголаше? Ныне вижу Тя, Свете Мой сладкий, нага и уязвена Мертвеца».

Проходит уже второе тысячелетие, а дивный образ Пречистой – доброй и заботливой, любящей и нежной – не перестает вдохновлять верующих матерей на великие подвиги чистой самоотверженной любви к сво-

им детям. Она и пришла к нам сегодня, чтобы поддержать и укрепить вас, матери, в вашем тяжком подвиге служения детям вашим, в вашем крестоносном подвиге любви.

Вы жалуетесь на трудности крестного подвига воспитания ваших детей? А вот посмотрите на Анфусу, мать св. Иоанна Златоуста, как бы говорит нам Пречистая. Анфусе было всего 20 лет, когда она овдовела и на руках ее остались двое сирот. Когда же Господь призвал к Себе ее юную дочь, горем убитая Анфуса – в молитве к Богу преданного сердца – кротко и смиренно склонила голову свою пред Промыслителем и все свои силы отдала воспитанию юного Иоанна. Окруженный языческой средой Иоанн был надеждой старости своей матери. Любовь творит чудеса. Любовь материнского сердца запечатлелась в душе юного Иоанна: он вслушивался в наставления матери и, став великим святителем и учителем Церкви, со слезами благодарности вспоминал свою мать. Матери подражал он в любви к Богу и людям.

Посмотрите и вы, бабушки, – говорит нам ныне Гостья наша, – как много и вы можете дать вашим внукам, когда матери заняты или немощны: именуемый украшением Церкви Василий Великий – это плод забот о нем его бабушки Макрины. Она имела особенное влияние на его воспитание и образование.

Некоторые из вас, дорогие матери, убиваются горем, что дети так мало восприимчивы к вашим добрым наставлениям, что их сердца пленит окружающая среда – безбожная, пошлая и развращенная. Не кроется ли именно в вас, дорогие, причина вашей слабости во влиянии на детей? Сохраните сами, дорогие матери, во всем верность Христу, венчайте эту верность Ему настойчивой борьбой с вашими личными пороками и недостатками вашего характера, настойчивой борьбой за чистоту вашей семьи, настойчивой молитвой о детях и верьте: услышит вас Господь и обратит детей ваших на путь правый. Посмотрите на Монику, мать блаженного Августина. Одаренный блестящими способностями, он вел в молодости под влиянием дурных товарищей несерьезный образ жизни и своим поведением тяжело

ранил сердце матери своей. Страдала Моника, глядя на сына, в молитве проводя ночи бессонные. Просила она Господа, чтобы обновил Он сердце Августина, молила и Пречистую о спасении сына своего, да очистит его Господь в покаянии. Она хотела видеть сына служителем алтаря Господня.

Проходили годы. Казалось, что Господь не слышит молитву ее. Но «молитва матери с морского дна спасет» – в сыне Моники произошел душевный перелом: по молитвам матери он стал не только искренним учеником Христа, он стал великим учителем Церкви Христовой и умер в сане епископа.

Не отчаивайтесь, матери, сами будьте стойки в вере и в любви ко Господу и к Пречистой, в добре и нежной настойчивости к детям – тогда исполнится молитва ваша о детях.

Дети, и к вам обращается ныне великая Гостья нашего храма: дорожите каждым словом наставления, с которым обращается к вам мама ваша; на ее просьбы и ласку отвечайте послушанием; не огорчайте ее своим поведением – она у вас одна.

По молитвам Пречистой Матери Девы Марии да даст вам, матери-христианки, Господь силы в несении тяжкого подвига – христианского воспитания детей ваших, которых как данный вам Божий дар вы должны вернуть Богу в чистоте и в любви ко Христу, возлюбившему нас.

Аминь.

Св. равноапостольный князь Владимир

День св. равноапостольного кн. Владимира – это праздник не только церковный, храмовый, это национальный всероссийский праздник. Праздник радости и благодарения Всевышнему, давшему нам воистину равноапостольного Крестителя, Отца и Вождя. Вне духовного подвига Красного Солнышка («новая тварь» после крещения), вне его духовного облика невозможно понять ни русского человека, ни историю России. В нем загадка русской души.

Это он просветил и объединил – в познании Христовой Истины и Правды – русский народ и положил начало великой Державе Российской. Это из его корня произошла оправославленная русская культура, являющая собой сердце духовной культуры всего человечества.

Не из-за выгод политических и не из-за государственных связей избрал кн. Владимир для своего народа Православие, а потому, что интуицией своей одаренной личности верно угадал, что Православие полнее всего может удовлетворить духовную жажду русского народа, что только по-православному может русский человек верить и молиться – и никак иначе.

Крещение Руси – это начало зарождения русской культуры. И всем нам – сынам полоненного антихристовым духом православного Отечества, духовным чадам «Красного Солнышка» – необходимо помнить о том, что не грамотность положила начало нашей культуре, а христианское понятие о человеке, о его назначении и долге, о его ответственности за жизнь свою перед Судьей Нелицеприятным. Потому и связана память о св. кн. Владимире с прославлением русской культуры.

Свыше 60 лет блуждают подъяремные сыны России во власти и мраке чуждых, чужеземных идей, от коих, увы, несвободны и некоторые круги россиян рассеяния... Но, кажется, «там» – на подъяремной Руси – поработенные наши братья начинают понимать, что нельзя дальше пребывать во мраке, что нужно к Свету выходить. И в самом деле, если мы, чада рассеяния, и весь народ наш не утвердимся в Христианстве – не видеть нам свободным от уз интернационала Отечества нашего, и «на месте великой русской культуры вырастет чертополох». Возрождение нашего Отечества и культуры российской возможны лишь при условии наличия у всех сынов российских «единого сердца и единой души» с признанием, что вопросы веры и религии и дело Церкви Христовой являются делом общим, а не частным делом каждого. К Свету – ко Христу зовет нас ныне св. князь Владимир, наш Крестный Отец. И неслучайно слышим мы в сей день, в день прославления

ния Бога, явившего Свои Силу и Свет в равноапостольном князе Владимире, – слышим из уст Самого Господа Иисуса Христа слова: «Аз есмь дверь, Мною аще кто внидет – спасется».

Аминь.

Беседа

Св. равноапостольный кн. Владимир, свыше просветленный, безошибочным чутьем постиг сущность своего народа, его великое призвание; понял, какое огромное значение для его народа будет иметь Христианство.

Перебывали у него представители разных религий и христианских исповеданий. Были и иудеи. В их памяти свежо было обращение в иудейство хазар. В VIII веке это было. Хазарский хан Булан, язычник, искал веры для своего народа. Среди иных пришли к нему и раввины со свидетельством о своей вере. И вот, под влиянием своей возлюбленной еврейки Эсфири, оболещенный раввинами, он принял иудейство и закрепостил в нем весь свой народ. Несомненно, о таком же успехе мечтали они и когда прибыли к князю Владимиру. Но князь Владимир легко вникает в сущность Благой Вести о Христе, легко понял, где Истина, и тем определил тот великий путь, по которому пошли наши предки, пошла Русь. Он познал в Христианстве религию радости и любви с его призывом к единству во Христе и «эллинов и иудеев». Кн. Владимир избрал Православие.

Не формально принял кн. Владимир Крещение, а всем своим существом. Он показал своему народу пример, как можно не только облеченному в духовную одежду, но и мирянину – князю, обремененному трудами по управлению страной и заботами о народе – полно и ярко выразить свою христианскую личность. Князь Владимир, приняв Крещение, не просто привился к «Древу Жизни», он пережил новое рождение. И это в то время, когда Запад-Европа вступал на путь разрушения веры, когда так называемой «эпохой Возрождения» с ее «гуманизмом» был брошен вызов Христианству, а мир подготовлялся к воцарению безбожия.

Со св. князя Владимира Русь становится Святой Русью. Кн. Владимир стал не просто религиозным, он укреплял веру Христову примером личной жизни по заветам Св. Евангелия. А ведь жил он в жестокое время, в пору X-го и начала XI-го века, когда соседние корол-христиане являли собой свирепых и распущенных властелинов. Достаточно вспомнить польских королей Мечислава и Болеслава, бесчинствовавших в Киеве так, что пришлось бежать от возмущенных киевлян. Достаточно вспомнить о французском короле Людовике V, которого его собственный летописец назвал «ничтожной личностью», или Императоре Василии, выколовшем глаза 15-ти тысячам пленных болгар.

В то время как на Западе царят распущенность, грубое насилие и власть кулака, кн. Владимир восстает на Руси против смертной казни, а о его милосердии и милостыни свидетельствуют все летописи! Ап. Павел говорил: «Всегда радуйтесь!» – и св. кн. Владимир эту жизнерадостность, эту драгоценную черту истинного Христианства проводит в жизнь: свою прирожденную веселость он сумел сочетать с требованиями веры, с требованиями христианской религии.

Превосходный организатор, блестящий стратег, он одерживает блистательные победы над хазарами, над греками, ятвягами, поляками, но, став христианином, кн. Владимир возлюбил мир больше чем войну, умея бряцавших оружием соседей заставить считаться с собой.

Интересно свидетельство о кн. Владимире знаменитого графа Бруно, причисленного на Западе к лику святых. Этот граф прибыл на Русь, чтобы проповедовать Христианство печенегам. В 1008 году он писал своему императору Генриху II-ому: «Русский государь Владимир, знаменитый своим могуществом и богатством, держал меня у себя целый месяц и противился моему предприятию, стараясь отговорить меня ходить к дикому народу. Его страшило какое-то видение о мне недостойном. Он сам с войском своим несколько дней провожал меня до последних пределов своего государства. Эти пределы у него – для безопасности от неприятеля – обве-

дены со всех сторон прочными крепостями. Он любит все прекрасное и понимает значение искусства. После взятия Херсонеса он, возвратив его Византии, не взял из него никакой добычи, а только церковную утварь и произведения искусства». Видение кн. Владимира о гр. Бруно сбылось: тот был убит язычниками.

Просветитель Руси князь Владимир является Крестным Отцом страны нашей Российской. От него пошла Святая Русь. Говоря о духовном перевороте, совершенном в мире Христианством, А. С. Пушкин сказал: «В этой священной стихии исчез и обновился мир», а К. Леонтьев справедливо отметил: «Православие до того усвоено нами, что мы как нация и как государство – без него не можем жить-существовать... Оно стало основой нашей культуры и государственности».

Св. Николай, Мир Ликийских чудотворец

В похвальных песнях святителю Николаю слышим мы следующие замечательные слова: «Отче Николае, по имени твоему тако и житие твое». Что значит имя Николай и каким образом это имя Святителя соответствует жизни его?

Имя Николай значит победитель. И это имя действительно соответствовало всей жизни святителя Николая, начиная с дней его раннего младенчества. Тогда, не принимая в постные дни материнской груди, побеждал он воздержанием человеческое сластолюбие. В зрелом возрасте он так побеждал голод и жажду, что по несколько дней не вкушал пищи; бодрствованием он побеждал лень; милосердием победил любостяжание, раздав нищим свое имение. Таким образом – от рождения до кончины земного пути – по имени вел святитель Николай всю жизнь свою.

А скажите, дорогие, соответствует ли жизнь каждого из нас высокому званию христианина? Все мы носим имя Христово, называемся христианами. Мы христиане, в нас «должны быть те же чувствования, какие и во Иисусе Христе» (Флп. 2, 5).

Иисус Христос не имел в Сердце Своем ни гнева, ни гордости, ни зложелательства, ни любостяжания. Он смирил Себя до того, что принял за нас крестную смерть. Его Любовь, даже к врагам, простиралась до того, что Он – распятый на Кресте – молился о прощении греха распинателей. Обладаем ли мы, христиане, хотя бы некоторым подобием этих качеств, этих добродетелей? Не свойственно ли нам то, что никак не соответствует званию христианина, а именно: гордость, хвастовство, злопамятство, раздражительность, гнев, склонность к стяжанию с забвением сирот, вдов, одиноких, болящих и страждущих? «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов»; «подражайте мне, как я Христу», – говорит нам ап. Павел.

Кроме общего для всех нас звания христианина, дается нам в таинстве Крещения и собственное имя. Давая нам имя святого, Церковь не только поручает нас его о нас молитвам и руководству, но и обязывает крещаемого следовать в жизни примеру своего Небесного покровителя и наставника. Спросите каждый себя, как же вы относитесь к данному вам в святом Крещении имени святого? Знаете ли вы его жизнь-житие? Обращаетесь ли к нему в ваших молитвах? Отмечаете ли день его памяти принятием Св. Тайн Тела и Крови Господних? Отмечаете ли день его памяти – день вашего Ангела – в церковной или домашней молитве? Или же, воспринимая ваше при Крещении данное вам собственное имя (святого), как кличку, отмечаете день вашего Ангела лишь подарками и хлопотами о приеме гостей – конечно, с угождением чреву? Чего же, мои дорогие, ожидать в жизни от человека при подобном отношении к имени его святого, при подобном отношении к великому званию человека-христианина?

Да не будет этого с вами и с детьми вашими. Сами подражайте и детей ваших приучайте подражать в их жизни Христу и тому святому, имя которого дано вам и детям вашим в св. Крещении.

По молитвам св. Николая да будет у каждого из вас по имени и житие ваше.

Аминь.

Святые апостолы Петр и Павел

Сегодня весь православный мир отмечает память свв. апостолов Петра и Павла. Чему же учат нас своей жизнью оба апостола? Чем поучительны или знаменательны их судьбы?

Неисчислимо то множество иудеев и язычников, которых они просветили Светом Христова Благовестия и наставили на путь жизни в свободе и радости, на путь жизни во Христе, в Котором спасение всего человечества. Кто в силах описать все гонения, издевательства и страдания, которые претерпели они за Спасителя мира, за Господа Иисуса Христа?

Читая послания апостолов Петра и Павла и книгу Деяний Апостольских, мы изумляемся и невольно проникаемся благоговением перед мужеством веры и их готовностью на любые жертвы ради Божьего дела на земле, ради объединения всего человечества – и иудеев и эллинов – в одну семью чад Божиих во Христе Иисусе. Их мужество и самоотверженность были увенчаны мученическим венцом обоих Апостолов: ап. Павел был усечен мечом, а ап. Петр был распят на кресте вниз головой.

Из жизни ап. Петра мы поучительно узнаем, как опасно в жизни полагаться только на свои силы, как опасна в жизни самонадеянность, исключаяющая участие в нашей жизни Божией помощи. «Если все соблазнится о Тебе, я никогда не соблазнюсь»; «хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26, 31–35), – торжественно заявил пламенный самоуверенный ап. Петр, а во дворе первосвященника «он отрекся с клятвою... начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека» (ст. 68–74). Трижды отрекшегося Петра Господь трижды заданным ему по Воскресении Своим вопросом – «Симоне Ионин, любиши ли Мя» – восстановил в апостольстве. «Паси овцы Моя», – сказал ему Господь. Все мы, люди, слабы без помощи Божией, посему-то сердца и воля наша должны быть всегда в союзе с Богом.

В 11 и 12 главах 2-го послания к Коринфянам ап. Павел подробно говорит о том, с какой злобой ополчи-

лись на него книжники и фарисеи, какие беды перенес он от ополчившихся на Христа.

За Апостолами в мужестве и непоколебимости веры последовали и христиане как первых веков нашей эры, так и последующих столетий. Их подвергали пыткам, жесточайшим истязаниям, сжигали на кострах, но всё это способствовало росту Церкви Христовой. В XVII–XX столетиях вышел на сцену в борьбе против Христа новый опасный враг в лице так наз. гуманизма, социализма, марксизма, фрейдизма и многих прочих «измов», целью которых является уничтожение личности и превращение человечества в «хрюкающее стадо рабов», трудящихся для блага «народа-дворянина» и его «владыки вселенной» – князя мира сего.

Этот новый коллективный враг непримирим к Церкви Христовой. Ведет он против Христа и Церкви Его завуалированную борьбу. Христос и Крест Христов – это его главный враг. Он боится человеческой преданности Церкви Христовой, боится нашей стойкости в вере, ибо знает, что стойкость в вере и верность Церкви-Христу делают человека решительным, твердым и бесстрашным, способным безропотно и смело идти на мучения за Христа.

К этому зовут нас первоверховные апостолы Петр и Павел, к этому зовут нас и новомученики и новые исповедники российские. Да поможет и укрепит нас в этом Сам Глава Церкви – Господь наш Иисус Христос.

Аминь.

Усекновение главы св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня

Как многие матери, на войне потерявшие своих горячо любимых детей, не могут никогда забыть их, так и чадолюбивая Мать-Церковь до скончания века не забывает их.

Об этом свидетельствует ежегодное поминовение воинов в нынешний день – день Усекновения Главы Предтечи Господня Иоанна.

Почему именно нынешний день положен для поминовения воинов? Предтеча и Креститель Иоанн – первый воин Царя Небесного, Промыслителя о мире, призванный приготовить человечество к встрече и принятию Спасителя мира. За что же он пострадал? Посланный, чтобы приготовить путь грядущему Мессии, Предтеча Спасов был глашатаем Правды Божией. Будучи сам строгим исполнителем Закона Божия, Предтеча, не взирая на лица, требовал от всех полного ему повиновения. А когда жестокий и коварный царь Ирод не внял голосу Пророка, св. Иоанн стал громко и всенародно его обличать, за что и сложил свою голову.

Как предтеча и воин Христов, он стал во главе христианского воинства. И вот Церковь, посвящая день усекновения Предтечи прославлению его мученической кончины, вспоминает и мученическую кончину православных воинов, отдавших жизнь свою в защиту веры, Церкви и христианской государственности. Мы смотрим на наших воинов-христиан, за веру, Царя и Отечество на полях брани живот свой положивших, умученных и убиенных, как на мучеников. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), – говорит Господь устами ап. Любви Иоанна Богослова. Но так как наши воины в мирной жизни не всегда жили по заповедям Божиим, да и в последние минуты жизни, возможно, с ропотом приняли кончину, Св. Церковь, преклоняясь перед их подвигом, непрестанно возносит молитвы о грехах их, содеянных до их кончины и при кончине их.

Прославляя сегодня мученическую кончину Христова воина св. Иоанна Предтечи, возносим мы за Божественной Литургией с литией усердную молитву и о упокоении всех православных воинов, за веру, Царя и Отечество на полях брани живот свой положивших, в смутах убиенных и от богоборческой власти умученных: «Боже милосердный! Упокой души их в селениях праведных».

Аминь.

Слово в день св. пророка Илии

В самый мрачный период в истории Израильского Царства, когда истинная религия была настойчиво гонима, когда были приняты меры к полному искоренению веры в единого Бога (в России – к полному искоренению Христианства), когда идолопоклонническое нечестие – с жертвенником Ваалу и гнусными оргиями в честь Астарты (в России – «жертвенник» – мавзоль Ленину и культ личности) – достигло высшей степени, когда все пророки были избиты (в России физически уничтожены Царская Семья, духовенство, интеллигенция и т. д.), кроме спасшихся бегством и укрывшихся в пещерах (в России – исход духовенства и части народа за границу), – явилась необходимость в особом орудии Промысла Божия для поддержания гибнущего корабля веры.

Богоотступничество и из него вытекающие ложь, крайняя степень нечестия и жестокости имели в Израильском Царстве опору и приобрели высшую земную силу в лице правителя страны, царя Ахава, израильтянина (в России – в лице Ленина и К°).

Говорят – «один в поле не воин». А вот против этой высшей земной силы зла выступает один человек, явившийся представителем Божией Силы: он противопоставляет ее силе зла. Этим человеком был пророк Илия. Босой, с длинными волосами на голове, в грубом плаще из верблюжьего волоса, с кожаным поясом на чреслах и с посохом в руках – он неоднократно, молниеносно появляется перед нечестивым царем с грозными обличениями и угрозами. «Жив Господь Бог! – говорит Илия нечестивому правителю. – Ты и дом отца твоего презрели повеления Божии и идете вслед ваалам». «Ты предался тому, чтобы делать неуютное пред очами Господа и раздражать Его». И изрекает Илия страшную гибель всему дому Ахава, а «Иезавель нечестивую (жену твою) съедят псы» за оградой города. Нет – и «один в поле воин»!

Откуда у пророка Илии такая самоотверженная неустрашимость? Из ревности о Боге. Явился он особым

орудие Промысла Божия для поддержания гибнущего корабля веры. Силе зла он противопоставил Божию Силу. Говорю о великом пророке Израильского Царства, думаю о России – стране христианской. Царство Израильское страдало от измены Богу своего национального царя, а Российское Царство страдает от «нашествия иноплеменников», в числе которых и китайцы, и латыши, и Берлин, и Ватикан, и прочий сброд интернациональный. И в нашем народе, подобно пророку Илии, всемирной силе зла была противопоставлена Божия Сила в лице св. Патриарха Тихона, соловецких узников-епископов, в лице многократных народных восстаний. Возможность успеха бесстрашных выступлений против сил мирового зла св. Патриарха Тихона и верных Богу страдальцев российских парализовалась поддержкой сил зла со стороны Рима-Ватикана и правительств западных стран. Патриарх Тихон гоним, мученическую кончину принимают Митрополиты Владимир и Вениамин с сонмом архиереев, пастырей и мирян. В это время Рим-Ватикан посылает в истекающую кровью Россию своего посланца еп. Д'Эрбиньи, протягивает руку Ленину-Свердлову-Дзержинскому и К°, пытаясь заключить конкордат с СССР. Посланец Рима епископ Д'Эрбиньи издает книгу, как бы отчет о своей поездке в СССР, в которой грубо, в оскорбительной форме, злобно говорит о Патриархе Тихоне, о Православной Церкви и о русском народе. Страдаец-народ вместе со своими пастырями протягивает к Западу руку, прося о помощи, а Рим-Ватикан вместе с западными странами кладет в протянутую руку змею. Об этом не должны забыть ни Москва, ни Киев, ни Минск. Не должны забыть и о том, как приветствовал падение православной страны папский экзарх в России, и заявление д-ра ксендза Швайгеля в Папском Восточном Институте: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам... для успеха проповеди унии на просторах России». А что такое уния, как не ряженое в православные одежды политическое орудие в руках Ватикана в борьбе против Православия и России. Рим и Запад не хотят (или боятся) возрождения

Православной Руси-России. 72 года СССР – это самый мрачный период в истории Российского государства, более мрачный, чем период Израильского Царства при Ахаве. Царь Ахав был свой, израильтянин, с ним легче было справиться пророку Илии. Правитель же России – правитель чуждый и чужеземный, чужой и чуждый народам России. Труднее справиться русским пророкам с Интернационалом. И все же, зная, что Божия Правда и Божия Сила на стороне верующего народа нашего, что и «один в поле воин», что «не в силе Бог, а в Правде», мы не унываем: при активном противостоянии силам зла верующего, любящего свое Отечество народа – Правда победит.

О злых виноградарях

Сегодня мы слышали Евангелие о злых виноградарях. Божий виноградник – это весь мир. А землю населяющие народы – это виноградары. Каждый народ получил для возделывания свою часть виноградника – это его страна, его Отечество. И каждому народу велено возделывать свой виноградник, умножать в нем Божие Добро, Славу Божию.

Господь уподобил Царствие Небесное полю, на котором Хозяин посеял пшеницу. Но на нем – среди пшеницы – выросли и плевелы. И вот, на вопрос «откуда появились плевелы» Господь ответил: это враг человеческий, когда уснул Хозяин поля, посеял плевелы.

Посему каждый народ должен ограждать свой виноградник от вторжения в него врага, от вторжения в него слуг сатаны, действующих в мире во «образе ангела света».

По недоумию сынов российского виноградника, увлекшихся противным Христу дыханием Запада, уже успевшего, к началу 2-го тысячелетия христианской эры потерять подлинного евангельского Христа, в наш отечественный виноградник широко раскрылась дверь, через которую могучим потоком проникло дыхание духовного разложения, тления и смерти.

Доверчивым оказался наш русский народ. Подобно крыловской вороне, увлекся он сладкими речами за-

падной лисицы; усыпленный, впустил в Богом данный ему виноградник «врага человеческого», обильно в нем посеявшего плевелы; принял «человекоубийцу искони» за ангела света и... потерял всё-всё, чем венчал Бог его таланты и труды. И стал народ наш посмешищем для мира – в своем Отечестве на положении раба...

Мы сейчас переживаем судьбоносные дни в жизни нашего народа. Дорогие мои, уже в XVIII столетии предками нынешних водителей мира было предрешиено уничтожение в мире христианской культуры и христианской государственности. И варварское убийство Государя великой православной страны с Его св. Семейством и миллионным сонмом благовестников, мучеников было лишь одним из этапов в этом их сатанинском замысле.

В иудействующей секте «Адвентистов 7-го дня» говорится, что 1844 год был годом «начала великого движения», и это движение должно было побудить «всех избранных Божиих выйти из Христианской Церкви». 1844-ый – это год начала революционных движений в Европе.

А секта «Свидетелей Иеговы», называя христианскую государственность «эпохой вавилонской системы управления, под игом которой находятся “сыны Божии”», говорит, что «около 1874 г. “сыны Божии” начали освобождаться от “вавилонских систем управления”», а «с 1914 года закончился период управления вавилонских систем», – это значит: с 1914 года закончилось существование христианской государственности. С 1914 года, говорят «Свидетели Иеговы», «начало действовать в мире новое правительство, начало действовать царство божие на земле»...

Всё это должен знать каждый христианин, каждый русский человек.

Успокаивает нас то, что нынешние правители исключают мысль об участии Бога в жизни мира. Но мы же знаем, что последнее слово принадлежит Богу! «Много замыслов в сердце человека, но состоится только то, что определено Господом». «Человеку принадлежат предположения его сердца, но от Господа – ответ» (Притч. 16, 1; 19, 21).

Благодарение Богу, находясь в положении униженного раба, духовно и материально обкраденный, русский человек, народ наш – в своей значительной части – не потерял не только образ Божий, не утерял он и тех добрых светлых глубинных качеств и стремлений, которыми он положительно отличается от окружающих его нехристианизированных народов.

В эти 73 года лихолетья наш русский народ подобен Иову многострадальному. Некогда именитый и богатый Иов, пораженный нищетой, проказой и одиночеством, лежа на гноище, восклицает: «Жизнь и милость даровал Ты мне, и попечение Твое хранило дух мой» (Иов 10, 12).

Христос, дорогие мои, сильнее сатаны, и Ему с Пречистой Его Матерью возносим мы в эти судьбоносные дни наши молитвы о спасении Отечества нашего от плена сатанинского и о даровании ему мира благодатного, да все едиными устами и единым сердцем прославим имя Божие – во Христе Иисусе, Спасителе нашем.

Аминь.

К началу учебного года

Дорогие дети, сейчас мы с вами вознесем молитву о том, чтобы Господь благословил начало учебного года и помог вам благополучно его закончить.

Господь, Всемиловитый и Любящий, всегда готов помочь и будет вам помогать. Но, молясь и надеясь на Бога, знайте, не забывайте, что Бог помогает, но не делает за вас. Не случайно сложились у нас поговорки: «На Бога надейся, но и сам не плошай»; «сам плох – не поможет и Бог». Господь не поощряет лени. Лень – это грех.

Что же требуется от вас, чтобы вы хорошо, успешно учились? Для успешного учения требуется, чтобы вы учились надлежаще. Надлежаще учится тот, кто, во-первых, приступает к выполнению уроков охотно и с любовью; во-вторых, в случае проявления лениности принуждает себя к учению.

Запомните, мои дорогие: дело, которое делается охотно и с любовью, всегда делается легко и успешно.

И наоборот: дело, которое делается нехотя и по принуждению, всегда бывает скучным и выходит плохим...

Серьезно и с любовью приступайте к изучению Закона Божия, русского языка и русской истории, знания которых не дает вам американская школа. Не забывайте, не забывайте о том, что церковная приходская школа обогащает вас тем богатством знания, которого не дает своим учащимся школа американская.

Итак, дорогие дети, приступайте к школьным занятиям охотно и с любовью, чтобы быть вам достойными детьми ваших родителей, в чем да поможет вам вас любящий Господь.

Беседа с учащимися после молебна

В Евангелии есть притча (Лк. гл. 16), в которой Господь дает нам совет приобретать себе друзей какой бы то ни было ценой. Чем больше у нас друзей, тем легче нам жить.

Друзья, друг – это великое слово. Этим именем Иисус Христос называл немногих: только Лазаря, брата Марфы и Марии, и Своих Апостолов. Христос был в них уверен. И они дружбу и любовь ко Христу запечатлели своей кровью. Верны были и неизменны настоящие друзья.

Всем нам нужны друзья. Надо ко всем относиться хорошо, но – запомните – нельзя со всеми сближаться и не со всеми можно дружить.

В школе вас окружают дети с разным воспитанием, разных вер, разных наклонностей. Среди них попадают хорошие ребята и девушки, чистые душой, но есть среди них – притом большинство – и дурные, с которыми нельзя заводить дружбу. Любить и жалеть надо всех, но приближать к себе для дружбы следует с большим разбором. Русская поговорка говорит – «будь друг, но не вдруг».

Какая тебе польза, если ты начнешь дружить с обманщиком, лицемером? Не польза, а только вред. По виду он – друг, а за глаза будет тебя обманывать.

Какая тебе польза, если станешь дружить с лентяем? На лень и тебя он совратит. Не польза – а вред тебе от такой дружбы.

А еще хуже, если другом твоим будет безбожник или вообще нечестный мальчик или девушка. Ведя с ними дружбу, погубишь ты душу. Твою душу, за которую Сын Божий Иисус Христос на Кресте пролил Кровь Свою.

Благо, счастье тому, у кого хорошие друзья. И горе тебе, если друг твой негодный и вредный.

Что случится с тобой, если ты сблизись с болезненным какой-нибудь заразной и скверной болезнью? Эта болезнь на тебя перейдет.

Древние римляне говорили: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». Видишь, древние люди подметили, что дружба накладывает на нас свой отпечаток: добрая дружба делает нас хорошими, дружба плохая ведет нас ко злу.

А знаете, мои родные дети, что дружба гораздо больше знакомства? Знакомые видятся редко и ненадолго, а друзья – с нами всегда.

Русская пословица говорит: «С кем поведешься, от того и наберешься». Так и с каждым из вас: будете дружить с другом добрым, воспитанным и честным – и сам будешь хорош; подружись с другом плохим – грубым, невоспитанным и нечестным – и сам станешь негодным.

Очень важно, дорогие мои, чтобы ваш друг был верующий, чтобы он был христианином, любящим Христа, – тогда он будет и тебе верный. Иначе твой друг может оказаться предателем, каким был Иуда Искариотский: он предал своего Учителя и Друга.

В одном из поучений мудрых людей дается нам следующая совет: «Возлюбленный! Если с кем пожелаешь вступить в дружбу и узнаешь, что этот человек действительно верующий и боится Бога, – как сказал Господь: от плодов их (Мф. 7, 16) познаешь их, – то не сомневайся в нем. Если же заметишь, что (мальчик или девушка) ищущий твоей дружбы – сам лживый и жизнь его нечестная, Богу неугодная, то с такими будь особенно осторожен».

Указал я вам, мои дорогие ученики, как надо выбирать себе друга и чего вы должны от него ожидать и требовать.

Итак, желаю всем – всем вам – иметь доброго друга!
Добрый друг не подведет, а дурной до гибели доведет!

Беседа после молебна. К началу учебного года

Слово «свобода» – самое популярное слово. О свободе говорят и старые и малые, о свободе мечтают юноши и девушки. Ни одним словом не злоупотребляют столько, как словом «свобода». Да, вполне законно в человеке стремление к свободе, однако следует отметить, что ничем не причинено в мире столько несчастий и бедствий, как ложной свободой. Надо каждому беречься, всячески избегать ложной свободы.

Юноши и девушки нередко думают, что быть свободным значит не подчиняться родительской и ничьей сторонней воле; жить и поступать так, как хочется; поступать всегда и во всем по своей воле. Но свобода ли это? Так понимающих свободу вы видите на площадях у больших магазинов, бродящих на улицах (особенно больших городов) группами юношей и девиц в безобразной, часто изорванной и разрисованной одежде, с опухшими лицами и нередко с мутными глазами; все они захвачены жадой свободы от родительских наставлений, свободы и от заповедей Божиих; все они спешат жить – в результате же погибают раньше времени. Скажите, свобода ли это? Нет – это не свобода, а губящее молодых людей своеволие; это не свобода, оживляющая и укрепляющая силы, а произвол, губящий жизнь молодых людей; это брань человека с самим собой и война против Бога. Свобода, мои дорогие, не там, где своеволие и забвение Бога, а там, где соблюдаются заповеди Его. К свободе зовет нас Христос, к свободе подлинной. «К свободе призваны вы, братья, – говорит Христос устами ап. Павла, – только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти». «Стойте в свободе... и не подвергайтесь игу рабства» – это свобода духовная, это внутренняя свобода человека.

Верующий человек знает, что «все ему позволено, но не все полезно», что «все ему позволено, но ничто

не должно обладать им». Эта внутренняя, духовная свобода человека освежает ум, очищает сердце. Эта духовная свобода доступна каждому человеку, она может быть собственностью ученого и неученого, вельможи и рабочего. Без влияния на человека этой внутренней, духовной свободы – свобода гражданская, о которой мечтают молодые люди, юноши и девушки, становится печальным явлением. У не обладающих духовной свободой гражданская свобода для одних – средство к произволу и к угнетению слабых, для других же – предлог к своеволию и буйству. Избегайте, всячески избегайте ложной свободы! Этим вы оправдаете труд, к вашей пользе совершаемый родителями и русской приходской школой.

К Иисусу Христу во время Его земной жизни приносили детей, чтобы Он их благословил. Спаситель очень любил и любит детей – Он брал их на руки, обнимал и благословлял их – и чистыми выходили дети из пречистых рук Спасителя.

Вот и сегодня к началу учебного года пришли вы, дети, юноши и девушки, в храм, как бы под кров Самого Христа; пришли, чтобы Он – Христос – коснулся Своим словом, Своею благодатию ваших ума, сердца и воли, коснулся всего вашего внешнего поведения, чтобы ум ваш озарился светом познания Христа, а сердце зажглось любовью к Нему. Этого ожидают родители, этого желают и благоразумные дети. И это именно нужно иметь в виду тем, кто берет на себя нелегкое дело обучения детей.

Правда, задача каждой школы (без чего школа немислима) – это обучить детей правильному чтению и письму, привить им любовь к русской книге; но если ограничиться только этим в нашей работе с учащимися, мы – учителя – не получим удовлетворения от трудов наших, так как мы не дали детям главного, к чему обязывает наш долг перед ними. Многовековой опыт жизни говорит, что полезными членами семейства, общества, государства бывают не те юноши и девушки, которые узнали и изучили в учебных заведениях кое-что, изучили ту или иную область науки, но, прежде всего,

те, кто признает и научился почитать высший в жизни авторитет – т. е. почитать Бога, любить Его и из любви к Нему с самоотвержением служить своей семье, своим ближним, сеять вокруг себя доброе семя.

Вот, дорогие родители и преподаватели, если бы нам, обучая детей русской грамоте, истории и Закону Божию, удалось посеять при помощи Божией в сердца юных детей еще и семена добра, если бы мы помогли им усвоить дух Христов, приобрести страх Божий, то могли бы счесть себя вполне счастливыми, выполнившими наш долг!

Дети дорогие! В святом деле обучения нам нужна ваша помощь. Ибо сколько бы мы ни старались быть вам полезными, без вашего участия мы не можем сделать ничего. Вы, дети, близки Христу чистотой вашего сердца. Цените заботливость о вас ваших родителей и учителей, благодарите Бога за то, что Он влагает в сердца родителей и учителей добрые мысли и желания. Ответьте на это вашим родителям и учителям послушанием и честным выполнением школьных заданий. Послушание не есть подчинение или рабская покорность. Послушание – это дело любви. Итак, пожелаем, чтобы школьное дело при нашем храме совершенствовалось к Славе Божией на пользу наших детей.

Елеосвящение

Елеосвящение – одно из таинств Православной Церкви. По ее учению таинство Елеосвящения (или Соборование) служит духовным врачевством для телесных недугов, а также дарует болящему оставление тех грехов, в которых он не успел раскаяться. Таинство св. елея установлено еще в дни земной жизни Иисуса Христа. У ап. Марка сказано: «Апостолы проповедовали покаяние; изгоняли бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (6, 13). О существовании таинства св. елея говорит и ап. Иаков: «Болен ли кто из вас? Пусть призовет пресвитеров Церкви и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне, и молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (5, 14–15).

О таинстве св. елея свидетельствуют св. Ириней Лионский, Ориген, св. Василий Великий и св. Иоанн Златоуст (составившие молитвы, и ныне читаемые при совершении таинства), св. Амвросий Медиоланский и др.

По правилам Православной Церкви Елеопомазание (Соборование) может совершаться только над больными, еще не лишившимися сознания.

Удостоившемуся соборования отпускаются грехи: а) происшедшие без его воли и помимо его ведома об их греховности; б) те, которые, возможно, были причиной его болезни – но больной не знал о сем и не считал их грехами; в) те грехи, которые больной считал маловажными, а посему их не исповедал; г) грехи в помыслах, словах или чувствах, исповеданные, но докучающие и после исповеди и Св. Причастия.

В Соборовании подается больному сила переносить страдания, излечиваются «душевные корни болезней», т. е. грехи, вызывающие болезни; от Соборования всегда бывает облегчение, а очень часто и полное исцеление. Конечно, как и всё в Православной Церкви, эти благодатные дары подаются не механически, а исходят из св. молитв таинства, из молитвенного подвига болящего и его окружающих, из их веры и желания получить облегчение.

Римо-Католическая Церковь также признает это таинство, но по их учению, начиная с XII века, Соборование служит лишь успокоительным напутствием для умирающих, почему и называется у них «экстрема ункцио» – «последнее помазание». В этом Римо-Католическая Церковь грешит против апостольского понимания этого таинства.

«В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2)

Царство Божие – это реальность. «В доме Отца Моего обителей много», – говорит Христос Спаситель. Человек бессмертен. Мудростью Творца призванный к бытию, он призывается и Христом, Сыном Божиим, Сыном Человеческим, к радости вечной жизни. «Я со-

шел с небес, чтобы всякий верующий в Сына Божия имел жизнь вечную» (Ин. гл. 5–6), – говорит Господь.

А тело? Вот перед нами лежит бездыханный.

Тело? Да это – «рубашка», которую снимает с себя человек, – говорит св. Иоанн Златоуст. Это орган, через который проявляет себя человек на земле; а призванный в инобытие, он оставляет его для земли, чтобы снова в него облечься в общее воскресение мертвых. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Путь к вечной радости лежит через веру во Христа, Сына Божия, через страдание, терпение, чистоту сердца, дела любви и милосердия. Так свидетельствует Евангелие.

Вопрос о бессмертии – это, дорогие мои братья и сестры, самый важный жизненный вопрос. И как благодарны мы Христу, так ясно открывшему нам тайну бытия: «Придет время, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут... и изыдут творившие добро в воскресение жизни». И все же, несмотря на такое ясное свидетельство Христа, встречаются люди, которые говорят, что образование и ум якобы отвергают веру в загробную жизнь. Мы слушаем их безумные речи с улыбкой скорби о них и знаем, что их устами глаголет не Ум чистый, а «копилка черепная» – умишко, плененный скотской плотью; их устами глаголет не наука – но духовное невежество, гордыня, отсутствие чувства греха, а иногда и страх перед смертью. Невежество и гордыня всегда приводят к безумию, хотя и мнят они себя мудрее мудрецов.

Свидетельствуя о бессмертии человека, Христос говорит: «Мое учение – не Мое, а пославшего Меня», и Он указывает нам способ проверки правдивости Его учения и познания его: «Тот узнает о сем учении – от Бога ли оно, кто хочет творить Волю Его» (Ин. 7, 17). И еще: «Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят» – познают Истину. Итак, вопрос вечной жизни решается лишь путем нашего следования за Христом; радость вечной жизни достигается путем духовного и телесного соприкосновения Христу.

Наше духовное соприкосновение Христу совершается через веру и любовь к Нему как нашему Спаси-

телю и Другу; а телесное наше соприкосновение Христу достигается в таинстве Причащения и в нашем служении любви – милосердии к страждущим. Это и есть путь реального общения с Богом, это путь, вводящий нас в светлую радость вечности.

«Кто знает об истине только понаслышке и не живет ею, тот подобен человеку, желающему утолить свою жажду водой, нарисованной на стене» (св. Исаак Сирин). А французский математик Паскаль говорил, что божественные истины открываются любовью: их надо раньше возлюбить, а уже затем нам открывается их познание.

Кто из разумных, чистых сердцем может усомниться в своем бессмертии? Только верой в личное бессмертие постигаем мы разумную цель нашей жизни. Еще Сократ говорил: «Я не скорблю, ибо я уверен в том, что умершие существуют и что там добрым гораздо лучше, чем злым». А из уст древнего Платона мы слышим: «Душа человека бессмертна, все ее надежды и стремления перенесены в другой мир... Истинный мудрец желает смерти как начала истинной жизни», ибо «только в том мире открывается сущность вещей».

Итак, смерть не прерывает существование человека, а только видоизменяет его. «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых», и земная жизнь наша есть лишь начало и приготовление к вечности. Смерть – великое и страшное таинство, и самое таинственное в ней – это момент разлучения души с телом, наш переход из жизни в теле в духовную жизнь, наш переход из времени в вечность.

«О, как тяжко разлучение души с телом! О, как невыносима тогда скорбь ее, невыразимы скорбь, и тягота, и мука, и страх для души при разлуке с телом, – восклицает устами Церкви уходящий от нас. – Братья и друзья, все, кто любил меня... прошу и умоляю: не престанно молитесь обо мне Христу Богу... чтобы Он вселил меня туда, где Свет Жизни».

Аминь.

С л о в а р ь

А

Аверкий (в миру Александр Павлович Таушев; 1906–1976), Архиепископ. Родился 19 октября¹ в Казани в дворянской семье. Покинул Россию в 1920 г. Окончил в 1930 г. Богословский факультет Софийского университета. Пострижен в 1931 г. Иеромонах (1932). С 1932 по 1940 г. священствовал в Ужгороде, вел просветительскую работу в Подкарпатской Руси. С 1940 г. приходской священник в Белграде, а с 1945 – в Мюнхене. С 1951 г. – преподаватель Священного Писания, литургики и гомилетики в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле (США). Ректор семинарии (с 1952 г.). Посвящен в епископа Сиракузского и Троицкого в 1953 г. Архиепископ (1961). Настоятель Свято-Троицкого ставропигиального мужского монастыря в Джорданвиле (с 1960 г.). Автор многочисленных книг и брошюр. Скончался 13 апреля.

Авраамий (в миру Александр Николаевич Терешкевич), архимандрит. В эмиграции в Болгарии. Окончил Юридический факультет Софийского университета. Принимал активное участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД). В 1927 г. переехал во Францию для учебы в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже. В том же г. принял монашеский постриг. Положил начало французскому православному приходу в Париже. Настоятель православного прихода в г. Южин (Верхняя Савойя, Франция). Затем работал православным миссионером в Африке. Настоятель Свято-Троицкой православной церкви (1930–1937) в г. Хурибга (Марокко). Затем вернулся во Францию. Скончался не позднее 9 мая 1974 г. Похоронен на кладбище в Муазен-ле-Гран.

Александр (в миру Николай Иванович Иноземцев; ок. 1887–1948), Архиепископ. Родился 12 августа в Тобольске. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1913). Пострижен и рукоположен в 1912 г. В сентябре 1918 г. указом Святейшего Патриарха Тихона возведен в сан архимандрита и направлен епархиальным миссионером в Минск. Оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. В мае 1922 г. хиротонисан во епископа Люблинского вопреки мнению Архиепископа Елевферия (Богоявленского) и епископа Владимира (Тихоницкого), см. В 1922 г. присутствовал на Варшавском соборе как неканонический епископ. Был сторонником митрополита Георгия (Ярошевского). С конца 1922 г. по 1941 год именовался Пинским и Полесским. 3 июня 1927 г. возведен в сан Архиепископа. В 1942 г. перешел в раскольническую группировку Поликарпа (Сикорского), см. «Собором» поликарповцев возведен в сан «митрополита». Во время изгнания гитлеровских захватчиков 1944–1945 гг. из Белоруссии (из Пинска) бежал в Мюнхен, где и проживал, находясь в юрисдикции РПЦЗ. Тра-

¹ Все даты до 1917 г. (за исключением особо оговоренных) указаны по старому стилю; после 1917 г. – по новому.

гически скончался в конце февраля 1948 г. в Мюнхене в американской гостинице.

Александр (Тюменев), иеромонах. Приехал в Рабат (Марокко) в 1930 г. на вакансию псаломщика. Помогал настоятелю церкви о. Варсонофию (Толстухину), см. Скончался в 1943 г.

Александров, Николай Николаевич (1886–1970). Родился 1 октября. Капитан I ранга, морской инженер-конструктор военных судов. Окончил в 1906 г. Санкт-Петербургскую Морскую академию. Участник Гражданской войны. Эмигрировал во Францию в 1920 г., откуда в 1926 г. уехал в США. В течение нескольких десятилетий преподавал физику и ряд других предметов в нескольких американских университетах и в Массачусетском технологическом институте. Член Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. В 1946 г. поселился в Свято-Троицком мужском монастыре в Джорданвиле, которому отдал последнюю четверть века своей жизни, и создал (в этом же г.) при монастыре семинарию, выхлопотав для нее права высшего учебного заведения. Профессор, декан Св. Троицкой Духовной Семинарии. Скончался 8 мая, в Великую Субботу. Похоронен на Св. Троицком монастырском кладбище.

Алексий (в миру Александр Яковлевич Громадский; 1882–1943), Митрополит. Родился 3 ноября в с. Докудов на Подляшье. Окончил Киевскую Духовную Академию (1908). Назначен законоучителем Холмской мужской гимназии. В 1908 г. возведен в сан иерея. Из вдовых протоиереев. В 1919 г. пострижен в монашество. Оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Епископ Луцкий, викарий Волынской епархии (1922). Епископ (с 1928 г. Архиепископ) Гродненский (1923), Волынский (1934). Принадлежал к Польской автокефальной Церкви. В 1940 г. перешел в юрисдикцию Московского Патриархата. Оставлен управлять Волынской епархией. В период немецкой оккупации части Украины остался верным Матери-Церкви. Ввиду невозможности общения с Московским Патриархатом учреждает автономное церковное управление в оккупированной части Украины в противовес ориентации Поликарпа (Сикорского) [см.], продавшего оккупантам и националистам. Митрополит (1941). Убит 8 мая по дороге из Кременца в Дубно (с. Смыга на Волыни) приверженцами Поликарпа (Сикорского).

Алексий (в миру Александр Николаевич Чернай; 1899–1985), архимандрит. По окончании Виленской Духовной Семинарии рукоположен в священный сан (1925), служил на приходах в Литве. Пережил советскую и немецкую оккупации. Протоиерей (1943). С 1944 г. в эмиграции в Германии (Эрфурт в Тюрингии, Наугейм, Ганау, Арользен, Гутенберг). Основал православную миссию в Наугейме в 1946 г. и ряд храмов в лагерях Ди-Пи. С 1948 г. проживал в г. Цинциннати (США), где организовал православную миссию, помогал русским в переезде из европейских беженских лагерей в Америку. С 1950 г. миссионер в штате Техас. В 1957 г. принял монашество. В конце октября 1958 г. получил назначение на должность Администратора русских православных общин

РПЦЗ в Южной Африке. В 1960–70-е гг. служил на приходах в южной Калифорнии, США.

Алексинский, Иван Павлович (1871–1945). Выдающийся хирург, педагог, доктор медицины, депутат I Государственной Думы. В 1920 г. эвакуировался из Крыма. С 1921 г. был членом Президиума Русского парламентского комитета, также трудился в Главном управлении Российского Красного Креста. Возглавлял Общество русских врачей им. Мечникова во Франции. После 1928 г. переехал в Касабланку (Марокко). В 1935 г. избран председателем церковной общины при церкви Успения Божией Матери в Касабланке. Принимал активное участие в организации приходской жизни, устройстве храма, член приходского благотворительного комитета. Скончался 26 августа в Касабланке, где и погребен на европейском кладбище.

Анастасий (в миру Александр Александрович Грибановский; 1873–1965), Митрополит. Родился 6 августа в Тамбовской губернии в семье священника. Окончил Московскую Духовную Академию (1897). Кандидат богословия. Постригся в монахи в Тамбове (1898). Архимандрит и ректор Московской Духовной Семинарии (1901). Епископ Серпуховский, викарий Московской епархии (1906), Холмский и Люблинский (1914), Кишиневский (1915). Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–18 гг. Был избран членом Св. Синода и Высшего Церковного Совета (декабрь 1917). Покинул Россию в 1919 г. Управлял русскими православными общинами Константинопольского округа. С 1924 по 1934 г. возглавлял Русскую миссию в Палестине. Митрополит (1935). С 1936 по 1964 г. стоял во главе Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ). Осенью 1944 г. эвакуировался вместе с Архиерейским Синодом и канцелярией в Вену, в 1945 г. – в Мюнхен, а с 1950 г. – в США. С 1964 г. на покое. Скончался 22 мая в Нью-Йорке. Похоронен под алтарем соборного храма Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвиле (США).

Андреев см. **Андреевский, Иван Михайлович**

Андреевский (Андриевский), Иван Михайлович (1894–1976). Родился 14 марта в Санкт-Петербурге в семье медиков. В 1913–1914 гг. учился в Сорбоннском университете во Франции на Философском факультете. Окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета, психо-неврологический институт и Богословский Институт. После окончания университета был оставлен при нем в качестве доцента. Одновременно работал в Бехтеревском институте психиатрии в должности научного сотрудника. В 1923 г. начал подпольно посещать богословские курсы и религиозно-философские кружки. Выступил против декларации митрополита Сергия в 1927 г. Арестован в 1928 г. в Петрограде и осужден на пять лет по делу «Братства преп. Серафима Саровского». Заключение отбывал на Соловках, где общался с епископами-исповедниками. Был связан с катакомбной Церковью. После освобождения работал в 1937 г. в должности главного психиатра Новгородской областной больницы. Тайно вел семинар по изучению богословия. Затем работал врачом в Пскове. Видимо, арестован в марте 1938 г. в Пскове. Во время войны оказался на оккупированной немца-

ми территории. Покинул Россию во время войны. Сначала оказался в Германии, а затем в 1950 г. переехал в США. Профессор нравственного богословия, апологетики и русской литературы в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле (до 1971 г.). Автор многочисленных трудов, писал под псевдонимом Андреев. Скончался 30 декабря.

Андрей (в миру Адриан Адрианович Рымаренко; 1893–1978), Архиепископ. Родился 15 марта в г. Ромны (Полтавская губерния). Окончил у прпп. оптинских старцев Анатолия и Нектария. Священник (1921) Александро-Невской церкви г. Ромны. В 1930 г. арестован. Во время Второй Мировой войны духовник киевского духовенства и Покровского женского монастыря в Киеве. Бежал с группой духовных детей в Германию. Настоятель Берлинского собора. В 1945 г. эвакуировался в Южную Германию. Служил в церкви под Штутгартom, в Вендлингине. В 1949 г. вместе с церковной общиной переехал в США. Основал Ново-Дивеевский женский монастырь. После смерти матушки (1963) принял монашество и хиротонисан во епископа Роклендского, викария Нью-Йоркской епархии, в марте 1968 г. Архиепископ (1973). Скончался 12 июля в Ново-Дивеевском монастыре.

Антоний (в миру Алексей Георгиевич Граббе), архимандрит. Сын епископа Григория (Граббе), см. Родился в 1926 г. в Сербии. Переехал в США. В 1948 г. принял монашество и был рукоположен в священник сан. В 1949–1954 гг. учился в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле (США). Архимандрит (1962). С 1968 г. начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме. Президент Православного Палестинского Общества и настоятель русского храма у Судных врат в Иерусалиме. Рукоположен во «епископа» (1996) в т. наз. «истинно-православной церкви Греции» («хризостомовский» Синод). Через некоторое время ушел за штат и пребывал на покое. В 2001 г. перешел в суздальский раскол (т. наз. «РПАЦ»). Скончался 12 сентября 2005 г.

Антоний (в миру Александр Францевич Марценко; 1887–1952), Архиепископ. Родился 12 марта в Одессе. Окончил Петроградскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия (1914). Принял монашество в Калуге (1912). Иеродиакон (1912). Иеромонах (1913). С 1914 г. служил в Урмийской миссии. Архимандрит (1919). Настоятель Пинского Братского Богоявленского монастыря (1919). В 1919 г. был назначен полковым священником и благочинным кавалерийского корпуса в Белой армии. В 1920 г. эмигрировал в Сербию, затем в 1922 г. переехал в Польшу; назначен настоятелем Александро-Невского кафедрального собора в Варшаве и председателем Варшавской духовной консистории. Настоятель Виленского Свято-Духова монастыря и председатель Виленской духовной консистории (1922). Епископ Люблинский, викарий Варшавско-Холмской епархии (1923; по другим сведениям, в 1925 г. хиротонисан во епископа Камень-Каширского). В 1924 г. назначен Ректором Виленской Духовной Семинарии, а в 1926 г. – Волынской Духовной Семинарии. С 1928 г. на покое, проживал в Мелецком монастыре Варшавско-Холмской епархии. Епископ Камень-Каширский, викарий Пинско-Полесской епархии (1930). Епископ Гродненский (1934; по другим данным, 1935), затем снова Камень-Каширский (1937; по другим

сведениям, с 1937 г. пребывал на покое). Перешел в Московский Патриархат (1940). Викарий Волынской епархии с прежним титулом (1940). Архиепископ в юрисдикции Польской Православной Церкви (1941). Член Св. Синода Польской Православной Церкви. Архиепископ Херсонский и Одесский (1941–1944). Затем переехал в Чехословакию и был назначен настоятелем русской церкви во имя Петра и Павла в г. Карловы-Вары. В 1946 г. снова перешел под омофор Московского Патриархата. Архиепископ Орловский и Брянский (1946), Тульский и Белевский (1946). В 1951 г. был арестован и через год скончался в заключении.

Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936), Митрополит. Родился 17 марта в семье помещика Новгородской губернии. Окончил Петербургскую Духовную Академию и в том же году постригся в монашество (1885). Ректор Московской Духовной Академии (1890–1894). Ректор Казанской Духовной Академии (1894–1900). Хиротонисан во епископа (1897). Епископ Уфимский (1900–1902), Волынский (1902–1914). Архиепископ Харьковский (1914–1917). Митрополит Киевский и Галицкий (1917). Один из трех кандидатов на избрание в Патриархи на Поместном Соборе 1917–1918 г. Покинул Россию в 1920 г. Возглавлял Русскую Зарубежную Церковь (1921–1936). Скончался 10 августа в Белграде.

Арсеньев, Николай Сергеевич (1888–1977). Родился 16 / 28 мая в Стокгольме в семье дипломата. Окончил Московский университет (1910). Приват-доцент Московского университета (1914). Профессор Саратовского университета (1918–1920). Эмигрировал в 1920 г. Профессор в Кенигсберге (1921–1944), там же получил степень доктора философии, стал приват-доцентом, потом доцентом и экстраординарным профессором. Профессор по истории религий и Новому Завету на Православном Богословском факультете Варшавского университета (1926–1938). В мае 1945 г. переехал в Париж, где в течение двух лет читал лекции по истории русской религиозной мысли в Сорбонне. Профессор Свято-Владимирской Семинарии в Нью-Йорке с 1948 г. Видный участник экуменического движения. Лектор во многих европейских и американских университетах. Автор более 200 книг, брошюр, статей, написанных на русском, немецком, английском и французском языках. Скончался 18 декабря в Нью-Йорке.

Афанасий (в миру Антон Викентьевич Мартос; 1904–1983), Архиепископ. Родился 8 сентября близ города Несвиж (Польша) в крестьянской семье. В 1927 г. принял монашество в Почаевской Лавре. Окончил Богословский факультет Варшавского университета (1930). Иеромонах (1930). Наместник Яблочинского монастыря (1936). Архимандрит (1938). Собором белорусских епископов хиротонисован во епископа Витебского (1942). Епископ Новогрудский (до июля 1944 г.). Эвакуировался в Германию в 1945 г. Вместе с Собором белорусских епископов перешел в юрисдикцию РПЦЗ (февраль 1946 г.). Администратор Северо-Германского викариатства Германской епархии. Викарный епископ в Австралии (1950–1955). Епископ (затем Архиепископ) Буэнос-Айресский и Аргентинско-Парагвайский (с марта 1956 г.). Скончался 3 нояб-

Б

Баранников, протоиерей Григорий. Во время Гражданской войны сражался в рядах Белой армии. Пастырское служение (рукоположен в 1923 г.) начал в Прикарпатской Руси. После изгнания из Чехословакии переехал в Югославию и до Второй Мировой войны служил в одном из сербских приходов. Был назначен благочинным в Югославии. Во время войны принимал участие в деятельности Русского корпуса. В 1947–1948 гг. прибыл в Марокко в составе большой группы русских из беженских лагерей в Германии. Служил вторым священником (помощником настоятеля) в Успенском храме в г. Касабланка (Марокко) и Св. Троицком храме в поселке Бурназель близ Касабланки в юрисдикции РПЦЗ. Настоятель домового храма в Рабате (1950). После отъезда в США в 1959 г. протоиерея Митрофана Зноско-Боровского стал настоятелем Успенского храма в Касабланке. Скончался 23 сентября 1960 г. в Касабланке.

Безак, Елена Николаевна (1880–1971). Родилась в семье генерал-лейтенанта Н. Шипова. Супруга известного киевского монархиста Ф.Н. Безака. В эмиграции во Франции (в Ницце), затем – в США. Скончалась 4 августа в Сан-Франциско.

Бекиш, отец Иоанн см. **Ириней** (Бекиш), Митрополит.

Беловидов, протопресвитер Петр (1869–1940). В эмиграции в Югославии. Первый настоятель Св. Троицкой церкви в Белграде (1924–1940). Законоучитель в 1-й русско-сербской гимназии в Белграде (1920–1931, 1936–1939).

Богданович, Вячеслав Васильевич (1878–1939). Выдающийся литературный и общественный деятель, оставивший очень заметный след в истории белорусского национального движения. Сын православного священника Витебской губ. Окончил Киевскую Духовную Академию (1903). Инспектор, Ректор (с 1919 г.) Виленской Духовной Семинарии. Участник Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Сохраняя верность Патриарху Тихону, отказался принять автокефалию Польской Церкви, за что по решению митрополита Варшавского Георгия был отстранен от должности Ректора семинарии и редактора «Литовских Епархиальных Ведомостей», арестован польскими властями (1922) вместе с Архиепископом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским) и вывезен в Краков. Митрополитом Дионисием (Валединским) [см.] «отлучен» от Польской Автокефальной церкви. Опытный преподаватель и оратор, знаток церковной истории, поборник сохранения церковнославянского языка в богослужении. Сенатор Польской республики (1922–30). Активный борец за права русских и белоруссов в Польше. 1 сентября 1939 г. по обвинению в антигосударственной деятельности арестован польской охранкой как противник автокефалии и заключен в концлагерь Картуз-Березский. С наступлением Красной армии охрана лагеря бежала, и заключенные разошлись по домам, Вячеслав Васильевич добрался до Вильно. 17 ок-

тября того же года арестован органами НКВД. По частным свидетельствам, расстрелян в тюрьме вскоре после ареста. Место захоронения неизвестно.

Боголюбов, Семен Николаевич (1889–1971). Педагогическую деятельность начал в России. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В эмиграции в Югославии, затем переехал в Германию и в США. Преподаватель Кадетского корпуса и Девичьего института в Югославии (1923–1944). Директор Пушкинской русской гимназии в Германии (1945–1951). Преподавал в Бруклинском Иоасафовском училище в Нью-Йорке. Деловой руководитель и советник Организации Свято-Владимирских кружков молодежи в США. С начала 1960-х гг. делопроизводитель Учебно-просветительного совета Русской Православной Церкви за границей. Скончался 19 августа в Нью-Йорке.

Борисевич, протоиерей Борис см. **Киприан** (Борисевич), Архиепископ

Боцановский, протопресвитер Василий (1872–1961). Родился 1 марта в селе Самбек Екатеринославской губернии. Окончил Киевскую Духовную Академию (1897). Священник (1897). В 1920 г. эвакуировался в Сербию в звании законоучителя Донского кадетского корпуса, где оставался до 1944 г., преподавая в различных русских учебных заведениях. С 1944 по 1949 г. преподавал в Германии в русской гимназии для беженцев. Переехал в США в 1949 г. Автор ряда трудов по нравственному и пастырскому богословию. Настоятель Александро-Невской церкви в г. Лейквуд (США). Скончался 22 апреля. Похоронен на местном кладбище.

Бразоль, Борис Львович (1885–1963). Русский писатель и общественный деятель. Во время Первой Мировой войны в русской военной разведке. В 1920-х один из главных сотрудников Г. Форда при подготовке американского издания «Сионских протоколов», а также обширных комментариев к ним «Международное еврейство» (4 т.).

Бурчак-Абрамович, священник Никанор (1883–1969). Родился 27 июля. Окончил Киевский университет. Священник (1910). Эмигрировал в Польшу (1919). Протоиерей. «Епископ Чигиринский» (1942) в т.наз. «Автокефальной Украинской церкви». Во время оккупации переехал в Киев и возглавлял Киевскую епархию (1942). В 1943 г. вернулся в Польшу. В 1944 г. через Словакию уехал в г. Карлсруэ (Германия). «Митрополит Германский» (1952). С 1953 г. возглавлял т.наз. «Украинскую Автокефальную Православную церковь за границей» (УАПЦ). Скончался 21 марта 1969 г. (по другим данным, 1968).

В

Варсонофий (в миру Василий Григорьевич Толстухин; 1887–1952), архимандрит. Родился в г. Епифань Тульской губернии. В возрасте пятнадцати лет поступил в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. В 1911 г. пострижен в монашество. В эмиграции в Финляндии. Иеромонах (1922). За отстаивание в Финляндии верности Патриарху Тихону был сослан на Коневец (1922–1926). В 1926 г. переехал в Бол-

гарию, откуда был вызван Митрополитом Евлогием (Георгиевским) [см.] в Париж. Вольнослушатель в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте. Некоторое время служил в церкви обители-приюта «Нечаянная Радость» в г. Гарган-Ливри (Франция). В 1927 г. был направлен на служение в г. Рабат (Марокко). Построил храм Воскресения Христова в Рабате, освященный в 1932 г. В день освящения храма возведен в сан архимандрита. Был настоятелем этого храма до своей кончины. Трудami отца Васонофия были также открыты храмы в марокканских городах Курибга, Танжер и Касабланка. Богослужения для русских совершались также в Фесе, Маракеше и Мекнесе. С 1946 г. благочинный русских церквей в Алжире и Марокко. Скончался до 31 марта в Рабате.

Венедикт (в миру Василий Бобковский; 1876–1951), Архиепископ. Родился 13 марта в г. Заволочь Псковской губернии. Окончил Псковскую Духовную Семинарию. В 1905 г. рукоположен в иерея и служил в с. Старосельно Минской губернии. В годы Первой Мировой войны – военный священник. С 1918 г. настоятель кафедрального собора в г. Новогрудке. Оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. В 1937 г. принял монашество и был назначен настоятелем Успенского Жировицкого монастыря. В марте 1941 был хиротонисан в Москве во епископа Брестского и назначен викарием к м. Минскому и Белорусскому Пантелеимону (Рожновскому), см. Архиепископ Гродненский и Белостокский Белорусской Православной Церкви (1942), экзарх Восточной Пруссии. Противник объявления автокефалии БПЦ. В 1944 г. эвакуировался в Германию, вошел в состав клира Русской Церкви за границей. С 1946 г. член Архиерейского Синода РПЦЗ. Архиепископ Берлинский и Германский (1950). Скончался 3 сентября. Погребен на кладбище Фельдмохинг близ Мюнхена.

Вергун, Дмитрий Николаевич (1872–1951). Уроженец Карпатской Руси. Профессор, историк. Скончался 3 сентября в Хьюстоне (США).

Виноградов, протопресвитер Василий (1885–1968). Родился 23 марта в Можайске в семье священника. В 1909 окончил Московскую Духовную Академию (1909). Член епархиального совета г. Москвы (1918–1922). Священник (1922). Занимал ряд ответственных должностей при Патриархе Тихоне (с 1922 г. председатель Московского епархиального совета). Арестовывался и находился в заключении (1921–1922, 1930–1935[?]). Служил настоятелем Тихвинской церкви в Сущеве (Москва), а затем с 1935 по 1942 г. в церкви с. Федоровское (Калужская область). Во время Второй Мировой войны Ректор пастырских курсов Свято-Духовского монастыря в Вильно (1942–1944). Протопресвитер (1944). Настоятель Никольского собора в Вене (1944–1951), а с 1951 г. настоятель двух церквей близ Мюнхена. Руководитель пастырских курсов в Германии (с 1954 г.). Скончался 24 октября в г. Людвигсвельд (под Мюнхеном), где и был похоронен.

Виталий (в миру Василий Иванович Максименко; 1873–1960), Архиепископ. Род. 8 августа в мест. Глафировка Таганрогского уезда в семье диакона. Учился в Киевской Духовной Академии, а затем Казанской, которую окончил. Кандидат богословия. Принял монашество и был ру-

коположен в иереи. Служил миссионером и проповедником на Волыни (1900–1903). Архимандрит (1903). В начале 1900-х гг. возглавлял типографское братство Почаевской Лавры. Участник Всероссийского съезда ученого монашества (1917). После занятия Волыни поляками был посажен в подводный каземат в Демблине. После освобождения эмигрировал в Югославию, затем в Чехословакию. Некоторое время служил настоятелем одного из приходов на Пряшевской Руси (Чехословакия). Основал в с. Владимирова (Ладомирово) на Пряшевской Руси обитель прп. Иова Почаевского с активно действующей типографией. Вместе с монастырем переехал в Германию, а затем в США. Епископ Детройтский (1934). Архиепископ Северо-Американский и Канадский (1934). Настоятель Свято-Троицкого ставропигиального мужского монастыря в Джорданвиле (с 1948 г.). Основал в обители Духовную Семинарию. Архиепископ Восточно-Американский и Джерзейситский (1950). Член Архиерейского Синода РПЦЗ. Скончался 21 марта.

Виталий (в миру Ростислав Петрович Устинов), Митрополит. Родился 18 марта 1910 г. в Петербурге в семье морского офицера. При отступлении Белой армии эмигрировал в Константинополь, затем в Югославию, где учился в кадетском корпусе в Белой Церкви. С 1923 г. во Франции. В 1938 г. поступил в монастырь прп. Иова Почаевского в г. Владимирова на Карпатах. Иеромонах (1941). После окончания Второй Мировой войны занимался миссионерской деятельностью в среде русских беженцев в Берлине и Гамбурге. С 1947 по 1951 г. настоятель Лондонского прихода РПЦЗ. Епископ Бразильский (1951). В 1955 г. переведен в Канаду. Епископ Монреальский и Канадский. Митрополит и Первоиерарх РПЦЗ с 9 (22) января 1986 г. В 2001 г. написал прошение Синоду об уходе на покой, которое было принято, но через некоторое время аннулировал его. В настоящее время формально возглавляет «РПЦЗ» с центром в Мансонвиле.

Владимир (в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий; 1873–1959), Митрополит. Родился 22 марта в с. Быстрицы Вятской губернии в семье священника. Окончил Казанскую Духовную Академию (1898). В 1897 г. был пострижен в монашество. Иеромонах (1898). В 1907 г. хиротонисан во епископа Белостокского, викария Гродненской епархии. В 1914 г., после начала Первой Мировой войны эвакуировался в Москву. Участвовал в работе Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 года. Архиепископ Белостокский (1923). За борьбу против автокефалии Польской Церкви был отстранен от руководства епархией и определен в Дерманский монастырь. В 1923 г. выслан из Польши в Чехию, откуда, по приглашению м. Евлогия (Георгиевского) [см.], переехал во Францию. Архиепископ Ниццкий, управляющий викариатством Южной Франции. Одновременно с 1925 г. настоятель собора в Ницце. В течение 20 лет управлял приходами юга Франции и Италии. Ректор Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже (1946–1947). С 1947 г. Митрополит и Экзарх Константинопольского Патриарха. Скончался 18 декабря.

Войцеховский, Сергей Львович (1900–1984). В эмиграции в Польше. Активный участник Русского обще-воинского союза. Инициатор

создания в Варшаве Русского общественного комитета (до начала Второй Мировой войны был в нем управделами). После войны – в США, работал в Толстовском фонде. Автор воспоминаний. Скончался 21 января.

Г

Георгий (в миру Алексей Васильевич Коренистов; 1900–1979), Архиепископ. Родился 14 марта в Санкт-Петербурге. С юных лет поступил в Почаевскую Лавру. После революции в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Принял монашество, иеромонах (1924). Состоя в числе братии Почаевской Лавры, окончил Богословский факультет Варшавского университета со степенью магистра богословия. Игумен Почаевской Лавры. Настоятель миссионерского прихода во Львове (1933). Игумен Жировицкого монастыря. Член Полесской духовной консистории в Пинске в сане архимандрита (1938). Епископ Белостокский, викарий Полесской епархии (1942). С 1944 г. проживал в Варшаве в подвале митрополичьего дома. В 1947 г. переехал в Лодзь. Епископ Лодзинский (1948), Лодзинско-Познанский (1951). Представитель польской делегации Православной Автокефальной церкви в Польше, прибывшей в Москву к Святейшему Патриарху Алексию в конце июня 1948 г. по делу воссоединения с Русской Православной Церковью. Архиепископ (1958). Скончался 16 ноября.

Геровский, Алексей Юлианович. Родился в Прикарпатской Руси (ныне Закарпатье). Филолог, языковед, этнограф, юрист. Доктор наук. Юрисконсульт по делам Карпаторусской Церкви. Председатель Центрального исполнительного комитета православных общин на Карпатской Руси. В 1927 г. был лишен чешского гражданства и был вынужден выехать в Сербию. Полномочный делегат Карпаторусской Православной Церкви на соборе Сербской Православной Церкви в г. Сремские Карловцы (1930). Генеральный секретарь Карпаторусского союза. Поселился в США, где и скончался в 1973 г.

Григорий (в миру Георгий Иванович Боришкевич; 1889–1957), Архиепископ. Родился 18 апреля в д. Межринской (Ровенская область). Окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия (1914). Рукоположен в священника (1916). Занимал различные учительские и административные должности на Волыни: преподавал Закон Божий, литургику, русский язык и русскую историю. После смерти жены (1920) назначен настоятелем храма св. Иоанна Богослова в Борисовиче на территории Польши. В 1924 г. назначен благочинным ряда приходов новообразованной Польской Православной Церкви. Настоятель собора во Владимире-Волынском (1927), в Кременце (1932), Гродно (1 января 1939 г.). Вскоре после пострижения возведен в архимандриты (1942). В Свято-Николаевском соборе Вены хиротонисован во епископа Гомельско-Мозырского Белорусской Автономной Церкви (1943). Оставлен настоятелем Гродненского кафедрального собора. Эвакуировался в Германию. В 1946 г. в составе Собора белорусских иерархов (а также нескольких иерархов Украинской Автономной Церкви) принят

в клир Русской Церкви за границей. Епископ Бамбергский, викарий Берлинско-Германской Епархии. Епископ Монреальский и Восточно-Канадский (1947). С 1950 г. член Архиерейского Синода. Архиепископ (1952). С 1954 г. возглавил новообразованную Чикагско-Кливлендскую епархию. Архиепископ Чикагско-Детройтский и Среднего Запада (1957). Скончался 26 октября. Погребен на братском кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвиле.

Григорий (в миру Юрий Павлович Граббе; 1902–1995), епископ. Родился 8 апреля в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Граф. В эмиграции в Югославии (1920). С 1923 по 1926 г. обучался на Богословском факультете Белградского университета. С 1931 г. управляющий канцелярией Архиерейского Синода Русской Православной Церкви зарубежом. В 1944 г. покинул Югославию и переехал в Германию. В 1944 г. рукоположен в иерея. С 1946 по 1951 г. был также председателем Переселенческого комитета в Мюнхене. Протоиерей (1947). В 1951 переехал вместе с Синодом в Нью-Йорк. Протопресвитер (1960). Выступал в гражданском суде против святителя Иоанна Шанхайского (1963). В 1964 г. венчал самозванца Михаила Голеневского, выдававшего себя за Цесаревича Алексия. В наказание был отстранен от должности Секретаря Синода (до 1976 г.). С 1967 г. консультант при Архиерейском Синоде и заведующий отделом внешних сношений. Принял монашеский постриг и хиротонисан во епископа Манхэттенского (май 1979 г.). Епископ Вашингтонский и Флоридский (1979). Скончался 7 октября.

Губа, о. Иоанн. Протоиерей. «Хиротонисан» во «епископа» Уманского (10 февраля 1942) под омофором т. наз. «Украинской Автокефальной Православной церкви», созданной в 1941 г. Поликарпом (Сикорским), см.

Д

Дзекуц-Малей, Лука Николаевич (1888–1955). Родился 1 октября в Слонимском районе Гродненской области в семье учителя. Закончил учительскую семинарию, работал учителем и позже как инспектор просвещения. Был призван на службу в Российскую Армию. Службу проходил в Белостоке. Там познакомился с церковью баптистов. В 1913 г. стал студентом библейских курсов евангельских христиан в Санкт-Петербурге. По окончании учебы возвратился в родные края и остановился для духовной работы в г. Гродно. Польские власти из-за войны с большевиками в 1920 г. вынесли решение о его высылке. Переехал в Брест, где основал культурное общество «Беларуская хатка». 19 июня 1941 г. арестован вместе с семьей. Семья сразу же была вывезена в Казахстан, а сам он был посажен в тюрьму и приговорен к смертной казни. В 1941 г. был освобожден. При возвращении фронта в 1944 г. ушел на Запад. Несмотря на подорванное здоровье (операция в Польше и др.), продолжил миссионерскую деятельность в Польше, в г. Гданьске. Умер 20 января.

Димитрий (в миру Евгений Митрофанович Маган; 1899–1969), Архиепископ. Родился 25 июня в Чернигове. После революции оказал-

ся в эмиграции в связи с изменением государственных границ. Принял монашество и рукоположен в сан иеромонаха (1924). Служил на Холмщине, в Почаеве, в Литве. Настоятель Жировицкого монастыря (1935). Епископ Новогрудский, викарий Черниговской епархии Украинской Автономной Церкви (1941). Епископ Екатеринославский и Мелитопольский (1942), затем Екатеринославский и Запорожский (1942), Донецкий (1943). После войны – в Германии: некоторое время жил и служил в лагере Шлейсгейм. С 1949 г. в США. Архиепископ Бостонский и Нью-Ингландский, а также Пенсильванский в юрисдикции т. наз. «Американской митрополии» (с 1970 г. Православная Церковь Америки). Скончался 1 апреля. Погребен на Св.-Владимирском русском кладбище близ собора Рождества Пресвятой Богородицы (г. Джексон, штат Нью-Джерси).

Дионисий (в миру Константин Николаевич Валединский; 1876–1960), Митрополит. Родился 4 мая в Муроме в семье священника. В 1897 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, а в 1899 г. – во иеромонаха. В 1900 г. окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре калмыцкого языка. В 1902 г. назначен ректором Таврической Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1911 г. переведен на пост настоятеля Русской посольской церкви в Риме. 21 апреля 1913 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. В 1919 г. эмигрировал за границу вместе с Архиепископом Антонием (Храповицким). Был деятельным участником вместе с митрополитом Георгием (Ярошевским) в образовании антиканонической Православной церкви в Польше. В 1922 г. возведен в сан Архиепископа Волынского и Кременецкого. 27 февраля 1923 г. собором православных епископов Польши был избран Митрополитом Варшавским, а 13 марта того же г. утвержден в этой должности Константинопольским Патриархом Мелетием IV с титулом «Варшавский и Волынский и всей Православной Церкви в Польше и священно-архимандрит Почаевской Успенской Лавры». Почти целых 25 лет находился вне канонического общения с Русской Церковью. 22 августа 1948 г. обратился с покаянным письмом к Патриарху Алексию с просьбой принять его в каноническое общение с Матерью-Церковью. Святейший Патриарх и Священный Синод удовлетворили просьбу Митрополита Дионисия и приняли его в сущем сане в молитвенное и евхаристическое общение, но лишили титула «Блаженнейший» и не признали главой Польской Церкви. Скончался 15 марта в Лодзи, пребывая на покое.

Доброклонский, Александр Павлович (1856–1937). Родился 10 декабря в Павловом Посаде в семье священника. Окончил Московскую Духовную Академию (1880). С 1892 г. преподавал в Московской Духовной Академии и в Московском университете. В 1899–1920 гг. профессор церковной истории и декан Новороссийского университета (Одесса). Автор многочисленных трудов по патрологии и по истории древней Церкви. В эмиграции в Югославии (1920). Профессор церковной истории в Белградском университете. Скончался 4 декабря в Белграде.

Долгоруков, Александр Николаевич (1872–1948). Родился 27 декабря в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Князь. Бывший паж, кавалергард. Участник русско-японской, Первой Мировой и Гражданской войн. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Марокко. Скончался 17 января в Рабате.

Дудышкин, Александр Яковлевич. Окончил Инженерную академию (1907). Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Инженер-полковник. Эмигрировал в Белград. Во время Второй Мировой войны сражался в рядах Русского корпуса в составе вермахта. После войны переехал в Марокко, где возглавлял местное отделение Обще-воинского союза и Союз бывших членов Русского корпуса. Скончался в Касабланке 4 февраля 1953 г.

Думский, протоиерей Даниил (1868–1971). Родился 10 декабря в г. Константинограде Полтавской губернии в семье диакона. Эмигрировал в Югославию. Диакон (1922). Священник (1923). С 1926 г. настоятель ряда церквей в Сербии. Во время войны настоятель храма старческого дома в Белграде. С 1944 г. – в Австрии, затем в Германии. Преподавал Закон Божий в лагерной гимназии Парш, где позже была устроена походная церковь при его там настоятельстве. Переехал в США. Назначен приписным священником в Ново-Дивеевской обители. Позднее настоятель Покровского храма при старческом доме в Гленкове и, наконец, Свято-Серафимовского храма в Си-Клиффе (США). Ушел за штат в 1960 г. Последние годы жил в Свято-Троицком мужском монастыре в Джорданвиле.

Е

Евец, Евгений Иванович (1905–1990). Родился 14 ноября в Гродненской губернии. После революции оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Учился в Варшавской консерватории (1933–36). Музыкальный педагог, хормейстер, регент. В 1939–41 гг. псаломщик и регент в г. Бельск-Подляски Белостокского воеводства (Польша). Во время Второй Мировой войны оказался в Германии. Один из основателей и регент православной церкви в лагере Менхегоф (близ г. Кассель, Германия; 1947). В 1948 г. переехал в г. Касабланка (Марокко), где руководил церковным хором. С 1962 г. жил во Франции. С 1968 г. регент хора Александро-Невского собора в Париже. Скончался 17 марта в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946), Митрополит. Родился 10 апреля в г. Сомове Тульской губернии в семье священника. Окончил Московскую Духовную Академию (1892). Иеромонах (1895). Ректор Холмской Духовной Семинарии (1897–1902). Епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии (1903). Епископ Холмский и Люблинский (1905). Архиепископ (1912). Член 2-й и 3-й Государственной Думы. От депутатства в 4-й Государственной Думе отказался. Архиепископ Волынский и Житомирский (1914). В 1917 г. ему было поручено временное управление Холмской и Люблин-

кой епархией. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. В 1919 г. эмигрировал за границу. Был командирован и послан в Париж. В марте 1921 г. св. Патриарх Тихон назначил его временно управляющим русскими Западно-Европейскими приходами. Член Учредительного комитета Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже, а затем его Ректор (1925–1946). Доктор церковных наук «гонорис кауза» (1943). В 1931 г. ушел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. 2 сентября 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом и оставлен Митрополитом и Западно-Европейским Экзархом. Скончался в Париже 8 августа. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в склепе церкви Успения Божией Матери.

Енгальцев, Василий Николаевич. Родился в аристократической семье. Князь. В эмиграции в США. Долгие годы был секретарем приходского совета Свято-Серафимовской церкви в г. Си-Клифф (США). Скончался 27 января 1966 г. в Женеве. Похоронен на кладбище Новодивеевского монастыря под Нью-Йорком.

Ж

Жедринский, Владимир Иванович (1899–1974). Родился 30 мая. В эмиграции в Югославии, где работал декоратором и режиссером. В 1952 г. переехал во Францию, работал главным декоратором в оперном театре Ниццы. Скончался 30 апреля в Париже. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Жигмановский, Александр Алексеевич (1914–1987). Врач. Скончался в ночь с 3 на 4 января в Париже. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Жолткевич, протопресвитер Флор (1883–1975). Родился в с. Клеван Волынской губернии. Окончил Волынскую Духовную Семинарию. Диакон (1911). Священник. Настоятель Свято-Серафимовской церкви на станции Маньчжурия. Протоиерей (1925). В эмиграции в Югославии (1925). Окончил Богословский факультет Белградского университета (1935) и одновременно служил в церкви г. Земун. В 1937 г. был переведен в сербскую церковь в с. Доньи Ковиль. В 1950 г. выехал в Венесуэлу к своим детям. Настоятель церкви Знамения Божией Матери в г. Валенсия. С 1954 г. настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Каракас. Протопресвитер (1963). Скончался 13 декабря в Каракасе.

З

Зеленецкий, протопресвитер Михаил. Польский подданный. Почти всю жизнь прожил в Польше, где и священствовал. Скончался после 1945 г.

Зеньковский, протопресвитер Василий (1881–1962). Родился 4 июля в г. Проскурове Подольской губернии. Магистр философии Московского университета (1915). Профессор психологии Киевского университета (1915–1919). Участник Украинского церковного собора (1919). Профессор философии Белградского университета (1920–1923). Председатель Бюро Русского студенческого христианского движения

(РСХД). Профессор (1926–1962), позднее декан (1944–1947, 1949–1962) Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже, где преподавал историю философии, психологию, апологетику и историю религий. Рукоположен в 1942 г. Доктор церковных наук (1948). Скончался 5 августа в Париже.

Зноско, протоиерей Алексей (1910?–1994). Младший сын протоиерея Константина Зноско, см. После революции в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Окончил Богословский отдел Варшавского университета. Принял священство 31 мая 1936 г. Служил под омофором Польской Православной Церкви. Основал приход Рождества Пресвятой Богородицы в г. Вроцлаве (1947). Преследовался за веру и несколько лет провел в заключении (1948–1953). После освобождения продолжил священнослужение. В 1959 г. защитил докторскую диссертацию на Православном Богословском факультете в г. Пряшев (Словакия) на тему “Акафистное творчество Русской Православной Церкви”. Митрофорный протоиерей. Скончался 15 июля.

Зноско, протоиерей Владимир. Брат протоиерея Константина Зноско, см. До революции миссионер в США. Настоятель Посольской церкви в Берлине. Составил несколько житий святых. Скончался 12 декабря 1940 г. в Берлине. Похоронен на кладбище Тегель.

Зноско, протоиерей Константин (1865–1943). Родился 1 апреля в мест. Острына (в 50 км от Гродно). Окончил Литовскую Духовную Семинарию в г. Вильно (ныне Вильнюс). В годы Первой Мировой войны был полковым священником в 8-м Финляндском стрелковом полку и за доблесть был награжден рядом орденов, а также золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. После революции в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Настоятель Свято-Николаевской Братской православной церкви в Бресте. Один из организаторов «Русского дома», русской школы и гимназии в Бресте. Гимнограф, автор ряда акафистов и других литургических сочинений. Скончался 21 июня в Бресте.

И

Игнатьев, Владимир Алексеевич (1904–1969). Родился 31 марта в аристократической семье. Граф. В Марокко возглавлял крупную строительную фирму. Активный член церковного совета Воскресенского храма в Рабате (в юрисдикции Московского Патриархата). Скончался 27 августа. Похоронен на христианском кладбище в Рабате.

Иннокентий (в миру Иван Иванович Сокаль; 1883–1965), епископ. Родился 7 января в Холмской губернии. В 1910 г. окончил Киевскую Духовную Академию. Рукоположен в иерея (1912). В 1919 г. командирован в Палестину по делам Русской духовной миссии. Инспектор духовных семинарий в Югославии (1921–1931). С 1931 по 1950 г. был священником и настоятелем Троицкой церкви г. Белграда. В 1945 г. указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия назначен благочинным всех русских приходов в Югославии. В феврале 1950 г. возвратился на Родину и назначен ректором Сара-

товской Духовной Семинарии. 25 июня г. переведен Ректором Минской (1953), Одесской Духовной Семинарии (1956). 20 июля 1957 г. переведен на должность настоятеля Смоленского Успенского собора и назначен секретарем управляющего Смоленской епархией. Магистр богословия. В 1959 г. принял монашеский постриг, вскоре возведен в сан архимандрита и хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского. В 1964 г. уволен на покой. Скончался 14 мая.

Иоанн (в миру Виктор Филиппович Лавриненко; 1899–1985), Архиепископ. Родился 12 марта в Екатеринодаре в семье священника. Окончил Ставропольскую Семинарию. После революции эмигрировал. Пострижен в монашество в Андреевском Афонском подворье г. Константинополя. Иеромонах (1921). Пребывал в монастырях Сербской Православной Церкви. В 1922 г. прибыл в Польшу, был определен в число братии Виленского Свято-Духова монастыря. Преподаватель Виленской Духовной Семинарии и наместник Виленского Св.-Троицкого монастыря (1925). Игумен (1925). Окончил Богословский факультет Варшавского университета со степенью магистра богословия (1931). С 1931 г. наместник Кременецкого Богоявленского монастыря. Архимандрит (1932). Настоятель Жировицкого Успенского монастыря. В 1935 г. принят в юрисдикцию Московского Патриархата и зачислен в число братии Виленского Свято-Духова монастыря. Был представлен к хиротонии во епископа Аляскинского, викария Северо-Американской епархии, но по болезни в Америку не поехал, а пребывал в Польше, оставаясь в юрисдикции Московского Патриархата. Настоятель Ковельского собора (1941). Епископ Ковельский, викарий Волынской епархии (1941), епископ Брестский и Кобринский (1942). Архиепископ Полесский и Брестский (1943). В 1945 г. настоятель Свято-Владимирской церкви в г. Мариенбад (Богемия) в юрисдикции Московского Патриархата. Вернулся в Россию. Архиепископ (по другим данным, епископ) Пермский (1946). Архиепископ Алма-Атинский (1956), Челябинский и Златоустовский (1957). С 1959 по 1961 гг. пребывал на покое. В 1961 г. был полгода Архиепископом Костромским и Галичским. Затем снова был уволен на покой и проживал в г. Херсон. Скончался 12 октября. Похоронен на кладбище в поселке Киндийка, в пригороде Херсона.

Иоанн (в миру Иоанн Саввич Легкий; 1907–1995), епископ. Родился 29 апреля в г. Двинск Витебской губернии в благочестивой духовной семье. Священник (1931). Член Псковской духовной миссии (1941–44). С 1944 (по другим данным, 1945) г. – клирик РПЦЗ. В 1946–49 гг. синодальный миссионер, окормлял русских беженцев в лагерях Ди-Пи в Германии. С 1949 г. в США. Служил в Нью-Йорке (до 1957 г.) и в г. Паттерсон (до 1987 г., когда вышел на покой в сане протопресвитера). После смерти матушки (1989) пострижен в 1990 г. в монашество, хиротонисан во епископы и назначен в Аргентину, где прослужил 4 года. Незадолго до кончины назначен епископом Роклендским, викарием Восточно-Американской епархии. Скончался 10 марта. Погребен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря.

Иоанн (в миру Михаил Борисович Максимович; 1896–1966), священник. Родился 4 июня в Изюмском уезде Харьковской губернии в се-

мье уездного предводителя дворянства. Окончил Полтавский кадетский корпус (1914) и Юридический факультет Харьковского университета (1918), а затем – Богословский факультет Белградского университета. В эмиграции в Югославии. В 1926 г. принял монашество и рукоположен в иеромонахи. До 1929 г. законоучитель в сербской гимназии в г. Великая Кикинда. Преподаватель и воспитатель в Духовной Семинарии св. апостола Иоанна Богослова в г. Битоли. Епископ Шанхайский (1934). После прихода к власти коммунистов эвакуировался с паствой на Филиппины (о. Тубабао). Архиепископ Западноевропейский (1951). Архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский (1962). Претерпел много скорбей из-за строительства в Сан-Франциско кафедрального собора в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радосте». Скончался 2 июля в Сиэттле перед Курско-Коренной иконой Божией Матери. В 1994 г. прославлен Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ) в лике святых. Мощи святителя почивают в кафедральном соборе в Сан-Франциско.

Иоанн (в миру Иван Андреевич Поммер; 1876–1934), святитель. Родился 6 января в Цесинском уезде в Латвии в латышской крестьянской семье. Окончил Рижскую Духовную Семинарию (1897). Епископ Минский (1911), Приазовский, Старицкий, викарий Тверской епархии (1917). Архиепископ Пензенский (1918). Архиепископ Рижский и Митавский (1921). Был убит неизвестными преступниками в ночь с 11 на 12 октября на архиерейской даче под Ригой. В 1981 г. прославлен Русской Православной Церковью за границей в лике святых.

Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989), Архиепископ. Родился 23 августа в Москве в аристократической семье. Князь. Покинул Россию в 1920 г. из Крыма. Закончил свое образование в Париже и Лувене. Постригся на Афоне в Пантелеймоновском русском монастыре (1926). Рукоположен в 1927 г. в г. Белая Церковь (Югославия), настоятель местной русской общины, преподаватель пастырской школы. Настоятель Свято-Владимировского храма в Берлине (1932–1945). Во время войны вел миссионерскую работу среди русских военнопленных. По окончании войны переезжает в Париж, а в начале 1946 г. – в США. В 1947 г. рукоположен в Нью-Йорке на кафедру епископа Бруклинского с назначением деканом Свято-Владимирской Семинарии в Нью-Йорке (до перевода на кафедру в Сан-Франциско в 1950 году). Архиепископ (1961). Заведовал также Южноамериканской епархией и заграничными делами Американской митрополии (с 1970 г. – Православная Церковь в Америке). Автор многочисленных религиозных трудов. С 1978 г. (по другим данным, с 1975 г.) на покое. Скончался 30 мая в г. Санта-Барбара, похоронен на сербском кладбище.

Ириней (в миру Иван Бекиш; 1892–1981), Митрополит. Родился 2 октября в г. Межиреч Люблинской губернии. Окончил Холмскую Духовную Семинарию (1914). Священник (1916). Помощник настоятеля кафедрального собора в г. Люблин. Руководитель миссионерского отдела. Во время Второй Мировой войны попал в число перемещенных лиц и продолжал свое служение в странах Западной Европы. Протоиерей. С 1949 г. настоятель Свято-Троицкого храма в г. Шарлеруа (Бельгия). В

1952 г. переехал в США. Принял постриг. Рукоположен в Нью-Йорке во епископа Токийского (1953). С 1954 до конца 1950-х гг. в Японии. Предстоятель Японской Православной Церкви, бывшей тогда в юрисдикции т. наз. «Американской митрополии». Епископ Бостонский и Ново-Английский (1960). На XII Нью-Йоркском Всеамериканском Соборе (1965) был избран главой «Американской Церкви» (с 1970 г. Православной Церкви в Америке). Митрополит всея Америки и Канады (1965–1977). Скончался 18 марта в Нью-Йорке.

Исаакий (в миру Иван Васильевич Виноградов; 1895–1981), архимандрит. Родился 12 февраля в Санкт-Петербурге. Окончил два курса Санкт-Петербургской Духовной Академии (1914) и был призван на военную службу. С 1921 г. в эмиграции (Турция, Румыния, Болгария). Принимал активное участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД). В 1926 г. переехал во Францию для учебы в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже. Принял монашеский постриг (1927). Иеромонах (1928). Затем служил в Чехословакии, в церкви св. Николая в Праге (1929). Игумен (1932). Архимандрит (1936). Был ближайшим помощником Архиепископа Сергия (Королева), см. В 1945 г. был арестован и отправлен в СССР. Осужден военным трибуналом на 10 лет. В 1946 по ходатайству Архиепископа Сергия (Королева) и Патриарха Алексия (Симанского) был освобожден из лагеря и направлен в г. Актюбинск под надзор. Настоятель алма-тинского Никольского кафедрального собора (1948) и секретарь епархиального управления. С 1958 г. настоятель Вознесенского храма в г. Елец. Благодичный Елецкого округа. Скончался 12 января в Ельце. Посмертно реабилитирован в 1993 г.

К

Карташев, Антон Владимирович (1875–1960). Родился 11 июля в г. Киштыма на Урале в семье рудокопа. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1899). Преподавал в ней церковную историю (1900–1905). Ушел из академии и преподавал на Высших женских курсах (1906–1918). Председатель Религиозно-философского общества в Петербурге (с 1909 г.). С 25 марта 1917 г. – товарищ обер-прокурора, а с 25 июля 1917 г. – обер-прокурор Святейшего Синода. Министр вероисповеданий Временного правительства (1917). С 1919 г. в эмиграции, где был председателем Русского национального комитета в Финляндии. Затем переехал в Париж. Член Епархиального совета Русского экзархата Вселенского Патриархата. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже. Преподавал историю Церкви (общую и русскую), Ветхий Завет и еврейский язык. Доктор церковных наук «гонорис кауза» (1944). Скончался в Париже 10 сентября. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Кассиан (в миру Сергей Сергеевич Безобразов; 1892–1965), епископ. Родился 29 февраля в Санкт-Петербурге. Окончил Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1914). Профессор Туркестанского университета (1918–1920). Преподавал в

Православном Богословском Институте в Петрограде (1921–1922). С 1922 г. в эмиграции. Преподавал в Белграде (1923–1924). Профессор Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже (с 1925 г.), преподавал Священное Писание Нового Завета и греческий язык. Принял монашество на Афоне (1932). Ректор Института (с 1946 г.). Епископ Катарский (1947). Редактор нового перевода на русский язык Нового Завета, вышедшего во многих изданиях за рубежом, а после 1985 г. – и в России. Во время Второй Мировой войны жил в Свято-Пантелеймоновом монастыре на Афоне. Скончался 4 февраля в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Киприан (в миру Борис Павлович Борисевич; 1903–1980), Архиепископ. Родился 15 августа в г. Холм на Украине. Окончил Волинскую Духовную Семинарию (1925) и Богословский факультет Варшавского университета (1931). Священник (1928). Служил миссионером на Западной Украине и в Литве (1928–1940). Во время Второй Мировой войны организовал православные приходы в гг. Линц (Австрия) и Аугсбург (Германия). В 1949 г. переехал в США. Служил в гг. Канзас Сити (1950–1953), Балтимор (1953–1959) и Стемфорд (1959–1961). После смерти жены принял монашество (1961). Епископ Вашингтонский, викарий «митрополита Американского» (1961). Ректор Свято-Тихоновской Духовной Семинарии в г. Саут Канаан (Пенсильвания). Преподавал в семинарии пастырское богословие, гомилетику и литургику. Епископ Филадельфийский и Пенсильванский (1964). Архиепископ (1970). Член Синода и председатель Отдела внешних сношений Православной Церкви в Америке. Скончался 14 декабря в г. Саут Канаан.

Кирюшин, Борис Тихонович (1894–1961). Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Офицер. Член Народно-трудового союза. Скончался 16 декабря во Франкфурте.

Киселев, протопресвитер Александр (1909–2001). Родился 7 октября в Тверской губернии. Ребенком был вывезен в Эстонию (1918). Окончил Рижскую Духовную Семинарию и рукоположен в священник сан. Служил в Нарве и в Таллине. Затем переехал в Германию и в США. В Нью-Йорке организовал Свято-Серафимовский фонд, занимавшийся собиранием и сохранением русского культурного наследия. Основатель и главный редактор журнала «Русское возрождение» (с 1978 г.). В 1991 г. вернулся с матушкой в Россию и жил на покое в московском Донском монастыре, где скончался 3 октября.

Кишковский, протоиерей Леонид. Родился в 1943 г. Настоятель Казанского храма Казанской иконы Божией Матери в г. Си-Клифф (США), секретарь Православной Церкви в Америке по межхристианским связям.

Коларович, Петр Николаевич. Русский эмигрант первой волны. Проживал в Касабланке (Марокко). Принимал участие в изготовлении иконостаса церкви Успения Божией Матери, открытой в 1935 г.

Колтовской, Митрофан Митрофанович. Родился в Николаеве в 1886 г. Дворянин. Сын адмирала Черноморского флота. Закончил кадетский корпус. Офицер Императорской Армии. После 1917 г. иподиакон св. Патриарха Тихона. Возглавлял отряд по охране Святейшего.

Выступал на диспуте против А.В. Луначарского, затем следовали советские ссылки—тюрьмы и Колыма. После войны в беженском лагере в Менхегофе (Германия). Заведовал «Фондом помощи нуждающимся братьям». Приехал в Марокко в 1947 г. Активно трудился над украшением и оформлением русских храмов Св. Троицы в поселке Бурназель и Успения Божией Матери в Касабланке (Марокко). Скончался в Марокко в 1950-х гг.

Концевич, Иван Михайлович (1893–1965). Родился 19 октября в Полтаве. Брат епископа Нектария (Концевича), см. Закончил Математический факультет Харьковского университета. Участвовал в Гражданской войне. Окончил военно-инженерное училище в Галлиполи. В 1930 г. окончил Физико-математический факультет Сорбонны, одновременно зарабатывая физическим трудом. В 1948 г. окончил Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже. В 1952 г. переехал в Америку. Преподавал патологию в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле. Умер 6 июля в Сан-Франциско.

Косенко, М.М. Художник. Приехал в Марокко в составе большой группы русских из беженских лагерей в Германии в 1947 или 1948 гг. Активно трудился над украшением и оформлением русских храмов Св. Троицы в поселке Бурназель и Успения Божией Матери в Касабланке.

Коссобудский, Борис Константинович. Врач. Профессор и декан Киевского медицинского института. После Второй Мировой войны в эмиграции. Несколько лет жил и работал (гинеколог, хирург) в Марокко. С 1959 (или 1960) г. в США. Жил в г. Пало Альто, где и скончался 3 сентября 1963 г.

Л

Лавр (в миру Василий Михайлович Шкурла), Митрополит. Родился 1 января 1928 г. в Ладомирово (Чехословакия). С 11 лет жил при монастыре прп. Иова Почаевского во Владимировой (Ладомирово). В 1946 г. вместе с братией монастыря прп. Иова Почаевского прибыл в Свято-Троицкий ставропигиальный мужской монастырь в Джорданвиле. В 1947 г. принял постриг в рясофор, в 1948 г. был пострижен в мантию. Иеродиакон (1950). Иеромонах (1954). С 1954 по 2001 гг. преподавал патологию, а в последние годы и догматическое богословие и каноническое право в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле. Игумен (1959). Архимандрит (1966). Епископ Манхеттенский, викарий Восточно-Американской епархии (1967) и секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ (1967). Епископ Сиракузский и Троицкий (1976) и настоятель Свято-Троицкого монастыря. Ректор Свято-Троицкой Духовной Семинарии (1976). Архиепископ (1981). Заместитель Первоиерарха Русской Православной Церкви за рубежом (2000). С 2001 г. Первоиерарх РПЦЗ в сане Митрополита.

Лагонда, протоиерей Леонид (1898–1943). Настоятель храма в с. Верховичи. Благочинный Верховичского округа. Скончался 1 ноября.

Ларин, протоиерей Георгий. В 1967 г. окончил Свято-Троицкую Духовную Семинарию в Джорданвиле. В 1997 г. был назначен времен-

но управляющим делами начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме под омофором Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Настоятель православного прихода Покровской церкви в г. Наяк (под Нью-Йорком). Митрофорный протоиерей. Секретарь Восточно-Американской епархии РПЦЗ. Член Комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским Патриархатом (2004).

Лебедев, протоиерей Александр. Родился 11 марта 1950 г. в Австрии в беженском лагере. С 1951 г. в США. Окончил Свято-Троицкую Духовную Семинарию в Джорданвиле (1971). Бакалавр богословия. Одновременно учился также в аспирантуре университета в Олбани и в Норвичском университете штата Вермонт (окончил в 1971 г. со степенью магистра русского языка и литературы). Диакон (1968). Священник (1970). С 1973 г. докторант Йельского университета (штат Коннектикут), где получил вторую магистерскую степень по славянской лингвистике и филологии, а также получил степень доктора философии. Преподавал в Свято-Троицкой Семинарии, Норвичском и Йельском университетах. Протоиерей (1979). Настоятель Спасо-Преображенского собора в г. Лос-Анжелос, в котором служит с 1982 г. Благодочинный Южного округа Западно-Американской епархии Русской Православной Церкви за границей. Секретарь Комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским Патриархатом (2004). Автор книг, многочисленных статей и публикаций.

Легкий, протоиерей Иоанн см. **Иоанн (Легкий)**, епископ

Леонтий (в миру Лев Юрьевич Бартошевич; 1914–1956), епископ. Родился 14 сентября в Петрограде в семье инженера. Брат Архиепископа Антония (Бартошевича). В 1924 г. выехал с матерью в Югославию. Окончил Богословский факультет Белградского университета и Музыкальную академию в Белграде. В 1941 г. принял постриг в монастыре Туман в Югославии. Иеромонах (1941). Игумен (1944). Архимандрит (1945). Переехал в Женеву. Епископ Женевский, викарный Западно-Европейской епархии (1950). Скончался при загадочных обстоятельствах 19 августа в Женеве, где и похоронен.

Леонтий (в миру Леонид Иеронимович Туркевич; 1876–1965), епископ. Родился 8 августа в г. Кременец в семье священника. Окончил Киевскую Духовную Академию (1900). Преподавал в Курской и Екатеринославской Духовных Семинариях. Священник (1905). В 1906 г. был приглашен епископом (будущим святым Патриархом) Тихоном возглавить только что созданную православную Духовную Семинарию в г. Миннеаполис (США); с 1912 г. в г. Тинейфлай (США). В 1920–30-х гг. служил в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке. Затем настоятель Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке. Член Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Возвратился в США через Сибирь и Японию. Один из организаторов Американского Собора 1924 г., принявшего решение об учреждении автономии. После кончины супруги (1925) хиротонисан во «епископа Чикагского» (1933). Постановлением Патриарха и Св. Синода Русской Православной Церкви от 12 декабря 1947 г. на него наложено запрещение; предан суду Собора епископов за противление к воссоединению с Матерью-Церковью и

незаконное анафематствование архиепископа Макария, воссоединившегося с Московским Патриархатом. На VIII Нью-Йоркском Всеамериканском соборе (1950) был избран главой т. наз. «Американской митрополии» с титулом «митрополит вся Америки и Канады». Скончался 14 мая в г. Сайосет (США). Похоронен в Свято-Тихоновском монастыре.

Леонтий (в миру Василий Константинович Филиппович; 1907–1971), Архиепископ. Родился 6 августа в Киеве. С 1923 г. служил послушником в Киево-Печерской Лавре. Принял монашеский постриг в 1927 г. Иеродиакон (1928). Иеромонах (1930). В 1932 г. арестован. Архимандрит Киево-Печерской Лавры (1935). С 1937 г. – на нелегальном положении, из которого вышел с приходом немецких войск в Житомир. Хиротонисан во епископа Бердичевского Украинской Автономной Церкви (1941). Епископ Житомирский (1941–43). По окончании войны эвакуировался за границу, в Польшу, Австрию и Германию. С 1946 г. возглавлял Парагвайскую кафедру Русской Зарубежной Церкви. В 1953 г. был назначен в новообразованную Чилийско-Перуанскую епархию. Архиепископ Сантьягский и Чилийский (1957). В 1967 г. переведен в Сан-Пауло (Бразилия). В 1969 г. прибыл в Буэнос-Айрес, к новому месту служения – в Аргентину, где находилась самая многочисленная на континенте русская колония. Скончался 2 июля в Буэнос-Айресе.

Ломако, протопресвитер Григорий (1884–1959). Родился в Ставропольской епархии. Окончил семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Настоятель собора в Екатеринодаре, представитель епархии на Всероссийском Соборе 1917–1918 гг. В эмиграции в Венгрии. Служил в Будапеште. Некоторое время был священником в «Иностранном легионе» в Месопотамии. Затем переехал на юг Франции. Настоятель прихода в Ментоне (Франция) (1925). Протопресвитер (1945). С 1952 г. до кончины настоятель кафедрального собора в Париже. Автор ряда статей на богословские и канонические темы.

Лопухин, Петр Сергеевич (1885–1962). Родился 14 февраля в аристократической семье. После революции и участия в Белом движении эмигрировал в Сербию (1920), где сыграл заметную роль в создании Русской Православной Церкви за границей, организации учебных заведений и общественных русских организаций. Участвовал в работе братства св. Серафима Саровского в Белграде. С 1935 г. работал в канцелярии Синода Русской Зарубежной Церкви в Сремских Карловцах. После Второй Мировой войны переехал в Германию, затем во Францию, где был епархиальным секретарем РПЦЗ для Западной Европы. Скончался 2 августа в мест. Клармар (Франция). Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Лукьянов, протопресвитер Валерий. Родился в Шанхае 21 декабря 1927 г. в семье офицера. Окончил гимназию в Шанхае (1950) и Бруклинский политехнический институт в 1955 г. Работал в строительной промышленности. Диакон (1963). Иерей (1967). Настоятель Свято-Алекسانдро-Невского храма в г. Лейквуд (США). Прошел заочно курс Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле (США). Один год исполнял должность Начальника миссии в Иерусалиме (1986).

Люш, Александр Александрович. Военный летчик, капитан. В эмиграции в Марокко, затем в Канаде. Скончался 1 мая 1967 г. в Монреале.

Ляшевский, протоиерей Стефан (1899–1986). Родился 17 июня в Таганроге. В 1933–36 гг. работал старшим геологом в Ростове. Был участником Таганрогского православного молодежного братства. Часто посещал Серафимо-Дивеевский монастырь, хранитель его великой святыни – иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» (после его кончины передана в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвиле). Поддерживал связь с насельницами обители и после ее разгона в 1927 г. В 1936–39 гг. находился в заключении. В 1943 г. рукоположен в священника в Таганроге. Во время войны служил в Киеве во Владимирском соборе. Ушел с немецкими войсками, проживал в Германии, а затем в США. Служил настоятелем храма в Балтиморе, затем во Флориде. Составитель т.наз. 2-й части «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Скончался 2 июня в г. Огасте, штат Мейн.

М

Маклаков, отец Михаил. Родился в 1953 г. в католической семье в США. Один год проучился в Папском университете в Риме, изучая философию, но затем обратился в Православие и в 1975 г. был крещен в Свято-Троицком монастыре в Джорданвиле, где проучился еще один год. Далее он учился частным образом у Архиепископа Андрея (Рымаренко) в Ново-Дивеевском женском монастыре и сдал экзамены Первоиерарху РПЦЗ Митрополиту Филарету (Вознесенскому). Диаконскую и иерейскую хиротонию отца Михаила совершил епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий (Граббе) в 1982 году. Был назначен в Рим. Благодаря его действиям РПЦЗ потеряла римский приход, перешедший в «Парижскую» (Константинопольскую) юрисдикцию. Отец Михаил вышел из РПЦЗ в 1986 г. и провел несколько лет в клире «матфеевского» Синода греков-старостильников. В декабре 2003 г. перешел в суздальский раскол (т.наз. «РПАЦ»).

Малиженовский, протоиерей Иоанн (1897–1970). Родился 17 марта в г. Сумы. Участник Гражданской войны. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции. Священник (1934). В 1964 назначен заместителем настоятеля Храма во имя прав. Иова Многострадального (храм-памятник Царя-Мученика Государя Николая Александровича) в г. Брюсселе (РПЦЗ). Скончался 25 июля в Париже. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Мария Иларионовна (урожд. графиня Воронцова-Дашкова; 1903–1997), княгиня. Родилась 31 января в Царском Селе. Супруга князя Никиты Александровича, сына Великого Князя Александра Михайловича. Скончалась 15 июня в Каннах. Похоронена на кладбище в Рокбрюне.

Марков, Анатолий Львович (1893–1961). Родился 28 декабря в Курской губернии в семье предводителя дворянства. Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Алек-

сандрию (Египет). Служил в военной полиции (с 1952 г. в отставке). Затем переехал в США. Автор многочисленных статей, воспоминаний, рассказов, исторических очерков. Скончался 10 августа в Сан-Франциско, где похоронен на сербском кладбище.

Месняев, Григорий Валерианович (1892–1967). Родился 30 марта в Туле. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. С 1943 г. в Германии, затем в США. Редактор г. «Россия». Автор книг на исторические темы. Скончался 11 ноября в Нью-Йорке.

Мещанинов (Мешанинов), Виктор Иванович (1891–1969). Участник Гражданской войны. В эмиграции в Югославии. Во время Второй Мировой войны сражался в рядах Русского корпуса в составе вермахта. После 1945 г. в США. Скончался 15 января в Си-Клиффе. Похоронен на кладбище в Ново-Дивеевском монастыре.

Миркович, Елизавета Романовна (урожд. баронесса фон Кнорринг; 1918–1994). Родилась 22 декабря в Киеве. Эмигрировала вместе с родителями в Германию. Окончила Берлинский университет. Историк. В 1938 г. вступила в Народно-трудовой союз (НТС). Во время войны жила вместе с мужем в Днепропетровске. После войны вернулась в Германию, затем уехала в Марокко. С 1956 г. снова в Германии. Работала в ж. «Посев»; в 1984–89 гг. его редактор. Член Совета НТС (с 1971 г.). В последние годы жизни – в Москве, где и скончалась. Похоронена в с. Остров.

Митрофан (в миру Михаил Владимирович Ярославцев; 1883–1954), архимандрит. Родился в Тульской губернии в семье военного. Закончил первый Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В 1919 г. произведен в генерал-майоры. В 1921 г. вместе с супругой находился в Польше, далее направился в Германию. С 1923 г. в Париже, работал консьержем, разнорабочим на вокзале, на заводе Ситроен, шофером, в книжной торговле. С 1931 по 1935 гг. консьерж в Ницце. В 1932 г. овдовел. В 1935 г. сдал экзамен за курс Русского пастырско-богословского училища в монастыре св. Кирика в Болгарии, затем продолжил обучение на Богословском факультете в Софии. В 1937 г. рукоположен в сан священника и направлен в г. Курибга (Марокко), где русскими эмигрантами при фосфатном заводе была устроена церковь Св. Троицы. В 1940 г. принял монашество. Игумен (1945). Архимандрит (1949). С 1952 г. настоятель Воскресенского храма в г. Рабат (Марокко). Погребен в православной часовне на христианском кладбище в Рабате.

Михаил (Кедров), епископ. Служил под омофором Польской Православной Церкви. В сане протоиерея в июне 1948 г. был в числе членов польской делегации, прибывшей в Москву для решения вопроса об автокефалии Польской Православной церкви. Тогда же он, согласно просьбе делегации, 14 июня был пострижен в рясофор и наречен во епископа, а 15 июня 1948 г. хиротонисан во епископа Вроцлавского. Хиротония состоялась в Москве. Скончался 6 ноября 1951 г.

Молчанов, протоиерей Борис (1896–1963). Родился 24 июля в Санкт-Петербурге в семье протоиерея. Окончил артиллерийское училище. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Окончил

Петроградскую Духовную Семинарию (1916) и Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже. (1928). Рукоположен в диаконы в 1927 г. Священник. Перешел в состав клира Русской Церкви за границей (1928). Настоятель приходов в Медоне, Лондоне (1933–1938), Бейруте (1938), Белой Церкви (1938–1941). Духовник и полковой священник Русского корпуса в составе вермахта (1941–1945). Настоятель различных приходов (в лагерях для Ди-Пи в Германии, 1945–1950 и во Франции, 1950–1955). Переехал в Америку (1956). До своей кончины служил вторым священником кафедрального собора Знамения Божьей Матери в Нью-Йорке. Был послан в Сан-Франциско в качестве ревизора (1963). Поддержал врагов святителя Иоанна (Максимовича), см. В здании Синода на коленях просил прощения у святителя. Умер 22 августа в Нью-Йорке. Погребен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря.

Мусин-Пушкин, протоиерей Василий (1894–1959). Родился 17 ноября в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Граф. Окончил училище правоведения. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Член Временного высшего церковного управления на юго-востоке России (1919). После падения Крыма – в эмиграции (1920 г.). Жил в Берлине, Париже и Ницце, где принимал участие в кружке отца Александра Ельчанинова. Переехав в Америку, принял священство. Был настоятелем храма Св. Владимира в Кассвиле, построенном его усердием. Скончался 10 июня.

Н

Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов; 1906–1986), Архиепископ. Родился 17 августа в Москве в семье члена Государственной Думы. Окончил Харбинское реальное училище (1922). Работал на Китайской Восточной железной дороге (1922–1929). С 1924 г. секретарь еп. Нестора Камчатского. Окончил богословские курсы (1931). Принял монашество, посвящен в иеродиакон и иеромонахи (1929). Законоучитель в детском приюте при Доме милосердия в Харбине. Игумен (1933). Архимандрит (1936). Принимал участие в православной миссии в Керале (1935–1936). Начальник православной миссии на Цейлоне (1937–1939). Вторую Мировую войну провел в Словакии. Был помощником настоятеля монастыря прп. Иова Почаевского (Словакия). Настоятель Воскресенского собора в Берлине (1945), затем вместе с иеромонахом Виталием (Устиновым) [см.] организовал в Гамбурге приход для Ди-Пи. Епископ Брюссельский и Западно-Европейский (1946–1952). В 1952 г. служил в Тунисе. В 1966–1980 г. был настоятелем обители прп. Иова Почаевского в Мюнхене. Епископ Венский и Австрийский (1971). Архиепископ (1981). Скончался 8 ноября.

Неймирок, Александр Николаевич (1911–1973). Родился 23 августа в Киеве. В 1920 г. эмигрировал с семьей в Югославию. В 1945–49 гг. находился в лагере Ди-Пи Менхегоф. Лесной инженер, поэт. Член исполнительного бюро Совета Народно-трудового союза. Работал в издательстве «Посев». Автор многих книг. Скончался 7 октября в Мюнхене.

Нектарий (в миру Олег Михайлович Концевич; 1905–1983), епископ. Родился в Курляндии (ныне Латвия). Брат И.М. Концевича, см. С раннего детства жил на Украине, где учился в реальном училище. Неоднократно посещал с матерью Оптину пустынь и окормлялся у прп. Нектария Оптинского. Окончил Механический факультет Института путей сообщения. Работал инженером. В годы немецкой оккупации – в Киеве. Эвакуировался в Германию, затем в США. Принял постриг, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха (1953). Служил в кафедральном соборе в Сан-Франциско. Епископ Магопакский (1962), Сеаттлский, викарий Западно-Американской епархии. Скончался 6 февраля в Сан-Франциско. Погребен на братском кладбище в Свято-Троицком мужском монастыре в Джорданвиле.

Николайчик, Иван Федорович. Окончил Военно-юридическую академию (1917). Участник Гражданской войны. В эмиграции в Югославии. После 1945 г. – в США, где и скончался в сентябре 1964 г. в Си-Клиффе.

Никон (в миру Николай Павлович Рклицкий; 1892–1976), Архиепископ. Родился 4 декабря в с. Борки Черниговской губернии в семье священника. Окончил Черниговскую Духовную Семинарию, Юридический факультет Киевского университета (1915) и Юридический факультет Белградского университета. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1921 г. Редактировал в Белграде г. «Царский вестник» (1928–1941). Член братства прп. Серафима Саровского. Пострижен в монашество (октябрь 1941 г.), вскоре рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Был военным священником в Русском корпусе в составе вермахта. В 1944 г. покинул Сербию. С августа 1945 г. в Швейцарии, где исполнял секретарские обязанности при Первоиерархе Русской Зарубежной Церкви м. Анастасии (Грибановском), см. С ноября 1946 г. в США. В Нью-Йорке секретарь Архиепископа Виталия (Максименко) [см.] и епархиальной канцелярии. Хиротонисан во епископа Флоридского, викария Северо-Американской и Канадской епархии (1948; с 1959 г. Архиепископ). Архиепископ Вашингтонский и Флоридский (1960). Секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ. После 1964 г. один из заместителей Председателя и постоянный член Синода. Автор многотомного Жизнеописания м. Антония (Храповицкого), см. Скончался 17 сентября в Нью-Йорке. Погребен в Свято-Владимирском храме-памятнике в г. Джексон.

О

Орехов, Владимир Николаевич. Капитан артиллерии. Бывший вице-председатель Союза инвалидов. Скончался 22 ноября 1971 г. в Нью-Йорке.

П

Павел (в миру Трофим Мелетьев; 1880–1962), епископ. Родился 2 ноября в Архангельске в семье диакона. Окончил Духовную Семинарию (1903). Принял монашеский постриг в Соловецком монастыре.

Иеродиакон (1908). Иеромонах (1910). Занимался миссионерской деятельностью в северных областях России. С 1920 г. неоднократно арестовывался советскими властями. В 1925 г. освобожден и проповедовал в Москве, Калуге и Серпухове. В 1931 г. опять арестован, осужден на семь лет каторги в Казахстане. В 1937 г. был освобожден из лагеря. Вновь миссионерствовал, скрывался, переезжал с места на место. В 1941 г. оказался в Белоруссии, на территории, оккупированной немцами. С согласия оккупационных властей стал открывать церкви. В 1943 г. хиротонисан во епископа Рославльского, имевшего пребывание в городе Брянске, викария Смоленской епархии. Вместе с немцами покинул Россию и переехал в Баварию, где начал помогать соотечественникам, решившим покинуть Советскую Россию. Летом 1946 г. вместе с сестрой перешел в Католическую церковь (считается первым православным епископом, перешедшим в католичество). Епископ Гераклеопольский. С 1948 г. в Бельгии. Жил в монастыре Шевтонь и в Брюсселе, где принял активное участие в работе Русского католического центра. 19 мая сбит автомобилем рядом с домом, где проживал. Отпевание совершено в бельгийской церкви Креста Господня. Похоронен на кладбище Сен-Пьер рядом с сестрой.

Пантелеев, протоиерей Сергей (1893–1968). Родился в Саратовской губернии в семье священника. Окончил Саратовскую Духовную Семинарию. Участник Первой Мировой и Гражданской войн в офицерском чине. По приезде в Нью-Йорк пел в казачьем хоре. 1 октября 1934 г. рукоположен в сан священника, с декабря того же г. – настоятель Вознесенского собора. Скончался до 20 ноября в Нью-Йорке. Похоронен на кладбище Св.-Троицкого монастыря.

Пантелеймон (в миру Павел Степанович Рожновский; 1867–1950), Митрополит. Родился 21 октября в Витебской губернии (по другим сведениям, в г. Кострома) в семье шталмейстера Двора. Окончил Николаевское инженерное училище. Получил звание офицера и, отслужив стаж в армии, вышел в запас. Предводитель дворянства в Симбирской губернии. Окончил миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии. Принял монашество (1897) и вскоре был рукоположен во иеромонаха (1897). Епископ Двинский, викарий Полоцкой епархии (1913), Пинский и Новогрудский (после 1918 г.). Оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ (1921). В 1922–1939 гг. за неприятие автокефалии Польской Православной Церкви местным священноначалием был устранен от управления и находился на покое в Жировицком и др. монастырях. Архиепископ Гродненский и Новогрудский (1940), Гродненский и Виленский (1940–41). В 1941 году, после того как Митрополит Николай (Ярушевич) в силу военных действий не мог больше управлять церквами Западной Белоруссии, был возведен Митрополитом Сергием (Страгородским) в сан Архиепископа и назначен Экзархом Белоруссии с титулом Минский и Белорусский. В марте 1942 г. Собором Белорусской Православной Церкви был возведен в сан Митрополита. Отказался провозгласить автокефалию. В мае того же года, ввиду интриг против него духовенства и оккупационных властей, он оставил управление Церковью и удалился на покой (жил на

покое в различных монастырях Белоруссии). В 1944 г. эвакуировался в Германию, возглавлял белорусские приходы в лагерях Ди-Пи. Вместе с Собором белорусских епископов вошел в состав клира РПЦЗ (февраль 1946 г.). Проживал в лагере Ди-Пи Шлейсгейм близ Мюнхена. Скончался 30 декабря. Погребен на кладбище Фельдмохинг близ Мюнхена.

Пантелеймон (в миру Петр Рудык; 1898–1968), Архиепископ. Родился 16 июня 1898 г. (по другим данным, 1896 или 1899) в с. Липовцы Перемышлянского уезда Львовской губернии в крестьянской семье. В возрасте около 10 лет перешел австрийско-русскую границу для поступления в Почаевскую Свято-Успенскую Лавру. Воспитывался в Почаевской Лавре и учился в начальной школе при Лавре. После революции в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Принял монашество, иеродиакон (1920). Иеромонах (1922). Окончил богословские классы духовной семинарии (1924) и Православный Богословский факультет Варшавского университета. Настоятель одной из православных церквей во Львове. Архимандрит (1929). Настоятель Загаецкого монастыря (1929). Наместник Почаевской Лавры (1933). 16 марта 1941 г. хиротонисан во епископа Львовского в Москве. В 1941–43 гг. управлял Киевской епархией Автономной Украинской Церкви. Архиепископ Львовский (1944). Эвакуировался в Германию. Затем переехал в Аргентину. Архиепископ Буэнос-Айресский (в юрисдикции РПЦЗ). 5 марта 1959 г. вернулся (после принесения покаяния) под омофор Московского Патриарха. Архиепископ Эдмонтонский и Канадский (1958). Скончался 2 (по другим данным, 3) октября в г. Эдмонтон (Канада). Похоронен на кладбище при храме Рождества Богородицы в мест. Реббит Хилл (Канада).

Папков, отец Андрей. Родился в Мюнхене после войны в лагере для беженцев. Сын художника-иконописца, написавшего известный портрет свт. Иоанна (Максимовича), см. С 1956 г. в Америке, учился в американских школах. Окончил Свято-Троицкую Духовную Семинарию в Джорданвиле. В 1973 г. женился и вскоре был рукоположен в сан диакона. Протоиакон (1980). Окончил Ново-Английскую консерваторию по вокалу (Бостон) и аспирантуру Норвичского университета (шт. Вермонт) со степенью магистра русского языка и литературы. Шесть лет служил в кафедральном соборе в Сан-Франциско и почти двадцать лет в Свято-Троицком монастыре в Джорданвиле. В 2001 г. принял священнический сан по благословению старца о. Николая (Гурьянова).

Парфенов, Александр Семенович (1895–1961). Родился 2 мая в Оренбурге. Инженер-строитель. В 1942 г. попал в плен, был в лагерях для военнопленных. С 1943 г. член Народно-трудового союза. После войны несколько лет жил в лагере Ди-Пи Менхегоф. В августе 1947 г. выехал в Марокко, спасаясь от принудительной репатриации. Работал землемером в русской геодезической фирме. В январе 1951 г. вернулся в Германию. Один из редакторов и долголетний сотрудник издательства «Посев». Скончался 3 ноября во Франкфурте-на-Майне, где и похоронен.

Платон (Артемюк). «Епископ Ровенский, викарий Волынской епархии» (1942) в клире т.наз. «Украинской Автокефальной Православной церкви» (поликарповцы)

Плешко, Сергей Сергеевич (1902–1954). Кадет Морского корпуса в Бизерте. Староста храма Воскресения Христова в Тунисе. Состоял секретарем Морского объединения в г. Тунисе, где скончался и был похоронен на одном из русских участков кладбища Боржель.

Подчертков, Александр Александрович (1889–1954). Полковник Генштаба, где нес службу до конца Первой Мировой войны. Участник Гражданской войны (занимал должности в штабах Деникина и Врангеля). В эмиграции – в Сремских Карловцах, затем в Париже. С 1939 г. – в Марокко, где был начальником подотдела Русского обще-воинского союза. Участвовал в работе Красного Креста. Скончался 14 декабря в Касабланке.

Супруга – Варвара Владимировна (урожд. княжна Урусова; 1890–1975), скончалась во Франции.

Поликарп (в миру Петр Дмитриевич Сикорский; 1875–1953), епископ. Родился 20 июня в селе Зеленки (Киевская губерния) в семье священника. Окончил Киевскую Духовную Семинарию (1898). Столоначальник Киевской духовной консистории (1908–1918). В 1919–1921 гг. активно работал в Министерстве Вероисповеданий петлюровского правительства. В 1921 г. эмигрировал в Польшу. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонахи (1922). В том же г. возведен в сан архимандрита. Поочередно был наместником (или настоятелем) монастырей – Дерманского и Загаевского на Волыни, Жировицкого на Гродненщине. Активно занимался политической и общественной деятельностью. 1 апреля 1932 г. хиротонисан в Варшаве во епископа Луцкого, викария Волынского-Ровенской епархии. Принадлежал к Польской автокефалии. В 1940 г. подчинился Московскому Патриархату и назначен епископом Владимиро-Волынским. В 1942 г. изменил Родине и отклонился от подчинения Русской Православной Церкви. Назначен «архиепископом Луцким и Ковельским». 9–10 февраля 1942 Митрополит Дионисий (Валединский) [см.] благословил возрождение иерархии т.наз. «Украинской Автокефальной Православной церкви» на украинских землях во главе с архиепископом Поликарпом (Сикорским), который на «соборе», состоявшемся в феврале 1942 года, объявил себя главой УАПЦ. Определением от 28 марта 1942 г., согласно судебному делу на него как на изменника Родины наложено запрещение Русской Православной Церкви. В 1944 г. эвакуировался в Варшаву, затем через Словакию в Германию. В 1946 г. «собором» поликарповцев возведен в сан «митрополита» и провозглашен главой УАПЦ. Переехал во Францию. С 1950 г. жил в окрестностях Парижа. Скончался 22 октября в мест. Оле-су-Буа под Парижем.

Полторацкий, Николай Петрович (1921–1990). Родился 16 февраля в Стамбуле в семье русских эмигрантов. Философ, литературовед. Специалист по трудам И.А. Ильина и Н.А. Бердяева. С 1955 г. жил и работал в США. Скончался в ночь с 14 на 15 октября в Ленинграде от разрыва сердца. Похоронен в Св.-Троицком монастыре в Джорданвиле.

Полчанинов, Ростислав Владимирович. Родился в 1919 г. в России. В 1920 г., когда Белая армия покидала Крым, вместе с родителями оказался в Югославии. Закончил русскую гимназию в Сараево и продолжил свое образование в Белградском университете на Юридическом факультете. Во время Второй Мировой войны был отправлен на работу в Германию, откуда совершил побег и через Варшаву и Ригу приехал в Россию. С 1943 г. работал в Псковской православной миссии в качестве учителя церковной школы. В 1944 г. вместе с семьей эмигрировал в Германию, а в 1951 г. – в США. Автор воспоминаний о Псковской миссии.

Польский, протопресвитер Михаил (1891–1960). Родился 6 ноября в станице Новотроицкой Кубанской области в семье псаломщика. Окончил Ставропольскую Духовную Семинарию (1914) и по ее окончании работал противосектантским миссионером. Священник (1920). В 1921 г. поступил в Московскую Духовную Академию, которая вскоре была закрыта. В 1923 г. арестован и после тюремного заключения был сослан в Соловецкий лагерь, а в 1929 г. – на 3 г. в Зырянский край. В 1930 г. бежал из ссылки и покинул Россию, перейдя российско-персидскую границу. Сначала попал в Палестину, потом (1938–1948 гг.) был настоятелем прихода в Лондоне (РПЦЗ). В 1948 г. переезжает в США, служил в кафедральном соборе в Сан-Франциско (ушел на покой в 1959 г.), где скончался 21 мая.

Помазанский, протопресвитер Михаил (1888–1988). Родился 6 ноября в с. Корысть (Волынская губерния) в семье священника. Окончил Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия (1912). Преподаватель в ровенских гимназиях (1916–34). Священник (1936), зачислен в клир Варшавского кафедрального собора (до 1944 г.). После эвакуации из Варшавы 4 года жил в лагерях для Ди-Пи в Германии. С 1949 г. вместе с семьей переехал в США. Преподавал в Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвиле греческий и церковнославянский языки, а также догматическое богословие. Протопресвитер (1962). Скончался 4 ноября. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвиле.

Р

Рар, Глеб Александрович. Родился в 1922 (или 1921) г. в Москве (по другим сведениям, в Прибалтике) в купеческой семье. Эмигрировал с семьей в Латвию (до 1939 г.), затем обосновался в Германии (1939). Окончил Бреславльский университет (1944). Журналист. Активный член Народно-трудового союза. Сотрудничал в издательстве «Посев» (Мюнхен). Публицист, многолетний сотрудник радио «Свобода». В 1958–63 гг. жил на Тайване. Впоследствии вернулся в Германию. Председатель благотворительной организации Свято-Князь-Владимирского братства.

Ростовцев И.Н. Помощник старосты. Приехал в Марокко в составе большой группы русских, из беженских лагерей в Германии в 1947–1948 гг. Член приходского совета Св. Троицкой церкви в пригороде Касабланки, поселке Бурназель (Марокко). Активно помогал в стро-

ительстве, оформлении помещения, проведении богослужений в этом храме.

Русин Александр Иванович (1861–1956). Из духовного сословия. Выпускник Морского корпуса (1881 г.). В 1913–1914 гг. начальник Главного Морского штаба. Адмирал (1916). В 1914–1917 гг. начальник Морского Генерального штаба. В составе Русской эскадры оказался в Тунисе, позднее переехал в Марокко; проживал в Касабланке, где и скончался 17 ноября.

С

Савва (в миру Федор Федорович Раевский; 1892–1976), Архиепископ. Родился в Тульской губернии в дворянской семье. Окончил Тульскую Духовную Семинарию (1911). В 1920 г. эвакуировался с частями Белой армии на о. Лемнос. Затем в Югославии. Окончил Богословский факультет Белградского университета (1935). Работал учителем (1921–1941). В октябре 1941 г. рукоположен во диакона, в марте 1942 – во пресвитера. В годы оккупации Сербии и после эвакуации в Германию всюду окормлял русских беженцев. С 1948 г. в США. Епископ (1955; с 1957 г. Архиепископ) Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. Ушел на покой в 1970 г. Скончался 17 апреля в г. Сидней.

Савва (в миру Георгий Евгеньевич Советов; 1898–1951), Архиепископ. Родился 6 апреля в Санкт-Петербурге в семье военного. В 1916 г. окончил ускоренный выпуск Пажеского корпуса. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Сербию. Окончил Богословский факультет Белградского университета (1925). Пострижен в монашество (1922). Иеродиакон (1923). Иеромонах (1925). Настоятель Свято-Николаевской церкви в г. Бари (1925–1926). В 1926 г. переезжает в Польшу. В январе 1928 г. выехал из Польши. Проходил служение сначала в Мюнхене, а затем в Будапеште. В конце 1928 г. получено разрешение гражданских властей на возвращение в Польшу. По возвращении назначен домашним священником Митрополита Дионисия (Валединского), см. Архимандрит (1929). В январе 1931 г. назначен благочинным мужских и женских монастырей Варшавско-Холмской и Волынской епархий. В 1933 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. Епископ Гродненский и Новогрудский в Православной Церкви в Польше (1937). В сентябре 1939 г. после прихода советских войск в Западную Белоруссию уехал в Англию и исполнял обязанности польского военного епископа в изгнании. Скончался 21 мая в Лондоне.

Севбо (отец Михаила Семеновича Севбо) см. **Стефан** (Семен Иосифович Севбо), Архиепископ.

Серафим (в миру Леонид Георгиевич Иванов; 1897–1987), Архиепископ. Родился 1 августа в Курске. Поступил на Филологический факультет Московского университета (1914). Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. Окончил Философский и Богословский факультеты Белградского университета. Принял постриг на Афоне в 1926 и рукоположен в иеромонахи в Скопье. С 1928 по 1946

г. подвизался в миссионерской обители прп. Иова Почаевского во Владимирове (Ладомирове) на Карпатской Руси в Словакии (Чехословакия). Возглавлял обитель в сане архимандрита. В 1944 г. вместе с братией эвакуировался на запад. Хиротонисан во епископа Сантьяго и Чили (1946). Ввиду невозможности отправиться на кафедру в Чили, вместе с братией эмигрировал в Соединенные Штаты, где они поселились в Свято-Троицком монастыре в Джорданвиле. Принял на себя руководство монастырем. Основал в Магопаке в 1948 г. Ново-Коренную пустынь. Настоятель Пустыни. Постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ (1951–1957). Епископ Чикагско-Детройтский (1957). Архиепископ (1959). Архиепископ Чикагско-Детройтский и Среднеамериканский (1976). В 1960 г. основал Организацию русских православных разведчиков. С 1976 г. пожизненный член Синода и первый заместитель Первоиерарха РПЦЗ. В середине 80-х годов переселился в Ново-Коренную пустынь, где 25 июля скончался и похоронен.

Серафим (в миру Карл Георг Альберт [в крещении Серафим] Ляде; 1883–1950), Митрополит. Родился в г. Лейпциг (Германия) в протестантской семье. В 1904 г. перешел в Православие. Священник (1907), служил в Новоградволинском соборе. Окончил Московскую Духовную Академию (1916), затем служил на приходах в Харьковской епархии. Полковой священник в Белой армии (1919–20). Принял монашеский постриг и был «хиротонисан» украинскими обновленцами во «епископа Змиевского». «Епископ Ахтырский» (1927). В 1930 г. вернулся в Германию. Епископ Тегельский в РПЦЗ (принят в сущем сане из обновленчества). В 1938 г. возглавил Германскую епархию. Архиепископ Берлинский и Германский (1939). Митрополит (1942). С 1942 г. возглавлял Средне-Европейский митрополичий округ РПЦЗ. Скончался 14 сентября в пригороде Мюнхена Золльне, где и погребен.

Сергий (в миру Аркадий Дмитриевич Королев; 1881–1952), Архиепископ. Родился 18 января в Москве в купеческой семье. Окончил Московскую Духовную Академию (1905). В 1907 г. принял монашество. Иеромонах (1908). Архимандрит и настоятель Яблочинского монастыря (1914). Во время Первой Мировой войны был эвакуирован с монастырем во внутренние губернии. В 1920 г. вернулся в с. Яблочное, которое теперь находилось на территории Польши, и занялся восстановлением разрушенного монастыря. Епископ Бельский (1920; по другим данным, 1921). Временно управлял также Холмской епархией. В 1922 г. был арестован правительством Пилсудского и выслан из пределов Польской республики в Чехословакию. В 1922–1946 гг. – епископ Пражский, викарий Митрополита Евлогия (Георгиевского) [см.] в Центральной Европе и настоятель храма св. Николая в Праге. Архиепископ Венский, викарный Западно-Европейского Экзарха в юрисдикции Московского Патриархата (1946). Архиепископ Берлинский (1948). В 1950 г. вызван Патриархом в Россию. Архиепископ Казанский и Чистопольский (1950). Скончался 18 декабря в Казани. Похоронен в Казани около кладбищенской церкви на Арсовом поле.

Симон (в миру Семен Васильевич Ивановский; 1888–1966), Архиепископ. Родился 1 февраля в Тульской губернии в семье священника.

Окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия (1912). Пострижен в монашество. Оказался в эмиграции в связи с изменением государственных границ после 1917 г. В 1924 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии (неканоническая Польская Автокефальная церковь). Епископ Острожский, викарий Волынской епархии (1939). Архиепископ (1941). Возвратился в лоно Матери-Церкви. Архиепископ Черниговский и Нежинский (1942–1944). Архиепископ Полтавский (1945). В 1947 г. был арестован. Освобожден в 1955 г. Архиепископ Винницкий и Брацлавский (1955). В 1961 г. уволен на покой, согласно прошению. Проживал в Виннице, где скончался 15 февраля.

Сокаль, протоиерей Иоанн см. **Иннокентий** (Иван Иванович Сокаль), епископ.

Стефан (в миру Семен Иосифович Севбо; 1872–1965), Архиепископ. Родился 17 апреля в д. Телуша под Минском. В 1894 г. окончил Минскую Духовную Семинарию. В 1896 г. был рукоположен в священника, служил в Минской епархии. Почти 30 лет служил благочинным в мест. Раково (Западная Белоруссия). В 41 год овдовел. Боролся против автокефалии Польской Православной Церкви, отказывался ее признать, за что в 1924 г. был арестован и до 1940 находился в разных тюрьмах. После освобождения в 1940 г. присоединился к Автономной Белорусской Церкви. В 1942 г. пострижен в монашество; после возведения в сан архимандрита в этом же г. хиротонисан в Минске во епископа Смоленского и Брянского. С 1944 г. – в Германии. В 1946 г. назначен Архиепископом Венским и Австрийским (РПЦЗ). Однако его резиденция была в Зальцбурге до тех пор, пока его (незадолго до смерти) не назначили на новую кафедру, которую открыли по его инициативе. Скончался 25 января в Зальцбурге, где и погребен.

Стефановский, Александр Федорович (1884–1957). Родился 2 июля в Киеве. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Капитан артиллерии. Оказавшись на юге России, принимал участие в боях на стороне Добровольческой армии. На кораблях Черноморского флота эвакуировался из Крыма. В эмиграции в г. Рабат (Марокко). Основатель общества «Православная Церковь и русский очаг в Марокко» (1926). Всю свою жизнь в эмиграции прослужил в топографической службе, в отставку вышел в 1948 г., получив незначительную пенсию. Принимал активное участие в финансировании и строительстве храма Воскресения Христова в Рабате (построен и освящен в 1932 г.) и долгие годы был его старостой. Скончался 20 марта в Рабате. Погребен в русской часовне на европейском кладбище.

Т

Теодорович, протопресвитер Терентий (1867–1939). Родился 10 апреля в с. Вербишна на Волыни (Западная Украина). Окончил Московскую Духовную Академию. Преподаватель женского епархиального училища в г. Кременец. Диакон (1895). Священник (1895). Переведен в Варшаву (1902). Настоятель Успенской церкви (1910). Участник

Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. в Москве. В 1921 г. вернулся в Варшаву. С середины 1920-х гг. был настоятелем митрополичьей Марие-Магдалинской церкви в Варшаве. Скончался 25 сентября в Варшаве во время бомбардировки.

Титов, протоиерей Феодор. Профессор Киевской духовной академии по кафедре истории Русской Церкви. В эмиграции в Югославии. Профессор Богословского факультета Белградского университета.

Тихменев, Александр Иванович (1878–1959). Окончил Морской корпус (1901) и Минный офицерский класс (1904). Участник Первой Мировой и Гражданской войн. Капитан 1-го ранга (1917). С отрядом кораблей под общей командой адмирала Саблина ушел 02.1918 из Севастополя в Новороссийск, спасая корабли Черноморского флота от входивших в Крым немецких оккупационных войск. Контр-адмирал (1920). Обеспечивал подготовку и проведение эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920. После прихода Черноморского флота в Константинополь и перехода в Бизерту (Тунис) в декабре 1920 г. назначен начальником штаба Русской эскадры (в эмиграции). С 1924 г. (когда Франция признала большевистскую Россию) остался на положении эмигранта в Тунисе. Скончался 25 апреля в Бизерте.

Тихон (Троицкий; 1883–1963), Архиепископ. Родился 12 апреля в Костромской губернии в семье священника. В 1905 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. Иеромонах (1908). В 1908 г. окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1919 г. эмигрировал вместе с Митрополитом Антонием (Храповицким) в Западную Европу. В 1930 г. хиротонисан во епископа в юрисдикции РПЦЗ и назначен в США. Архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский в юрисдикции РПЦЗ. Скончался 30 марта. Похоронен под алтарем соборного храма Свято-Троицкого монастыря в Джорданвиле (США).

Травлев, В. И. Инженер. Приехал в Марокко в составе большой группы русских из беженских лагерей в Германии в 1947 или 1948 гг. Член приходского совета Св. Троицкой церкви в пригороде Касабланки, поселке Бурназель (Марокко). Активно помогал в строительстве, оформлении помещения, проведении богослужений в этом храме.

Троицкий, Сергей Викторович (1878–1972). Родился 14 марта в Томске в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1901). Служил чиновником при Синоде. Преподавал каноническое право в Санкт-Петербургской Духовной Академии, а потом в Новороссийском университете (1919). Участвовал в Московском и в Киевском Поместных Соборах. В эмиграции с 1920 г. Профессор Белградского университета (1920–1929 и 1941–1945). Профессор в Суботиче (1929–1941). Преподавал каноническое право в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже (1947–1948). Юрисконсульт Сербской Православной Церкви. Доктор церковного права (1961). Скончался 27 ноября в Белграде.

Трубников, протоиерей Александр (1908–?). Родился 10 марта в Царском Селе. Эмигрировал с родителями во Францию в 1916 г. Химик по образованию. Работал в Марокко. Рукоположен в 1949 г. Настоятель

прихода Синодальной Церкви в Медоне под Парижем. Секретарь Епархиального совета.

У

Ульянов, Николай Иванович (1904–1985). Историк, критик, прозаик. Родился в д. Ганежи Санкт-Петербургской губернии в рабочей семье. Окончил Ленинградский университет (1927). Преподаватель Архангельского педагогического института (1930–1933), старший научный сотрудник Постоянной историко-археологической комиссии при АН СССР (1933–1936). В 1936 г. арестован, отправлен на Соловки. В 1941 г. освобожден из заключения, мобилизован на окопные работы под Вязьмой; попал в плен, бежал. Осенью 1943 отправлен в Германию в рабочие лагеря. В 1945 оказался в американской зоне оккупации, решил остаться на Западе. Жил под Мюнхеном; с 1947 в Марокко (Касабланка); с 1953 в Канаде, преподавал в Монреальском университете; с 1955 в США, преподавал русскую историю в Йельском университете (1956–1972). Похоронен в Нью-Хэйвене.

Ф

Феодосий, игумен. Клирик РПЦЗ. Миссионер среди русских эмигрантов на юге Франции. В 1947 г. посетил Тунис, организовал приход в Бизерте, которая сильно пострадала во время бомбардировок: храм находился в плачевном состоянии. Сумел организовать сбор средств и восстановил храм к 1949 г. Французское правительство ассигновало на ремонт 957 000 франков. Остальные суммы, до полутора миллионов, были собраны среди верующих.

Феодосий (в миру Федор Мельник; 1890–1957), архимандрит. Родился 8 февраля на юге России в благочестивой семье. Уже в юности поступил в Киево-Печерскую Лавру, где проходил послушание до 1914 г. В Первую Мировую войну был старшим фейерверкером, после войны вернулся обратно в Лавру. В эмиграции в Югославии. Келейник Митрополитов Антония и Анастасия (см.). После рукоположения возглавлял русский православный приход в г. Сремски Карловцы, бывший, в сущности, домовою церковью в митрополичьих покоях. Духовник в монашеской школе в Высоко-Дечанской Лавре (Косово). После Второй Мировой войны – ее настоятель (до своей смерти). По его завещанию, похоронен в Белграде в гробнице Иверской часовни рядом со своим учителем – Митрополитом Антонием (Храповицким).

Филарет (в миру Георгий Николаевич Вознесенский; 1903–1985), Митрополит. Родился 2 марта в Курске в семье протоиерея (будущего Архиепископа Димитрия). Эмигрировал с семьей в Харбин в 1920 г. Окончил Политехнический институт. В 1931 г. окончил Пастырско-богословские курсы (переименованные затем в Богословский факультет) при Институте св. князя Владимира. Преподаватель Нового Завета, пастырского богословия и гомилетики в указанном институте. Диякон (1930). Пострижен в монашество (1931). Иеромонах (1931). Игумен (1933). Архимандрит (1937). Переехал в Гонконг (1962), затем в г.

Брисбен (Австралия). Епископ Брисбенский, викарий Австралийской епархии (1963). На Соборе 1964 г. был избран Первоиерархом Русской Православной Церкви за рубежом. Митрополит. Скончался 21 ноября. В 1998 г. его нетленные останки были перенесены из крипты кладбищенского Успенского храма в собор Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвиле.

Филистинский, Борис Андреевич (1905–1991). Писатель, литературный критик. Родился в Ставрополе в семье офицера. Окончил в Ленинграде Институт восточных языков (1928). Во время учебы в 1927 арестован на 2 месяца за участие в религиозно-философском кружке С. А. Аскольдова («Братство св. Серафима Саровского»). В 1936 окончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства. Повторно арестован в 1936; осужден на 5 лет. В лагерях Коми до 1941; по освобождении поселился в Новгороде. Оказался в зоне немецкой оккупации, в конце войны попал из Латвии в Германию. Жил близ Касселя под Мюнхеном, где началась его писательская деятельность. В 1950 г. переехал в США, профессор ряда университетов. Писал под псевдонимом Филиппов.

Филофей (в миру Владимир Евдокимович Нарко; 1905–1986), Архиепископ. Родился 21 февраля в с. Заноточки (Виленская губерния) в семье священника. Окончил Богословский факультет Варшавского университета (1929). Принял монашество (1928). Иеромонах (1928). Архимандрит (1934). Преподаватель и инспектор Варшавской Духовной Семинарии. Заместитель настоятеля Варшавского кафедрального собора. Магистр богословия (1937). Собором епископов Белорусской Автономной Церкви хиротонисован во епископа Слуцкого (1941). Архиепископ Могилевский и Мстиславский (1942). Самостоятельно управлял Белорусской Митрополией. В 1946 г. эвакуировался в Германию, где вместе с другими иерархами БПЦ принят в клир Русской Церкви за границей. В том же году назначен управляющим Гессенским (впоследствии – Северо-Западным) викариатством Германской епархии. Архиепископ Берлинский и Германский. С 1982 г. на покое. Скончался 24 сентября в Гамбурге.

Флавиан (в миру Федор Игнатьевич Дмитриюк; 1895–1977), Архиепископ. Родился 14 мая в с. Киевец Холмской губернии в семье псаломщика. В 1915 г. окончил Холмскую Духовную Семинарию. Диакон (1915). Священник (1915). Настоятель церкви с. Верещин Холмской епархии. Служил в храмах Москвы, Петрограда, затем в г. Котельнич, Вятской епархии (1915–1918 гг.). После революции в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. В 1938 г. был лишен польского гражданства как придерживающийся русской ориентации и подлежал выселению за пределы Польши, но этому помешала Вторая Мировая война. За его связь с партизанами в 1943 г. были расстреляны супруга, дочь Галина и ряд других близких родственников. После прихода Советской армии (1944) служил в Петропавловском соборе в г. Кобрине Брестской области, а с 1946 г. в Никольском соборе г. Бобруйска. Священник (настоятель) кафедрального собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону (1953). Принял монашество

(1955). Архимандрит (1955). Исполнял послушание секретаря и благочинного в Успенской Почаевской Лавре. Епископ Свердловский и Курганский (1958). В 1960 г. временно управлял также Челябинской, а затем Пермской (1960–1961) епархией. Епископ Горьковский и Арзамасский (1966). Архиепископ (1968). Скончался 3 марта. Погребен в ограде Свято-Троицкого кафедрального собора.

Форманчук, священник Феодор. Штатный священник Свято-Троицкого кафедрального собора в Нью-Йорке (в юрисдикции т.наз. «Американской митрополии»).

Х

Хеке, священник Павел. Немец, принявший православие. Учился на Богословском факультете Белградского университета. Стал священником. При окончании войны о. Павел был арестован коммунистами в Берлине и больше не вернулся к своей семье.

Ц

Цыбрук (Цебрук), протоиерей Симеон. Окончил Холмскую духовную семинарию (1905). Настоятель прихода в Лейно. В 1930-х гг. был благочинным г. Бельска (Польша). Скончался 5 июля 1944 г. в Бельске.

Ш

Шабашев, протопресвитер Александр (1881–1956). В эмиграции в Австралии (1923–1929). В 1925 году основал первый в Австралии русский приход св. Николая в г. Брисбен, где в 1933 г. был выстроен храм в русском стиле. Затем переехал в Бельгию. Протопресвитер. В годы Второй Мировой войны представитель Митрополита Серафима (Ляде) [см.] в Бельгии.

Шатилов, протоиерей Владимир (1923–1986). Родился 2 апреля в Сербии в семье б. офицера Русской Армии. В 1941 г. окончил кадетский корпус, воевал в Русском Корпусе в составе вермахта. В течение 5 лет оказался вместе с немецкими офицерами в плену в Александрии. С 1948 г. в Мюнхене, келейник м. Анастасия (Грибановского), см. Переехал с семьей в США, жил в Вайнланде, Наяке и Си-Клиффе. Диакон; законоучитель Свято-Сергиевской гимназии в Нью-Йорке (1970). Священник (1971).

Шауфус, Татьяна Алексеевна (1891–1986). Родилась в Киеве, где окончила Институт благородных девиц. Во время Первой Мировой войны окончила курсы сестер милосердия в Петрограде. Духовная дочь св. прав. Алексия Мечева. Ближайшая помощница о. Павла Флоренского. Неоднократно арестовывалась (в 1919, 1928, 1929). С 1933 г. в эмиграции: в Чехословакии (до 1938 г.), а затем в США. Вместе с дочерью Л.Н. Толстого Александрой основала Толстовский фонд для помощи беженцам. После Второй Мировой войны основала старческие дома для беженцев в Западной Европе и в Южной Америке.

Скончалась 25 июля в основанном ею доме Толстовского фонда для хронически больных в Валлей Коттедж (США).

Шереметев, Дмитрий Сергеевич (1869–1943). Родился 28 мая в Москве. Сын московского губернского предводителя дворянства, историка графа С. Д. Шереметева (1844–1918). Полковник, флигель-адъютант. Президент Союза русских дворян в эмиграции. Скончался 25 ноября в Риме.

Шкотт, Даниил Павлович. Русский эмигрант первой волны. Художник. Проживал в Касабланке, Марокко. Изготовил иконостас (выполнен в соответствии с многовековыми русскими классическими традициями) русской церкви Успения Божией Матери, открытой с 1935 г.

Шмеман, протопресвитер Александр (1921–1983). Родился 13 сентября в г. Ревеле (Таллине) в Эстонии. Окончил Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже (1945). Был оставлен при кафедре церковной истории. С 1945 г. начинает чтение лекций в Богословском Институте. В 1946 г. принял священство. Служил помощником настоятеля храма свв. Константина и Елены архимандрита Киприана. В 1951 г. переселился с семьей в Нью-Йорк, приняв приглашение Св.-Владимирской Духовной Семинарии. В 1959 г. защитил в Париже докторскую диссертацию по литургическому богословию. С 1962 г. – декан (Ректор) Св.-Владимирской Семинарии. Почетный доктор ряда университетов, член Митрополичьего совета, неустанный проповедник по приходам. Много выступал с проповедями по радио в передачах для России. Скончался 13 декабря.

Шустин, протоиерей Василий (1886–1968). Родился 18 мая в благочестивой семье. Студентом Электротехнического института в Санкт-Петербурге был близок к св. прав. Иоанну Кронштадтскому и прпп. Оптинским старцам. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. в Югославии. Преподавал физику в кадетском корпусе в г. Белая Церковь. Принял священство в 1930 году. 30 лет был настоятелем прихода в Алжире. Скончался 24 июля в Каннах.

Я

Якобий (Якоби), Иван Павлович. Публицист, историк, мыслитель последовательно консервативного и монархического направления. Сын известного ученого-психиатра и историка П.И. Якобия (Якоби; 1842–1913). Главный труд Я. – книга «Император Николай II и революция» (франц. изд. 1931; 1-е рус. изд. – Таллин, 1938; 2-е рус. изд. – М.; СПб., 2005) – был оценен по достоинству в период между двумя мировыми войнами во многих странах Запада, оказал существенное влияние на отношение русской эмиграции к Императору Николаю II как личности и Монарху, послужил делу осмысления судьбы России после революции, вызвав в монархических кругах большой резонанс. В зарубежной науке и публицистике нашла широкий отклик его трактовка происхождения и деятельности Жанны Д'Арк. Скончался 24 декабря 1964 г. в Брюсселе.

Основные источники:

1. Сайт «РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК» (составитель-администратор А.Л. Гуревич) // zarubezhje.narod.ru/index.html
2. Сервер «Русское Православие» // <http://www.ortho-rus.ru>
3. Корнилов А. А. Духовенство перемещенных лиц. Нижний Новгород, 2002.
4. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в 6 томах. Т. 1–5. М: Пашков Дом, 1999–2004.

Составитель – Г. Б. Кремнев

Иерей Андрей Папков Памяти епископа Митрофана (Зноско-Боровского)	4

Глава I

Ранние годы	15
Детские и отроческие годы. Брест-Литовск. Отец. Бегство – жизнь в г. Ельце, Орловской губернии.	

Глава II

Начальная школа. Гимназия. Семинария	22
Возвращение в г. Брест. Св. Николаевская Братская церковь. Русская гимназия и начальная школа. Сестры. Смерть брата – иерея Арсения. Мое бегство из гимназии в Кременецкую Духовную Семинарию. Варвара П. Гурская. Товарищи по гимназии. Елена И. Полонская.	

Глава III

Богословский факультет. Варшава	45
Богословский факультет Варшавского университета. Скандал в студенческой столовой. Вызов к Митрополиту Дионисию.	

Глава IV

Богословский факультет. Белград	51
Белград. Богословский факультет Белградского университета. Митрополит Антоний (Храповицкий). Монастырь Бэочин, Новый Сад. Студенческий Королевский Дом. Испытания характера. Св. Троицкий храм. Мои лучшие друзья. Политический донос. А. Ю. Геровский. Последние дни в Белграде.	

Глава V

В поисках невесты. Женитьба	66
Отказ отца в благословении на иноческий путь. У Митрополита Дионисия. Поиски невесты. Женитьба.	

Глава VI

На пути к рукоположению 75

У Архиепископа Александра Пинского и Полесского. Назначение на должность Настоятеля Брестского Св. Николаевского Братского прихода. Протест епархиального миссионера прот. Павла Калиновича. Прот. Иоанн Бекиш. У начальников Губернского и Уездного отделов государственной безопасности. Задержка с рукоположением во иерея.

Глава VII

Педагогическая деятельность 79

Законоучительство в русской гимназии г. Бреста в 1935/36 учебном году.

Глава VIII

Рукоположение во иерея. 84

Рукоположение во иерея. Отцы П. Калинович и И. Бекиш.

Глава IX

Собратья. Сослуживцы 85

По пути в с. Омеленец Высоко-Литовского уезда. Благочинный о. Сергей Дюков. О. Игнатий Романюк.

Глава X

Первые пастырские шаги 87

Первые шаги пастырского служения. Баптистский проповедник Лука Николаевич Дзекуц-Малей. Субботники в Омеленце. Деревня Подбурье. Случаи вразумления свыше отступивших от веры: пожар в Подбурье, обновление икон. Мое отношение к крестьянам. Слово под Новый Год 1937 г. Сосед о. Леонид Лагонда. Отказ от участия в чествовании любимого мной епархиального епископа. Последствия отказа.

Глава XI

Настоятельство в Брест-Литовске 101

Настоятельство в г. Брест-Литовске. Первые шаги. Староста Св. Николаевского храма – еврей Г. Н. Александровский. Регент Василий Д. Пантелевич, певчие, дьякон, паства, русские врачи. Угроза судом – воевода Костек-Бернацкий. Политика правительства в отношении Православной Церкви и русской национальности.

Глава XII

«Варвары» с Запада 115

Сентябрь 1939 г. Ротмистр Вайгт. За советом к преп. Онуфрию в Яблочинский монастырь. Встреча с прот. о. Ананией Сагайдаковским. «Варвары» с Запада. Мой дом – пристанище узников совести.

Глава XIII

«Знакомство» с НКВД 117

Встреча Красной армии. Антирусский характер советской власти. Смазчик смолой мусорных ящиков. У витрины бакалейного магазина. Первая встреча с солдатом-красноармейцем. «Хотим принять Православие». Священник с красным бантом. Вызовы духовенства в НКВД. Посещение г. Бреста Митрополитом Николаем (Ярушевичем). Бегущие от «Трех С». Встречи в моем доме и храме с офицерами и солдатами Красной армии и с их женами. Третий вызов в НКВД. Мои собратья в НКВД. Вызов в призывную военную комиссию. Девушка Таня. Мое материальное положение. Епископ Венедикт в Брест-Литовске.

Глава XIV

Во время оккупации 139

Первые дни немецко-русской войны. «Президент» Белоруссии г. Островский. Архиепископ Филофей (Нарко). Немецкие офицеры в храме. «Гитлер – Антихрист». Защита невинных. Борис Марушко. Забота о вдовах и сиротах. Соблазны и угрозы из Пинской духовной консистории. Владыка Венедикт снова в Бресте. Делегация украинских самостийников. Смерть брата Георгия и зятя р. Б. Мечислава, мужа старшей сестры. Фурулгейм.

Глава XV

Проблемы национальные и церковные 151

3-ий Донской полк Ермака Тимофеевича. В доме В. И. Криницкого. Аресты украинских деятелей. Угрозы и письма еп. Платона (Артемюка). Епископ Иоанн (Лавриненко). Духовная консистория Брестской епархии. Русская гимназия и педагогические курсы. Пощечины. Обращение еп. Иоанна к пастве. Погребение о.о. Ф. Туревича и И. Житинца. У Генерального Комиссара Волины и Подолья. Кончина папы. Мой уход из духовной консистории. «Перебежчик» Кирилл Васильевич Смольниченко и его советы. Митрополит Пантелеймон. Телеграмма из Вельска. Д. Вендель. Встреча в Вельске с Архиепископом Александром. Варшава–Ченсто-

хов-Вена. Епископ Павел (Мелетьев). Встреча в Вене с Юрием П. Граббе.

Глава XVI

Вена. Польша. Германия 180

Возвращение из Вены в Польшу – г. Полоцк – Калиш.

Снова в Германии: Берлин, Нидерзархсверфен (Тюрингия), Кассель, Менхегоф – лагерь Менхегоф.

Глава XVII

Северная Африка. Марокко 208

Северная Африка – Марокко. Русская колония и Русская Православная Церковь в Марокко после Первой Мировой войны.

Глава XVIII

Церковно-общественная жизнь в Марокко 215

Церковно-общественная жизнь в Марокко после Второй Мировой войны.

Глава XIX

Письма, размышления 286

Письма и размышления, относящиеся к марокканскому периоду.

Глава XX

В Соединенных Штатах Америки 350

Прохождение пастырской службы в Соединенных Штатах Америки.

Глава XXI

Скорби... скорби... скорби 399

Нападки врагов Церкви.

Глава XXII

Призвание к архиерейскому служению 438

Кончина Матушки. Призыв к архиерейству. Отказ. Монашеский постриг. Архиерейская хиротония. Слово при наречении во епископа. Из выступления на Архиерейском Синоде. Кончина брата. Слово к воспитанникам Свято-Троицкой Духовной Семинарии.

Проповеди 457

Словарь персоналий 547

Епископ Митрофан (Зноско-Боровский)

ХРОНИКА ОДНОЙ ЖИЗНИ

Редактор *Григорий Кремнев*

Художник *Константин Дьячков*

Компьютерная верстка *священник Сергей Осипов*

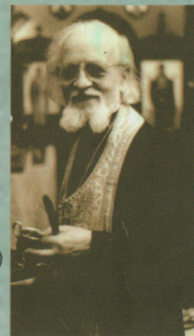
Издательство Свято-Владимирского Братства
101000, Москва, Старосадский пер. дом 11
Тел (095) 921-41-22. E-mail: stvladimirpress@mail.ru

Формат 60х90 1/16. Объем 37 п. л.

Тираж 1000 экз.

Зак. 23

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»,
248640 Калуга, пл. Старый торг, 5

Владыка Митрофан Бостонский (Зноско-Боровский) (+2/15 февраля 2002 г.) прожил яркую многотрудную жизнь. Его служение было связано с судьбами наших соотечественников, вынужденных оставить Россию после революции и второй мировой войны. Пятьдесят лет своего священства он окормлял православную паству в Польше и Белоруссии, в Германии, Австрии, Марокко и США.

На страницах воспоминаний читатель встретится с митрополитами Антонием (Храповицким) и Анастасием (Грибановским), владыкой Иоанном Шанхайским, видными деятелями Белого движения в эмиграции.

Последние 9 лет жизни владыка был викарием Восточно-Американской епархии с титулом епископа Бостонского. Он обладал огромным нравственным авторитетом, к нему шли за советом как священники, так и архиереи.

Издательство Свято-Владимирского Братства